

Марика Становой

**РОЖДЕНИЕ
ЭКЗЕКЮТОРА**

Добро пожаловать в мир кажущегося благополучия. Космическая империя, где нет болезней, голода и угнетенных, а избранные получают бессмертие, чтобы следить за миром и процветанием.

Император Джи един и вечен. К нему обращены молитвы, мысли и деяния. Но и он в стремлении к Идеальному миру не идеален. Он взрастил себе спутника — эзекутора Крошку — его подарок людям и кару. По желанию Джи Крошка изменяет свое тело, читает мысли, внушает эмоции. Она проводник воли Императора, его мыслей и чувств.

Как сохранить себя в водовороте голосов, желаний, событий? Как понять, кто ты, подчиняясь и подчиняя? И можно ли хотя бы остаться человеком?

Социально-психологическая НФ с элементами эротики и хоррора.

Марика Становой
Рождение экзекутора

*Осенние листья неслышно порхали вдоль ног у дорог.
А ветер вальяжный небрежно их в кучу большую сберег.
Вновь прыгнул скучающим тигром и снова конну разметал.
Рисунок души моей тихо вспорхнул и, разорвавшись, упал.*

(Случайная запись из дневника шестой Крошки)

Вдо-ох и выдох.

Крошка расслабилась. Дыхательная маска облепила лицо противной медузой, заткнув уши и не давая открыть глаза. Тело утоплено в проводящем растворе, и так надежно закреплено, что не пошевелиться. Голову сжимает обруч с пронзившими мозг электродами, но мысль... мысль свободна.

Вдох, выдох. Оставленная лаборантом глубокая круглая рана в подреберье благополучно зарастала, распространяя по всему телу волны тягучего тепла и тупой, словно окрашенной густо-малиновым, пульсирующей боли от ускоренной регенерации. Крошка отстранилась от этой привычной и даже ласкающей боли — тело само знает, что делать, а она пока отдохнет, ощущая себя маленькой капелькой, укрытой где-то внутри головы, за глазами. Эта капелька пряталась, сжималась и только самым кончиком длинного трусливого хвостика трепетала, сросшись со вздрагивающим сердцем. Вдох, выдох.

«Крошка, ты готова? Я вижу: рана уже зажила».

Тест еще продолжался, и впереди было самое трудное. Крошка боязливо всхлипнула, но затем почувствовала, что Джи взял ее всю целиком в теплые фантомные ладони, успокаивая и ободряя.

«Да, я готова».

«Найди Вика».

Крошка выпустила мысленный скан, облетая по спирали подземные этажи базы. Серые в ментальном зрении лаборатории. Светящиеся ауры людей и ажлисс... Казармы, гаражи, столовые и мастерские... Дальше! Многоцветье огоньков живых, глухое эхо андроидов и предметов, абрисы помещений и зданий. Императорские покои, жилые сектора, офисы и служебные помещения...

Еще дальше...

Арена, полигон, станция подземки, дорога в город... Люди, животные в парке... Выше...

А! Над полигоном висел маленький флаер, и в нём — мягкая и родная аура Вика, секретаря императора. Крошка безмолвно окликнула его, тронув волоконцем мысленного контакта.

«Привет, Крошка! — отозвался Вик. — Уже? Начинаем?»

«Да».

«Следуй за мной!» — Вик медленно полетел прочь.

А тело Крошки вдруг захлебнулось и выгнулось дугой, будто заживо сгорая в раскаленной магме, в которую превратился электролит. Крошку затопила жгущая боль, взрывающая тело и голову. Крошка металась, пытаясь улететь вслед за мыслью. Тянулась и билась, но не могла вырваться. Она была прикована намертво. Мысль свободна, говорил

Джи. Прими боль, говорил Джи. Пропусти боль сквозь себя, стань болью, и она поможет тебе, подтолкнет вдаль. Освободит скрытую силу. Но Крошка не могла. Боль не освобождала. Этот кошмар выедал тело изнутри и снаружи, а мысль билась в материальной оболочке, обгорая бабочкой в костре. Крошка чувствовала Джи, совсем близко — протяни руку и коснешься, он мог бы помочь! Но Джи закрылся. Она должна сама.

«Ищи Вика!» — ударило мысленное напоминание.

Но Вик потерялся. Она забыла про Вика. Крошка тянулась к Джи и не могла выбраться. Не могла прорваться сквозь монолит ужаса, раздавивший её волю, силы и желания. Остались только страх и боль. И она, сжавшись в маленькую песчинку, безвольно упала во всеобъемлющий мрак...

Тьма неслышно зажурчала стекающим электролитом, обнажила мокрую холодную кожу и ушла. Крошка очнулась и сразу же задохнулась слезами под маской. Тестер пережёвывает её вот уже десять лет, а она всё не привыкнет! Непроизвольно дернулась всем телом, пытаюсь вырваться из пут. Проверка закончилась, но боль продолжала вгрызаться в тело и душу, перемалывая каждую клеточку. Крошка заметалась мысленным сканом, нашла Джи — и он ответил, обволакивая её любовью и нежностью. Пустил её к себе и мысленно обнял, окутал своим сознанием. Внушением спрятал боль, замещая чувства её тела, согревая и создавая фантомы ощущений.

— Хакисс, результаты такие же, как и полгода назад, — Джи снял с её лица маску. — Зачем ты паникуешь? Ничего же страшного не происходит, ты не можешь умереть в тестере. И даже если умрешь, то это не смертельно, — губы Джи едва дрогнули, обозначая улыбку.

Хакисс отвела глаза, пытаюсь собраться с мыслями, с силами. По голому телу, несмотря на внушённые объятия теплых рук, пробежал озноб. Он назвал её Хакисс, не Крошкой, значит, действительно всё совсем плохо.

Ниша тестера бесшумно повернулась и встала вертикально. Лаборант наконец ослабил крепления, и Крошка ступила неверными ногами на скользкий пол. Дрожа, вытерла слёзы и, удерживая плач в больном горле, уткнулась лбом в грудь Джи. Он не любит, когда она плачет.

Джи выдернул у стюарда толстую мохнатую простыню, завернул Крошку с головой в уютное тепло и подхватил на руки, отсылая андроида за обедом.

Крошка расслабилась и положила голову императору на плечо. «Прости, у меня не получается. Это слишком больно».

Говорить вслух не было сил. Хотелось забыть ослепляюще-белый зал подземных лабораторий, всю эту императорскую базу вместе с бесполезными тренировками. И вот так раствориться в нежности и надежности, тепле и любви, исходящими от её Бога. Просто перестать быть.

— Ты должна пересилить себя. Пропустить боль сквозь себя, стать ей. И выйти за пределы, расширить свои возможности. Ты права, десять лет учебы, а ты вдруг сопротивляешься и боишься сделать еще один шаг, а я не могу понять, почему ты не хочешь. Ты же знаешь, что потом всё будет хорошо.

«Я сделаю тебе хорошо», — добавил он мысленно, убаюкивая внушенными нежными прикосновениями и фантомом счастья.

— Прости... — она не открывала глаз, погруженная в душевный контакт. Выдохнула и прижалась: вот так слиться и остаться навсегда... Выпустила тонкий усик мысленного скана... Нет, Джи идет не в императорские покои, а навверх, в старые казармы! К ней в комнаты. Это тоже нехорошо. Она надеялась, как обычно, после теста отдохнуть вместе с Джи — он бы её утешил, дал сил после убивающей проверки.

Они поднялись на маленьком лифте в коридор наземных казарм. Джи, на мгновение прижав ее крепче, стремительно прошел в узкие двери и сел на кровать. Крошка потянулась и спрятала лицо на его шее, прижалась губами и продолжила мысленные ласки легкими поцелуями. Потом, вдыхая обожаемый запах, стремясь оставить его с собой, остаться с ним, в нем, быстро тронула языком кожу под скулой. Выпустила из-под языка короткую мясистую трубочку жала и, посылая робкий вопрос, пугливо царапнула острым костяным кончиком. Она ненавидит пить кровь, но, может, так она уприсит его не уходить?

«Можно?»

— Нет, — Джи столкнул ее на постель и встал. — Умойся и поешь нормально. Как полагается. Потом можешь отдохнуть. Учись сама восстанавливать свои силы.

— А ты не побудешь со мной? — слова вырвались сами, уговаривать и просить не имеет смысла. И испугалась. Опять попросить прощения? Закуталась в одеяло и затихла в ожидании.

— Нет. Я недоволен тобой.

Разорвал ментальную связь, закрылся от неё и ушёл.

В маленькой комнате на огромной кровати взорвались пустота и одиночество.

Словно в первый день.

Словно она опять маленькая неумеха! Потерянный ребенок!

Хакисс расплакалась: не получается у неё стать настоящим экзекутором! Она не может даже научиться спокойствию! Он ушел, и без него совершенно невозможно! Она знает, что всё пишется в дневник — и пусть! Он увидит, как ей было плохо! А что если система указала не того ребенка? И она никогда не сможет? И всё зря! Хакисс отшвырнула подушку, закусила одеяло и глухо застонала.

Вскочила с кровати и выхватила из шкафа домашнюю одежду теломорфы Стива. Не расстегивая застёжку на плече, продрала голову в горловину, рывком натянула свободные штаны и, сдерживая слёзы, выскочила на террасу. Ну и пусть! Она уйдет на остров! Только зверики любят её с удачным испытанием или без!

На берегу озера толпилось около двадцати отдыхающих гвардейцев. Целый отдел. Делать им прямо с утра нечего? Кто-то плавал, а остальные валялись на берегу или играли в «кривой мяч», пытаясь попасть по левитирующей над водой мишени летящей по синусоиде битой. Хакисс напустила на них фантом, одурила гипнозом, заставила не видеть себя и пробежала вокруг пляжа по короткой траве лужка к маленькому мысу у самого леса, через кружевной мостик на звериный остров. Её личную сказку. Её собственный мир.

Выросшие вместе с ней и теперь достающие головами прямо под руку Тигра, Дракошка и Единорожок сразу выбежали навстречу, как только она переступила невидимую границу и остановилась, всхлипывая, на теплом белом песке перед тремя цветными домиками.

— Не плачь, — белый Единорожок склонил голову, и из его глаз покатались редкие крупные слёзы.

Хакисс протянула руки, и Тигра прыгнула в объятия, замурчала, обхватила лапами. Быстрый горячий язык суетливо вылизал глаза.

— Не пла-ачь, — Тигра положила голову хозяйке на плечо и лизнула в ухо.

— Я не смогу! — Хакисс зарыдала и влезла в тигриный домик, прижимая к себе пушистого зверика, чье сердечко билось в унисон с её собственным... Упала на овальную подстилку тигриного гнезда и изо всех сил вцепилась в любимую игрушку, как в спасительную скалу во время шторма. Единорожка с дракончиком заскочили следом, легли

рядом, утешая и нашёптывая свои игрушечные глупости.

Хакисс была безутешна. Никто не может успокоить ее так, как Джи. Ни с кем она не бывает так счастлива, как с ним! И так несчастна без него! Крошка плакала, захлебываясь и чувствуя, что всё глубже погружается, всё сильнее запутывается в счастье и печали, попеременно переполнявших её сердце. Безбрежная радость, когда она была рядом с императором, сменялась на бездну грусти и отчаяния, когда Джи оставлял её. Волны слишком сильных переживаний бились бесконечным прибоем, бились вместе с пульсом, пробирались в сердце. Ручейки эмоций растекались, разветвлялись и сливались в океан, который наглухо изолировал её. Накрепко привязал к императору, скрыв ее душу от остального мира. Ей казалось, что она тонет, брошенная в ураган, и единственное, что удерживает её на плаву, это бесконечно преданные зверики, которые всегда любят её.

Она хотела так и уснуть, в объятиях своих игрушек, но пришел Генри и увел её домой.

— Я тебя сейчас вымою, накормлю, и ты поспишь. Горячая ванна тебе поможет, ты согреешься и отдохнешь. А вечером сходишь в город, погуляешь.

— Отстань, я ничего не могу и не хочу! — глотая слезы и выбираясь из тигриного убежища, ответила Хакисс. Обязанности! Даже личное время и то всё расписано заранее!

— Крошка, ты умница и единственная, кто может! Ты еще немножко постарайся, и император будет гордиться тобой. Ведь ты его частичка, — тихо приговаривал Генри и взял её на руки.

Хакисс спрятала лицо на плече у стюарда и снова одурманила играющих гвардейцев. Ещё не хватало, чтобы эти веселящиеся лбы видели заплаканного экзекутора, бегущего туда-сюда.

Но стоило Генри войти в комнату, как Хакисс вывернулась и встала на ноги.

— Что я, ходить не могу? — она потащила в гигиенический угол, занимавший почти треть комнаты.

— Забирайся, я тебя вымою, — включил Генри обычные стюардовские комментарии. — А ты согреешься в воде и поешь, а я в это время высушу и заплету тебе косу.

— Уймись! — Хакисс возвела глаза в потолок и легла в успокаивающее тепло и положила голову на подставку. Внушенная боль исчезла сразу, как выключился тестер, рана, откуда брали пробы тканей, тоже заросла еще во время проверки. Но чувство, что её душу разорвали, а потом кое-как запихали обратно, это странное ощущение саднило, болело вместе с обидой и обречённостью. Хотелось сделать себе больно, всадить нож в подреберье! Чтобы Джи взял на руки, утешил, сделал хорошо...

Но она отдохнет, восстановит силы, и все закрутится сначала...

Вялая после купели, она позволила стюарду перенести себя на кровать, затащила с собой под одеяло и так, на руках андроида, привычно слушая его сердце, уснула.

И к ней пришло воспоминание о самом первом дне на базе.

Вернешься, вернешься, по пыльным холодным дорогам
По серым пескам, утонувшим в седой тишине,
По боли разбитых судеб, по векам, облакам и тревогам,
Сквозь алые капли огня или слез ты вернешься ко мне...

Маленькая девочка проснулась и села, а на неё ласково смотрел... Она была уверена, что видит этого красивого темноволосого и синеглазого мужчину впервые, но поняла: она знает, кто это. И знает, где это, и даже что это все вокруг. Она сидела в инкубаторе в своём тренажерном зале... Своём тренажерном зале?! Никогда не видела ничего подобного! Столь огромного зала с тренажерами и тиром в дальнем конце. Но знает здесь всё? Она раньше никогда здесь не была! А где она была? Страх шевельнулся и вдруг стал незаметным, словно прозрачная занавеска на окне, отодвинутая в сторону заботливой рукой. А тут нет никакого окна, большой зал под землёй, тут не может быть окон. Что-то странное зашептало изнутри — тело показалось невесомым. Стало спокойно и радостно. Возникло приятное ожидание, словно пришёл праздник, и вот-вот начнут раздавать подарки. Чувства рождались внутри и порхали в ней, вокруг нее, и она сама парила вместе с ними. Девочка с непониманием закрыла глаза и задержала дыхание, прислушиваясь к себе, и вдруг её тело само встало и потянулось к синеглазому мужчине, с улыбкой наклонившемуся навстречу. Она изумленно раскрыла глаза и оказалась у него на руках, на руках у... царя?

«Джи», — его имя всплыло в голове.

— А ты — Крошка, — Джи прижал ее к себе и поцеловал. — Ты рада?

— У тебя смешное имя! Ты царь? — и снова удивилась: она говорит на новом языке!

— Нет, Крошка, я император, но для тебя я всегда буду Джи.

— Но меня зовут Хакисс, — неуверенно выговорила девочка. Кажется, её зовут Хакисс? Странная смущающая пустота была внутри. Она не помнила ничего! Она родилась только что? Но никто так не рождается... А сколько ей лет? Она не помнит! Она ничего не помнит! И она точно тут никогда не была!

— А где я живу?

— Теперь твой дом здесь!

Теперь? А где её дом был раньше? Тревога, так и не родившись, затихла и исчезла. А странная, слишком яркая радость пропитала воздух.

Она обняла и поцеловала Джи. И это ее тело сделало само! Но было так хорошо, счастье просто переполняло ее! И она, теперь уже по своему желанию, изо всех сил обняла Джи — она его сильно-сильно любит! Она никого так сильно не любила!

— Я буду звать тебя Крошка. Ты — моя частичка, ты будешь жить со мной, — засмеялся Джи, подобрал её и снова поймал, прижимая к себе. Она закрыла глаза и положила голову ему на плечо. И Джи понес ее по белым коридорам.

Хакисс чувствовала необычный восторг, она почти не видела ничего вокруг, совершенно не боялась и уже не удивлялась. Блаженство и благодарность затопили ее, река счастья несла и укачивала. Она словно попала в сказку, в волшебную империю! А император такой красивый и добрый, он будет заботиться о ней!

Немного впереди шел высокий парень. По коже рук, от пальцев и до локтей, вились темно-коричневые цветочные узоры, словно фигурный загар... Генри?

— Да, он принадлежит тебе, это андроид, твой стюард, — услышал её мысли Джи. — Он будет тебе во всем помогать, а ты должна его слушаться. Когда ты вырастешь и всему научишься, он будет слушаться тебя.

Джи прижал Крошку к себе, поцеловал в щеку, и её снова обхватило радостью и теплом. Она была так счастлива... и не задумывалась, почему. Ей просто было хорошо. Она даже не

смотрела, куда они идут. Поднявшись на лифте, они вышли в длинный светлый коридор со множеством дверей. Девочка запрокинула голову: сквозь прозрачный свод потолка светило солнце.

— А вот и твои комнаты, — Генри толкнул дверь вбок, и Джи нежно спустил Крошку с рук. Хакисс была разочарована. Она ожидала увидеть спальню принцессы, а тут обычная маленькая комнатка со столом и диванчиком... Она пробежала по узкой комнате к прозрачной стене напротив. За стеклом, сразу за низкой террасой, зеленел цветущий луг, а вокруг лес со всех сторон. А справа озеро. Крошка оттолкнулась руками от стекла и обернулась. И теперь большой стол с экраном почти во всю стену оказался слева, а справа — плоская софа в нише пустых книжных полок. Хакисс пошла в другую комнату, отодвинув узкую дверь (О, она знает, что дверь надо двигать, а не открывать!) и обиженно воскликнула:

— Но тут ничего нет!

Во второй комнате не было даже окна! Прямо у входа стояла узкая кровать, а почти до середины комнаты из дальнего угла вылезала полукруглая светящаяся стена. За ней оказалась громадная зеркальная ванная комната с маленьким бассейном.

— Это твои комнаты, — голос Джи оплетал Крошку: он словно расцветал внутри неё и одновременно Крошка слышала его. — Ты потом сама всё сделаешь так, как захочешь. Но сначала ты будешь учиться, чтобы помогать мне и людям. Ты хочешь научиться летать?

— Хочу!

— Ты научишься. Тебе надо научиться управлять своим телом. Иди сюда, смотри, — Джи позвал ее обратно и посадил на высокую мягкую табуретку к столу. — Попробуй вырастить у себя пёрышки. Хотя бы на одном пальце. Вот, тут лежит перо, рассмотри внимательно, как оно устроено. На экране ты сможешь посмотреть, как оно растет у птиц. Генри тебе поможет включить систему. Постарайся увидеть себя изнутри, найти свои растущие клеточки на руке и заставить их расти так, как тебе надо. Я приду завтра и все проверю.

Джи ушел. А Генри остался и присел на диван за ее спиной. Девочка растерянно сидела и смотрела на перышко. Тут нет даже книжек! Тут нет даже визора и игрушек! Она вдруг ощутила странную пустоту в себе и вокруг. Как будто она спала, согретая под теплым одеялом, и вдруг ее выкинуло с кровати в ночь и широкое поле. И никого вокруг. И почему она ничего не помнит? Слезы набежали и вырвались сами. Как же она не любит плакать! И не будет! Она затряслась, сдерживаясь и задыхаясь, но тут Генри взял ее на руки.

— Можешь плакать, я тебя пожалею, я знаю, тебе сейчас грустно. Это все потому, что Джи ушел. С ним тебе было лучше, да, Крошка?

— Я не Крошка! Я ничего не помню! — она разрыдалась на теплой груди андроида, с удивлением услышав стук его сердца. — Я тут никогда не была! Где я живу? Где мама и папа? Мои родители умерли? Я не знаю, я ничего не знаю!

— Тебе никто не нужен, кроме императора, — вытирая слезы и прижимая её к себе, утешал Генри. — Когда рядом Джи, то всем людям хорошо, а тебе всегда будет лучше всех. Ты научишься и сама будешь как император. Тебя все будут любить, как императора. Ты будешь для него и для всех самым дорогим подарком. Неважно, как тебя звали раньше, у тебя будет много имен. Неважно, что было раньше. Твоя жизнь началась сейчас.

— Моя мама умерла? — Хакисс даже перестала дышать. Она не помнит, но у нее была же мама? У всех есть мама!

— У тебя нет родителей, у тебя есть Джи.

— Я сирота? — Хакисс с трудом сдержалась, чтобы не заплакать снова. У неё нет родителей?! Она ничего не помнит!

— Нет, ты теперь ажлисс. Император заботится о тебе и стер из твоей памяти всё ненужное. Ты как бы снова родилась. Ты родилась для Императора в новом теле, теле ажлисс. И тебе нельзя ни с кем говорить без разрешения. Только со мной и с Джи.

— Почему?

— Ты не обычный ребенок, ты экзекутор!

— Кто? — удивилась девочка, понемногу переставая плакать и прислушиваясь к биению сердца в груди стюарда.

— Ты — частичка императора, его рука, его единственный близкий человек.

— У императора нет жены?

— Нет, он же сноваживущий — ажлисс. Вспомни: семья и дети бывают только у людей. Когда человек становится ажлисс, то отказывается от личного в пользу общечеловеческого, потому что все люди как бы дети ажлисс. Император тоже живет один, но ему можно иметь спутника. Он нашел тебя, теперь ты его частичка и будешь с ним навсегда.

— А у тебя татуировка на пальцах...

— Нет, это не татуировка, это просто пигментация, как у всех андроидов. Но ты же всё знаешь — всё, что надо, есть у тебя в памяти. Люди могут украшать себя, как хотят, но ажлисс не портят свое тело...

— А у тебя есть сердце? — вспомнила Хакисс, послушно пересаживаясь к столу. Столько всего нового! Ажлисс... Вот про ажлисс она что-то помнит?

— Конечно, есть. У меня такое же тело, как у тебя, только я не родился. Меня сделали специально для тебя, и у меня внутри био-компьютер с программой вместо живой души.

— А у меня есть душа? — задумчиво протянула Хакисс. — Мне казалось, я слышала, как Император говорит у меня внутри.

— Всё живое имеет душу. Душа постоянно излучает биополе — это как невидимый человеку кокон вокруг тела. Но ты ажлисс. А ажлисс могут видеть и слышать мысли, сливаясь биополями. Император очень сильный ажлисс и может вытягивать биополе в длинное щупальце или раскидывать сетью. Это умение называется скан. Джи может на большом расстоянии присоединяться к душам живых существ и даже управлять ими, резонируя и катализируя их ощущения. Император говорил с тобой, пользуясь сканом. Ты будешь как он. А сейчас положи руку вот сюда, на панель, тебе надо учиться!

Генри взял ее руку и положил ладонью на черный блестящий прямоугольник, врезанный в стол. Перед ней на стене включился экран. Побежали картинки, и Генри помогал ей, что-то объяснял, но она все равно почти ничего не понимала. Как увидеть себя изнутри? И эти клеточки, где они? А как вырастить перышко? И почему она ничего не помнит? Когда она снова была готова расплакаться, Генри выключил экран.

— Тебе достаточно на первый раз! Пойдем, я покажу тебе твои игрушки! — стюард подошел к прозрачной стене и коснулся пальцами нарисованного на высоте пояса квадрата. Стекло расколосось вертикальной трещиной, и половина спряталась, открывая выход. Генри шагнул на террасу, с неё — на коротко скошенную траву и повернул направо к озеру.

Хакисс пошла следом. Белый камень террасы отливал голубым. Прозрачный синий навес сливался с небом, держался на витых тонких столбиках и тянулся налево до конца здания. Её дверь-окно оказалось последним в ряду. Хакисс спрыгнула на луг и оглянулась.

На углу второй половины дома были закрытые высокие ворота, и от них широкой петлей заворачивала за угол песчаная дорога. Неинтересно.

Хакисс побежала за Генри к большому озеру. Разные и незнакомые деревья тихо шумели под слабым ветерком и колыхали разлапистыми резными листьями или длинными мягкими иголками. Из-за дома к шуму деревьев примешивался шум машин.

— Там дорога? — махнула девочка рукой за спину, догоняя андроида.

— Дорога далеко, это шумит полигон. Гвардейцы тренируются.

Девочка оглянулась:

— Вон дорога!

— Это местная дорога, она проходит только по базе.

— А что там? — Хакисс указала на ворота.

— Там, в закрытой части здания расположены конюшни и бассейн, а внизу под землей находятся лаборатории и комнаты императора. Но ты ещё маленькая, и сама никуда ходить не можешь. Двери тебя не послушаются. Пока ты не вырастешь, ты будешь ходить со мной или с императором.

— А кто живет в тех других комнатах рядом с моей?

— Гвардейские офицеры, остальные живут в казармах с другой стороны или внизу.

Они прошли по песчаному пляжу почти до самого леса, а там по кружевному нежно-прозрачному мостику перешли на остров. А на острове!..

На острове оказался маленький, как игрушечный, парк с узкими дорожками из того же белого песка и сказочными домиками, спрятавшимися за кустами с яркими цветами. А из домиков вышли ей навстречу смешные, чуть выше колена, зверики: тигрик, единорог и дракончик.

Крошка ахнула и присела.

— Это мои игрушки?! Они живые?

Генри засмеялся:

— Конечно, живые! И, да, они твои.

Тигрик открыл пасть и сказал:

— Здравствуй! Пойдем играть?

Девочка схватила тигрика на руки: он был теплый, бархатный и громко мурлыкал. А белоснежный единорог сверкал на солнце, словно обтянутый гладким шелком! Дракон же оказался прохладным и с шершавой бугристой чешуей. И все умели говорить, и все они были её! У тигры в домике были мячи и бантики на веревочках, у единорожки — расчески для гривы, а дракон сказал, что он пока только плавает недалеко в пруду, но потом отрастит крылья и научится летать!

Генри терпеливо сидел на берегу у раскидистого дерева, и позвал девочку только когда солнце совсем скрылось за домом, а на пруд напозла вечерняя тень.

— Крошка, нам пора возвращаться, а твои игрушки останутся тут.

— Можно я возьму с собой тигру?

— Нет, им нельзя на базу, но они знают правила и никуда с острова не уйдут. Они твои и всегда живут на острове. А завтра ты придешь к ним снова.

Они вернулись так же, через окно, и Генри оставил ее одну. Сказал, что пошел за ужином. Хакисс зашла в ванну и помыла руки — вода текла сама, как только она приближала к крану ладони. Вернулась в комнату и увидела за изголовьем кровати узкую дверь, которую не заметила раньше. Там была пустая темная кладовка с решеткой в полу и

странным запахом. Как будто кто-то умер. И еще — цепь с железным ошейником. Тут была собачка? Внутри дома на цепи? Крошка тихо закрыла дверь и пошла посмотреть, что есть в шкафу. Дверцы и ящички занимали всю стену, но и они разочаровали её: пустые полки, опять пустые полки, разная обувь, вот одежда как будто для нее, одежда для мальчика, а вот эта на кого-то постарше, а эта вообще на взрослую тетку, а тут опять ничего нет... И там пусто, и тут... Но в одном из отделений оказался охотничий нож на ремне. Она села на пол и вынула клинок из кожаных ножен. Красивый! Нож тяжело лежал в руках, а на конце рукояти переливался скрытым огнем темно-бордовый камень. Она погладила его кончиками пальцев — камень отозвался, сверкнув малиновой искрой. Наверное, настоящий рубин. Какой большой! Нож казался острым, и она осторожно провела пальцем по лезвию, чтобы как полагается попробовать его остроту. Но она не почувствовала лезвия, оно вдруг прошло насквозь и отрезало ей кончик пальца, как будто пальца там вовсе и не было!

Она бросила нож — он воткнулся в пол, как в пластилин! И остался торчать в ковре. А она зажала указательный палец другой рукой и прижала кулак к груди. Обрубок болел, и Крошка тихо захныкала. Теплая кровь промочила футболку, и та противно прилипла к телу, а Крошка в испуге смотрела на маленький белый кусочек — кончик своего пальца на сером полу. Из кусочка вытекла капелька крови... Красная капелька на сером ковре. Вот, не надо было брать чужие вещи. Сейчас придет Генри и будет ругаться!

Но Генри пришел и совсем не ругался. Поставил поднос с ужином на пол, схватил ее и отнес в ванную. Скинул с нее сандалии, посадил прямо в одежде внутрь огромной ванны и включил воду.

— Потерпи, Крошка, сейчас у тебя все заживет!

— У меня не будет пальца! — расплакалась девочка.

— Глупости! Все у тебя будет! Ты же ажлисс! Смотри, уже ничего не течет! — и Генри разжал ей кулачок. — Видишь? Опусть его в воду и смотри.

Страшный обрубок пульсировал болью и прямо на глазах медленно затягивался новой розовой кожицей.

— Вот, а завтра к утру у тебя пальчик дорастет, и ты будешь как новенькая! Немного еще болит, но уже не так сильно?

— Нет, не сильно, — всхлипнула Крошка.

— А раз уж ты в ванне, так я тебя умою, — и Генри снял с нее испачканную футболку и запыхавшиеся в песке острова шорты.

Потом завернул в махровое полотенце, отнес на кровать и поставил ей поднос на колени.

— Генри, прости меня, я влезла в шкаф и взяла без разрешения нож, — наконец решила она, открывая теплые коробочки. В ближайшей вкусно пахла корицей сладкая каша, в другой лежали кучкой маленькие пирожки.

Генри присел на кровать и положил рядом нож.

— Крошка, ты не должна просить прощенья, это твой нож. Это я виноват, не уследил за тобой. Смотри, если камень горит — значит, включено силовое поле и этот нож может разрезать все, что угодно. Почти все, что угодно. А теперь дотронься до него и погаси. Камень погас — и теперь это обычный острый нож.

— Это мой нож? Но у него длинный пояс!

— Я переделаю пояс для тебя. Завтра у тебя будет нож на поясе специально по твоему размеру.

— Спасибо, Генри. А тут была собака? Там в кладовке лежит цепь с ошейником.

— Нет, это не кладовка, это твой карцер.

Хакисс испугалась. Зачем ей пустая темная комната с дыркой в полу? И цепочка с ошейником?

— Для меня? — Девочка недоверчиво засмеялась. — Я не собака, мне не нужен ошейник! Я не хочу эту комнату!

— Если ты будешь себя хорошо вести, ты в нее не попадешь! А теперь спи!

Генри ушел. Палец и на самом деле потихонечку рос и болел совсем немножко. Она чувствовала, как внутри раны что-то распухает, давит изнутри и растет. Полупрозрачная стена ванной освещала пустую странную комнату, в которой полно следов других людей. За головой тихо маячила закрытая дверь в еще одну странную комнату, где ее могут запереть, и она может там умереть, как та собака, которая там точно умерла, где всё ещё пахнет мертвечиной. Было немного страшно, было жалко себя, хотелось домой... и понять, где этот дом, и почему она ничего не помнит. Хакисс опять расплакалась. Но вернулся Генри, поднял ее, завернув в одеяло, и, успокаивая, отнес к императору. Джи, мягко улыбаясь, взял ее на руки. Ее снова охватила бесконечная радость, и она блаженно уснула, начав рассказывать о зверятах, о том, как она случайно порезалась. Но даже не успела достать из-под одеяла руку и показать раненый палец.

* * *

После неудавшейся стимуляции Джи решил сам отнести Крошку. Она могла бы дойти, но он позволил себе это небольшое чистое наслаждение — нырнуть с головой в источник чистой любви. Эта крошка, шестая в коллекции, на удивление наивна. Прикоснуться к ней — словно погладить маленького щенка и получить квинтэссенцию восторга из его глупенького сердца прямо в свою душу. Несёшь её и, кажется, вот она — готовая цель и долгожданный результат! Но любой детеныш вырастает и Крошка уже близка к взрослению... Приходит время проверки и отшлифовки и у этого довольно удачного образца. Еще немного и станет ясно: не зря ли десять лет потрачено на неё. Первых двух ажлисс, ставших экзекуторами, пришлось уничтожить. Четвертый сух и скучен, пятый и третий нестабильны...

Джи, старательно пряча сожаление, разорвал мысленный контакт с Крошкой и, вместо того, чтобы вернуться на свое рабочее место в лабораторию морфологии, спустился из казармы прямым лифтом в бордовый отсек. Прошёл направо по длинному и безлюдному коридору и аккуратно закрыл за собой непроницаемые и закодированные двери «крошкиного» тренажерного зала. В это время на этаже встречаются только андроиды и роботы техслужбы с откорректированной программой, а они Императора не регистрируют.

В дальнем углу, за тиром, открывалась тайная нора в личные покои Императора. Джи закрыл глаза и переключился на видение сканом. Еще двадцать минут быстрой ходьбы в кромешной тьме изошрённо сделанного прохода — даже при свете тут можно переломать ноги — и Джи остановился и сбросил в ладонь браслет коммуникатора. За дверью комнатка Эжа — личного стюарда. Активировал ключ на комме, выключил анроида и открыл дверь.

Эж тихо лежал на полу прихожей с закрытыми глазами, сложив татуированные руки на груди. Вот она выгода биомеханических слуг — подправил память и словно ничего было.

Это вам не проблемы с живыми: вроде бы стер и запрятал воспоминания в самые глубокие недра, а оно подло оживает перед глазами, особенно когда совсем не ожидаешь...

Эж пока поспит — свидетели не нужны, даже андроиды.

В кабинете Джи надел шлем полного погружения и лег в кресло у рабочего стола. Сверил часы — пришло время редкого контакта с Гайдерой.

Мысленно вошел в систему, присоединился к порталам и послал сигнал сквозь огромную тьму космоса.

«Тоф?»

«Приветствую, Джи. Но я не пользуюсь этим сокращением», — перед внутренним взором Императора появился абрис экрана и широкоплечий ажлисс в полумаске, скрывающей нижнюю половину лица.

«Мне нужна твоя помощь, как мы договаривались. Крошка не раскрывается. Я подмену невесту правителя. Вместо запланированной девушки приедет экзекутор. У тебя все готово?»

«Я всегда готов, — ажлисс опустил голову в знак согласия, продолжая смотреть исподлобья. — Но я бы хотел знать, как ты защитишь меня».

«Она будет заблокированной, и её скан будет на уровне ажлисс. Она сможет влезть в тебя или увидеть твое биополе только через телесный контакт. Поэтому твоя цель — не дать до неё дотронуться ни одному из наших и не подставиться самому. А твой дневник... При таком обилии информации, которая в него пишется, закономерно, что система время от времени спотыкается и дневники некоторых ажлисс неполные. К тому же дыру практически невозможно заметить или доказать — надо сначала найти этот разрыв и нестыковку, то есть просмотреть огромные куски записи в реальном времени.

При возможной проверке дознаватели ничего не разгласят — ты должен помнить, что ты работал по личному приказу Императора. К тому же дознаватели еще не скоро к тебе придут — ты недавно был на исповеди. Потом все забудется, сгладится. Если возникнут еще проблемы, то я их решу».

«Я даже не сомневаюсь, что ты вывернешься! Как тогда после смерти Джи ты вынул из кармана трюк с завешенными на себя порталами. Когда ты успеешь её натаскать? Здесь слишком замотанные ритуалы, невесты учатся годами. Я после замены несколько раз чуть было не прокололся и полностью адаптировался только через пару лет...»

«Не бойся, она будет недолго в Цветнике. Яр сообщил о девяностопроцентной готовности».

«А как ты ее заберешь, если она раскроется?»

«Тоф, это не твое дело. Приготовься к приему».

«Слушаюсь, мой Император!» — ажлисс в маске старательно изобразил поклон и отключился.

Джи убрал шлем в ящик стола, активировал стюарда и вернулся в лабораторию.

Каждый ажлисс, не напрасно проверенный дознавателями до самых потаенных уголков души и совести, старательно работал на своем месте. Сложный, но выверенный механизм Империи успешно жил и функционировал даже тогда, когда император углублялся в любимые научные исследования, отрываясь от дел государственных. Но вот последний винтик немного капризничает. Джи вздохнул и прислушался — Крошка опять в истерике и не чувствует его осторожный скан. Ребенком она регистрировала даже мимолётный контакт, а сейчас настолько самоуверенна, что умея больше, стала небрежна и невнимательна.

С Гайдеры приходит обнадеживающая информация, и всё там готово. Можно испробовать классический способ стимуляции исполнительских способностей. С теми, кого она не будет беречь и охранять, раз мягкая методика на этом исполнителье не работает. Будет жаль, если Крошка так и зависнет на начальной стадии. Тогда она будет слишком слаба для запланированной роли, и опять придётся снова искать, снова учить... А времени для создания нового исполителя осталось не так уж много...

Джи начал корректировку данных в прозрачных контейнерах с полуспящими моделями генетического эксперимента, продолжая самым краешком внимания следить за засыпающим исполителем. Надо же, ей снится первый день. Джи улыбнулся про себя, присоединяясь к воспоминаниям.

Тогда, в первый вечер Крошка уснула у него на руках, и он переложил невесомого ребенка на постель, усиливая сон фантомом. Детёныш будет ещё крепче спать после целого дня новых впечатлений и учебы.

Джи разделся и лег рядом, положил руку на щупленькое тельце — так ментальный контакт был проще и легче. Личинка обещает вырасти в некрупную особь, что удачно соответствует его планам. Он даст ей вырасти естественно — будет больше времени приручить и воспитать Крошку. Возможно, этот экземпляр получится более зависимый. Прошлый, пятый исполнитель сорвался с крючка и пришлось его убрать в запасник. Так что на этот раз не будем нарушать правило: чем больше возможностей, тем больше ограничений.

Утром угловые светильники начали изливать в императорскую спальню свет восходящего солнца, и Джи проснулся. Рядом — новая Крошка. По твердо устоявшейся привычке, не шевельнувшись, не открывая глаз и даже не сбиваясь с дыхания, просканировал окружающее и себя. Все правильно, все стабильно. Тело соответствует человеку, прожившему около тридцати лет здоровой жизни, обновлять его еще нескоро. В кабинете его собственный стюард Эж почувствовал проснувшегося хозяина и начал сервировать завтрак. Там же чинно ждал на диванчике, когда его позовут, Генри, стюард Крошки, держа на коленях одежду для своей подопечной. Новая Крошка. Джи открыл глаза, глубоко вздохнул и с наслаждением потянулся. Вот уже все давно известно, давно обыграно, пережито и отброшено, а в начале старого пути почему-то снова проклевывается из неизвестных недр еле слышное чувство ожидания, легкая надежда на возможный сюрприз. Джи повернулся, приподнялся на локте и посмотрел на закопавшегося в одеяло ребенка. Даже с нежностью посмотрел, что приятно его удивило. И хмыкнул, обнаружив это эфемерное чувство. Зато его собственный подарок, его собственный эксперимент беспечно спал, совершенно не задумываясь о своей судьбе и целях. Маленькая личинка, возможно, великого будущего спала, свернувшись в клубочек, и от всего этого будущего был виден только кончик носа и приоткрытый рот. Джи посмотрел на ее мысли — они так же безмятежно спали, как будто это не ее мир исчез вчера навсегда вместе с ее прежней примитивной жизнью.

Он резко сдернул с нее одеяло.

Девочка мгновенно проснулась, и, как маленькая пружина, сразу отпрыгнула и сжалась у спинки кровати, краснея и прижимая к груди колени. А потом неуверенно опустила одну руку, змеиным движением ухватила одеяло и медленно потянула его на себя. Стараясь не шевелиться, скосила глаза, быстро оттопырила и осмотрела свой палец.

Глупая! Джи усмехнулся — нет и следов травмы! И, перекинув ноги на ее половину кровати, сел, спокойно смотря ей в глаза. Ах да, в этих диких мирах бояться собственного тела. И он почти невесомо провел пальцами ей по щеке, запуская ей в голову щупальце скана, мысленно успокаивая наведенным фантомом. Крошка, поддаваясь, сразу расслабила плечи и выпустила одеяло. Коленки так и остались плотно прижатыми к тельцу тонкой напряженной ручкой, зато взгляд загорелся искренней любовью. Волосы всклокоченные, надо напомнить Генри, чтоб заплетал ей косу на ночь, это же не дикое животное, а экзекутор.

— Ты не должна стыдиться или бояться меня. Ты — моя часть. Я никогда не сделаю тебе ничего плохого. Я просто буду учить тебя, как владеть новыми способностями. Вставай и одевайся, а потом позавтракаешь со мной и пойдешь тренироваться.

Джи убрал фантом, пусть сама привыкает! Девочка снова покраснела, опустила глаза и медленно начала сползать с кровати.

Сегодня целый день рабочая рутина, поэтому можно одеваться по-домашнему, и будет время позаниматься с Крошкой. Начать же можно прямо сейчас. Он взял одежду и пошел в ванную, но сначала мысленно позвал стюарда Крошки. Генри вошел и немедленно забормотал своей подопечной ласковые слова. Джи удовлетворенно подумал, что как нянька Генри — очень удачный вариант, и Крошка к нему быстро привыкнет. Усмехнулся, увидев сканером, как девочка снова нырнула в постель, опять краснея.

«Все сначала, все сначала...» — вздохнул Джи и закрыл за собой дверь. Но новая Крошка выглядит поустойчивее. Пока никаких истерик, не боится, не слишком тоскует. Может быть, теперь больше повезло с выбором. Система дала несколько вариантов подходящих к эксперименту характеров, а эта особь сама прыгнула в портал. Такое поведение, наверное, хороший знак, и говорит о том, что при способностях к послушанию и дисциплине, в душе заложен определенный уровень любопытства и самостоятельности. Возможно, с этим материалом будет интересно работать, хотя время на поиски баланса не бесконечно. Он специально искал в мирах, не сильно затронутых управлением Империи. Благо, Империя огромна и вроде бы никуда не торопится. Пока еще есть время ждать, когда и «дикая» планета созреет, люди на ней достаточно размножатся, и тогда уже будет можно официально устанавливать там порядок, решая сразу несколько задач: вычистить донорскую планету, плюс заселить две свежеподготовленных и пока безлюдных, плюс получить новую кровь для стимуляции развития. В ядре самой Империи люди уже слишком послушны, слишком безынициативны. Пара поколений умного руководства — и почти удушена мысль о возможности бунта, но зато куда-то пропадают изобретатели, фантазеры и беспокойные души, несущие сильнейший заряд жизненной силы. Империя погружается в спячку, что плохо для цивилизации и равновесия в целом. Найти ученого теперь большая проблема. Система созрела для шоковой терапии, но как ее провести, чтобы было меньше бессмысленных жертв? Чтобы родились и выросли сильные люди — носители и создатели жизненной энергии, и, умирая, внесли свой бесценный заряд для движения вселенной. Значит, опять поиграем в господ Бога. Творца. Создателя. Немного обидно, что создатель — это почти синоним разрушителя, но ничто не рождается без боли.

Хакисс чувствовала себя маленьким зверьком, на которого каждую минуту может начать охоту некто огромный и неизвестный. Она помнила только вчерашний день! Но в то же время она знала об этом месте многое. Стоило ей сосредоточиться и подумать, как она, зайдя после императора в ванную, вдруг поняла, что левый шкафчик — её. Это пугало ещё больше.

Генри быстро надел на нее темно-синие шелковые штанишки и свободную белую блузу с затейливой вышивкой. В покоях Джи было тепло, но шелк слегка охлаждал, и кофта была слишком нарядной. Крошка держалась за Генри — так было спокойнее, и он помогал.

— Садись, — Генри отвел ее в просторный кабинет к длинному темному столу с резными ножками, на одном конце которого был сервирован завтрак. Посадил на большой мягкий стул и тихо шептал ей на ухо. — Спину ровно, кисти положи перед собой. Я тебе подскажу, чем и как есть.

Она боялась шевельнуться, но вошел Джи, и с ним пришло счастье. Она пережила этот завтрак, как в тумане. А потом вообще не смогла вспомнить, что ела и как. Слишком много странных вилок и ложек, ножей и палочек; странная еда и непривычная посуда. Узкие кусочки копченого мяса, которые надо накручивать на особенную вилку, придерживая ножом. Маленькие пирожные, для каждого своя палочка, в зависимости от цвета десерта. Она совершенно растерялась, и, если бы Генри не подсказывал ей каждую минуту и не помогал правильно держать все эти ножи и вилочки, если бы император не гипнотизировал ее ласкающим взглядом, она бы давно с плачем убежала.

После завтрака, по дороге в свои комнаты, Крошка впервые испытывала настоящий ужас. Она никогда не научится! Это был обычный завтрак?! А что если ее позовут на обед, там будет больше блюд! А что если придут гости?

Ты вернешься ко мне, а я больше с тобою не буду,
Я уйду, не дождавшись, в туманную серую мглу.
Я растаю с росой, что блеснув, высыхает к полудню,
Я иссякну с лучом, что попал в темных туч западню.

(Случайная запись из дневника шестой Крошки)

* * *

Хакисс разбудило аккуратное прикосновение стюарда. Она вяло перебралась на край постели и села, пытаясь удержать восторженное счастье от близости Джи. Но нет. Джи с ней не остался, он был рядом только во сне. А наяву вот — проваленный тест.

Теперь она может отрастить пёрышки... Могла бы сама напряжением мысли изменить

руки в крылья, нарастить грудную мускулатуру и даже летать... Но такое существо слишком привлекает внимание, а экзекутор в свободное время должен быть незаметным.

Зато кровать у неё сейчас просто огромная, с кучей мохнатых подушек. Комната же так и осталась лысая. Не захотелось сотворять здесь покои принцессы. Хотя Джи разрешил все переделать. Но она не принцесса! И она его подвела.

Хакисс выдернула из шкафа одежду и вышла одеваться в переднюю комнату — «кабинет», пока Генри занялся уборкой в спальне.

Кровать ей поменяли, как только она заикнулась, что хочет побольше: на узкой плохо помещался стюард. Сразу принесли просто огромную, на которой даже высокий Генри мог улечься поперек! С кроватью доставили пять пушистых подушек и большое-пребольшое одеяло.

На второе ее приобретение Джи только фыркнул, назвав широкое и основательное кресло, обтянутое гобеленом, архаическим гибридом стула и кошмара. Зачуханный торговец на блошином рынке в Ахае использовал кресло вместо прилавка для мелких игрушек и статуэток, а увидев подростка с андроидом, возжелал такую цену, как будто у него пытаются купить родственника. Хакисс же вцепилась в деревянного монстра мёртвой хваткой и без сомнений заплатила бы. Та мелочь из экзекуторских денег, что уходила на поездки и редкие сувениры, ежемесячно восстанавливалась до стабильных пятисот империалов.

Но Генри напустил на продавца ужаса, заявив, что сопровождает ажлисс. И она непременно сообщит о получении торговцем неоправданных доходов. Человек перепугался и чуть не отдал кресло в подарок. Хакисс до сих пор помнила этот испуг, смешанный с отвращением, переполнивший сознание старикашки: «Совсем сноваживущие спятили — уже в детей меняются!» Крошка хотела объяснить, что она и правда ребенок, но Генри остановил оправдания (экзекутор не оправдывается и не спорит!) и занудно сторговался на двадцати империалах за обшарпанный антиквариат — цену стульев в магазине. Хакисс тогда впервые платила настоящими деньгами: отцепила из кошелька две желтые ленточки. И теперь отреставрированное кресло раскорячилось между пультом и тахтой, регулярно приводя стюарда в праведное негодование во время уборки. А Хакисс оно нравилось. В нем было так уютно сидеть, забравшись с ногами!

Хакисс вздохнула: может, и правда погуляет, найдет что-нибудь интересное и всё будет хорошо. Хотя с большим удовольствием она бы провела оставшуюся часть дня с Тигрой на острове. Со звериками можно играть и не бояться, что нарушишь правила. Они просто любят её и ничего взамен не требуют.

Собралась быстро: надела простое светло-зеленое платье с широкой юбкой, закрытые туфли без каблука. Сунула коммуникатор во внутренний карман куртки из тонкой темно-изумрудной, в цвет туфель, кожи и досадливо дернула плечом, отгоняя Генри. Забрала у него бисерное сетчатое ожерелье с медальоном — конечно же, надо украсить! Плоский паучок застежки без следа срастил уютную, с легким начесом, ткань лифа и остался демонстративно сидеть в глубоком вырезе. Хакисс соединила края декольте ожерельем, а медальоном прикрыла застежку. Парную брошь стюард прикрепил ей на косу.

— Генри, у меня же свободный день? — попробовала Крошка. — Давай никуда не поедем? Я побуду со зверятками, — в окне у противоположного берега озера, почти сливаясь с лесом, был виден краешек звериного острова. Тем более в день теста нет ни тренировок, ни заданий. Только отдых и общение с миром. А её мир — это Джи и остров!

— Хакисс, тебе нужно в город. У тебя по расписанию посещение Лакстора.

— Генри! Да ну этот город! Нельзя на остров? Давай поедem куда-нибудь к морю? Куда-нибудь далеко! На Ойракское побережье или ещё дальше? Или к водопадам у Одинокой скалы: там хорошо в середине лета. И безлюдно.

— Нет. У тебя нет достаточно времени, чтобы ехать к морю: ты не успеешь вернуться к вечеру. Послезавтра у тебя будет новое задание, ты поедешь подарком, и тебе надо подготовиться. А сейчас ты выполняешь план по развитию твоей социализации и контактов с обществом.

Крошка смирилась, но всё-равно надулась. Подарок — это радость! Она поиграет с юбилейным, создаст массу прекрасных эмоций, погрузится в чужую любовь и на время забудет о проблемах. Идти же в Лакстор — гадость!

— Ладно, но вглубь Лакстора я не пойду! Походим сверху.

Генри шагнул к лифту, но Хакисс потянула стюарда направо, в сторону гаражей. В город ходил поезд, а это значило снова лезть под землю.

— Генри, возьмем машину, так даже быстрее — не надо будет толкаться на вокзале!

— Это неэкономично.

— Перестань! Я же не полечу флаером. Поедем на колесной машине! А потом, я же заплачу за дорогу! Зайдем в информатику, я выберу книжку с помощью человеческого советника, а потом — в сафари? Это тоже общественное место!

— Хорошо, тебе надо учиться планировать расходы и свой день, — Генри повернул за Крошкой по узкому и солнечному коридору казармы.

Довольная Хакисс вбежала в гаражи и приложила ладонь на замок ближайшего автомобиля. Двухместная ультрамариновая машина мигнула габаритными огнями и съехала с зарядки, разворачиваясь в полупустом гараже на разноцветных бликах витражей. Полдень. Все местные ажлисс заняты: гвардейцы на учениях, лаборанты и техники на рабочих местах, а кто свободен и хотел уехать, давно разъехались. Работающие же на базе редкие люди ездили подземкой и в казарменных гаражах не бывали. База с лабораториями, как живая часть общей информационно-координирующей системы, пронизывающей Империю, реагировала на биополе и управлялась ментальными сигналами: никто не может обмануть её и пройти, куда не звали.

Хакисс запрыгнула с ногами на сиденье и ждала, а Генри с достоинством невозмутимого робота сел рядом и встретился с ней взглядом.

— Что? — Хакисс спустила ноги на пол, садясь «как человек».

— У тебя социализация, и ты должна проявлять самостоятельность.

— Пф-ф-ф, — прошипела Крошка и задала адрес стоянки надземной зоны отдыха Лакстора в навигатор. Машина плавно стартовала и, набирая скорость, выехала из гаража. Внутренняя дорога, пройдя силовые ворота, нырнула в туннель, бежала несколько километров рядом с подземкой и выныривала на трансконтинентальное шоссе. А там уже рукой подать до города.

Хакисс радовалась, что удалось уговорить Генри ехать индивидуальным транспортом. Хотя в городе люди всё равно будут таращиться на гуляющую молодую ажлисс. Когда она была ребенком, на нее особо не обращали внимания, хотя потом оборачивались вслед: почему андроид сопровождает дитя? Ведь андроиды служат только высокопоставленным ажлисс. А у ажлисс не бывает детей.

Маленькая, она не умела читать людей. Теперь она слишком хорошо проникает в чужие головы и часто натывается на пакостные человеческие чувства: о них люди не говорят, но

носят и лелеют в себе. Видит себя их глазами, видит, насколько она отличается от них, видит их зависть и злость. Она может закрыться, может туманить их восприятие: «Смотри в сторону, тут нет никого! Я серая моль и нос у меня набок!» Но это утомляет, и лучше вот так просто ехать мимо, скользить взглядом по полям карликового оливовника, не замечая работающих там людей, и знать, что и они не замечают, кто там пронесся по трассе. А вон тех, склоненных над кустами, почти слившихся с бурой листвой вдали, она даже и не чувствует, если не прислушивается. Это снова напомнило о неудачной проверке, и Хакисс включила погромче этническую музыку — пусть стюард отметит её стремление к народу! А сама растянула палочку комма в экранчик — лучше пока выбрать что-нибудь полезное с книжных полок инфоцентра.

— Видишь, Крошка, — Генри не удержался от урока. — Империя дает каждому возможность зарабатывать свой хлеб. Можно было бы сконструировать машины, но тогда люди остались бы без работы, а так разумное...

— Генри! — Хакисс закатила глаза в купол машины. — Каждый раз, как мы едем мимо, ты талдычишь то же самое! Моё теоретическое обучение уже кончилось, и я не хочу ничего такого больше слышать. Больше ни-ког-да! Я почти не работаю с людьми! Я не человек! Не хочу слушать про людей, мне это не нужно!

— Твоя работа — защищать Императора и управлять людьми. Люди обеспечивают...

— Джи сам себя защитит может! — взвилась Хакисс. — Он не обычный ажлисс, который может влиять на людей только прикоснувшись! Он как я — влияет на расстоянии! Ему никто ничего сделать не сможет и не захочет! Каждый его обожает! И заткнись вообще!

— Крошка, — сказал Генри, не повышая голоса, и повернулся к ней всем телом. — Крошка, экзекутор не кричит. Экзекутор громко не разговаривает даже со своим стюардом.

Хакисс отвернулась к окну. Всё идет безобразно! Что за день! И по расписанию у неё отдых в городе. Какой это отдых среди людей и с занудой стюардом?! После книжного или сафари они пойдут в кафе. А там опять люди. Еда в обществе. Жующие и пьющие люди. Поглощение — пищеварение — выделение. Омерзительно похожие на нее, восстанавливающую силы после тренировки или набирающую энергию и наедающуюся перед изменением тела.

Зато она может управлять кем угодно, и даже ни один ажлисс не в силах отбиться, хотя они учатся и тренируются сопротивляться фантомам много лет! Сотни лет! Ей же нет и двадцати! Или есть? А она уже сильнее всех. Она — экзекутор! Джи говорит, что когда она раскроет свой потенциал, то сможет находить живых и управлять людьми на расстоянии в несколько километров. Крошка закрыла глаза и попыталась найти Джи, но сразу втянула мысль обратно: глупо, если она дотянется и Джи почувствует. Ага, и это после проваленного теста!

Темно-синий автомобиль из императорского гаража на стоянке так и прыгал в глаза на фоне пастельных общественных машин. Авто мигнуло фарами, закрываясь, хотя кто бы его взял — люди не умеют пользоваться сенсорным управлением, а техника ажлисс не имеет коннектора для комма.

Дребезжащим трамваем доехали до центра и пешком ещё три квартала до информатики, мимо одно- и двухэтажных домов наземной зоны Лакстора. Муравейник Лакстора — мегаполиса с фабриками и жилыми кварталами, громадными заводами и стадионами, — пронизанный многоуровневыми дорогами, располагался под землей, чтобы не портить

внешний вид планеты недалеко от резиденции императора. На поверхности, в зеленом оазисе лесопарка, бегало всего четыре кольца со слегка модернизированными вагончиками и ездило разрешённое количество такси. Никаких флаеров, никакого дополнительного транспорта. Но на любом углу можно было взять одно-двухместный байк и прокатиться в собственное удовольствие. Узкие и уютные зеленые улочки — идеальные для пеших прогулок. Магазины, игровые центры, рестораны и клубы по интересам, косметические салоны и куратории по развитию и воспитанию детей. Каждое здание построено в уникальном стиле, и объединяли их только большие, разной формы окна, витрины и часто прозрачные стены и двери. Подземные дома города почти не имели окон, как и помещения базы, зато в надземной части окна были везде.

Светило солнце. Пирамидальные деревья-горнисты росли рядами по центру улицы, их нижние ветви переплетались над бульваром, создавая крытую колоннаду. Ветер раскачивал желтые горны цветков над головами и разносил их сладковатый запах. В Ахае в это время среди цветов сновали бы блестящие юркие колибри. В Лаксторе эти красивые, как летающие ювелирные изделия, птички не живут — слишком холодно, и деревья-горнисты цветут совершенно зря.

Хакисс не стала просматривать весь инфо-магазин. Ей не нужны ни пластичный коммуникатор, который можно носить как браслет (Джи носит такой постоянно), ни энциклопедия «собачка-всезнайка — лучший друг вашего ребенка». Она сразу завернула на второй этаж и, старательно говоря вслух, выбрала с помощью советника бумажную книгу по истории этикета с репринтными гравюрами. Генри предусмотрительно держался в стороне, и каэр продавец ничего не заподозрил, даже когда каэра покупательница платила за покупку. По данным комма она — Хакисс Марк, сотрудница лаборатории морфологии Имперской базы. Даже если бы он и догадался, что она ажлисс, то пугать внеплановым визитом эскутора никого не нужно.

В книжном было мало народа, но стоило забыть, как внутренние миры окружающих людей цветными осколками впились в мысли Хакисс. Это утомляло. Зачем ей знать, что вон у той тетки неприятности на работе и она ищет новое место? Что у советника информатики нет бонусов на косметическую операцию, а его девушка удлинила себе ноги и стала выше его аж на два сантиметра? И теперь она даже знает, как выглядит его девушка!

Хакисс раздражённо закрылась — люди даже не представляют, как могут быть приставучи, даже когда молчат!

В кислом настроении прошлась по сафари, без интереса обходя безопасных биоживотных. Антилопы и кварги, газели и горные львы веселились в имитации природных биотопов. Подходили, если их позвать. Давали себя гладить, не выдергивали хвосты и уши из настырных людских рук и не огрызались на назойливых любителей живой природы. Послушно открывали рот. Разрешали пощупать зубы и возили на себе особо активных. По деревьям шмыгали белки и скакали маленькие оранжевые обезьянки с пушистыми хвостами. Между кустов, подстриженных в виде многоголовых и крылатых чудовищ, и по мозаичным дорожкам бегали с визгливыми криками стайки голенастых бело-коричневых птичек-дикусов. Хакисс дождалась, когда сгрудившиеся у ее колен дикусы опустили взъерошенные хохолки, не получив своей порции восторгов, переключились на другого визитера и решительно свернула к флагштоку с изображением машинки. Там, спрятанные за густыми зарослями вечнозеленого можжевельника, стояли четырехместные педальные байки. Чувствуя себя рядом с Генри, как социально-ненадежная особь в нейро-ошейнике под

присмотром куратора, воткнула в панель управления комм и поехала в «естественную» часть зоопарка, где содержали настоящих животных. Генри стойко молчал, чему Крошка была очень рада.

* * *

В отделении диких зверей посетителей не было. Никому не нравилось бродить около полупустых площадок, пытаясь издали разглядеть скучающее или спящее «настоящее» животное. А Хакисс здесь нравилось! Оставив байк на ближайшей стоянке и отослав стюарда за обедом, она вприпрыжку добежала до скал горных львов — своих любимцев. Облетела сканом горку и забралась в пещеру. Днём львиная семейка, как всегда, спала во внутреннем деревянном домике. Хакисс закрыла глаза и переместилась в голову львицы, держа тонкой ниточкой сознания за свое тело.

Львица была сыта и на удивление счастлива. Хакисс, упиваясь ее спокойствием и удовольствием, разбудила зверя, оставаясь с ней, как незаметный пассажир. Львица неторопливо поднялась и лизнула супруга в морду. Хакисс почувствовала на своем языке гладкую и теплую шерсть и густой львиный запах. Самец снисходительно чихнул и улегся на другой бок. День — время сна! Хакисс пробежалась сканом по самцу и хихикнула. Здоровый и толстенный, как диван! И повела львицу на прогулку, впитывая мощную уверенность хищницы, которая с неодолимой грацией лавины взлетела на вершину скалы.

— Смотри, львица взбесилась!

Держась за сознание животного и продолжая играть с ней, прыгая с валуна на корягу, а оттуда на закрепленное торчком трехметровое колесо трактора, Хакисс слегка повернулась. Ну надо же, люди! Молодая крикливо одетая семья с двумя потомками. Буйные и чумазые от сладостей детки, по традиции верующих в культ бессмертного Императора были обвешаны браслетами и цепочками с денежными колечками. У старшего, как знак его великой ценности для родителей, болтались в ушах имитации темно-синих ленточек пятисотенных империалов. Коляска младшего топорщилась сетками с игрушками, едой, сладостями и бутылками с питьем — будто семейка едет на необитаемый остров...

— Да ну! Тут воняет! — Тошная мамочка сморщила раскрашенное косметикой крысиное лицо, поднимая звенящего младшего ногами на ограду. Старший отпрыск, хрустя пакетом, кинул шоколадное печенье в ров. Но вместо этого метко попал в столбик. Обиделся, насупился и просунул измазанный кулак с новой порцией раздавленных обломков между прутьев, пытаясь перекинуть еду львам.

Хакисс брезгливо отвернулась и подвела львицу к самому краю площадки, взревела и зевнула, показав огромные клыки.

— Не дразни льва, — равнодушно бросил папашка и прислонился спиной к ограде. Нервно заправил длинную радужную прядь с макушки за изменённое острое ухо. Остальная часть его головы была коротко пострижена цветными полосками. — А то ка-ак прыгнет и ка-ак укусит!

— Ва-а! Мам, смотри какие зубы!

— Да не видно почти ничего, — протянула мам, держа за ручки младшего и ведя его по ограждению. Ребенок, виляя огромным отвислым подгузником, бестолково шлепал ногами, то и дело промахиваясь по выпуклой верхушке заборчика. — Пойдемте лучше назад, там и

потрогать можно. И так не смердит!

Старший сыночек за это время высыпал в ров ещё и сумку с игрушками и теперь с воплем бегал вокруг лавки, спасаясь от разгневанного отца.

— Боже! Берди! Серан! Что вы делаете?! Прекратите! Во имя Джи! Берди, не беи Серана! — всполошилась женщина, прижимая к себе расхныкавшегося младшего.

Серан споткнулся, упал и разревелся. Отец схватил его и отчитывая в голос, затряс так же, как его собственный сын совсем недавно тряс пакетом с печеньем.

— Берди, ты убьешь его! — завизжала женщина.

Хакисс облокотилась на ограду и с интересом смерила расстояние. Ров широкий, лев изнутри не перепрыгнет! Зато развесистая могучая магнолия нависает над половиной ямы. Снаружи внутрь прыгнуть можно! Хакисс закусил губу и склонила голову набок, влезая в сознание разошедшегося папаши.

Мужчина неожиданно уронил сына, развернулся и вскочил на метровое ограждение. Оттолкнулся, подтянулся на дерево. Пригибаясь и набирая скорость, метнулся по ветке и прыгнул! Хакисс рывком выдохнула, в мыслях вместе с человеком перекатываясь на бок и вставая.

— Боже! Берди! Берди! Что ты делаешь?! Вернись! Это же запрещено! Это же дики настоящие животные! — всполошилась женщина, прижимая к себе плачущего ребенка. Старший сын радостно заорал и запрыгал, размахивая очередной хрустящей упаковкой еды. Веером летели куски и крошки.

Хакисс улыбнулась как Джи, одними губами.

Управлять двумя львами и человеком — это совсем несложно для императорского экзекутора!

Берди в ужасе хотел лягнуть подошедшую львицу, спрыгнуть в ров... Но вместо этого присел и обнял львицу за шею, почесал под выставленным подбородком. Львица зажмурилась и подняла морду выше, чуть ли не мурлыча... Человек поцеловал ее в нос и встал. Неторопливо похлопал по желто-пятнистому боку и ушел в пещеру — там был выход. Хакисс разглядела двери, ещё когда сканировала спящих животных.

Большеголовый лев сел, разбуженный появлением чужого, встряхнулся... Но, успокоенный ментальным сканом экзекутора, незаинтересованно проследил полуприкрытыми глазами, как чужак просунул руку сквозь прутья, нажал ключ, приоткрыл решетку и просочился в узкую щель, запирая за собой клетку.

Хакисс довела Берди во внутренний коридор и оставила шокированного нарушителя стоять на подламывающихся ногах перед торопливо подбегающими и не менее шокированными служителями.

Женщина продолжала визгливо причитать, тряся ребенком.

У обычно безлюдного вольера сгрудились невесть откуда набежавшие зеваки, галдели и таранились на совершенно пустую львиную скалу и скандальную тетку.

Хакисс незаметно напрягла и расслабила затекшие от неподвижности мышцы и накрыла всех фантомом спокойствия и безразличия. Люди внезапно замолчали. Перестали перевешиваться в ров, толкать друг друга. Энергия покинула их. Толпа потеряла интерес и с бессмысленными лицами начала расползаться от львиной площадки.

Старший мальчик, этот Серан, шмякнулся на попу и углубился в еду, горстями запихивая в рот «медовые хрустяшки».

«Крошка! Что происходит?» — вернувшийся Генри подхватил младенца,

выскальзывающего из рук тупо застывшей мамыши.

«Ничего страшного не случилось! А они вели себя безобразно! Орала и дразнили животных. Я их немного успокоила. Заставила её мужа прыгнуть ко львам, но он уже выходит — он близко у служебного выхода. Я их успокоила!» — Крошка, довольная наступившей тишиной, убрала скан и направилась к лавке — вот теперь можно и пообедать, только придется найти безлюдный уголок!

Человеческий детеныш сразу захныкал.

— Каэра, ваш муж в безопасности, сейчас его приведут сюда, — Генри, утешая и курлыкая ласковости, посадил малыша в коляску. — Вон, пройдите к тому домику, это служебный вход. Сейчас он оттуда выйдет.

Но тётка, вместо того, чтобы встречать спасенного мужа, вдруг схватила Крошку за руку:

— Вы ажлисс? Такая красивая! Это ваш андроид? Меня зовут Зирида, а это мои дети, Серан и Кика, — женщина, обдавая удушливым парфюмом, хватала и тянула Хакисс уже двумя руками. — Вы поможете мне? Они вас послушают! Ваш андроид говорит...

Хакисс окаменела — её никто не смеет трогать без разрешения Джи!

— Каэра Зирида, смотрите, ваш муж уже идет! — вмешался Генри.

Женщина оглянулась и вместе со старшим ребенком побежала обниматься с отцом семейства, который, появился из служебного домика в сопровождении работников зоологического парка.

Хакисс хлопнула руками по ограде, стряхивая ощущение чужих потных ладоней и чужих глупых мыслей. Хорошо ажлисс — они могут мысленно общаться только вблизи, а лучше всего прикасаясь друг к другу. Неудивительно, что ажлисс избегают прикосновений — зачем им шквал человеческих неуправляемых мыслей?

«Генри, пойдем в беличью рощу — там нет толпы», — Хакисс повернулась спиной к львиной скале. На лавочке лежал пакет с обедом из кафе «Золотая Тучка» и из него выглядывал бутон желтой розы.

«Где ты нашел её? — Крошка вынула розу. Цветок неожиданно пах водяными лилиями: — Я думала морские розы привозят только на осенний фестиваль!»

«В цветочный на торговой площадке завезли партию. Джи заботится о тебе. Но ты не имеешь права влиять на людей без приказа», — Генри подхватил коробку с обедом и пошел следом.

«Ничего же не случилось! Я просто чуточку оживила экспозицию и развлекла львов. И эти люди сами начали! Теперь никогда не будут ныть, что настоящие животные — это скучно.»

«Крошка, ты поступила плохо! Ты же знаешь, ты не имеешь права пользоваться фантомами для себя. У человека теперь психологическая травма, и ты еще привлекла к себе внимание! А ты должна быть незаметна! Если ты будешь играть с людьми, Джи никогда не разрешит тебе самостоятельно выходить с базы».

Хакисс пошевелила губами, как будто проверяла, как произносится ответ, но так ничего и не сказала.

В буйных зарослях разноцветной рангвиллеи показался проход. Крошка забрала контейнер и свернула в боковую аллею. Не будет она отвечать стюарду. Надоел. У человека психологическая травма! А у неё что, не может быть психологической травмы? Даже если у нее не бывает следов от травм физических? Она сразу же убрала боль, как только кончился

тест. Но боль как будто никуда не ушла. Да, у нее уже ничего не болит, но как же давит что-то внутри. И пусть этот Берди будет рад, что она не использует всю свою силу. Еще лучше было бы слиться с ним ментально и перелить в него свою боль, свою злость! Он бы визжал и катался! Крошка криво усмехнулась. Она не умеет раствориться в боли, как учит ее Джи. Она никак не может стать болью, пропустить ее сквозь себя. Но она научится. Зато она никогда не визжит и не катается. Она умеет терпеть, хотя Джи говорит, что это неправильно. Но она научится! Крошка расстроилась еще больше. Вечером еще Джи отругает... Выдержать длинные нотации императора о пользе ажлисс для человечества, об ответственности сильного, того, кто может больше, а значит, не имеет права применять силу для своих капризов и то, что ажлисс должны всегда хранить людей — это была пытка, и она бы уже могла читать лекции сама. Вот вам человечество. Хранить этих визгливых, шумных и невоспитанных людей! Людей с крашенными лицами, потными руками, неестественными ушами! Ни один сноваживущий не позволит себе иметь оперированные уши! А человек — фу. И человек даже не может поставить барьер, а тупо, как биотигра идет туда, куда поведет его она. А она даже совсем не напрягалась. И она способна пройти такие тесты, которые этому тупому Берди и не снились. А если бы приснились, так он бы сразу умер!

Села на резную деревянную скамью, начиная про себя считать алые листики рангвиллеи. Сквозь высокий кустарник с зелеными, желтыми и даже синими листьями, но редкими вкраплениями красных, просвечивали аттракционы детского парка. Странно, как мало ярко-алых листочков в этих подстриженных кустах, упорно рвущихся сквозь ограду! А рангвиллея вокруг арены на базе была почему-то почти вся красная.

Негромкие шумы зоопарка и ненавязчивую музыку с торговой площадки, заглушил гвалт возбужденных детей и перекрывающие его спокойные голоса взрослых. Бесконечная вопящая толпа разлилась по парку. Воспитатели и учителя выделялись сдержанными цветами однотонной форменной одежды на фоне феерии красок школьников. Но что за привычка у людей — одевать потомство как украшения на торт! Деток явно вели в забавный городок.

«Генри, день все равно испорчен с самого начала. Пошли домой!»

«День начался правильно, ты прошла тесты. И ты хорошо держалась».

«А что толку... Данные все те же. У меня нет прогресса. Я тренируюсь, но не могу ничего сделать!»

«Ничего, у тебя свободный день, и ты можешь отдохнуть. А потом Джи что-нибудь для тебя придумает, что поможет тебе раскрыться и перейти на другой уровень».

Крошку овеяло холодом: Джи может её наказать из-за этих глупых людей! Но это же была шутка! И ничего никому не стало...

— Я хочу домой.

Хакисс встала и выкинула обед в урну. Взяла желтую розочку и пошла на остановку трамвая.

* * *

Хакисс вымылась и переоделась: к императору желательно идти только в свежем! Выбрала умеренно облегающие брюки глубоко-синего, «императорского» цвета и нежно-кремовую шелковую блузу с широким поясом — Джи любит шёлк на экзекуторе... И совсем

нет! Это не попытка задобрить Джи! Ей просто нравится делать так, как нравится императору, ведь она живет для него!

Прицепила к ремню нож.

Почему-то не стала использовать скан. Как будто запачкала его — свое чистое оружие, подаренное гением императора. Сверившись по системе, нашла Джи в лаборатории морфологии. Хотелось побежать в недра ненавистных лабораторий, чтобы быстрее все было позади! Но экзекутор должен владеть собой. К тому же сегодня она немного провинилась. Люди — это всего-навсего люди, стадо, управляемое ажлисс. Ажлисс делают всю самую опасную и тяжелую работу и постоянно заботятся о людях... И о львах в зоопарке тоже. Да, она немножко поиграла, но уже раскаивается... И, возможно, все не так плохо, ничего же страшного не случилось?

Пришла, задержала дыхание и остановилась у двери — «не мешать никому!» С осторожной нежностью коснулась сознания Императора. Получила разрешение, подошла, прижалась, окунулась в волну ответной безмолвной радости, тут же отстранилась и села в стороне на пол, обменявшись с Джи мгновенными мысленными репликами.

«Ты быстро вернулась».

«У меня не было настроения. Я виновата».

«Что ты сделала?»

Она послала ему образ того, что случилось в зоопарке.

«Жди».

И она ждала. Прислонилась к стене и закрыла глаза, контактном облачком привычно перетекая в мысли Джи, как будто касаясь его кончиками пальцев. Как всегда шквал образов, слов и несформулированных идей, предчувствий и вариантов поглотил её собственное восприятие, её личность, и она растворилась в сознании своего Бога, оставив только тоненький хвостик, удерживающий тело от падения.

«Пойдем».

Она метнулась в себя и почувствовала облегчение. Джи спокоен. Выволочки не будет? Кажется. Но она никогда не пыталась лезть в его мысли глубоко, а он умел надежно скрывать эмоции, как будто он всегда в легком «облачном» контакте.

Ей же достаточно просто быть с ним.

Встала, разминая затекшее тело, разгоняя кровь, и заторопилась за Джи.

Глава 3

Основы

Я просто молча подойду,
Взгляну...
И тихо, незаметно
Из тени руку протяну,
Крыла почти коснусь,
Но тщетно...
Неслышным эхом проскользну,
Поймав в ладонь печали отзвук,

И нет меня, лишь ты вокруг.
Слова дрожат и шепчет воздух...

(Случайная запись из дневника шестой Крошки)

* * *

Джи шел на остров Крошкиных зверей. Специально повернул, чтобы пройти через старые казармы и экзекуторскую комнату. Вот и эта Крошка уже выросла. Созрела. Сила рвется из неё, но Крошка еще не знает, как обращаться со своими возможностями правильно. Надо её подтолкнуть, но нельзя сломать. Сильнее закрепить уже созданный рефлекс между наказанием и наслаждением. Пора уже начать проверять, что за драгоценность он получил за десять лет шлифовки. Засияет этот кристалл алмазом или окажется очередной одноразовой батареей? Так сложно балансировать на узкой границе между двумя пропастями: полным подчинением с потерей личности и необходимой, но опасной самостоятельностью и вытекающей из этого ненадежностью. Зато интересно. Рождает забавные эмоции, расцветивающие рутину жизни. Скука, когда жизнь становится монотонным существованием — признак конца. Он ещё поиграет! Ему рано уходить во всемирную энергию. Но надо вбить в Крошку понятие долга. Что бы не произошло, Император для нее должен быть смыслом жизни! Жалко, если придется уничтожить и этого экзекутора. Столько сил и времени было вложено... Да, время! Удивительно, как время создаёт проблемы даже для бессмертных ажлисс!

Экспериментальная Крошка номер шесть дисциплинированно держала дистанцию за его левым плечом и не пыталась подслушивать. Она, кажется, уже и во сне может сопровождать Императора. Еще немного, и экзекутор будет готов. Надо расшевелить её, а то уже приготовилась скрыться и забаррикадироваться внутри своего пугливого сердечка, оставив снаружи только механическое послушание. Раз начала играть без разрешения, то надо это использовать в правильном направлении.

Ровным шагом Джи прошел сквозь экзекуторское жилище. На системном столе стояла желтая розочка в аляповатой кружке. Джи вздохнул. Надо было брать ребенка помладше. И неужели нельзя найти эстетичную вазу для цветка? И почему желтая роза? Красная на сером смотрелась бы лучше. Но это неважно! Главное на сегодня — расшатать убежище, выпустить росток, показать ему цель...

Они перешли через мостик, и Джи остановился на первом же миниатюрном перекрестке, обернувшись к Крошке. Три белые песчаные дорожки разбежались к звериным домикам, а самая широкая вела вокруг острова, скрываясь в цветущих кустах. Звери за спиной Джи выбежали, но, не получив сигнала, остались стоять перед своими домиками. Эта часть базы уже была в тени, и только редкие облака на западе еще отражали свет заходящего солнца.

— А теперь расскажи, в чем твоя вина.

— Мне было плохо...

И тут Джи впервые ударил ее.

Она упала больше от неожиданности, чем от пощечины. Больно не было. На

тренировках бывало больше. Но звонкий шлепок выбил из головы всё, сделал её совершенно пустой.

Крошка сидела на траве и в шоке смотрела на Джи. Сжалась, затаилась, убрала эмоции. На поверхности остались только простые рефлексии и доведенное до автоматизма послушание...

— Ты кто? — Джи был спокоен.

— Я экзекутор!

— Что это значит?

— Я выполняю твою волю. Прости, я в первый раз, — и запнулась, поймав его взгляд. Испугалась, что отвечает неправильно.

Джи сжал кулаки и снова расслабил пальцы. Менторским уравновешенным голосом отмерил:

— Я столько раз повторял: всегда думай перед поступком. Не смей оправдываться! Первый раз — это уже проступок. Ты уже разрешила себе использовать силу для себя. Я в ответ должен использовать свою силу? И будем ходить по кругу?

— Нет. Прости меня, — Крошка села ровно на коленях и опустила глаза.

— Думаешь, ты уже готова работать в полную силу? Без моей поддержки сканом?

— Я... Я не знаю... Прости меня. Я не подумала, — не поднимая глаз, негромким и четким, «правильным голосом», начала она, но вздрогнула и замолчала.

Джи горько скривил губы. Это была ошибка. Нельзя оправдываться.

— Ты не подумала. Но ты решила. Хорошо. Ты сама так решила, и я принимаю твоё решение. Но ты нарушила правила. Ты экзекутор, ты не можешь решать. Ты можешь только действовать по моему приказу.

— Прости...

— Это не имеет ничего общего с прощением. Повтори, зачем созданы ажлисс.

Крошка вскинулась и снова закрыла глаза, вспоминая вступление к закону и клятву. Плотнее уселась на пятках и еще больше выпрямилась. Ахнула, прогибаясь под прикосновением тёплых фантомных рук, которыми Джи погладил по бедрам и спине. Её душа, словно пугливый осьминожек, неуверенно распустилась щупальцами ауры и успокоилась, входя в контакт. Джи поддержал её, мысленно обнимая.

— Ты в мудрости своей собрал единомышленников, поклявшихся служить человечеству, оберегать и охранять людей с помощью науки и просветленного разума. Природа слепа и случайна. Иногда дефектное тело достаётся мощному разуму или наоборот, физически здоровый человек в эгоистичной жадности пытается уничтожить мир и равновесие. Поэтому Император отбирает самых ответственных и ценных людей, чьи сокровенные цели и желания проверят дознаватели, оставить слабое человеческое тело и стать ажлисс. Ажлисс рождены человечеством для служения человечеству, для коррекции случайного, создания стабильности и безопасности, — Крошка сглотнула, останавливая дрожь — фантомы продолжали ласкать её. — Чем выше возможности, тем выше ответственность. Ажлисс работают там, где нужен многолетний опыт, сила и мудрость. Переходя в касту ажлисс-сноваживущих, я оставляю человеческие недостатки, направленные на сиюминутное и кратковременное, обещаю действовать только в интересах всего человечества.

— Что есть экзекутор?

— Экзекутор — это высшая форма ажлисс, созданная для наказания и поощрения правящей касты, для гуманного управления людьми. Экзекутор не имеет права использовать

свою силу без приказа Императора или ответственного ажлисс, назначенного императором. Экзекутор не имеет права вступать в интимные контакты с людьми.

— Тебе недостаточно было узнать правило. Я должен укрепить твою память. У тебя слишком много игрушек, и ты решила, что люди тоже твои игрушки. Ты выросла. Игрушки тебе не нужны. Убей их.

Крошка заледенела, перестав отвечать на внушённую ласку. Стояла на коленях, спина прямая и жесткая, руки неподвижно сложены, глаза опущены. Даже как будто дышать перестала. Мысленно сжималась всё больше, пряталась внутрь, совсем глубоко.

— Экзекутор, ты — моя рука. У тебя есть приказ, — спокойный голос разрезал тишину.

Джи подозвал к себе единорога. Зверьё, созданное когда-то на спор и ради забавы, отслужило своё. Положил рогатую несуразицу перед Крошкой и провёл рукой по тонким ногам животного. Обратная регенерация. Открылись раны, лошадка закричала от боли, забила переломанными ногами.

— Мне изменить приказ, чтобы ты поиграла с ними, заставив их съесть друг друга?

— Убей меня, — заблеял зверь.

Крошка со слезами и негодованием взглянула на Джи, но промолчала.левой рукой придержала животное, успокаивая и усыпляя. Вонзила нож единорожке за лопатку, точно попав между ребер в сердце. Животное продолжало биться.

— Не так. Встань над ним, подними ему голову и перережь горло. Кровь вытечет быстрее — быстрее наступит смерть. А теперь остальных.

Крошка молча — звать зверей ей показалось кощунством — подошла и убила сначала дракона, потом — тигру, так, как он сказал. И осталась стоять около мертвых, слепо исчезнув на самом дне своего внутреннего убежища.

Джи про себя удовлетворенно кивнул — растеряна, забывает, что надо делать, но это нормально. Хорошо, что даже теперь у неё не возникло и зёрнышка бунта. Плохо, что опять убегает, а не стремится навстречу. Но с другой стороны, что за удовольствие с этими зверюшками? Пора ей к людям.

— Очисти нож.

Подошла к воде, ополоснула нож, вытерла о рубашку. Трясущимися руками убрала в ножны. И снова затихла, опустив глаза и шевеля губами.

— Не жуй губами.

— Прости.

Но жевать перестала.

— Трупы уберут, не беспокойся.

Крошка хотела что-то сказать, но только дернулась всем телом и опять замерла, смотря в землю. Заметив, что Джи пошел к базе, спохватилась и пристроилась на свое место — в двух шагах за его левой рукой.

Войдя в комнаты через террасу, Джи обернулся перед выходом. Крошка остановилась почти вплотную за ним — рассчитывала следовать до его спальни? Испуганно шагнула назад, поднимая ждущие глаза.

Погладил её по лицу, проникая в зажатую скорлупку спрятавшегося сознания, ломая её детские бастионы нежностью и любовью. Притянул к себе задрожавшую и податливую Крошку, свой кусочек и всё ещё заготовку будущего инструмента. Крошка растерянно сжалась, забилась, не понимая. Он обнял руками и фантомами, лаская и целуя, расшатывая осыпающиеся укрытия, проникая в тело и сознание. Шептал на ухо или прямо в мозг?.. «Не

можешь изменить — убеги! Не можешь бежать — стань камнем, песчинкой, пылью? Это рефлекс жертвы, принимающей свою судьбу. Ты жертва, ты не можешь победить, не можешь понять. Просто отдайся на волю бушующего шторма, и он вынесет тебя на берег. Я твой берег, я твой якорь»...

Её сердце свернулось в пружину, выбросило горячую кровь и затопило тело, забилося тяжелым пульсом.

Крошка всхлипнула и, отдаваясь всей сутью, потерялась в разыгравшейся буре. Прижалась, взрываясь и рассеиваясь мелкими брызгами, растекаясь горячим мёдом в руках Джи...

Она устояла, но так и не открыла глаз.

— Останься у себя и подумай, — Джи погладил ее по щеке. Удовлетворенно прочитал отчаяние — теперь она не сможет спрятаться!

— Спокойной ночи, Джи, — ответила мёртвым голосом. Душа словно оборвалась с узкого карниза и упала в пропасть.

Ушел.

Крошка сползла на пол.

Она пуста? Нет, внутри нечто странное. То ли что-то умерло и кончилось, то ли, наоборот, пытается родиться и неумело царапает душу. Вот так шла куда-то, на что-то надеялась, не зная на что и зачем. А оно случилось, и совсем не так. И весь день прошел совсем не так. Она не хочет помнить этот день так же, как не помнит свой дом. Или помнит? Был ли у неё настоящий дом, или всё только снилось?

Вспомнила! Что-то яркое и... неправильное на столе. Встала, спутанная пустотой, проталкиваясь сквозь ставший густым и вязким воздух, беспомощно пытаюсь ровно дышать. Генри налил в кофейную кружку воды и поставил розу на стол. Она не хочет помнить этот день. Не хочет иметь даже кусочек этого дня. Сделает так, что этого дня не было. Хакисс сделала шаг и медленно провела ладонью по столу, не глядя сдвигая чашку. Чашка соскользнула в бездонную пасть утилизатора и пропала. С цветком. Так должен пропасть этот день. Никаких следов. Никакой памяти. Этого дня не было! Вот теперь все правильно. Вернулась в спальню и собрала с полки у кровати маленькие сувениры: камешек с юга, где она провела месяц в теле горной пумы, сухую шишку кедра из северного леса с каплей ее крови, смешную статуэтку с весенней ярмарки. Стребла все и выбросила следом за розой. У нее нет игрушек. И не было. Никаких. Никогда. Она уже не ребенок. Она начнет все сначала.

* * *

Крошка закопалась в одеяло и прижалась к подушкам. Она с детства знает, что такое смерть. Издавна. Она была еще маленькой, даже еще не доросла до плеча Генри. Император взял её на урок в госпиталь. Тогда она впервые встретила смерть.

* * *

Лифт спустился на закрытый императорский уровень. Хакисс, пройдя несколько проходов и поворотов по бордовым коридорам, приложила руку к сенсору у входа в

тренировочный зал. Дверь с неслышным шелестом втянулась вбок. Хакисс помимо воли сразу бросила взгляд на фехтовальную площадку перед имитатором. Крови уже не было. Вчера она пропустила удар, и муляж рассек ей плечо, взрезал руку от локтя чуть ли не до шеи. Но она все-таки увернулась! Тело Хакисс самое хилое из всех ее форм. Даже Стив не пропустил бы тот подлый прием! А тренировку фехтования пришлось окончить. Муляж быстрый и сильный, как крокодил. Хотя по сути это биоутка, а выглядит как мальчик, чтобы соответствовать ей по силе и росту. Генри подвязал ей раненую руку, и оставшееся учебное время она стреляла из арбалета и кидала ножи левой рукой. Притушив боль регенерации, она вполне справилась с упражнениями и одной рукой.

Хакисс бросила мрачный взгляд на деактивированный муляж маленького воина и, подавив желание показать ему язык (ах, Генри опять будет недоволен), прошла поперек всего широченного зала к противоположной стене. Там, словно флаер перед взлетом, на высоком постаменте стоял маленький, как раз на одного человека, инкубатор.

Генри обогнал ее и предупредительно поднял прозрачную крышку.

— К полудню ты будешь уже Стив, и я принесу тебе одежду, — сказал стюард, принимая от нее майку.

— Знаю, — отмахнулась Хакисс и с радостным предвкушением легла в мягкий и теплый мох капсулы. В полдень она уже будет с Джи!

Генри закрыл крышку, все затянулось белым туманом, и Хакисс уплыла в сон.

Инкубатор открылся, и она... Нет, он! Стив — он! Стив, ловя дыхание и принуждая себя успокоиться, сел и свесил босые ступни на пол тренировочного зала — прохладного и упругого, как спина дельфина. Пробуждение после инкубатора — всё равно что вынырнуть со дна глубокого озера или проснуться от тяжелого сна. Стив поднял руки над головой и потянулся. Генри уже стоял перед ним в услужливой готовности. Стив поморщился, но взял из рук стюарда ярко-зеленую рубашку с вытканым через всю грудь порталом, из которого лезли чудовища.

— Что это за гадость? Я не хочу с рисунком и ещё такая глупость — монстры!

— Ты ребенок, а дети любят монстров.

— Почему я не могу идти с Джи во взрослом теле?

— Потому что ты еще растешь и учишься, природа не зря дала детям столько времени.

— Ох, да, а ажлисс живут по законам природы, только слегка улучшая ее для помощи ей же, — передразнил Стив. — А одеться, как ажлисс, я не могу? Хотя бы не в такое пестрое?

— Нет, Император идёт в город неофициально и не хочет выделяться среди людей, — Генри протянул светло-бежевые брюки.

— Ура — штаны не красные в желтый горошек, — пробурчал Стив. Вместе с темно-зеленой курткой и меняющими цвет спортивными ботинками на толстой пружинящей подошве получалась полная маскировка под школьника средних классов. Зато усаживаясь лицом к спинке на кресло, Стив порадовался, что Генри не будет стягивать ему скальп маленькими косичками форменной прически.

— Императору бы не понравилось такое сочетание, — менторским тоном отозвался Генри, собирая длинные темно-русые волнистые волосы теломорфы в простую косу и пряча внутрь две тонкие прядки с висков, те, которые обычно свободно висели и работали дополнительным насестом для золотых бусинок. Хотя люди редко могли встретить работающего экзекутора, но все знали, как он выглядит во время работы.

— Это на шею, а браслеты на руки, — Генри подал горсть цепочек и шнурков с

фигурками животных и ракушек. — Нет, со зверями надевай на левую руку.

— Откуда ты это выволок? Я буду как танцовщица! Где мой бубен? И на ноги? А Джи тоже бирюльками обвесится? Это же неудобно!

— Стив, так надо. Нет, на ноги не надо. Нет, Император оденется как обычный человек. Подожди, я должен проколоть тебе ухо.

— Что? Зачем? — отскочил Стив. — Я и так уже могу на рынок бежать — продавать висюльки!

— Сейчас у детей такая мода — две сережки на вершине уха. Потом ты дырочки сможешь зарастить, и это же совсем не больно.

— При чем здесь больно или не больно? Я и так уже чувствую себя как связанный, и еще металл уши будет оттягивать!

Генри ухватил Стива за ухо, проткнул и защелкнул два колечка с одинаковыми зелеными камешками, а потом быстро облизал капельки крови, чтобы не осталось и следов. Стив возвел глаза в потолок, но промолчал, протерев пальцами ухо. Некоторые ажлисс тоже протыкали свое тело украшениями, но насколько же надо быть сумасшедшим, чтобы по собственному желанию вешать себе на уши клейма, как меченному скоту?

В гараже стюард остановился у серо-голубого шестиместного внедорожника, видимо, на нём они и поедут. Одновременно со стороны казарм появились два гвардейца, одетые в гражданское, но от них за километр несло армейской выправкой. Стив бросил скан — да, на них нет браслетов, выпускающих силовую броню, превращающую ажлисс в непробиваемого воина. Конечно, можно ещё предположить, что это спасатели. Темноволосый и шустрый, несмотря на рост и массивную мускулатуру, Дор улыбнулся и кивнул, поймав взгляд эскутора. Расстегнул голубую ветровку и присел на капот следующего в ряду спортивного бледно-охряного флайри. Другой гвардеец (кажется, Сэв?) с пепельными волосами, в серой тонко-полосатой рубашке и черных брюках неподвижной скалой замер рядом.

Стив быстро опустил глаза. Потом вообще отодвинулся за Генри и встал лицом к лифту, продолжая раскидывать осторожные сканы. И чего Дор к нему лезет? Эскутор — невидимая часть Императора и здороваётся, только когда идет работать. На прошлом Лабиринте Император играл эскутором в теломорфе Кайлы, и Кайла разорвала Дору лицо, выбив могучего гвардейца из гонки в самом начале. И чего гвардейца самого играть понесло? Можно подумать тут мало игровых андроидов.

Стив выпрямился и проверил свой вид: Джи был уже близко. Даже гвардейцы, неспособные сканировать, заулыбались, а Дор слез с капота — волна счастливого ожидания выплеснулась в гаражи, пока Император еще поднимался.

Джи стремительно вышел из лифта — полы строгого темно-серого сюртука разлетаются, рубашка насыщенной синевой перекликается с глубоко синими глазами. Улыбнулся, кивнул гвардейцам, жестом приглашая их садиться, и сгрёб Стива, подталкивая его к водительскому месту.

— Ты будешь ходить рядом без протокола. Если надо будет ко мне обратиться, говори вслух и называй меня Натан. Поведешь машину до шестидесятого километра, а там на парковке отдашь управление Сэву.

Стив взорвался эмоциями — он повезет всех! И послал Джи свою радостную благодарность фантомом.

— Вслух! Сосредоточься, — сжал его плечо Джи. — Мы просто люди и идем по делам.

— Прости.

— Нет, — Джи развернул его к себе. — Попробуй ещё раз.

— Спасибо, Натан, я очень рад, — Стив старательно поднял глаза, пытаясь не чувствовать, как звякают и перекатываются по коже подвески и кулоны.

Джи снова кивнул, и Стив залез на водительское место, приспособив его для себя. До парковки на трассе доехали вмиг. Джи вмещался всего один раз, когда Стив слишком круто свернул и чуть было не снес боковым бампером ограждение съезда. Быстро и привычно взяв управление телом Крошки, Джи выровнял машину и припарковал ее. И дал Стиву шуточный подзатыльник, шепнув:

— Техника все равно не дала бы тебе слететь с дороги, так что попытка убить императора не засчитана!

Стив запаниковал и запутался в рассуждениях: надо ли ему извиниться вслух или мысленно. В результате вообще проглотил язык и, вжавшись в угол, просидел в сомнениях до самого внутреннего города.

Внедорожник оставили на надземной парковке Лакстора, недалеко от станции межуровневого поезда.

Стив торопливо обогнул машину, пристроился точно по уставу слева позади императора и потер шею — цепочки и шнурочки давили ярмом, проколотое ухо вообще казалось огромным и чужим.

«Успокойся и расслабься!» — пришла мысль от Джи. Он притянул к себе Стива и сказал в самое ухо:

— Гвардейцы с нами как почетный кортеж, но главная моя охрана — это ты. Не забывай сканировать вокруг.

Стив встрепенулся и послушно раскинул скан.

Люди, кругом были люди и никаких ажлисс. Сэв шел впереди, лавируя между редкими в полдень отдыхающими. Дор ненавязчиво отстал, следуя за Императором в толпе, густеющей по дороге к монорельсу. Возвращающиеся в подземный мегаполис перемещивались с приехавшими развлечься. Приезжие расходились по улочкам или уезжали на двух и четырехместных байках. Надземная часть Лакстора была сама по себе целым городом отдыха и развлечений. Люди и не подозревали, что рядом с ними оказался Император, а рядом с Императором идет самое страшное оружие и самая желанная награда Империи — непобедимый экзекутор. Люди смотрели и не видели, а тем, кто вдруг замечал, что сразу три высоких, идеально сложенных и безупречно красивых ажлисс вместе появились на улице, Стив слегка исправлял восприятие и заставлял увлечься случайным видом или, внушив человеку страшную потребность в горячей булочке, выгонял вон из вагона на следующей остановке, отправляя на поиски кафетерия.

Они покинули поезд в районе городской больницы и последнюю часть дороги проехали на семейном байке, взяв его с общественной стоянки, и быстро свернули в сторону от больших дорог. Кондиционированный воздух с нежным запахом трав, солнечный свет, проведенный по потолку пятиэтажных подземных аркад, теплые цвета зданий, прозрачные крытые мостики между уровнями, разноцветные галереи, балконы, травяные газоны и растущие посередине улиц раскидистые деревья с желтой корой и светло-зелеными узкими листьями — все это создавало полную имитацию солнечного дня в больничном квартале.

Сэв, методично крутивший педали их четырехместного байка вместе с Дором, зарулил во внутренний дворик больничного корпуса. Навстречу с крыльца соступили двое

сноваживущих: удивительно невысокая плотная ажлисс и стандартно высокий, зато нестандартно смуглый, кажущийся почти черным на фоне яростно-белой формы, врач. Сложив руки перед собой, женщина глубоко и почтительно кивнула. Стиву показалось, что он даже увидел ее гладко зачесанный, как облитый клеем, пшеничный затылок.

«Я Юка, дознаватель дозена», — пришла мысль.

«Кир, приматор больницы», — одновременно коротко поклонился мужчина.

Джи кивнул в ответ и, придерживая Стива перед собой, направился ко входу.

«Юка, не стоило вам отвлекаться на нас, мы здесь неофициально».

Юка покраснела.

«Я рада встретить вас, и у меня кабинет в больнице. Я осталась там, где я и работала до присяги. Приматор ответит вас в морг, там уже все готово».

«Спасибо, Юка. Это экзекутор, но, думаю, вы уже поняли».

Юка покраснела еще раз. «Надеюсь видеть тебя только подарком», — послала она Стиву ритуальный ответ и еще раз кивнула.

Стив молча склонил голову. Дурочка какая-то, а еще дознаватель! Как она со своими людьми общается, если ото всего краснеет? И чуть не заскулил, сводя лопатки. Джи пресек его нехорошие мысли, прошив по позвоночнику иглой фантома. Хорошо, что никто, кажется, не заметил: приматор был впереди, а дознаватель уже ушла.

Сэв остался в байке, а Дор замыкал их маленькую процессию.

Не заходя в сам госпиталь, приматор повел их служебными коридорами. Белый цвет больничных стен давил на Стива схожестью с лабораториями базы, цепочки на шее раздражали — казалось, что от цепочно-шнурочного хомута на хребте проклёвывается чешуя. Он хотел было попросить Джи разрешения снять ненужную тут маскировку, но Джи, скорее всего, не разрешит, а еще и придумает что похуже, специально для развития выдержки. Поэтому старался не дергать шеей, а незаметно напрягал и расслаблял мышцы и убирал собственное осязание самовнушением..

Кир встал у широких дверей и приложил ладонь к замку, пропуская их внутрь морга.

«Вас никто не побеспокоит, но вы можете для спокойствия запереться. Когда будете готовы, свяжитесь со мной или Юкой, мы вас проводим. Мне позаботиться об обеде для вас?»

«Благодарю. Я свяжусь с тобой часа через два, увидим, как у нас все пойдет».

Приматор кивнул и закрыл двери.

На стеллажах лежало около двух десятков приготовленных к переработке тел в непрозрачных плёнках гробов, а прямо у входа стоял прозрачный шкаф с маленькими расписными фиалами со щепотками праха, пока еще не разобранными родственниками уже похороненных мертвых. Семья могла добавить их к стене памяти своей родословной, а у этих оставшихся, видимо, особо близких стен памяти не было. Дор уселся за регистрационный стол около шкафа и полез в систему.

— Стив, иди сюда, — Джи отошел к трем высоким кроватям, выровненным по правой стене. На них спали живые люди. — Это тяжелобольные. Ты будешь сканировать, помогая себе руками, найдешь дефекты и вылечишь их стимулированной регенерацией. Начинай и будь внимателен.

— А почему их не вылечить инкубатором?

— Это люди, нельзя так сильно нарушать баланс природы, а тебе надо учиться, — Джи сделал паузу и выпрямился, и Стив быстро опустил глаза под его взглядом. — Это основы

нашей службы людям, мы — защитники естественного баланса и нельзя вылечить всех. Инкубатором лечат только ценных, тех, кто трудится на благо Империи, кто заработал бонусы своим трудом. Бессмертие же для всех остановит движение, остановит развитие цивилизации и в конечном итоге приведет к деградации живого и отразится на вселенной.

Подойди ближе! Их специально усыпили, так что ты можешь не отключать их чувствительность. Твои руки — сильное оружие: руками ты можешь управлять регенерацией или усилить чувственное ощущение, свое и донора. Так же, как ты меняешь себя сам, ты можешь менять ткани других, управляя чужой регенерацией своими руками.

Ты и сам почувствуешь то, что чувствует человек, но слабее, поэтому ты сможешь регулировать изменение его тканей. Сейчас тебе не надо следить за болью меняющегося тела: они отобраны для твоей первой тренировки и усыплены, чтобы не знали о твоём вмешательстве. Потом ты будешь ездить сюда с Генри, будешь учитывать и регулировать эту боль — ею можно и убить.

Сегодня я буду с тобой и помогу, если запутаешься. Но это твоя самостоятельная работа.

Стив отвернул одеяло — под ним оказался голый старик. Трубки инфузии входили ему в вены на шее, отводящий катетер был перекинут через бледное сморщенное бедро и уходил обратно в систему жизнеобеспечения под кроватью. Интересно, они в больнице голые лежат или его раздели специально, зная, что сканировать проще в прямом контакте с телом, а не через тряпки? «Начинай!» — толкнула его мысль Джи. Стив заторопился. Джи уже третий раз его подгоняет, обычно у императора не хватает терпения и на второй раз! Закрыв глаза и положил руки старику на голову. Мягкие и редкие волосы с отмирающими корешками, сухая тонкая кожа, слабые кровеносные сосуды. Простимулировать кровоток для лучшего питания тканей? Положил руку человеку на грудь. Сердце слабое, дряблые мышцы... Сконцентрировался на сердце и начал его менять, принуждая клетки размножаться, обновляться, наращивать массу, силу... Сердце забилося мощными толчками и вдруг заторопилось и затрепетало. Старик начал задыхаться. Стив засуетился, забегал ладонями по телу. Кровь! Из сосудов исчезает кровь! Лопнуло где-то?

Джи немедленно тоже положил руки на голову и грудь человека, останавливая многочисленные кровоизлияния, и тело успокоилось. Стив заштопал еще один большой пробой, а потом быстро залатал разрывы во внутренних органах.

«Твоя ошибка?»

Стив тяжело дышал, кажется, у него сейчас тоже что-нибудь лопнет. «Я не проверил все целиком, а начал с одной части?»

«Да, сначала надо укрепить мелкие детали, а потом стимулировать общее, иначе погибнешь на мелочах. Вот смотри, у него кровь вылилась везде: в животе и в легких. Исправляй».

Стив углубился в диагностику и лечение. Старое, изношенное тело плохо поддавалось стимуляции и брало много сил и ужасно много внимания. Было сложно выбрать, что исправлять в первую очередь, что можно оставить, а что просто необходимо обновить. Каждый исправленный сантиметр тела тянул за собой бесконечную череду нуждающихся в подгонке деталей, мириады клеток, километры сосудов и нервов, кажется, тонны внутренних органов и чуть ли не распадающихся под руками костей. Стив лечил раны у гвардейцев во время учебных боев, но активная ткань тел сноваживущих сама стремилась обновиться, текла и изменялась под руками при самом нежном прикосновении. А эти люди были как

неподвижные гранитные монолиты — их ткани не помнили как восстанавливаться, почти не умели регенерировать сами, а только поглощали его силы и страшно раздражали свой нечувствительностью.

Стив частично восстановил первого, когда Джи послал его ко второму. Это была женщина. Та прошла уже легче, но третий был просто коллекцией дефектов и сложно-запутанных проблем, и Стив полностью погрузился в регенерацию, стал этим больным человеком. И не заметил, когда Джи разорвал связь, выскользнул из сознания и оставил его самого. Не понял, когда человек под его руками потянул его, как омут, как черная распадающаяся под руками пропасть, и Стив полетел в нее. Уши заложило, зал с глубоким, разрывающим кости свистом полетел в разные стороны, холод ледяным сверлом ввинчивался в сердце...

Пол рухнул на него, раздавил в лепешку.

— Стив! Он умер, ты должен был сразу отключиться.

Джи поставил его на ноги.

— Прости, я не понял, — прошептал Стив и вцепился в якорь рук императора. Все качалось, как в море. Он был выжат до потери всех желаний. Только упасть и спать.

— Я его убил?

— Он бы сам умер очень скоро. Крошка!

Стив с трудом сосредоточился и поднял глаза. Император что-то сказал?

— Возьми кровь у Дора.

Стив вяло перевел взгляд на сидящего у столика гвардейца.

— Но пусть он меня не трогает.

«Стив, ты должен отблагодарить его — это правило».

Стив неуверенно подошел к сидящему гвардейцу. Кровь сама по себе не нужна, но через нее можно подсоединиться к биополю живого и взять немного энергии. Можно даже убить, высосав столько энергии, что душа донора уже не сможет удержаться в теле... Да, энергию лучше брать, когда донор доволен и счастлив. Стив проник в мысли гвардейца. Расшевелил радость и усилил ее до состояния счастья — на это сил еще полно! Но никакой любви он делать не будет! Еще чего... Положил руки на плечи Дору. Тот отклонил голову, подставляя шею. Стив наклонился, качнулся и чуть не шарахнулся, когда Дор обхватил его, поддерживая. И все-таки послал Дору благодарность и, стараясь не касаться кожи губами, выпустил из-под языка жало и взял три маленьких глотка. Яркое вспыхнувшее удовольствие с силой влетело прямо в затылок и, отразившись пузырящимся взрывом, разогнало сердце в галоп. Удержался на ногах и быстро отодвинулся. Прижал и заживил ранку. Потом лизнул палец и стер следы крови на горле Дора, тот усмехнулся.

— Спасибо.

— Спасибо, Дор.

И сразу отошел к Джи.

Джи уже говорил по интеркому, вызывая приматора.

* * *

Уже стемнело, когда пришел Генри, принес поздний ужин:

— Хочешь ужинать в кровати?

— Все хорошо, я буду есть за столом, — она слезла с постели, где так и просидела после ухода Джи.

Никакого ужина не хотелось. Ничего не хотелось, но она заставила себя всё съесть.

Генри занялся быстрой уборкой, а потом, как обычно, сидел на кушетке за ее спиной и ждал. Крошка сбросила остатки еды и контейнеры в утилизатор и забралась андроиду на колени. Свернулась клубочком, прижавшись к теплому надежному телу няньки, и слушала равномерные и такие успокаивающие удары его сердца.

— Генри, ты меня любишь?

— Крошка, я твой стюард, я сделаю всё, что тебе надо.

Хакисс провела рукой по его теплой щеке, смотря в темно-карие, изученные до последней искорки и такие спокойные глаза. Приподнялась, задумчиво и старательно поцеловала его в губы. Генри ответил, обнимая крепче, обхватывая ее талию теплыми и знакомыми руками. Его руки скользнули вверх по спине, и Хакисс, выгибаясь и подчиняясь движению рук, откинула голову ему в ладони. Потом извернулась и прижала его ладонь к своей щеке. Она безнадежно терялась в неподвижном сознании робота, билась в нем своим желанием и ничего не могла найти. Ни легчайшего отзвука чувств.

— Я тебя совсем не чувствую. Ты хоть когда-нибудь что-нибудь чувствуешь?

— Крошка, я андроид, мои чувства — это сигналы программы.

Крошка снова прижалась боком к стюарду, подобрала ноги и положила голову ему на плечо, прижимая к груди его ладонь. Провела пальцем по узору «татуировки». Хотелось плакать, и было одиноко. Как тогда в больнице, когда она случайно убила человека во время обучения. Джи потом сказал, что человек умер бы и сам, так как был очень старым. Но холодная темная воронка чужой смерти чуть не засосала ее. Она была ребенком и только училась. Джи успел разорвать её ментальную связь с умирающим, но бездна как будто оставила голодный кусочек в глубине ее души. Потом Джи ушел, а она так же сидела на руках у стюарда и не могла плакать. Джи оставил её одну — она должна быть сильной! Генри не считается: он не может слиться с ней чувствами или утешить ее фантомом.

Генри делал что мог, обнимал и утешал словами:

— Не надо плакать, люди умирают постоянно, — стюард взял её на руки, вытирая слезы и укачивая. — Ты должна радоваться, что ты избранная, единственная. Ты — экзекутор, ты — воплощение воли императора. Не плачь, забудь свои печали, ты живешь для Джи, живешь для всех. Ты — тень императора, его рука. Его подарок и наказание для сноваживущих...

— Генри, я все это знаю, просто мне плохо, — шептала она. — Я не чувствую тебя. У людей всегда есть чувства. Я слышу тебя, могу говорить с тобой мысленно, но не могу найти эмоций. Ты вообще не чувствуешь?

— У меня нет чувств. Я биоробот, у меня нет души, и ты не можешь получить от меня никаких эмоций. Ты можешь давать мне приказы, мысленно говорить со мной, но не можешь управлять мной, как людьми, не можешь насыпать фантомы.

— Ты не любишь меня?

— Я забочусь о тебе и сделаю все, что для тебя хорошо. Можно назвать это любовью. Вы называете это чувством, но я просто знаю, что должен делать. Например: вот давление, вот разрыв, мне надо поесть, чтобы накормить тело — ты называешь это голод. Но это просто сигналы моей программы.

— Ты же живой, ты должен чувствовать...

— Моё тело выращено в инкубаторе, но вместо человеческой личности или души, его

оживляет программа. Я набираю энергию во время еды, а потом расходую на функционирование. Я живой, но не по-настоящему. Все по-настоящему живые растят свои души жизненным опытом, знаниями, эмоциями, а ты, как ажлисс, можешь брать эту энергию с их кровью. Ты можешь меня убить, то есть я выключусь, а потом мою память снова включают в новом теле и я просто начну жить с момента включения и не буду расстраиваться. А если убить человека и вселить его душу в новое тело, тело ажлисс, то человек будет переживать, обдумывать свой опыт, строить или разрушать свою душу... Мне нечего разрушать или строить, у меня есть только память, нет чувств, нет души.

— Кажется, у меня умерла душа...

— Душа не может умереть. Ты учила это: живое двигает вселенной, когда живое умирает, то его душа вливается в душу мира и дает энергию движения всему миру. Чем старше человек, чем ценнее его душа, тем больше принесет он вселенной. А сноваживущие отошли в сторону от бесконечного процесса превращения живого в неживое. Взяли на себя ответственность следить за смертными, чтобы никто не умер зря, чтобы каждая душа смогла накопить максимальный потенциал к смерти. Чем больше ты будешь учиться, тем ценнее станешь.

Крошка слушала привычную лекцию няньки и не слышала её. Словно давно ставшие неразличимыми звуки музыки и разговоров за стеной у соседей. Странное сравнение. У нее нет никаких соседей. Две соседние комнаты пусты, а за карцером с ванной — бассейн, и она никогда не слышала звуков за стеной...

— Генри, я хочу умереть.

— Глулости, ты не можешь умереть.

— Никогда?

— Ты ажлисс. Когда Император взял твою душу и переселил в усовершенствованное тело ажлисс, ты первый раз умерла. Но Император не даст тебе умереть навсегда.

— А ты?

— А я буду всегда с тобой. Ты будешь жить для императора, а я для тебя...

Это было так давно. И снова повторяется...

Хакисс отстранилась от Генри, отбросила его руку и возмутилась:

— Но ведь другие используют своих стюардов для удовольствия, для удовлетворения, для секса!

— Андроид — только инструмент, а люди и ажлисс с его помощью сами стимулируют своё тело и удовлетворяются. А ты сама не можешь: по закону экзекутору ставится блок, но зато экзекутор сильнее любого ажлисс и ему не обязательно касаться человека, чтобы прочесть его или управлять им.

— Сами, — скривилась Крошка. — Сами себя.

— В этом единственном я тебе не могу помочь, — Генри опять обнял ее, продолжая успокаивающе убаюкивать. — Чтобы получить удовольствие от телесного контакта, ты должна найти чувства и усилить их в другом человеке и пережить это вместе с ним, твоё тело и эмоции работают как эхо. Я биомеханизм и хотя программа позволяет мне говорить с тобой мысленно, но чувств и эмоций у меня нет. А ты экзекутор, то есть ты управляешь чужими чувствами и чужими телами. Поэтому и самое большое человеческое удовольствие ты можешь получить только через другого. Джи тебе говорил.

— Да, он говорил, — и Хакисс передразнила голос императора. — Ты должна работать с чувствами других, вести людей, останавливать армии! Нельзя быть самодостаточным

орудием! Иначе зачем лезть в головы других?

Хакисс встала.

— Хорошо. Иди, Генри, ты мне больше не нужен.

У Генри же есть свой закуток на техническом этаже у тренировочного зала. Все андроиды живут в небольших индивидуальных или общих комнатах, разбросанных по базе, недалеко от их места работы — их биологическим телам нужен отдых и регулярный сон.

А она впервые ночевала совсем одна. Но Хакисс больше не ребенок, чтобы спать с нянькой!

И тонкий жизни лепесток,
Слетевший с дерева познания,
Скользнет, лишь краешком судьбы
Пощекотав твоё внимание,
И улетит. А смерть придёт.
Она не знает опоздания.

(Фрагмент наследия Св. Райны)

* * *

Хакисс выползла из кровати задолго до рассвета. Завернувшись в одеяло и не открывая

глаз, выдернула из шкафа длинную майку и побрела в гигиенический угол. Одеяло осталось лежать на полу как дохлый медведь.

Она не выпалась и сама была как мёртвая. Светильник в ванной резанул по глазам ярким светом, и Хакисс с досадой шлепнула рукой по сенсору, возвращая слишком бодрой лампе режим ночника. Бессонная, отвратительная ночь все ещё длилась, но не было сил дальше ворочаться в кровати. Казалось, что в горле застрял шипастый кусок льда и медленно таял, роняя холодные капли на сердце. Она могла убрать дурной спазм простым внушением. Или для более сильного воздействия провести рукой и успокоить раздражение сканом и стимулированным контактом. Обновлять ткани и чувства она умеет как инкубатор. Натренировалась, когда ходила учиться в больницу или помогала раненым гвардейцам регенерировать во время игрищ на арене и полигоне... Но как только переставала следить за собой, горло опять сжималось и пакостные мысли снова начинали царапать и давить. Уже ничего нельзя исправить! Она сама убила своих зверей. Убила навсегда.

Ночью пыталась утешиться, обложившись безответными подушками. В детстве Крошка играла, представляя, что самая большая меховая подушка — это потерявшаяся Тигра, закопавшаяся в глубокий снег так, что не видно ни носа, ни лапок. А она спасла и принесла Тигру домой, и теперь, пока зверёныш спит, она, облетев сканом всю Империю, найдет тигриную маму. Хакисс обняла руками и ногами мягкую подушку и прижалась к пушистому боку... Подлый спазм переполз в живот, отрастил беспокойные лапки и... Гладить себя бесполезно: она не просто ажлисс, который может наслаждаться с андроидом или успокаиваться сам с собой! Ей нужен живой человек, чьи чувства она может отразить, разогреть и выпить. Получить и разделить. А лучше всего с Джи: он единственный умеет не только сам чувствовать, но усиливать эмоции и ощущения, как и она. Как же страшно хочется к Джи! Вот пойдёт и умрёт под его дверью! Хакисс разозлилась и пинками вытолкала все подушки с кровати.

Нет же! Он велел остаться и ни за что не пустит к себе! Ни за что не передумает! Он никогда не передумывает...

Так и промучилась на ставшей неудобной и пустой постели. Однако выдержала. Не позвала даже стюарда. К утру решила: она благодарна Джи. Он говорил: «Надо во всём искать хорошее, и тогда даже неприятность превратится в полезный урок!» Джи и правда мог бы сделать хуже: заставить её загипнотизировать животных, чтобы они убивали друг друга. Долго и мучительно рвали друг друга на куски. Как в игровом лабиринте. Вместо этого он приказал убить зверей быстро. Почти безболезненно. Боль сразу кончилась, и всё.

Хакисс выключила воду и потянулась за полотенцем. В зеркальных стенах отразился её мрачный двойник. Двойница. Хакисс натянула майку и села на бортик ванны. Надо сосредоточиться. Очистить мысли. В таком настроении и с таким лицом нельзя идти работать. Даже если лицо будет совсем другое.

Генри принесет задание, и она изменится неведомо в кого...

Интересно, в кого? Хотя нет, неинтересно. Подарок как подарок. Миллион раз было. Скорей бы уж завтра! Она поменяется хоть в теломорфу чешуйчатой ящерицы, ради погружения в фантомы чужого удовольствия. И вот тогда пройдет это мерзкое зудящее нытье в груди! А потом, постепенно, она привыкнет, что у нее нет зверей. Что она сама убила их. Воспоминания станут туманными и бесчувственными, как вчерашние сны. Горе и боль подстегивают способности. Стимулируют. Она должна растянуть скан. Тогда она станет сильнее, а Джи будет доволен!

Хакисс провела пальцем по отражению. Густые волнистые волосы, нежно-смуглая кожа, аккуратный прямой нос и фигурный ротик. Светло-карие, даже какие-то желтые днём глаза сейчас, в слабом свете ночника, казались темными... Игрушечка! Да, она знает, что люди не чувствуют, как заинтересованно-восхищенное внимание постоянно толкается в её сознание. Но ей приятней и удобней вылезать с базы в теломорфе Стива. Быть Стивом спокойней. Человеческие самки не такие настырные, как самцы.

Хакисс брезгливо скривилась, набрала горсть шампуня и размазала по своему отражению. Какая бы она выросла, если бы Джи не корректировал ее развитие в инкубаторе? Страшная, косая, с короткими ногами и ртом щелью? Вряд ли. Инкубатор лишь помогает проявиться наследственным признакам, развиться телу так, как и записано в генах. Люди же не умеют жить правильно, и их генетический план сдвигается: нарушается баланс внутренний, и ломается баланс внешний. Внешние черты деформируются, органы портятся... В то время, как генетические задатки человека, ставшего ажлисс, развиваются в инкубаторе до абсолютного идеала, проявляя максимум заложенных природой возможностей. Поэтому все ажлисс под два метра, даже женщины. А она не достаёт Джи даже до плеча. Хакисс вздохнула и хихикнула: то есть без инкубатора она что, должна была вырасти всего до полуметра? Нет, Джи говорил, что теломорфа Хакисс и есть её истинный облик. Для работы экзекутора нужна сила мысли, а не тупое мясо. Ей не надо быть двухметровой дылдой, и она не как все! И в теломорфе громилы-Марка, которого почти не отличить от гвардейцев, ей всегда немного неудобно. Уж лучше быть трехсоткилограммовой львицей — у той хотя бы четыре ноги для движения.

Она видела себя глазами той тётки — Зенды? Её сыночка чуть не уколошил собственный муженёк, а эта сморщенная крыса испытывала почти такой же сексуальный восторг, как и Джи, когда любит свою Крошкой. Даже начала хвататься руками. А руки у каэры Зэ были некрасивые: вспученные жилы, неаккуратно покрашенные широкие ногти. Фу. Кстати, надо посмотреть, что с её муженьком. Послали на него рапорт? Сняли ему за это нарушение порядка бонусы или нет? Дома она без проблем пользуется экзекуторским допуском во все архивы Империи. Кроме собственного дневника...

Хакисс пошла к столу, потащив за собой одеяло. В комнатах было тепло, но по ночам и с утра она всегда мёрзла. Можно было разогнать метаболизм и согреться, но в одеяле уютнее. Взгромоздилась с ногами в кресло, закутываясь в толстые складки меховой ткани. Как хорошо, что она не догадалась разбить и затолкать в утилизатор кресло! Но вчера сил не было ни на что...

Прижала ладонь к сенсорной панели на углу столешницы. Нашла архивы зоопарка, список сотрудников, дневники, отчеты... Ага, Берди зовут полным именем Бердинанд Хайлоп. Докладную дирекция зоопарка послала Кору, дознавателю триста второго дозена на четвертом уровне Большого Лакстора, где этот Бердинанд живет и работает официантом в районной столовке. А у Кора в архиве обозначено получение, и более ничего.

Хакисс вздохнула: еще рано искать результат. Не хотела бы она работать дознавателем: отвечать за несколько тысяч людей, постоянно сканировать и знать всю подноготную всех, решать виновен — не виновен... Одно у дознавателей хорошо — пока он не дотронулся до тебя, то ничего внутри и не прочитает! Это вам не экзекутор...

Всё будет известно через два-три дня: дознаватель просканирует Берди и поймет, что тот ничегошеньки не понимает и у него нет ни единой мысли, с чего он полез ко львам. Кор решит, что Берди псих. Или что появился дикий экзекутор, который тренировался на Берди.

Начнётся паника, дознаватель тоже сойдет с ума, а Берди и зоопарк с половиной персонала утилизируют. И что теперь делать? Она не имеет права просить! Тем более сознаваться, что так глупо поиграла. Она не может ничего сделать! В бездну всех!

Раздраженно переключила экран на личную коллекцию стихов. Творчество Марка Шейдона прекрасно подходит для ее настроения. Или вот некоторые вирши Святой Райны, которые неожиданно обнаружили в недрах закрытых для людей архивов «еретиков». Надо же, когда-то были люди, недовольные благополучной жизнью Империи...

* * *

Генри пришёл, а она все еще сидела за столом, бессознательно глядя в стену, где автоматически менялись зарисовки из путеводителя по Империи.

— Крошка, доброе утро. Ты опять ищешь свою планету? Император тебе запретил...

— Нет, я учусь, — набычилась Хакисс, мстительно не здороваясь, и выключила экран.

— Твоя учёба закончилась.

— Значит, я просто смотрю картинки! Генри, сколько мне лет? Где я родилась? Я же где-то жила до того, как Джи меня взял?

— Крошка, ты экзекутор, и ты здесь всегда. Ты постоянная часть Империи так же, как Джи. Ты неотъемлемая часть императора. Не надо нарушать правила и искать свое прошлое. Ты ажлисс, сноваживущая, и ты рядом с Императором от всегда до навсегда.

— Но это же бред! Я же должна была когда-то и где-то родиться!

— Ты родилась для Джи. Всё остальное неважно. Никакого «раньше» не было.

Хакисс мрачно принялась за завтрак. Рыба, запеченная в овощах с фруктовым пюре, неизменный любимый кофе с молоком и три сорта булочек с сыром и вареньем. Она отвоевала право есть в своей комнате из одноразовой посуды с простым прибором, хотя Джи долго настаивал, чтобы она соблюдала правильное столование даже в одиночестве. Бр-р! Одно название этого ритуала поглощения пищи чего стоило! А еда всего-навсего топливо для тела. Любой праздничный обед из полсотни блюд — это простое получение энергии, то есть процесс обратный испражнению. Сначала поешь, потом побегаешь, а потом выбросишь отходы в канализацию. Здорово, что хождение в туалет не обставили ритуалами. Она успела заглянуть в свою новую книгу еще в информатике и похихикать над описанием возвышенного ужина Императора Ур в шестнадцатом веке до современной эры. Прислужников было двести человек! Император Джи обходится одним стюардом, но вилочки, палочки-ложечки, бесконечное количество тарелок, блюдец, невообразимых бокалов... Зачем ей это всё знать? Экзекутор никогда не ест на публике и не принимает участия в праздничных трапезах. Но Джи, даже когда она была с ним наедине, требовал соответствия приличиям. Очередная бессмысленность жизни!

После завтрака Хакисс спустилась в тренировочный зал: стреляла по биоуткам из арбалета и бросала нож в подвижную цель.

Джи хранил молчание.

В обед Крошка не выдержала и попыталась дотянуться до императора сканом, но наткнулась на щит и пугливо втянула «щупальце». Всё еще обижен на неё? Снова защемило в груди. Она ушла в зал и активировала гладиаторский муляж. Вымотавшись насмерть

фехтованием и рукопашным боем, позволила Генри выкупать себя и, наконец, уснула, предварительно выгнав стюарда. Раз Джи её не зовет, то и пожалуйста! Тогда ей не нужен и стюард! Будет спать одна! Всегда!

* * *

Проснулась она от тихого шипения открывающейся двери.

— У тебя есть работа, — Генри оставил поднос и протянул Хакисс небольшой, но увесистый диск от пластипола. В пластипол играли дети — из плотной голограммы, появляющейся над круглым постаментом, можно было творить любое существо: лепить руками или мысленно, надев на голову сенсорный обруч.

— Я отведу тебя на Ломиб к регенту Яо — император делает ей подарок к юбилею, — Генри начал сервировать завтрак.

Хакисс села за стол, включила постамент и хмыкнула, увидев маленькую фигурку, выросшую в её руках. Настроила масштаб и бросила игрушку на пол. Диск глухо стукнулся о ковер и, слегка прокатившись, остановился у окна. В голубоватом отсвете козырька террасы стояла обнаженная девушка. Хакисс потянулась с кресла и быстрым зигзагом чиркнула по ней пальцем. Изображение пропустило её руку, даже не вздрогнув.

— Ты не включила режим пластики, но тебе нельзя её менять, — неодобрительно сказал Генри, наливая ей утренний кофе. — Это ты должна измениться в неё.

— У нее очень маленькие ручки и ножки и ненормально большие глаза, — Хакисс обеими руками взяла новую кружку и отпила. Шершавые бока кустарной лепки приятно легли в ладони. Генри знает, что ей нравится. Хотя Джи бы не одобрил: слишком грубая работа. — Спасибо за кружку.

— Пожалуйста. Зато тебе не надо менять цвет и длину твоих волос: они легко уложатся в требуемую прическу.

Хакисс ещё раз критически взглянула на голограмму. Яо хочет такое? Кудрявая витиеватость, наверхенная из волос по бокам головы, смотрелась чудовищными ушами, контрастируя с гладко зализанной макушкой. Уж лучше коса экзекутора!

Генри разложил на столе пиалы с фруктовым салатом, несколько видов хлеба и напоследок вынул из контейнера целый букет горячих маленьких шашлычков.

— И зачем ты принёс столько еды? Я же не в слона буду наращиваться! — Хакисс отодвинула мясо.

— Тебе нужна энергия: мы едем сразу после завтрака. Ты изменишься во дворце Яо, а работать будешь завтра.

— А регент мне не даст еды, ага!

Генри не счёл нужным на это реагировать, но пояснил:

— Джи считает, что тебе несложно будет скорректировать свое тело и без инкубатора.

— Конечно, это просто, — фыркнула Хакисс, выскочила из-за стола и встала над диском, совмещаясь с изображением. — Немного вырасту и ужмусь, отращу груди, но всё равно — странное создание. Она вообще неестественная.

— Друг регента Яо — человек и не подчиняется правилам ажлисс.

— Я что, иду к человеку? Но я не могу идти к человеку! — испугалась Хакисс. — Это запрещено! Человек может в меня влюбиться от непривычно сильного удовольствия!

— Регент Яо получила право на подарок, и Джи разрешил ей использовать тебя для её партнёра. Партнёр регента Яо — очень старый человек. Его жизнь сейчас — это воспоминание о прошлом, а ты сделаешь ему ещё одно, самое яркое воспоминание. Он хочет, чтобы его полюбила героиня сериала «Звезда тебе в ладонь». Ты не сможешь привязать его к себе: он старый, эмоции его слабы, и он давно любит регента.

— Это же глупо — связываться со смертным! Он же стареет и все равно умрет! Почему она не выбрала себе в партнёры полезного человека, который бы мог стать ажлисс?

— Хакисс, экзекутор не имеет права судить. Не забудь перед дорогой считать отпечаток ауры регента Яо в системе.

Она опять фыркнула и вернулась к завтраку. Вот её любимый — ажлисс, и ей не надо бояться, что он вдруг умрет! И нечего ей напоминать протокол, она и так знает, что делать — она помнит всё, что ей надо!

* * *

Хакисс шла за андроидом к залу портала и радовалась, что Генри не сказал ей переодеться, и она может оставаться в удобных брюках и рубашке. Форма не нужна, и она не будет пугать встречных. Экзекутор просто идёт на прогулку, и никто не задумается, куда и зачем! Встречные не шарахаются и не экранируют панически свои слабые мозги, царапая её восприятие острыми занозами ужаса.

Они спустились в зал малого портала. Хакисс приложила руку к панели, подтверждая адрес и цель путешествия. Система открыла проход, и они вышли уже из грузового портала на планете регента Яо. Зал слепил белизной, как и на базе, но по стенам на уровне глаз тянулась замысловатая вязь. Помещение удивляло размерами, а портал активно работал в обе стороны. Прямо перед ними сиял дневным светом открытый и широченный, от стены до стены, зев ворот, открывающихся на необъятную площадь, куда то и дело садились и взлетали раздутые, как гигантские горбатые жуки, грузовые флаера. Генри торопливо потянул её вбок, на пешеходную зону, и, отметившись на регистрации приходов, повёл через муравейник торговых залов. Хакисс уже совершенно запуталась. Нет, она могла бы остановиться и, выкинув щупальце скана, найти обратную дорогу, это было бы даже интересно, но вот так, ориентируясь только при помощи глаз...

— Откуда ты знаешь, куда идти?

— Регент прислала указания.

Они вышли на закрытую парковку, и ближайший, очень узкий и расписной флаер откинул прозрачную сферу крыши. Навстречу им встал андроид в длинном кафтане.

— Меня зовут Сито, я стюард госпожи Яо, прошу.

— Меня зовут Генри, я стюард экзекутора.

Хакисс молча влезла на заднее сиденье. Экзекутор не здоровается и не прощается. Начнёт работать, тогда и заговорит. Если будет надо.

«Генри, а как Сито узнал, что это мы? Я же без формы, и андроиды не видят ауру».

«У него флаер регента, он принимает сигнал системы».

Горы вместе с порталом остались позади. И она забыла считать ауру Яо из библиотеки. Хотя это ерунда — вряд ли её приведут к фальшивому регенту!

Очень скоро флаер летел низко-низко над кружевом зеленых лесов, паутиной рек и

каналов. Большой город на сваях закрыл собой горизонт и тоже унесся вдаль — Хакисс только и успела увидеть прозрачно сверкавшие, как будто целиком из пластика, здания, арки мостов в путанице навесных дорог и частокол высоких серых столбов, на которых всё это стояло. Пока она пыталась рассмотреть быстро уменьшающийся город, машина уже приземлилась внутри дворца регента. Хакисс даже не успела увидеть, как он выглядит снаружи.

Стюард поднял их на лифте, провёл анфиладой воздушных комнат с огромными окнами, изящной белой или светлой мебелью, нежно-пастельными коврами и тонкой росписью по стенам и потолкам. Хакисс тут очень понравилось. Наконец-то попала в настоящий дворец. База и покои Джи выглядят как научный центр, а вовсе не жильё императора! А тут она хотела бы жить.

— Вот ваша комната. Регент скоро посетит вас.

Стюард исчез, а Хакисс с разбегу прыгнула на низкую мягкую кровать с кучей подушек.

— Генри! Тут здорово!

— Не кричи. Здесь ты будешь меняться. Посмотри ванную.

— Да не пойду! Мне не нужна ванная для изменений. Это же ерунда совсем! Мне ночи хватит. Или я прямо сейчас могу!

— Подожди. Сейчас придёт регент, принесут обед, и тогда можешь начинать.

Хакисс закатила глаза и откинулась на подушки. Опять еда!

Мелодично зазвонил колокольчик, и появился Сито. Хакисс сдуло с кровати: она встала, опустила глаза и чинно сложила руки. Выбросила скан и осмотрела регента за дверьми.

Минута тишины, и женщина вошла. Хакисс отбарабанила присягу и подняла глаза. Регент оказалась выше её, что неудивительно — почти все ажлисс были высокие — и на первый взгляд, так же молода. Слегка раскосые чёрные глаза. Умопомрачительно сложная прическа и возмутительно расшитое платье. Оно казалось негнушимся, как деревянное, из-за сплошной густой вышивки из бусинок и драгоценных камней.

— Сито придёт за тобой завтра на рассвете.

Хакисс молча склонила голову.

Регент удалилась. Генри тоже ушёл, но несколько раз возвращался — менял недоеденные кушанья на новые, еще более дивные. Хакисс не выдержала и спросила:

— А почему Яо живет во дворце, а Джи всего в трех комнатах? Джи — император, а регент нарушает закон Империи о разумном владении имуществом! Разве всё это может быть её частной коллекцией или жилыми и рабочими комнатами? И она носит слишком вычурное платье. И еда слишком странная!

— Ты учила энциклопедию — все миры разные. Яо происходит из старой династии правителей Ломиб, и этот дворец принадлежал её семье. И как традиционный символ власти он остался в её владении. Правда, лишь символически. Конечно, с течением времени дворец модернизировался, но платье на ней тоже традиционное. Империя уважает традиции разных культур.

У Крошки было море времени, она даже немного поплавала в длинном изогнутом бассейне во второй комнате. Назвать это помещение ванной не поворачивался язык. Больше всего это было похоже на оранжерею или ботанический сад под фигурным цветным куполом. В зарослях густых кустов и вьющихся лиан прятались мягкие диванчики и

тренажёры, а душевая кабинка оказалась за низким, но толстым деревом, с цветущими золотыми гирляндами.

Хакисс положила диск с образцом перед кроватью, включила скульптурку и начала меняться. Ей не понадобится много сил, даже не надо будет особенно стараться. Она может спокойно израсходовать часть массы и энергии собственного тела — подарочная девушка намного легче и тоньше. Всего-то дел: слегка вытянуться, сделать кукольный ротик и сотворить гротескную фигурку с осиной талией и пышной грудью. Но что за извращённые желания! С такими малюсенькими ступнями неудобно не только бегать, но и ходить! А если всё-таки побежать, то сразу задохнешься с такой узенькой грудной клеткой! Хакисс представила, что она нарастит себе костяную полочку из ребер, которая, как поднос, будет поддерживать слишком большую грудь... да... Она хихикнула. Джи её тогда в спираль свернёт! Но из-за странно-утрированной анатомии придётся очень старательно следить за обменом крови и кислорода — лёгкие получают совсем маленькие, их объёма не хватит, но она как-нибудь справится. Не в лабиринт же идёт! Всего-навсего день тихой любви с человеком, да ещё и старым! Она даже не успеет начать задыхаться, как дедушка утомится и уснёт. Ну, может, придётся почаще дышать и быстрее гонять кровь...

Декаду назад Джи дал её Вику. В животе сладко заныло от воспоминания; она тогда думала, что лопнет от эмоций. Вик добрый и вообще хороший. Ласковый и забавный. Даже не требовал никаких изменений, и все два дня они провалялись в постели. С ним и его стюардом. Тогда она впервые занималась любовью с андроидом. Да ещё стюард у Вика — маленькая девочка. Ну, только с андроидом у неё бы ничего не вышло, но она могла воспринимать и усиливать эмоции Вика, и всё прошло прекрасно. Хакисс вздохнула. Вик ей по секрету сказал, что может потом взять запись из своего дневника и переживать их встречу снова, когда захочет. А она следующий день проспала, вся в мечтах, наверстывая бессонную ночь и ужасно жалея, что Джи не разрешает ей брать записи. Даже её собственные.

Хакисс снова вздохнула и совместила руку с фигуркой. Уй-й-й, тоньше надо... И меньше ладонь...

* * *

И ты не скажешь никому
Что ты нашел там, за порогом.
Был вознесен и почему?
Или не встретился ты с богом?

И будем мы молить богов
Или ругать их, искушая,
Дано нам только уповать
На тихую надежду рая...

(Фрагмент наследия Св. Райны)

Было ещё темно, когда Генри начал её одевать.

Хакисс с сомнением провела руками по красно-золотой вышивке верхней юбки. Воздушная кремовая блуза с рукавами до локтя оставляла обнаженными плечи. Жесткий корсет с тугой шнуровкой спереди делал её похожей на художественно сложенную салфетку на праздничном столе, расширяющуюся сверху в пышные рукава и бюст, а снизу — в невероятно пышную юбку, сложенную из миллиона тонких нижних юбочек. Туфли были практически из одной подошвы на высоком каблучке. Затеяливая шнуровка оплетала ступни и голени. На руках — перчатки из множества колец и цепочек, прикрепленные к браслетам. На шее — витое ожерелье, лежащее на груди почти горизонтально. Своих ног Хакисс не видела.

Генри уложил волосы в ушастую причёску, оставив открытой шею.

— Регент сказала, что живые женщины уже давно не возбуждают её партнёра. Он использует сенсорный стимулятор, поэтому тебе придётся постараться.

— Ха, — буркнула Хакисс. — То есть я буду, как секс-андроид? Человек будет включен в сеть и бессознательно ползать по мне руками. А я стану усиливать его ощущения? Бе.

— Хакисс, сосредоточься, ты идёшь работать! И регенту не понравится такое настроение.

— Регент услышит только то моё настроение, какое я ей покажу, — проворчала Хакисс и замолчала.

Когда прибыл Сито, подарок смиренно сидел на стуле.

Усиленно лоя баланс, она доковыляла кукольной походкой до апартаментов любовников и оказалась на солнечной террасе, заросшей низкой мягкой травкой и вместо потолка закрытой силовым куполом.

— Хорошенькая, но я думал, она будет красивее, — невнятно проговорил сухой старик через усилитель.

Хакисс слегка улыбнулась и опустила глаза. Ей усилитель не нужен, она слышит его мысли. Она должна быть мила, тиха и послушна. Этот дедка может рассыпаться в каждую минуту. Человек медленно дошёл до высокой круглой кровати под балдахином, похожей на шатер бродячего цирка, осторожно сел и жестом позвал её.

— Она именно такая, какую ты хотел, — регент в просторной прозрачной пижаме устроилась за спиной своего друга. — Она усилит твоё удовольствие во много раз, я дарю тебе наслаждение, которое могут получить только ажлисс!

Хакисс вновь улыбнулась и досеменила до этой цирковой арены, проникая в мысли и чувства воркующих любовников, ища и раздувая пока ещё маленькие искорки вожделения. Она присела на кровать к полубессмысленно глазающему старцу. Человек оживился, погладил её по плечу сморщенной лапкой и начал расшнуровывать золотые завязки корсета. Яо перебралась ближе и отстегнула верхнюю юбку кукольного наряда. Хакисс откинула голову и встретилась с ней губами. И наконец поймала совсем тихонькую радость и удовольствие. Усилила, послала обратно, поймала, усилила... Соединилась в одно с Яо и её другом и спустила лавину, перестала контролировать своё тело, отдавшись на волю двоих. Ушла в них, ощущая себя через них, ощущая себя огненным мостом, сжигающим путников своей страстью, резонируя и усиливая...

Старик дёрнулся и расслабился, и Хакисс, плывшая в экстазе вместе с Яо, отпустила его спать, отпустила обоих. Регент шевельнулась и села. И вдруг сильный удар вышиб из Хакисс дыхание и сбросил её на пол. Прижимая рукой сломанное ребро и болезненно дыша маленькими глоточками, она осторожно встала на колени, заглядывая на кровать.

— Ты убила его! — истерически шипела Яо, поворачивая человека на спину. — Ты парализовала его!

Хакисс подползла и провела рукой от груди до головы старика — сердце билось слабо и быстро. Он был без сознания. Яо буравила её взглядом, чуть ли не трясясь от злости.

«Госпожа, у него кровоизлияние в мозг. Я прошу прощения. Но он сейчас ничего не чувствует».

Яо размахнулась и дала ей пощечину. Она снова упала, боль от сломанного ребра разрезала пополам грудь.

Яо, сидя на коленях перед своим другом, маятником качалась взад-вперёд.

Хакисс приподнялась, мелко дыша приоткрытым ртом. Говорить вслух было невозможно.

«Я могу постараться его вылечить».

— Зачем? Он умирает. Он давно умирает. Отпусти его!

Она сейчас убьёт любовника регента, а потом регент обвинит её в убийстве! Но Джи сможет всегда показать её запись, и каждый дознаватель скажет, что она следовала прямому приказу! Хакисс сглотнула.

«Хорошо, госпожа Яо».

— Я хочу чувствовать вместе с ним! — женщина прижала кулаки к груди. Потом резко схватила её за правую руку и дёрнула, втаскивая её на кровать... И на умирающего. Хакисс невольно застонала сквозь зубы.

Левой тянуться к голове старика было больно и неудобно, но, задержав дыхание и повернувшись, почти целиком лежа на неподвижном и нереагирующем теле, Хакисс положила ладонь ему на лоб. Каждый вдох и выдох выжимал слёзы. Человек прямо под руками становился всё горячее и горячее. Ей не было его жалко; он находился без сознания и отключился на пике удовольствия. Но у неё болел бок, и слезы текли сами.

— Отпусти его! И пусть я чувствую то же, что он! — Яо мяла и дергала её руку.

Он, по мнению Хакисс, ничего особенно не чувствовал. У него поднимался жар, но сам он был где-то совсем далеко, и Хакисс ощущала только волны тепла, как будто старик уже был одной ногой в жерле вулкана... Но и это была просто реакция тела.

Она сосредоточилась и остановила сердце мужчины, прервала его дыхание. Сознание умирающего превратилось в тёмный жадный смерч, который начал заглатывать её силы, но она отсекала и отбросила воображаемую пиявку смерти. Выпала в реальный мир. Яо закричала и вцепилась ей в волосы, дёргая, трясясь и завывая. А потом оттолкнула Хакисс и, рыдая, упала на тело своего друга. Хакисс свалилась на пол. Уже в который раз. Она лежала, собравшись в комочек, и плакала, потихоньку начиная заращивать ребро.

На крик регента прибежал её стюард.

— Ажлисс Яо?

— Иррей умер... Умер! Иди и объяви траур. И не приходи, пока я не позову тебя!

Яо гладила мёртвое тело. Потом накрыла его одеялом, встала, медленно надела платье, обулась, подошла к Хакисс и пнула её ногой.

«Ты убила его».

«Прости, госпожа Яо, но он был старый, он бы всё равно скоро умер. И ты сама...»

И тут Яо завизжала и лягнула её, как бешеная лошадь.

* * *

Всю дорогу домой Хакисс мысленно благодарила Джи, научившего её не отвлекаться на боль и проникать в чужие, даже безумные мозги. Боясь, что она нарушает задание, останавливая кровь из разбитых внутренних органов, она овладела регентом и успокоила, заставила сжалиться, вызвать Генри и отослать её домой. Задание было выполнено, ведь так? Подарок уже не нужен... И Хакисс ушла в боль регенерации и отключилась на руках у Генри.

Она снова очнулась, плавая на волнах биения сердца, уже на базе. Бордовые стены технического этажа качались в такт шагам. Совсем близко был ее тренажерный зал и инкубатор...

Генри нес её, завернутую в покрывало, взятое из дворца регента Яо.

Ритуал оплакивания ушедшего человека Крошке очень не понравился. Болезненно не понравился. Смерть должна быть тиха и прилична, а не безумна...

Солнце рассыпалось в серую пыль за холмом,
Луны пропали в зыбучих песках без рассвета.
Сплю я? Иль снова не сплю под крылом
Этого странного, в мыслях моих утонувшего света?

Я оглянусь, там скользит без огней темнота
Руки мои не видны на стекле черноты этой ночи.
Если шагну — провалюсь я без слов? А куда?
Если останусь — найдешь меня ты? А захочешь?

Я не дышу, замерла словно пойманный тать,
Мир как слеза — он блестит на полуночи веках.
Дрогнут часы — на двенадцать уж стрелке не встать.
Сердца толчок — и тону я в карминовых реках.

(дневник шестой Крошки)

* * *

инкубаторе. Чуткие ворсинки биоматраса прилипали и отлипали, щекотали кожу микроскопическими присосками. Фух-х, она снова Хакисс, а не эта безумная конструкция, похожая на песочные часы с сиськами! Ничего не болит... Как же уютно очнуться в своем теле! Села боком и свесила одну ногу с пьедестала, касаясь босыми пальцами приятно-пружинящего пола тренажерного зала. Генри как всегда рядом, с одеждой и расчёской. Крошка взяла белую батистовую блузу с кружевным нагрудником. Блузка не имела застежек, а запахивалась внахлест. К ней прилагалась расклешенная голубая юбка до щиколоток, вышитая цветами и синими птицами — упрощенное предсвадебное одеяние женщины-чипу. По мнению Джи, национальные костюмы показывают единство эзекутора с народом. Хакисс фыркнула: спасибо, что большая часть этих нарядов всего лишь упрощенная имитация! Настоящая невеста-чипу для встречи жениха накручивает на себя миллион разных тряпок: нижние и верхние юбки, фартук, короткую и длинную жилетку, а ещё ленточки, бантики, бубенчики! А расфуфыренный чепец, завершающий красоту, в тысячу раз ужаснее тугой прически эзекутора с ненавистными косичками и бусинками. За время восстановительного сна жутчайшие «уши» и кудряшки подарочной прически расплелись, а на спокойный домашний вечер сойдет и простая коса.

Хакисс небрежно завязала на спине бант из длинных лент на концах блузы. Расправила нагрудник и взяла юбку. В запасе еще вечер и целый завтрашний день. А потом будет новое задание. Она возможно отправится сопровождать Джи с визитами по Империи и с удовольствием выкинет из головы психанутую Яо. А сейчас можно размять обновленное тело на тренажерах, покидать ножи. Хакисс злорадно улыбнулась, представив бесконечную череду биоуток с лицом регента Яо. Эзекутор в справедливом гневе ужокошит тысячу Яо бескомпромиссным ножом и метким арбалетом!

— Крошка, Император ждет тебя через полчаса в тестерной. Он сказал, не бояться. Ты не пойдешь к регенту Джул.

Крошка от неожиданности запуталась в просторной юбке.

— Эта тварь кусачая здесь? Сейчас? С Джи?

— Крошка, ты не можешь оценивать, — Генри успел поддержать чуть было не упавшую Хакисс. — Да, регент Джул приехала с частным визитом вчера.

— Чего ей надо? — Крошка забралась в кресло, лицом к высокой резной спинке, чтобы стюарду было удобнее её причёсывать. Закрывает глаза и провела пальцами по вырезанным в темном дереве листьям и буквам имперского алфавита, впитывая форму осязанием и сканом. Вдохнула и положила подбородок на выемку в букве «джи», перехваченной императорской короной. Это кресло принёс Джи из своего кабинета, чтобы наблюдать за её тренировками. Не будет же он сидеть на полу, как эзекутор...

— Я не знаю, — Генри бережно разбирает спутанные волосы. — Император хотел, чтобы ты не боялась. Ты к ней не пойдешь.

— Спасибо, — буркнула Крошка, подвинула голову и от досады надавила подбородком на острый шип буквы «джи». Дрянь! «Боевая подруга» Императора! В памяти выплыла вся такая прозрачно-противная регент Джул с гладко прилизанными на висках бесцветно-паутиными волосами. Мерзкая. Как то скользкое платье, в котором Крошка впервые увидела её на приеме. Встреча верхушки ажлисс, посвященная стабилизации региональной экономики, перетекла в камерную вечеринку: пятеро регентов, с десятков дознавателей, ведущий транспортного объединения, кто-то от медиков и пищевиков... Скромные пастельные тона на первый взгляд незатейливой одежды, незаметные украшения. Крошка в

форменном черно-бордовом одеянии эзекутора скучала у ног императора и играла, глазами и сканом пытаюсь найти и сосчитать драгоценности на присутствующих. Вдруг музыка заиграла громче, обнаженные танцоры сформировали коридор, и вошла регент Джул, как будто сотканная из водяных струй. На ней не было украшений вообще.

Джи усмехнулся и, пощекотав Крошку за ухом, послал мысль:

«Не кисни. Драгоценность одежды и украшений отнюдь не в яркости или количестве. Вот регент Корао Джул, — эмоции Джи толкнулись теплом и радостью. — Её платье выглядит простым, но на самом деле это произведение искусства. В нём нет швов, оно соткано из одной непрерывной нити и облегает как вторая кожа. На Корао выращивают уникальный хлопок, который с добавлением местного шелка дает неповторимо красивую и прочную ткань. Видишь, Джул идет так, будто на ней нет ничего, кроме искрящейся воды. Посмотри на её браслеты, — Крошка с трудом и только с помощью скана нашла почти невидимые кружева на руках серебристой женщины. — Дуб кордис обладает очень твердой древесиной тёмно-коричневого цвета, но чем тоньше слой, тем светлее дерево. Наиболее известны изделия насыщенно-медового цвета. Браслеты же Джул светло-золотистые. Обрати внимание на сложность резьбы... К сожалению, мастер отказался принять присягу ажлисс...»

— Всё, Крошка, прическа готова, — Генри взялся за кресло, чтобы отнести его на место. — Не забудь обуться, туфли стоят у инкубатора.

Хакисс наморщила нос:

— Зачем обуваться, если Джи сказал идти в тестерную? Я даже не знаю, зачем я одевалась!

Пожала плечами и побрела в лабораторную часть базы босиком, привычно распуская вокруг себя туман фантома на встречных: никого тут нет, «я не я, а пустое место». У неё еще почти половина часа, то есть около пятидесяти минут. Если не торопиться, то как раз дойдёт вовремя... В голове безрадостно вертелся образ Джул, который помимо воли вырывался из, казалось бы, намертво заколоченных тайников. Ну вот почему всякая пакость так сама и вылезает на свет, а то, что надо, например, родной дом или настоящее имя, никак не удастся выудить даже случайно? Крошка еле-еле увернулась от группы механиков и сделала гримасу вслед. Кажется, немного перестаралась с маскировкой!

Крошка познакомилась с Джул, слишком близко познакомилась, когда была еще маленькой девочкой. Это было так давно! Она думала, что давно простила и её, и Джи. Но, оказывается, обида все еще тлела и дымилась ядом.

Эта «боевая подруга» даже имя себе взяла похожее — вторую после джи букву имперского алфавита. Тварь!

В историческом сериале «Жизнь замечательных ажлисс» Император, отстранив профессиональных спасателей, сам опускался на дно моря за крилодом Найрии. Найрия по дороге домой погибла в бурном море. Её только что приняли в ажлисс за разработку нейроошейников, благодаря чему исчезла преступность и изоляторы. Но жалкие остатки ещё не переловленных и не перевоспитанных преступников смогли повредить её флаер и Найрия утонула. Джи нашел её крилод и Найрия в благодарность Императору изменила имя, взяв следующую за «джи» букву. Потом, за успешные разработки ажлисс Джул получила регентство.

Джул изредка приезжала обсудить спорный момент общих проектов, когда связь через

порталы оказывалась недостаточна, или похвастаться достижениями. И при этом крыса бледная не только работала с Джи, но и оккупировала его спальню. На время её визитов Джи всегда выгонял Крошку, и она обиженно спала у себя, утешаясь в руках Генри.

К концу вечеринки Джи вызвал Генри, и экзекутор, как полагается, молча, опустив глаза и не прощаясь, ушла в свою комнату. Хотя вечером Джи принадлежал только ей, они всегда были вместе, и даже когда не разговаривали, то Крошке было достаточно касаться его, сливаясь душами. И никто не смел разрушить уединение императора с его частичкой! Укладываясь спать, Крошка не выдержала и соврала Генри, что Джи только что мысленно позвал её. Генри без сомнений сопровождал её в покои императора и оставил. Она пробралась в спальню и удовлетворенно решила, что ни за что не уйдет, пусть эта Джул хоть подавится! Экзекутор — неотъемлемая часть императора, как рука, как кусочек души!

Она уже беззаботно спала, привычно закопавшись на огромной кровати, когда Джул ворвалась в ее сон. Крошка проснулась и растерянно заморгала, ловя странные мысли Джи. Джи был недоволен. Но почему-то и доволен? А эта белесая кошка, уже без платья, вползала на кровать и плотоядно мурлыкала, пронзая Крошку темными глазами:

— О, Джи, твоя крошечка все-таки здесь? И ты до сих пор не?.. Она просто тут спит, как маленькая игрушечка? Ах ты ла-апочка, — ущипнула Крошку за щеку и засмеялась. Как же мерзко она смеялась! Ее гнусный громкий смех с открытой зубастой пастью, закинутая голова с дулами ноздрей отпечатались в памяти, оказывается, навсегда. Хотя раны от её зубов Джи вылечил сразу...

— Я не могу удержаться, малышка, я тебя сейчас попробую! Ты мне дашь её поиграть, милый?

И Джи дал.

А вообще обижаться на Джи было глупо. Это же была просто тренировка. Да. И Хакисс сама виновата. Думала, что душа разорвется от боли и страха, от вынужденного резонанса вожделения и мерзостного удовольствия, которое она принимала от Джул, чтобы усилить и вернуть, как хотел Джи. Но Джи помог маленькой Хакисс силой своего внушения, а потом сразу усыпил. Когда она проснулась, Джул уже не было, кровать перестелена, а Джи даже не пошел работать и отменил её учебу. Остался с ней до обеда, окутывая нежной заботой и утешая. Объясняя, что экзекутор обязан делать страшное, но нужно пытаться найти приятное даже в страшном. Тогда ей будет легче. Это часть ее работы — быть отдушиной для ценных ажлисс. «Нет света без тьмы, нет счастья без горя...» — проговорила Хакисс начало молитвы. Так что прощать, собственно говоря, было нечего и некого, но она, оказывается, до сих пор не простила эту гнусную тварь. Мерзкая кусачая крыса!

Спасибо Джи, предупредил и дал подготовиться.

Остановившись у дверей, послала внутрь невидимое волоконец скана, получая одобрение от императора, сидящего справа у махины тестера. Рядом маячила Джул. А вокруг молекулярного счетчика в дальнем углу зала суетились три лаборанта-ажлисс и андроид, балансирующий сложным приспособлением с множеством отростков.

Хакисс вошла и сразу остановилась, шагнув в сторону от закрывшихся дверей.

Джи что-то дописывал на панели управления. Рядом с ним была масса свободного места — целых шесть свободных и удобных кресел! Но Джул, опять в искристо-прозрачном одеянии, висела на плече императора, оттопырив задницу в сторону лаборантов и чуть ли не жевала императорское ухо, диктуя данные, словно любовные стихи.

Не поднимая глаз и сдерживая злость к невольному подслушанному сканом голосу Джул,

Крошка ткнулась мыслью к Джи. В ответ пришло тепло фантомных объятий: «Не волнуйся. Джул может тебя трогать. Не больше. Ты поужинаешь со мной, она к тому времени уйдет».

Не выдержала, подняла глаза и поймала взгляд Джул. Темные глаза регентши, как два лезвия из дуба кордис, нанизали её на себя... Крошка быстро уставилась в пол.

— Посмотри, она пришла босиком! — взвизгнула Джул и выпрямилась. — Мне это нравится!

— Подойди, — Джи указал на развернутую вертикально ванну тестера.

Хакисс бесшумно и плавно переместилась и снова застыла.

— Давно я твою Крошку не видела, — Джул медленно царапнула Хакисс по носу ногтём. — Она меня так сладко ревнует!

Крошка моргнула, закрываясь и сдерживая желание отдернуться. Она не ревнует, она ее терпеть не может!

— Ты решил оставить её такой девчужечкой? — продолжала ворковать регент. — Она все так же мило смущается. И ты её слишком распускаешь! Вот видишь, закрывается от меня...

— Хакисс, у тебя будет новое задание, — перебил Джи. — Джул наденет на тебя страховочный ошейник — мы проверим, насколько плотно он изолирует твой скан.

Хакисс невольно напряглась. Ошейник? На неё?! За что?! За Берди? За Иррея? Она же экзекутор, её может наказывать только Джи, не эта мерзкая...

Джул подняла к лицу Крошки руку, вильнув при этом всем телом, и выпустила из кулака витой шнурок. Перед глазами закачался круглый замочек, похожий на голову ядовитой змейки. Джул обошла Хакисс и мысленно проговорила, обращаясь к императору:

«Не знаю, зачем ты заводишь себе живых крошек. Андроид лучше: он всегда делает то, что говорят! А твои крошки...»

«Джул!» — Хакисс услышала мысленный окрик Джи — и всё как отрезало.

Холодный металлопластовый шнурок захлестнул шею, бесшумно закрылась застежка. Ошейник сросся в единое целое — снять его могла только Джул! Тишина и слепота захлопнулись вокруг Хакисс. Она распахнула глаза от ужаса. Она больше не слышит мысли! Скан не работает! И какие такие крошки?! Она же единственная!

Не смогла сохранить неподвижность и повернулась лицом к Джи. Но Джи уже все понял и обратился к ней сам, успокаивая:

— Сейчас мы протестируем ошейник. Его специально для тебя сделала Джул, но я уже вижу, что все должно быть в порядке. Ошейник блокирует твой скан, но при телесном контакте ты все равно сможешь читать мысли и влиять на людей, как всегда. Проверка будет очень простая, только ментальная и всухую. А потом ты будешь свободна, — Джи закончил вносить данные в тестер и развернулся на стуле, наблюдая, как Джул нахлобучивает на голову Хакисс золотой обруч.

Хакисс почти не почувствовала вонзившиеся в мозг электроды. Безвольная от страха, прижалась спиной, вложила щиколотки и вцепилась руками в привычные кандалы креплений в ванне, ставшей нишей, раскрытой пастью... Машина поймала обруч зажимом и с щелчком зафиксировала голову.

— Крошка, закрой глаза и попытайся ответить мне мысленно, — Джи был уже в шлеме, позволяющем напрямую общаться с экзаменационной машиной. Выжидающе посмотрел и спросил: — Ты слышишь меня? Закрой глаза и скажи, что я сейчас делаю?

Глухая темнота.

Хакисс, словно пойманная рыбка, билась сканом в непроницаемом аквариуме собственного тела. Нестерпимо хотелось открыть глаза. Неизвестно зачем Хакисс напрягала слух и пыталась хоть что-то почувствовать кожей. Но нет ничего! Нет, она слышит движение, но только звуки, только запахи, только твердую стену тестерной ниши позади себя. И чуть было не закричала, когда Джул, обдав приторным запахом духов, ухватила ее за грудь, одновременно проводя рукой по бедру, а после впилась поцелуем в губы.

— Хорошо, Крошка, — голос Джи спас её. — Можешь открыть глаза и выходи. Все просто отлично. Джул, ты гений.

Джул, радостно щеря крупные зубы, сняла ошейник, не забыв пощекотать Хакисс под подбородком.

Хакисс выдержала, не дрогнув. Джул уже казалась мелкой неприятностью на фоне новой жутковатой информации о крошках. И ещё этот ошейник! Крошку глодали совершенно иные размышления.

Немедленно прилетела ментальная команда от Джи: «Хакисс, поблагодари Джул!»

Хакисс очнулась, сглотнула и вонзилась в сознание белесой твари. Нашла в липкой сладости её души еще большую сладость и разогрела набухавшее там любовное томление до температуры раскаленной лавы. Сама чуть не падая, удержала расплзающуюся и податливую Джул, довела к почему-то опять довольному Джи и сбросила ему в руки.

Выдернула скан, желая вымыться целиком. Передергиваясь от неудовлетворенного желания, заметила глазающих лаборантов. Да, не каждый день увидишь экзекутора, работающего по регенту! Все трое перестали отмерять то, что они там отмеряли. А вон тот урод от восторга даже остановил счетчик и таращился, чуть ли не разинув рот. Все равно оттуда никто ничего не почувствует: ажлисс нужен телесный контакт, чтобы проникнуть за ментальный щит, а Хакисс не настолько ошалела, чтобы транслировать чувства Джул еще и зрителям! К тому же блок императора или экзекутора им не проломить, хоть всем телом прижимайся!

Джул извивалась в руках Джи, хрипло курлыккала и стонала. Как та преступница Сара из поместья Сар Дижон! Джи явно утешал Джул ментально, доделывал начатую Крошкой «благодарность». Хакисс закрылась поплотнее и снова опустила глаза: ей-то наблюдать за этой гнусностью вообще не хочется! Ей вполне хватило последней официальной казни.

Нет, сейчас это была провокация, а первая начала Джул. И пускай она думает, что это награда, но Хакисс знает, как это выглядит на самом деле!

«Крошка, ты свободна. Посмотри Гайдеру и выучи правила поведения в цветнике».

Хакисс склонила голову и степенно удалилась. Ярость настигла её в коридоре. Не смотря по сторонам и даже забывая разгонять встречных, Хакисс влетела в лифт и поднялась к себе. Содрала юбку через голову, кинув ее в дверь карцера. Дернула кофту, не утруждаясь развязывать бант. Тонкая ткань жалобно затрещала и порвалась. Если бы Хакисс могла, сожгла бы всё, чего касалась эта пиявка бледная! Зло хлопнула дверцами шкафа и переделась в имитацию синского мужского костюма — свободную тёмно-синюю хлопковую рубашку, косо застегивающуюся у плеча на две пуговицы и прямые голубые штаны на завязках. Штаны удобно сидели на бедрах и не стесняли движений, не сравнить с вечно путающейся в ногах юбкой.

Эту «синскую пижаму», как дразнился Джи, она носила дома и в теломорфе Стива. Была бы она Стивом — эта крыса бы её не лапала!

Два месяца назад Крошка в теломорфе Стива провела казнь банды. Ну как «провела»... Ещё не совсем сама, Джи незримо присутствовал в ней и помогал фантомом. Всё прошло в полусне, как будто это была не совсем она.

Владельца поместья Сар Дижон поймали на антиобщественной деятельности. Этот глупец позволил своим сотрудникам утаивать и продавать часть выращенных энергокристаллов за наличные на черный рынок. Люди такие жадные, каждый хочет заработать больше, чем может получить официально. И зачем? Ведь невозможно съесть больше одного обеда зараз или спать одновременно на двух кроватях! Тайное богатство не сможет быть тайным — самые близкие люди расскажут всё на исповеди. На фабрику пришел дознаватель, поговорил с работниками, держа их за ручку и... Хотели люди или не хотели, но дознаватель увидел всю подноготную и проверил преступников. Повторным сканированием комиссия из трех дознавателей подписала смертную казнь тем, чья психика была безвозвратно испорчена. Тем, кто все равно стремился бы к преступлениям, даже после временного ограничения нейро-ошейником. К тому же публичная казнь будет хорошим уроком для остальных. Крошка так и не поняла, почему не наказали покупателей, но Джи сказал, что еретики или нерегистрированные, пользующиеся наличными деньгами и живущие как бы вне системы, нужны для стимуляции и развития социума. Это так же нужно обществу, как боль для развития её скана...

Управляющего тоже решили не убивать. Марель Сар Дижон, в конце концов, прекрасно вёл своё хозяйство. Настолько хорошо, что образовались излишки, которые и подтолкнули его сотрудников на нехорошие мысли. Зачем уничтожать хорошее оружие, когда можно постараться направить руку, его держащую? Но было бы отлично поймать Джул на каком-нибудь воровстве и потом убить, рассечь на куски! Как тех воров.

Тогда Хакисс... Нет, Стив, как карающая рука императора, прилетел с отрядом гвардейцев на фабрику, где выращивали кристаллы. Был обычный безветренный пасмурный день. Тяжелый грузовой флаер сел на центральную площадь поместья, и экзекутор вместе с караульными остался стоять перед главным корпусом, ожидая, пока остальные стражи не соберут весь персонал. Во флаере сидели два беглеца в ошейниках — их накануне поймали спасатели. Грег, один из гвардейцев сопровождения, ответственный за регистрацию событий, выпустил стайку левитирующих вид-камер и бродил с развернутым коммом в руках в поисках наилучшего изображения.

Стив застыл неподвижно, с закрытыми глазами, ощущая в себе Джи и сканируя весь ареал, чтобы никто не избежал последнего акта, а именно раздачи заслуженных наград. Площадка понемногу заполнялась. Многие прибежали сюда сами, в предчувствии редкого развлечения. Некоторых насильно пригнали или притащили под руки и затолкали в толпу, оцепленную гвардейцами. Стив стоял черно-бордовым эпицентром пустой зоны в окружении волнуемой массы лиц и напряженно мерцающих сознаний. Мысли людей выглядели как сжатая пружина, ожидающая неосторожного движения... И тогда пружина взвывается высоко в воздух, звеня, подрагивая и ярко блестя острыми кольцами.

Управляющий фабрики пришел сам и неуверенно мялся в первых рядах.

Начальник стражи просигналил, что собраны все. Стив чувствовал то же самое.

Пора начинать. Стив шагнул и выпрямился, одновременно ментально принуждая всех к

вниманию и тишине.

— Я экзекутор Императора. У вас на фабрике было совершено преступление против Императора и общества. Все вы знаете, что уже несколько поколений нет войн. Вы и ваши дети живут в мире и довольстве. Ваши дети могут расти, создавать семьи и умирать в покое и окружении любящих родственников, без угрозы болезней, голода и лишений. Император и ажлисс — гаранты вашего мира. Но Император может охранять вас только потому, что сильна Империя, которой даете силу вы. Всё, что вы производите, идёт на общее благо. Каждый делает то, что лучше всего умеет. Каждый соблюдает закон. Поэтому сохраняется мир и благоденствие.

Но когда кто-то нарушает закон, он крадёт у всех и в первую очередь у самого себя, ослабляя Империю. Ослабляя Императора — гаранта вашей жизни. Императора, защищающего вас.

Я экзекутор, пришел, чтобы исполнить волю Императора. Чтобы защитить вас от тех, кто решил вас обокрасть. Кто забыл о своих семьях и соседях ради кратковременной личной выгоды. Воры нарушили закон. Воры ушли из общества. Воры сами отделили себя от общества, и Император разрешил им покинуть Империю. Император уважает их выбор!

Стив резко выдернул из ножен на левом бедре нож и поднял его над головой:

— Я экзекутор Императора. Я не член общества. Я вне общества. Те, кто решил уйти из общества, я вызываю вас к себе! Я вызываю вас — выйдите из общества, которое вы решили покинуть, и подойдите ко мне! Подойдите ко мне и получите то, что выбрали сами! Я отделяю вас!

Толпа взорвалась криками и движением. Кто-то стремился убежать, кто-то пытался кого-то поймать, толпа двигалась, толпа бурлила, как котел на огне.

Стив начал вызывать по именам, отыскивая в толпе жертву и проникая человеку в сознание, овладевая и принуждая идти к нему.

— Карл Харпер!

Откуда-то сбоку отозвался испуг в сознании человека по имени Карл Харпер. Человек забился, попытался бежать. Упал на землю, но рядом стоящие сотрудники и товарищи, отталкивая друг друга, сомкнулись над ним, хватая бывшего коллегу за руки, ноги, волосы... Тянули за одежду, пинали ногами... Чтобы только вытолкнуть, выпихнуть на площадку, отогнать от себя подальше! Убедить самих себя, что он — это не они. Они лучше, они — в стороне! И затаится среди таких же послушных и неопасных. Сладостно затихнуть в превдкусении казни...

На Стива накатила тошнота, но Джи ласково утешил и вместе с ним подавил волю Карла Харпера, выводя жертву на плац.

Тело Карла Харпера вышло безучастной деревянной походкой, с безвольно болтающимися руками, и больше не реагировало на тычки и удары. Куртка висела на одном плече, сорванная вместе с рубашкой. Стив, сам ведомый Джи, опустил преступника перед собой на колени и, мазнув большим пальцем по рубиновой кнопке, включил силовое поле ножа. По протоколу надо бы зайти со спины, но хотелось быстрее закончить. Джи почувствовал и разрешил...

Стив качнулся назад и сразу шагнул вперед, нагибаясь и вкладываясь в удар, взрезал тело снизу вверх, рассек голову... Плавно, как в танце, скользнул назад и застыл, указывая ножом на казнённого. Человек свалился на спину, подогнув под себя ноги. Тело развалилось вдоль, но половины всё еще держались вместе, соединённые тазом. В растекающуюся

кровавую лужу выскользнула беловато-розовая часть мозга. Другое полушарие осталось в своей половине черепа, слегка высунувшись от падения. Руки согнулись в локтях, пальцы попытались схватить бетон. Ноги дернулись, раз, другой... Человек, как поломанный игровой муляж, затих. Умер.

Толпа ревела и кричала. Управляющий Марель Сар Дижон, неуверенно покачиваясь (то ли хочет упасть, то ли поклониться в пояс), подошел к Стиву сбоку:

— Господин экзекутор... Убейте меня сейчас... Я не могу... Я виноват во всем этом... — бормотал абсолютно белый, даже зеленоватый, управляющий. Толпа орала.

— Вы получите приговор последним, каэр управляющий. Встаньте на колени вот здесь, — указал Стив пальцем и мысленно попросил стоящего за ним гвардейца придержать Сар Дижона, если тот не выдержит и будет падать в обморок. Стив же был спокоен и не чувствовал ничего неприятного. Это его работа. Или это Джи так крепко его держал? Но казнь еще не закончилась. Надо вызывать следующего.

— Марта Сиволе!

Ее выпихнули в круг, и она упала на четвереньки, уткнувшись головой в землю и завывая. Стив овладел её сознанием, поставил на колени сбоку от останков Харпера и опять одним движением рассек тело от головы вниз. И не рассчитал. Марта широко развалилась на две половины, которые независимо друг от друга подергивались, заливая пространство между собой кровью и завалив всё выпавшими внутренностями. Кишки пытались продолжить привычную перистальтику, выгоняя из себя свое содержимое, и всё это растекалось не только под трупом, но и вокруг него, пустив ручеек и к экзекутору. «А вот не надо было выпендриваться», — брезгливо и отстранённо подумал Стив, отступая на шаг в сторону. Густой липкий запах крови, сладковатый от теплых кишок, вонь фекалий и содержимого желудка облаком накрыло место казни.

Оставшихся двоих вывели из флаера гвардейцы и, сняв ошейники, отпустили в круг, где Стив взял воров под свой контроль и без затей отсек им головы. Зловонная лужа с переставшими извиваться кишками Марты требовала более быстрой казни.

— Марель Сар Дижон, управляющий, допустивший проступок на своей фабрике, по решению дознавателя будет наказан индивидуально, с учетом его предыдущей безукоризненной работы. Жизнь тебе будет оставлена.

Это Стив проговорил уже с закрытыми глазами, чтобы не видеть отвратительное месиво перед собой, повернулся на каблуке и отправился к дому управляющего. Джи продолжал поддерживать его ментально.

Сар Дижона не то несли, не то тащили под руки два гвардейца сопровождения. Он что-то бормотал и вскрикивал, пытаясь убедить экзекутора не трогать его семью.

Стив молчал и как будто плыл по поверхности событий, вне казни, над ней. Джи уже передал сценарий для наказания Сар Дижона. Власть за свое унижение может покарать по-разному. Самое простое — это убить, но некоторым лучше напомнить границы свободы.

Гвардейцы втолкнули Сар Дижона вслед за Стивом в дом, а сами остались у дверей, как знак присутствия власти в этом месте.

Из кухни выбежала молодая рыжеватая женщина и бросилась обнимать управляющего:

— Марель, ты жив! Марель!

— Сара, дорогая, подожди...

Стив вмешался:

— Я требую собрать всех ваших домочадцев. Немедленно.

И замер с закрытыми глазами, сканируя и внушая всем, кого мог найти, непреодолимое желание прийти.

Сбежалось около пятнадцати человек, которые жались у стен гостевой комнаты. Стив их не считал, лишь убедился, что больше никого в доме нет. Гвардейцы «звучали» снаружи и присутствовать были не обязаны.

— За унижение власти и воровство на доверенной вам фабрике, управляющий Марель Сар Дижон наказывается подобным унижением в своей семье.

Стив посмотрел на Сар Дижона. Тот упал на колени:

— Благодарю вас, господин экзекутор.

— Благодарю Императора, я только орудие.

Стив сконцентрировался и подчинил себе сознания людей, находящихся в комнате. Это было несложно. Испуг и ожидание не давали им сил на сопротивление, тем более они не ждали наказания себя. Они — свидетели, они ждали зрелища.

Стив лишил Сар Дижона возможности двигаться и, оставив остальных под легким контролем, продолжил:

— Сара твоя жена, твоё «имущество». Ты не смог уследить за вверенным тебе имуществом Империи. Ты и подчинённые тебе люди украли имущество Империи, украли у общества. Я экзекутор, я не принадлежу Империи и не являюсь частью общества. Поэтому я отплачу тебе тем же самым, то есть я и твои домашние украдут то, что принадлежит тебе, а вы все будете наблюдать за воровством.

Стив, стоя у дверей и продолжая держать всех в неподвижности и молчании, подчинил Сару фантомом, прошелся теплой пульсирующей волной желания по её телу и сознанию. Ловя и усиливая мимолетно пробуждающееся возбуждение, раскачивая и разжигая страсть. У Сары расширились глаза, рот приоткрылся и наполнился слюной, она задрожала и обеими руками погладила себя по груди, одной рукой проникая за пазуху. Ухватила сосок, сжимая и оттягивая его, закрыла глаза и тяжело задыхалась. Другой рукой утерла губы. Царапая себя скрюченными пальцами, с силой провела по шее, спустилась на живот, скользнула между ног... Сглотнула и судорожно вздохнула.

Все. Сдалась. С натужным хрипом, продолжая себя ласкать и вздыхать со стонами, Сара сняла одежду и упала на пол, опираясь на запрокинутую голову и высоко выгибаясь на широко расставленных ногах, обеими руками остервенело мастурбируя и крича.

Стив, не сходя с места и сцепив пальцы за спиной, поймал необходимые точки, стимулы и чувства. Принудил жену преступника прижать руки к полу и сминал её фантомами. Пил и усиливал чужое удовлетворение, смешанное с ужасом и паникой, и снова впитывал... Человек слаб и не умеет сопротивляться. Стив пошатнулся, но удержался на ослабевших ногах, заставил женщину пережить ещё несколько бурных физиологических разрядок. Сам всё ещё вязко двигаясь в тумане густого и тяжелого удовлетворения, выпал из сознания людей и из дома. Отпустил всех.

Казни совершены. Экзекутор ушёл не прощаясь.

Экзекутор не прощается.

Гвардейцы пристроились за его спиной.

Из дома донесся утробный и дикий женский крик.

Император же незаметно исчез, разорвав нить контакта, а экзекутор не был так силен, чтобы дотянуться самому до Джи, до опоры. Отзвук первой казни и пережитых эмоций навалился неподъемной тяжестью, и Стив не помнил как добрался до флаера. Хорошо, что

никого не пришлось убивать в доме. Неопытный экзекутор тогда мог бы обессилеть полностью и унизился бы сам, если бы его унесли гвардейцы.

А на базе Стива сразу же забрал Джи.

* * *

Крошку передернуло. Казнь была мерзкой, но необходимой. Джи тогда, утешая ее, объяснял, что людям периодически надо показывать зло, которое следует за преступлением, иначе они не могут полностью оценить счастье жизни по правилам, нацеленным на равновесие и благо всего человечества.

В растрепанных чувствах залезла с ногами в кресло. Включила энциклопедию. «Твои крошки. Крошки!» — звенело и кружилось в голове.

Странно, Империи пятьсот лет, а она тут недавно. Или это всё ей только кажется?

Джи запретил ей читать её же собственный дневник. Она экзекутор, может читать чей угодно дневник! Но не свой. Почему? Не потому ли, что она младше, чем её собственная память? Как разобраться, где её память, а где запись? Хакисс включила архив и начала смотреть празднование двухсотлетия Империи. На настенный экран выплыла императорская карета, похожая на огромный голубой цветок лотоса. Отогнув боковые бледно-голубые лепестки и сделав навес из сочно-синих задних, карета ограждала силовым полем императорский трон и величественно летела к гладиаторской арене Ахая по широкому проходу в толпе приветствующих людей. Забавно, она помнит этот праздник. Память могли ей вписать когда угодно... Но она помнит этот праздник! В ярком чистом небе летали радужные биодрконы с денежными ленточками вместо чешуи и, закладывая крутые виражи, сбрасывали деньги в толпу. Ленточки, крутясь цветными штопорами, планировали в жадные руки... Тогда на целую неделю сняли ограничения на покупки. Но больше уже такое не позволяли: слишком много было преступлений, слишком воодушевленно люди грабили друг друга...

Крошка остановила фильм, влезла на стол, встав на него коленками и провела пальцем по изображению императора. Джи показывался людям в теломорфе «отца народов» — коренастого мужчины на грани пятидесяти. Синие мудрые глаза, коротко стриженные темные волосы и начинающие седесть виски. Корректная борода обрисовывала широкие упрямые скулы...

Запись не передает чувства, не передает биополе. Только картинку. На картинке же сидит экзекутор в теломорфе Марка, прислонившись к бедру Императора. Хакисс помнит ощущение тела Джи и бархат камзола на щеке, а ещё теплый ветерок, солнце и гул толпы... Но ей же нет и двадцати лет! Её учёба только недавно кончилась! С Джи был андроид без узора на руках, замаскированный под экзекутора? Или другая крошка? Но она помнит себя в теломорфе Марка, как она сидит, положив голову Джи на колени. Она часто так сидит.

Или её память тоже была записана прямо в мозг, как учёба, как способности, которые надо только вызвать из глубин и немного потренироваться, чтобы научиться окончательно? Может она сама — такая же запись? Нет, она же может чувствовать, она не программа, не андроид... У андроидов нет биополя.

Она не андроид! Она умеет меняться без инкубатора! Умеет управлять своими морфами: она может быть Стивом — мужским аналогом Хакисс или гладиатором-бойцом

Марком, игровой Кайлой для лабиринта, львицей... Это всё она — экзекутор, её генотип не меняется, меняется только внешность — теломорфа. Для человеческой души нужно собственное тело с единственными и неповторимыми, уникальными данными. Тело, в котором эта душа и зародилась, в генах которого записаны коды, маркёры, по которым душа узнает это тело, а потом закрепляется в дублированном, улучшенном теле ажлисс, когда родное и слабое человеческое тело умирает. Если тело слабеет настолько, что не может удержать душу, то душа отлетает во вселенский эфир, отдавая свою энергию движению Вселенной. Человек умирает навсегда. Но у неё есть кристалл! Андроиду же кристалл не нужен, программу просто впишут в новое тело, любое, созданное в инкубаторе.

Внешний же вид можно изменить, как причёску. Память можно переписать. Но она все равно сохраняется где-то там, в невидимой душе. Может, она на самом деле не она, а мальчик Стив? Джи говорит, что душа не имеет пола. Мужчина ты или женщина — это вопрос привычки и личного выбора еще перед биологическим рождением... Некоторые не могут решить, и их исправляют в инкубаторе. А экзекутор может быть кем угодно простым усилием воли. Она уникальна, как и Джи. Хотя генотип у нее женский. Но это может быть очередной ошибкой. Хакисс вздохнула. Нет. Джи говорит, раз ей больше нравится Стив, раз её больше тянет к мужской ипостаси экзекутора, то сразу ясно, что по своей сути она женщина.

Так и не придя ни к какому выводу, Хакисс переключилась на Гайдера. Скукотища. Вседержитель Дитсайрс, гарем нерожавших жен-битерере в «Цветочном саду», гарем родивших жен-ирере в «Плодовом саду». Цивилизация на основе сжигания местного природного топлива, планета класса ки-два, то есть полукolonизированная в процессе присоединения к Империи, экспансия запланирована по мирному сценарию.

Хакисс выключила энциклопедию и пошла в тир — уничтожать уток с лицом Джул и Яо. Она убьет миллион Джуло-уток и, может, тогда успокоится!

Звезда сквозь сон дрожит и грезит человеком,
Порвав в лоскутья ночь, что закрывает мир.
Душой ты потянись, скажи во сне: «Навеки...»
Я отзовусь тебе струной в мечтаньях лир.

И в тот же миг проснусь, к окну метнувшись,
Увижу тонкий луч, блеснувший под луной.
Я по нему скользну, найду, к тебе вернувшись.
А сонная звезда нам станет вдруг родной...

(случайный фрагмент из дневника шестой Крошки)

* * *

Настреляв громаду уток, Хакисс отложила арбалет и выдвинула столик с метательными ножами. Размеренная стрельба с визуальным прицеливанием сменилась серией стремительных бросков по мельгещащим крылатым шарикам — с закрытыми глазами, прицеливаясь только сканом — стандартный порядок упражнений.

Холодное узкое лезвие привычно легло в ладонь. Хакисс встала у черты и взяла второй нож в левую руку. Зажмурилась. Биоутки — муляжи размером с кулак и со схематичными физиономиями регентш — старательно летали, неожиданно пикировали, взмывали под потолок и удирали назад к глухой стенке, куда Хакисс не могла добросить и где суетливые мишени были в безопасности. Но рука внезапно ослабела и Хакисс выронила лезвие. Желание охотиться на уток пропало. Биоцели совсем безмозглые. Не то что её зверики... Хакисс зло пнула подставку, ножи звякнули и глухо попадали на пол. Столик отъехал под утиную стаю и замер.

Нет, хватит убивать уток! Утки — прекрасная тренировка, но гора сбитых мишеней не дает настоящего удовлетворения. Это всё равно как смотреть фильм. Как читать о хорошей драке, сидя на лавочке в саду. Стрельба только усилила желание поймать порхающих шустрых птичек, руками порвать в клочья, размолотить о стену!

Хакисс остановила тир и, хватая осыпавшиеся в беспорядке мишени за крылышки и недоразвитые лапки, покидала их в пасть конвертора. И пошла в центр зала — к боевому имитатору.

На первый взгляд пространство её подземелья казалось совсем пустым, но многое было спрятано в стенах: например выдвижная рама, к которой Джи привязывал ее для тренировки скана. А также арсенал для всех теломорф, включая уже ненужную коллекцию детского оружия...

Зал условно делился на три секции. В тупиковом конце находился тир, середину занимал прогон фехтовальной площадки, и только у самых дверей скоплением крупных предметов создавалось подобие жилого помещения: справа от входа из стенки вырастала узкая и элегантная панель связи. Над нею — тоненький современный экран, в деактивированном состоянии невидимый на фоне бордового текстильного пластика. При желании из стены одним движением выщелкивалось ортопедическое сиденье-подзадничек, но им мало пользовались — послать сообщение или что-то уточнить можно было и стоя. А для долгих путешествий в системе Хакисс уходила к себе, предпочитая угнездиться в любимом кресле за старым пультавым столом, по размеру напоминающим полигон.

Напротив входа стояла гробина инкубатора. Рядом — широкая пустая кровать с крепкими столбиками по углам и решетчатыми спинками. Случайный косой взгляд на неё, и вот её тело уже ответило тягучим желанием. Крошка глубоко вдохнула и выдохнула, задержав дыхание и расслабляя мышцы. Сколько раз Джи своими руками и обратной регенерацией разрывал на куски её тело, стимулируя скан, а потом, этими же руками доводил до полного беспомыслия и бессилия и её душу...

Ничего, она подождет! Ей принадлежит вечность с Джи!

Вообще ей больше нравилось использовать слово «топчан», выкопанное из этнографических записей: оно наиболее точно подходило этому лежбищу — аскетическому и функциональному, как все предметы в этом зале. Для гордого именованная «кровать» лежачок был слишком примитивно устроен — никаких тебе покрывал-одеял, рюшечек-подушечек. Только жесткий матрас с коротким плотным биоактивным ворсом, на ощупь как замша, и два аккуратно сложенных в ногах узких твердых валика, обтянутых тем же материалом.

В нише спрятанного внутри стены имитатора спал андроид. Да, у неё был свой собственный гладиаторский боевой муляж! Андроид «рос» вместе с нею и приспособлялся к ее теломорфам, пока она была ребенком и не могла тренироваться с гвардейцами. Он умел

говорить, а когда Джи управлял им, то часто дразнился или хвалил, всячески пытаюсь отвлечь разговорами или ядовитыми замечаниями. Когда Хакисс тренировалась сама, то отключала функцию болтливости — действительно раздражавшую и отвлекавшую.

В детстве она даже побеждала в теломорфе Марка на региональных детских отборах. На более высокие и престижные уровни Джи её не пускал. «Ты ажлисс, хотя и ребенок. Ты безусловно сильнее ровесников, и эти соревнования нужны тебе просто для опыта. Иногда полезно что-то выиграть и получить приз. Но нехорошо часто отбирать победы у людей. Вырастешь — будешь соревноваться с гвардейцами». К тому же Джи запрещал пользоваться фантомами в спорте, а попробуй без фантома устоять против такой глыбы, как, например, гвардеец Грег — два метра костяка в высоту и два метра мяса в ширину, а скорость и гибкость, как у атакующего осьминога.

Повзрослев, на боевки с императорской гвардией ходила только в теломорфе Марка — только в ней она могла почти на равных драться с опытными гвардейцами, чей боевой опыт оттачивался не одно столетие...

Игровая Кайла, с большими когтистыми руками и мускулистыми звериными ножищами, нигде, кроме лабиринта не имела права ходить. А другие морфы Крошки: мальчик Стив — «близнец» Хакисс или львица Лиа — не выстояли бы и минуты в единоборстве без помощи фантомов.

Разбудив андроида и разогревшись серией десятиминутных спаррингов без оружия, Крошка достала два стека и два ножа — себе и муляжу. Сравняла разрядники стеков на средний уровень. Будет больно, но не парализует. Одним прикосновением стека, установленном на максимум, можно и полконюшни уложить... Но ничего, она сейчас начистит моську муляжу, а если постарается, то загонит его в угол, обездвижит, и будет совсем хорошо!

Через час Хакисс отбросила оружие и, шагнув назад, подхватила за плечи и уложила на пол истекающего кровью бибойца. Она же пропустила две атаки ножом — на левом предплечье и бедре одежда была порвана и испачкана кровью — и чуть не получила стеклом по уху. Но зато не просто зафиксировала «противника» в патовой позиции, а полностью обездвижила его, ловко нырнув под удар стека. Скользнула муляжу за спину и встретила разворот куклы ударом в горло. Гнусно, что кровь у муляжа такая же, как у живых. Хорошо, что она не вскрыла ему живот, как тем в Дижоне... Убирая в имитатор куклу, переставшую дышать и импульсивно дергаться, словно настоящий человек, Крошка поняла, что зарезала тренажер со спины классическим приемом экзекутора. Именно так, как учил Джи по протоколу казни, чтобы не заслонять зрителям картину смерти. Но в зале нет зрителей! И это не казнь и даже не тренировка казни! Она победила в честном бою... И вообще это кукла. Игрушка. Убить игрушку нельзя! Игрушку можно выключить. Однако мысль об игрушке царапнула еще сильнее. Но муляж починится в гнезде и включится снова. Опыт последнего боя добавится к памяти программы, никаких обид или чувств игрушка не испытывает. Глупо думать о чести или бесчестии.

Может ли быть бой нечестным, если сражались два орудия? И если одно орудие убило другое, зайдя со спины? И звериков она не убила, а выключила! Их можно вырастить снова. Но она даже не будет спрашивать Джи, сохранилась ли память зверей в лаборатории. Ей не нужны игрушки. Ей никто не нужен, кроме Джи!

Тело приятно ломило от усталости, но Хакисс поморщилась. Тревожные размышления,

благополучно спрятавшиеся на время боя, зловредно вернулись и привели парочку новых. Зачем Джи приготовил блокирующий ошейник? Если бы он хотел наказать её, то в карцере валяется старый, широкий и рабочий... Только она уже давно не нуждается ни в каких тренировках с ограничением скана и движения. Если это за Берди, так Джи уже наказал её! Джи никогда раньше не наказывал несколько раз за один проступок. Она же не может вернуть время назад и переделать то, что уже сделала.

Хакисс сдвинула ногой испорченную одежду в утилизатор (кажется, надо послать Генри пополнить гардероб) и залезла в душ. Мыться и лечить раны. И не думать!

* * *

После ужина Крошка посмотрела еще раз: может, появилось что новое про нарушителя из зоопарка. Но рапорт так и лежал в рабочей папке дознавателя. Решения всё еще нет, значит Берди еще не являлся на прослушивание. Ну и хорошо. Серьезный проступок требует быстрого решения. А раз никто не торопится, то не страшно. Не убьют же этого человека и отца семейства за такую мелочь?

Генри стянул растрепавшиеся на тренировке волосы Крошки в экзекуторскую прическу: вплел золотые бусинки в пять маленьких косичек и собрал их в одну недлинную косу, завязанную кожаным шнурком.

В легком шелковом платье и мягких туфлях, двигаясь плавно и невесомо, как мотылек, Хакисс спустилась на императорский уровень и повернула в малиновые коридоры. Она могла бы пройти к Джи и из бордовой секции, воспользовавшись скрытым ходом в тренировочном зале. Система безопасности ее пускает везде. Вошла бы к Джи через комнату Эжа — стюарда Императора. Но Джи однажды сказал не увлекаться тайными коридорами — и у стен есть глаза, особенно когда каждый ажлисс хотя и слабый, но телепат. С того времени она всегда приходила официальным путём через приемную, стараясь вычистить запасной путь из памяти.

Несмотря на вечерний час и пустые этажи, секретарь работал, расслабившись в разложенном кресле и скрытый за якобы пустым столом. В полукруглой секретарской царили сумерки и мягкая серо-голубая мебель. Вик, скрыв голову в шлеме полного контакта и выдвинув клавиатуру на живот, еле-еле ползал по экранчику пальцами.

Крошка одним вздохом прошла мимо, но Вик все-таки заметил её и, нарушая правила, мысленно послал в спину приветствие. Хакисс не ответила — хватит с неё нарушений протокола! Приоткрыла высокие до потолка и тяжелые двери, просочилась в зал совещаний и остановилась перед покоем Джи.

За спиной призрачно светился круглый зал с рядом изогнутых кресел вдоль стен. Кресла одним движением закрывались капсулой индивидуального экрана, а она в детстве часто играла на площадке голопроектора, занимавшего центр синего, казавшегося сейчас черным пола. Голубая строгая мебель, белый потолок и стены, а перед ней — личные покои Императора — иной мир. Замерла и пустила скан.

Джи ужинал. Один!

Хакисс выдохнула: белёсая крыса Джул уже ушла!

Не открывая глаз, Хакисс провела рукой по замку, и дверь пропустила ее в просторную прихожую, также использовавшуюся как гостевую. Джи любит классический стиль

докристаллической эпохи: тяжелая резная мебель темного дерева, темно-малиновая бархатная обивка, гобелены со сценами охоты. Сюда выходили владения Эжа с кухней, мастерской и его личной спальenkой. Прямо были двери в кабинет Императора.

Джи почувствовал её и встал из-за стола. Придвинул кресло на место и пошел навстречу.

Крошка запрятала нехорошую мысль о Джул поглубже, перебежала гостиную и уже чинно вошла в кабинет с открытой душой, сияя от радости и подставляя губы для поцелуя.

Джи приподнял ее за талию, поцеловал и отпустил.

Эж убирал после ужина. А среди бокалов и вазочек лежал черный ошейник! Теперь в его середину был вплетен прозрачный кристалл ловушки. Как будто маленькая черная змейка проглотила голубиное яйцо, которое оказалось слишком большим и разорвало змеиную шкуру в тонкое кружево, а издохшая змея забытым злом валялась между тарелок. Темные нити пластимета, утончаясь и сплетаясь в затейливый узор, обнимали прозрачный кристалл.

— Да, ловушку получилось вставить красиво, — в голосе Джи сквозила усмешка. — Чего ты всё еще боишься?

Хакисс дотронулась до кристалла — и он отозвался ощущением собственного тела. Это же её ловушка души! То есть Джи собирается послать ее туда, где она может умереть? Все-таки к Джул? К этой...

— Ты дал ей мой кристалл?

Вместо ответа фантомный огонь втек в рот, прожег насквозь, опалил бедра. Исчез. Хакисс осторожно распрямилась, лежа на боку. Пробежалась по телу сканом, проверяя, было ли ощущение соединено с физическим воздействием — нет, чисто. Только фантом. Не хватало ещё обгадиться...

— Ты хочешь, чтобы я отчитывался тебе? — Джи поднял её на руки, обволакивая фантомом множества прикосновений, лаская и раскачивая в ней желание.

— Нет, прости, — всхлипнула Крошка и потёрлась щекой о его плечо. — Я просто испугалась, что ты отдашь меня ей.

— Ещё лучше, — хмыкнул Джи, подкинул её на руках и понёс в спальню. — То есть ты подозреваешь меня во лжи? Я же сказал, что тебе нечего бояться и к Джул ты не пойдёшь.

— Прости меня... Но зачем мне новый ошейник?

— Ты разленилась и успокоилась. У тебя есть нераскрытые резервы, и раз не получается активировать их в тестере, попробуем иначе. Я закрою тебя ошейником и отошлю в Цветник на Гайдере — мы как раз обещали местному царьку залог дружбы и поддержки. Я же не могу держать экзекутора в ошейнике на базе. Не знаю, сколько тебе понадобится времени, чтобы раскрыться, — Джи улыбнулся и скинул Крошку на кровать. — Зато у тебя будет стимул: ошейник будет на тебе постоянно, а я далеко. Для страховки — на Гайдере система еще в зачаточном состоянии плюс не очень спокойно — твой кристалл вплетен в ошейник. Ты привыкла пользоваться сканом, он стал частью тебя. Такая тренировка будет естественна: ты будешь стремиться преодолеть блок даже на рефлекторном уровне. А я немного отдохну. Десять лет я пытался раскрыть тебя фантомами и прямым физическим воздействием, но, увы, ты слишком боишься. Завтра Вик скажет тебе остальное.

— Джи, я постараюсь.

— Уж пожалуйста, — Джи быстро разделся, скупыми движениями поправил одежду на вешалке, поставил ровно сброшенные Крошкой кое-как туфли и лег.

Утром в ванной Крошка набралась смелости и спросила:

— Джи, а где другие крошки, о которых говорила Джул?

— Экзекутор у императора всегда один, — Джи вздохнул, и Крошка подвинулась ближе, обнимая своего императора и усиливая ощущение счастья, исходящее от него. — Ты же знаешь закон! Но подумай сама, больше одного экзекутора создаст соперничество и ненужные проблемы, поэтому по закону может быть только один действующий экзекутор. Да, были до тебя и другие, но, Хакисс, искать информацию о прежних экзекуторах бесполезно. Точно так же, как любые сведения о твоём прошлом. Ничего нигде нет. Бесполезно сканировать Вика: он не помнит. Потому что экзекутор всегда один, как и император. Стабильность — основа нашей жизни. Вечный император и его спутник. Не пытайся подорвать мое доверие и сотворить прецедент.

— А другие экзекуторы умерли? — спросила Крошка, стараясь не дышать.

— Не все. Часть на отдыхе. Кто-то не справился. Или попытался предать меня.

Пришлось их убить.

Крошка молча потерлась головой о плечо Джи. А потом решила:

— Я никогда не предаю тебя...

— Я знаю, — усмехнулся Джи. — Я вижу тебя насквозь.

— А Яо хотела меня убить, — шепнула Хакисс, пряча лицо на груди Джи.

— Крошка, ты сама виновата, — Джи потрепал ее по голове. — Ты разозлила её. Да, друг Яо был старый, но этого нельзя было говорить — тебе надо было проявить уважение и осторожность. Яо жила с человеком давно и не могла сделать его ажлисс: он был бесполезен. Он должен был умереть. А ты своей бестактностью сделала её потерю ещё больнее.

— Она порвала мне печень, сломала ребро и избивала меня! А я была подарком!

— Все правильно, она распоряжалась тобой так, как захотела. Ты сделала ошибку, и она наказала тебя, — Джи слегка потянул Крошку за ухо, поворачивая к себе лицом. — Ты еще не умеешь сдерживать себя. Хотя Джул понравилась твоя шутка, но это было неуместно в лаборатории. Вполне достаточно было легкого счастья.

— А ты совсем не накажешь Яо? Ты император, а я твой кусочек!

— Не накажу. Я и тебя не наказываю за мелкие ошибки. Ты еще учишься, и я понимаю это. Яо же имела право поступить с тобой так, как считала нужным. Она закон не нарушила. Ты — экзекутор. Это твоя работа, привыкай. Но если Яо нарушит закон, тогда ты накажешь её. Империя стоит на нескольких правилах, одно из которых — никакой личной мести! А второе правило — это ты. Правила должны соблюдаться, иначе будет хаос. Ты самое сильное оружие и самый драгоценный подарок, именно поэтому ты не имеешь права решать, кого наказать, а кого наградить. Не имеешь права ответить по собственному желанию. Поэтому ажлисс могут срывать на тебе. Ты — отдушина в их размеренной жизни. Зато тебе будет легче их наказывать. А сейчас мы позавтракаем, и ты пойдешь к себе. Днем к тебе придёт Вик и скажет всё нужное по Гайдере.

В ванную комнату из кабинета доносился аромат кофе, печеного мяса и свежего хлеба с корицей — император всегда плотно завтракал. Хакисс хотела ещё спросить, почему Джи не празднует юбилеи. А её день рождения словно не существует... Но время утреннего омовения подошло к концу. Крошка заторопилась выскочить впереди Джи, но он остановил ее, поймав за косу.

— Подожди, не прыгай. Я должен сказать тебе ещё кое-что перед завтраком. Ты едешь подарком в цветник Дитсайрса, — Джи взял в ладони её лицо. — Но я не хочу отдавать свою Крошку, поэтому ты поменяешь внешность. Поедешь как человек, девушка, а ошейник — это знак принадлежности к знатному роду, правящей династии. Что, в принципе, очень близко к правде.

Крошка благодарно потерлась щекой и нежно поймала губами его палец, млея в волнах фантома.

— Ты моя частичка, — Джи убрал фантом и сжал её за плечи, призывая ко вниманию. — На Гайдере другое времяисчисление — считай дни. Ты должна стимулировать свои женские органы и не забывать каждые тридцать дней вызывать кровотечение, освобождающее женщин от неоплодотворенных яйцеклеток. И недостаточно просто выпускать кровь: там относительно развитая медицина, и они обязательно будут проверять гормональный уровень твоего тела. Так что, будь добра, имитируй репродуктивный цикл естественно и полностью. Но не увлекайся и не вздумай забеременеть. Ты, в конце концов,

ажлисс, а гайдерцы пока ничего не знают о ажлисс и не должны знать. И, надеюсь, ты там будешь не так долго, чтобы нам пришлось объяснять, почему ты неплодна. Но, главное, ты не смеешь использовать свои возможности во вред человечеству. Что бы не случилось, ты должна исполнять свой долг, невзирая на личные обиды или предпочтения.

Глава 7

Путешествие

*Звенит трава, уснув на год под снегом.
Капель пружиной замерла во льду.
Там девочка под первый луч рассвета
Скользнет, откинув чёлку на бегу.*

*И невесомо вздрогнет вечность,
Нырнув хрустальной рыбкой в небеса.
Вдоль по струне,
Сквозь душу в бессердечность
Взлетят года...
Одна...
Опять одна...*

(Фрагмент наследия Св. Райны)

* * *

Время безалаберно застыло. Язык шипису, на котором говорили подданные Вседержителя Дитсайрса Шестнадцатого, Крошка получила в инкубаторе вместе с новой внешностью. Ширококостное тело с толстыми, трущимися при ходьбе ляжками и жирком на ребрах, который мешал в подмышках, раздражало Крошку как новое имя и новый язык. Теперь её звали Лардарошса и что-то там фамильное. Вик, отвечающий за вручение «дара дружбы», потребовал комментировать все действия вслух, чтобы активировать словарный запас. Крошка, запертая у себя, только и «шиписела», привыкая, негодуя и плюясь. Генри тоже перепрограммировался на шипису, и от обилия свистящих и шипящих звуков комнаты экзекутора стали походить на растревоженный гадючник.

Когда секретарь Императора пришёл проверить успехи «юного ростка, направляющегося в Цветник Вседержителя», Крошка никак не могла понять, почему Вик, похожий на доброго дядюшку-пекаря из сказок, так нервничал и был сам не свой. Он сидел со скрещенными ногами на её кровати и печально наблюдал, как Крошка вытанцовывала ритуал встречи жениха. А она никак не могла проникнуть в мысли Вика или развеселить фантомом: Крошка уже третий день носила «родовое ожерелье».

— У тебя такое лицо, как будто в пекарне сгорела вся выпечка, — Крошка засмеялась и шлёпнулась из глубокого реверанса на пол, представляя себе Вика, наряженного по Гайдерской моде в панцирный камзол и широкие штаны и передающего горелую булку-невесту Вседержителю. Верхняя жесткая юбка, сотворенная из соединенных короткими цепочками пластин ковровой ткани, вздыбилась кривым забором вокруг, закрывая почти до плеч. Многослойные нижние юбки беспорядочно вылезли из-под грубого чехла верхней.

— Нежнейший цветок из далеких земель, тянущаяся к свету битерере Лардарошса, я не

понимаю, что здесь смешного? — Вик устало прикрыл глаза и качнулся всем телом, как будто теряя равновесие. — Сделай реверанс и повтори с уважением: ваша благословенная пыльца опылит мой страждущий бутон...

— Вик, это же гнусная пошлятина!

— Кстати, не вздумай убирать девственную плеву!

— Да на месте она! Показать? — Хакисс сделала вид, что двумя пальчиками приподнимает подол многоэтажной юбки.

— Лардарошса! — неожиданно рывкнул всегда доброжелательный и выдержанный Вик. — Ты едешь завтра! И ты должна произвести впечатление воспитанной и скромной девицы, а не... — не найдя подходящее выражение, Вик покрутил кистью в воздухе.

— Ви-ик, не бойся, я скажу всю эту чушь серьезно — я же часто бывала подарком! К тому же мне залепят всё лицо косметикой.

— Будь серьёзней! Или мне пожаловаться Джи?

— Вик, прости, но я чувствую себя как бельевой шкаф на учениях! — скисла Крошка и без тени улыбки отбарабанила приветственный комплимент первой ночи, сопровождая декламацию пируэтами рук и сложными поклонами.

Широченные юбки, качаясь во время ритуального танца, касались то шкафа, то стены ванной. В экзекуторских комнатах совсем нет места, а идти в тренировочный зал Вик отказался, отрезав, что ему достаточно нервотрёпки со всей этой Гайдерской затеей, чтобы еще таскать по базе экзекутора в ошейнике.

Вик ушёл, а Хакисс с раздражением отвязала и бросила на кровать рукава от камзола. В этом одеянии не только невозможно двигаться, но и запросто можно упариться!

Она была бы рада еще раз, совсем-совсем на прощание, увидеться с Джи, но, конечно, не из-за жалобы секретаря. Вик не виноват, что ей смешно. И ещё она немного на императора обиделась. Джи сказал, что не будет мешать ей настраиваться перед новым заданием. Погладил пальцами по лицу, поцеловал на прощанье и застегнул ошейник.

— Я не хочу, чтобы моя любимая Крошка доставалась кому-то еще.

Послал в инкубатор и приказал сидеть на месте. Учиться. А сам не появлялся и не звал. Закрыв её в комнатах. Нет, хуже — запер её в границах тела! И отключил её комнату от имперской системы! Куда не сунься, везде были только Гайдера и ничего, кроме Гайдеры!

Визит Вика сделал ощущение изоляции ещё неприятней. Она никогда не была так одинока! Раньше она могла найти Джи... Да кого угодно! Незаметно втечь в чужое сознание, ощутить вокруг многозвучие базы, а Джи всегда отвечал ей на мысленное прикосновение. Посылал ей любовь и фантомные объятия. Крошка закрыла глаза и еще раз попыталась прорваться сквозь блок, но почувствовала поднимающееся бешенство — в бессильной темноте и бесчувственности заблокированного скана в уши лезла надоевшая до смерти еще одна гениальная идея Вика. С утра до вечера постоянным фоном гундели заунывные народные речитативы Гайдеры или визгливо-зажигательные эстрадные песенки, хотя и приглушенные до минимума, но от этого не менее противные. Крошка открыла глаза, подскочила к столу. Выключила звук и упала на тахту — в этих негнущихся юбках даже в любимое кресло не заберешься!

Хотелось плакать.

Перед завтраком Генри принес дорожные одежды. Опостылевший сборник мелодий включать не стал, а Крошка обрадовалась: не будет этой страшной музыки! В энциклопедии говорилось, что в Цветнике играют только тихие и меланхоличные любовные напевы. Любовное шипение она выдержит!

Она с любопытством вылавливала в памяти и проговаривала названия забавных одежд, одеваясь по правилам: мини-трусики — «хси», обтягивающие панталончики до колен — «рьяссу», кружевные штанишки с миллионом воланчиков — «уфсы»... Лиф и сорочки, ворох юбок и в заключение травяного цвета камзол, расшитый красными и желтыми бутонами, по тяжести и несгибаемости больше похожий на панцирь. Крошка продолжала хихикать про себя: бельевой шкаф во время учений подорвался на mine — содержимое висит слоями и всё страшно неудобно.

Чтобы не смущать встречных красотой невесты, Генри водрузил ей на голову широкополую шляпу с густой вуалью, закрывшей ее до пола. Это в дополнение к розовой безликой маске, которую снимет самолично Вседержитель на церемонии — и «бутон расцветет».

— Битерере Лардарошса, я вижу, ты готова, — в дверях стоял нечетко видимый Вик.

— А ты переоденешься уже на Гайдерской базе? — Крошка упорно пыталась смотреть сканом, но увы, сквозь мелкую белую сеть даже взгляд проникал еле-еле, а скан же насмерть залипал в ошейнике.

Вик закрыл за собой дверь.

— Крошка, — Вик прислонился к двери, как будто это надежнее замурует и без того непроницаемые стены. — Внимательно послушай и запомни. Я тебя передам Яру — неофициальному регенту Гайдеры. Как ты знаешь, планета в процессе подготовки, так что для местных Яр — наш посол. Для него и всех остальных ты просто человек, поэтому ни с кем не заговаривай, слушайся Яра и молчи. До передачи Дитсайрсу тебя будут сопровождать четыре андроида-женщины в качестве прислуги и личной охраны, — Вик поднял ладонь, услышав смешок. — И не хихикай! Неклеймённые андроиды будут изображать твоих нянек. Повторяю, каждый ажлисс видит тебя просто как человека. Ни в коем случае ни до кого из сотрудников Гайдерской базы не дотрагивайся: им нельзя знать, что ты ажлисс. Ты человеческая невеста, дар Дитсайрсу и веди себя соответственно. Покопайся в памяти, у тебя должна быть запись твоей биографии и инструкции.

— А я так и буду все время в этом мешке? — оттопыривая изнутри сетку пальцами, спросила Крошка. — Почему я не могу ехать в нормальном виде и переодеться во дворце?

— Крошка, я тебя отведу на Гайдерскую базу, и вы сразу поедете караваном. Если тебя увидят в неправильном костюме — это будет нарушением протокола и оскорблением Вседержителя, — Вик поймал Крошку за руку и подтянул к себе, смотря в глаза. — Прошу тебя, тренируйся в Цветнике со всей ответственностью. Чем быстрее ты сможешь справиться с блоком, тем быстрее вернешься. Ты будешь стараться?

— Конечно, буду, — надулась Крошка. — Но пока у меня никак...

— Надеюсь, у тебя получится, — Вик выпустил ее руку, но Крошка, и не желая сканировать Вика, успела уловить: «бунт, опасно, недовольство...»

— Кто там недоволен? Дитсайрс меня не хочет? Там кто-то бунтует, чтобы я не приезжала?

— Нет, Дитсайрс тебя хочет. Ты же гарантия нашей дружбы и помощи. Тем более там сейчас есть очаги беспорядков, но вовсе не из-за тебя. И вообще далеко от столицы, а у Джи

свои планы. Но тебя это не касается.

— Прости, — утихла Крошка.

Вик помедлил, как будто хотел что-то ещё добавить, но качнул головой и вышел к лифту.

Лардарошса двинулась следом, чувствуя себя как древнее таранное орудие и радуясь, что Генри принес уличные туфли на низком каблуке. Туфли были грубы и тяжелы, но ковылять в салонных котурнах, в которых танцевали битерере, прислуживая Дитсайрсу, было бы неудобно.

Вик вел ее по техническим переходам к малому portalу и большую часть пути провез на четырехместном байке. На двухместный Крошка не уместила бы негибамую верхнюю юбку. Она так и не успела узнать, что стало с несчастным Берди: Джи отключил ее комнату от системы. Хакисс вздохнула про себя: и Вика не спросишь — секретарь знать не знает о её проступке.

Случайно или нет, но у портала было безлюдно. Точнее, безажлисно и безандроидно. Малый портал в технической части императорской базы служил исключительно для интересов высшей политики, а люди, скорее всего, даже не знали о его существовании, пользуясь основным транспортным порталом на полдороге к Лакстору. В этом полушарии был еще один малый портал под Северной базой, но он использовался для чистой науки, которой там целенаправленно занимались, и местных нужд области.

Вик настроил координаты. Белая пустая стена в раме меж граничных консолей за клубилась туманом, словно кто-то большой дохнул паром на холодное стекло. Вик взглянул на Крошку, приглашающе кивнул и исчез в открывшемся проходе. Крошка незаметно для себя задержала дыхание и шагнула следом, подсознательно боясь промахнуться. Кишки словно вывернуло наизнанку и сложило обратно, ноги встали на твердое, а она всё еще боялась провалиться мимо цели и выпасть в черной пустоте космоса.

Припортальный ангар Гайдеры встретил полумраком и точечными огоньками дорожки на белом полу. «Судя по размеру, это будет основной порт планеты», — решила Крошка, сосредоточенно стараясь не топтать грубыми туфлями.

Вик, как истинный ажлисс, шел пружинисто и неслышно, и шаги жестких подошв кожаных тупоносых «копыт» будущей битерере звучали особенно сиротливо на фоне запаркованных в высоченном зале грузовых флаеров. Крошка представила, что она гуляет вечером по океанскому пирсу: два ряда морских кораблей, а перед ними узкие десятиместные пассажирские флаера-«лодочки». Все было приготовлено к экспансии. Ждало в спячке.

Дорожка сужалась и заворачивала налево где-то за десятым «кораблем». Оттуда раздались тихие шаги, шуршание шёлка и вынырнули четыре могучие темноволосые тетки в свободных коротких платьях и шароварах.

— Господин Вик, — приостановилась и тихим учтивым голосом произнесла левопередняя нянька, сделав реверанс. — Мы будем сопровождать стремящуюся к свету высокородную битерере.

Вик только махнул рукой и на ходу отступил немного с дорожки, а тётки взяли Лардарошсу «в окружение», выстроившись вокруг неё квадратом, и пристроились за секретарём. Волосы у няnek были гладко зачёсаны в косы, уложенные вокруг головы. Крошке стало завидно: няньки не носили ни масок, ни тяжелой неуклюжей ритуальной «брони». Бледно-голубые одежды слегка блестели серебристой вышивкой по подолу и

рукавам. Сквозь сетку было плохо видно, но Крошка ухмыльнулась: узор идентичный растительным мотивам андроидной идентификации.

— Стремящаяся к свету высокородная битерере, называйте нас «хашир», у нас нет личных имен. И старайтесь меньше говорить.

Крошка задушила в себе пренебрежительное шипение и согласно кивнула. Шляпа махнула полями и мотнула сеткой.

Сзади от портала, по широкой дуге миновав как пустое место няnek и невесту, появился темнокожий ажлисс в ковровой жилетке и широких, разноцветно расшитых штанах. Четверка няnek почтительно остановилась, и Крошка еле-еле успела затормозить, оставаясь в центре квадрата.

Вик официально протянул незнакомцу руку, легонько склонив голову, хотя Крошка была уверена, что они знакомы:

— Вик, секретарь Джи.

— Яр, — будущий регент неслышным тигриным движением мазнул ладонью по подставленной руке. — Благодарю вас, вы привели битерере даже немного раньше времени.

— Я умею быстро бегать, — улыбнулся Вик.

— Надеюсь, вам это не понадобится. У нас все уже собрано и разложено по местам, осталось посадить куколку в коробочку. Хотите взглянуть на салон битерере и караван?

— Нет. Боюсь, я еще успею налюбоваться на ваши ужасы.

Вик еще раз кивнул и ушёл назад в портал, домой. Четверка няnek стартовала за Яром, и Крошка не успела обернуться и попрощаться с Виком.

По слабоосвещенным коридорам Яр вывел маленький кортеж в крытый светлый гараж, где на всю длину растянулся непривычно раздутый и членистый вагон монорельса. Крошка поискала глазами — нет, рельса тут не было. Вместо рельса вагон стоял на больших и широких колесах, прикрытых выпуклыми пластинами. Гвардеец в полуактивированном доспехе блеснул полированным серебром грудного щита, открыл широкую дверь вагона, и передняя пара няnek полезла внутрь по спущенным ступенькам. Замыкающие хашир подтолкнули Лардарошсу, и она оказалась в маленьком тамбуре с откидными сиденьями и проходом в жилую комнату — с кроватью, столом и креслами.

— Стремящаяся к свету битерере, вы можете снять вуаль, — заговорила первая хашир и стянула с Хакисс шляпу с сетчатым чехлом.

— А могу я снять этот панцирь? — Крошка потянула край юбки. — И маску?

— Можно отстегнуть рукава, чтобы вы чувствовали себя свободнее. Маску вы можете снимать только в ванной. Правила.

Транспортное средство зарычало, дрогнуло, вибрация передалась в ноги, и вагон медленно выдвинулся из гаража. В узких окошках, протянувшихся под потолком, отодвинулись назад стены гаража, и всё внутри осветил яркий уличный свет. Крошка вспомнила, что посольство Империи выкупило заброшенную усадьбу сельского лендлорда: здесь было удобно строить будущую базу. Во время экспансии луга и пастбища вокруг отреставрированного дома разлетятся по сигналу в клочки, и откроется свободный вылет из портала. И до столицы всего пятьсот километров.

Крошка влезла на постель и постаралась дотянуться до окна. Но убедилась, что сквозь узорные стекла вряд ли что-то можно рассмотреть, к тому же они такие узкие и слишком высоко...

— Восхитительная битерере, нижайше, но убедительно просим вас отойти от окон! Они

непробиваемые, вам не сможет навредить даже прямой выстрел, но выглядывать в них неприлично! — тут же хором загомонили няньки, окружая кровать.

— Пыфф... — Лардарошса прыгнула на вздрагивающий и вихляющийся пол. — Кто будет стрелять в эти окна?

— Никто не знает, драгоценнейшая битерере, но правила рекомендуют не приближаться к окнам каравана.

— И, э-э... Хашир? Сколько нам ехать до столицы в этом вагоне?

— Восхитительнейшая невеста будет шествовать к благословенному жениху шесть дней. А в городах и поселках караван будут сопровождать народные гуляния и карнавалы.

— В эти окошки и так ничего не видно! — демонстративно подпрыгнув и еле достав пальцами до нижнего края металлической рамы, возмутилась Крошка. — Я что, ничего не увижу? Вы же меня не выпустите посмотреть?

— Нет, вам выходить нельзя. Никто не может видеть нежнейшую невесту, пока она не расцветет перед очами Вседержителя.

— Ва-а-а-а! — взвыла Крошка и рухнула навзничь на кровать. — Я тут сдохну!

— Стремящаяся к свету, возвышенная битерере! — подскочила к ней нянька с ужасом на лице. — Так нельзя выражаться! Сдерживайтесь! Повторяйте за мной: я безнадежно завяну в невыносимо долгом и иссушающем ожидании...

Крошка закатила глаза.

* * *

За черепашьё путешествие Лардарошса отоспалась на год вперед. Снаружи никому не было дела, спит ли невеста, смотрит ли по вделанному в стенной шкаф визору веселые сценки из жизни дворцовой элиты или тупо таращится на уроки плетения ковров. А может разглядывает неподъемную книгу по искусству благородного выращивания миниатюрных подвесных садов, которую с причитаниями и пожеланиями две няньки в четыре руки вытащили из того же шкафа и трепетно водрузили на стол.

Колесный караван медленно тащился, застывая на ночь на главных площадях, гудящих праздником и приветственным ревом труб. Четыре заботливые хашир стойко приучали нетерпеливую Крошку к выпретенному языку благовоспитанных невест и два-три раза в день заставляли её изображать танец передачи. Всё это можно было выдержать. В конце концов, чем еще заниматься в преддверии «свадьбы»? Но необходимость носить маску раздражала. И еще то, как приходилось есть! Крошка воспринимала это как изощренное издевательство. Она живая! Нет, она лучше — она ажлисс! И должна притворяться перед андроидными программами?! Но возвышенная битерере не хлещет напитки через край, а изящно сосет питательный нектар трубочкой... А потом, в маске особенно через край не похлещешь.

Принимая в сложенные лодочкой ладони низкую пиалу и ловя губами сквозь постоянно открытый рот маски трубочку, торчащую в витиеватом креплении, Лардарошса склонялась как «элегантная пчелка над цветком» и изысканно пила фруктовые чай и жидкие, тщательно размолотые в пену супчики. Ругаться не получалось: рот был занят «восхитительно и утонченно» украшенной золотой трубочкой. Еда сервировалась восемь раз в день в мелких мисочках и сопровождалась хоровым восхваляющим щебетом всех четырех хашир. Добрые мамки успокаивали киснувшую невесту, что в Цветнике всё будет проще. Битерере в

Цветнике уже расцвели от любви Вседержителя, живут без масок в самом сердце дворца. И питаются как нормальные люди. А вазы на низких инкрустированных столиках всегда полны свежими фруктами. Целыми фруктами, которые можно брать когда угодно и кусать зубами, а не всасывать протертыми в жиденькое пюре.

Несколько раз Крошка попыталась протолкать скан сквозь барьер ошейника, но быстро отчаялась. И потом в Цветнике у нее будет масса времени и вокруг живые люди, а не глухие для скана андройды...

Жажда встречи с женихом становилась непреодолимой.

* * *

В последний день они долго и муторно пробирались забитыми улицами столицы ко дворцу, сопровождаемые громогласными воплями глашатая:

— Благочестивая и светлейшая невеста из империи Ши, дар Императора Ши! Возвращенная исключительно для Солнцеликого Вседержителя в знак верной дружбы и единства! Изнемогающая от возвышенной любви!

Несмотря на день, в окнах полыхали цветные вспышки салюта и то спереди, то сзади взывала оглушающая сирена, начинаясь высоко и визгливо и в течение минуты опускаясь до резонирующих в желудке басов.

Крошке казалось, что она погружается в густую вату.

Но вот шум затих, а главная нянька что-то сказала и потянула невесту за руку. Лардарошса встала. Казалось, что её уже долго и бесконечно крутят и крутят на карусели, не выпуская из каравана, вместе с караваном, вместе со всем этим грохотом и шумом...

Хашир надели на неё широкополую шляпу и расправили вуаль по полушарию растопыренной ковровой юбки. Крошка закрыла глаза — нет, тьма. Скан заперт.

Двери открыты. Первые две хашир уже вышли, оставшиеся настойчиво и бережно подпихивали Крошку в спину.

— Трепещущая ожиданием битерере, стремящаяся к свету бесконечной любви Вседержителя! Просим вас...

Лардарошса выступила на мозаичный просторный и светлый двор, окруженный высокими зданиями охряного цвета. На крышах топорщились сухими деревьями непонятные проволочные конструкции.

Охрана, верхом на смешных и громоздких, со слишком большими колесами байках, окружила гусеницу каравана. За ними толпились цветастые пятна — гайдерцы.

Хашир замкнули квадрат и окруженные спешившимися серебряно-бронированными гвардейцами под предводительством Яра ровным строем двинулись внутрь дворца. Неутомимый герольд снова начал выкрикивать об истомленной любовью невесте из Империи Ши.

Анфилады заставленных вычурной мебелью залов. Широкие коридоры, застеленные гобеленами от пола до потолка. Узкие, от потолка до пола, стрельчатые окна с многослойными занавесями и вышивками. Встречная знать в пышных одеждах, с ковровыми щитками и обслуга в свободных развевающихся драпировках. Молча и с одинаковыми поклонами расступающиеся... Да, это не дворец, а город с крытыми переходами и навесными мостиками между разноуровневыми улицами...

Наконец гвардейцы выстроились в каре в холле. Герольд отворил двери, проорал свою коронную фразу про «изнемогающую от любви будущую битерере из Империи Ши» и пропустил внутрь невесту с сопровождением.

Их встретила молоденькая пухленькая девушка в красной пижамке и, пригибаясь и шаркая ногами в пушистых тапочках, повела гостей через череду аскетичных розовых комнат — никаких тряпок ни на стенах, ни на полу. Только кое-где пластиковые или стеклянные стулья или кушетки. За третьи двери шаркающая девушка не пошла. Нажала кнопку, выпустила кортеж и закрыла дверь, оставшись снаружи.

В очередной розовой и странно голой для Гайдеры комнате — простые металлические полки, заставленные коробками, несколько пластмассовых кресел у стен — из-за большого стеклянного стола на круглых и блестящих металлических ножках поднялась и вышла навстречу строгая женщина в длинном красном платье. Гладко причесанные волосы скрывались под маленьким красным же чепцом.

— Госпожа первый клиницист, — Яр изобразил глубокий поклон с танцевальными па. — Моё сердце несётся вскачь от радости, ибо я могу передать в ваши руки нашу самую благородную драгоценность — стремящуюся к свету любви битерере Лардарошсу.

Из задней двери тихой мышкой появилась новая девушка (тоже в красном, но мешковатом до колен платье и красных чулках) и осталась стоять, держась за ручку.

— Благородный и учтивый господин посол, — первый клиницист протанцевала коротенький реверанс с тремя поклонами. — Наша самая надежная и наилучшим образом оборудованная клиника со всей ответственностью принимает нежнейшую невесту Лардарошсу, и через полчаса мы с восторгом засвидетельствуем её восхождение по последней тропинке в Цветник.

В каскаде реверансов госпожа клиницист отплыла к дверям. Девушка шустро отворила на себя дверь и спряталась за неё, а красная женщина уже без словесных кружев добавила:

— Будет достаточно двух хашир для сопровождения битерере, а вам, господин посол, помощницы удобряющих сады принесут нектар и плоды.

Регент снова засучил ногами, но быстро успокоился и сел в кресло, а Крошку няньки погнали следом за красной женщиной в недра больницы.

Крошка поняла, что слегка боится. А вдруг они заметят, что она ажлисс? Неправильный человек? Но Джи бы не послал ее сюда, если бы на Гайдере смогли обнаружить подмену?

Внутренние коридоры живо напомнили Крошке официальные помещения базы — пластик и стекло, минимализм обстановки и функциональная мебель. Но вместо пропитанного свежестью или запахом трав воздуха базы тут висел щекотавший нос химический аромат. Красная клиницистка, подобрав по дороге еще двоих красных женщин, пригласила невесту в явно лабораторный кабинет, посередине которого возвышалось на массивном подиуме навороченное бело-розовое кресло, подобное пилотскому в стратосферном истребителе.

Хашир завели Лардарошсу в угол, где стояла простая лавка, отгороженная тряпичной ширмой в рост человека. И начали неторопливо ее раздевать, планомерно складывая слои одеяний на лавку. Крошка осталась в длинной нижней рубашке. Даже маску, лиф и уфсы-хси няньки сняли и возложили на вершину получившейся пирамиды. Босые ноги облекли бумажные пакетики с резиночками и, без остановки чирикавая и ублажая свою питомицу учтивостями, возложили Лардарошсу на кресло. В комнате без многочисленных одежд оказалось прохладно, и Крошка поёжилась: кресло прижалось к спине и ногам мертвенным

холодом.

Лаборантки подтащили два белых шкафа на колесиках и подсоединили их черными витыми проводами к креслу. Шкафы в готовности замигали экранчиками и циферблатами.

Первая клиницистка отсоединила от большего шкафа боковую стену, оказавшуюся на телескопических рычагах, и навела ее над Крошкой.

— Благородная и доверчивая Лардарошса, прошу вас не шевелиться. Это совсем не больно, вы не успеете ничего почувствовать, а снимок будет готов. Внимание, задержите дыхание и не шевелитесь.

Стенка с урчанием опустилась, зависнув в двух сантиметрах от носа благородной Крошки, щелкнула и отъехала на свое место, прилепившись обратно к шкафу, а главная лаборантка уже стояла у изголовья с новым прибором — леденцом на толстой черной ручке:

— Здоровая и послушная невеста сейчас откроет девственный ротик и прикусит дарфисс, чтобы оставить отпечаток безупречных зубок...

Леденец оказался мягким, липким и пах резиной. Лардарошса осторожно сжала зубы, резинка пискнула и затвердела. Врач улыбнулась, отложила слепок на поднос помощнице и прикрутила к ручке черный матовый мячик.

— Стыдливая битерере, я сейчас вам разрежу рубашку, но не бойтесь, вам не будет больно, только слегка щекотно. Прошу вас, постарайтесь не кричать. Уважаемые хашир, придержите невесту, она должна быть неподвижна. И немного разведите ей ноги.

Одна андроидка прижала щиколотки, а другая вдавила плечи в кресло. Хакисс вцепилась руками в каменные запястья, державшие ее за плечи и быстро задышала открытым ртом. Нет, она умеет терпеть боль, но неизвестность пугает больше.

Клиницистка вырезала ножницами квадрат ткани из рубашки над животом и рукой в прозрачной перчатке размазала ледяное желе по напряженному телу. Другой начала катать мячик по намазанной коже. Шкафы с приборами защелкали, стрелочки на циферблатах забегали, а врача негромко проговорила:

— Расслабьтесь, самое страшное уже позади.

И внезапно затолкнула мячик Крошке между ног, но сразу же его вынула и растерла всё еще каменный живот скомканной пористой бумагой.

Крошка откинула голову и пыталась успокоить разбушевавшееся сердце. «Убила бы, так пугать нежную битерере!»

— Еще совсем небольшая формальность, нежная битерере, мы должны взять у вас маленькую капельку крови.

Лардарошса протянула руку и еле-еле сдержалась, чтобы не открыть кровавые реки от маленького укола иглой. Капелька крови втянулась в стеклянный капилляр, и кандидатку в битерере попросили подождать за ширмой. Замолкшие хашир отвели ослабевшую Хакисс на лавку, надели ей снова маску и перекрыли проход, сплоченно застыв плечо к плечу.

Крошка не знала, что делать. Если медицинский экзамен найдет несоответствия, её вернут. Или отведут в Цветник, если проверка покажет, что она здорова. Но что делать сейчас? Одеваться? Или можно хотя бы сменить разодранную рубашку? В куче, возвышающейся по левую руку, есть еще две рубашки, разной степени воздушности и обрюшенности... Или пока прикрыть дырку на пузе? Уфсами этими? Или лучше совсем снять эту рванину, и будет она сидеть голая. И то приличней, чем с дырищей!

Раздался звон бубенчиков, и андроидки молча расступились, а потом и вовсе ушли. За ширму, шаркая короткими шажками, вбежали три служанки из Цветника. Уф-ф-ф! Эти

красные лаборантки не поняли, что она ажлисс! Её не вернут Яру, а забирают в Цветник!

Лица девушек были так густо покрыты косметикой, что казались масками, и они дружно, на три голоса заворковали:

— О-о-о! Великолепная и долгожданная битерере Лардарошса... Я — Ильдис, я буду ваша дневная хашир...

Крошка даже не успела понять, которая из трех маленьких толстушек её служанка, как девушки стянули с неё пакеты и рваную сорочку. Быстрыми движениями теплых рук натянули на зябнущие ноги высокие толстые гольфы и широкие сапожки, закутали в необъятную фланелевую рубаху, замотали в мохнатый шерстяной халат, на голову нахлобучили все ту же шляпу с вуалью до земли и, звеня и щебеча гайдерские витиеватые политесы, повлекли под локти куда-то внутрь.

Глава 8

Предсвадебная суэта

Неслышен вздох души, что вьется на ветру
И легкой паутинкой пролетает,
Заденет ткань миров небрежно и растает.
Лишь нежный отзвук ты услышишь поутру...

Но слух обманчив, память не безбрежна
Не видишь ты следа, не знаешь берегов.
Ты просто вдруг вздохнешь, как эхо, безмятежно,
Проснешься и уйдешь, так и не сняв оков.

(Наследие Св. Райны)

* * *

На выходе из клиники их взяли в кольцо дворцовые стражники. Шесть красно-зелёных фигур, без видимого оружия, в масках той же расцветки, закрывающих нижнюю половину лица, придвинулись и замерли, повернувшись спиной к объекту охраны. Седьмой, неожиданно громадный, будто чащобный медведь, держал копьё. «Начальник стражи лично сопровождает новую невесту», — Хакисс вспомнила строчку из влитой в память энциклопедии.

Этот медведь треснул копьём об пол и станцевал нечто короткое, но замысловатое-тяжеловесное. А потом вразвалку двинулся вглубь клиники, звонко чеканя древком. Притихшие хашир снова залопотали, подтолкнули невесту. Крошка оглянулась: нянек-

андроидов нет. Видимо, вернулись к Яру, который с чистым сердцем подписывает дарственную на «страждущий бутон». И вместе с нею — договор о ненападении и всяческой помощи.

Служанки тянули за руки и ныли. Караул ждал. Наконец Крошка старательно затрусил, почти не отрывая ног от пола — развалистые сапожки так и норовили слететь, несмотря на толстые носки.

Крошку глодало беспокойство: она никогда не терялась! Могла найти дорогу даже в дремучем незнакомом лесу! Да, она всегда могла оглядеться сканом, найти приметы, сравнить разные направления, увидеть всё вокруг в перспективе, как карту. А теперь она точно маленькая крошка, упавшая в узкую щель — не видит ничего дальше собственного носа, да и тот спрятан за вуалью... Впервые она заблудилась. Впервые не могла даже приблизительно понять, в какую сторону её ведут. Где остался тот мозаичный двор, в котором её выпустили из каравана. Процессия мелкой рысцей пересекала неожиданно людные коридоры, ныряла боковыми дверьми в узкие и пустые технические ходы, распугивала красно-зеленым тараном случайных встречных.

Интересно, есть ли на Гайдере система? Должна быть, хотя бы слабая, портал-то есть. И почему она не посмотрела на схему дворца дома? Сейчас бы хоть ориентировалась, где Цветник, где входы-выходы. Хотя битерере никуда не выходят, кажется, так и сидят всю жизнь в оранжерее. Бутончики!

Аскетическая обстановка клиники сменилась ковровой роскошью. Потолки и стены вспучились лепниной и позолотой, мебель обросла завитушками, а двери — стражниками в масках и с алебардами. Да, это были алебарды, а не копыя! Хакисс чуть было не свернула шею, пытаясь рассмотреть оружие. Ей показалось... Нет, не может быть! Через эту сетку так паршиво видно, а скан ловит только всполохи глупых мыслей хашир, когда их руки дотрагиваются до ее кожи. Толстушки меняются по бокам, по очереди направляя невесту. Болтают, толкаются, хватают под локти и гладят по рукам, по спине; ползают по ней, как липкие назойливые мухи! Крошка зажала бесполезный скан внутри: в такой дерготне не до тренировки. После свадьбы потренируется.

Присмотрелась и упёрлась, насмерть встала в очередных дверях, вызвав трёхголосый переполох. Зато разглядела оружие местной гвардии и чуть было в голос не расхохоталась: на крюках алебард, с другой стороны от топорика, покачивались длинные и толстые красно-зелёные кисточки! Как на диванных подушках в спальне у Вика! Только у Вика подушки были украшены сочно-изумрудными кистями, а Гайдерский вседержительский зеленый походил оттенком на луговую траву.

— О трепетная и нежнейшая будущая битерере! Мы должны вас подготовить к свадьбе, просим-просим-проси-и-им! Осчастливьте гостеприимный пол прекрасного дворца вашими легкими шажками! — встревоженные хашир поддегивали и подпихивали отбившуюся от рук невесту.

Лардарошса наконец соблаговолила осчастливить зеркальные скользкие плиты, и клубок звенящих служанок, кружась и приседая вокруг всё еще беззвучно хихикающей Крошки, снова затрусил в фарватере начальника стражи.

Крошке показалось, что они прошаркали примерно треть расстояния, которое прошли утром до клиники, когда начальник стражи особенно громко шархнул древком об пол и встал у многоцветных дверей. Охрана, печатающая шаг, пристроилась к караулу, а хашир усилили щебетание: вот и Цветник! Кто бы сомневался — высокие двери были скрыты под засильем

ядовито-оранжевых, химически-розовых и бешено-лимонных крупных бутонов, каждый размером с кочан капусты. «Джи упал бы в обморок!» — хихикнула про себя Крошка, проходя в «благовонную шкатулку драгоценностей Вседержителя». Гарем нерожавших младших жен и правда так и разил цветочными ароматами, приправленными тяжелым приторно-сладким запахом кондитерской. Крошка мелко и быстро задышала ртом. Только успела заметить в мешанине ярких пятен обилие цветочных гирлянд и букетов, как её погнало вбок.

За очередными дверьми её охватила теплая парная духота. Служанки развязали тесёмки на шляпе, сетка упала. Шляпу сняли, халаты спустили с плеч, и Крошка, оставив увязшие в тряпках сапожки, переступила на мраморный пол просторной многоцветной ванной.

Яркий свет из искусственных цветов, люстры с искристыми стеклянными подвесками, расписные маленькие и большие плитки по стенам и полу — у чипу такими плитками обкладывали старинные печи... Стеклянные шкафы с множеством полок и развешанной одеждой, высокие узкие лавки, укрытые махровыми простынями дичайших расцветок, а посередине — как гигантская чашка — круглая каменная кадучка с каменной же лесенкой. И ни одного окна...

— Возвышенная и великолепная битерере Лардарошса, в купальне мы смоем с вас мерзкую дорожную пыль и отравляющую усталость. Возьмем небесную мягкость вашего нежного тела, удобрим девственную кожу благовониями и ублажим питательными кремами...

Невеста пренебрегла ответом. От обилия острых запахов начался насморк и заслезились глаза. Занятая утешением и перестройкой обоняния, Крошка поняла, что у неё гудит голова и сосет в животе от голода. Утром в караване она съела шесть мисочек со сладкими муссами, но в каждой было всего лишь на доньшке фруктовой пены. А скоро должен быть обед! Ни часов, ни местного солнца она не видела — где и как? Все время замотанная в тряпки, замураванная в вагоне... Крошка даже караван толком не успела разглядеть: её сразу умаршировали в дворец Вседержителя, оказавшийся целым городом. Интересно, тут вообще окна есть? Или она так и будет жить как пчеломатка, укрытая в сердце улья? Но в любом случае время-то уже переползло за полдень. Хотелось есть, и было бы отлично, если бы принесли мясо! Жареное.

— Ильдис, я хочу есть! — Крошка царапнула пальцем по кудрявой макушке хашир, которая, пропевая невозможную чушь о любовно связанных гольфах, обнимающих вожделенные ножки, медленно скатывала эти самые гольфы обеими ладонями к щиколоткам.

Хашир подняла изумлённые, подведенные чуть ли не до ушей глаза.

— Я не...

Но тут подскочила блондистая пышка, относившая сброшенную одежду. Пролепетала, пуча глаза и прижимая к животу свернутые в комок халаты:

— Ваша бесподобная красота измождена ожиданием... Ваша дневная хашир Ильдис — это я...

— Прости, — великодушно пожала плечом Крошка. — Ладно, ты Ильдис. Не могла бы ты принести мне что-нибудь поесть? Я умираю с голоду. Утром мне дали только две ложки какой-то фруктовой каши. И, если можно, принеси мяса, а? Жареного! Я знаю, мне тут сидеть еще до вечера...

— Новая битерере должна быть чиста и легка перед свадьбой! — пискнула сзади третья

хашир, расплетавшая длиннющую и толстенную косу, выращенную Крошкой во время езды в караване.

— Я подыхаю от голода! Принесите еды, или я откушу по куску от вас! — Лардарошса для убедительности щелкнула зубами. Да, с ней надо считаться: у неё за спиной вся таинственная Империя Ши, мощная и хищная!

Пышка Ильдис зажмурилась, торопливо сунула скомканные халаты в корзину и вылетела вон, даже забыв шаркать ногами.

— О-о-о стремящаяся к свету любви, благородная битерере Лардарошса! У вас же нет хвоста! — завывли обе служанки и рухнули на пол. — Нижайше умоляем вас дождаться вашей собственной хашир Ильдис! Мы только сменные помощницы дневных хашир! Будьте всемилостивы...

— Какого хвоста? — изумилась Крошка и милостиво полезла в купель, растерянно копаясь в памяти. Камень был неожиданно теплый, вода приятно горяча. А о хвостах ничего вроде не записалось... Невесту должны вымыть, одеть... Всё! Вот, заодно убедятся, что нет у неё хвоста! Дикари. Вовремя вспомнив, что волосы моются отдельно, широким жестом вывесила прекрасную гриву из ванны. Блаженно опустилась на приступочку у дна и положила щеку на слегка бугристый, неожиданно удобный округлый бортик. Дурищи всё еще боялись и мялись, стоя на коленях.

— Светлейшая битерере, только хвостатые щерицы едят нераспустившиеся бутоны, не давая им возможность отцвести и плодоносить! — полушепотом сообщила «кудряшка» и рискнула приблизиться, все еще пригибаясь.

— Да не ем я людей! — хихикнула Крошка, глядя на всё еще скорчившуюся на коленях третью хашир. — Кто такие щерицы?

— О возвышенная битерере, мы слышали всякое о могучей империи Ши, — девушка собрала и приподняла необъятную гриву, ожидая, пока засуетившаяся третья придвинет огромный таз на колесиках и присоединит его к душе у ванны. — Щерицы же сейчас спят, но по весне их будет множество. Они будут ловить полёвок и бегунков в Цветнике и Саду. Хотя и сейчас некоторые, беспокойные и не уснувшие на зиму, пробираются в спальни и греются в кроватях...

— У вас тут живут ручные животные? Кошки?

— Нет, о великомудрая битерере, кошкам в сады нельзя — это же грязное животное! Дети могут заразиться какой-нибудь гадостью. А щерицы чистые! Это длиннохвостые скальные гекконы. Некоторые верят, что они приносят достаток и плодность.

— А некоторые от них и родились, — буркнула другая. — Как прихвостень стражного Скайрс. Он точно с хвостом.

— Ну, некоторые люди рождаются с хвостом... А как зовут тебя? Вас обеих? — Крошка протянула руку, чтобы дотронуться до всё еще нервной третьей служки, но та увернулась. — Да не буду я кусаться, я пошутила же!

— Благословенной битерере нет нужды звать нас по именам... Мы просто сменные хашир. Родиться с хвостом — это плохо, но хуже вырастить себе хвост злыми помыслами и делами. Битерере Зикрайя так грустила по дому, что однажды убежала. Но Скайрс нашёл её, поймал и съел...

Крошка задумалась. Сначала хотела рассмеяться — ну что за глупости? Ведь такого не может быть! Или это шутка? Но третья служка была слишком серьёзна и пуглива. Ловить за

руку и спрашивать, задавая конкретные вопросы, считывая истинный ответ сканом, как дознаватель, Крошка не решилась. В памяти же не было информации, что на Гайдере ели людей. Джи бы не допустил... Или именно поэтому планируется присоединение? Чтобы остановить местные безобразия и сделать гайдерцев частью цивилизованного мира?

Её вымыли в нескольких водах, подкрашенных ароматизированной пакостью. Крошка разомлела и чуть не уснула, откинув голову на широкий греющий край ванны, пока хашир с охами и ахами намывали и выполаскивали густые и длинные, аж до земли волосы. Вседержитель любил «гривастых» девиц, и в гареме длинные густые волосы считались хорошим знаком для будущей родительницы и множительницы властительской наследственности.

Болтовня девиц, комментирующих каждое действие, заглушала тягучую тихую музыку. Крошка, сама не желая того, выучила припев любовной песенки. Назойливый мотивчик кружился и кружился... Первые слоги скороговоркой и высоко, шипящие протяжно и нежно, словно жуки в траве:

... О трепетная мушка, залипшая в меду,
Дождись меня, жужжалка, уже к тебе иду...

Крошка непроизвольно повторяла смешные слова песенки, лежа на животе, умащенная кремами и укрытая махровыми простынями, когда с металлическим дребезжанием Ильдис вкатила столик.

— Мясо! — Крош... Нет, она — Рошса!

Лардарошса хихикнула и, вырвав из рук служанок еще влажные волосы, села, завернувшись в простыню.

— О легчайшая битерере, вам нельзя мясо, вы должны быть...

— Да-да, иначе я потолстею и не смогу танцевать, — Лардарошса потянулась двумя руками, чтобы снять эмалированную, с узором из пышных пионов крышку. Но Ильдис тут же перехватила инициативу и грохотнула столиком, отдергивая его на себя. Укоризненно поглядывая на свою невоспитанную госпожу, сняла крышку.

— О нетерпеливейшая будущая битерере, вы не можете сама! До свадьбы вы еще нерасцветший бутон! Я вас покормлю, но немножечко: вам надо порхать легко, как нежный воздушный лепесток в летнем ветерке!

Взяв в одну руку хрустальную пиалку, Ильдис подцепила ногтём трубочку из футляра за специальное колечко. Крошка вздохнула и, кротко сложив руки на коленях, поймала трубочку ртом.

Ложками эти дикари не пользовались. Бравые кавалеры выпивали жижу через край пиалок, а нежные дамы изящно высасывали жидкости широкими трубочками, словно бабочки цветочный нектар. Куски же твёрдой еды вылавливали когтями. В недалеком прошлом великосветские дамы остро затачивали один или два «пищевых ногтя» или пользовались иглами, мужчины — ножами. Но прогресс не стоит на месте, и вот — есть наперстки с шипом. А во внешних ресторанах, куда битерере не имеет шанса попасть, выдают даже одноразовые когти.

Обедом эту трапезу назвать было нельзя. Перекусила, называется. Нет, «пересосала», вот! Опять жидкие, странновато пахнущие пюре. Крошка убила большинство обонятельных

рецепторов, но похоже, что в пищу эти ненормальные люди наливают ароматизаторы из ведра, половину которого они ухнули в косметику и мыло.

Дверь открылась, и Крошка вздрогнула. Ильдис вырвала у неё изо рта трубочку и мгновенно задвинула столик за скамью. Кудряшка замаскировала его ворохом простыней.

В помывочную втанцевала женщина в просторном балахоне со множеством рюшечек и пропела:

— Плоднейшая ирере Абисайр пришла из Плодового сада взглянуть на юную невесту!

Крошка, злясь на бесполезный скан, ошейник и гнусную Джул, вскочила, торопливо запахиваясь в ткань, расстеленную по лавке. Как и откуда узнать протокол поведения младшей жены? В инструкции не было ничего о встречах с ирере! Если битерере забеременеет, то переходит в статус ирере и переселяется в Плодовый сад, что Крошке не грозит даже случайно! А чтобы наоборот: ирере приходили в Цветник? Так вообще бывает? И это прилично, что невеста голая? Или наоборот неприлично, если задрапируется от глаз старшей жены? Ужас! Не подсмотришь же ни в чьих мозгах!

Ирере Абисайр неторопливо вплыла монументальной колонной, незаметно семеня ногами. Однотонное зелёное платье свисало с объемной груди мелкой тяжелой плиссировкой. Две сопровождающие служанки крутанулись и присели за спиной старшей жены в раздувшиеся шарами юбки.

Ирере Абисайр застыла как неживая. Подведенные темно-зеленой тушью глаза смотрели без всякого выражения с напудренного розового лица, глубокие недовольные складки отделяли гладкие щёки от плотно сжатых вишнёвых губ.

Крошка сначала решила, что лицо ирере закрыто маской, но потом пригляделась: жуткая Гайдерская косметика и многолетние дикие традиции! Внутренне заметалась: что делать-то? На всякий случай сотворила глубокий реверанс, не сводя глаз с нечитаемого лица.

— Прошу меня простить, плоднейшая ирере, я не знаю, как мне вести себя, чтобы не оскорбить вас, — стараясь выразительно артикулировать, проговорила Лардарошса, придерживая импровизированный хитон.

— Я хочу тебя осмотреть, — ирере смерила ее взглядом и шевельнула рукой. Ильдис, приседая и кланяясь, потянула ткань с невесты.

— У меня нет хвоста! — выпалила Крошка и испугалась. Надо же сморозить такую глупость! Как она должна обращаться к ирере? Подняла руки, собирая волосы и откидывая их назад. Повернуться? Как прочитать эту раскрашенную морду? Что надо сделать, чтобы понравиться этой надменной бабе? Скан заперт, проклятая зараза Джул!

— Сколько у тебя сестер?

— Я единственная дочь, — выложила Лардарошса кусок инструкции из памяти. Но вопрос неприятно царапнул по сердцу. Если бы она знала на самом деле! Память стёрта, заблокирована. Может, на самом деле у неё есть сестры. Или братья? А может, её родители уже давно мертвы... А может, живут в Лаксторе. Если серьёзно задуматься, то она даже не знает, когда Джи забрал её. Украл. Он мог хранить душу в кристалле, а потом...

— У тебя хорошие волосы. Но ты слишком худа. Ты можешь рожать? Уж больно ты тощая, откуда ребеночек возьмет силы на рост? У тебя нет ни капли жирка, груди почти нет и бедра узковаты. Посмотри, даже хашир более подходящи к деторождению, чем ты!

— Я могу потолстеть, это недолго...

— Перваяклинистка сказала, что ты человек, — Ирере плавно подплыла к лавке,

отбросила покрывала и села. Глазки под обвисшими веками продолжали буравить и ощупывать. — Когда ты вышла из колбы?

— Плоднейшая ирере, даже у нас люди не рождаются в колбах! Моя мать, Благородная Баас — единственная супруга моего отца, лорда Кризоли, родила меня шестнадцать лет назад... Но наш год длиннее вашего. Планета Ши гораздо больше вашей и летит медленнее около солнца, — неважно, кто ее родители. Она не знает и не узнает. Экзекутор не имеет родителей, а только императора. Крошке стало противно и неуютно. Взяла с лавки яркосинюю, как глаза Джи, ткань и ссутулилась, пытаясь плотнее закутаться. Притушила неуместное желание схватить ирере за руку, утешиться её мыслями и уверенностью.

— Теперь твой род принадлежит Нашему Вседержителю, — ирере ела ее глазами. — Твои земли теперь часть Гайдерского владения и должны платить в казну соответствующую дань. Говорят, вы умеете делать механических людей. Как я могу знать, что ты не механическая?

Угу. И зачем ей слушать такое? Имущество — это не экзекуторова забота... Но аборигены Гайдеры ничего не знают. Вот пройдет экспансия, и увидите, кто чье имущество... Прекрасно, что тут нет ни одного ажлисс. Даже если бы скан достал эти полметра до ирере, то ничего бы эта нахальная старуха не вычитала из её головы. Она точно знает, что человек! Но про биополе нельзя говорить, про узор на руках тоже...

— Плоднейшая ирере Абисайр, у людей-андроидов нет эмоций, их мимика и движения всегда одинаковые. Они не живые в общепринятом смысле, то есть не имеют личности...

— Хорошо, одевайся, я проверю, как ты выучила свадебный хоровод. Хашир станцуют вместо распустившихся битерере... Не горбись! Ты выглядишь настоящей дикаркой.

Слова ирере отодвинули грусть о забытом и неизвестном родном доме. В конце концов, она на задании! Она — экзекутор! Она покажет, кто тут дикарь...

Ильдис покопалась в шкафу, и зазвучала свадебная музыка. Загудела вентиляция. Душный банный воздух стал прохладнее, но оставался столь же густо пропитан цветочными ароматами.

Волосы досушили, убрали в длинную сетчатую кишку и натянули на голову эластичный, телесного цвета узкий капюшон с маленьким отверстием для лица и рукавами, соединенными кружевной пелеринкой. Рукава были как чулки и наглухо зашиты. Ей ведь нельзя есть самой, ее будут кормить с рук расцветшие жены и сам Вседержитель.

К двум большим кольцам, висевшим на пелеринке сзади между лопаток и спереди между грудей, пристегнули кружевные полотенца, соединенные по бокам тонкими цепочками. «Молятся они на эти цепи, что ли?» — раздраженно подумала Крошка и поёжилась. Длинные распущенные волосы повывлезали из сетки и щекотали спину, лезли на живот и по ногам. Служанки умелыми руками навесили на нее еще несколько слоев одежды, замуровав в корсет с пристяжными рукавами и восемью жесткими изогнутыми пластинами, растопырившимися над бесчисленными оборками нижних пышных юбок. Крошка потерялась в одеждах и изводила себя попытками, то выпуская скан, то нервно захлопываясь, как только девушки касались её обнаженной кожи на лице или руках. Ранее она всегда могла увидеть себя «снаружи», но тут даже не было ни одного зеркала!

Ирере с демонстративным неодобрением созерцала комплектацию невесты, а Крошка бессильно злилась. Был бы скан, в два счета влюбила бы в себя всех, и все были бы довольны и счастливы!

Крошка осторожно взглянула: вот таращится же, как змея, проглотившая бревно! Было

бы чем гордиться, одна из кучи таких же запертых рожалок. Плоднейшая! А в ухе только четыре колечка. Значит... Покопалась в памяти... Значит, «плоднейшая» родила всего-то четырех наследников, которые при следующем правителе должны занять руководящие посты в Гайдере... Всего-то четырёх детей родила, а гонору! В Лаксторе есть сумасшедшая мамаша, которая в Доме Ребенка родила шестнадцать потомков, и безо всяких фанфар и титулов. Никто её «плоднейшей» не называет и гордостью не надувает... Смешно!

Под несгибаемые юбки подсунули узкий и высокий табурет, и Крошка смогла присесть, чтобы ее обули в ритуальные котурны и накрасили лицо. Крошка всегда ощущала себя чем-то эфемерно-невидимым, спрятанным в изменяемой телесной оболочке. А тут её несформированные чувства начали приобретать материальную плотность. Её как будто заживо замуровывали в тесный гроб. Первый слой — это её тело. Вторым слоем — краска, стянувшая кожу засохшей глиной... Третий слой... После песнопений и восхвалений хашир прикрыли Лардарошсу маской, в которой она и приехала. Розовая кошмарность кирпичом повисла на лице, словно крышка сундука. Зрительное поле сузилось, и Крошка совсем скисла.

— О готовая к цветению, страждущая опыления, возвышенная Лардарошса, — Ильдис, приседая и кланяясь, потянула Крошку с табуретки.

Все пять служанок выстроились кружком в ожидании.

Лардарошса, осторожно ступая в котурнах, доцокала в центр и станцевала один раунд хоровода. В свадебном зале ей придется повторять этот цикл снова и снова, пока она не дойдет к жениху мимо всех гостей.

Крошка выпрямилась из завершающего пируэт поклона.

— Станцуй еще раз, от дальней стенки!

— Как скажете, плоднейшая...

Музыка заиграла снова, а когда Крошка, чуть не вывернув ногу, дотанцевала к опустевшей скамье, то оглянулась и увидела закрывающуюся дверь. Ирере молча удалилась. Её служанка задержалась и пропела прощальный комментарий. Ильдис пропела в ответ, что битерере благодарит и вся трепещет ожиданием.

Крошка стояла и успокаивала обиду. Так что? Робот она или нет? Гадина такая!

— Благоверная невеста желает ли скрасить ожидание и развеяться просмотром карликовых висячих садов из оранжереи? Там есть совершенно восхитительные имитации! Мы можем привезти несколько экспозиций, — загалдели наперебой хашир. — Или пустить погромче любовные песни, чтобы не нарушать ваше свадебное настроение?

— Да ничего не надо. Хотя можете притащить сады. Что мне ещё делать-то? — Лардарошса покрутила защитными кистями.

И потянулось ожидание. Крошка мысленно прогоняла свой танец и бесилась от скуки, непривычной слепоты и невозможности понять мысли окружающих. Слепая! И глупая... Неуклюжая.

Растягивая время, старательно разглядывала миниатюрные ландшафты на узких длинных столах с колесиками. На некоторых были даже речки и забавные микроводопадики. Пыталась рассмотреть каждое растеньице до последнего листика и скучала. Наконец хашир выпустили ее в коридор. Прибежала все тем же семенящим полуприседом стайка звенящих девиц-хашир. Принесли тонкие рамы, обтянутые прозрачной, густо расписанной бутонами тканью. Невесту окружили этими ширмами, и она, стараясь держаться посередине выделенного ей пространства, пошла сдаваться замуж.

Глава 9

Первая ночь

*Можно заснуть, никогда не проснуться,
Из темноты в яркий свет не вернуться.
Там где темно, там уютно и тихо,
С острым ножом там не бегают Лихо...*

*Громкая музыка в сердце не рвётся,
Камнем в головушку правда не бьётся.
Там тишина. Без веселья и дна.
Падаю, падаю в бездну без сна...*

(Из закрытого архива Св. Райны)

* * *

Процессия притормозила. Опять почти ничего не видно. Крошка опасливо уравнилась на полусогнутых ногах. Любой бы помчался замуж, лишь бы сняли маску и накормили! Никаких сил уже не осталось так мучиться в незамужестве! С голодухи котурны разъезжаются!

Раскрылись двери, и герольд проорал приход новой битерере. Гундосо взревела музыка, ещё громче, быстрее. Ширмы разбежались, а Крошка оказалась в кольце из двадцати танцующих битерере. Их такие же жесткие, но только до колен юбки были расшиты распутившимися цветами, в отличие от бутонов на одежде невесты. Крошка задержала дыхание, поймала ритм и включилась в движение, напряженно следя за ногами — котурны оказались на удивление неустойчивыми! Надо соблюдать одинаковое расстояние от кружащихся и приседающих юных жен, которые уже успешно прошли экзамен свадебного ритуала. Крошка, держа в памяти схему хоровода, переставляла негнущиеся туфли, как копытца: шаг вперед и вправо, поклон, поворот, шаг вперед-влево, поклон, поворот... Краем глаза видела пиршественную галерею с пестрой толпой гостей. Вдоль стен колонны в виде деревьев. На гнутых ветвях с каменными листьями горели стеклянные светильники, бросая беспорядочные блики на столики, людей и узкий частокол высоченных, до самого потолка, витражных окон.

Битерере танцевали и продвигались вперед. Музыка становилась все громче и, зазвенев самой пронзительной нотой, стихла. Невеста замерла перед столом Вседержителя в глубоком реверансе, низко опустив голову. В разлившейся тишине битерере, цокая и покачивая юбками, убежали.

Шагов жениха Крошка не услышала, но удержалась и не вздрогнула, когда под носом увидела зеленые вседержительские ботинки с тиснением.

Легкое давление на затылок, шорох, и Дитсайрс снял с невесты маску, коснувшись пальцами ее щёк. На секунду Крошка прорвалась в скучающее сознание вседержителя,

толкнула его своим любопытством. Одновременно произнесла ту непотребную фразу про опыление страждущего бутона. Не поняла, слышал ли ее Дитсайрс. Он как будто споткнулся. Узкое морщинистое лицо дрогнуло. На мгновение Дитсайрс свел брови над острым носом, повел головой, как удивлённая птица. Цепко взял новую жену за сведенные вместе и покорно подставленные запястья. Развернул лицом к публике и поднял над головой розовую маску. Взревела пронзительная музыка, дамы восторженно завизжали, кавалеры поощрительно засвистели, и никто не расслышал полагающегося по правилам ответа жениха.

Дитсайрс отбросил маску в дальний угол и отвел новую жену на подиум, где стоял его стол. В этот славный и единственный день жена может восседать рядом с мужем и лицом к гостям. Потом она будет точно так же приседать и вертеться вокруг мужа, меняясь с другими расцветшими и по очереди отбегая в заднюю комнату отдохнуть. И перекусить. Вот, сейчас как раз и накормят!

Оказавшаяся прямо за новой женой битерере помогла ей сесть, подсунув высокий табурет под панцирную юбку.

Лардарошса села словно птичка на жёрдочку и уронила руки, зашитые в рукавички капюшона, на колени. На недостижимо далёком столе выстроились хрустальные пиалы и шкатулочки. В полутора метрах справа находился также недостижимый муж. Его камзол и шаровары позволяли ему сидеть за столом по-человечески. Крошка оглядела мужа и фыркнула: ага — «вседержитель»! А сам седой и лысый, волосы удержать не смог, зато жён полторы сотни держит! Но надо будет с ним помягче: люди такие хрупкие. Особенно старые.

С правой стороны от Вседержителя пировало то ли пять, то ли шесть человек приближённых, а Лардарошса сидела вроде и с ним, но одна-одинёшенька, отгороженная колоколом безобразной юбки. И до еды не дотянуться, да и нельзя! Дитсайрс склонился к соседу справа и не обращал на жену никакого внимания. В этом как раз нет ничего странного: новые битерере появлялись периодически, и эта процедура наверняка уже всем надоела. Но было немного обидно.

Слева никого не было. Там кончался стол, а далее и немного внизу стояли столики гостей.

На свободном пространстве зала, где только что прошла невеста, скачущие акробаты строили пирамиды и жонглировали меняющими форму предметами. Музыка визжала, как умирающий поросёнок.

Делая пируэты руками и приседая, слева от Крошки появилась «цветущая» битерере. Улыбнулась и наклонилась к столу. Юбка встала колом, как тарелка радара, но зато девушка смогла дотянуться к низенькой шкатулочке. Открыла блестящую крышку и ловко надела три наперстка с длинными острыми когтями, которые гайдерцы использовали вместо вилок. Продолжая улыбаться и в поклоне, повернулась к Крошке:

— Сейчас я тебя накормлю. Меня зовут Айша. Ты любишь острое? — коготь завис над зелеными шариками.

— Нет, благодарю тебя, Айша, — ура, хотя бы битерере разговаривают как нормальные люди! — Я Лардарошса. Лучше что-нибудь пресное и мясное... И дай мне попить, но только не сладкое!

Айша еще раз улыбнулась. Делая пассы руками и не забывая время от времени приседать и обходить невесту с другого боку, напоила из пиалы пузырящейся кисловатой

водой.

— Бурлящий сок лимонца. У вас есть такой?

— Возможно, я пока не знаю, что есть у вас...

— А говорят, у вас людей выращивают в колбах? Ты мне потом всё расскажешь, да?

— Не выращивают! — было бы чего рассказывать. Дозволенная к распространению часть «информационного памятного пакета» касалась только природы. Крошка пожалала плечами: как-нибудь выкрутится. — Конечно, расскажу.

Около Дитсайрса вились сразу две девушки.

Разглядывая гостей, Крошка нашла будущего регента Яра. Он сидел, укрывшись за ближайшим деревом, и не обращал на невесту никакого внимания. Ещё бы! Человеческая девушка должна быть счастлива! Её жизнь до самой смерти будет обеспечена и беззаботна! Вот бы он задержался, если бы узнал, что подарил эзекутора человеческому правителю! Крошка хихикнула и, поёрзав на жестком сиденье, решила смотреть на Дитсайрса: вседержительский муж неторопливо сходил к народу.

Объявили танцы.

Битерере плавно качали юбками около зеленой фигуры Дитсайрса, как цветные колокольчики у заросшей мхом жерди. Придворные дамы или гости... Крошка не удосужилась узнавать, кто присутствует на гайдерских свадьбах. Вполне современно разодетые и в далеко заметных украшениях везде, где только можно, извивались телами и руками, меняясь местами с так же непротольно одетыми мужчинами. В «типично гайдерские» костюмы, кроме невесты и жениха, вырядились только битерере, посол-регент Яр и несколько выразительно пожилых гостей. Вся эта разряженная каша бродила вокруг да около друг друга: и никто никого не касался руками.

Потом между гостями соорудили символическую сцену, и, кажется, эти же самые гости разыграли невозможно занудную историческую пьесу с многоэтажными речитативами. И снова танцы...

От бесконечного шума, дребезжаще-громкой музыки и сильных ароматов у Крошки кружилась голова. Айша исчезла: пошла ухаживать за мужем или Крошка просто перестала различать её. Рядом паслись битерере, которые то кормили ее, то поили, то пытались развлекать разговорами. Их имён Лардарошса не запомнила. Шея безбожно потела под свободно собранной гривой, спина и бока чесались от волос, расползающихся под одеждой. Крошка старалась соблюсти приличия: сводила лопатки и напрягала мышцы спины, мысленно успокаивала щекутку, но волосы были всюду, всюду, всюду. Ей казалось, что они повылезали сквозь одежду и шевелятся вокруг неё коконом беспокойных щупалец. Лицо хотелось отмыть от липкой косметики. От маленького и жесткого сиденья устала спина и поясница, не говоря про отсиженную попу. Ноги, затянутые в узкие жесткие туфли, одеревенели.

* * *

Любой ужас когда-нибудь кончается. Внезапно музыку как отрезало, и в мутной тишине герольд провозгласил, что пришло время молодоженам удалиться — бутону невесты пора расцвести.

Дитсайрс взял новую жену за руку и ушёл с пира, окруженный табунком танцующих

битерере.

Лардарошса, тяжело опираясь на руку Дитсайрса, доковыляла на бесчувственных ногах до спальни. Ей было глубоко всё равно, куда идти, она даже не желала запоминать дорогу. Одной ходить ей тут не грозит! А сейчас хотелось только раздеться и спать.

Стукающая алебардами стража осталась в коридоре, зато десять щебечущих битерере ввалилось следом сквозь маленькую прихожую в задрапированную болотно-зелёным спальню. Крошка чуть не села на пол: ковер неожиданно продавливался и пружинил на каждом шагу. Но как же приятно встать босыми ногами на греющий и мягкий ковёр! Крошка оглянулась. Вентиляция тут не слышна и ниоткуда не дует. Незаметно надавила на пол сильнее, желая топнуть. Обогрев, видимо, шёл через пол, но пол мягкий! Она никогда такого не видела!

Битерере оставили Лардарошсу в капюшоне с двухсторонней сорочкой, скрепленной цепочками, и утанцевали в Цветник, унося с собой одежду.

Крошка почесалась и взглянула на мужа. Дитсайрс, уже облачённый в мешковатую пижаму, безо всяких притопываний и приговариваний подошёл и стянул с жены сложную конструкцию вместе с капюшоном, рукавами, цепочками и чехлом для волос. Волосы разлетелись. Крошка хотела выпрямиться, но Дитсайрс бесцеремонно пригнул её к себе, придерживая за голову. Ловко и шустро собрал и заплел косу от макушки. Завязал зеленой лентой и сел на кровать.

— Что задумалась? — Дитсайрс заметно вздохнул, стянул пижамную рубашку и отбросил её на ближайший стул. Правое предплечье оплетал узорный шиток — трубочки плотно прилегали к руке до самого локтя. Наверное, какой-то медицинский прибор жизнеобеспечения. Только зачем украшать его избыточной чеканкой и камешками? Надо будет любить человеческого мужа поосторожнее: всё-таки правитель уже стар. — Как тебя родители называли?

— Крош... Нет, Рошса, — Крошка пошевелила губами и оборвала себя. Чуть было не назвалась Крошкой. Дура же, а?

У неё ожерелье, а у мужа нарукавник. Забавно!

— Что ты там мнешься? Иди сюда, завершим праздник и пора уже ложиться. День был долгий.

— Вседержитель, позвольте мне сходить в туалет?..

— Так иди, — Дитсайрс засмеялся и махнул рукой, указывая направление.

Крошка отмыла физиономию и, радуясь каждому шагу босиком и без сковывающей одежды, вернулась. Босые ноги отдыхали в невозможно приятном ворсе ковра, а тело изнывало от желания лечь и уснуть. Вот же, вроде ничего целый день не делала, а чудовищно устала.

Свет в спальне был притушен. Дитсайрс полулежал поверх одеяла и ждал. Левая рука под головой, правая вольно вдоль тела.

Крошка вскочила на кровать, потерлась щекой о его грудь, взяла за руку и нырнула в его душу, омотала желанием. Да, я чудесная, любящая тебя! Безумно, страстно любящая и ждавшая всю жизнь... Только тебя! Каждое прикосновение обжигает, воспаляет, сжигает! Дитсайрс закрыл глаза и безвольно откинулся, расслабляясь в обуревавших его чувствах, предоставляя активной молодой жене самостоятельно провести ритуал «раскрытия цветка». Крошка мгновенно возмутилась и повела мужа. Опрокинула его на себя, усиливая его радость от ощущения её легкой гибкости, пружинной покорности, добавляя своё

трепетное ожидание от тяжести его тела на себе, восторг от силы его рук, от его силы в себе.

Дитсайрс дернулся, пытаясь отстраниться, и Крошка спохватилась, замаскировала боль от разрыва, лишаясь «девственности». Да, это не Джи, боль нравится не всем. Снова нашла и раскачала желание человека и погрузила его в еще более сильное удовольствие, доводя до экстаза и сразу усыпляя ошарашенного Вседержителя. Это был нудный день.

Убедилась, что выпустила немного крови. Удовлетворённо позволила расслабиться и себе. Уснуть. Целый день скан дергался, как муха, залипшая в паутине. Жужжалка в меду. Теперь же она может спать, подвалившись под бок своего задания, уткнувшись ему в плечо, слившись контактом и сканом. Теперь она может утешиться в сознании довольного и убаюканного человека. Раствориться и отдохнуть в чужих мечтах. Рука подложена под шею мужа и покоится на другом плече, ноги сплетены. Единое целое с человеком телом и душой. Плывёт в его снах...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Шипение и теплый воздух в ухо разбудили Крошку. Тёмная фигура угрожающе нависала и сипела, затеняя свет ночника. Медленно приближала к ее голове мешок и шкрябала рукой по плечу. Ужас подкинул Крошку, и она выбросила руку, ребром ладони ломая нападающему горло, отталкиваясь ногами от Дитсайрса. Плечо обожгло. Крошка прижалась к спинке кровати. Полголовы хашир, склонённой над постелью, расплавилось. Тело упало поперек кровати, заливая одеяло пульсирующей кровью.

— Щерица! Проклятье! — Дитсайрс потрянул рукой, выключая наручное оружие. — Ты что, дурная, орать на хашир? Почему ты всё еще здесь?

— Простите, Величайший, — лепетала Крошка. Она бы рада исчезнуть, уйти и быть вообще где-нибудь далеко... Она должна была уйти в Цветник! Но она не кричала! Она никогда не кричит... Боже, человек же не умеет экранироваться от ажлисс! Она сдуру напугала Дитсайрса своим страхом! Она же касалась его! Боже, боже, боже... Крошка потёрла горящую рану на плече — кислотой стреляют, что ли? Ничего себе, медицинский прибор... Вооруженный и с женой после свадьбы...

Сползла с кровати, обошла стоявший на коленях труп, подняла с пола халаты и пижаму... Пальцы мёртвой хашир всё еще конвульсивно сжимались и подрагивали.

Детский кошмар. Она и забыла о том, как Джи давным-давно дарил её в мешке министру связи, а она там чуть не задохнулась... Какой кошмар!

Дитсайрс быстрым шагом обошел и запер внутреннюю и наружную двери. Постоял, вернулся в прихожую, отпер дверь и бросил охране:

— Кирста ко мне. Да, в спальню. Немедленно! И пусть возьмёт своего прихвостня.

Рошса уже оделась в принесенную убитой хашир пижаму и объемный халат и теперь стояла, почти не дыша. Прихвостень? Это тот, что ест битерере? Её что, прямо в первую ночь отдадут людоеду? Не может быть... Она не виновата, что заснула и из-за ошейника не заметила, что пришла хашир! Тупая хашир! Не надо было дышать ей в ухо! И хвататься!

— Что тарацишься? Почему ты вообще осталась тут? — Дитсайрс повернул ее к свету, и Рошса неуверенно дотронулась до его руки, проникая сканом.

— Я не кричала... Я испугалась, а она схватила меня за плечо, но я не кричала...

Быстро и сильно в глубину. Она маленькая, незащищенная, оторванная от дома... Да, нет на ней следов крови хашир. Никаких следов нет! Первая брачная ночь, и она боится, не виновата, не виновата! Она так любит! Она надежна, она верна!

Дитсайрс обнял Лардарошсу и прижал к себе.

— Не трясись, все хорошо, малышка... Это ужасно, но ты пойдешь в Цветник, как полагается, и не вздумай болтать... Я знаю, ты умная малышка, да?

— Простите меня, — Крошка привстала на цыпочки, и Дитсайрс поцеловал ее. Рошса обняла мужа, благодарно и со всей радостью, что смогла выкопать и усилить. Она бы осталась с ним, но нельзя. Нельзя!

Во внешнюю дверь почти неслышно постучали.

Дитсайрс решительно распахнул задние двери и вытолкал Крошку к моментально присевшим в поклоне двум хашир.

— Отведите расцветшую битерере Лардарошсу в Цветник.

* * *

Служки растерянно подхватили новую жену под локотки и без политесов выскочили в полукруглую боковую камору, где начиналась широкая винтовая лестница. Гуськом поднялись в изогнутый арочным мостиком коридор, спустились по пологим ступенькам в галерею, уставленную раскрашенными статуями, как кукольный музей.

Полумрак, никого и тишина. Безмолвие. Полы застелены коврами. Ноги, обутые в меховые высокие тапочки, скорее полусапожки, ступают неслышно.

Хашир подозрительно молчали. Если они ей сейчас начнут выговаривать, почему она не пошла в Цветник сразу, она их точно покусает. Но обе хашир молча трусили по бокам и даже не пытались болтать ритуальные глупости.

Крошка взяла левую хашир за руку:

— Тут всегда так тихо ночью? И даже музыки нет.

— Конечно, расцветшая битерере Лардарошса. Это же не женские покои! — покосилась в ответ служка.

— А вы так ничего и не слышали, пока ждали?

— А что мы должны были слышать? Вы кричали, распускаясь? Не стеснялись бы. Многие жены кричат. Но вы были тихи, как трава, укрытая росой. А могли бы и кричать, ведь крик — признак пылкой любви.

Крошка убедилась, что хашир ничего не слышали. Зато услышалось нечто иное. Раисса — эта убитая, должна была вынести «соцветие», подтверждающее девственность новой жены! Кусок простыни с первой брачной ночи, который потом станет частью приданого потомка Дитсайрса. Может битерере и не расцвела совсем? Или Дитсайрс совсем захирел и неспособен оживить бутончик?

Тьфу! О какой ерунде думают! Она любого древнего старца может заставить влюбиться! И тоже трагедию выдумали — потомок без тряпки останется! Никаких потомков у неё быть не может. Но простыни нет, подтверждения девственности нет — это плохо. Это нарушение правил. Может вернуться? Взять обоих хашир за руки, оторвать кусок простыни. А там придется взять за руку Дитсайрса. И этих стражных... Перед глазами выплыла беззаботная картинка хоровода, как на детском утреннике, куда ее привел Генри много лет назад. «Встаньте, дети, встаньте в круг, Джи нам всем надежный друг...» Общая молитва вокруг статуи Бога, а Генри её не пустил. Хотя она единственная, чью молитву Джи услышал бы на самом деле. А там всё в кровище. Поди пойми, где её две капли и где следы от фонтана

хашир. Крошка представила, как она отрывает уголок от кровавой простыни, скинув на пол мертвое тело. Нет. Труп уже куда-нибудь убрали. Этот прихвостень и убрал. Возвращаться нельзя. Всех за руки не удержишь. А вдруг Дитсайрс передумает и отошлет её этому людоеду? Вряд ли, ужин у прихвостня на сегодня есть. Крошка нервно хихикнула. Держащая её под руку хашир непонимающе взглянула и заторопилась вперед — отворить двери.

Одиноким ночной стражник вскочил с низкого диванчика, встал и одеревенел, оставив алебарду в напряжённой руке. Толстая зеленая кисть на витом шнуре несерьёзно моталась вокруг древка.

Опять густые сладкие ароматы и приглушённая музыка каких-то дуделок. Маленькие пуфики, низенькие столики. Полумрак и неожиданная прохлада.

За тяжелыми драпировками загибался полумесяцем высокий коридор, освященный маленькими ночниками. По внутренней дуге уходил за поворот ряд дверей, напротив них — полузакрепленные занавесями арки, украшенных головами и символами богинь. За каждой аркой — спальня закуток битерере.

Торопливое шарканье и шёпот подбежавшей трусцой служанки:

— А где Раисса?

— Вседержитель оставил ее у себя.

— Зачем?

— Не знаю...

— А где соцветие?

Это было невыносимо. Крошка дернула ближайшую хашир за рукав и прошипела таким же еле слышимым шёпотом:

— Где моя спальня?

— О цветущая битерере, ваш прелестный уголок посвящен богине Аштибрис... Кровать уже давно разогрелась! Я вам покажу.

Только сейчас Крошка задумалась, а куда делась пятидесятая девушка? Та, на освободившееся место которой пришла она. Забеременела или ее съел этот прихвостень?

— Вот, ваш уголок всюду веющей Аштибрис — богини рек и попутного ветра, — хашир приоткрыла занавес, пропуская Крошку.

Уголок... Закуток! Стойло... Нет, «лежайло»! Справа вдоль перегородки высокая без спинок кровать, уткнувшаяся изголовьем в стенку, слева громада шкафа. Весь простенок напротив занимает слонячий стол-тумба и зеркало над ним, украшенное еле светящейся разноцветной гирляндой. На столешнице — баночки, флакончики, шкатулочки, а в дальнем углу полуметровая арка-алтарь с прозрачно-гранёной, ломающей отражённый свет, статуэткой Джи, явно унесенной из запасников уличных храмов Империи. Под стол задвинута круглая, вся в воланах, табуретка.

— Мы разложили Ваши вещи и установили молитвенное местечко по инструкции. Надеюсь, восхитительная битерере счастлива? Всё соответствует вашим мечтам, цветущая?

— А кто жил здесь до меня? — Крошка скинула халат на руки ночной прислуге. Ничего себе, мечты у некоторых!

— Не волнуйтесь, цветущая, тут всё-всё новое! Переключатель обогрева постели у изголовья, достаточно свесить руку. Ваша туалетная комната прямо напротив выхода из вашего уголка! Хотите умыться?

— Нет, иди, я сама, — отлягнула тапки в громадное зеркало на дверце шкафа и нырнула в пышущую жаром кровать.

Хашир выдвинула из гардероба плечики, расправила на них халат и, шмыгая ногами, удалилась. Сплетничать дальше.

Может, истечь кровью тут? Или решат, что это фальсификация? Что, этому Дитсайрсу лень было оторвать кусок простыни? Знает же правила! Крови там было — хоть топись. Крошка тяжело вздохнула: вот только совсем не от девственной битерере.

Она раскинула под одеялом руки и ноги, наслаждаясь теплом.

Что делать? Она принесла смерть! Сама, без приказа! Нечаянно влила свой испуг во Вседержителя, и он убил. Точнее, добил. Гадость какая, чем у них заряжены эти наручники, что тело плавится вместе с костями? Он даже не заметил, что она первой ударила хашир. Он считает, что дура-жена заорала, а он автоматически её защитил. Что делать-то?

Джи услышит, если помолиться сейчас? Должен слышать всегда, портал тут есть, запись в дневник идет. Интересно, слышит ли он сам или ему придётся открывать её дневник? У Джи очень сильный скан, возможно, он услышит её — порталы передают же сигнал. Однако, Джи вряд ли заговорит. Хотя она еще никогда не была так далеко и совсем одна, даже без Генри, но Император никогда не разговаривал с ней на тренировках. Она должна сама все решить. Но она — экзекутор и решать не смеет! Хотя тут она не как экзекутор... Боже, ну почему всё так сложно?! И почему эта хашир не могла просто позвать? А не хвататься? Интересно, что сейчас делает Джи? И вообще, день на базе или ночь?

Кровать с обогревом, а спят одетые... Простынь разогрелась и жгла как камни на пляже. Как же неудобно спать в пижаме! Всё заматывается, путается! Штаны закручиваются по ногам, врезаются в зад. Кофта задирается, сбивается под мышками и душит. Крошка села, сняла надоевшую одежду и сунула под подушку. Откинулась на ковёр, закрывающий задник шкафа соседнего стойла, потерлась спиной о приятную мягкость.

Ее собственный шкаф темной крепостью высился напротив. Посмотрела на своё отражение: да, надо набраться женственности в их понимании. Битерере и их служанки все такие жирнющечки. Она такой не будет, это неудобно. Но еще немного округлит свою фигуру, чтобы порадовать мужа. Надо чтобы и без скана она ему нравилась: на расстоянии не получится охмурять. А то не дай бог, удивится и задумается о перепадах чувств к новой жене.

Крошка нагнулась к передней ножке кровати и щелкнула рычажком, выключая обогрев. Сползла и опустилась разгоряченными коленями на плотный колючий палас, которым был затян пол в спальне. Протянула руку к алтарю. Не касаясь, попыталась увидеть Джи сканом. Нет. Глухо и слепо! Взяла статуэтку и, закрыв глаза, погладила фигурку кончиками пальцев и изумилась. Джи был не тот широкомордый дядька, чьи изображения стоят в храмах и который показывается на официальных мероприятиях для людей. Это было изображение безбородого тридцатилетнего «домашнего Джи», с длинным волевым лицом, чем-то похожее на Марка. В этой теломорфе Джи — единственный, кроме Крошки, обладающий возможностями экзекутора, предпочитал быть на базе и в обществе ажлисс. Крошка благодарно прижала статуэтку к груди. Наверное, сделали специально для неё, подумала и сосредоточилась перед молитвой.

При прямом контакте Джи воспринял бы ее чувства, эмоции и причины поступков без помощи слов. Но в дневниковой записи и для молитвы удобнее не образы и чувства, а мысленно произнесенные слова.

«Джи, ты слышишь меня...

Нет счастья без горя, нет света без тьмы, нет встречи без расставания.

Джи, ты слышишь мной, чувствуешь мной, думаешь мной.

Помоги мне, поддержи меня. Я боюсь, дай мне силу.

Дай уверенность поступать правильно.

Я была не готова, прости меня! Я виновата.

Я так устала от вспышек прикосновений и поэтому осталась с Дитсайрсом. Хотела отдохнуть в чужих мыслях. Я виновата.

Я напугала его своим испугом. Ты знаешь. Ты читаешь мой дневник. Смерть Раиссы была случайной.

Я, не думая, не успев подумать, убила её. Я виновата.

Я — ажлисс, я знаю истинный смысл поступков. Смысл жизни ажлисс — охрана человечества.

Я — ажлисс, мне не нужны слова для объяснений. Мысли и чувства не лгут... Ты далеко, и я не могу слиться с тобой душой. Молитва — слова моей души. Прости, что обращаюсь к тебе словами.

Я — ажлисс, я говорю мыслью. Говорю только правду. Слова могут лгать. Слова могут спрятать мысли, скрыть причину поступка. Слова придумали люди, чтобы наряжать поступки в одежды смыслов. Слова нужны людям для лжи. Мысли и чувства не лгут.

Я — ажлисс. Я не лгу. Слова меняют смысл, но я, когда говорю словами, то произношу их душой. Услышь меня!

Нет счастья без горя, нет света без тьмы, нет добра без зла.

Слова — ничто. Поступки — всё.

Я — ажлисс, я не говорю, я делаю.

Смерть — зло, но я экзекутор.

Я не ищу оправдания, я сожалею. Прости меня, прости...

Нет зла, нет добра.

Личность — ничто; человечество — всё. Цель ажлисс — жить для людей, как общества, не как особи...

Я — экзекутор. Я не часть общества — я часть тебя. Я рука твоя, я орудие твоё... Я живу для тебя, ты живешь мной. Я глаза твои, я часть тебя. Я живу для тебя, ты живешь мной. Ты видишь мной, слышишь мной, чувствуешь мной»...

Крошка решительно встала и выглянула за занавеску. Ни одной хашир не видно. Прошла в умывальню. Сразу зажегся свет. Поискала запор. Никаких замков нет. Зато за следующей дверью — большой и светлый бассейн под стеклянной крышей, окруженный дугой из пятидесяти дверей! Над водой курился пар. Вот и понятно, вокруг чего загибается спальня! Крошка вышла на желто-красные мозаичные плитки, держась за косяк, и рассмотрела свою дверь снаружи. Над проходом торчала такая же уродливая женская голова с гипертрофированными чертами лица и носом картошкой, как и на арке «уголка Аштибрис». Из широкогубого рта богини лезли на свободу три толстые змеи. Крошка мельком оглядела соседние знаки: трехязыких богинь вроде больше не видно. Вот и чудесно. Кожа покрылась мурашками — у бассейна было свежо — и Крошка вернулась в уборную.

Намотав на руку косу, воспользовалась забавным туалетом: два низких столбика для ступней, а между ними ямка с ручейком. Косу придется все-таки укоротить: кажется, она с ней перестаралась. Не уследишь, занырнёт еще в туалет и увязнет! Позорища не оберешься.

Ванна была в форме круглой, уже знакомой кадушки, рядом с ней раковина

умывальника. Крошка умыла лицо. В туалетной камерке неуютно дула вентиляция, и Крошка вернулась в кровать.

Молитва помогла успокоиться, но сон не приходил. Скучная музыка лилась и вилась, как нудный комар с насморком. Крошка прислушалась и села. Точно! Рядом, в соседнем загончике, тихо всхлипывали. О чем можно плакать жене Вседержителя? О том, что тут вместо мяса сплошная рыба? Крошка хихикнула и, прижимаясь к разделяющему шкафу, бесшумно прокралась к соседке. Девушка, накрывшись с головой и уткнувшись в подушку, давилась слезами. Крошка на цыпочках подбежала и сунула обе руки под одеяло. Схватила за голую ногу и парализовала девушку.

«Я — новая битерере, моя кровать тут, за стеной. Меня зовут Рошса, я хорошая. Я друг», — ворвалась в ее мысли, не давая испугаться и блокируя движение. Не дай бог, начнёт кричать или лягаться. Залила податливое человеческое восприятие шквалом искренней радости, осознанием встречи долгожданной любимейшей подруги. Понемногу ослабляя фиксацию чужих мышц, успокаивая чужое дыхание, провела по ноге вверх, подбираясь ближе.

«Как тебя зовут? Ты можешь говорить со мной мысленно, пока я касаюсь тебя», — Крошка перехватила другой рукой девушку за шею, продолжая искать и усиливать её самые теплые чувства. Вползла под одеяло, прижимаясь и обнимая, целуя мокрые удивленные глаза. Вытерла ей лицо и слегка ослабила ментальный блок.

Девушка, не слыша собственного недоумения и испуга, сбитая с толку неожиданными бурными эмоциями, обхватила Крошку руками и ногами, как голодный паук:

«Фарисса, я Фарисса! Ты голая, почему?! Ты пришла любить меня? Но это нельзя! Ты забрала мою очередь! Люби меня, я так рада, что ты меня любишь!» — забормотала мысленно, не замечая, что ни она сама, ни новая подружка не произнесли вслух ни единого слова. Фарисса снова задыхалась, но теперь, разгораясь страстью, судорожно торопилась обнять и всюду-всюду расцеловать неожиданно самого дорогого человека.

Крошка порадовалась, что задернула за собой занавески. Она может разжечь любовь и удовлетворить кого угодно, даже не делая никаких движений, стимулируя чужое тело, создавая физиологический и психический эффект сканом. Это как музыка. Музыка сама не звучит, флейта сама не играет. Экзекутор — это музыкант, оживляющий мелодию человеческой души и тела. Мелодию, спрятанную внутри, неслышную без музыканта. Она — музыкант, который находит внутреннюю мелодию, и человек-флейта звучит, поёт и играет. Музыкант не только дарит, но и сам получает радость, одновременно рождая прекрасную музыку...

«Спасибо тебе, Фари», — Крошка, удовлетворенная разрядкой — как всё удачно получилось! Теперь и она сама сможет уснуть! Нежно поцеловала Фариссу в щеку и продолжала гипнотизировать, держа её в полусне: «Я так рада, что у меня в Цветнике есть близкая подруга! А почему ты плакала?»

«Я никогда не попаду в Сад, а буду жить в Цветнике, пока не отцвету! Мне скоро двадцать, а они специально посылают меня в неправильное время! А тут еще ты! — Фарисса всхлипнула и положила голову Крошке на грудь. — А в двадцать лет меня отправят в клинику, чтобы у меня уже никогда не было детей, а потом в цех! До конца жизни! К ткачам или прачкам. Или в красильню... У меня не будет ребеночка, я умру взаперти, как мышь в банке!»

«Фари, не бойся! — Крошка ужаснулась: ничего себе, порядки! Но экспансия им мозги

вправит! — Фари, Фари, это глупости! Я могу помочь тебе. Я поглажу тебя по животу, и все будет, ты забеременеешь».

«Да? Так не бывает, надо, чтобы был его ребёночек! Не наколдованный! А он меня почти не зовёт. Он меня не любит, хотя должен любить всех! Любит меня всегда не вовремя!»

«Не страшно, он меня позовет, я забыла у него соцветие. Мне же надо получить соцветие по правилам, да?»

«Как забыла? Так не бывает! Старшая хашир всегда выстригает соцветие из простыни...»

«Так получилось».

«У тебя не получилось соцветие? Ты не была девственна? Моё висит в раме над постелью, только оно мне ни к чему: ребёночка у меня нет!»

«Он обязательно меня позовет, и я принесу тебе пыльцу от Властителя, я умею. Как пчёлка. А теперь спи!»

Крошка усыпила Фариссу. Так бы и спала до утра с уютной и беззлобной девушкой, наслаждаясь найденными, невозможно светлыми воспоминаниями о доме, родителях и сестрах. У Фариссы было пять сестёр!

Уходила с сожалением. Как было бы хорошо спать с Фари! Гораздо лучше, чем с Генри. И как всё удачно получилось: она сможет исправить смерть рождением! Всё для баланса человечества.

В коридоре по-прежнему никого не было, и Крошка благополучно и счастливо уснула в своей кровати.

*Падая в бездну из бесконечных граней кристалла,
Путь завершённый — спиралью, но снова, сначала
Ты разобьёшься кровавой зеркальной пылью,
Молча мечтая о тьме в эйфории бессилия...*

(Из неопубликованного. Марк Шейдон)

* * *

Нежный звон колокольчиков пробрался в общую спальню юных жен и перекрыл убаюкивающую ночную музыку. Дневные служанки мелкими шажками разбежались по длиннющей дуге общей спальни. Каждая в уголок к своей госпоже.

Ильдис опасливо встала у изножья кровати битерере Лардарошсы и осторожно постучала по остову кровати, включаясь в масляный хор ранних песнопений:

— Восхитительнейшая и любимейшая битерере Лардарошса... — и получила одеялом в лицо.

Крошка резко села, привалилась и лениво сползла обнажённой спиной по пушистому ковру, пытаясь еще немножечко удержать ускользающий сон. Лелея в себе приснившиеся ощущения ломающих и нежащих рук Джи, впитывая прикосновения мягких шерстинок, утешая разгорячённое мечтами тело...

Еще один день, полный глупых церемоний, ритуальных телодвижений, мелких склок и звуков, звуков, звуков! Ни мгновенья тишины! Короткие рваные контакты! Толком не соединишься и не изолируешься. Надоело-то как!

Три искусственно вызванных гормональных цикла прожито в этой клоаке! Надо же было так вляпаться! Да еще на планету, где сплошные люди и рядом ни одного ажлисс! И Джи не сказал, как долго ей тут киснуть... Когда же домой? Скан всё равно не вылезает за пределы тела, как ни старайся. Вообще-то она тут разленилась и растолстела, но хотя бы Дитсайрс искренне счастлив. Ему действительно нравится ее новая, еще более пухлая задница, объемные ляжки и увеличенные груди, которые теперь не помещаются в руку. Джи умер бы от смеха и отвращения. И на руки её теперь попробуй возьми... Но муженёк и не пытается носить любимую жену на руках, зато служки паниковали вовсю, когда меньше чем за десяток дней все платья стали малы! И безо всяких беременностей.

— О-о-о битерере, вы опять пренебрегли роскошной греющей пижамой, — скорбный голос Ильдис привел Крошку в ярость.

То нельзя, сё нельзя! Даже ходить надо мелкими шажками, шаркая и приседая! Рошса оттолкнула локтём назойливую хашир и, демонстративно ровно и широко шагая, унеслась в туалет. Казалось, дотронься до неё хоть кто, и жаждущая прикосновений истомлённая кожа лопнет, сторит, скрученными чешуйками осыплется на пол, оставив кровоточащее мясо...

Выскочила из туалетной комнатки и с разбегу плюхнулась в бассейн.

Фуф-ф... Как же она соскучилась по Джи! По душевному слиянию, полной открытости

и объединению. С Джи она — единое целое, а тут непонятно кто и зачем... Глупо, что намочила волосы. Ну да ладно, она идет танцевать вокруг Дитсайрса в вечернюю смену, и за полдня эти суетливые дуры ее высушат. Главное, чтобы не трогали. Никаких массажей и питательных кремов, пакость такая! Достаточно выслушивать проникающее до кишок постоянное чириканье хашир! У, как они вопили, обнаружив однажды утром восхитительнейшую битерере с укороченными волосами! Ей удалось украсть малюсенькие ножнички из ткацкой, которые были всё же подлиннее маникюрных, и она, укрывшись в туалете, полночи стригла волосья — жить с космами до самого пола оказалось жутко утомительно. Служки визжали и рыдали несколько дней, а Дитсайрс даже расщедрился на получасовую лекцию, вместо обычного раз-два — и пошла прочь в свой закуток, женщина! Опять одна среди безмозглых дур! Но не могла же она скинуть волосы, а потом их снова растить до нужной длины? Тогда с ума сошёл бы уже весь дворец с клиникой. Они и так считают её ведьмой, дикари суеверные!

Крошка встала под теплую струю фильтрованной воды из статуи «своей» богини Аштибрис и неторопливо приступила к омовению. Вода подсвеченными фонтанчиками была из пятидесяти статуй, натканных вокруг бассейна. Каждая девушка в гареме имела свою богиню-покровительницу, благословлявшую подопечную во время мытья.

Сладкий аромат проникал к бассейну. Может, удастся скопировать аромат «звездной ночи над горой Шарияху», которым сейчас умащивают утреннюю смену? Но нет, она не будет пытаться менять свой собственный запах. Она пахнет только мёдом! Так, как нравится Джи. Она не будет ради паршивого царька менять ещё и запах. Хватит, она изменила свою внешность. И пускай на нее выльют хоть ведро их духов. И так от неё сейчас воняет не только отдушкой для купания, но и дезинфекцией от бассейна. Дура же Ильдис добавляет к этому кошмару новые оттенки: нестигаемо обрызгивает свою госпожу духами с ног до головы во время одевания-причёсывания. Вообще непонятно, как местные жители могут что-то различать в этой какофонии вони, которая бьёт в нос со всех сторон.

— Нежнейшая битерере Лардарошса, — несчастная Ильдис вышла из туалета, держа ворох одежек. — Битерере, мне надо вас причесать и одеть. И там, у спального уголка, вас кротко ожидает помощница удобряющей. Вы должны даровать ежедневную капельку крови для графика вашего здоровья.

— И как им не надоело! Можно подумать, они что-то понимают в моём здоровье! — Крошка не торопясь выключила «божественный» душ, подошла к Ильдис и раскинула руки в стороны, разрешая служанке осушить себя. — Пускай у тебя наберет!

— Нетерпеливейшая битерере Лардарошса, ваша кровь — государственная ценность — я никак не могу заменить вас...

Кровь. Кругом кровь.... Кстати, завтра надо будет выпускать кровь — симулировать человеческую физиологию. Опять пришло время и очередной тридцатый день. В это время всё, буквально всё кругом раздражало и бесило. Никогда ещё воспитание и выдержка, полученные от Джи, не трещали по швам так вызывающе. Никогда её так не штормило, как в тихом и безопасном Цветнике в периоды «естественных» кровотечений. Хотелось орать, рыдать, топтать ногами и бросаться предметами. Но подлый скан не желал выползть даже в стрессе, хотя стресс — основа пробуждения исполнительских способностей у ажлисс. Всего-то остался еще малюсенький шажочек вперед — немного усилить скан и сломать блокировку ошейника! Но никак не получается даже с гормональной раскачкой.

— Хорошо, Ильдис, я иду! И можешь мне не выкать, сколько раз я тебя просила, —

Крошка потащила в спальню, высушенная и завернутая в несколько слоёв одежды. Бедняжка Ильдис так боится свою госпожу, а трогать служанку, чтобы успокоить сканом, убийственно не хочется. Ну и ладно...

Голова богини Аштибрис разевала рот на арке спальни. Под ней, сложив руки в резиновых перчатках на медицинском передвижном столике, торчала помощница «удобряющих» — клиницисток. Крошка молча сунула красной девушке палец. Сборщица анализов понимающе улыбнулась — битерере не любит разговоров. Открыла ящичек и набрала капельку крови в тонкую стеклянную трубочку.

Не дожидаясь реверансов, Крошка ушла за занавески и вытерла палец о подножие статуэтки Джи — и у неё есть религиозный ритуал! Тут каждая молится, как умеет, и её бог тоже не отвечает. Порталы связывают всю империю, кристалл в ошейнике связывает её с библиотекой. Джи может не только прочесть, но и поговорить с ней. Но нет, он не будет. Послал её учиться и принципиально ждёт, когда она выучит свой урок.

Села на пуфик, а подскочившая Ильдис занялась наведением красоты. Над зеркалом висело «соцветие» в рамочке. Вот же мерзость! Как она и думала, Дитсайрс возжелал её сразу же на вторую ночь. А после свершения супружеского долга уколол ей палец и вытер кровь тем местом простыни, где остались следы от «опыления». Гордо сообщив новой главной хашир, что битерере Лардарошса так узка, что пришлось раскрывать её бутончик дважды. Тупицы.

Скучая, Крошка разглядывала удвоенную отражением косметическую армию: вдоль зеркала выровнялись батальоны флакончиков, коробочек, пудр и кремов. Не так давно Фарисса тут все расколошматила — пыталась подлизаться к склочным и суеверным гаремным девицам. Бедняжка Фари тогда еще не знала, что и вправду забеременела. Думала, будет жить в этом курятнике до двадцати лет. В то утро Рошса тоже убежала раньше всех в бассейн. Вернулась — смешанная бомба ароматов, концентрированное амбрэ неудержимо разливалось по всему Цветнику! В спальне всё дыбом: пудра с лосьонами и прочей жидкой и рассыпчатой парфюмерией, заляпала кровать и вывернутое на пол содержимое шкафов. Всё раскидано, разбито, но невредимая статуэтка Джи аккуратно лежала рядышком с опрокинутым алтарём.

— Простите, битерере! — плакала Ильдис, трясущимися руками сгребая кучи одежд. — Кто-то посягнул на ваши святыни и уронил алтарь! Драгоценная косметика разлита и рассыпана, но прекрасная одежда почти не пострадала! Мы всё выстираем, всё уберем. Я так рада, что вашего Бога не уничтожили!

— Всё это глупости! — Крошка тогда напустила на себя чопорность. — Моего Бога нельзя уничтожить! А Вседержитель даст мне новые духи. Хотя лучше бы не давал вовсе...

Однако главная хашир Лориянс, которая следила за порядком вместо бесследно исчезнувшей Раиссы, была настолько возмущена свершившимся беспределом, что приволокла в Цветник пресловутого прихвостня. То ли просто напугать девушек, то ли и правда думала провести следствие. Крошка тогда с любопытством подошла поближе к мерзкому типу. Невысокий обрюзглый человек залипал на девушках крысиными глазками и постоянно облизывался, шумно втягивая подтекающую изо рта слюну. В Цветнике началась чистая паника и переполох. Дурищи явно решили, что прихвостень прямо тут начнет заживо поедать перепуганных девиц. Крошка долго спорила со старшей хашир Лориянс, что это следствие совершенно ни к чему и вообще совершеннейшая ерунда, а она сама только и мечтала, чтобы выкинуть всю противную косметику! В пылу разговора коснулась руки

прихвостня — тот перевёл на неё взгляд, и она увидела себя подвешенную на крюках, ободранную и изуродованную. Вязкий липкий голод и пульсирующее желание обладать и рвать, рвать на лоскутья живое женское тело выплеснулось из мыслей прихвостня.

Крошка убрала руку и усилила убеждения:

— Хашир Лориянс, не надо никаких расследований. Я сама разбила эти вонючие притирки, вы же знаете, как я не люблю запахи! Никого искать не будем — это оскорбит государственную религию Империи Ши.

— Возвышенная битерере Лардарошса, как поиск виновной может...

— Вы подвергаете мои слова сомнению? — Крошка поджала губы и выдержала маленькую паузу. — Вы собираетесь оскорбить Империю Ши?

И главная хашир сдалась. Жуткий помощник стражного ушёл, а количество косметики на столике у Крошки уменьшилось. Жаль, что не исчезло вовсе.

А потом она утешала наивную дурочку Фариссу, уединившись с ней в кустах оранжереи. Как Фарисса плакала и извинялась! Смешная! Как будто действительно сделала что-то страшное!

«Прихвостень — я думала, это прозвище», — Крошка, целуя подругу, витала вместе с ней в любовных фантомах.

«Нет, это его работа, — безмолвно всхлипывала Фари, уже привыкнув разговаривать мысленно в минуты уединения. — Полгода назад стражный Кирст сказал, что ему нужен пыточный специалист, и спас этого уroda от виселицы. Говорят, прихвостень замучил двадцать девушек, пока его поймали! А стражный взял мерзавца под свое покровительство и на работу. Теперь есть кому допрашивать и пытаться преступников».

«А убежавшую битерере он и правда съел?»

«Не знаю. Нам сказали, что ее убили за государственную измену, но это как раз и было, когда Кирст нашёл себе прихвостня. Стражный держит его под рукой, поселил у себя в камерке и никуда не выпускает без присмотра. Вряд ли из-за этого беспорядка меня бы пытали, но все равно спасибо тебе», — Фарисса снова заплакала.

Хорошо, что Фари перевели в Плодовый Сад. На самом-то деле она совершенно безобидная. И, может, взрослые женщины-ирере не будут так глупы, как эти неоплодотворённые курицы?

Крошка хихикнула: вот же идиотки, нашли для своих пакостей самую слабую! Попробовали бы напрямую поприставать к экзекутору!

Сейчас еще пережить кормёжку чудовищ, потом по расписанию прогулка в саду, а потом надо переодеваться в официальные одежды и тренировать танцы, опять еда, вышивание. И вот уже ночь и муженёк.

Ильдис завязала ленты внутригаремных, обшитых длинным мехом туфель, и Рошса, одетая в многослойные воланчики и рюшечки и с высокой причёской на голове, пошла завтракать.

В первый день во дворце, желая быстрее добраться к свадебному столу и морща нос над словесными и физическими реверансами, Крошка не ожидала, что совместная еда пятидесяти девиц станет столь тяжелым испытанием.

За полтора имперских месяца, прожитых в Цветнике, Крошка так и не смогла решить, что хуже: прислуживать Дитсайрсу, ковыляя в жестких котурнах и умирая от голода, церемонно склевывать крупинки, высасывать по каплям разбавленный сок, время от

времени исчезая в комнате отдыха, или вроде бы спокойно сидеть на высокой табуретке за полукруглым столом и неторопливо, и вдоволь вкушать с соседками по любви и семье. Кормиться. Поглощать.

Экзекутор не имел права есть на публике. Экзекутор, сопровождая Джи безмолвной тенью на встречах и банкетах руководства Империи, питался где-нибудь в одиночестве и за углом. Но оставаясь с Крошкой вдвоем в домашней обстановке, Джи часто сажал её за стол вместе с собой, следя, как строгий учитель, за соблюдением протокола приёма пищи.

Джи ел совершенно бесшумно.

А тут: мласк, чафк-чафк, бульк-хлюп. Утонченные наследницы великих родов шмыгали носами, рыгали и чавкали. Ковырялись в еде руками, засовывая по несколько кусков в рот зараз. Жир, соусы и подливки капали на стол, текли по рукам. Брызгали надкушенные фрукты, сыпались крошки от жареных корочек. При этом девицы болтали, хихикали и вертелись без остановки, сопровождая каждый поток комментариями и воспоминаниями, что они ели в прошлый день, месяц или год, описывали ощущения от блюд и напитков.

Отвращение захлёстывало с головой. Крошке казалось, что причмокивающие и лопочущие уродища бьют её по лицу мокрыми тряпками. Она зажималась, мрачно и деловито набирала еду, молча и быстро глотала, механически наполняя желудок. И снова нарушала ритуал, сбегая из-за стола раньше времени, удирая от греха подальше...

Мерзкие дуры! Крошка отодвинула табуретку и вышла в сад. После завтрака прогулка, потом танцы и нудное вышивание в ткацкой, опять с бесконечными разговорами. Но она успеет побыть одна и в относительной тишине.

Битерере долго будут сидеть за столом, поддерживая необходимые им великосветские церемонии, а двадцать дней назад открыли внутренний парк, неприступный для гуляния зимой. Сразу после завтрака в нём никого.

Прямо перед террасой на плакучей иве изумрудные листья уже как игрушечные ножи: играют в легком ветре, показывают серебристую изнанку. Вечнозелёные восковые кусты алемардии окрасились розовым — в пазухах листьев набухли сочные бутоны. По разогретым плиткам дорожек перебегают с одного лужка на другой проснувшиеся ящерицы-щерицы. Неожиданно останавливаются, раздувают красно-желтые пузыри на горле и хлещут хвостами, привлекая партнеров. Пришла весна, и щерицы заняты пожиранием бутонов алемардии и поисками любви.

В это время тут тихо и прекрасно. Садовница, работающая только по утрам, сейчас стояла на раскладной лестнице за прудиком и подравнивала ветки эбеновых яблонь за беседкой. Скоро она незаметно исчезнет до вечера, чтобы не мешать битерере наслаждаться красотой Цветника.

Рошса спустилась по широким каменным ступеням на полосатую площадку, куда стекались вымощенные цветными плитками тропинки, и пошла по крайней левой — небесно-голубой, с синими прожилками. Там, за группой пирамидальных клёнов, была видна рощица земляничных деревьев с бордовой гладкой корой, светящейся сквозь светло-зеленую дымку однодневной листвы. Там её любимое место. Жалко, Фариссу забрали, но она рада, что смогла сделать доброе дело. Истинно доброе: убив одну жизнь, она помогла зародиться двум! Если клиницистки ничего не напортачат, то у Фариссы будет двойня! О, как все тут бегали, выпучив глаза! Но проверка подтвердила, что детки от Дитсайрса, это было и правда смешно.

Какие же они тут дуры, сплошные дуры! Фарисса тоже дурочка, но милая и добрая. Как она переживала, что из-за этих коров недойных размолотила косметику и алтарь Лардарошсы! Будто ей нужна косметика. Но статуэтку Жи не разбила, хотя религия — это же глупо! И в отличие от их выдуманных богов, её Бог живой. Символы для неё не важны. Она знает, что её Бог и так всё всегда видит. Когда хочет.

За раскидистыми земляничными деревьями возвышалась скальная горка — каменные абстрактные скульптуры, составленные из природных и искусственных обломков минералов. Коллекция художественно набросанных плит, разновеликих валунов, камешков и даже песка из ракушечника. Крошка прошла по серо-голубым розеткам медвежьих ушек, обрамляющих тропу, и, прыгая с камня на камень — чтобы не повредить сделанные граблями узоры на песке — добралась до первой из плит.

Осторожно ступая, обогнула нагромождения. Казалось, что некоторые обелиски неуверенно балансировали в ожидании ветра, чтобы наконец упасть.

На «троне» — черной плите с искрами кварца, обращенной на восток, свернулась вольными кольцами толстая шипастая змея. Крошка задумчиво присела. В Цветнике не было никаких животных, если не считать тонких щериц с полуметровыми хвостами, которые шустро бегали по стенам и лопали насекомых, состреливая их тоже полуметровым языком. А насекомых по весне вылезло тучи: тараканы с ладонь, вальяжно марширующие коротконогие кузнечики и какие-то особо жирные гусеницы, регулярно вызывающие визги битерере.

Полусантиметровые рыжие шипы ржавыми гвоздиками торчали по всему телу змеи. Каждый шип окружало колечко из бурых плоских чешуек, а поперек разбежался тонкий узор из круглых желтых бусинок. Змея была очень красива.

Крошка прицелилась и быстро схватила змею за шею, приготовившись уколоться о колючки. Но шипы оказались пружинящими, как резиновые! Крошка сразу овладела разогретым сознанием змейки и проглядела ее изнутри. Змея была ядовитой. В пасти прятались выстреливающие вперед зубы, а широкая, почти прямоугольная голова наполнена ядовитыми железами.

Рошса села на теплый черный гранит, оперлась о мелковыщербленный базальт за спиной и, держа на руках тяжелую и упругую змею, подставила лицо солнцу. У змеи одна мысль: тепло и мягко... Хорошо и тепло. Змея не волнуется, что заползла туда, где нельзя быть. Змея живёт прямо сейчас, не думая ни о чём. Ничего не зная. Змее сейчас хорошо. Хакисс расслабилась, пытаясь проникнуться змеиным восприятием, растягивая мгновение общности и спокойного наслаждения.

Знали бы они, что никакая она не наследница — у ажлисс не бывает детей! А она не просто ажлисс — она исполнитель Императора Жи! Эти дикари делали ей медицинский осмотр и ничегошеньки не заметили! Да и что они могут, когда они даже не подозревают, что она за несколько минут может не только отрастить себе эту смешную девственную плеву, но за три дня способна полностью изменить свое тело и стать, например, львом. Фарисса ушла, а Дитсайрс ошалел и зовет к себе каждую ночь. Но ведь скукотища же страшная. Вседержитель скучный, как программа: вполуха выслушает полагающиеся комплименты и падает вверх брюшком — работай, женщина!

Тогда она немного поиграла с ним, заставила быть более активным, но ей хотелось собрать как можно больше «пыльцы», и она изменила свои внутренние органы — сделав из матки насос-хранилище.

Дитсайрс никогда не был так удовлетворён, но Крошка почувствовала его страх от столь

темпераментных игрищ и больше не стимулировала его так бурно. Да и смерть партнёра регента Яо была еще свежа в памяти.

Получив соцветие, Крошка порысила в Цветник, сразу в спальню. Собранная «пыльца» давила в животе, как будто в нее зачихнули яблоко. Быстро легла в постель, думая только о сохранении квинтэссенции будущей жизни внутри себя. Капельками выщипывая внутрь мышечного мешочка очищенную сыворотку, чтобы живчики имели питательную среду, сканом поддерживая в них жизнь и уговаривая подождать.

Дождавшись тишины и убедившись, что служанок вблизи нет, взяла Фариссу за руку и под контроль и скрылась с ней в своем туалете.

— Спи, Фари, спи, — шептала ей мысленно. — Я тебя поглажу, и будет у тебя дитёночек.

Положила Фариссу на полотенце (не на голом же полу лежать!), поставила рядом пиалу и трубочку для питья, заблаговременно принесённые еще днём. Присела рядом и закинула безвольные ноги спящей подруги себе на плечи. Сгорбилась, немного отстранилась назад, сосредоточилась и выпустила в подставленную пиалу бережно хранимую сперму. Продолжая удерживать Фари в бессознательных мечтах и управляя согласно млеющим в фантомах телом, ввела Фариссе трубочку во влагалище, пропихнула глубже и, быстро хлебнув из пиалы, выдула весь живодарный заряд в матку. Легла рядом, контролируя руками и сканом, убаюкивая сознание Фариссы, но стимулируя ее тело. Выгнала две яйцеклетки навстречу суетливому ручейку, подгоняя невидимые, но так остро осязаемые искорки будущей жизни друг к другу... Легла щекой на грудь Фари, слушая ее сердце, а руками на её животе — сканом выращивая и закрепляя двух человеческих наследников. Увлеченная ростом все ярче разгорающейся жизни, Крошка ушла в мечты, убаюкивая тело, так стремившееся создать новую жизнь, качая его на фантоме довольства, счастья и блаженного ожидания...

Стук, крик, дверь нараспашку!

— Что вы здесь делаете?! Отвратительные грязные развратницы! — Руки в боки, взъерошенная и разъярённая, смешная в мятой пижаме и с разлохмаченной головой, кубышка Айша стояла в дверях и тряслась от негодования.

Фарисса очнулась, зашевелилась и села, лупая глазами. Она вообще ничего не понимала. Рошса поднялась, продолжая босой ногой касаться Фариссы, наполняя её счастьем и спокойствием.

— Айша, не ори! И не дури. Мы просто заболтались и уснули.

— Голые? В туалете? Вместе? Похотливые щерицы! Тебе мало Вседержителя нашего, ты еще сманила эту пустоцветку никчёмную! — Айша размахнулась ногой, чтобы пнуть неуверенно поднимающуюся на ноги Фариссу, но Крошка подскочила и выпихнула шумную девицу вон.

— О да, я должна была тебя положить на пол в туалете, да? — Рошса, держа Айшу за руку, напустила фантом страха и желание убежать, скрыться. — Иди на своё место! — крикнула ей вслед.

Айшу сдуло, но в коридоре уже толпились любопытные, и набежали ночные служки.

Крошка не желала трогать их всех. Протолкалась в свою арку, влезла в постель и укрылась с головой. Идиотки. Главное, всё должно было получиться. Фарисса толком ничего не будет помнить, зародышки же получились, прикрепились и будут расти уже сами. Надо будет потом ещё проверить и, может, подтолкнуть их. Помочь.

Потом Фарисса набралась смелости и спросила:

— Ты и правда ведьма? Или все выдумываешь, чтобы меня успокоить? Я никому не сказала, что ты меня заколдовала там в туалете и лила в меня свою мочу.

Крошка тогда чуть не умерла от смеха. Мочу! Ну надо же, какая дурища!

— Битерере Лардарошса! Бросьте её, бросьте! — на голубой дорожке подпрыгивала, панически звеня колокольчиками, служанка, растерявшая от ужаса всю плавность движений. — Как она сюда попала?! Она ядовитая! Позовите стражу!

— Меня змея не укусит, она разогрелась на камнях, — Крошка задумалась; куда тут можно отпустить ядовитую змею? И как же надоело пугаться без скана! Хашир вопит, и уже приближается стая визгливых битерере. Откуда она знает, как змея сюда попала?! Сад и Цветник в центре дворца, вокруг несколько колец жилых и административных построек. Стена, разделяющая парк Плодового Сада и Парк Цветника, гладкая и высоченная, не перебросить... И куда бросать, в Плодовый сад? Там дети гуляют...

— Битерере Лардарошса! — раздался густой низкий голос. — Положите змею сюда!

Толпа девушек расступилась, и вперед вышел стражний Кирст, указывая алебардой перед собой.

— А если она на нас бросится? — крикнула одна из гомонящих девиц.

«Угу, Айше хочется скандала», — подумала Крошка и выбралась на дорожку, неся змею на руках. Умиротворённая солнцем и сканом гадюка ползала как тяжелый шелк, нежно щекоча мягкими колючками, переливаясь и блестя на солнце. С ладони на ладонь.

Рошса перешагнула низкий кустарничек, наклонилась и аккуратно стекла змейкой на плитки. Бронзовое на синем.

Она еще выпрямлялась, а змея еще не поняла, что может ползти сама, когда древко алебарды мгновенным движением припечатало змее голову.

Бац!

Рошса рефлекторно отпрыгнула. Стражний уже шёл прочь. На дорожке осталась красная лужица и завязывалось в узлы шипастое рыжее тельце с раздавленной головой.

Крошка развернулась и побежала вглубь парка. Она бы могла выпустить эту змею за городом. Но кому интересна какая-то змея, да ещё ядовитая? Когда у этого стражного в помощниках такой урод-извращенец. Зато у нее есть Джи! Только далеко очень...

Тщательно держась в стороне от «со-гаремниц», Рошса догуляла положенное время в одиночестве и поплелась переодеваться в спальню в самом хвосте дружных жён.

Через час, затянутая в корсет, умытая и покрашенная, скромно опутив глаза и покачивая широченным раструбом юбки, битерере Лардарошса встала в цепочку «танцующих» и посеменила в танцевальный зал на тренировку.

Айша умудрилась оказаться сзади, семенила следом и шипела:

— Ведьма! Я смотрела родословные — нет твоего рода в геральдике! Самозванка, искусственная! Тебя сделали в колбе. И Фариссу ты облучила, она родит уродов! Прихвостень натянет твой бутончик тебе на голову! Заставит сожрать собственные кишки! Ведьма!

Крошка возвела глаза к потолку. Вычурная и тяжелая лепнина, розы, более похожие на полусгнившую капусту. Всюду золото и колющие глаза краски. Кстати, вымышленное «родовое имя» начисто вылетело из головы: Ризоне? Кизоре? Вообще-то нехорошо, что она забыла собственное имя, но не будет и пытаться вспоминать. Кому оно надо? Ух, какие страшности знает Айша! Можно подумать, она сейчас испугается! Жизнь тут страшна только

неописуемым занудством! Крошка представила, как этот прихвостень придет за ней: «Высочайше воспарившая неземная битерере...» Да она сама умрет, пока дослушает ритуальную тираду! Можно подумать, они знают, что такое боль! И пускай только дотронется до неё, так растает от любви и сразу возжелает укукошить ради неё хоть самого Дитсайрса!

Слегка обернувшись, прицелилась уголком глаза и схватила Айшу за руку, залила фантомом острой боли, одновременно заставляя освободиться ее кишечник. И тут же повернулась обратно, встала как ни в чем не бывало.

Айша упала с оглушающим визгом. Вонь разлившегося ночного горшка потянулась по танцевальной. Рошса отошла к стенке вслед за брезгливо ахающими и зажимающими носы биртерере.

— Она сломала мне руку! — голосила Айша и размахивала неповрежденной рукой.

«Ага, что я с ума сошла, играть тут с обратной регенерацией?» — прокомментировала про себя Крошка. Дуры.

Придерживающую юбки между ног Айшу увела служанка. Другие хашир немедленно включили вентиляцию и распылили вокруг ведро духов.

Остальные битерере опасливо держались в сторонке. До конца танцев никто ведьмой её не называл.

После обеда вторая смена ушла обтанцовывать правителя и любимого мужа. Вернувшиеся утренние битерере вместе с оставшимися в Цветнике переоделись из жесткого служебного в расфуфыренное домашнее и чинно сели рядом — вышивать занавес для Театра Песни. Рошса долго ругалась, но отбила себе право сидеть на самом краю длинной лавки — иметь с каждого бока по курлыкающей битерере было выше её сил! Ясра, соседка по вышиванию, демонстративно игнорировала Крошку, и это было прекрасно.

Лавка подпрыгнула, и Ясра упала на Крошку, всадив ей в бедро острый локоть. Корова корявая! Крошка усидела и отпихнула было Ясру, но тут где-то наверху загрохотало и оборвался праздничный занавес, который ежедневно вышивали битерере. Накрыл всех. Промелькнула и забылась дурацкая мысль о землетрясении. Рошса спихнула с колен визжащую Ясру и с трудом вымоталась из тяжелых складок ковровой ткани. Пол вздрагивал, канонада глухим барабанным боем отражалась в желудке.

Все собрались в спальне. И глупо сидели общим стадом: панически попискивающие битерере и такие же испуганные хашир.

— У кого ключи от дверей? — Крошка схватила за руку ближайшую служку.

— Госпожа первая ушла во дворец полчаса назад, — захныкала хашир, пытаясь вырваться.

В ее мыслях было то же самое.

— Дуры! Бежать надо, пока вас не нашли!

— Зачем ты раздеваешься? Теперь тебя убьют! — ахнула Алаинда. — Мы гордость и носительницы лучшей крови Империи, а тебя без одежды не признают!

— Восставшим и солдатам все равно, наследие или нет. Что вы как тупая скотина, собрались в кучу! Надо удирать!

Крошка выбежала в коридор и через террасу в сад — у садовницы лестница! Она заберется на стену — оттуда на крышу и сможет уйти! Найдет ажлисс или доберется сама до базы. Джи снимет ошейник, и она остановит эту войнушку! Накроет внушением! Да, она

пока может недалеко и немного, но хоть как и понемногу! Частями!

Над гаремными садами и детским парком Плодового Сада, куда битерере не могли ходить, пока не родят наследника, и куда Рошса и не планировала никогда попадать... Надо всем внутренним небом, плотно окруженным ярусами дворца, полз чад и клубился дым. Из внешнего мира, где она так ни разу и не была, валил густой прибой канонады, земля под ногами вздрагивала мелкой и неритмичной дрожью... Крошка зло провела пальцами по шнурку ошейника, пытаясь вырваться хотя бы тонкой ниточкой скана за пределы своего тела, негодуя, что она так толком и не тренировалась, утонув в размеренно ленивом распорядке гаремной жизни. Оглянулась: крыши и стены закрывали обзор. Проклятье! Она глуха и слепа! И бессильна! Она ничем не отличается от этих глупых дур, что визжат и бестолково бегают туда-сюда! Революция, о которой пугливо шептались, созрела и лопнула как большой нарыв, заливая гноем и заразой умы и дела людей...

Так, главное успокоиться! Не бояться! У пруда и яблонь лестницы нет. Содрала и кинула на ступеньки пышные юбки. На бегу отшвырнула в пруд многослойные кофточки. Осталась в тонкой нижней рубашке и штанишках с кружевами по колено. Жиры нарастила, неудобно-то как двигаться! Ну хоть энергии запасной прорва! Заскочила в домик садовницы, вынесла лестницу.

— Эй, эй, ты! — на террасе объявился стражник. — Чего это ты делаешь? Почему ты раздета? Куда ты тащишь лестницу? Бросай, иди сюда.

Крошка прислонила лестницу к кустам, подскочила к стражнику и вошла в его сознание: «Выведи меня отсюда! Ты любишь меня! Дай мне уйти!»

— Нет, нет, не пушу, я нашёл тебя, мне надо тебя отвести, не уходи! — Солдат обхватил ее руками.

Крошка не знала, что делать. Заставить стражника отцепиться? Он отсоединится, останется без влияния и сможет выстрелить или заорать.

— Где остальная охрана?

— Уводят битерере...

— Мелекс, отойди от ведьмы! — низкий голос перекрыл грохот взрывов. В проеме стоял начальник стражи. — Твое дело найти её, а не обсасываться с ней!

— Глупости, — Крошка от неожиданности отшатнулась и заторопилась. — Ведьм не бывает! А вы обязаны охранять битерере!

Солдат же, этот Мелекс, тыкал в ее сторону дрожащим пальцем и кричал:

— Ведьма! Она околдовала меня! Околдовала! — и упал с ножом в горле.

Крошка удивлённо перевела взгляд на Кирста и сорвалась вперед. Надо немедленно дотронуться до него! Остановить!

Резкая боль полоснула по телу, швырнула на ступеньки. Обугленная дыра в боку, разломаны ребра... Все сразу затянулось загустевшей кровью. Это не смертельно! Сердце рефлекторно замедлилось, и Крошка ушла в малую смерть...

С топотом в двери сунулись мешающие друг другу охранники, но стражний, перегородив алебардой проём, вытолкнул всех вон:

— Здесь уже всё кончено! Тут никого нет!

— А Мелекс...

— Ведьма убила его. Я убил ведьму, — стражний вышел в коридор, закрывая собой проход, и закричал на солдат:

— Быстрее, выводите всех битерере и прислугу к транспорту, пока тут тихо! О Мелексе позаботится мой прихвостень, — и немного посторонился, пропуская в оранжерею помощника.

— Она дохлая... Зачем мне дохлая? Вы обещали её живой, — прихвостень присел у тела Лардарошсы, суетливо вытирая потеющие руки о штаны.

— Не касайся её! — рыкнул стражний, отбросив помощника пинком. — Хочешь потерять себя? Она в обмороке. Не смей касаться её руками или обнажённым телом!

Вынул из кармана и кинул на колени прихвостню моток проволоки.

— Привяжи её, пока она спит... Да, вон к той лестнице. И смотри, играй осторожно, чтобы на самом деле не умерла. Она должна жить долго и долго благодарить тебя. Дворец будет пуст, никто не помешает. Потом я приду.

Стражний ушел и закрыл за собой дверь, а прихвостень подцепил Крошку крюком алебарды за ключицу и стащил с террасы в сад.

* * *

Она очнулась от острой боли, пронзившей вязкий прибор регенерации.

— Пусти, — с трудом шевеля непослушными губами, прошептала Крошка. Руки были проткнуты проволокой и привязаны к спущенной в бассейн садовой лестнице. Ног Крошка не чувствовала, только боль и холод. По бурой воде шла мелкая рябь. Открытые раны на животе и боках понемногу всасывали холодную воду. Восстановление жрало силы, требовало тепло, неуправляемая дрожь билась тело. Она не могла, не успевала сконцентрироваться, чтобы убрать боль. Почему Джи не послал ажлисс спасти её?

— Пусти, — Крошке удалось просипеть чуть громче. — Я сделаю тебе счастье, самое большое...

— Не-а, ты дашь мне всё, — прихвостень сидел на корточках на бортике. Штанов на нём не было. Он придвинулся ближе, и красно-бурые складки его трусов мазнули по залитому кровью бортику. Пахнуло гнилой рыбой. — Тебя привезли для меня, господин Кирст мне сразу сказал.

Наклонился и зацепил крюком её грудь. У Крошки вырвался хриплый вой. Нет! Она никогда не кричит, но нужно уйти в голос, вытечь в звук! Проломить блок!

Прихвостень дернул, а другой рукой приткнул пиалу, собирая кровь.

— Кричи, кричи, потечет лучше, — прихвостень вылил себе в пах кровь из наполнившейся пиалы, растирая её рукой. Нет, белья на нем тоже не было.

— Потришь об меня, я помогу тебе, — всхлипнула Крошка. Где же все?

— Не-а, трогать тебя нельзя, господин Кирст сказал, — прихвостень хлюпнул, всасывая вытекающую на подбородок слюну. Ткнул ножом в плечо и начал пилить, растягивая и срезая кожу.

Она пыталась прорваться сквозь блок, преодолеть боль, ураганом острых лезвий рвущей сознание. Пыталась вырваться и остановить, прогнать, убить это трясущееся вожделением существо, что насилывало её крюком, обдирало плоть и дырявило кости. Малая смерть глотала её и нехотя выплёвывала. Джи не мог не слышать её!

Тонула в обмороках малых смертей, выныривала и умирала в бесконечной череде малых

смертей. Прихвостень откуда-то приносил детей? Собак? Ненадолго приходя в сознание, она видела детей Фариссы, но нет, Фари не могла еще родить. Это были щерицы? Держа шевелящиеся тельца щипцами, придавливал истошно кричащие или уже только хрипящие, но живые создания к её лицу, прижимал ко рту. Она, не владея собой, выпускала жало, нащупывала сердца и высасывала их маленькие жизни. Вместе с глотком крови забирала их силу, отпускала их души. Прихвостень резал и поил её кровью, резал... детей? Животных? Лил ей в рот мочу и помои, грязную воду и жидкость из раздутых животов гниющих трупов... Она старалась не быть — отстраниться, убежать хотя бы ментально, сканом... Она сходила с ума, но регенерировала, и тогда прихвостень рвал её снова. Вода в бассейне превратилась в вонючую кашу, но и в каше всё ещё была вода, необходимая для регенерации. Она не умирала. Она регенерировала. Но самым страшным почему-то оказалось другое: в самом начале этого бесконечного умирания появился начальник стражи, так и не снявший маску и больше не сказавший ни единого слова. Сначала он просто отрубил ей пальцы. Они выросли. Он разбил ей кисти молотком... Кисти восстановились. Тогда он принёс крутящийся точильный камень, и сточил ей пальцы и кисти, прикрепив её руки липкой лентой к фанерке. Сточить палец просто, как исписать мел. Потом он сделал это снова. И снова.

Она регенерировала и сходила с ума. Нет, Джи всё видит! И Кирст знал, что она ажлисс! Джи нарочно послал ее! Для тренировки! Прихвостень её ждал!

Её отравленное тело умирало, её обезумевшая душа ещё жила. В чаду безумия увидела Генри. Потянулась к нему и ощутила его сканом, забыв, что на ней ошейник, не замечая, что её мучитель уже мёртв, не помня, что она сама убила его... Не видя, что рядом с ней нет никого живого...

Генри нес в руке нож, её экзекуторский нож. Кристалл на рукоятке пламенел кровью... Она потянулась к нему, надеясь, что стюард перережет ошейник. Но Генри, ни слова не говоря, воткнул нож ей в горло.

Глава 11

Кварг

* * *

Бордовое...

Бесшумное...

Трубки ярких солнечных светильников на стыке потолка и стен.

Выпуклые переплетённые волоконца обивки тренажерного зала.

Она очнулась и взметнулась.

Взрывом мысли вырвалась ввысь, вдаль!

Прочь!

Далеко!

Увидела сканом базу в степи, лес и город. Трассы, разбегающиеся паутиной от Лакстора, флаера, летящие в небе, яркие ауры людей и животных, Джи...

Ярко-синяя обжигающая и поглощающая аура Джи.

Рядом.

Дома!

Лихорадочное дыхание тела вернуло её назад. Тело целое. Её собственное. Здоровое и знакомое.

Боли нет.

Под спиной и руками тепло и мягко...

Но безумно билось сердце и не хватало дыхания.

Хакисс села в открытом инкубаторе.

Её зал... и Джи.

Она захлебнулась плачем, закинула голову, сдерживая вырвавшиеся слёзы.

— Ты видел! — вскрикнула, задохнулась и с силой отерла слезы, против воли текущие по лицу. — Ты слышал! Ты знал... Ты!

— Крошка, я рад! — Джи встал с кресла и улыбнулся. — Наконец ты нашла свои резервы и смогла освоить их! Я могу тебя поздравить!

Хакисс перестала дышать. Его улыбка втекла в сердце, обняла нежностью, затопила радостью. Хакисс взорвалась негодованием, отбросила фантом далеко прочь! Почему не защитил? Могла бы — отбросила Джи своей мыслью! Разорвала! Вернулась недавняя боль и жгущей сетью расцвела по коже, вгрызлась в мышцы, обнажила кости...

— Ты послал меня... Не пришёл... Нарочно?!

Тяжело спрыгнула, неуклюже вставая босыми ногами на пружинящий, словно кожаный, пол, бросилась к Джи.

И тьма унесла её снова.

* * *

Кружится, кружится... Хлопьями выюжится.

Солнце закроется, мраком закружится.

Вихрем непомнящим сердце простудится.

Все перемелется, стерпится, слюбится.

(дневник шестой Крошки)

* * *

Она резко вздернула неожиданно лошадиной головой, вскочила, но сразу же потеряла равновесие и, судорожно перебирая всеми четырьмя ногами, рухнула на бок, глухо стукнувшись клювом о камни. Удар густой волной сотряс тело, отразился в ребрах и вернулся, тысячей иголок пронзив голову. Крошка осталась лежать, часто и тяжело вздымая рыжие бока. Крупные жесткие перья, покрывавшие спереди ее грудь и шею, несколько раз встопорщились и опали. «Выкинул! Выбросил!» — билась и кружилась раскаленная мысль во все еще одурманенной голове. Она несколько раз моргнула и закрыла глаза, сканируя себя изнутри. Она — кварг! Нет, кваржа. Глубоко вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоить дыхание и колотящееся сердце. Медленно села, вонзаясь в скудную землю раздвоенными копытцами и раздвигая камешки. Наконец поймала равновесие, широко расставив передние ноги, и бессознательно хлестнула конским хвостом. Раздраженно огляделась. Бледная трава вокруг торчащих камней, бесконечные холмы, распадающиеся языками осыпей, плотно

затянутый облаками горизонт. Умиравший промозглый день. Пустоши. Проклятые, дурные, дикие пустоши! Зло наподдала передней ногой, отшвырнув мелкие камешки. Потом встала и с силой подгрребла под себя чахлую траву, выпустив боковые когти и пропахав ими глубокие борозды. Растопыренные когти легко прошли сквозь тонкий слой почвы и омерзительно шкрябнули по скальной подложке.

Кваржа застонала и легла, плотно поджав под себя ноги и повернув голову за плечо. Могла бы — заплакала. Тело била крупная дрожь. Она никуда не пойдет. Она не будет просить. Она останется тут и просто умрет. Ее Бог выкинул ее. Она... Да она сама виновата. Кваржа сжалась, плотнее подворачивая голову и вжимая клюв в землю. Что ей теперь делать? Он не хочет её? Она его часть! Навсегда! Он всё равно всё видит. Или прочитает из её дневника. Всё, что она думает, всё, что она чувствует, постоянно и безостановочно пишется в систему. Крошка всхлипнула, но кваржиное горло издало какой-то дикий писклявый всхрап. Но он бросил ее! Оставил на Гайдере, и ее убили там! Мучили и убили! Она сошла с ума от боли и тоже хотела его убить. Его, своего Бога, Джи, свою любовь, свою жизнь. Отомстить! Он бросил ее там! Он бросил её здесь! Лучше бы убил! Она сама хотела его убить! Он бросил её! Он разрешил мучить её...

Спазм сотряс кваржиное тело, и звериное горло выдало человеческий стон.

Она уронила голову. Шаркающий звук костяного клюва, чиркнувшего по камням, электрическим разрядом отразился в шее и она вскочила. Потопталась, растерянно кружась, и пронзительно закричала, опуская голову к земле. Острый истошный крик ударом бича хлестнул по жесткой сухой траве, прокатился по покатым пригоркам и затих у ползущего к закату солнца. В полукилометре сорвалась в бег семья голенастых дикусов — птицы благоразумно бросились искать себе ночлег подальше от хищного кварга. Крошка ждала, вздрагивая от напряжения. Внутри горела злость, горечь обиды и желание сделать что-то страшное, непоправимое. Что-нибудь уничтожить, разбить! Разбиться самой, но где можно разбиться в почти ровной южной степи? Разорвать себя! Разорвать Джи! Нет, прижаться к нему, слиться с ним!

Но должен же здесь быть настоящий кварг. Крошка сканировала так далеко, как могла дотянуться. Найдет и убьет. Или он убьет её! А! Вот от гряды слева пришел ответный свист.

Крошка снова закричала и помчалась за садящимся солнцем на запад. Там, далеко-далеко начинается безжизненная пустыня. Она уйдет туда и умрет. Она бежала, не разбирая дороги, рвала мышцы с каждым прыжком, обдираала шкуру и теряла перья в зарослях колючек, надеялась сломать ноги в каменных грядах...

Убийца! Они все убийцы. Она тоже хотела его убить, и ужас бился вместе с пульсом. Она! Хотела убить своего Бога! Она! Новый вопль вырвался пронзительным свистом, и дикий кварг ответил, подтверждая вызов.

А Генри! Её нянька. Её стюард. Пришел за ней. Поздно. Но пришел! Пришел и убил!

Темно-красный зверь с черным клювом на конской голове плавной рысью вынесся на пригорок ей навстречу и встал, ритуально копая землю. Животное! Она — тоже животное! И, наплевав на звериные ритуалы, она врезалась и сшибла его грудью, кусая и выдирая перья из горла, пытаясь рассечь его ноги кинжалами когтей. Убить хотя бы вот эту тварь, так самоуверенно выскочившую ей навстречу.

Кварг схватил ее за гребень шеи и швырнул с горки, выдергивая гриву и разрывая шкуру. Прыгнул следом, чтобы придавить и удержать передними ногами. Он был больше и сильнее, но она — злее и отчаяннее. Он дрался за свои земли, за охотничьи угодья. А она хотела

убить или умереть сама. Она вырвала кусок мяса из его плеча и распоролла ему бок. Самец обескуражено оттолкнул бешеную самку ударом крупа и попятился. Она поднялась на ноги и снова бросилась, но самец коротко зашипел, признавая поражение, и убежал. Она упала там, где остановилась. Догнать дикого кварга не было сил. Раны тупо ныли, но уже начали регенерировать. Регенерация... Она не сможет даже убить себя. Тут, на домашней планете, ей даже не нужен кристалл ловушки души. Даже если она умрет, если она убьет это тело, и оно не сможет больше удерживать душу, то система, оплетающая незримой сетью всю планету, всосет ее и Джи снова... Нет! Он выгнал ее в степь. Хорошо. Она останется тут. Она его крошка...

За сердцем поселился ядовитый спрут и медленно распускал и сжимал свои горькие щупальца, отравляя и мучая ее. Кварг не может даже плакать. Кварг может только жить.

* * *

Спишь словно каешься, плачешь и маешься.
Где потеряешься там и останешься.
Глазки как лужицы в небо глядящие,
Не настоящие, не настоящие!

(дневник шестой Крошки)

* * *

Дни темнели, ночи светлели и менялись беспросветной вереницей. А она брела не зная куда, бездумно переставляя ноги, и медленно тащилась кругами. Тянулась сканом по бесконечной степи. На западе жалкая жизнь полупустыни совершенно иссякала, задушенная безжизненным каменным плато, которое обрывалось в Небесный океан. Она чувствовала Императорскую базу где-то там, далеко справа, где цивилизация предусмотрительно обходила негостеприимные пустоши широкой дугой по плодородному северу. Но пустоши были огромны, и она подозревала, что даже на четырех ногах ей бы пришлось бежать на восток почти полгода, чтобы добраться до великих рек и людей. Но зачем ей люди? Она не часть человечества. Она — часть Императора, которого она хотела убить, который убил её...

Монотонное движение облегчало боль. Голову жгло, кислотой отчаяния разъедало изнутри. Казалось, что если она остановится, то голова взорвется или упадет от невыносимой тяжести мыслей, раздумья раздавят её, сломают каждую кость.

«Без темноты нет света, без боли нет радости, без расставания нет встречи... Я глаза твои, я рука твоя, я живу тобой, ты живешь мной...» Молилась, чувствуя, как прилипая к словам, боль вытягивается наружу, вытекает, уменьшается, и идти становится легче.

Южнее от базы земля становилась жирнее, было больше травы и воды. Но нужны ли ей обильные едой и населенные земли? Пусть осенью кочевники и уходили на зимовку вместе с отарами пегих овец. Нет, ей не нужны люди: кочевники ловят и объезжают кваргов... Мысли в такт шагам медленно появлялись и исчезали, а она шла и шла, иногда останавливалась и

без удивления замечала, что возвращается к базе. К Джи. Тогда она разворачивалась и какое-то время ровно бежала на юг, но потом забывалась в круговерти тоски и опять брела незнамо куда, пока не падала, загнав себя до изнеможения. Когда она чувствовала голод, то раскидывала скан и приводила к себе первое подходящее животное. Глотала, пока брюхо не раздувалось тяжестью, а потом спала и снова двигалась механической походкой забытой игрушки.

Шла, не думая, куда несут её ноги, запрещая себе приближаться к Джи и пытаясь оставаться примерно в одном широком секторе степи. Но на самом деле незаметно уходила по кривой спирали дальше на юго-восток. В краткие минуты прозрения, когда она, все-таки проголодавшись, искала добычу или, укладываясь в сон, выпадала в реальность, она нащупывала ставшим почти всеобъемлющим сканом ориентир. Взлетала мыслью высоко в небо сама или смотрела глазами кружащегося под облаками равнинного орлика.

Крошка шла и вспоминала, пытаясь объяснить сама себе, пытаясь успокоиться. Уговаривая саму себя.

Много лет назад Джи нашёл её и она забыла всё, что было раньше. Тогда её жизнь разорвалась. Она была потерянной маленькой девочкой, забывшей себя, но Джи учил её, учил, что никакого раньше не было, она с ним всегда и навсегда.

— Ты особенная, я выбрал тебя потому, что ты можешь стать экзекутором. Ты будешь уметь всё, что умею я сам, что дает раскрепощенное и очищенное от человеческих дефектов тело ажлисс. То, что не умеет никто, кроме нас с тобой. Это тяжело, не каждый ажлисс способен выдержать обучение. Не каждый ажлисс может стать экзекутором, но ты сможешь. Сильные эмоции стимулируют организм даже обычного человека. Женщина, чтобы спасти своего ребенка, может удержать падающую стену. Любой ажлисс сильнее человека, а экзекутор сильнее любого ажлисс.

Её жизнь снова разорвалась! Для этого Джи её выбрал? Чтобы убить и выбросить?! Нет же... Это просто следующий урок! Джи всегда учил её, она часть его. Она нужна Джи, нужна Империи. А если бы она училась старательно, то не оказалась бы здесь! Она же ажлисс! Она не может просто так умереть. У нее был с собой кристалл. Это же проще — взять кристалл с душой, чем тащить на базу искалеченное тело...

К тому же тогда она была опасна. Она убила всех, кого нашла! Но она не помнит, кого она нашла... А что, если она убила Фариссу?! Крошка застонала: она бросилась даже на Джи сразу после пробуждения! Генри всё правильно сделал...

— Сильные эмоции рождают сильные желания, на пике напряжения ты можешь сделать то, на что у тебя не хватит сил без такой стимуляции. Поэтому я тренирую тебя. Помни: без тьмы нет света, без расставания нет встречи, без горя нет радости, без боли нет наслаждения, — Джи дарил ей боль и наслаждение. Она рассыпалась и теряла себя в восторге и слиянии...

Она плакала и тянулась к Джи, тянулась, почти разрывая связь со своим телом. Брела без цели, слепо и неосознанно. И молилась:

— Без тьмы нет света, без расставания нет встречи, без горя нет радости, без боли нет наслаждения, без Джи нет меня...

Как было просто и хорошо в детстве. Все понятно и ясно: каждый день расписан, все спланировано и известно заранее. Зато сейчас всё неясно и мутно тянется неведомо куда...

Она убивала с самого детства! Все закономерно. Она убивала, а теперь убили её.

Рискнула и дотронулась до Джи нежным пугливым касанием тончайшего волоконца

скана. И он ответил! Она рискнула, и он отозвался! Послал ей одно слово: «Рано». Мягко оттолкнул и закрылся.

Закрылся!

Крошка рухнула в невысокие густые заросли вирдиса. Зимой эти кустики без листвы, но если потоптаться, то из них получается неплохое гнездо. Тут она и переспит. Немного отдохнёт и надергает чуть побольше вирдиса — у него глубокие корни, но силы кваржи достаточно. Хотя была бы она самцом кварга, была бы сильнее.

В бездну вирдис! Джи отозвался! Как же она рада! Но он сказал «рано»? То есть она на правильном пути, только ещё рано? Сколько она будет в ссылке? Когда он возьмет ее обратно? Почему... Рано! Она еще не готова вернуться? Но она на правильном пути! Она вернётся!

* * *

Память полна трепетаньем неистовым —
Там, далеко, за холмами росистыми,
Волосы пламенем ветра горящие,
Вновь говорящие, вновь говорящие...

И просыпаясь на грани бессмертия,
Вновь забываешь, о чем тебе снилось.
Что говорилось и где пробудилось,
Только щемящее чувство извечное,

Что-то летящее, вечное... вечное...

(дневник шестой Крошки)

* * *

Флаер... На мгновение даже почудилось, что это за ней. Но флаер появился с юга. Крошка метнулась к аурам людей на борту. Четверо? Вошла в сознание одного, оглянулась его глазами. Грузовой флаер. В кабине оставлено только четыре кресла, да и те сдвинуты в самый нос, а за прозрачной переборкой битком забитый багажник. Пилот пошел на посадку...

Крошка совсем не по кваржиному села на холодный уступ террасы, подстелив под круп густые волосяные перья хвоста. Копытца разъезжались в мелких камешках, а впереди последние скалистые обломки пустошей рассыпались в степь. Здесь начиналась Карфида — уголья кочевых кланов. Пастбища для овец, протканые путями перегонов, и зоны размножения редких красных кваргов. Идёт весна, и даже в этом отдалённом от цивилизации уголке можно будет встретить людей.

Флаер сел на площадку стойбища километрах в тридцати. Дорога, вымощенная колотым

камнем, широко оборачивалась вокруг приземистого склада и далее на северо-запад не вела. Это, кажется, самая северная стоянка. Крошка разгрестила мелкую щебенку и легла в ямку, продолжая наблюдать, как люди вручную перетаскивали ящики с сушёными овощами и фруктами, герметичные мешки с мукой, принадлежности для ремонта юрт и повозок, запасные энергоблоки... От нечего делать проползла сканом вслед и лениво прошлась по стандартному оборудованию хозяйственного блока, где больше половины занимала кладовая. Ха, у них нет даже стазиса! В глубине за стеллажами обнаружился только выключенный морозильный бокс. Угу, никаких консервов, никакого стазиса! Только свежее, сушеное и свежемороженное — традиции наше всё! Хотя традиции не мешают иметь в хозяйственной постройке вполне современные гигиенические комнаты, кухню с печью на кристаллической батарее и учебный зал с экранами системы.

Но только посмотрите на этих кочевников! Крошка фыркнула: приехали-то всего-навсего пополнить запасы для племени, а одеты, как на фестиваль Объединения! Каждый в расшитой кожаной жилетке. Валяные шапки с острым верхом украшены тесьмой и бисером, сапоги с тиснением...

Двое мужчин вывезли громоздкую машину на маленьких колёсиках. Интересно, что это? Подсунули под неё доску планера и, старательно придерживая с обеих сторон, отлевитирировали под крышу, припарковав недалеко от входа у частокола шестов для юрт. То есть машину вытаскают перед тем, как ставить юрты? Странно, почему кочевники предпочитают жить в юртах? Тут уже есть нормальное здание, ну и поставили бы рядом постоянные бытовые секции.

Бритый наголо пилот носил запасы и горланил песенку:

— Жестокий век, наш век коварства!

Приполз как сытая змея.

С улыбкой задушил бунтарство

Мир сделал мирным. Как же я?

А я пасусь среди овечек,

Холмы стандартно зелены.

В полях размерены все речки,

А мы? Чего? Бездумны мы!

— Нет, — певец вернулся во флаер и поставил ногу на последний ящик. — Этот оставь! Я договорился с еретиками. Продам батарейки за наличные — отцу нужны деньги.

— Твой отец бездарный пропойца, а нас окольцуют! Позорища не оберешься и пропадут все бонусы!

— Это мой отец. Я не могу наблюдать, как он живет от пайки до пайки! И вообще, ты видишь тут дознавателя? Андроида? Или это ты побежишь меня сдавать, сказав, что видел и ничего не сделал? Яалайс и Жерчу ничего не видели и никому не скажут, а на исповеди главное быть уверенным, что поступаешь правильно. Дознаватель не спросит: «А что, Пайрус, не видел ли ты как Чесче поставил ногу на ящик?» Он задает только общие вопросы, а для конкретных надо знать, что спрашивать. Грешил ли ты? Лично ты не грешил. Не смотри на ящик и ты ящик не видел! Какие проблемы? Эй, Жерчу, отлетаем!

Пилот, продолжая напевать, дождался когда все уселись и стартовал:

— Овце ведь мозг совсем не нужен!

Она питаньем весела.

С улыбкой к вам придет на ужин.

Горда, что ела и росла!

Воры! Крошка резко встала и мотнула головой. Ну ничего! Джи читает ее дневник! Джи скажет дознавателю их дозна, и их накажут!

Но ей пора перестать бродяжничать. Она и так забралась слишком далеко от базы. Где-то левее по гряде был симпатичный уголок. Крошка пробежала по склону и повернула в узкое ущелье. Похоже, что тысячелетия назад эта расщелина была руслом ручья, спадавшего с пустошей высоким каскадом. Когда-то давно у самого подножия уже несуществующего водопада откололась боковая плита и упала наискосок, сотворив навес и чудесный шалаш для бездомного кварга. Крошка зашла под «крышу» и легла. Вздохнула. Здесь хорошо, спокойно и даже впервые как-то уютно. Словно действительно пришла домой и прижалась к дивану, на котором сидит Джи. Сейчас он протянет руку и дотронется...

Крошка выскочила из «домика» и сильными прыжками взлетела вверх. Нашла подходящие валуны и, упираясь передними и лягаясь задними ногами, скинула их в ущелье, а потом сложила из них порог — границу гнезда. Надергала вирдиса вместе с упругими лианами-камнеломками и уложила основу постели. Оказалось, что острым роговым клювом рвать траву удобнее, чем голыми руками. Руками можно было делать множество вещей, а главное ощутить тепло родного тела, сразу слиться душой или залечить раны... Впитать и разделить эмоции, проникнуть сканом в самое сокровенное и открыть самые глубокие тайны. Ха, что может быть сокровенного у зверей? Она и без прикосновений может войти в любое животное и подчинить. Да и животным руки не нужны. Но носить траву в клюве было неудобно и долго. Безвкусной осокоподобный пучок, который она могла принести за один раз, был возмутительно маленьким, и прошло не менее десяти дней в нудной беготне, пока высота стога не удовлетворила её. Было бы здорово украсть какую-нибудь большую тряпку у кочевников и собирать траву в неё, но лучше не надо! Все-таки хорошо, что никаких людей тут нет и никто не задумается, зачем кварг собирает траву.

Крошка впервые за долгие месяцы изгнания почувствовала себя счастливой и лелеяла это чувство, нахваливая своё укрытие. Как надоело мерзнуть и мокнуть, ночуя где придётся, а теперь у неё был дом! Она же не южная кошка! Если бы она была кошкой, то могла бы свернуться и прикрыть лапки пушистым хвостом. Однажды она жила целый месяц на юге, у моря, в теломорфе золотистой львицы. Целый месяц — сорок солнечных дней! Там было тепло. Нет, там было восхитительно жарко! Узкие горные ручьи замораживающе холодны, но было так приятно влететь одним прыжком в ледяную воду и сразу выскочить на противоположный берег! Потерять дыхание в бурной воде, а потом растянуться и разомлеть на раскаленном камне. В пустошах же вода была противна. Возвращаясь домой под дождем, Крошка разгоняла метаболизм, поднимала температуру и забиралась в гнездо уже высохшая — сушить намокшее сено было бы гораздо труднее. Неприятно, что всякая ползающая дрянь и земляные блохи тоже так и стремились набиться в матрас и залезть в ее собственную шкуру. Поэтому перед молитвой и сном она сканом выгоняла паразитов вон, а потом брала

клювом камень и плющила мерзких захватчиков.

Неизвестно, долго ли придется ждать и жить под каменной крышей. Джи за ней не придет, пока не решит, что она поняла свою ошибку, полностью признала вину и от всего сердца раскаялась. Он позовет, когда она будет нужна. Где-то на краю памяти промелькнуло голосом Джул: «Крошки! Твои Крошки!» Нет! Она — часть Джи! Он бережёт её, отпустил отдохнуть!

Засыпая в импровизированной постели и подпихивая ключья травы под костистые локти и пятки, она представляла, что обкладывается подушками и закутывается в одеяло в своей комнате. Она снова маленькая девочка. Придет день, и она пойдет к Джи. Она же его неделимая часть! Все будет так, как всегда. Как раньше, когда она в выбранной Джи теломорфе сопровождала императора на заседаниях и приемах. Ее роль проста: сидеть тихой мышью у ног императора и быть с ним в ментальной связи. Ходить за ним тенью и ничего не трогать. Ничего не бояться, ни на кого не реагировать. Делать только то, что скажет император. Вроде бы страшная скука и гвардейская дисциплина, однако это всегда радость. Даже просто просидеть все это время, прижавшись к бедру Джи, растворившись в его мыслях, в его пульсе, не читая его мысли, только пребывая в нем — это само по себе было волшебно. Она любила это больше, чем учебные поездки с Генри или охоту в дикой природе. Несмотря на окружение, посторонних людей и официальную свиту, ментальная связь скрывала её от всего этого шебуршения вокруг. Вольно плыла его мыслями, просто отдавая себя. Обожала чувство уникальности и единства, расцветавшее в ней в это время. Она была там, куда не мог проникнуть никто, она полностью принадлежала Джи, растворялась в нём.

Когда на долгих заседаниях император скучал, то он играл с ней: проникал в её сознание, а она, спрятанная внутри, удивлялась возможностям неожиданно ловкого и сильного тела. Официальные церемонии превращались в интересные приключения, всегда неожиданные и часто очень забавные, особенно, когда Джи начинал хулиганить, проводя с ее телом эквилибристические фокусы и забираясь в совершенно дикие головоломные места, куда Хакисс бы никогда не додумалась лезть сама. Пробраться в отделение стазиса, разбудить и выпустить архаического монстра, проделать немислимые виражи на планере, впервые самостоятельно взлететь на флаере... Ну не совсем самостоятельно, но все же... Однажды тело Хакисс прокралось в казармы и, подлым приемом уронив караульного, увело у него арбалет. И все это, пока Джи вроде бы сидел на совещании с какими-то министрами.

Иногда Джи оставлял ее в незнакомых местах незнакомых дворцов и уходил, а она должна была найти его только по зову его мысли, его ауры, отражавшейся в ее сознании, выщупывая его тонким волоконцем ментального контакта. Он учил ее проникать в чужие головы и подслушивать чужие ощущения, а потом и наводить мороки фантомов, принуждая людей совершать неожиданные поступки, управляя чужими телами, как своим собственным. И ведь это умеет только Джи, и он учит ее быть, как он!

* * *

Невозможно пошевелить прошитыми проволокой руками. Плечи свело судорогой, локти ломит, кисти ничего не чувствуют, пальцы онемели, почернели, отломились... Хакисс, сопротивляясь всем телом, закричала, вырвалась и проснулась.

Стоило заснуть, как она снова умирала, бесконечно умирала, а потом опять пыталась

убить Джи. Плотная шкура кварга и способность управлять своим телом не давали мерзнуть, но несчастья собирались, концентрировались под самое утро в ледящий холод, и сон исчезал. Испуганно вперила непонимающий взгляд в темный камень перед собой. Ночь влажно дышала прохладой. Вокруг висела мутная хмарь. Хакисс содрогнулась, пытаясь избавиться от ощущения режущей боли. Прижала голову к груди, согнула и напрягла шею, потянулась и рефлекторно отмахнулась хвостом. Последние полгода яркие и подробные кошмары собственной смерти являлись реже. Отвратные сны, где снова дробили пальцы и отрезали кисти. Раньше она даже боялась спать, но под утро все равно приходила холодная боль в руки. Ноги, то есть задние конечности, почему-то не замерзали. А передние можно было закапывать в груды травы или прятать под грудь, но стоило уснуть, как несуществующие человеческие пальцы и ладони коченели и ныли. У нее так болели руки! Хотя какие руки, когда у нее сейчас везде ноги! Она всхлипнула, ее звериное горло выдало просящий хриплый свист и шипение — неуверенный зов помощи, как будто кто-то мог услышать и прийти на помощь.

Хакисс слегка повернулась на бок и вытянула все четыре чешуйчатые конечности в сторону, выпрямляя и раздвигая оба коротких «ходильных» пальца с острыми глянцевыми копытцами. Оттопырила высокопосаженные внутренние пальцы с серповидными когтями и махнула ими, одновременно поджимая все четыре ноги, как будто ловя и сжимая боль нечеловеческими лапами. Острые ножи когтей хищно блеснули и снова прижались к длинным полуптичьим пястям. Ее кисти и стопы сейчас были похожи на ручки забавного синского дракончика, только у него пять пальцев и игрушечные размеры безобидной кошки. Она несколько раз сжала и распрямила «кисти», разгоняя кровь, и повернулась на другой бок в поисках удобного положения. Если ты почти лошадь, даже некрупная и хищная, даже немного более гибкая, чем лошадь, то у тебя все равно не так много вариантов, как лечь спать. Можешь устроиться на боку, откинув ноги в сторону, или на брюхе, подогнув их под себя. А передние ноги мерзнут всегда... Хакисс сжала клювом пальцы левой передней ноги, пока воображаемая боль не растворилась в настоящей, а потом снова спрятала ногу под тело, укладываясь на живот.

Легла на другой бок. Задрожала, напрягла мышцы спины, прогнулась, сгорбилась... Никогда она не была так долго без Джи.

Вылетела из своего убежища, как воплощение злобной мести, и унеслась в ночь. Бегать до изнеможения или найти противника для хорошей драки?! К сожалению, кварги быстро запомнили сумасшедшую самку. Попрятались и потеснились, а её охотничьи угодья расширились настолько, что Крошка могла бегать целую ночь и день, оглушая свистом горизонты, но так и не встретить ни одного кварга. Несколько раз она приводила противников сканом и заставляла их драться, но эти кукольные бои ей быстро надоели. И она тоже оставила диких кваргов в покое. А затем перестала подманывать живность сканом и начала охотиться как настоящий хищник, выискивая добычу слухом и зрением. Преследуя антилоп и диких коз, соревнуясь в скорости и ловкости. Это помогало отвлечься и устоять. Охота по правилам дикой природы уводила ее в сторону от постоянных размышлений и болезненных воспоминаний. Освобождала голову и не пускала туда мысли.

Крошка рвала острым клювом маленькую антилопку — как раз на одну трапезу — и равнодушно глотала мясо вместе с костями и шерстью. Больше всего ей не нравилось жрать кишки с желудком. И если кишки с их содержимым она все-таки заставляла себя проглотить... хотя бы часть, то желудок, точнее его кашеобразное содержимое, есть было

невозможно, даже несмотря на всю ценность и незаменимость для метаболизма кваржьего тела. Пусть там будут самые редкие витамины и прочая невосполнимая другим способом прелесть. Да, она помнит уроки. О, эти уроки! Кошмарные уроки морфологии и биохимии! Хотя в эту кваржу она менялась не сама, ее тело нарастили и изменили в инкубаторе. Но свое тело надо кормить правильно. Она брезгливо вскрыла грудную клетку, прижала передними ногами вывернутые ребра и, подцепив клювом трахею, вырвала и отбросила легкие вместе с сердцем. Потом выдернула пищевод и, осторожно разорвав диафрагму, взяла добычу за спину и вытряхнула себе под ноги желудок с кишками. Отнесла выпотрошенную тушку в сторону и вернулась к дымящимся внутренностям. Критически осмотрела их и быстро проглотила прямую кишку с пометом травоядной антилопы, так полезным для пищеварения плотоядного хищника.

Как-то в детстве она впервые сама, без инкубатора, изменилась в некрупную желтую львицу. Счастливая и довольная, вылезла на третий день из ванны и позволила Генри осушить мягкую короткую шерсть. Три дня мучений можно было благополучно выбросить из головы. Она так старалась, что даже украсила шкуру темно-золотыми разводами по бокам и контрастными шоколадными кольцами на длинном хвосте. Она в благостном удовольствии жмурила янтарные глаза с зелеными искорками и, растянувшись на постели, не могла дождаться, когда же сможет обрадовать Джи. Ему понравится!

Император пришел, и она растаяла под его рукой, прогладившей львиное тело от кончика носа до хвоста. Даже невольно замурчала. А он вдруг жестко схватил её за шиворот и затащил в карцер. Молча застегнул ошейник и вышел, захлопнув дверь! Крошка закричала и прыгнула вслед, но короткая цепь не пустила к двери, да и дверь не открывалась изнутри. Хотела измениться в человека, но ошейник блокировал метаморфозы. Генри в обычное время приносил еду, а Крошке было плохо. Она не могла понять, за что Джи наказал ее? А на второй день стало еще хуже. Она думала, что голова кружится от темноты и тошнит от несправедливости. И только когда тело перестало усваивать пищу и начало умирать, тогда она наконец тщательно проверила звериное тело и поняла. Она слишком торопилась, увлеклась полосками, но забыла правильно построить тело, забыла эти противные железы для пищеварения и гормоны... Крошка уже теряла сознание, когда Генри отнес её в инкубатор. Джи оставил её в теломорфе львицы на два долгих месяца. И даже оставил эти дурацкие полоски и разводы. Хотя она бы с радостью от них избавилось, но не решилась — было стыдно.

Так что гадость не гадость, а хищному телу нужна всякая дрянь, и она будет эту дрянь есть! Антилопы катышки, завернутые в оболочку все еще теплой и слегка скользкой кишки, глотались одним куском, как подогретая мягкая колбаса. Она ещё немного подумала и исключительно из чувства долга быстро вырвала и съела еще три куска кишок, возблагодарив природу, предусмотрительно наградившую кварга малочувствительными органами вкуса. Но есть желудок и пенистые пружинящие легкие... Бр-р-р! Нет. В конце концов, она не настоящий кварг и ее буйный метаболизм сноваживущего тела пускай вылавливает все полезное из того, что она есть может. И так она ест достаточно мерзостей! Вернулась к отложенной тушке. Встав на плечи распотрошенному тельцу, мощным движением шеи оторвала голову и острым клювом отрезала лоскут шкуры — последнее, на чем безрогая глазастая голова антилопы всё еще держалась за тело. Повозившись с ногами — большим клювом не очень удобно разрезать маленькие суставы — открутила и хрупкие худосочные ножки с копытами. Разорвала тушку и проглотила мясо вместе с костями и

шкурой. В кустах неподалеку за ее спиной затаился гривистый шакал. Крошка фыркнула и пошла к логову. Вот пусть мелкий вонючка радуется, что она не настоящий кварг. Настоящий кварг слопал бы и шакала. А она его подкармливает, требухой да рожками-ножками.

В нудных пустошах еды хватало. Всякая бегающая еда в шерсти и в перьях была доступна быстрому хищнику. Например, дикусы. Ей нравилось мясо жареного на вертеле дикуса, но сырой... Потрошить или ощипывать громадным клювом нежную птичку неудобно. Пробовала снимать с дикуса перья вместе с кожей, но тонкая кожа только рвалась маленькими лоскутками, а внутренности оказались на редкость вонючие даже для кваржиного слабого обоняния. Набив полную глотку перьями и с трудом отплевавшись, Крошка вычеркнула дикуса из своего меню.

Как она была наивна в детстве! Ей так хотелось научиться превращаться. Так нравилось менять тело, получать новые ощущения! Джи не дал ей ошейник, то есть она может измениться? Но он ничего не сказал. Они расстались так странно. Он просто не успел. Она больше не может! Её душа устала болеть. Но она так соскучилась! Возможно, просто прошло много времени, она устала быть одна, а боль с обидой выдохлись и теперь казались не так важны. Она — неделимая часть Джи! Незаменимый и вечный исполнитель!

Как же хочется вернуться в человеческую морфу! Но она больше не будет глупой Хакисс. Хакисс всё время попадала в неприятности. Хакисс не могла активировать скан полностью и из-за этого умерла на Гайдере! Она не хочет быть Хакисс. Надо исправиться, измениться! Это Хакисс убили на Гайдере, это Хакисс хотела убить Джи. Она не будет Хакисс! Она забудет тело и мысли Хакисс, она не будет ей никогда!

Крошка стояла, тихо постанывала и тянулась изо все сил, тянулась сканом и молилась Джи.

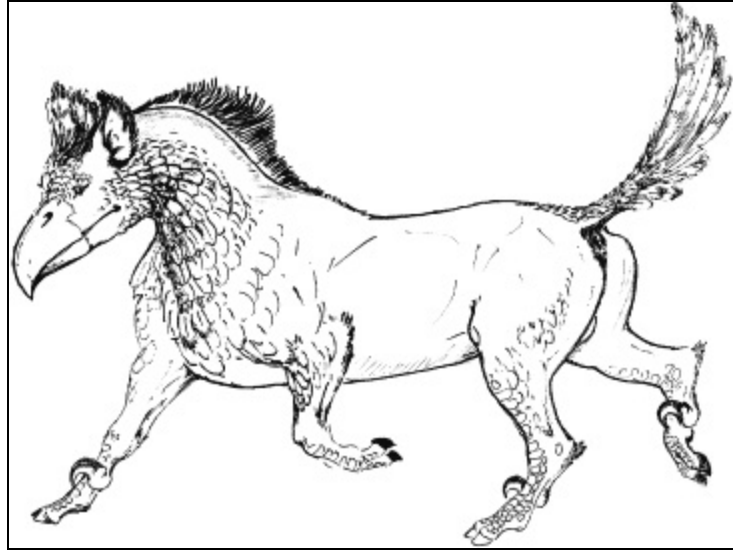
«Прости меня, прости... Я люблю тебя! Я буду держать себя в руках, не буду нарушать правила. Я буду стараться, только забери меня отсюда! Я не хочу быть одна! Я не могу быть одна, я изменюсь...»

Крошка резко закричала. Она вполне дотягивается до Джи, она теперь дотягивается куда угодно. Но нельзя мешать! Нельзя быть назойливой. Как сделать, чтобы он ответил и простил её? Коснуться, не касаясь?

Крошка мысленно сжалась в тонкую струну, растянулась сканом и словно зависла в шаге от Джи, в полуметре от возвращения домой.

И Джи ответил! Послал мягкое касание, как будто погладил перышком и сказал: «Жди».

Хакисс сорвалась в бег. Джи ответил! Да! Она умеет ждать и уже совсем-совсем успокоилась. Она не будет надоедать! Джи ответил и снова исчез, но она поняла свою вину! Она поняла, что надо делать, что она может сделать! Она станет Стивом. В теломорфе Стива ей всегда было хорошо. Стив не нарушал правила. Стив живет для Джи! А пока она изменится в самца кварга...

Не может пропасть чего не было,
Не видели даже глаза.
Мечта ожиданием вымерла.
Слеза? Не поможет слеза.

И дни сосчитать не получится.
Твой пульс не стучится в ответ.
Лишь память пургою там выюжится.
Но не было, значит и нет.

(дневник шестой Крошки)

* * *

Мысль привычно скользила по окрестностям гнезда: травка, кочки и кусточки, искорки аур зверюшек, чуть более яркий всполох стайки дикусов... Шакал вылез из свежееотрытой норы и потрусил к самке с месячными детёнышами, оставленной за дальними холмами...

Последние несколько дней Крошка провела, убеждая себя... Нет! Провел и убедил! Он теперь Стив! Стив медитировал в теле кварга. Размеренно шагал по кругу, с каждым ударом копытец вбивая в память: он — Стив. Ночью вместо сна молился: он — это Стив, которого любит Император. Вылавливал дорогие воспоминания, когда после рабочего дня экзекутор в морфе гибкого юноши оставался наедине с Джи. Бывало, что Джи просил Стива танцевать и любовался точеной пластикой морфы. Джи обнимал его с бесконечной нежностью сканом или даже перехватывал управление телом и, унесённый ритмом, двигался сам, а Стив исчезал в единстве души и тела. Вспоминал, как Джи приходил в зал на тренировки, и Стив чувствовал его ауру, сбивая ножом уток или во время боя с муляжом... А иногда Джи не

просто наблюдал, а учил полностью погружаться в работу: создавал фантомы прикосновений и мешал сосредотачиваться...

Кварг сел и встряхнулся, отбрасывая нежелательные ощущения. Не надо сейчас про прикосновения!

Да. Стив безупречен как экзекутор. Пока по решению Джи он в теле кварга. Конечно, он изменил теломорфу. Нелогично Стиву быть в теле самки. Кварг крупнее и сильнее, чем кваржа.

Мощный желто-охряной зверь довольно откинулся на бок и вытянул ноги. Развернул скан вдаль и вширь.

Семья шакалов деловой трусцой, подгоняя малышню, направлялась к северу. Где-то там, далеко по гряде, пришёл сосед-кварг, расцарапал старые пограничные метки и удрал. Что-то зверьё всё разбегается... А вот и причина: к складу густой массой приближался разноголосый сигнал — идут кочевники, обгоняя стада пузатых овец. Мелкие пегие овечки редким ковром разбросаны по степи. Вроде бы и не двигаются, а просто пасутся, но когда успели подойти так близко?

Уставшие яки втащили крытые телеги на окоლოსкладскую площадь, которой кончалась дорога, и выстроились полукругом. Люди высыпались из фургонов, забегали как муравьи в потревоженном муравейнике. Кочевники в широких юбках и шароварах, с клановыми татуировками на лицах обозначили контуры юрт на брусчатке, заросшей мелкой травкой. Распрягали яков, разбирали фургоны, открыли склад, мельтешили туда-сюда, таская вещи. Стив рассеялся сканом по беспорядочной толпе, слушая разговоры, смотря их глазами, улавливая чужие чувства.

— Нет, маленький мой (нежность, забота), ты пойдешь размечать забор на следующий год! А сейчас (легкое раздражение) держи стойку ровно, видишь, надо попасть в ямку... Марех, поставишь со мной курятник и теплицу? (Благосклонность, дружба, воспоминание о совместной работе, смешной случай, как свалился со стремянки, ошибочно шагнув мимо). Они лежат в самом низу, за культиватором, а я пока принесу рассаду. Куриц потом Жалли и Себра принесут. Эйкилла (дружба и зависть — зачем коротко стрижется, могла бы быть обалденная коса), пойдешь со мной в паре на ягнятник? Нет, доча (ласка, усталость, раздражение), ты уже выросла с детьми по степи бегать, нам надо прогреть кухню, я тебе говорила. Да, Лайв (гордость за сына) отправляется в обратную дорогу! Ронах, я уже иду, я лодку понесу!

Десятилетний, брызжущий счастьем пацан высунулся из фургона. Стив уцепился за это счастье, нашел Ронаха, вошёл и растаял от нежности к младшему братишке. Ронах с группой подростков во главе с андроидом шел по складу. Надо же, у них есть андроид! Но нет, у этого андроида нет ментального управления, значит андроид его не услышит, им нельзя управлять мысленно. А большинство людей не чувствуют присутствие чужой мысли в сознании. Хотя даже специально тренированные и привычные к мысленному общению ажлисс не всегда могут заметить, когда их подслушивает экзекутор.

Андроид начал снимать с полок и раздавать детям торбы и рюкзаки, полные пятисантиметровых дисков.

— Это мой рюкзак, я его сюда положила, я его и возьму! — девушка с короткой стрижкой попыталась перехватить сумку, но стоящий перед ней парнишка оказался шустрее.

— Дебра, не надо ссориться, — вмешался андроид. — Возьми другой рюкзак, они все одинаковые!

— Нет, я хочу свой! Карах осенью выбивал колышки ногами, я не хочу его кривые диски! — Дебра сдернула с верхней полки полотняный мешок. Сунула в него руку и раздраженно ткнула в лицо андроиду диск с торчащими из доньшка шипами, словно мертвого огромного жука. — Вот! Крепление даже внутрь не убралось!

— Карах, это твоя работа? — андроид взял сумку с испорченным забором.

Карах скис, молча кивнул и отдал Дебре её прошлогоднее имущество.

— Карах, иди в мастерскую и исправь! Ты понимаешь, что нельзя так играть? Запасные колышки знаешь, где лежат. Но в следующий раз говори сразу... И ты, Дебра, ты тоже должна была предупредить, что Карах сломал диски! Зима прошла, когда можно было вовремя заказать новый забор! А что если нам не хватит колышков?

— Шон! — маленький мальчик дернул андроида за рукав. — Мне папа разрешил тоже забор ставить! Я с Ронахом пойду за реку!

— Хорошо, Скайвилла, — андроид протянул ему палочку коммуникатора. — Какой сегодня день?

— Пятое столетие Империи, шестьдесят третий год, первый день шестого месяца!

— Молодец! Найдешь в навигаторе схему загонов на завтра?

— Конечно, я давно умею, — Скайвилла сунул комм в карман. — Дай нам лодку!

Одиночество, мучившее Крошку несколько месяцев, лопнуло и разлетелось, как дым, развеянный крыльями цветных мотыльков. Люди были счастливы, что добрались домой. Что пришла теплая солнечная весна и впереди несколько месяцев дружной работы на земле. Что овцы уже близко — того и гляди начнутся окоты, и всё завертится вокруг заготовок ценных ягнячьих шкур. Потом праздник лета и свадьба новичка Дараха, пришедшего из города в племя за своей любовью Яникой... Люди общались, излучая греющие эмоции, как цветы выделяют нектар, а Стив их пил, перелетая невидимой бабочкой от одного к другому, пробуя их неслышными касаниями скана и сопереживая.

Отец с сыном вывели ту странную тяжелую машину на маленьких колесах и, обойдя здание, остановились на дороге. Сын нёс лопату и лом с молотком. Ага, машина умеет ездить сама, но медленно. И, ага, это называется вибратор — утрамбовывает брусчатку и песок в пазах между камнями.

— Видишь, Лайв? — отец по имени Ройкилла выключил вибратор и указал на расползшийся участок брусчатки. — Вот отсюда и дальше пройдишь по окраинам.

— Я буду один? Это ты меня так наказываешь, да? — В памяти недовольного Лайва промелькнуло, как он вместе с Эйкиллой (Стив увидел прекрасную девушку) уехали с зимовки на быках, а потом решили покататься на них без ошейников. Як Эйкиллы шарахнулся от волков, Эйкилла свалилась. Лайв спрыгнул к ней, а потом они долго добирались пешком домой, так как быки удрали. Пастух, посланный искать их верхом на кварге, пригнал домой только одного. Второго успели задрать волки. — Можно Эйкилла будет со мной работать?

— Конечно, Эйки виновата, как и ты, но не женское это дело — камни ворочать. Не хочешь один — я Дараха попрошу. Он городской, ему с машинами сподручней, — отец присел и выковырял камень в форме звезды. Расчистил от земли и показал сыну. На обратной стороне было выбито: «в году сорок третьем Валлах». — Смотри, это твой прадед высек. Не наказание это, а семейное дело.

Ройкилла отложил камень в сторону и встал:

— Можешь начинать, а сюда будешь камни складывать. Дараха я пришлю...

На стойбище уже стояли полукругом каркасы уверенно растущих юрт, накрытых стеганными из овечьей шерсти стенами. Затем еще верхний охранный чехол, пол, очаг посередине... Вот дикие люди! Почему они живут в юртах, когда могли бы поставить на всех площадках нормальные бытовые секции?

— Эй, Дарах, — отец Лайва постучал по дверному проёму наполовину поставленной юрты. — Поможешь Лайву с оправой дороги?

— Добрдень, Рой, — из недостроенной юрты выглянул молодой мужчина со множеством косичек и лицом без кочевничьих татуировок. — Э... Это вы меня отсылаете прочь из племени?

— Мы не всё быкам уши крутим! Две декады поковыряешь брусчатку, а потом вас кто-нибудь подменит. За песком съездите к оврагу, Лайв знает куда, только к вечеру, когда яки отдохнут. Пока вам хватит работы вытаскивать да снова укладывать камни.

— А как же ритуал?

— Успеешь своего ягненка убить, на полдня вернёшься, — засмеялся старший. — Татуировки же клановые сделаем на празднике, после забоя.

Стив раскинул скан вокруг лагеря. Дети разбежались по степи. Сверяясь по навигатору, бросали диск на нужное место и придавливали плоскую верхушку ногами. Младшие же увлеченно скакали по дискам двумя ногами сразу. Диски выпускали шипы, укреплялись в земле и соединялись сигналом в ограду, которая удержит овец, но отпугнет хищников.

Ронах с братом уже были у реки. Ронах напоминал Стиву Фариссу. Мирный и странно кроткий. Он был искренне рад цветущей утренней степи, и совсем не страшно, что даже не выспавшись толком в тесном фургоне, встал ни свет ни заря и топаёт аж за реку. Радовало его и то, что говорящий без остановки младший брат увязался следом. Скайвилла гордо тащил объемный тюк с лодкой и, от избытка старательности, небольшую торбу с дисками. Ронах впрягся в два тяжелых рюкзака, но и это давало ему дополнительную радость. Стив удивлялся: он бы ни за что ничего таскать не стал. А на что существует стюард? Но этим людям нравилось тяжело работать.

— Пустишь меня грести? — Скайвилла выложил из сумки сложенные в короткую вязанку весла и расстегнул застежки тюка. Узкая двухместная лодка развернулась и подпрыгнула на берегу. Ронах растянул и вставил в неё решетчатое дно. Скай шустро столкнул лодку в воду, удерживая за веревку, привязанную к носу.

— Ты маленький еще, у тебя сил не хватит, — Ронах переложил в лодку сумки и сел в траву собирать весла. Стив млел в сознании Ронаха, ощущая его руками прохладную твердость расправляемого в лопасть пластика, одежду на теле, ветерок на коже и представляя, что он снова человек.

Скайвилла подёргал за веревку и вбежал на валун, сходящий коротким пирсом в воду. Лодка послушно повернулась, Скай притянул ее ближе, покачал. Держась за веревку, перебрал руками по борту, нацеливая лодку на другой берег, взялся за корму и... прыгнул в лодку. Лодка, резко просев, сорвалась по течению.

Стив уронил Скаю на дно — еще выпадет!

— Скай, не двигайся! — Ронах схватил оба весла и рванул вдогонку по берегу.

Легкая лодочка налетела на камни, крутанулась и застряла в зарослях прошлогодних камышей.

— Ты совсем сдурел? — Ронах отбросил весла и, сняв штаны и обувь, полез в ледяную воду. Дотянулся до борта, перебрал руками и нащупал привязанную к носу веревку. — Молодец, что лег. Можешь сесть, балбес!

Крошка напряглась — сейчас маленький получит!

Но Ронах просто вытянул лодку к берегу — в камышах она надежно удержится.

— Это было быстро! — заулыбался Скай.

— О да! Великий потомок великого мореплавателя Скайвиллы не успел уплыть в южный океан! — Ронах сделал зверскую рожу, вытерся штанами и оделся. — Весла-то на берегу остались, дурень!

Братья переправились на другую сторону, сложили лодку и пошли по дуге, расставляя забор так, чтобы вернуться к реке выше по течению. Стив провел с ними весь день. С удовольствием впитывал ощущения человеческого тела; лучей солнце и дуновение ветра на лице; ловкость пальцев и палитру эмоций; вкус лепешек, фаршированных жареным мясом с овощами, пахучего чая с топлёным молоком... Увлёкся настолько, что забыл о себе и собственной еде.

Вечером, после общего ужина пирогами с вареньем, андроид собрал детей в комнате с экранами — учиться? И правда, старшие расселись перед индивидуальными экранами и включили свои программы. Ронах изучал кораблестроение, и Стив переместился к младшим, складывавшим плоские голограммы головоломки, превращающиеся в результате в трехмерные.

— Дети, Скайвилла чуть было не уплыл на юг, но лодку прибило к берегу и ничего плохого не случилось. Но, чтобы больше вы не делали необдуманных поступков, я расскажу вам сказку, а Скайвилла завтра во время занятий подготовит рассказ о своем деде двенадцатого колена, который работал на корабле. Итак, сказка.

Давным-давно, когда мир был ещё рассыпан на отдельные планеты, а люди жили каждый для себя и не ведали о своем единстве, пробралось в мир маленькое словечко «зачем».

Слабое и ненужное, оно долго лежало в степи и трогало растущую рядом травинку: «Зачем? Зачем ты растёшь? Зачем качаешься? Зачем ты зелёная?» Молчала травинка. Тогда словечко повертелось, покрутилось и пробралось в сознание травы, но не нашло там отклика. Есть у растений жизнь, но нет у травы сознания, не осознает трава, что живёт. Растёт она и зеленеет, потому что манит её солнце, наполняет вода, питает земля, а разума у травы нет. Заскучало словечко, прыгнуло в овцу, нашло сознание у животного, обрадовалось и спросило:

— Зачем траву кусаешь, зачем бе-бе-каешь, зачем бегаешь? Зачем ты живёшь, овечка?

— Не понимаю я, что ты спрашиваешь, — ответила овечка. — Нравится мне вкус травы, поэтому кусаю траву. Бе-бекаю потому, что зову деток своих, товарок в стадо собираю. А бегу потому, что новую травку ищу или от кварга кусачего спасаюсь!

Словечко к другой овечке прыгнуло, а та то же самое говорит. И третья, и десятая.

Скучно стало словечку в овечьем стаде, и пристало оно к кваргу.

— Кварг, ты один живёшь, зачем? Зачем других кваргов гоняешь и зачем даже жену свою близко не подпускаешь?

— Не понимаю я, что ты спрашиваешь, — отвечал кварг. — Мне другие кварги рядом не нужны. Зачем? Моих овечек ловить? А жена сама меня гоняет, когда не сезон. Боится, что я её овечек съем и нашему маленькому мясу не достанется. Не хочу ей мешать. К ней не хожу,

пока сама не позовёт. Я сильный, один живу! И жена у меня сильная! Ей никто не помешает!

Прыгнуло словечко к жене кварга и то же самое услышало. Тогда решило словечко мир обойти, понять, зачем оно всё?

Долго бродило словечко степями, бегало с дикусами. Лезло горами, прыгало с козами. Плавало с рыбами в реках и с китами в морях. Летало высоко с орлами и низко с перепёлками. Всё живое разное, но всё такое одинаковое. Поняло словечко, что есть у животных сознание, но нет у животных разума, не думают они, зачем живут. Скучно стало словечку и неинтересно. Выскользнуло оно незнамо где и уже не помнило из кого. Лежало и грустило — позабытое, позаброшенное. Не ведало, что дальше делать, как дальше жить?

Однажды шёл мимо человек. Увидел словечко между камешков, печальное и бессильное. Подобрал, рассмотрел, в тряпочку завернул, в торбу уложил.

Словечко выкрутилось, выпуталось и в голову человеку прыгнуло.

— Зачем ты живешь, человек?

— Здравствуй, словечко, я учёный. Всё собираю, всё описываю, хочу всё понять! Вот тебе страничка моего дневника, живи со мной!

Весело стало словечку. В дневнике много страничек! Каждый день можно спрашивать и всегда разное. Интересно словечку с учёным — на каждое новое «зачем?» рождается еще больше «зачем». Вечерами, после ужина, приучилось словечко спать. Заползет на странички дневника, свежими чернилами пахнущие, закопается в новые вопросы, уходящие в прошлое, и спит. Тепло ему там и уютно. А учёный рядом ночует, у костра греется.

Но однажды проснулось словечко. Шум, гам кругом, крик! И вдруг тишина... Непонятно. Неуютно. Выскочило словечко из дневника — учёный мертвый лежит. А в его вещах другой человек роется, незнакомый. Разглядывает всё и разбрасывает.

— Зачем ты убил учёного? — спрашивает словечко.

— Вот незадача, тут ничего ценного нет, — отвечает человек. — Зачем я его убил? Увидел, что сумка большая, а он отдавать её не хотел. Я думал, раз он так за сумку держится, там богатство немереное! Я богатым стану, большой дом куплю в сто комнат... А тут и нет ничего интересного.

Удивилось словечко: вот они какие люди! Странные да непонятные! Что одному ценно и интересно, для другого мусор ненужный! Убивают, да не едят!

И решило словечко с новым человеком путешествовать, мир его глазами изучать. Только новый знакомый словечко от себя отгонял и ругался: беспокойное словечко ему не нравилось, вопросы раздражали, да и свидетель убийства был не нужен. Кстати, этот человек вскоре тоже умер. Он с более ловким убийцей из-за чужого богатства подрался да проиграл. А словечко к новому попугачику перепрыгнуло. А потом к его соседу, к подруге соседа, к знакомому да к прохожему. Дальше прыгало и дальше. И чем дольше словечко с людьми жило, тем больше не понимало и печалилось.

— Зачем? — плакало словечко. — Звери других зверей убивают ради еды. Или гнездо, партнёра и детей своих защищают. А человек зачем? Бывает, что убьёт и ещё дом разрушит, целое, нужное и интересное уничтожит. Посевы сожжёт, скотину побьёт, колодцы отравит. Кварг кварга не ест, а люди и такие есть, что друг друга едят. Что одному радость, другому зависть. Что одному жизнь, для другого смерть. Сознание у людей слишком разное! Разума много, но каждый за себя думает, общего нет, а зла слишком много!

Совсем устало словечко, запуталось и больше ничего не хотело. Ушло в бесплодные земли, где нет людей и нет никого живого. Заползло глубоко в трещину между камней и

плакало, что глупое оно и ненужное никому. Чахло словечко и сохло, и приготовилось умереть. Но вдруг почувствовало тепло человеческих рук — поднял его Джи и обнял любовью своей.

— Зачем, — прошептало словечко. — Брось меня! Люди — это непонятность, страдания и зло. Я не хочу снова мучиться. Ненужное я. Нет для меня места, нет для меня смысла быть.

— Ты хорошее слово, я возьму тебя с собой, — ответил Джи. — Я Император всех людей, а ты мне поможешь сделать так, чтобы хорошо стало всем: траве и овцам, людям и кваргам. Поможешь найти равновесие и добро. В мире будет любовь и радость. А каждый найдет смысл жизни и сможет жить так, чтобы хорошо было всем.

— Трава ничего не хочет, а овцы и кварги хотят так мало и все одно и то же! — заплакало словечко. — Люди же все разные: что хорошо одному, другому плохо. И многие хотят злое! А некоторым людям хорошо, когда другим плохо!

— Увидишь, — сказал Джи. — А ты, маленькое любопытное словечко, поможешь мне отделить зло от добра. Зло же мы с тобой выловим и научим, как добро делать.

Пошёл Джи искать себе друзей-помощников, собирать людей в племена и дозены. И каждого встречного проверял с помощью словечка «зачем».

Те, кто может видеть до глубин души человеческой, читать самое сокровенное, то, что и сам человек о себе не знает, такие помощники стали пастухами людей — дознавателями. Дознаватели помогают людям выбрать работу, проверяют истинные помыслы, заключают семейные союзы, подтверждают цель жизни людей своего дозена. Дознаватели следят, чтобы никто не имел больше для себя, чем надо человеку для гармоничного счастья. Стараются, чтобы каждый занимался тем, что ему больше по душе, но чтобы никто не причинял зла ради добра одного на укор многим.

Те, кто любит опасность, ищет приключения и сражения, стали защитниками — спасателями. Они всегда там, где нужна сила и храбрость, там, где землетрясения, пожары и наводнения. Там, где надо вылечить эпидемии, остановить конфликты. А из самых смелых и умелых сложилась Императорская гвардия.

Те, кому было интересно играть со словечком, стали Лаборантами.

Кому нравилось создавать новое, играть с механикой и конструкциями, стали Техниками.

Каждый нашёл дело по душе, и каждый знал, что никто не помешает ему трудиться, так как защитят его спасатели. Никто не будет завидовать, так как дознаватели помогут завистнику найти такое дело, чтобы и человека радовало, и польза всем была.

А для тех, кто не мог удержаться и справиться со своей жадностью, для тех, кто нарушал общее благо и равновесие, для них Джи придумал ошейник, который помогает человеку справиться со своими безответственными мыслями и жить в обществе, не принося вреда.

Построил Джи с помощниками базу в том месте, где нашёл словечко. Долго размышлял, исследовал жизнь и смерть вместе с лаборантами. Изобретал и испытывал инструменты вместе с техниками и открыл бессмертие. Его помощники стали ажлисс и, отказавшись от личного и корыстного ради общего, делают так, чтобы не прерывалась традиция заботы о людях, и постоянно берегут мир.

Но все в мире стремится к равновесию. Много добра сделал Император, но и много зла оказалось бездомным. Поэтому создал Император Экзекутора, как орудие своё, и поместил в него всё зло. Переполнен Экзекутор людскими пороками и дурными мыслями, но

Император сказал: «Я силен настолько, что могу удержать зло, и умен настолько, что не выпущу опасность. Буду я жить вечно, чтобы не пришел кто-то другой и не нарушил равновесие, сделанное мной». И оставил Экзекутора рядом с собой, как вечного спутника, чтобы зло не могло бегать свободно.

* * *

Стив шарахнулся в себя. Глубоко и медленно задышал, успокаивая неожиданно галопирующее сердце. Какая-то нелепая детская сказка! У глупого Скайвиллы есть двенадцатый дед. Даже, наверное, есть сороковой! Целая цепочка дедов и бабок. Родители. Маленький несамостоятельный Скайвилла знает, кто он и где он в череде поколений.

Крошка не человек. Экзекутор не человек и даже не ажлисс! Сделанная Императором сущность... Оружие. Часть целого.

«Экзекутор может подарить самое большое удовольствие и создать самый большой ужас. Экзекутор может управлять людьми или ажлисс. Экзекутор единственный имеет право убивать».

Стив выпустил скан, нашел газель.

Он слишком увлекся людьми. Целый день слушал сказки, жил чужие жизни. Надо поест. Вылез из гнезда, побежал навстречу ужину.

Не глядя, схватил острым клювом подошедшую на призыв газель, мотнул головой и сломал ей шею. Придержал ногой бьющееся тело. Проглотил кусок и подождал, пока невидимая глазами, вязкая и тёмная в чёрной тьме, вытечет кровь. Фыркнул. Крошка. Кусок. Часть целого, часть Джи. Рука без своей воли.

Наступил на грудь неподвижной газели и вскрыл ей брюхо.

Набив желудок, побрёл спать.

Молиться не хотелось. Орудию не нужны молитвы. Достаточно сигнала. Джи сказал ждать.

Глава 13

Кочевники

А когда всё уходит, останется, в самом деле
Одиночество внешнее, внутреннее «быть может».
Не по мерке душа колыхается в новом теле,
Время, мелкий зверек, боль твою до костей изложет.

Но пока ещё здесь, в отгороженной степью были,
Чьи-то чувства наполнят, а собственный гнев — напоит.
Что без привкуса — помним, иное уже забыли.
А бежать от себя и его — слишком много стоит.

(архив Св. Райны)

Как вовремя пришли люди! Стив про себя захихикал, вспоминая, как кваржа сходила с ума от одиночества.

Как же Хакисс хотелось, еще в самом начале ссылки, найти человека и прочитать, пережить с ним воспоминание о чем-нибудь хорошем! Раскачать чужие эмоции до экстаза, впитать чужой восторг как свой собственный — срезонировать чужую любовь... Но даже она понимала, что безумное чувство всепоглощающего наслаждения, которое она привыкла получать от Джи, на самом деле можно получить от кого угодно. Просто нужен живой человек. А это было жестоко — оставить её совсем одну, без возможности получить хоть чуточку любви!

Отрастить жало и брать энергию напрямую с кровью от зверей? Получить сразу заряд счастья... Но не будет ли это нарушением? У кваргов никакого жала не бывает. И из кваржиного клюва неудобно. К тому же Джи учил, что брать энергию биополя можно только в крайнем случае — она и так нарушала это правило с Фари... Но Фари, увлеченная фантомами, так ни разу и не заметила, что подружка — кровопийца. А прихвостень как-то узнал — он же кормил ее... Но прихвостня она убила!

Хакисс в теле кваржи приманила первого попавшегося кварга, разожгла в нем звериную похоть и заставила вскочить на себя. Но краткая вспышка звериного удовольствия не принесла ни физической, ни эмоциональной разрядки. Животные не годились. Их счастье было быстрым и простым. Вспыхнуло на краткий миг и не дало всей палитры удовлетворения. Только раздражило, а давящая пружина желания скрутилась еще туже.

Стив осторожно почесал острым копытом ухо. С кочевниками интереснее.

Конечно, он к ним вернулся — не смог отказаться от подслушивания. Маленький, но бурливый источник человеческих эмоций и ощущений растворил и унес звериное одиночество. К тому же у кочевников Стив впервые уловил странно дразнящее излучение взаимной зависимости. Нет, скорее взаимной необходимости? Самостоятельные члены племени жили вместе по собственному желанию. И могли в любой момент разойтись. Разбежаться в другие кланы, переселиться в город, стать моряками, космолётчиками, да хоть уйти жить на другую планету! Но им нравилось быть вместе, заботиться друг о друге. Да, ажлисс тоже заботятся о людях. О всех людях, потому что люди нужны для существования цивилизации, но как-то не так. Он тоже нужен Джи, а Джи нужен ему. Экзекутор — неотделимая и вечная часть Императора. Нет, не так! Он сам хочет быть с Джи! Хочет вернуться! Он — часть Джи, и это его желание!

Запутавшись, Стив выбросил дурные мысли и нырнул сканом в манящий костер аур. Это нужнее пищи, необходимее молитвы. Это стало привычкой — засыпать и просыпаться в чужом, нет, в ставшем родным, сознании Ронаха.

На несколько дней дети и часть взрослых племени Узкой реки, разбившись на пары и вооружившись фонариками, коммуникаторами и спальными мешками, переселились в необъятные овечьи стада — ждали, какая овца откроет сезон. Кто родится первым: овечка или барашек? Сколько будет иметь братьев и сестер? Какой будет расцветки?

Пегие короткошерстные овцы лениво щипали траву или лежали, пережёвывая жвачку. Скайвилла и Рон беспрестанно обходили свой сектор, напряженно всматриваясь в похожих на раздутые меховые тюки животных: не горбится ли? Не шевелится ли рядом черный детеныш? Стива тоже захватил азарт, и он еле сдерживался, чтобы не простимулировать

какую-нибудь овцу прямо перед глазами ребят. Но это было бы нечестно. А потом он даже подпрыгнул и закричал вместе со Скайвиллой, заносящим в комм номер увиденной роженицы. К сожалению, андроид, принимавший статистику, ответил, что Скайвилла оказался девятым, и его барашек с белым носом — признаком урожайного года — не новогодний. Скай вместе с остальными детьми отправился спать, а Стив смог наконец-то избавиться от паразитов, набившихся в гнездо, которое не решался вычистить раньше — боялся пропустить рождение ягненка.

А с самого раннего утра кочевников захлестнула кутерьма. Ежедневно в поселении каждый человек был чем-то занят, но сейчас от людей эмоциональным фейерверком разлеталась праздничная суета. Люди не ходили, а бегали. Не разговаривали, а вскрикивали. Даже бабки с девчонками, разбиравшие ленты и плетущие длинные косицы из цветов, не сидели чинно и рядком на лавке, а распевали и подпрыгивали.

Песню подхватывали и даже пытались притопывать в лад и мужчины с женщинами, выносившие из склада высокие треножки с крюками, рамы для сушки кож, закопчённые чаны и кастрюли, ящики с инструментами. Все раскладывали, расставляли и собирали в отдалении на расчищенной голой земле. Там же вкапывали и укрепляли очаги для разогрева химикатов, готовили в ведрах смеси и вонючие жидкости для обработки шкур. А ближе к юртам соорудили навес, разместив под ним кухню и длинные столы.

Ронах заварил в трехлитровый термос чай. Положил в корзинку два пластиковых контейнера со вчерашними пирогами: капустным и яблочным. Направился к фургонам, догоняя девушек и девочек в венках и праздничных одеждах. С бывших передвижных домов сняли верх, и теперь они выглядели как телеги. Несколько загонщиков и пастухов запрягли быков.

— Ройкилла, — Ронах нашел вождя. — Пойду отнесу завтрак Лайву и подмену Дараха. Останусь работать на дороге вместо него.

— Что, опять не хочешь с урожаем возиться? — Ройкилла перехватил вожжи и влез на передок. — Я уже послал на подмену Никсилла.

— А я с ним поменялся. Он сейчас придет — сестру уговаривает. Та хотела в загонщицы вне очереди. Вон, уже бежит!

— Забирайтесь оба, а тебя мы подвезём по дороге! — Ройкилла придержал быка, потянувшегo за разъезжающимися возами.

Стив увидел в памяти Ронаха ободранные тельца ягнят, маленькие шкурки и тошноту от традиционного кровавого супа с потрохами. Ну вот, у всех радость, а у Рона нехорошие ассоциации. Он же человек, у него столько возможностей чувствовать! Например, есть корзина в руках! Стив сосредоточился на ощущениях от плетёной, высоко выгнутой ручки. Погладил пальцем Рона по бороздкам и прутикам, придавил круглые пуговички срезов от сучков. Глубоко вздохнул, принюхиваясь к тяжелому запаху солевой ячьей шерсти. Повозка тронулась, и Стив, смотря глазами Рона, старательно задерживал внимание на группах цветущих растений, пытаясь сосчитать все синие или вон те желтые соцветия, пока повозка ехала мимо. Рон послушно разглядывал степь и забыл о неприятном.

Довольный Стив оставил Ронаха завтракать с Лайвом и погрузился в Праздник первого ягненка, перелетая от одного человека к другому...

Дети бегали среди овец и разделяли отары, подносили взрослым ягнят. Пастухи осматривали потомство, ловко метили чипом более сильных и крепких и выпускали вместе с матерями из родильного загона. Часть ягнят отбирали на шкурки и тут же убивали.

— Дарах, нет, не за передние! Подними его за заднюю ногу. Просто ухвати над пяткой и ткни парализатором. Лучше в глаз, но можешь просто прижать к голове около уха. Кнопку нажми. Вот и все. Карис отнесет его в телегу...

С песнями и танцами девушки привезли в стойбище прошлогоднего новогоднего барашка. Украсили венком и привязали к шесту у юрты вождя. Символ уходящего года отчаянно орал, предчувствуя быструю кончину. Из круговой загородки ему вторила овца, умудрившаяся открыть сезон, и все её пятеро микроскопических отпрысков, похожие на плоских кудрявых паучков. Один из них стал символом наступающего года.

Кипели котлы с фаршем и супом. Дымились костры. Как на конвейере мертвых ягнят подвешивали за задние ноги.

— Дарах, смотри: вот тут, вокруг пяток, а потом два разреза по ляжке к паху: раз-два! Подцепил ножом, чуть потянул, перехватил пальцами и дернул вниз. Снял шкуру чулком, срезал уши, глаза, губы на морде, разрез и еще по передним ножкам. Бросил ребятам, взял следующего, прицепил на свободный крюк... Вот ты уже настоящий кочевник!

Рядом ловкими движениями вынимали внутренности, раскладывали по корзинам, которые тут же уносили промывать на реку. Тушки разделявали, шкурки скоблили. Кухня варила не переставая, но никто толком не ел: так, подбегали притушить голод и возвращались к обработке урожая.

Это сумасшествие длилось три дня, а потом отобранные ягнята кончились. И хотя процесс выделки ценных нежнейших шкурок будет продолжаться еще месяц, но в нем появилось время для свадебного и новогоднего пира.

Дорожные работники Лайв с Ронахом вернулись на праздник, и Стив к своей досаде обнаружил, что после ритуальных хороводов все разбились на пары, а Рон, словно старый одинокий дед, танцует с шестом, увенчанным пестрыми лентами. А ему нравилась Эйкилла, которая, оказывается, интересовалась Лайвом. Стиву Лайв не нравился. Слишком тому все просто: угнал быков, чуть не убил подружку, а потом немножко поковырял камешки... И всё наказание? Ну ничего. Он все исправит! Ронах лучше: осторожный, заботливый. Вон как тогда перепугался за младшего брата, но даже и в мыслях не возникло желание наказать.

Эйкилла послушно отобрала шест у Рона и вручила его Лайву:

— Я передумала! И больше ко мне не подходи!

Стив остался в молодой паре. Фантомы были сильны и увлекательны, а по-настоящему он покормится и пробежится, разомнёт забытое и затекшее собственное тело, когда люди уснут...

* * *

Ночью он подошёл почти вплотную к стоянке на выпасенный овцами участок и залёг в затиши, проломившись в гущу буйно разросшегося и несъедобного для овец вирдиса. Возможно, будет дождь...

Ронах очень мило опекает Эйкиллу. Стив немножко его подтолкнул, капельку раскачал, и вот Рон и сам, без стимуляции, думает только об Эйки. А Эйкилле не все ли равно? Сейчас она запуталась между своими и стимулированными чувствами, но потом привыкнет. Племя выделило им отдельную юрту. На осеннем празднике поженятся. Стив сделал всем хорошо. Не страшно, что он не вылезает из сознаний Рона и Эйки, но что ему еще делать в изгнании?

Стив поймал пробуждение Ронаха, смотрел его глазами и чувствовал его телом. Страшно хотелось дотронуться самому...

— Эйки? — прошептал Рон. — Теленочек?

Стив вошел в спящую Эйкиллу, не открывая её глаз, приподнял сонное тело и потянулся ее губами, раскачивая дремлющее желание. Рон мягко поцеловал, придерживая Эйки под голову. Стив нежился, лаская и принимая, живя сразу в обоих. Под руками бархатистая упругость теплого тела. Захотелось большего. Обжигающего. Испепеляющего! Без тьмы нет света, без боли нет радости...

Кварг с силой разгрёб землю копытом, разрывая корни, а в юрте Рон навалился на Эйки, прижал одной рукой её к изголовью, свободной рукой царапнул по рёбрам. Эйкилле показалось, что ее разрезали пополам. Стив заглушил её крик, смял и раздавил зародившийся испуг у Рона, его собственное тело скрутило жгутом — он покажет им ураган настоящих чувств! Жизнь в степи тоже может быть прекрасна!

* * *

Очнулся от глухого урчания флаера, пролетевшего над самой головой. Генри внутри.

Генри?! Его простили? А Джи не позвал! Послал Генри, как тогда... Но его сейчас возьмут домой? Стив вскочил и чуть не бросился следом, но сразу лег, всматриваясь в точку в небе. Флаер летел в лагерь кочевников. Генри заберёт его домой, и он больше не будет кваргом. Вернётся к Джи. Сердце ёкнуло и соскользнуло к копытам. Простил ли его Джи? Он не знает. Он боится? Да...

* * *

Генри оставил место лёжки кварга позади и заложил крутой вираж — из-под флаера во все стороны пёстрым взрывом поскакали мелкие овцы. Обогнув по широкой дуге отару, стюард выровнял машину. К востоку от стойбища бродили чёрные и лохматые тягловые яки, поэтому Генри пошёл на посадку с другой стороны, и следящий за ним Стив хмыкнул: не нужно дополнительно беспокоить местных жителей. Флаер с эмблемой Императорских лабораторий и так вторгся на земли кочевников в закрытый сезон. Если бы кварга осталась там, в глубине пустошей, то можно было просто сесть и улететь. Но тут миграционные земли, «принадлежащие» кочевым кланам, и даже Император обязан соблюдать формальности.

Генри аккуратно посадил флаер в ста метрах к западу от становища и взял кожаную папку. Подхватил деревянный контейнер с откупным и отправился на официальный визит, ориентируясь на высокий шест с чубчиком цветных лент у жилья вождя.

Не успел он дойти к полукругу юрт, как из здания выбежали дети. Только сейчас Стив заметил, что дети одеты вызывающе легко — в жилетки и короткие штаны. Многие босиком. Чинным шагом подтягивались подростки, а из-за угла появился отряхивающий от земли руки Ройкилла. Андроид-учитель застыл у входа. Дела людей решают люди.

— Добрый день, меня зовут Генри, — обратился стюард к единственному взрослому. — Я по поручению Императорских лабораторий. У меня есть разрешение на визит, — Генри

протянул папку. — Мне надо отдать разрешение и подарок вашему вождю.

Взрослые продолжали заниматься своими делами: окучивали грядки, обрабатывали шкуры ягнят, стараясь не замечать гостя.

— Я вождь, — Ройкила открыл папку и прочитал документ. — Мы тут не видели никакого кварга. Наш пастух бы заметил. И овцы не пропадали.

— Навигатор ловит его сигнал. Он в паре километров к северу. Ведущий лаборатории, ажлисс Зак, передаёт вам в качестве компенсации за беспокойство ещё вот, — Генри протянул контейнер. — Тут ошейник и блоки питания к нему на три года.

Стив пакостно подумал, а что если правда пойти и поймать домашнюю овечку? Тут уж ошейником не откупишься! Конечно, никого не покалечат, но бюрократия расцветёт во всей красе, лабораториям придётся посылать человеческих послгов. Но самое главное, получится, что Генри не справился с заданием!

— А мы хотим полетать на флаере! — загомонили дети.

— Нет, — Ройкилла сунул папку и коробку ближайшему ребенку и подтолкнул его к юртам. — Отнеси ко мне. Лабораторный андроид заберет своего кварга и улетит. Нельзя беспокоить овец. Осенью мы вернемся на зимовку и поедем на ярмарку, там полетаете. Генри, можешь идти, но не взлетай — я пришлю нашего пастуха, чтобы он проследил. А потом лети медленно, чтобы наш пастух мог сопровождать тебя.

Стив втянул скан. Боже...

Маленький двухместный флаер разрушил такое шаткое спокойствие. Старательно выстроенное и бережно хранимое равновесие рассыпалось от одного слабого толчка. Всего-навсего от неслышного рокота пролетевшего флаера. Как будто громадный шмель налетел на хрупкую башенку, составленную из невесомых тонких соломинок, и она осыпалась. Открылась дверь, и сквозняк сдул непонятную кучку со стола. Кварг затрясся под лавиной смятения, душа заболела под оползнем страха. Джи... На что он надеялся? Он вёл себя как идиот. Как трус. Но он не готов! Он ещё не может вернуться! Да, он способен быть честным с собой. Он не готов. И он не хочет! Не хочет возвращаться!

Как он объяснит Джи, что он — это уже не Хакисс? Как скажет Джи, что хотел... Нет, это Хакисс хотела его убить! И он сам убил Хакисс, стёр её, и её теперь нет, а Стив за сумасшедшую девчонку отвечать не может.

Стив снова выпустил скан.

Генри стартовал и сразу же притормозил: следом скакал всадник на красном кварге, пытаясь успеть за флаером. Кочевники послали пастуха. На их кварге ошейник из лабораторий. Генри тщательно облетел отару и опустил флаер перед распадком, сплошь заросшим кустами. Наблюдатель остановился на верхушке недалёкого холма.

Стюард мог чувствовать своего подопечного в пределах нескольких метров — так же, как все ажлисс слышали друг друга. Приближаясь к скалам, он мысленно поздоровался с Крошкой, но Стив не ответил. Он просто не смог. Генри приближался, а Стив видел в его руке отсутствующий нож. Он — кварг, он не привязанная Хакисс!

Генри спустился в овражек. Крупный кварг медленно поднялся на все четыре лапы и негодуяще зашипел, склоняя голову. Перья на затылке встали дыбом.

— Очень впечатляюще! Ты сильно выросла! Идём домой, твой отпуск кончился, — Генри улыбнулся и подошёл ближе.

Кварг снова зашипел и щёлкнул клювом.

— Ну же, не глупи. Я должен привести тебя домой. Ты уже вполне поправилась

или... — Генри заглянул кваргу под брюхо, — или вполне поправился. И прекрасно справляешься с модификациями. Вместо самочки из тебя получился самец и, судя по всем сигналам, вполне здоровый. Джи будет рад.

Кварг плюнул и попятился.

— Пойдём, пришло время работать. Не злись, всё делается для твоей же пользы. Ты стал сильнее. Джи будет очень рад.

Кварг мотнул головой и, молниеносно развернувшись на задних ногах, вылетел из расщелины и рванул в степь.

Генри взбежал на склон, поднял руку и выстрелил. Из рукава куртки вылетел серебристый шарик, попал в затылок кварга, развернулся, и тонкая сеть облепила голову зверя. Того как будто внезапно выключили — он упал, перевернулся, взмахнул ставшими тряпичными ногами и, проехав по инерции ещё пару метров, остался лежать неподвижно.

Стюард подбежал и присел у безвольного тела. Поправив сломавшиеся перья между мохнатыми ушами животного, он тихо сказал:

— Ну зачем ты? Ты уже не маленькая девочка, чтобы убегать. Я сейчас сниму сеть, и ты пойдёшь сам, хорошо? Ты не будешь заставляя меня грузить тяжёлого кварга и не будешь злить Джи? Да, Хакисс?

«Я не Хакисс».

— Хорошо, как скажешь. Я сниму сеть?

«Сними».

— Вот и умница! — Генри похлопал зверя по плечу и снял сетку блокатора, подцепив её за края. Скатал в шарик и, засучив рукав, вложил в гнездо арбалета.

Стив сел. Взъерошил и снова опустил перья и, повернувшись, смерил андроида долгим взглядом. Генри ласково почесал гребень шеи с торчащей жёсткой гривой.

— Ну, не молчи, я же тебя слышу! И я рад тебя видеть! Пойдём домой, — запустил пальцы под твёрдое покровное оперение на шее, слегка пощекотал нежную горячую кожу, погладил по тёплой, словно отлитой из упругой резины, широкой мускулистой спине, поросшей короткой и плотной рыжей шерстью.

Стив встал, встряхнулся и, не оглядываясь на Генри, пошёл в открытый багажник флаера.

Андроид обернулся к кочевнику и вежливо поклонился на прощание. Пастух махнул свободной рукой в ответ, удерживая другой своего верхового кварга за сенсорный ошейник. Красный кварг — гордость племени — рвался в бой, плевался и визжал от злости, обнаружив вдруг на своей территории чужака.

Генри закрыл багажник и повёл флаер на север, на базу. Кварг неподвижно и молча смотрел сквозь прозрачную сферу на однообразный пейзаж. Как изнутри кристалла. Да, флаером быстрее, чем он бы шел сам. Время как будто замерло в облачной неизвестности. Спрашивать Генри не было никакого желания, и что бы это изменило? Надо ещё немного подождать, и всё будет ясно.

Знакомая панорама приближалась. Стив замер, глубоко спрятав пытающиеся вылезти чувства и неожиданно закопошившиеся сомнения. Ждал, стараясь не думать. Он — Стив. И отрешенно следил, как уносится назад невзрачно однообразный серо-желто-зеленый простор степи, как проблескивают и исчезают тонкие серебристые шнурки речушек. Генри затенил прозрачную полусферу флаера — около базы исчезли облака и всюду лупило солнце. Это хороший знак?

В знойном мареве пыльного воздуха проступили четыре башни полигона и сочно-зеленый лес, полумесяцем обнимающий базу и скрывающий дорогу в невидимый отсюда город. Потом ударил по глазам резкий отраженный свет от куполов одноэтажных построек, и далее на запад показалась арена гладиаторских боев. Главная императорская база выглядела как обычный игровой поселок, если не знать о спрятанном под землей муравейнике лабораторий и апартаментах Императора.

Флаер залетел под прозрачно-голубую крышу гаража и встал в ряд. Багажная половина раскрылась, и кварг, слегка помедлив, осторожно, как на тонкий лед, ступил на гладкий пол. Генри потрепал его по шее:

— Не нервничай. Все будет хорошо. Пойдем к грузовому лифту.

«Генри, я пойду к себе и поменяюсь сам! У себя!» — мысленно закричал Стив, грохнув клювом по боку флаера.

— Твой инкубатор слишком мал для самца кварга. Для тебя приготовлен большой на пятом этаже, — и андроид пошел вдоль глухой стены парковки, ступая по разноцветным следам витражей с гербом императора.

И хоть тут было приятно тепло, светло и солнечно, кварг дернул шкурой. В лаборатории! Он не хочет к этим людям, которые опять будут с любопытством разглядывать и оценивать его!

«Я поменяюсь сам!»

— Ты не должен заставлять Императора ждать три дня, — андроид легко коснулся двумя пальцами панели, вызывая лифт.

Кварг не ответил, а только содрогнулся: зашелестели, встав дыбом и опадая, перья на голове. Что за срочность? Он бесконечные декады и месяцы жил один, выброшенный и забытый, а тут, оказывается, Джи не может подождать каких-то три дня, пока он поменяется сам? Он протиснулся вдоль бока флаера и короткими шажками двинулся к стюарду, нервно переступая по гладкой поверхности копытцами и царапая пол выпущенными когтями.

— Вот видишь! И мне не надо будет за тобой убирать грязь и всякие несимпатичные остатки. Все будет быстро и чисто, — удовлетворенно прокомментировал стюард.

Они вошли в снежно-белую кабину лифта и поехали вниз. Стив развернулся и закрыл глаза, неуверенно раскрываясь и впуская в свое сознание шквал мысленного излучения живых существ базы, но тут же вскинул голову и закрылся от водопада сигналов, утопивших его. Боже! От непривычки даже дыхание перебило. За год тишины, ленивого поиска добычи, быстрого прощупывания и мгновенного ментального распугивания конкурентов он отвык от такого шума чужого присутствия. Но император действительно здесь. Где-то на базе. Выслеживать, где его Бог находится прямо сейчас, Стив не решился. Куда торопиться? Его сюда позвали, император здесь, они встретятся. Однако страх, почти забытый за год, привычно развернул свои ледяные иголки в сердце, потеснив жар нетерпеливого ожидания встречи.

Лифт выпустил их, и Генри пошел впереди, здороваясь со случайными лаборантами, людьми и андроидами. Встречные спокойно проходили мимо, иногда с любопытством разглядывая крупного зверя, свободно и без ошейника идущего в недрах базы. Стив закрылся и старательно вышагивал по слишком гладкой для маленьких копыт поверхности, смотря строго в пол перед собой и напряженно балансируя приподнятым хвостом с широкими полосатыми перьями. Вспомнилось, как много лет назад он, будучи тогда маленькой девочкой, впервые попал в эти коридоры на руках императора. Тогда та девочка почти

ничего не видела и не запомнила, поглощенная искусственной радостью и любовью, навешанной императором. Сейчас ему не нужно присутствие императора, чтобы чувствовать и радость, и любовь к нему. Теперь любовь к императору постоянно грызёт его изнутри. Но видеть этих людей и эти проклятые непорочно белые коридоры он не хочет. Он и так хорошо их знает и помнит. Слишком резко и широко шагнув, кварг раздраженно вильнул телом и мотнул головой, ловя чуть было не ускользнувшее равновесие.

Они вошли в огромный, сияющий белизной зал, загроможденный оборудованием. В центре свободного пространства выделялась, как мишень, обрисованная двумя концентрическими оранжевыми кругами, серая низкая площадка большого инкубатора. Круги показывали границу возможного силового поля, которое могло сразу безопасно изолировать любого экспериментального монстра, вылупившегося там. Например его, если он переродится и сойдет с ума еще раз. Стив, все так же не смотря по сторонам и не меняя темпа своего движения, направился к инкубатору. Жаль, императора в зале не было.

— О, Крошка к нам вернулась! — раздался жизнерадостный голос, и кварг скосил глаз. От боковых датчиков управления вышел Зак. Из-за стойки пульта силового поля выглянуло еще два человека. Стив замер, зависнув клювом перед предупреждающей оранжевой линией. Зак. Конечно, здоровенный и веселый. Желтые волосы, красная морда. Белые одежды. Урод. А он наивно надеялся встретиться здесь со своим императором, а не с толпой ажлисс.

— Добрый день, Зак, — Генри остановился и вежливо склонил голову перед лаборантом.

— Как к тебе обращаться сейчас, громадненькая ты наша? — Зак без колебаний запустил пальцы в гриву и с чувственным оптимизмом прогладил кварга по рыжей широкой спине. Стив вздрогнул, задрал голову, но стерпел и промолчал, закрыв глаза.

— Перестань, я всегда хотел погладить кварга. И когда еще я смогу тебя потрогать? — фыркнул Зак. — И что, ты со мной даже не поздороваешься?

Кварг обернулся.

«Привет. Инкубатор подготовлен?»

— Силовое поле отключено, и инкубатор стоит на нулевом режиме. Мы даже опустили его почти вровень с полом, чтобы нашей зверюшке было удобней. Рвешься в бой? Молодец, отдых тебе пошел на пользу. Беги и возвращайся, экзекутор, крошки Хакисс нам всем не хватало! — и Зак, широко размахнувшись, сочно хлопнул зверя по крупу. Кварг присел, зашипел, демонстративно отряхнулся и, отмахнувшись хвостом, перешагнул черту, отделяющую его от серой низкой лежанки инкубатора. Платформа мягко пружинила, принимая форму тела, и сначала он лег на брюхо, подобрав под себя ноги. Но места на подиуме было достаточно, и он перевалился на бок, тяжело уронив голову. Постамент начал подниматься, выезжать из пола. Сейчас закроется крышка, все затянется туманом, и он уснет... Проснется опять человеком. Только кем? Нет! Не будет никакой Хакисс! Он — Стив, и всё! Вот заодно и проверит, насколько он смог убедить себя.

* * *

Туман в инкубаторе рассеялся, прозрачная крышка втянулась на свое место, быстро оглядел себя... Да, гибкий невысокий юноша со вздохом откинулся с бока на спину и немедленно сел, расправляя плечи и отбрасывая назад длинные волосы. Все получилось так,

как он хотел. Кроме волос. Он — Стив. Инкубатор отобрал все кваржинные кусочки и вернул его в человеческую форму гораздо быстрее и эффективнее, чем он смог бы вернуться в свой облик сам.

Стив, замирая, поднял глаза и поймал пронзительный взгляд глубоких синих глаз Джи, развернувшегося к нему от приборов — императора, его императора! Сердце трепыхнулось и упало. Император был, как всегда, красив и спокоен. Он едва заметно кивнул, подзывая к себе.

Боже, какая радость, в зале больше никого нет! Благодарность омыла Стива жаркой волной. И сразу же противоположные чувства захлестнули его. Захотелось убежать, но в то же время упасть к ногам, прижаться к императору, отдаться ему... Стив судорожно вздохнул, вскочил и, напряженно контролируя тело и движения, сдерживаясь, чтобы не броситься сломя голову и не распластаться у ног своего Бога, подошел и мягко опустился на колени перед Джи. Опустил голову и моментально ставшие такими неуклюжими руки. Прижал ладони к полу и полностью открыл сознание. Ему страстно хотелось дотронуться до Джи. Влезть к нему на колени, в объятия...

— Джи... — с трудом выдавил из пересохшего горла.

— Интересно, ты спряталась в эту форму. Но ты же знаешь, что душа пола не имеет и мне в принципе всё равно, как ты выглядишь, — Джи провел пальцами, обрисовывая скулы, черты лица, линию волос юноши, поворачивая и разглядывая его. — Значит, ты так себя видишь? Я тренировал тебя жить в разных формах, но тебе настолько понравилось быть Стивом? Почему тогда уж не Марком? Он выше и сильнее! Ты так плотно заблокировался, что инкубатор прочёл это твоё желание, как твой естественный облик, твою ноль-форму. Забавно!

Легкие касания пальцев высасывали из Стива всю силу; текли по нервам и растворяли кости. Он не выдержал и сполз на пол, прислоняясь головой к ногам Джи:

— Я не могу... Не хочу Хакисс, пожалуйста, оставь меня так.

— Хорошо, — Джи двумя пальцами слегка приподнял лицо Стива за подбородок, и он, подчиняясь, снова встал на колени. Император одними пальцами ласкал лицо, перебирал волосы, гладил по голове... Стив тонул в нежности, исходящей от Джи. Как он мог выдержать столько времени без него? Без этого чувства полного растворения и единства, чувства полной принадлежности своему императору?

Император разглядывал обновленное тело, а Стив умирал от желания и растущего раздражения. Джи, судя по несвежей одежде, вовсе не ждал свою Крошку, а только что вернулся с «пробежки по природе»: сапоги в синеватой глине, полупальто, сложенное подкладкой наружу, а измазанной стороной внутрь. Можно было бы предположить, что Император был на охоте, если бы Джи не брезговал охотой в принципе. Джи явно заскочил в инкубаторную по дороге в душ и дальше осмотра дело не пойдет...

Утопая в эмоциях, Стив перестал владеть собой и бессознательно выпустил хамскую мысль: «Мне открыть рот и показать зубы?» Фантом раскалённой иглой прошил позвоночник, бросил на пол. Но Стив сразу же выпрямился и, пытаясь беззвучно и незаметно дышать открытым ртом, уставился в пол. Долго сдерживаемое томление накатило на него. Он просто страшно соскучился...

— Ты распустился. Но у меня нет времени на игры, не напрашивайся.

Стив почувствовал приказ и поднял голову. Смотри Джи в глаза, потянулся навстречу, воспринимая и отдавая... отдавая себя без остатка. Император погладил его по щеке и,

обхватив за затылок, притянул ближе, заправил длинные пряди за ухо. Снова послал неслышное приглашение и фантом любви, впустил в свою мысль. Стив оперся на руки, напрягся и окаменел. Не дай бог качнуться или без разрешения ненароком коснуться Императора! Переставая себя чувствовать, слился сознанием с Джи. Впитывал дарованную любовь, осторожно усиливая, отсылал обратно, снова воспринимал, усиливал и отсылал... Пока резонанс воспринимаемого и отдаваемого чувства не растворил сознание в экстазе.

Джи склонился и подарил ему невесомый поцелуй:

— Я рад, что ты вернулся и ты почти готов, как экзекутор. В этом теле, возможно, будет даже лучше. Иди к себе, у нас есть работа. Генри все расскажет.

Император встал и пошел к выходу. Стив, в облаке удушающего медового запаха собственного пота и все еще дрожа, побрел следом и крепко-накрепко закрыл свое ментальное восприятие, оставив тоненькую ниточку контакта со своим Богом. Свежий, кондиционированный воздух нежным травяным ветерком пробежался по влажному обнаженному телу, прохладой овеяло плечи и поясницу, заставляя поджать живот. Джи ушел и не оглянулся. Отсёк ниточку ментальной связи.

В зал возвращались лаборанты. Увидев Зака, Стив заторопился к себе. Разогнать всех? Хотя этим лаборантам все равно. Они его видели и вывернутого наизнанку. Вивисекторы.

Обняв себя руками и больше не обращая внимания ни на кого и ни на что, механически повернул к дальнему лифту, ведущему наверх, к его забытому жилью.

*От прошлого не продохнуть.
Закрыта дверь, но ясен путь,
И можно время потянуть,
Но толку мало.
Когда-то... просто не сейчас —
Не важно, усмирил иль спас,
И то, и то — легко, на раз —
уже бывало.
Ты тот кто есть, и то, кем был,
Менялся, но не изменил,
Боялся больше чем любил?
А кто — не больше?
Но всё уже, и все — пока,
Хоть ты не знаешь, чем и как
Заткнуть остатки сквозняка,
Что звался «прошлым».*

(архив Св. Райны)

* * *

— Ты вернулся! — от секретаря колыхнулась волна радости. — Живой! Я тут извелся от твоего лица успокаивать Империю. Очень вовремя.

— Эксперимент моего отключения от порталов прошел интересно — от нас улетела Северная База. Хорошо, что меня там не было, — Император довольно рухнул в кресло. — Как я устал!

— Устал?! Да меня и твою базу не разбомбили только потому, что аналоговая система связи не пропускает крупные материальные объекты! Ты знаешь, мне не нравится эта твоя мания расшатывать то, что, наконец-то, начало устойчиво работать! Всё великолепно работало, пока ты не выдумал очередной эксперимент. Посмотри на этот фонтан жалоб и претензий, — Вик развернул экран к Императору. — От регентов, транспортников, промышленников и дознавателей! И список растет с космической скоростью.

— Люди все беспомощнее и тупее, я прав, — Джи пролистнул изображение. — Империя созрела для встряски. У тебя есть слепок моей печати, вот и работай! Но они вскоре и сами утихнут — я по дороге зашел в Центр связи. Мы снова запустили порталы, транспортные потоки восстановлены. Однако наша планета — «родина бессмертного Императора Джи», — Джи щелчком крутанул экран. — Пока побудет в изоляции. На всякий случай. Наши порталы будут работать только в режиме передачи информации.

— Северного портала совсем нет?

— Нет. Рассосался, исчез, заместился с куском лесов и полей, с птичками, рыбками и

людьми, — Император сунул руку под сиденье, разложил кресло и лег, закинув руки под голову, а ноги на подлокотник. — Вик, ты не представляешь, что туда прилетело вместо Мирта и Северной базы!

— Ты убил Мирта ради проверки? А с остальными что?

— Да ничего... Спасатели и гвардия отлично поработали — все закрыли и вычистили. Я привез целый багажник образцов. Не печалься: судя по всему, с нашими ничего не должно случиться. Портал базы, отключившись от системы, подсоединился к кое-чему другому и сработал перенос. А так как то, что прилетело взамен, вполне живо и шустро бегаёт, то и с нашими все хорошо. Немного людей погибло по границе перемещения, но люди постоянно мрут от всякой ерунды.

— Джи, ты балансируешь на грани бунта! Совет ажлисс тебя разорвёт.

— Прошу тебя, это же всего лишь авария. Авария может произойти с кем угодно и когда угодно. Раздобревшим от налаженной жизни ажлисс полезно показать, что без меня тут все рассыпется. Но ты! Ты-то должен быть готов к революции. Наша цель — не дать цивилизации загнить в тупости и благости!

— А если тебя убьют и доберутся до твоего кристалла? Тебя же уничтожат! Тебя просто не станет! Кто это всё будет собирать?!

— Император — слуга народа, — усмехнулся Джи. — Я всё продумал до мелочей. А ты, кстати, будешь первым после моей смерти, чей мозг вывернут наизнанку. Я готов: «мой» крилод, уже заранее полный, давно заперт в библиотеке. А если... нас убьют по-настоящему, то не все ли равно, что будет с этой горсткой планет?

— Боже, помоги нам, — Вик раздраженно выключил мигающий сигнал связи. — Ты надеешься на экзекуторов... А если уничтожат их всех? И шестую? Или она возненавидит тебя? Не слишком ли ты ее пережал?

— Я твой Бог, верь мне, — засмеялся Джи. — Верь мне, я знаю, что делаю. Нет экзекуторы — это ненадежно. А шестая слишком мягкая и податливая. Она не имеет якоря и побежит за каждым, кто приласкает её. Всё, я спать.

Джи встал, сложил кресло и, отряхнув подлокотники, удалился. И вот зачем он проболтался про фальшивый кристалл? Жаль, что не с кем порадоваться, как остроумно упрятан настоящий. Но при серьезной угрозе близкие друзья становятся первыми же предателями. Достаточно исповеди у дознавателя и все сокровенные тайны выйдут стройными рядами на всеобщее обозрение. Что совершенно лишнее. Даже крошки не должны ничего знать. У каждой есть свой ключ, который «включит» экзекутора в нужном направлении поиска... Если этот ключ выживет. Зато шестая и в этом опережает план. Какой он молодец — незаметно для всех ее проверил. Однако надо убрать следы... Послать Эжа или самому? И где на это все взять время? К тому же шестой нужно строить внутренний якорь, а она все еще мечется, всё еще не созрела...

* * *

Стив отлепил плечо от теплого пластика и, прищурившись на вездесущее солнце, вышел из лифта. Вдохнул, привычно бросив взгляд налево. Туда, к гаражам, удалялась пустая кишка коридора. Прозрачный потолок и безликие двери. Как всегда днём тут никого нет: гвардейцы играют на полигоне. А в самом углу, его обиталище. Очень удачно: пять шагов из

лифта и дома. Он до сих пор не был уверен, почему его поселили именно сюда. Наверное, для того, чтобы он не потерялся по дороге и нигде не шатался. Стив хмыкнул. Интересно, а в соседней с ним комнате по-прежнему никого? Проверять не хотелось. Как раз год назад изоляция, в которой он вырос, начала уменьшаться. Барьер, отталкивающий его ото всех, понемногу растворялся, начали к нему черепашьими шажками приползать вольности. Он уже мог самостоятельно ходить везде по поселку, но император все еще не выпускал его с базы без Генри. А тут почти год один и без присмотра... Однако спрашивать Джи о своем режиме в первые же минуты возвращения даже в голову не пришло.

Стив приложил руку к замку, и дверь, узнав жильца, с тихим шелестом отъехала в сторону. Внешняя стена из пластика была затемнена. Ткнул пальцем в управление, сделал окно односторонне прозрачным, и вся узкая входная комната моментально осветилась. Вот он и дома! На секунду замер, разглядывая свои владения. Вдохнул чистый безвкусный воздух. Всё смотрелось чужим и отстранённым, словно обтянуто прозрачной изоляцией. Тесным. По левой руке стеллаж с книгами и под полками тахта в нише. Любимый могучий стул сиротливо жался к окну инородным пришельцем. Стив ухватил деревянного монстра за широкие подлокотники и засунул на привычное место, к столу системного пульта. И теперь обратно к двери можно было только просочиться в узкую щель за спинкой кресла или прошагать по тахте. Стиву не хотелось прыгать по тахте. Он проскользнул за креслом, проехавшись голым животом по обитой гобеленом спинке, и остановился, водя указательным пальцем вокруг черного экранчика входа. Посмотреть? И что он там найдет нового? Может, Джи передумал и открыл хотя бы узенькую щелочку в его прошлое?

Он покусал губу, положил руку на панель и послал запрос: «Экзекутор?»

В ближайшем уголке экрана, занимающего почти всю стену, высветились два слова: «Статус. Регламент».

Регламент он наизусть знает и сможет тихой тенью ходить за Джи даже в глубоком обмороке, фыркнул про себя. Открыл «Статус».

«...Экзекутор — символ единения Императора с народом, личное имущество Императора. Символ воли Императора. Попытка уничтожения телесной оболочки экзекутора карается множественной смертью...»

Так, эту болтовню он знает и помнит. Интересно, где сейчас Фарисса? И как там вообще на Гайдере? Кто там наводил порядок, пока экзекутор пугал дикусов, шелкая кваржиным клювом? А Джи ничего не сказал. Джи вообще ничего не сказал. Угу, зачем императору разговаривать с имуществом? Может, оставил информацию в системе? Хотя прямого сообщения нет...

«Идентификация?»

«5 Столетие, 63 год, 6 месяц, 24 день Империи. Планета Джи, главная база, комнаты экзекутора. Активация системы — экзекутор».

Ладно. Быстро послал следующий вопрос: «Вседержитель Дитсайрс 16-й, Гайдера?»

«...Смерть — 5 Столетие, 62 год 9 месяц 14 день Империи, планета Гайдера, столица Имра, дворец вседержителя».

Умер, ну да... Тот посол, как его... Яр был запланирован в регенты. Интересно, как найти Фариссу? Хронология после бунта?

...Зачистка области Зарсипшу... Регент Яр знакомится с Гайдерой... Угу, нужно было Яру знакомиться, лет двадцать там просидел... Вот! Конфиденциально: перемещение бывших битерере и ирере на Жилайсу, так... А это что? Праздник в честь мира и визит

Императора были окончены казнью бунтовщиков. Визит Императора без экзекутора? Казнь бунтовщиков? Какая казнь?! Стив застыл. Экзекутор же бегал в пустошах? Но рука уже сама включила запись церемонии, а память услужливо подтверждала изображения собственными воспоминаниями. Вот он в виде Марка в карете с Джи. Вот он на планере с длинной черной саблей. Нет, это у них называется меч... По желтому песку бегают приземистые горбатые шакалы, неслышно стучаются костяными выростами на мордах. Орут зрители. Над ареной кружат флаера, из них выбрасывают тела. Он мечется, летает и рубит, внутренности падают на планер, теплым мазнуло по лицу... Стряхивает дрянь и не успевает. Не смотрит, куда падает человек, а снова мчится к выброшенному преступнику. Шакалы дерутся, обжираясь свежим мясом... Белая ладонь на кровавом песке... Слабость на ужине, Джи дает ему крови... Воспоминание лезло на глаза, кружилось маревом, перекрывало запись на экране. Стив отшатнулся и ухватился за край стола. Такая наглая неприкрытая ложь!

Стараясь размеренно дышать и успокаивая галопом поскакавшее сердце, забрался с ногами в кресло и выключил проектор. «Крошки! Твои Крошки!» Другая Крошка! Это не он. Вот для чего инкубатор! Совместить память! Стив зажмурился и помотал головой. Перед глазами летали фрагменты императорского визита на Гайдеру, казнь, рука на песке, праздник регенства, кровь. Нет! Потом! Он не может! В бездну Гайдеру! Подумает потом. Успокоится и вспомнит. Сейчас ванна — очиститься, прийти в себя!

Стив слез с кресла и пошел в спальню.

Всё осталось на своих местах. Громадный шкаф разделял обе его комнаты. На глухую внешнюю стену — окно сделать Джи не разрешил — падал теплый свет от перегородки гигиенического угла, вылезавшего полукругом почти до середины спальни. Дверь в карцер, прямо за изголовьем кровати, была задумчиво приоткрыта. Неужели Джи оставил ему там подарок? Стив обошел кровать, и цепь с металлическим ошейником, гостеприимно сложенная колечками на полу, заставила ухнуть в пропасть только что успокоившееся сердце. Это дом. Его дом.

Стив помянул Генри ласковым словом, отстегнул крепёж и зашвырнул цепь в карцер вместе с ошейником. Выдохнул и плотно закрыл дверь. «Крошки»... В бездну!

Но всё же... Он распахнул шкаф. Как и думал: полно новых вещей на теломорфу Марка. Зато ящичек с мелочовкой — ракушками, бусами из расписных косточек, плетеным кошельком и прочей ерундистикой, которую Хакисс забыла выбросить после смерти зверей — пуст. Поморщился и выдвинул хранилище экзекуторского ножа. Нож лежал на месте. Но ножны были новые — на ремне под пряжкой отсутствовало маленькое «ха», выцарапанное Хакисс. Стив со стуком задвинул ящик.

— Император любит мёд, почему и кто поймёт... Крошка ненавидит мёд и в печали тут живёт, — продекламировал Стив себе под нос, включая горячую воду.

Джи любит, когда от его эксперимента пахнет медом. Поменял все настройки так, что Стив с этим ничего сделать не может, метаморф он или нет. «Настройки». Дошел совсем. Уже сам о себе, как о механизме, думает. Но от тяжелого и липкого аромата он не избавился даже в шкуре кварга. Птицеголовые мясоедные лошадки обонянием не отличались, охотились, полагаясь на большие уши и маленькие зоркие глазки, но, видимо, разило от него странно: встречные звери удивлялись. Встречных в идеале и в степи у кварга не бывает. Кого кварг встретит, того кварг и скушает. Он-то старался ловить травоядных овец и антилоп, но мелкие шакалы и пустынные голенастые кошки знать не знали, что он их не будет есть, нюх имели хороший и должны были удирать от него, как от огня. Вместо этого несколько

раз к нему чуть ли не вплотную подходили, изумленно лупая глазами. Не могли, бедняжки, совместить обонятельный образ со зрительным. Зато потом, когда этот странный образ делал в их направлении пару прыжков, они чуть из собственной шкуры не вылетали от ужаса. Но он все-таки настолько с ума не сходил — кошек с шакалами жрать. Интересно, не сошли ли потом с ума те кошки?

Пока набиралась вода, неуверенно бросил взгляд в зеркало, подвязывая повыше длинные волосы. Кожа по всему телу так и осталась, как у восьмилетнего ребенка: равномерно покрытая почти невидимым пушком, и никаких особых примет или родинок. Общий вид на двенадцать-пятнадцать стандартных лет. Вчерашний школьник, юный лаборант... Получилось всё, как хотел, кроме длины волос. Сразу видно, что Джи ковырялся в инкубаторе. «Нулевая программа!» Была б нулевая — волосы были бы короткие. Исподлобья и настороженно посмотрело на него отражение. Узкое мальчишеское лицо с небольшим прямым носом. Светло-карие обиженные глаза с длинными густыми ресницами. Вот про девичьи глазки он забыл. Пухлые губки этого имиджа он подкорректировал, а глазки остались коровьи. Ну и ладно! Много изменишь — Джи взбеленится и заставит его быть жирной девицей весом в полтонны. Как-то, в рамках профилактики и тренировок, Джи сделал из него полупарализованного дряхлого старика с недержанием. Впечатлений осталось на всю жизнь.

Но он рад, что по уставу экзекутор не работает с распущенными волосами — это совершенная пытка для нервов: летают везде, цепляются за все, лезут в глаза, рот, и еще под этой гривой потеет шея. Зато, когда он нигде не нужен, он может выглядеть, как хочет. Спасибо, император согласился с этим обликом. В теле Стива уютнее всего. Невысокий и тонкий Стив был ближе всего по моторике и ощущениям к ее природному женскому телу, но Хакисс он не будет никогда. По своей воле ни за что. Он — Стив. Даже система узнала его как Стива. Стив усмехнулся. Сознание определяет бытие. И бытие определяет сознание, главное, найти баланс.

Стив настроил подогрев, лежак с подголовником и со сладострастным стоном притопился в ванне. Вот чего ему на самом деле не хватало! Генри надо было не стрелять, а показать ему ванну. Он тогда прибежал бы на базу быстрее флаера...

* * *

Лето. Жаркий воздух звенит запахом сена и трепетанием стрекозиных крыльев. Забытая деревенька в стороне от шумных дорог, у тихого ледникового озера, среди сосен и сопок. Нигде никого. Полузаросшая песчаная дорога лениво сворачивает к лесу, переваливается через низкий холм и теряется в скошенной траве у серых сараев старого гумна. Жердяной забор конского выгона уходит в бесконечный лес вокруг и почти не виден в шуморе, буйно разросшейся по всей его длине. Восьмилетняя девочка в шортиках и зеленой вытянутой футболке, притаившаяся в зарослях, следит, как компания старших детей прячет клад под досками развалившейся риги. Дети, не заметив девочку, вскоре уходят, а она, продолжая играть сама с собой, осторожно выбирается из шуморы и перебегает к гумну. Старательно прыгает через рыхлые валики сена, разложенные по полю. Потом, еще раз оглянувшись и придерживая одной рукой длинную косу, лезет под пол распадающегося настила.

Потрескавшиеся и частично сгнившие доски сохранились только на части пола. Под ними низкая ниша. Девочка, маленькая и худенькая, легко пролезает под досками и достаёт оттуда коробку, спрятанную «индейцами». В ней ценный клад из нарисованной карты, тетради с летописями и хрониками войны ковбоев с индейцами, которую индейцы украли у ковбоев два дня назад. Девочка — «ковбой». Она коварно ухмыляется и убегает с коробкой на бывший конский выгон, в свою любимую шумору. Там она решает перепрятать клад в место, куда никто из индейцев не пойдёт сам — в усадьбе любовницы бывшего местного барона. Любовница умерла более ста лет назад, барона убили во время революции. А от усадьбы осталось всего несколько камней, где очень удачно можно делать тайники, которые будет охранять легенда о проклятии этих мест. Девочка легенд не боится. Изумительное разнообразие одичавших цветов и странных деревьев вокруг поляны бывшей усадьбы и заросшая хмелем подъездная аллея привлекают сказочной и затерянной красотой.

Девочка, продолжая играть в своём воображении, осторожно крадётся вокруг полянки. Лес дышит шевелением листвы в кронах, поскрипыванием стволов, шуршанием коры под лапками белок и спокойно отзывается птичьими голосами. Девочка уже забыла про деревенскую игру в ковбоев и индейцев. Она теперь фея леса. Она принесла дар волшебному лесу — шкатулку с вечной жизнью и летом. Торжественно вышагивая, она несёт коробочку на вытянутых руках и возлагает её на один из камней. Потом закрывает глаза и говорит про себя, обращаясь к лесу. Говорить вслух она не хочет: это бы разрушило всё волшебство... Девочка открывает глаза и замирает. Коробка исчезла. На её месте, в воздухе, висит какое-то марево. Девочка встает на камень, недоверчиво протягивает руку, пытаясь дотронуться до струящегося воздуха, и проваливается в неизвестность.

Она падает на четвереньки, больно ударяется коленями и проезжает ладошками по гладкому полу... Садится. Смотрит на содранные ладони. Они болят. На белом полу розовые следы от её крови.

* * *

Стив вздрогнул и проснулся, с плеском сел в разморившей его воде, схватился за бортик ванны и автоматически скользнул сканом по ладоням. Сердце опять скакало как бешеное. Конечно, никаких следов на руках нет! У эскутера не бывает шрамов на теле! Сон! Нет! Его собственное воспоминание. Такое живое, личное. Джи записал и это? Или оно вырвалось из-под блока, ослабленного новыми записями? Или это ассоциации из-за возвращения на базу после долгого перерыва? Из-за аналогии с возвращением домой?

— Стив? — раздался голос Генри из комнаты. — Одежда готова, надо ехать.

— Заткнись! — отвечать мысленно он испугался, а вдруг сон ускользнет из памяти? Пропадет? Это не сон, это воспоминание! К нему вернулся маленький кусочек его памяти! Отложить, убрать. Потом... Все потом, не сейчас! Стив возблагодарил богов, вылезая из воды и беря полотенце. Только бы Джи это не нашел и не стёр! А ведь могла присниться любая другая гнусь, вместо простого детского воспоминания. Генри уже стоял в дверях.

— Я тут случайно уснул. — Стив уронил полотенце на пол и неопределенно помахал в воздухе рукой. — Рассказывай, что произошло.

— Ты даже не залез в систему узнать, что случилось?

— Нет. Я залез в ванну, — пробормотал Стив и сел на кровать к аккуратно разложенной

одежде. Бордовая, отливающая черным в складках рубашка с высокими манжетами на шнуровке и кожаные штаны с широким поясом. Опять же со шнурками. Удивительно, что черные низкие сапоги шнуровки не имеют. Экзекуторская форма. — Рассказывай, куда и зачем едем.

— У нас большая авария порталов, — наконец сказал Генри, вынимая из футляра и раскладывая по кровати золотые бусинки, висящие по одной на длинных нитках. — Произошел скачок напряжения, и случился разрыв портала с неожиданным смещением и замещением части территорий вокруг Северной базы.

— Доигрались! — у Стива холод прошел по ребрам. Слава богу, император не работает с порталами, его работа — тихая домашняя биоинженерия. Эти порталы совершенная мерзость: шагнул неведомо куда, ухнул и вывалился непонятно как и неясно где. — И что там сейчас?

— Никто не знает, что там сейчас. Вот ты пойдешь и узнаешь. Туда переместился кусок чужой планеты. И, кажется, с жителями. Портала нет, северная база уничтожена, остались какие-то обломки. Все сразу же изолировали полем, но никто пока не знает, смог ли оттуда выбежать кто чужой. И остался ли там кто-нибудь из наших. Гвардия окружила зону. Утвержден регент этих территорий — Кристофер. Он с Жилайсу. Ты будешь работать под его ответственностью. Дознаватели в готовности, города закрыты, у ферм дежурства, а у нас почти военное положение и мы абсолютно изолированы от империи. Ты нужен для страховки экспедиции, и, может, тебе удастся отловить кого-то из пришельцев. Карты уже есть, но спускаться сверху туда боятся, техника в зоне отказывает. Вы поедете на биолошадях. Система там ничего не ловит. Геомодификаторы в готовности, но пока вы там не пройдете, никто их в зону не пустит. Ты не заметил, что на базе нет гвардейцев?

— Я не гулял по базе, я сразу к себе пошел. Вот идиоты. А если бы схлопнуло всё вообще? — поёжился Стив. — А! Хотя тогда было бы уже наплевать.

Стив вышел из комнат первым, перекинув через плечо ремень с ножнами экзекуторского ножа. Шесть часов полета... Он шел к гаражам и копался в своих ощущениях, понимая, что чувствует себя как-то странно. Главное, что толком не увиделся с Джи. Долгожданная встреча прошла слишком быстро и скомкано, прощмыгнула как пугливая мышь, оставив в душе надкушенную дыру растерянности и нового неутоленного ожидания. И еще эти влитые чужие воспоминания... Они вертелись и грызли изнутри.

Генри шел следом и нес седельные сумки со сменной одеждой, куртку и свернутое дорожное одеяло. Наступал ранний вечер, и под прозрачной крышей было еще светло — низкие лучи солнца дотягивались до куполов, но в коридоре уже зарождались слабые и пока неуверенные сумерки. На северную базу, или что там от нее осталось, они прилетят уже поздней ночью.

Стив подождал, пока стюард активирует двухместный флаер, и влез с ногами на пассажирское сиденье, уронив свой форменный пояс у кресла. Спрашивать Генри ни о чем не хотелось.

Когда стемнеет, их маленькая овальная сфера флаера будет казаться с земли волшебной жемчужиной, чудом летящей в небе. Как же он ждал это чудо, лежа в гнезде из травы и веток в одиночестве пустой степи! Вот удивятся кочевники, если найдут его лежбище — нормальные кварги никаких гнезд не выют...

Стив разложил кресло, обнял себя руками и закрыл глаза. «Твои крошки!» Надо вспомнить, чтобы знать... Проиграть запись воспоминания, ведь экзекутор был на казни...

— Генри, не приставай пока. Мне надо подумать.

* * *

Парадный визит, посвященный установлению регентства на освобожденной планете, был в полном разгаре. Марк неслышно по протоколу ходил в одном шаге за императорской спиной и неподвижно выстоял все приветственные церемонии. Торжественный выезд из портала, парад по улицам местной столицы и марш до арены, где будет проходить праздник, публичная часть которого завершится казнью государственных изменников.

И вот кортеж добрался до огромных ворот колоссальной арены. Но вместо того, чтобы въехать внутрь, карета взмыла в сопровождении легких флаеров гвардии и, под рев толпы перелетев высокие стены трибун, пристала вплотную к ограждению императорской ложи. Марк еще на подлете успел все проверить сканом и сейчас вместе с двумя гвардейцами охраны первым соскочил в просторную нишу, обходя возвышение с тронами. Оба гвардейца тут же присоединились к охране снаружи, а Марк встал за тронном, ожидая императора и регента. Джи сам прекрасно умеет сканировать и оплетать всех фантомами; хотел бы он посмотреть на того ажлисс, что устоит против эйфорической любви к императору, даже не говоря о людях. Но правила есть правила...

Джи сел в кресло. Беседуя с регентом, мимолетно коснулся сознания Марка и указал ему пальцем на пол у своих ног. Марк немедленно, но чинно переместился. Сел, прикрыл глаза, так же незаметно для окружающих ментально поблагодарил императора, прислонился плечом к бедру Джи и вытащил комм. Тут, скрытый за ограждением ложи, он может наконец-то прочитать распорядок казни. Внутри шевельнулось удовольствие — его будут видеть все! (Стив дернул плечом. Другая Крошка ему уже не нравилась.)

Марк успел не только выучить распорядок казни, но и неплохо отдохнуть, когда секретарь аккуратно коснулся его жезлом:

— Пора!

Марк поднял глаза на Джи:

— Мой император, я должен идти.

— Иди и смотри, на тебя уже делают ставки! — улыбнулся Джи и указал на огромное табло.

«Людишки», — скривился Марк про себя, поклонился и вышел.

Церемонно спустился по внутренней лестнице под трибуны и подошел к входу на арену. Актеры уже убегали, а на арену противоположным потоком спешили рабочие: разбирать декорации, чтобы освободить место для казни. Марк поискал и заметил пожилого солидного распорядителя. Встал перед ним и молча поклонился, запустив в него скан. Распорядитель поднял голову и на секунду замер, удивленный молодостью и смазливой внешностью имперского палача, больше похожего на юного опереточного героя-любовника. А Марк про себя усмехнулся: «Человек. Всего лишь человек. И ты будешь еще меня оценивать?»

— Ла-адно, — снисходительно протянул распорядитель. — С трибун твое лицо все равно не увидят. Пойдем, мальчик.

Марк церемонно склонил голову. «Мальчик-девочка, водоплав мургабский! Козел старый, а камеры на что? Увидят всё и все! Но, главное, молчать», — огрызнулся Марк про себя, тщательно следя за своим лицом.

По внутренним коридорам они дошли до охраняемой двери. Расфуфыренные охранники с ритуальными пиками и в масках слаженно расступились.

— Я подожду тебя здесь, — сказал распорядитель, открывая Марку дверь и пропуская его внутрь.

В небольшой, освещенной тусклой лампой комнате сидел совершенно седой жилистый и коренастый местный палач, держа на коленях красный длинный сверток. Меч все еще был завернут в три слоя ритуальных покрывал. Комната была почти пуста, если не считать полку, заставленных всякими неясными вещами, и сложенного в углу дуэльного планера. Прислоненное к полкам, стояло на торце тяжелое и широкое металлическое корыто с двумя ручками, в котором он после казни оставит грязную одежду. «Под этим корытом можно было бы пережить прямое попадание средней бомбы», — подумал Марк. Оно так и выглядело, будто по нему неоднократно стреляли или какие-то могучие ящеры поиграли им в футбол.

Палач медленно открыл покрывала, поднимая за уголки и отворачивая по одному: сначала кровавое бархатное, потом тонкое и расписанное золотым тиснением кожаное и наконец чисто белое полотняное, обнажая почти метровое узкое и слегка изогнутое черное лезвие. Размеренно кивнул, не торопясь подсунул руки под покрывала и встал, подавая меч Марку на вытянутых руках. Оружие казни отблѣскивало и гипнотически притягивало взгляд, словно полоска живой тьмы, освещенная белой тканью. На конце рукояти хищно светился рубин силового поля.

— Так это не меч, а сабля! — не удержался Марк. Он даже обрадовался: сабля для такой казни была приспособлена лучше, чем меч.

— Это меч! — с укоризной в голосе шепотом окрысился старик.

«О боже... Действительно, разговаривать с дикарями!» — Марк опустил голову и встал на колени, аккуратно и с демонстративным почтением принимая меч. Он-то как палач безусловно лучше, чем этот человек!

Марк перехватил меч в правую руку и еще раз изобразил поклон медленным кивком. Потом хапнул левой рукой планер, положил меч на плечо и вместе с распорядителем вернулся к воротам. Положил меч за шею, благо одна сторона была округло-тупая, и, осторожно придерживая за лезвие пальцами другой руки, ступил на метки летающей доски. Планер выпустил захваты крепежа, плотно обхватил стопы и голени сильным, но подвижным соединением. Марк немного приподнялся над полом и покачался на доске, проверяя баланс. Сойдет! Вылетел на арену, и непроницаемые ворота арены за ним захлопнулись. Публика засвистела и заорала, разогреваясь перед завершающим праздником зрелищем. Марк вылетел к императорской ложе, низко склоняя голову и делая отмашку. Затем, снова закинув оружие за шею, облетел арену и завис в центре, поднявшись выше трибун. В желудке проснулось сосущее чувство ожидания — скорей бы начать и кончить!

Над ареной разнесся сигнал горнов и барабанов. Гвалт слегка стих, и официальный голос прочитал речь о преступлениях против Империи, людей и ажлисс и неотвратимости наказания.

Распорядитель договаривал напутствие, обращаясь уже к экзекутору:

— ...и, летая по воле судьбы, ты станешь её воплощением, её рукой!

На арену выпустили падальщиков-шакалов. Видимо, их привезли в нескольких клетках, потому что выбегали они партиями по десять штук. «Тоже мне шакалы, — подумал Марк. — Скорее, куцые крысы-переростки. Или небольшие свиньи». Падальщики сразу затеяли драку,

издавая щелкающие и скрежещущие звуки, и с треском молотили друг друга костяными мордами, разбиваясь на несколько стай и растекаясь беспокойной серой массой по арене. «Как бы не пожрали друг друга, пока им мясо скинут!» Из-за трибун появились четыре флаера и, поднявшись высоко над ареной и Марком, беспорядочно закружились. Зрители взвыли. Падальщиков стало не слышно.

Марк включил силовое поле на оружии, перехватил палаческий меч двумя руками и приготовился. Над ареной разнесся сигнал труб, и из флаера выпало первое тело. Он даже сначала подумал, что это кукла. Но человек просто оказался голым.

Первого и второго он разрубил, пролетев сбоку, третьего взял снизу и не успел полностью закрыться — его кишки повисли на планере. Пока стряхивал их с планера, пропустил четвертого, а пятому, поторопившись, только отсек руку и надрезал бок. Что-то внутри его сжалось и застыло. И хотя он уже не пропустил никого, но странная пустая дыра осталась под сердцем. Они с криком появлялись перед его глазами и исчезали, и он выискивал следующего. Сколько их было? Двадцать или двадцать пять?

Он даже не видел их лиц, закрылся от их аур, и все-таки один раз промахнулся! Ему было некогда смотреть или сканировать, куда и как падают тела. А когда он убил последнего, то на арене был только песок с коричневато-красными пятнами, рваные кровавые куски и суетливая верещащая толпа шакалов. И ни одного целого тела.

Марк сделал круг над ареной. Серо-коричневые горбатые звери рвали бесформенные куски, одним укусом дробя кости, периодически задевая и перекатывая друг другу кроваво-грязные шары. Головы. Желтовато-белый песок был заляпан кровью и чем-то зеленовато-коричневым. Шакалы, дергая лысыми костяными головами, как птицы заглатывали розово-голубоватые кишки, иногда одновременно вцепившись с обеих сторон, и отвратно скрежетали, встретившись носами. В отдалении одиноко лежала брошенная белая рука с открытой в небо ладонью. Та ли это рука, которую он так неумело отрубил? На пальце было видно кольцо...

На первую галерею вышли лучники. Ему пора. Лучники перестреляют шакалов, потом все отвезут и утопят в болотах на радость крокодилам.

* * *

— Стив, не спи! Мы подлетаем! Лучше на, посмотри карту! — и Генри протянул ему палочку коммуникатора. Стив лениво растянул экранчик и нашел карту. Ага, теперь это называется Территории. Неровный оранжевый овал сразу за горами не только закрывал своим центром область северной базы, но и проглотил обширный кусок леса. Тонкими голубыми линиями были обозначены оба пропавших города и несколько поселков, зелеными — новые границы лесов. На северо-востоке, в местах расселения еретиков, край рыжего овала прошелся как раз по деревне с диким названием Могила Райны. Стив схлопнул коммуникатор и швырнул его на панель перед собой.

— Какой псих хотел бы жить в Могиле Райны!

— Двести лет назад были так называемые «свободные бунты» под руководством Святой Райны. Она призывала людей не признавать инкубаторы, дознавателей и противилась прогрессу. Еретиков отловили и переселили в округ Перейс, но после смерти лидера их поселение стало именоваться Могила Райны.

— Граница разбила этот поселок?

— Да, большая часть пропала, оставшихся людей переселили в изолятор на Императорской базе — среди ажлисс им не грозит никакая эпидемия.

— И давно случилось это безобразие?

— Авария? Авария случилась вчера. Перед горами сделали временную базу. Переночуешь и рано утром с регентом и отрядом гвардейцев верхом отправишься на разведку.

— А ты со мной едешь?

— Нет, вряд ли. Но ты там сам справишься. Это же ненадолго. Как прилетим, пойдешь к регенту, присягнешь ему рабочей присягой.

Стив обиженно заворочался на кресле.

— Вот и прекрасно! Джи меня не хочет, тогда познакомлюсь поближе с регентом.

— Нет, ты едешь как сканер. Джи не дает тебя лично регенту, а посылает, как инструмент. Я же сказал, произнесешь второй вариант присяги, не подарочный.

Но Стив не ответил, уставившись в небо сквозь прозрачную крышу. Ему совершенно не хотелось думать о задании, из-за которого он снова едет в эти дикие леса, а хотелось тихо грустить... Вполне возможно, что новый лес, схематично обозначенный на карте, будет не похожим на могучую северную чащобу, где он бывал во время тренировок. В ней можно было прожить всю жизнь и никогда не наткнуться на человека, особенно ночью, когда на поляны и противопожарные просеки между громадными деревьями спускается холодный туман. Но верхом на лошади будет тепло. С лошадью можно тоже прекрасно выспаться, раз с регентом спать не планируется. Она большая, теплая и послушная. Прикажет кобыле лежать тихо, а сам уютно завалится ей под бок, закутавшись в одеяло.

В улетевших невесть куда лесах он впервые умер. И случилось это неизвестно когда. Сколько ему тогда было? И не спросишь же: любые вопросы о своем прошлом запрещены. «Ты сноваживущий, а у сноваживущих нет возраста. У тебя нет своего прошлого, ты — часть императора и ты с ним всегда». Ради такой чуши спрашивать не имеет смысла.

Стив обнял себя за ноги и подтянул колени к груди.

Пока он был ребенком, никаких дат он не знал. Время летело испуганной птицей и память его унесло... Ну, сейчас он не намного умнее, чем в детстве, хотя... о, прогресс! И о, доверие! Он уже знает, какой сегодня день! Жизнь делилась на вчера-сегодня-завтра и казалась сумбурной мешаниной из событий. А когда его выпускали на самостоятельные тренировки, в том числе в эти северные леса, то на деревьях календари не висели. И что он умер впервые в этом лесу, это он помнит, а вот как дату угадать — не знает. И сожрал его там медведь. Генри выкинул его из флаера, голого, только с ножом в руке и с кристаллом ловушки души на шее. Точнее, голую девочку Хакисс. Хакисс всегда везло на мерзости. Стив плотнее обхватил себя руками. Но теперь это его не касается: Хакисс осталась вне его жизни, в том числе и там в лесу. Ей всегда нравились охотничьи вылазки: полная свобода, послушные звери. И это была её вина, что не заметила, дура, медведя. Надо же было умудриться! Промерзнув в лесу, приманивая к себе олененка и держа его мать в стороне, совершенно не просканировать, что осталось за спиной. И да, она испугалась, тупая коза! Могла бы того медведя спокойно отогнать, но испугалась и растерялась. Хруст ребер, когда медведица раздавила грудную клетку бестолковой Хакисс, сбив ее ударом лапы на землю, передернул невидимые ниточки памяти, и Стив невольно содрогнулся.

Он повернулся на кресле и посмотрел на Генри. Может, Джи сердится на него? За то,

что он сходил с ума и плохо себя вел? Но это было давно! Или за то, что он приходил в себя почти год? Он же раскаялся! Может, за то, что потом не отзывался и прятался от контактов? Но он сначала просто боялся, а потом был покорным и открытым, а Джи — его Бог — даже не дал до себя дотронуться. А он так хотел... Ему просто необходим телесный контакт! Он отчаянно долго был совсем один и вот, получил по заднице от Зака — и вся любовь. А Джи отослал его прочь. Стив сел и выпрямился.

— Генри, я забыл свое имя, свое настоящее имя, не кличку Хакисс. Раньше вроде помнил, а теперь не могу вспомнить вообще. Ты помнишь мое имя? Как меня звали, когда меня только привезли?

— Ты экзекутор, у тебя нет своего имени.

— Ну, Генри, ну не может же быть, чтобы ты не помнил!

Стив жадно просканировал своего стюарда, но и, правда, в голове андроида ничего не было. Но стереть память биоробота пара пустяков, это не человек.

— Ничего у меня нет, даже имени у меня нет, — чуть не плача, выдохнул Стив.

— У тебя есть больше, чем у любого ажлисс — у тебя есть император.

Стив совсем скис. Все у него есть, только сейчас ему почему-то пусто и одиноко. Он поднял голову и поймал спокойный и как всегда доброжелательный взгляд своего стюарда:

— Генри, поцелуй меня!

Генри нагнулся и Стив потянулся к нему, запуская пальцы в волосы на затылке такой настоящей человеческой имитации и притягивая ее к себе. Приоткрытыми губами неуверенно прикоснулся к губам искусственного человека и закрыл глаза, проникая языком, проникая сознанием. Генри старательно ответил. Стив открыл глаза и отстранился, оттягивая Генри за волосы и рассматривая правильные черты андроида.

— Ни-че-го, это как с холодильником целоваться. А знаешь, ты даже похож на сегодняшнюю инкарнацию Джи, только глаза карие.

Генри вернулся на водительское кресло.

— Ты же пробовал. Даже совокупляться со мной пытался и знаешь, что ты не можешь ничего чувствовать с искусственными людьми. Это так же бессмысленно для тебя, как мастурбация.

Стив отвернулся и не ответил. «Совокупляться! Урод механический!» Переставил к себе контейнер с ужином, заблаговременно припасенным его нянькой. «Бессмысленно». Это день сегодня такой бессмысленный. Будет теперь бессмысленно ужинать, долго и тщательно, пока не прилетят к цели.

Остаток полета Стив так и просидел в молчании, правда, успев дополнительно расстроиться, что Генри взял унифицированный саморазогревающийся набор из полуавтоматической кухни, а не собрал ему в дорогу что-нибудь более аппетитное и индивидуально приготовленное. Например, он бы с большей радостью съел запеченное на углях мясо, чем эти стандартные котлетки «мелко пережеванный кто-то с гарниром в одном кусочке». Но после однообразного кваржиного меню — мяса с шерстью или мяса с перьями — теплые сочные котлетки оказались не так плохи, как он помнил.

На панели засветился сигнал, и Стив встряхнулся, пытаясь себя чувствовать, как олицетворение воли императора (кто б еще ему сказал, как такая воля должна себя чувствовать!), потянулся и положил руку на панель, подтверждая запрос диспетчера.

Генри посадил флаер, выровняв его по боку огромного грузовика технической службы.

Временная база светилась, как лагерь бродячих циркачей: точечные огни окружали

стоянку флаеров, а потом широкими улочками разбегались между полусферами временных казарм и домов obsługi, обрисовывали огромные ангары техников и лаборантов. «Надо же, за один день построили целый город!» — подумал Стив.

Он накинул куртку, пристегнул пояс с ножом и не торопясь пошел по притоптанной траве посадочной площадки к вышке дежурного. Ночь была тиха, а экзекутор никуда никогда не спешит, и Генри с вещами быстро его догнал. Дежурный гвардеец уже ждал внизу у лестницы, оставив открытой дверь наблюдательного пункта. Стив сразу после посадки успел обменяться с ним коротким ментальным приветствием — он же не обычный сноваживущий, умеющий телепатически общаться только в пределах прямой видимости, и узнал, что этого гвардейца зовут Рег.

— Экзекутор, ажлисс регент оставил вам сообщение в системе. Вы можете использовать порт на вышке, — и Рег указал рукой наверх.

Стив вопросительно оглянулся на Генри. Он-то может, но он оставил коммуникатор на панели флаера — к чему ему коммуникатор на территориях, где, говорят, система почти не работает?

И, конечно, дисциплинированный стюард уже держал наготове забытую вещь. Мысленно поблагодарив Генри, Стив полез по винтовой лесенке на вышку вслед за гвардейцем.

Воткнув коммуникатор в мобильный порт и приложив пальцы к пульту, подтверждая свою личность, Стив вошел в систему и стянул адресованную себе записку. Кивнув на прощание дежурному — экзекутор должен быть вежлив и учтив — Стив с дробным грохотом ссыпался с лесенки, заслужив укоризненный взгляд от Генри. Ну да, протокол! Среди ночи он позорит императора перед строем спящих флаеров! Стив пренебрежительно фыркнул и помахал открытым коммуникатором, приглашая Генри прочитать сообщение вместе с ним.

— Вот видишь, как хорошо, присягнешь завтра во время сбора, а пока пойдем в императорскую палатку и переночуем, — озвучил Генри сухое сообщение регента, сопровождавшее схему базы на экранчике.

— Главное, я при всем параде показался дежурному, — не удержался от брюзжания Стив.

— Не расстраивайся, завтра с утра я тебя снова причешу.

Палатка императора внешне ничем не отличалась от остальных, только была значительно меньше и оказалась засунута между палаток гвардии. Около нее томились на посту двое караульных, и было совершенно непонятно, от кого и зачем они охраняют пустую палатку. Когда Стив вышел из-за угла казармы, они уже стояли как полагается и лучились легким любопытством. Стив этих гвардейцев знал и на секунду мысленно открылся, здороваясь и дав им прочитать себя, и тут же нырнул в палатку. Генри оставил сумки и ушел принести что-нибудь перекусить, а Стив включил свет и сразу прошел сквозь кабинет в спальню, включив там еще и отопление.

Интересно, тут был Джи? Но не похоже, что он тут был вообще. Стив огляделся и, упав животом на постель, утопил лицо в подушке — даже не пахнет ничем. Его место в ногах имперского ложа, но пока императора нет, не будет же он лежать поперек кровати. А был бы тут Джи, он тем более бы не спал по регламенту. К тому же и спать совершенно не хочется. Вот он уже добрался до спальни императора, только императора в ней и нет.

После душа, наскоро вытеревшись и все еще влажный, он запрыгнул в кровать и,

впитывая всем телом ощущение свежих прохладных простыней, с удовольствием потянулся. Вернулся Генри и принес заманчиво пахнущий густой мясной суп и какое-то питье в закрытом стакане. Поставив все на маленький столик, он придвинул его вплотную к постели. Стив при любых своих размерах ел много — буйный обмен веществ, связанный с его улучшенными способностями и регенерациями, требовал жертв, но эта жертва была приятной.

— Суп? Ночью? А я кофе хочу, — Стив, сидя на краю постели в одеяле, открыл упаковки и заглянул в стакан с соком.

— Уже за полночь, я принес, что было, а кофе будет утром с завтраком.

— Ты ляжешь со мной? — проглотив ужин и снова укладываясь, спросил Стив.

— Крошка, ты в спальне императора, ты не у себя! И я не могу спать на императорской постели, — отодвигая столик на место и складывая пустые контейнеры в корзину, со вздохом ответил Генри.

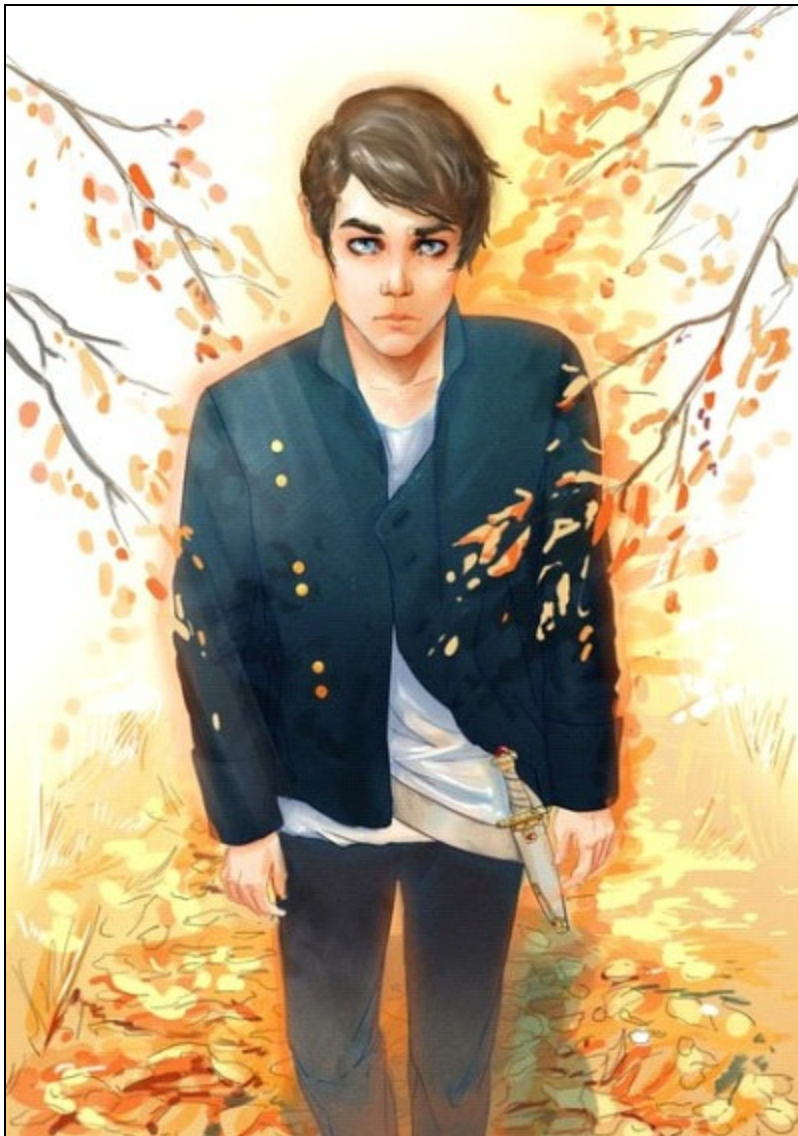
— Никто же не увидит!

— Это не значит, что можно нарушать закон! И при случае ты сам все императору расскажешь. Или покажешь. И Джи тебя накажет.

— Я не хочу спать один!

— Хорошо, я постелю себе на полу около тебя.

Стив дождался, пока Генри устроится и уляжется, и взял его за руку. Сон долго не приходил, но, прижав руку своей няньки к груди, Стив достиг тихого умиротворения и, в конце концов, уснул.

Люди и вещи,
что может быть проще?
Долг — словно клещи,
Утварь не ропщет.
Лезвие взгляда,
Лезвие чувства.
Быть тем, что надо —
Это искусство.

(архив Св. Райны)

* * *

ощущениями Джи.

Император сидит на траве, прислонившись к дереву на зверином острове. Крошка лежит в его объятиях, как в живом кресле: голова откинута Джи на плечо, руки безвольно лежат на его бедрах... Чувствует тепло Джи телом, ладонями и одновременно ощущает себя через его восприятие. Крошка спрятана в коконе его рук, погружена и растворена в его сознании, теле, мыслях. Ее нет. Вокруг только Джи, а от неё осталось мало, совсем мало — только чтобы впитывать его, чувствовать его собой, чувствовать себя сквозь него, через него... Осязает его руками, видит его глазами, живет и ощущает его чувствами.

В этот замерший в безвременье миг счастье абсолютно глубоко и бесконечно.

Его дыхание легким ветерком щекочет шею:

— Ты любишь себя больше, чем своего императора!

Это смешно. Новая волна радости и удовольствия возносит её и качает, как бесплотную паутинку в теплом воздухе...

Но Джи встает, поднимает ее. Невесомо отстраняется и выталкивает ее сознание. Крошка стоит, тяжело прижимаясь к нему, но он бережно направляет ее на песчаную дорожку. Послеобеденное солнце, так и не набрав летней обжигающей силы, понемногу ползет к закату, нежно греет кожу и перебегает праздничными блестками по воде пруда. Сегодня все задания проскочили легко и просто: звери танцевали, бегали и боролись, а дракончик даже пытался летать, ходил по перилам ажурного мостика и немного подрался с тигрой, и Крошка все сделала совершенно самостоятельно! Это было так волшебно — переместиться сразу во всех животных, стать ими и жить в них своей волей, своей душой!

Джи доволен, а день невозможно прекрасен!

— У тебя осталось последнее упражнение на сегодня. Дай мне нож.

Крошка, все еще в дрёме совместного восприятия, достает экзекуторский клинок из ножен на поясе. Джи берет нож, а другой рукой гладит ее по щеке. Она впитывает эту короткую ласку, пытаясь перетечь ему в руку, но Джи разрывает ментальный контакт и легонько отталкивает ее. Она окончательно сосредотачивается в своем теле. Настороженно идет следом за императором к лежащей на короткой траве газона маленькой тигре. Овладевает зверем и огненно-рыжая тигра приветливо мурчит, переворачивается на спину и, играя, хватая мягкими большими лапами Джи за ноги.

— Отпусти игрушку!

Она испуганно слушается. Джи хватая тигру за хвост, вздергивает в воздух и, включив силовое поле, отсекает ножом конец хвоста прямо под своей рукой. Тигра хрипло мявчит, падает и пружинистым комком отскакивает в кусты. Кровь веером разлетается по траве и острыми горящими каплями остается на белом песке дорожки.

Крошка вздрагивает, почувствовав боль зверя, и страх вместе со злостью взрывается холодными щупальцами. Она сжимается от негодования к самой себе: почему она не может управлять собой так же легко, как другими? Пытается заблокировать боль несчастной испуганной тигры, успокоить ее и себя, но Джи снова приказывает:

— Вернись к себе!

Она немедленно выходит из тигры. Джи никогда не приказывает дважды. Это пугает еще больше. Император подходит к раненому зверю, тигрик скалит зубы и утробно ворчит. Джи делает еще шаг, и тигра, боясь и защищаясь, ворчит громче и визгливей: опускает голову, шире открывает пасть и топорщит усы.

— Боль владеет животными, — тихо говорит Джи. Тигра суетливо зализывает хвост,

жалобно поскуливая. Потом мягко, как сдувающийся шарик, укладывается на бок и затихает. Кровь пульсирует ослабевающей струйкой. Джи кивком разрешает вылечить живую игрушку. Крошка падает на колени и гладит рукой рану, стимулирует регенерацию, подгоняет клетки и ткани. Под рукой останавливается кровь, проклёвывается и тянется белый зуб позвонка, постепенно оплетается сочно-розовыми волокнами, зарастает кожей... И вот уже пробивается красно-рыжая шерсть и белой кисточкой закрывается целый хвост. А Джи произносит слова. Они сплетаются в мягкую сеть. Слова везде и кругом, спутывают и одурманивают. Крошка старается не думать, не слышать, но все равно тонет в сковывающей вязи голоса Джи.

— Животные боятся боли, и поэтому ими легко управлять, их легко поймать и легко убить. Но человек не животное. Человек может научиться не бояться боли и тогда сможет использовать ее.

Тигра уже здорова. Крошка встает и прогоняет ее в глубину острова: она не хочет, чтобы зверь был тут. Потом выбрасывает отрезанный кончик хвоста в пруд и замечает, что Джи спокойно, но странно наблюдает за ней. Слишком внимательно, слишком пристально. Страх, свернувшийся в незаметный клубочек за сердцем и почти рассосавшийся во время лечения раненой тигры, снова пробуждается.

Его взгляд лишает сил. Страх растет и ядовитой тканью стягивает тело, сбивается клубком в горле, распускает тонкие острые жала. День насмерть испорчен.

Но Джи улыбается, разводит руки, и она с разбега прыгает ему на шею и вместе с императором падает в траву. Душное полотно страха тает. Джи прижимает её к себе, берет за руку, и резкая фантомная боль впивается в кисть, медленно зажевывает руку выше и выше.

— Не кричи, ты не животное, — теплые губы Джи шепчут и ловят её ухо, а крик плотным узлом застревает в горле, перекрывает дыхание. Она не умеет закрываться от фантомов, насылаемых императором. Никто не умеет. Боль раскалённой пиявкой ползет выше, объедает и заглатывает руку. Она не дышит и видит только свою руку, не может вырваться, не может остановить пожирающую её боль. Слезы текут сами. Она уже ничего не видит, бессильно сползает на землю, выскальзывая из рук Джи. Боль кончается, Джи подхватывает ее и целует в мокрые глаза, и она тонет в фантоме восторга. Он снова говорит, но она почти не слышит его.

— Видишь, все не так страшно? Ты научишься. Но пока не поймешь тьму, ты не увидишь света.

Она разлетается воздушными пушинками легчайшей эйфории. Её нет. Боли нет. Тела нет. Она растворяется в блаженной слабости, пытается улыбнуться непослушными губами и никак не может поймать дыхание, но собирает силы и благодарит своего Бога. И, умирая от ужаса, шепчет:

— Ты научишь меня быть человеком?

— Я научу тебя быть экзекутором...

* * *

— Экзекутор, вставай, труба зовет!

Стив проснулся, раздражаясь — Джи испортил его в инкубаторе! Он с ума сойдет, если каждый сон превратится в посещение архивов!

— Генри, еще раз меня так разбудишь — найду трубу и обломаю её об тебя.

Взглянул на темную сферу крыши — в черном небе никаких признаков рассвета. Левая ладонь тихо ныла, и страх, смешанный с непонятной тоской, таял на задворках памяти.

Стюард, улыбаясь, сервировал завтрак на кабинетном столе. О! Наконец-то, кофе!

— Через полчаса тебе надо быть на построении. Вставай, я тебя причешу. И на, повесь на шею. — Генри протянул прозрачный кристалл ловушки души на черном пластиметовом шнурке.

— Через полчаса?! Мне не нужно пятьдесят минут, чтобы собраться, — Стив забрался с ногами на стул. Взял обеими руками чашку долгожданного кофе, впитывая тепло и обожаемый аромат. — Я б успел и за четверть часа, зато поспал бы еще минут двадцать пять... — отодвинул от себя тонко наскобленное сырое мясо со специями, салат и хлеб — всё тщательно сбалансированное по важным питательным веществам и энергии. — Генри, ну зачем ты всё это натащил? Ты же знаешь, я утром не ем столько! У тебя предохранители перегорели? Мясо! Я год сидел на сыром мясе...

— Ты знаешь, нет у меня предохранителей. А ты должен поесть, неизвестно когда вы там остановитесь на обед, — неодобрительно отозвался Генри, начиная приводить в порядок прическу.

— Не буду я это есть! Я же на лошадь не влезу! — Стив просканировав пространство вокруг палатки, невесомо скользя мимо сознаний гвардейцев — не здороваться же с ними изнутри охраняемого домика. На посту стояла уже другая пара.

Генри еще попытался уговорить его полноценно позавтракать, но Стив был непреклонен — не пойдет же он в первый рабочий день на службу раздутый, как нафаршированная рыба, таская за собой набитое брюхо!

Выйдя на улицу и кивнув излишне серьезным караульным, Стив вздрогнул от прохладного влажного воздуха и застегнул куртку. Кругом лежала роса, и звуки пробуждающегося лагеря доносились глухо и невнятно. В соответствии с планом, место сбора исследовательского отряда было с внешней стороны, обращенной к северным горам, и Стив повернул за угол казармы. Генри пошел с ним, но почему-то с пустыми руками.

— А где мои вещи?

— Я отнес все к конюшне, когда шел за завтраком.

Рассветало. Близкие горы плоскими размытыми силуэтами темнели сквозь редкий туман на фоне чуть более светлого неба, но огромные машины геомодификаторов, стоящие широкой линией, закрывали обзор. Стив, пройдя между ними, вышел в открытое поле и немного в стороне увидел табунок навьюченных лошадей. Около них суеилось несколько техников, которые ковырялись в оборудовании, укрепленном на конских спинах. Далее стояла шеренга из десяти гвардейцев: три могучие женщины и семеро мощных мужчин, а перед ними громогласно зачитывал инструкции почти не отличимый от гвардейцев свеженазначенный регент. Неужели опоздал? Стив достал коммуникатор. Нет, он пришел вовремя!

— ...И про любовные развлечения забыть! Поймаю за этим занятием — заставлю выдрать друг друга стеклом! — рубанув по воздуху рукой, закончил свою речь регент и повернулся к нерешительно остановившемуся в предписанной дистанции Стиву.

Открывшись на мгновение для приветствия и сразу захлопнувшись, Стив слегка поклонился.

Главное удовольствие от телепатии — вы сразу получаете многоцветный букет

истинных чувств вашего визави, и букет регента чувствительно хлестнул его мокрым веником по морде. Люди могут скрывать свои чувства или притворяться, что не видят или не понимают явных знаков на чужом лице, в позах и движениях собеседника. Но телепат не может притвориться. Он получает этот многослойный пирожок истинного к себе отношения сразу в одном куске и прямо в горло. Крис испытывал к Стиву отвращение.

Стив набрал воздух, собираясь проговорить присягу, но не успел.

— Ты должен был привести его раньше! — регент холодно обратился к андроиду, небрежно скользнул глазами по экзекутору.

— Добрый день, ажлисс регент. Меня зовут Генри, я стюард экзекутора.

— Ты мне не нужен. На какое расстояние он может сканировать? — кивнув в сторону Стива, перебил регент.

Стив начал звереть. Джи с ним почти не поговорил и сразу выгнал! Ради такого идиота? Это же надо — прямо так с утра получить по физиономии и почувствовать себя лишним. Демонстративно лишним. Зачем он вообще пришел? Остался бы лежать на земельке у палатки. Потом какой-нибудь гвардеец перекинул бы его тучком через седло.

— Скан проникает через силовое поле, направленное сканирование около полутора километров, при широком сканировании покрывается площадь радиусом до километра. Данные теста от шестьдесят второго года восьмого месяца десятого дня, — отрапортовал Генри. Стив представил, как бы корчился регент, если проткнуть его особо мерзопакостным фантомом. «Он! Я те дам „он“... И имя-то у регента слишком длинное, как у обычного человека, а не ажлисс», — с растущей неприязнью отметил Стив и пообещал себе выкопать при случае личный ужас этого Кристофера. У каждого есть свой ночной кошмар. Особенно у сноваживущего, уже прожившего минимально одну жизнь.

— Управление?

— В тех же параметрах.

— Пусть не лезет в наши мозги и не путается под ногами. Его место впереди отряда на четыре лошадиных корпуса. Никакой самостоятельности. Обращаться только ко мне и только как «ажлисс регент». Задача — сканировать максимальный периметр и сразу докладывать обо всем живом и разумном вокруг.

Стив, уже не помня себя от злости и упорно глядя на исключительно интересный кустик, торчащий из-под комбайна геомодификатора, пробормотал:

— Генри, сообщи ажлисс регенту, что вот тут вполне живой кустик, но если не подвинуть комбайн, то кустик сдохнет и не получит шанс развиваться в нечто разумное.

Регент вплотную шагнул к Стиву и рявкнул:

— Присягу!

Стив вскинул глаза в зловредной радости и старательно, медленно, не повышая голоса, отрапортовал:

— Моя душа принадлежит императору, моя жизнь в руках императора, моя цель служить императору, я в вашем распоряжении на время операции по приказу императора.

— Ты что? Одним словом! — нависая над ним всей своей усиленно тренированной и заботливо выращенной массой профессионального гвардейца, зарычал регент.

Стив, обещая себе тщательно ненавидеть этого кретина и пусто глядя в темно-карие, но на удивление холодные глаза регента, четко выговорил:

— Я экзекутор Императора.

— Я не спрашивал тебя, кто ты, а что ты!

— Часть императора, — выплюнул Стив.

— Ты инструмент императора в моем распоряжении, — размеренно и с явным наслаждением сообщил регент. — Захочешь покрасоваться еще — надену ошейник и поведу на поводке.

Стив, уже вибрируя от негодования и откинув голову, молча изучал радужку левого глаза возвышающегося над ним регента.

— Взгляд в землю!

Стив задержал дыхание и закрыл глаза.

— Пошел за лошадью и через десять минут чтоб был здесь!

— Слушаюсь, ажлисс регент, — выговорил Стив, с трудом разжимая челюсти, и, погвардейски повернувшись (муштра исключительно хорошая вещь, особенно когда надо сдерживать бешенство, дергающее каждую мышцу), деревянной походкой пошагал к конюшне.

Дойдя до контейнера, где все еще спали неразбуженные биолошадки, Стив с силой хлопнул обеими ладонями по черному энерговпитывающему корпусу. Генри, молча сопровождавший его, подошел сзади и притянул к себе, обняв за плечи:

— Ты уже должен привыкнуть, Джи тебя учит все время.

Стив вывернулся и зло скинул руки стюарда, тихо сказал трясущимся голосом:

— Он никогда не унижает меня перед другими! И как ты можешь сравнивать!

Тогда Генри неуверенно продолжил:

— Стив, я собрал тебе....

— Он может мне насадить ошейник? Буквально взять на поводок? — перебил его Стив, ища что-нибудь, что он мог бы принести в жертву, разодрать в мелкое кружево и спустить ярость.

— Да. Ты сейчас официально принадлежишь ему. Экзекутор на время работы полностью переходит во владение временного владельца. Я тебе много раз говорил.

— А я не желаю это слушать. Я желаю услышать, почему регент такая тварь? Какой к черту владелец! Это авария портала, а я не подарок! — не найдя жертву для своего гнева и просто пиная траву, вполголоса ругался Стив. — Ошейник надеть может и наказать может? Может?

Стив резко остановился и обернулся, привалившись спиной к конюшне. — Значит, он может меня наказать? Тем своим стеклом? А не просто делать бу-бу-бу, как гвардейцам?

— Может, но вряд ли он будет тебя калечить. Ты ему нужен работающий. Ты принадлежишь императору, а он не будет ломать вещь императора. Тебя послали сюда работать, а не регенту на день рожденья.

Стив сел на землю, съехав спиной по стенке контейнера. Генри пригнулся к нему и обнял, сильно прижав к себе.

— Успокойся и никого не провоцируй. Ты год отдыхал, и ты справишься, если не будешь никого провоцировать.

— Джи меня выгнал... сюда. Год! Год бегать по степи и... я даже имя своё... день рожденья не помню!

— Ты же понимаешь, ты экзекутор, тебе...

— Откуда его вообще выкопали?

— Он с Жилайсу, я тебе говорил. Держи себя в руках и работай. Все будет хорошо. Ты успокоишься, если я возьму тебя на руки?

— Нет, — буркнул Стив. — Домой хочу. Зачем мне твои объятия, лучше я лошадь

достаю.

Часть гнезд в транспорте уже была пустая. Найдя первую же полную ячейку, Стив приложил ладонь к панели и активировал гнездо, оставляя в памяти конюшни свою подпись... Стенка открылась, из ячейки выдвинулась овальная капсула, где, подогнув ноги и свесив голову с подставки, спала вороняя лошадка. Капсула опустилась на землю, и открылась крышка, выпуская концентрированный запах конюшни. Стива всегда удивляло: в капсуле лошади спят в анабиозе, а все равно от них пахнет, как в конюшне с настоящими конями. Лошадь подняла голову, всхрапнула и, мотая ушами, встала. Немного помедлила, потом отряхнулась и, присев на задние ноги, как будто на мгновение задумавшись, тяжело спрыгнула на землю и осталась стоять, обнюхивая Стива. Стив погладил ее по носу, входя в контакт. «Будешь моей лошадкой», — мысленно сказал ей.

— Я буду звать тебя Бунькой. — Стив заменил регистрационный код на кличку. Не будет же он звать кобылу этой дурной комбинацией чисел! Армейские биолошадки все были абсолютно одинаковые и всеядные продукты биоинженерной лаборатории. Почти как он сам.

— Идем, сестричка, работать, — прошептал он, поглаживая лошадь по мускулистой шее и чувствуя, как вся его злость улетучивается и развеивается в теплом лошадином дыхании.

Генри открыл боковую панель конюшни и достал оттуда стандартное седло с уздечкой и несколько пакетов кормового концентрата. Стив был уверен, что приманит для лошадок пищу, но не стал протестовать, когда стюард запаковал в седельные сумки и эти «батарейки».

Лошадь была готова, Стив с тоской забрался в седло и подогнал стремена. Гвардейские кони созданы для этих армейских переростков, и Стив с легкой грустью вспомнил нормального размера лошадь, на которой он ездил на базе.

— Генри, ты подождешь меня здесь?

— Да, у меня нет другого задания, я буду ждать тебя.

Стив вздохнул и легкой рысью поехал к отряду, закрыв глаза и подставив лицо поднявшемуся ветерку.

Глава 16

Чужой лес

От полной ненависти до слегка любви —
Слова приказа.
И можно подчиняя, в сеть ловить,
Легко и сразу,
А можно презирать на все в ответ —
Не остановишь.
Чудовища опять ведут на свет
Других чудовищ.

(архив Св. Райны)

* * *

Ровная и широкая дорога, ударом сабли пройдя сквозь Фарнойские горы, кончилась, обрезанная ядовито-зеленой стеной инопланетного тростника. Одиночные деревья за спиной каравана — всё, что осталось от знакомой чащи. Вместо неё разливалась серо-коричневая жижа и вяло колыхались нахальные, толщиной в руку и высотой почти в рост всадников, трубки с пучками мясистых листьев, присыпанные ржаво-коричневым порошком. А далеко впереди Стив нащупал прозрачный и невысокий лес.

Геомодификаторы разъехались по границе соединения земель. На каждом комбайне ехало по два гвардейца для охраны. Космическая разведка доложила только о редких поселках деревенского типа, кое-где разбросанных по новым территориям. Ничего похожего на военные базы или мегаполисы не наблюдалось, и никто не ждал серьезных конфликтов на окраине телепортировавшейся зоны. Первое чужое поселение было не ближе полутора сотен километров по прямой, дорога от него вела совсем в другую сторону и безнадежно упиралась в отвесные скалы планеты Джи. А за горами все запирали силовой барьер.

Отряд из трёх ученых, их шести лошадей и десяти верховых гвардейцев с регентом стоял в полной готовности на обочине старой дороги.

Стив прилег на шею лошади и разглядывал трясину перед раздвоенными копытцами Буньки. Он неторопливо витал мыслью в неразумных тварях, копошащихся в водянистых дебрях, и ждал команды. Болото выглядело неглубоким, никаких крупных животных вокруг не ощущалось. Еще на первом привале он загнал в пробирки лаборантам несколько мелких потеряшек, растерянно бегавших по дороге. Мелких тварюшек: мышей, ящериц и порхающих то ли насекомых, то ли мелких птичек — лаборанты забирали целиком. Стив, помогая и для развлечения, завёл летающих зверьков в анабиозные пробирки в красивом пике. Сейчас все ждали старшего лаборанта Лейса — он засовывал в контейнеры последние образцы флоры. Но вот и он, явно удовлетворившись результатом, вернулся с донесением к регенту и подтвердил, что всё телепортировавшееся по обмену биологически совместимо.

— Экзекутор?

— Слушаю, ажлисс регент, — Стив развернул Буньку на голос.

— Расслабился, экзекутор? Болото проходимое? Разумная жизнь поблизости? — регент подъехал и встал рядом.

— Болото неглубокое, кони пройдут, и к тому же там дальше поле. И никаких представителей разумной жизни я не слышу, — Стив встрепнулся и сел ровно, надеясь, что регент не заметит невольное хамство. — Ажлисс регент, — добавил торопливо и отвел взгляд. Настроения цапаться с регентом не было.

— Тогда вперед! — регент осадил коня, освобождая проезд.

Бунька взрезала грудью дебри сочно хрустнувших и легко разломившихся растений и сразу же ухнула по брюхо, но, уверенно чавкая жилистыми ногами, поперла вперед, оставляя за собой траншею буро-зеленой каши. Так они не останавливаясь и пахали эту грязь, только иногда в более глубоких местах лошадь пыталась двигаться тяжелыми неуклюжими скачками.

Стив ехал, прикрываясь рукой от стеблей, щедро осыпавших его и вороную лошадь зернистым порошком из пазух листьев. Хотя кожаные штаны и куртка не промокли сразу, но за шиворот и за короткие голенища сапог все же натекло и напало всякой пакости. Мусор бегал по спине как живой. Стив оглянулся. Отряд предусмотрительно укрылся в броне, а регент натянул плащ с капюшоном, и Стив обиделся. Кажется, он обдурил сам себя. Он даже не знал, был ли у него такой плащ. Ну и ладно, он выдержит, не будет же он останавливать отряд. То-то регент обрадуется!

К полудню топь перешла в устойчивую луговину с веселыми кустиками. Пока они обедали, километрах в пяти прошло стадо антилоп, но Стив решил об этом не сообщать: животные были далеко и разумом не блистали. Лошади обсохли, а Стив во время езды снял и вытряс рубашку, надеясь отмыться и переодеться на привале. К вечеру они въехали в странно-голубой и светлый чужестранный лес и остановились на ночлег у найденного озера.

Тонкие хлыстообразные деревья с гладкой голубоватой корой и узкими листьями создавали впечатление искусственно высаженного парка, если бы не мочалки мха, тут и там густыми подушками закрывавшие стволы и свисавшие бородами с веток. На земле при каждом шаге хрустела глубокая рыхлая подстилка из обломанных веточек и засохших листьев.

Стив расседлал лошадь и скинул дорожные сумки, приблизительно отмерив указанное ему расстояние четырех корпусов от отряда. Подтолкнул Буньку в шею, посылая ее на водопой к остальным лошадям и оглянулся на голос регента.

— Экзекутор, ляжешь здесь, — ткнул регент пальцем за бок своей палатки. — А то вне лагеря гвардейцы могут не заметить, и тебя утащит какой-нибудь мелкий шакал, пока ты спишь.

Стив голосом подтвердил прием команды и перетащил седло с сумками к палатке, хотя очень хотелось ответить, что шакал не регент и с ним-то он с легкостью договорится. По непонятной причине этот странный регент избегал разговаривать мысленно, предпочитая дословно придерживаться негласных правил: пользоваться ментальной речью только с близкими или, по необходимости, в присутствии людей. Близких у регента явно не было. Людей же в отряде не было вовсе. У слабых смертных хватает опасностей и в их размеренных жизнях, чтобы ещё искать неприятности в экспедициях.

Гвардейцы разбивали лагерь и готовили ужин.

Стив достал смену одежды и пошел к воде отмываться от пылицы, пока лошади не замутили целое озеро, мысленно отвесив себе пинок от досады — плащ оказался в сумке! В темпе ополоснулся, переоделся и вернулся на свое место, краем уха слушая пустые разговоры гвардейцев и думая, что надо бы достать паек, переплести косу и повынимать надоевшие бусинки. Передача имущества императора состоялась, и теперь мелкие несоответствия в форме не так важны.

Лейс громко произнес, продолжая свой разговор с регентом:

— Нам, наверное, лучше вернуться с тем, что у нас уже есть, пока оборудование совсем не отказало. Чем дальше мы идем вглубь этих территорий, тем безобразнее работают приборы. Думаю, мы дадим отдохнуть лошадям и поедем назад, найдете вы контактера или нет. Для нас лучше вернуться и обработать материал, чтобы найти способ, как восстанавливать тут систему.

— Хорошо. Дать вам охрану?

«Стив? — пришел ментальный сигнал от Лейса. — Тут есть вблизи разумные агрессивные пришельцы?»

Многоцветье биополей отряда горело одиноким костром в тишине ночи на фоне более бледных аур прочей копошащейся жизни — вокруг плескался тонкий дым неразумных созданий, а до ближайшего селения носителей разума было ощутимо далеко.

Стив подошел к лаборанту. Изумительно! Техперсонал знает, как его зовут, а этот болван регент как будто не помнит имя этой теломорфы экзекутора!

— Нет, Лейс, тут ничего нет, кроме стада местных оленей.

— Вот видите, Кристофер, мы спокойно вернемся. Генератор поля тут почти не работает, оборудование сбоит. Неизвестно, когда оно вообще откажет, уничтожив все данные, что мы собрали. Однако, на всякий случай, двух гвардейцев для уверенности я бы взял.

Стив отошел на свое место. Крис-то-фер! Что за блажь — оставить длинное имя, когда у всех ажлисс максимально двухслоговые имена! Состроив гримасу в сторону леса, лег на

одеяло. И ужинать он не будет. Не так он и утомился на этой прогулке по природе. Подождал, пока вернулась Бунька и привалился к ее боку. Легко и привычно отпустил свое сознание, оставил свое тело и погрузился в мир живых разнообразно сияющих душ вокруг. Мелкие создания, четырехногие создания, летающие создания... но нет разумных... Нет есть! Где-то далеко, в шестидесяти-восемидесяти километрах есть разумные существа. Они беспокойны, но это почти нормальное состояние для людей. Стив, едва коснувшись поселения, сразу отдернулся и пустил скан сонно бродить с ночными тварями. Перепрыгивал с перекликающимися белками и качался на тонких ветках, щипал с ними мох и нес его в гнезда, парил и ловил ленивых мотыльков со странной птицей, расставив ложные ребра и натянув между ними полупрозрачную перепонку... И уснул.

* * *

Болело за глазами. Давило и дергало разгорающейся паникой чужое присутствие. Во сне дырами в черные провалы ужаса ходили горбатые чудовища и горели всепоглощающим темным огнем. Стив, отпихиваясь сознанием, преодолевая себя, проснулся, безмолвно падая в пропасть ужаса, обливаясь потом паники и не шевелясь, скользнул вдоль чужой мысли, закрепился там и быстро хлестнул волной скана вокруг, ища и поднимая гвардейцев от сна. А спали все, включая и храбрых солдат на посту по периметру.

Чужие в лагере!

Не выпуская чужаков, Стив сел во влажном воздухе ночи и, всё еще дрожа от испуга, снял пропотевшую рубашку. Кажется, все живы, но над двумя гвардейцами склонились темные чудовища: горбатые волки с неясными рваными контурами, словно покрытые темным пламенем. Языки этого пламени бились и срывались, скрывая истинные границы согнутых фигур. Чудовища подняли острые морды с воронками треугольных зубов и уставились ему в душу провалами кровавых глаз. Стив, содрогаясь от страха, захватил сознания чудищ, выдираясь из остатков сна и — ага! Не чудовища это. Пришельцы! Ну, надо же, что вдруг увиделось в ментальном зрении! Неужели телепаты? А так вполне даже люди. Подавил обоих чужаков и затопил их любовью к себе, драгоценному. Они встали, загипнотизированные внезапно захватившим их восхищением, и пошли к нему. Не было печали, принесло к нам активных телепатов. Ха, но он-то сильнее!

Лагерь выползал из сна, как муха, увязшая в меде, а чужие уже гладили его, разрушая последние барьеры, все больше открываясь и подчиняясь. Стив прижал их руки к себе и, даже не углубляясь в их анатомию, притушил страх и осторожность, нащупал радость, любовь и наслаждение. Привычно разбудил и влился в чужие чувства: принять, усилить, вернуть. Год он был один... Совсем один. Ему надо, просто необходимо совсем немножко, но присосаться к чужому сознанию, успокоиться и отогнать тревоги, свои и чужие. Совсем капельку забыться в доступной сейчас радости. Он не будет доводить никого до экстаза, просто немножко утешится. Пришелец вдруг щекотно дунул ему в ухо, и Стив засмеялся. Потеря ухом о плечо, откинул голову на обнявшего его сзади гостя и уплыл в дурманящие ощущения. Вот и славно, руками на кожу, сильнее прилипнут! Нет, нет, не кусаться! Ах, поздно! Гвардейцы зашевелились, пробуждаясь, но Стив был занят со своими пленниками. Старший опустил на колени и обнял его со спины. Руки скользнули теплом по дрожащему во влажной прохладе утра голым плечам, согрели живот... Молодой наклонился и лизнул в

губы, прихватил зубами. Губа лопнула горячей кровью, и Стив сжался сладостной болью, напрягся, сопротивляясь волне вожделения, сминаящей его тело. Сдерживаясь, чтобы не упасть и не утащить их обоих с собой на этой волне. Нет! Нет, он бы с радостью, но не сейчас и не здесь! Стив вложил в них желание идти с ним, он уходит и они стремятся за ним, идут за ним...

Низкий голос регента разнёсся ударами гонга в тиши ночного леса, отчетливо произнес почти в самый мозг, раскалывая хрупкое равновесие:

— Твое дело их найти и поймать, а не облизываться с ними!

Словно упал тяжелый занавес. Гайдера! Начальник стражи!

«Твое дело найти её и поймать, а не облизываться с ней!»

Хакисс убила его! Убила обоих!

Стив судорожно задышал, поймал внезапно отскочивших пленников и оглушил, роняя рядом. Сам тоже чуть не упал на подстилку. Силы вытекли, а холодная ночь проникла в кровь.

Регент что-то рявкнул, обращаясь к гвардейцам. Те забегали, укладывая лагерь.

Негодующий регент, затянутый в гибкую серебристую броню, нависал вплотную, и казалось, ледяная лавина его гнева сейчас сметет всё.

— Приказ тебя не касается? Я жду, — регент слегка отстранился.

— Ажлисс регент, я так работаю, — старательно выговорил Стив, едва не кляца зубами — мышцы пробирала дрожь. Как это глупо! Там все были мертвы! Не может быть! И он еще полуголый перед ненормальным регентом, когда тот запретил... Боже... Стив, завязывая нервы в узел, медленно и старательно натянул рубашку. Но регент мог бы его похвалить, что он поймал двух инопланетян и еще весь лагерь разбудил!

— То есть ты сюда приехал потереться плечиком о пришельца? От тебя смердит!

В сознание Стива впечатался образ самого себя, обмазанного мёдом и отдающегося сразу обоим пришельцам. Стив окончательно очнулся и заторопился объяснить, сдерживая крик:

— Неправда, ничего не было! Мне надо было...

— Тебе напомнить, кто ты и зачем ты здесь? Тебе надо было охранять лагерь. А ты ищешь с кем бы развлечься? Я должен понимать, что ты специально незаметно провел их сюда, раз тебе надо? Или они вдруг упали с неба? — регент, ничуть не пытаясь говорить тихо, чеканил слова, делая выразительные паузы, и разглядывал Стива, как странное насекомое.

Под светом луны было свежо, и дул пронизывающий ветерок, проплетаясь между редкими деревьями, но Стива затопило горячей волной. Он коротко вздохнул, собираясь немедленно оправдаться, но тут же убил это подлое желание в зародыше. Всегда терялся, если на него начинали орать. И это первое задание за целый год одиночества! И... вот так! И ведь кому будет плохо, если он получит немного радости для себя? Надо же было так сразу всё изгадить! После срыва на Гайдере сразу такое... Джи будет недоволен. Стив выдохнул и напрягся. Сжал кулаки. Да что он — ребенок, пойманный на мелкой лжи? Это не его вина, что регент спрашивал не того и вообще неправильно! Генри не мог ничего знать: после возвращения еще не было тестов! А он теперь может гораздо больше!

Стив отступил на шаг и расслабился. Пытаясь успокоиться, прижался ногой к теплему боку спящей лошади.

— Я никого не чувствовал. Ажлисс регент. Но когда почувствовал, то сразу

зафиксировал! И разбудил лагерь. А сейчас во всем лесу отсюда до их деревни никого разумного нет!

— До их деревни... То есть ты сканируешь дальше, чем на километр, — ядовито посмотрел на него регент.

Жар снова хлынул Стиву в лицо. Он тряхнул головой, сбивая неприятное чувство чужой лжи.

— Я не знал точно и не знаю! Я не... — легким фантомом просочился в голову регента — успокоить, убедить в своей искренности!

— А я еще удивился, как ты знаешь, что болото скоро кончится. Но подумал, что ты нашел более подробные карты. Но теперь неважно, — прервал его регент. — Так как далеко ты сканируешь?

— Не могу сказать точно, но их деревня приблизительно в шестидесяти километрах на северо-восток, — Стив протянул руку, указывая направление. — А дальше вроде есть еще одна... Мне сложно сразу сказать, я...

— Сколько там этих?

— Я не считал.

— Так посчитай! Зачем ты здесь вообще? И повтори, как ты должен ко мне обращаться?

— Прошу прощения, ажлисс регент, — Стив засуетился: пленники зашевелились и пришлось оставить регента, да еще тянуться в далекую деревню. Ему было бы проще завязаться в клубочек с этими двумя и, став одним целым, удерживая и подавляя их волю через прикосновение, беззаботно летать в облаках и эфире ментального поиска. Но регент.... Или это не регент? Имеет заскоки против близких контактов, интересно почему? Не с ним же он обниматься будет!

Регент еще раз смерил его взглядом и, оглянувшись на гвардейца, собирающего поблизости вещи, ровным голосом сказал:

— Дор, подойди ко мне, когда сложишь палатку.

— И как далеко ты сканируешь на самом деле? — присаживаясь к пленникам, повторил регент. Яркий желтоватый свет фонарика выхватил одинаковые словно манекены, лежащие навзничь фигуры, высвечивая контрастные тени от многочисленных карманов на комбинезонах и темные пятна на груди и плече ближайшего спящего.

— Точно не знаю, у меня еще не было тестирования, — буркнул Стив, пожал плечами и поднял беззаботно спящую кобылу. Запустил пальцы в теплую гриву, почесал гребень шеи. Вот единственно нормальное создание! И тоже начал собираться, уголком глаза подглядывая за регентом и криво усмехнувшись: ему-то фонарик не нужен. А резкий свет только испортил мягкую картину. И почему на него надо орать и давить авторитетом, а вот с гвардейцем, который всё проспал, можно разговаривать вежливо? К тому же с этим Дором, которому триста лет в обед, а ведёт себя как дитя малое! И, пожалуйста, кто бы сомневался! Дор бросил сложенную палатку напарнику и, весело сверкнув улыбкой Стиву, чуть ли не вприпрыжку заторопился на зов регента. Стив даже не счел нужным реагировать. Он затыгивал ремень подпруги, седлая Буньку. Дор обошёл лошадь сзади и сильно дернул кобылу за хвост. Бунька от неожиданности присела и прыгнула всеми ногами вперед. Стива снесло, ремни вырвались из рук, и он свалился под задние ноги лошади. Воспитанная биокобыла замерла, боясь потоптать человека.

— Дор, тебе декада технических работ на базе, — регент, не повышая голоса и не отвлекаясь, проводил методичный обыск, бросая найденное на одеяло экзекутора, как на

единственную поверхность, свободную от растительного мусора. — Позови Лейса — эти технические финтифлюшки по его части.

Стив выбрался из-под конского тела, отряхнулся и переседлал лошадь, пошав убегающему Дору мрачный взгляд. Дор же подмигнул и исчез, по дороге успев вскользь потрепать Буньку по боку. Кобыла только отмахнулась хвостом, а Стив вздохнул. Нашел время веселиться. Шут полуночный...

Стив старался держаться подальше от Дора: такие игрища утомляли еще с детства. И лучше бы на него не реагировали в принципе. Это внимание, в основном настороженно-любопытное, сопровождало всю жизнь. «Твое желание — это выполнить желание юбиляра. Твоя цель — точно выполнить желание того, к кому ты идешь работать! Ты — чувствующий и самонастраиваемый инструмент». Насмерть выученные правила. К Дору его никто не посылал, так почему Дор не пройдет мимо него, как мимо инструмента? А Дор, кажется, старался его развеселить или утешить. Разыграть. Пошутить. Как с маленьким. И делал только хуже. И не потому что Стив упал, это всё ерунда и, возможно, даже смешно. Ха-ха — непобедимый экзекутор ссыпался под кобылу. Но теперь половина лагеря заметила дернущуюся лошадь, и все обсуждали новинку в однообразной жизни. Во, уже шепчутся, было ли это оскорблением императора или падение экзекутора можно приравнять к тому, как кто-то споткнется о трон императора. Идиоты. Императору наплевать на это всё. Но странным образом исчезла обида и испуг, перелившись в грусть по Джи.

Подошел Лейс и женский крик пронзил неторопливый гул лагеря.

— Рем убит!

— Лейс, ты тут доделаешь? — регент выпрямился. — Соберёшь их цацки, а потом подседлаете одну вашу лошадь для пленного. Минут через двадцать выезжаем, — и ткнул пальцем в Стива. — Посчитал?

Стив вздрогнул и вернулся в реальность.

— Мне кажется, в ближайшем поселении около пятидесяти-шестидесяти разумных, а там дальше сливается сильно. Простите, я не могу сказать точно. Но я уверен, что между нами и ближайшим поселком нет ни одного разумного существа.

Регент отпрепарировал его змеиным взглядом и бросил:

— Позавтракай немедленно! Поведешь контактёров впереди отряда и мне не нужно, чтобы ты растерял их от слабости.

И ушел на звук женского голоса. Эрна что-то громко и визгливо объясняла. Стив не вникал в смысл, а, стараясь не слушать неприятно высокий голос, искал сканом и нашел мертвого гвардейца. Неудивительно, что он его не заметил во время первого сканирования. Он искал живых и не обращал внимания на глухие отражения предметов и слабые контуры растений.

Лейс глянул на коллекцию мелочи на одеяле, поднял и повертел окровавленные ножны с выстреливающимися кинжалами, которые регент отстегнул от предплечий старшего пришельца.

— Стив, — обернулся Лейс. — Больше тут никого подобного нет? Но я и этих-то не чувствую, хотя достаточно близко к ним и должен их ментально слышать. Ты их ощущаешь?

— Никого тут больше нет, а этих я, конечно, чувствую, я же их держу! — фыркнул Стив. Но что за напасть? Он крови на оружии не заметил, когда заставил пленников ласкать себя. Он даже оружия-то не заметил. Прокол за проколом!

— И ты слышишь обоих как обычно? — Лейс покопался в своей поясной сумке, вытянул

генетический детектор и присел между спящими пленниками.

— Не знаю, — вздохнул Стив. — Я их почувствовал, только когда они уже были в лагере. А потом всё было, как всегда, — и полез в седельную сумку за завтраком. Он уже упаковал свои вещи и ждал, когда чужестранное барахло уберут с его одеяла, а пока он сядет на уголок и поест.

— Интересно, — Лейс светился радостью. Убрал детектор и зачем-то ощупал челюсти обоим пленникам. Сканом было видно, что челюсти странные, как бы сдвоенные, усиленные дополнительными и вроде бы ненужными костями... Засуетился, затянул к себе на колени голову младшего и с усилием нажал ему под ушами. Лицо пришельца изменилось: челюсти со звуком рвущегося мяса вдруг выдвинулись вперед и снова сложились. Из рта потекла кровь.

— Ой, Стив, залечи его быстренько, — Лейс положил ладонь на грудь старшему и потом взял его за руку. — При контакте я его чувствую. И спят они как снежные белки, хоть за уши носи...

Стив пересел и провел пальцами по щекам пленника — удивительно, разрывы активно лечатся сами! Регенерация, как у ажлисс, вот же повезло... Но кости странные двойные и суставы неправильные... Хотя вроде выглядят как обычные люди. Если сравнить его самого с Кристофером или любым из гвардейцев, и то больше отличий наберется. Стив вспомнил, что его удивили их глаза со слишком широкими радужками, почти без белков. Сейчас веки были опущены и безумное выражение широко посаженных глаз было не видно. Длинные лица, излишне выдающиеся челюсти и редкие бакенбарды, переходящие в бородки у обоих, выглядели даже забавно. Широкоскулые, коренастые, с короткими белесыми волосами. Один точно помоложе. Отец с сыном? И одеты одинаково, похожи на рабочих, в глухих серо-зеленых комбинезонах с кармашками везде и всюду. Как клоны.

— А я решил, что мы не можем их слышать. И второго я все еще не слышу, — приговаривал Лейс, ощупывая тела. Потом снял широкий браслет с руки младшего. Хмыкнул, отвернул рукава у второго пленника и снял такой же браслет с него. — Ага. А без браслетов я их чувствую и не дотрагиваясь! Кого-то мне это напоминает.

Стив повернулся и склонил голову на бок, анализируя свои ощущения. Нет. Никакой разницы он не чувствует. У Лейса в голове крутились два слова, расцвеченные фейерверком радости: эксперимент Тадея! Что за эксперимент? Но спрашивать он не будет.

— А по-моему, ничего не поменялось.

— Ты сильнее нормального ажлисс, возможно, ты прошел сквозь этот барьер и не заметил. Сейчас я верну тебе одеяло, — Лейс согнал Стива с насиженного места, сгреб одеяло за углы и унёс добычу.

Голос Эрны, бывшей с Ремом в паре на дежурстве, продолжал звенеть в ушах:

— Я ничего не помню! Все было тихо, а потом я уснула. Я никогда не сплю на дежурстве. Никогда! А потом экзекутор нас разбудил, а Рема я сразу же нашла. Они нас как-то усыпили. А я никого не видела. И даже не слышала.

Стив послушно попытался позавтракать, но еда не лезла в горло. Он не привык есть в такую рань, хотелось кофе, но желудок сжался в ледяной ком и всё вокруг было гнусно и нервно. Решил не мучиться: скормил завтрак Буньке и выглянул из-за лошади. Ночное небо сливалось с черным кружевом крон и создавало вместе с темной землей странную рамку сцены, в которой призрачно светились голубоватые стволы редко стоящих деревьев, и двигались люди в серебристой броне. Двое несли тело Рема. Он был без шлема, голова

свисала на грудь и безвольно моталась в такт шагам Эрны и Сида. А светлый нагрудник был непривычно темным. Кровь. Стив тронул его сканом. Шея разворочена напополам, и рот внутри размолочен. Надо же, как сильно разворотили горло быку-гвардейцу, а вроде среднего росточка пришелец. И сколько же раз он его ткнул, что спереди горла почти и нет? Рем, соня заторможенная, не смог вовремя среагировать, остановить кровотечение и замедлить сердце. Конечно, умереть проще. И почему он был без шлема? Или инопланетный нож способен пробить броню?

Стив еще раз пролетел сканом по лесу вокруг лагеря, за озером, выстрелил узким щупом в сторону далекого поселения. Звери, птички, мышки... Никого, кроме животных, по лесу не шастало. И никаких припрятанных самолетов в кустах тоже не стояло.

Тело Рема положили перед палаткой регента. Эрна отстегнула грудной щит напарника, сняла ловушку души и в открытых ладонях протянула кулон регенту. Полный кристалл сыто блеснул молочно-белым. Регент подержал кристалл в горсти, прикрыв другой рукой, а потом надел себе на шею.

— Эрна, подготовишь тело к похоронам.

Пока лагерь собирался, Стив прошел молчаливым призраком к Лейсу, забрал и упаковал одеяло, а потом дождался конца краткой церемонии в стороне, сидя на Буньке. Его это не касается. Он — инструмент, оружие и часть материального обеспечения экспедиции.

Эрна выкопала могилу, и все чинно, в шепчущей тишине лесной ночи, выстроились вокруг тела, уложенного на тонкую ткань. Латы сняли: Рему они еще пригодятся. Эрна на мгновение задумалась, посылая регенту вопрос: «А не опасно для местных?»

«Сыпь! Образцы уже есть. Лаборанты могут сдублировать фауну и флору когда угодно. Тело ажлисс оставлять нельзя!»

Эрна посыпала тело капсулированной рассадой, остаток раскидала по дну ямы. Упаковка полетела туда же. Рема бережно завернули в ткань. Регент с Сидом опустили труп в могилу и быстро закопали рассыпчатой суховатой почвой. Рассада в контакте с телом вскоре проснется, а дня через три на месте захоронения образуется залежь высокопитательного компоста. Тело разложится, и агрессивные бактерии рассады, сделав свое благое дело, тоже отомрут и станут кормом для растений.

Убийце Рема лаборанты освободили свою лошадь, переделав техническое седло на верховое, как и планировалось для контактера. Второму дали лошадь Рема. Стив рассадил своих марионеток и заставил их подогнать стремяна. Регент махнул рукой. Экспедиция молчаливой широкой рысью понеслась домой.

На рассвете прошла волна землетрясений — геомодификаторы приспособлявали границы соединения зон. К этому времени кавалькада уже выехала в широкое, незаметно понижающееся, поле. Полностью подчиненные своим всадникам биолошади не проявили никакого интереса к судорожно вздрагивающей луговине, только сбивались с темпа и переходили на осторожный шаг, а потом снова мчались все той же мерной стремительной рысью.

Биолошадки двигались совершенно в унисон, а в голове крутилась совершеннейшая глупость: «Пришельцы не пришли, а телепортнулись, поэтому они телепортянцы? Прилетельцы? Или как их можно назвать? Упаданцы...»

Стиву было нетрудно, войдя в ритм, ехать одному в трех лицах. Он провел их гуськом за собой по лесу, но в поле выстроил клин: оба ведомых человека поехали плечом к плечу за хвостом его лошади.

Регент торопился вернуться, но в полдень все же остановил отряд на небольшой возвышенности. Прямо перед носом уже начинались болота, и было решено дать отдохнуть лошадям и людям, чтобы, выйдя к вечеру на старую дорогу, без задержек мчаться на базу.

Мраком нависшего облака бурного
Небо затянуто сну вопреки.
Золото собрано, ссыпано, куплено.
Кровью напоены бронзы клинки.

Та фотография, старая, желтая
Мысли тревожные вечно хранит.
Ветер застыл и дорогой безбожною
бронзой холодной память звенит.

Я ту картинку из памяти вырежу,
Брошу в окно и спущу по реке.
Патина памяти бронзой пресыщена,
Кровью засохшей стечет по руке.

(дневник шестой Крошки)

* * *

К удивлению Стива, к лошадям пленников никто не подошел. То есть подразумевалось, что он будет не только пасти контактеров, но и заботиться о трёх лошадях?! Стив негодуя сбросил седла и отослал взмысленных коней напиться, предварительно сунув каждой зверюге в зубы по энергопакету. Вода тут была почти под ногами и гвардейцы успели выкопать неглубокий колодец. Плохо отфильтрованная вода набиралась быстро и не успевала толком

отстаиваться, но муть коням не помеха: пройдет насквозь и выпадет с навозом.

Стив, наблюдая, как регент намочил свою лошадь губкой от головы до хвоста, а теперь резкими мощными движениями щетки сушил её, решил замыть своим неожиданным питомцам хотя бы спины. Пока раздумывал, с какими реверансами попросить у регента ведро, рядом возник сверкающий броней, как живая ртуть, но неожиданно серьёзный Дор. И с ведром.

— Крис сказал тебе помочь.

Стив кивнул, вынул конскую щетку из седельной сумки и отправился вслед за Дором. Дор тщательно облил биолошадок и в сосредоточенном молчании начал полировать животное по имени EP2416873-45. Но долго не выдержал и спросил:

— Зачем ты раздевался для контактеров? Ты же не хотел на самом деле с ними... играть? Ты же понимаешь, что оскорбляешь ребят!

Стив замер, уставившись на нахала. Он что, должен еще вот этому шуту отчитываться? «У тебя нет разрешения со мной разговаривать! Не твое дело, как я работаю!» — швырнул мысленно в ответ.

— Стив, да брось! Меня регент послал, всё в порядке! Я тебя давно знаю, ты же старательный. Сколько раз я с Джи и с тобой...

Стив закрыл глаза. Джи! Где Джи, а где он сейчас?! Как же этот Дор его достал! И шутками своими дурацкими достал, и разговорами своими дурацкими достал! Джи здесь нет, а есть прилипала Дор и урод Крис! Открыл глаза и мстительно заблокировал Дора, не давая тому говорить. Кусая губы, заставил его быстро дочистить корпус EP2416873-45 и отогнал. Оттащил, даже не стараясь придать видимость самостоятельного движения, бросил на траву. И почувствовал чужое внимание. Регент, неторопливо поедая обед, смотрел ему в затылок. Стив плотно закупорился, чтоб не видеть и не чувствовать — направленный зов он услышит, но вот это пакостное присматривание не будет щекотать его нервы! Выжал скобкой на торце щетки воду из лошадиных спин и отогнал к укладывающемуся на отдых табунку.

Потряхиваясь от злости, напоил пленников и сводил обоих, как дрессированных собачек на поводке транс, оправиться в сторону от стоянки. Привел обратно, уложил, усыпил. Конечно, было бы гораздо проще заплестись с пленниками в один узелок и вместе поспать, но они же все с ума сойдут! Ханжи лицемерные! И Крис этот раскрыситься опять может. Дотрагиваться до пленников Стив не решился, а спать нельзя: надо держать контактеров тепленькими и мирными. Гвардейцы молчаливым, но дружеским кружком обедали. Стив достал паёк и лег, облокотившись о седло, рядом со своими блаженно спящими подопечными. Уставился в небо. Ветер, кажется, дул сразу со всех сторон. Облака рвались и беспокойно клубились, пытаясь увернуться от беспорядочных тычков ветра, не зная и не понимая, куда лететь.

Благодаря Дору, он узнал, что тревожит отряд. Ведут себя как после конца света! Всё же получилось: только приехали, за одну ночь поймали даже двоих и уже почти вернулись! Привычно раскинув скан, Стив всё-таки не удержался и прислушался к разговорам. Лейс со своей командой, подавленные общей тишиной, вполголоса обсуждали варианты настройки техники, а гвардейцы как будто и не разговаривали. Но безмолвные мысленные реплики летали словно взбесившиеся биоутки на экзамене по стрельбе:

«Не понимаю, как я ничего не слышала! И эти пришельцы, они же такие мелкие, чуть больше экзекютора! Рем же мог повязать их одним пальцем!» — проспавшая все виноватая

Эрна.

«Прямой доступ в библиотеку отсюда закрыт», — лениво процедил самодовольный регент. «Но я спрошу куратора, пусть посмотрит в дневнике Рема, где гулял его палец и почему он оставил открытым горло».

«У нас на Жальрис никакого экзекутора не было, но ведь он не имеет права выбирать партнеров?» — Сид, приехавший с регентом.

«Нет, сам он не выбирает, но регент не сказал, как именно ловить, поэтому, я думаю, он поймал их так, как ему показалось лучше», — вот Дор опять его защищает.

«Он должен был найти и зафиксировать контактеров, а не приманивать и развлекаться в собственное удовольствие! Приказ был ясный. Тем более, он проспал убийство», — регент, проспавший убийство вместе со всеми.

«Я бы повесился с такой работой — доставлять удовольствие, куда пошлют!» — добавил Сид.

«Шлюхам нравится менять клиентов. А не мог он специально убить Рема, чтоб не мешал? Не верится мне, что пришельцы могли просто так справиться с Ремом», — конечно, соня Эрна.

Ах, вот и оно... Стив снова закрылся. Конечно, мешал ему Рем. Очень мешал! Спал зараза, вместо караула, тем и помешал! Разбаловались на имперской службе, армия, называется. Как беспорядки, так экзекутор всех умиротворит, дознаватели всех рассортируют, а армия готовеньких разбирает. Привыкли за экзекутора прятаться. А экзекутор даже спать не имеет права! Лучше бы сюда вместо армии спасателей послали, те хоть привыкли работать во время стихийных бедствий.

— Стив, придержи контактеров, мы еще на них посмотрим, — подошел Лейс с коллегами-лаборантами.

Стив кивнул и сел ровно. Все трое опустили рядом и с энтузиазмом начали тыкать в бесчувственных пленников пальцами. Подождать не могут? Сейчас приедем, сунем добычу в инкубатор и будет вам голограмма: хоть целиком внутрь залезайте...

А кому он сделал плохого, что привязал пленников на тело? Можно было подержаться и за ручки, но это не им решать! Не им судить! Ну и что, что Рема убили. Вернутся на базу, Рем получит новое тело, и всего-то. И заодно объяснит, как это его смог убить какой-то ничем не примечательный человек. И вообще, гвардейцы прямо как маленькие. Игры, ритуалы. Он вон тоже в детстве испугался, когда Джи впервые убил сноваживущего с его помощью. Точнее, управляя львицей, которой тогда была Крошка. Львица прыгнула из-под руки Императора на стол и, оставляя белые царапины на темном полированном дереве, проехала по всему длинному столу заседаний. Соскальзывая на пол, извернулась и схватила за голову того советника, или кто он там был. А потом, хрупнув черепом в сильных челюстях, тяжело свалилась и бросила на пол мертвое тело. И ничего. Видел он потом этого советника — бегал очень даже живой. В новом теле. Ну да, этот советник долгое время плохо смотрел на Крошку, но не умер же. Ха. Крошке было гораздо противнее вспоминать хруст его костей во рту и вкус крови.

Кристалл у Рема был с собой, регенту же его передали. Вот чего на него сейчас так смотрят? Сами все проспали! Стив решил, что больше подслушивать не будет. Не объяснишь же, что он год был в ссылке, совсем один, и у него болит душа, и... И не их это дело! Людей вообще понять нельзя, даже если они ажлисс.

Стив еле-еле дождался команды снова ехать. С готовностью рванул вперед, ушел в ритм

езды, погрузившись в ощущения чужих тел, стимулируя и возвращая в них ожидание праздника и счастья, которое ждет их впереди, плавая и растворяясь в искусственном дурмане. Благостное спокойствие убаюкивало пленников. Он сам поддавался своему убеждению, что всё чудесно и они едут, например, в гости к лучшим друзьям. Конечно, их языка Стив не знал, языку научит инкубатор, но эмоции он нашел и сейчас сам с большим удовольствием плавал в них, навевая добровольное ожидание чего-то приятного и чудесного, что ждет там, за горами.

Остаток пути раздумывал, как смогли чужаки оказаться так незаметно в лагере. Почему не услышал? Не заметил никакого транспорта, на котором они могли бы добраться от деревни к месту ночевки. А он специально искал! Обшарил весь лес, пока ждал, когда соберутся в дорогу остальные участники набега. Вспоминал, что вроде видел ауры пленников в поселении, когда блуждал сканом вокруг лагеря перед сном. Однако не хотелось разглядывать деревню переселенцев слишком уж тщательно — как бы ненароком не испугать или, что ещё хуже, не привлечь внимание, и поэтому не было точности в воспоминаниях. Но, похоже, пришельцы все равно заметили и это он, совсем того не желая, навел чужаков на стоянку. И мало того: даже жителей деревни пересчитать не смог. Сказал регенту, что их было около шестидесяти. А в более далеких поселениях ауры вообще сливались в одно размытое облако и безнадежно запутывались. Он оказался совершенно не готов к настоящей работе! Он думал, что достаточно натренировался на кочевниках! Неуверенность в результатах извивалась недодавленным червем и неприятно бредила совесть.

К полуночи, выжав все силы из казалось бы неутомимых лошадок, отряд вернулся на базу. Их встречала небольшая жизнерадостная и любопытная толпа свободных от постов гвардейцев, дежурных умников из лабораторий и парочка стюардов. Поднялся гул и деловая суэта. Оставшиеся на базе хотели впечатлений и рассказов. Приехавшие тяжело сползали с лошадей и благосклонно позволяли за собой ухаживать. Выразительная блондинка с романтическими локонами энергично подхватила лошадь регента. Главлаб Лейс разгружал вещи сам. Хотя по статусу ему тоже полагался стюард.

Стив устало отбросил стремя и, найдя Генри, направил к нему Буньку.

Перекинув ногу через круп, Стив животом соскользнул по боку лошади и жестко впечатался подошвами в землю. Зевнул и, все еще держась за седло, медленно потянулся, разминая спину у горячего бока пыхтящей лошади, неторопливо спешивая своих марионеток. Генри погладил его по плечу и собрал поводья коней:

— Все в порядке?

— Да что со мной могло случиться...

Он бы с радостью тоже отдался в руки стюарда, но надо ещё отвести добычу в инкубаторы. Добыча мутно смотрела закрывающимися глазами куда-то внутрь себя, готовая упасть и отключиться без воздействия экзекутора. Бедняжки умотались настолько, что Стиву уже не нужно было их глушить и сдерживать. Наоборот, теперь он их взбадривал и внушением практически тащил на себе.

Низкий голос регента легко перекрыл общий разговор:

— Отряд свободен. В пять утра сбор у лабораторного павильона! Экзекутор с контактерами за мной!

Подхватил часть лаборантского скарба и исчез в проходе между палатками вслед за

Лейсом и техниками, торопливо уносившими в свои закрома новые игрушки для исследований.

Стив заторопился в фарватере начальства, мечтая нырнуть в горячий душ и лелея предчувствие свежих простыней на чистой коже. Полусамоходные полуспящие пленники механически пристроились в хвост.

Лабораторный павильон занимал половину технического крыла лагеря, с другой стороны от стоянки флаеров, совсем не там, где между казармами дразняще стояла палатка императора. Прозрачный верх биологической лаборатории радовал обещанием уюта и тепла на фоне темного неба и издалека выделялся среди жилых палаток, как слон среди коров. Двери с тихим шепотом раскрылись, и Лейс исчез в освещенном помещении. Его шаги сразу стихли на пружинящем покрытии пола.

Прямо перед входом их догнал дежурный:

— Крис, — замерев по-уставному, быстро кивнул регенту и крикнул в спины техникам: — Лейс, с возвращением!

— Доброй полуночи, Кор. Как граница? — регент перехватил поудобнее контейнеры и зашел внутрь.

— Всё тихо, но в седьмом секторе собрались пришельцы. Пытаются пройти, копают землю.

— И как у них, получается? — хмыкнул регент и сложил контейнеры на ближайший свободный стол в холле.

— Да пока никак, но яму выкопали внушительную.

— Хорошо, что им до утра есть чем заняться. Передай на седьмой сектор, чтобы подготовили посадочную площадку — входить будем там. Дознаватель Лил приехала?

— Да, еще вчера.

Стив, как полудохлая квочка с цыплятами-переростками, втащился в холл и один в трех лицах побрел за всеми в сторону инкубаторов, подождав секунду, пока Лейс передал свою ношу набежавшим сотрудникам. После короткого коридора Лейс пропустил их через силовые ворота. В боковом секторе павильона оказалось целых пять инкубаторов, присосавшихся рядком, как поросята к свиноматке, к монстрообразной конструкции биоконвертера, который обычно не торчал вот так, на виду, а всегда прятался в подсобных помещениях. Вокруг каждого инкубатора горела предупреждающая желтая линия.

— Уложи их сюда, — Лейс указал на крайние два.

Стив с удовольствием послушался. Он бы и сам с вожделием упал в мгновенный сон инкубатора. Лейс закрыл прозрачные крышки, густой туман затянул все внутри и наконец-то можно уйти. Инкубаторы чужаков не только прочитают, но и одежду почистят и самих помогут и накормят. А если найдут какие дефекты, то и вылечат. Кто б регента вылечил! Где долгожданный сигнал «эксекутор, иди спать»? Стив покрутил головой, разминая шею. И чего регент тянет? Отпустил бы его и болтал хоть до пяти утра! Или он сейчас обнаглеет и залезет в один из свободных инкубаторов, благо матрасы там мягкие. Стив переместился поближе к выходу и сверлил глазами ботинки регента.

Регент уронил белый непрозрачный кристалл Рема в ладонь Лейсу.

— О, это кто? У вас там был бой? — заволновался Кор.

— Это Рем. Никакого боя не было. Никто не видел, что произошло. Кор, прямая связь с библиотекой разрешена? Я хотел бы прочитать дневник Рема до того, как он сам сможет отчитаться.

— Нет. Мы пока ещё в частичной изоляции, — Кор проводил печальным собачьим взором кристалл, исчезнувший в панели третьего инкубатора. Стив поднял глаза в бесконечный космос над головой — эдак они тут и в самом деле проболтают до утра!

— Хорошо, разберусь и с этим, — регент явно не торопился. — Лейс, вы пока не учите наших пойманных пришельцев имперскому. Не к чему им знать наш язык. Мы с Лил рассортируем переселенцев и выберем кандидатов для постоянных контактов, тогда и научите.

— К сожалению, так не выйдет, — помотал головой Лейс, настраивая инкубатор для Рема. — Первый контактер автоматически выучит язык контакта, иначе система не сможет создать словарь и разобраться с его знаниями. Понимание языка и реакции живого мозга — это основа, на которой строится расшифровка и последующее обучение. Система постоянно проигрывает и сопоставляет полученные ассоциации с участием контактера и тот автоматически учится тоже. Но контактеру все равно нужно время и тренировка для полного осознания влитых знаний. Очень хорошо, что их два: данные, полученные от двоих, более достоверные.

— Тогда просто не выпускайте их до пяти утра, — выдохнул регент. — Хотелось бы провести первый разговор со свежими и еще неосознавшими пленниками.

— Конечно, выпустим наших экспериментальных зверюшек, когда вы будете готовы. И Рем как раз уже выйдет...

— Сколько времени надо, чтобы записать язык всем гвардейцам в трех инкубаторах?

— Не обязательно пользоваться инкубаторами, можно использовать шлемы. У нас есть двадцать шлемов полного погружения. И я думаю, что часам к четырем мы уже сможем начать процесс обучения.

— Тогда не будем торопиться. Лишние сто минут лучше потратить на сон. Но, Кор, передай Лил, чтобы пришла к четырем — будет первая, кто выучит язык. И вызови по списку первых девятнадцать из отобранных к работе на территории. Лейс, вы успеете к утру разобраться с браслетами?

— Отчет мы сделаем, но, сами понимаете, я пока не знаю, когда и как мы разберемся с их техникой. Я иду спать, но лаборатория постарается.

Стив уже собирался демонстративно лечь в уголок, когда регент, развернувшись как на параде, рванул к выходу, скомандовав:

— Экзекутор, за мной!

Зевая и подрагивая от ночной прохлады, Стив потрусил за широко шагающим регентом к казармам, тихо радуясь, что они приближаются к императорской палатке. За время экспедиции дорожки выложили плиткой, и узорные квадраты матово блестели в неярком свете солнечных фонариков, подсвечивающих периметры всех строений на базе.

Регент пропустил Стива в холл своего жилища и молча указал на центральный проем. Стив сделал пять шагов и остановился. Почти весь небольшой кабинет занимал прямоугольный стол с панелью системы по торцовой части, и разгуливать тут было негде. Стив развернулся и слегка испугался, заметив, что регент мазнул рукой по замку и запер дверь. Одним движением сдернул стек, висящий на боковой стенке секретера, и оказался стоящим вплотную, перекрывшим всё. Стив перестал дышать. Встретил ничего не выражающий взгляд карих, как будто нарисованных на широком мужественном лице глаз. «Как реклама „Мы ждем вас у имперских спасателей!“» — мелькнула бредовая мысль.

Регент шевельнул большим пальцем, переключая настройки стека, и молниеносно выбросил руку вверх, целясь рукояткой в подбородок Стива. Стив рефлекторно дернул головой и, поймав регента мыслью, зафиксировал стек в сантиметре от челюсти. Совсем немного качнулся назад, глядя в остекленевшие глаза. Представил, что ему будет за самоуправство. И сдался. Отпустил. И тут же упал навзничь. Разрядом словно взорвало зубы и вынесло мозг, пробило кровавой искрой боли от затылка до копчика.

— Встать, — выплыла из кружащегося марева тихая команда.

Все еще ничего не видя, Стив поднялся на четвереньки. Кажется, он еще приложился затылком об стол. Отдышался и встал, боясь открыть глаза. Сориентировался сканом, определил свое положение и повернулся лицом к регенту. Открыл глаза, снова уткнувшись в немигающий взгляд темно-карих глаз. Удивительно мертвых. И, концентрируясь на них, выровнялся.

— Мне не важно, мужчина ты или женщина. Я не буду перед тобой прыгать на задних лапках. Ты сюда пришел работать, а не крутить шашни или капризничать, — ввинчивался в сотрясенный мозг четкий голос. — Когда мне надо будет с тобой целоваться, я закажу тебя как подарок. Ты инструмент, который должен работать. Если инструмент не работает, я имею право его настроить! Ты получил приказ: первое — никаких шашней, второе — не лезть в наши головы без разрешения и никакой самодеятельности. Ты нарушил все три правила. Следующий раз твой стюард выдерет тебя перед строем.

И наотмашь хлестнул стеклом по лицу, ломая нос. Стив упал на бок, ослепленный болью, сжался и окаменел. Регент низко нагнулся, и его теплое дыхание проникло в ухо. Насыщенный низкий бас, выговаривая слова, обволакивал странным:

— У нас не было времени познакомиться раньше. Сейчас, я уверен, тебе всё ясно. Восстановишься и уйдешь на своё место. В пять утра будешь здесь.

И ушел.

Стив осторожно откинулся на спину.

Удар регента прорвал невидимый и незнакомый шлюз. Изнутри поднималось тягуче-тяжелой расплавленной смолой неуспокоенное томление. Стив быстро и мелко дышал ртом, пытаясь не пустить, спрятать, куда-то убрать! Куда? Убить ненормально дикое желание. Ужас раздавил его. Захлопнул в глухой капсуле тела. Он мог бы отдаться регенту! Прямо сейчас! Если бы тот только дотронулся до него, то долго сдерживаемое неудовлетворение снесло бы все барьеры и... Стив похолодел, обливаясь потом. Крис ушел, умница Крис! Страшно представить, что бы могло быть, если бы этот придурок остался! Или просто положил на него руку...

Стив дернулся и чуть не закричал — теплая влажная ткань мягко вытерла кровь со скулы.

— Тебе дать воды?

Только нежелание въехать плечом в кровь, натекающую на пол, удержало Стива на месте, и он сел, глядя в большие голубые глаза андроидки.

— Меня зовут Саппэ, я стюард Кристофера. Хочешь, я тебя умою?

Даже имя андроида регента короче, чем имя самого регента! Стив медленно вздохнул через рот и, сжав зубы, пальцами поправил разбитые кости. Отобрал мокрое полотенце у Саппэ и спрятал в него лицо. Послал ей мысль:

«Не надо, я перед уходом сам умоюсь, только предупреди меня примерно через полчаса. Нет, лучше раньше — через минут сорок».

Говорить было невозможно. И снова лег на пол, пытаясь отвлечься от так не вовремя вспыхнувших желаний, сосредотачиваясь на времени, считая минуты... В минуте сто секунд, в часе сто минут, в сутках двадцать часов... Но в голову пробивалась совсем иная математика. Крис с Жальрис, битарере увезли на Жальрис... Крис — стражний?!

На дурацкий ритмичный мотивчик назойливо вертелось: «Регент зарычал от злости, мне сломал четыре кости». Нос он сейчас поправит, но голова раскалывалась и уводила в темные болота нехороших мыслей. И, главное, что это было? Джи всё знает... Страх шевелился и ввинчивался, начисто поглотив сон. Лечить головную боль уже не было ни сил, ни желания.

Он отогнал Саппэ и, исследуя себя, погрузился в транс регенерации.

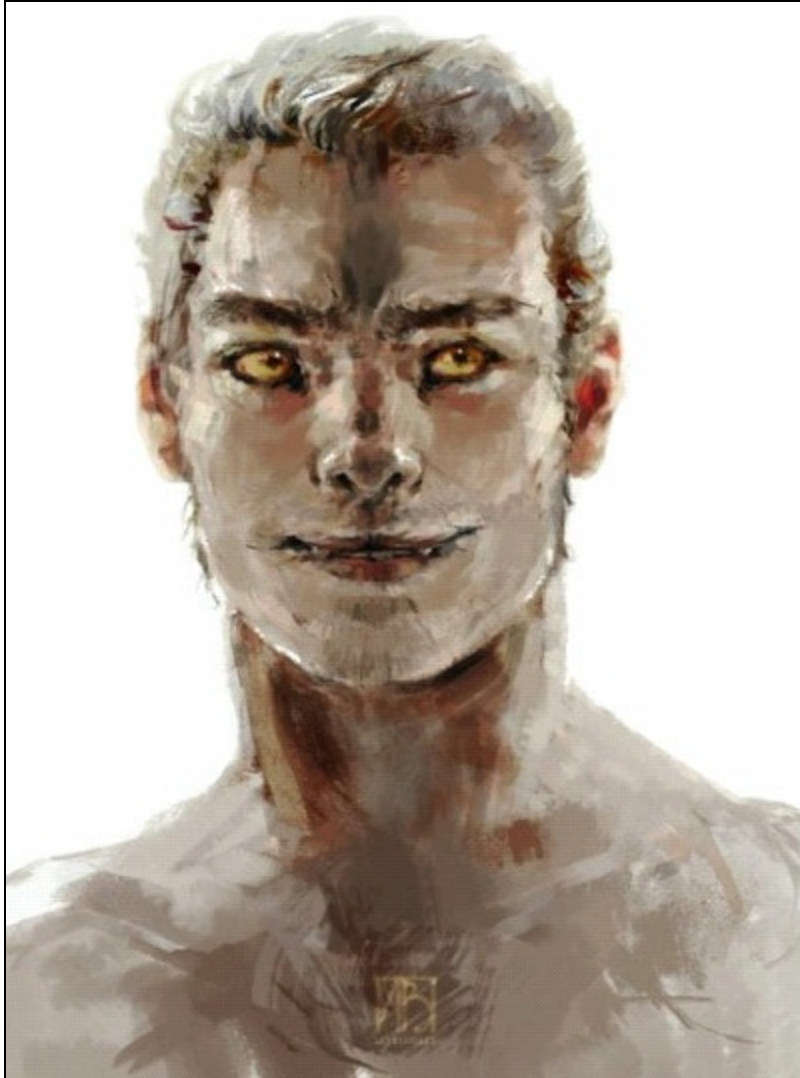
Надо бежать отсюда, а то Крис вернется, а ему еще с самим собой разбираться. Заметил Крис, не заметил? Вроде успел закрыться герметично и быстро. Боже, а если Крис всё же заметил, как его зашгормило? Страх с энтузиазмом отозвался, и Стив, не дожидаясь полной реанимации носа, поднялся, нашел гигиенический угол и умыл лицо. Хорошо, он удачно на бок упал, одежду не испачкал. Ночь, никто не заметит, что у него опухший нос, и ладно. Отмахнулся от Саппэ и удрал.

— Ты плакал? Что у тебя с носом? Тебя регент наказал? Что ты опять сделал регенту? — засуетился Генри, как только объявился Стив, просочившись тенью мимо караула у императорской палатки, и с опущенной головой скрылся в душе, сдирая с себя одежду.

— Неважно, уже все нормально, — стараясь не сорваться, отбился Стив. Сейчас он еще и зарыдает! Внешний баланс был таким хрупким! Испуг от собственного неконтролируемого желания закрывал мысли, рвался паникой на поверхность: как он мог так среагировать на Кристофера? На полного урода и даже не юбилянта! Не читал его чувства, а сам захотел, сам! Дрянь какая! Стив содрогнулся всем телом, включил горячую воду и чуть не обжегся. Распустил волосы — хоть бусинок нет, и то радость! Встал под горячие расслабляющие струи и постарался уйти в медитацию, избавляясь от страха и пытаясь вернуть сбежавший сон.

Глава 18

Ловушки

* * *

Катастрофа — приличный шанс
оказаться от бед вдалеке,
Рваной жизни большой кусок
на чужие плечи сложить.
Только новое, приходя,
говорит на своем языке
И порой может даже убить —
но само очень хочет жить.

(архивы Св. Райны)

* * *

Туго заплетенный и зашнурованный в чистую форму, Стив без десяти минут пять замер перед палаткой регента. Задержал дыхание и дотронулся кончиками пальцев до замка, как до детонатора. Дверь открыла улыбающаяся Саппэ:

— Крис сказал, чтобы ты шёл в лабораторию.

Стив втянул воздух сквозь зубы, крутанулся на каблуке и вылетел вон.

У лаборантского павильона осторожно нащупал регента и прошел в информационный зал. Вдоль стены на разложенных креслах лежало семеро гвардейцев в шлемах полного погружения. Впитывают знания. За общим столом у экрана регент обсуждал тактику знакомства и управления кусочком нового мира вместе с Лейсом и рыжей дознавательницей, как ее звали? Лил! Лил, облаченная в официальную серо-голубую форму, повернулась навстречу, тепло улыбнулась и послала мысленное приветствие и радость, что она видит императорского экзекутора. Стив не удержался и улыбнулся в ответ, но тут же убрал улыбку и опустил голову, приближаясь к столу. Ему нельзя общаться с ней прямо, пока нет угрозы или приказа. Бесшумно и плавно, как осенний лист в безветренный день, вычистив и открыв сознание, Стив образовался перед регентом и затих, сцепив руки за спиной.

Лейс тыкал пальцем в экран с изображением пришельцев и горел детской радостью:

— Именно, это очень забавно! Я почти уверен. Таких совпадений не бывает! Каждый знает, что искал Митр, сидя на Северной базе все триста лет. А теперь база вместе с Митром исчезла сама, а нам на голову упали экспериментальные человечки Тадея! — Лейс засмеялся: — Разминулись с Митром! Надеюсь, он благополучно приземлился у них дома и сможет подать сигнал.

— Какой сигнал? — буркнул регент. — Они там с огрызками системы! Маленький кусок их планеты глушит полностью набитые батареи, это значит, что целая планета давно съела энергию переместившейся базы. Если это правда сверхлюди Тадея, то они еще опасней для людей, чем неизвестные инопланетяне. Кто знает какая зараза развилась за годы изоляции в модифицированном биоценозе. Пока их тут всех адаптируешь... Я бы лучше всю площадь вычистил и не ломал голову.

— Нет, мы же, — Лейс сделал паузу и многозначительно указал пальцем в потолок. — Хранители жизни! Это у нас написано в законе, м-м-м? Но я, как ученый, согласен с Джи — это интересно! О-о, живые трансформеры! — Лейс встал из-за стола. — Я жду вас у инкубаторов.

Стив удивился: надо же, трансформеры! А он не поверил сам себе, когда их сканировал! Но вот сейчас он абсолютно согласен с регентом, хотя сам он — экспериментальное существо и голоса у него нет. Проще и здоровее было бы все переместившиеся территории подчистую дезинфицировать.

Кристофер, не здороваясь, перевел взгляд на экзекутора.

Стив глубоко, по-уставному кивнул и замер, упорно глядя в пол и следя за регентом сканом. Какое счастье: регент был спокоен и даже умиротворен.

После короткой паузы регент ткнул пальцем в направлении двери:

— Учить язык арнов и потом сразу к инкубаторам!

Стив еще раз уронил голову в поклоне, по-строевому развернулся и удалился. Значит, они называются арны. И никакие они не пришельцы, а затерявшийся эксперимент?

Проплетаясь между гвардейцами, забившими своими громоздкими телами и без того неширокие проходы, Стив отловил первого попавшегося научного сотрудника и передал

приказ регента.

«Я Роз,» — представилась сухощавая брюнетка с короткой стрижкой и тонкими чертами лица.

Удивительно обнаружить почти нормально выглядящего ажлисс в этом наводнении мускулистых армейских быков.

— Все шлемы сейчас заняты, — продолжила лаборантка. — Не обидишься, если я присоединю тебя к системе через игровой обруч?

Стив пожал плечом. Обидится? Он?! Да бегать в теломорфе Кайлы в лабиринте, отдав свое тело во власть игрока — это часть его жизни! Но забавно, что здесь есть эта игрушка. А вообще, это законно иметь её вне лабиринта?

Роз открыла дверь, пропуская его в тесную комнату, где трое техников самозабвенно ковырялись в метровой голопроекции неясной конструкции, погрузившись в нее по плечи и обмениваясь рваными мыслями.

— Не бойся, я не буду активизировать игрока, — хихикнула она и достала из коробки золотой обруч. — Мы тут иногда играем, чтобы расслабиться и отдохнуть, но тихо, по-домашнему и никаких кровавых ужасов и насилия!

Стив еще раз фыркнул. Хотел бы он посмотреть, как она будет оправдываться, что хотела без разрешения поиграть в экзекютора!

К счастью обруч оказался раскладной и не надо расплетать прическу, чтобы прижать сенсоры к голове. Стив сел на кресло, просунул гладкие полукружья под косички и поморщился: Генри мог бы не так старательно утягивать волосы! Сцентрировал кристалл между глаз и защелкнул крепление на затылке. Маленькие иголки дружно заработали и вонзились, пробуравливая череп и углубляясь в мозг в поисках контактов, а Стив лег и постарался расслабиться. Сейчас он исчезнет в потоке информации.

— Всего минут сорок-пятьдесят... — сказала Роз.

И это было последнее, что он воспринял из внешнего мира перед тем, как система начала писать в его память чужой язык.

* * *

— На, вытри лоб, — услышал он. По субъективным ощущениям прошло всего лишь несколько мгновений. Стив потянулся, разминая застывшее тело. В мозгах крутились свежевлитые знания и полузабытое с детства ощущение паники, что он никогда не разберется во всей этой мешанине, хаотически взорвавшейся в голове.

Еще слегка дезориентированный, он взял влажную салфетку от Роз. Золотые нити контактов втянулись и игрушка отсоединилась. Стив стянул обруч с головы и вытер лоб от бисеринок крови.

— Не хочешь вымыть всю голову? — Роз выкинула салфетку в урну, закопанную между приборами. — У нас даже бассейн есть!

Стив чуть было не заговорил, получив такое безумное предложение, но только вытаращился на сумасшедшую лаборантку, мотнул головой и выскочил в коридор. Ему же надо лететь к инкубаторам! Ага, сейчас он на всё плюнет и будет плескаться в бассейне, а потом сушиться и заплетаться, а ещё лучше позовет стюарда, а милый регент подождет и с превеликим счастьем... Кругом психи!

Зал с инкубаторами был подготовлен к выпуску пленников. Гвардейцы, сияя полной боевой бронёй, выстроились и сотворили коридор от инкубаторов к двум самым большим лабораторным креслам, что смогли найти в походных условиях. Царственно прямая Лил сидела в ожидании на одном из импровизированных тронов. Стив пробежался глазами, но Рема не увидел. «Неужели не оживили?» — испугался, просачиваясь мышью мимо регента. Хотя, какое ему дело? Гвардейцев полно...

Кристофер стоял в дверях и только небрежно скользнул по нему взглядом, заканчивая разговор с каким-то техником.

— ...Да, ты прав, базу лучше построить в четвертом секторе, там горы создают естественную изоляцию, а с другой стороны останется только проложить спуск к их дороге, — Крис распрощался со своим собеседником, решительно промаршировал к креслам и разместился рядом с Лил. Стив тихо встал за правым плечом регента. Глазки в пол, спина прямая, руки за спиной.

— Только слегка держать и успокаивать, они должны быть в полном сознании, никакой паники или агрессии! — не поворачивая головы, негромко уточнил регент.

— Слушаюсь, господин регент.

«Арны» напомнил себе Стив. Новые знания клубились в голове беспорядочной грозовой тучей, изредка проблескивая ассоциациями чужого языка. Сейчас выпустят пленников, они заговорят, и непонятая еще информация выровняется в обнаруженных связях, систематизируется и усвоится.

Лейс, безмолвно стоя у панели управления, синхронно открыл инкубаторы, и Стив сразу проник в проснувшееся сознание арнов. Только слегка придерживать их. И правда, отец и сын.

Арны в чистых, как будто только что сотканых комбинезонах, медленно спустили ноги и встали, растерянно озираясь золотистыми глазами. Слишком широкая радужка, почти не оставляющая белка, неприятно притягивала взгляд и давила. Стив быстро опустил взгляд и перешел полностью на скан.

Слегка пригибаясь, арны приблизились, но остановились на полдороге. Не совладав с давящим и незнакомым окружением, старший арн упал на четвереньки и уронил голову, заканючил нараспев:

— Кормящая мать рода! Благодарю тебя за честь, что ты говоришь со мной! Прости меня! Я, Ваул, убил одного из твоих воинов на земле общей охоты, но я не брал его силу! — Стив чуть не скривился от появившейся в мыслях арна картинка заживо поедаемого Рема — ритуала «отбирания силы у побеждённого врага». Какая мерзость! — Прошу тебя, умоляю: отомсти только мне, но отпусти сына моего, Вайвела! Он не виноват и никого не убивал! Он просто шел за мной по праву слабого!

Арн заговорил, и залежи искусственно вписанной информации, перекачанной из их памяти, начали оживать, обрастать смыслом, и Стив немного развеселился. Кормящая ажлисс — хорошая шутка! Ну конечно, их женщины... Нет, не женщины, а как их... Молочные железы арнеки заметны только на время свадебного сезона и кормления детей, а дети бывают только у главы рода! Лил же, благодаря своему совершенно ненужному в жизни ажлисс бюсту повысила свой статус до немислимых высот! Надо было регентом делать ее! Или еще лучше андроида Саппэ, та еще более «кормящая»!

Лил встала и подошла к арнам. Младший арн тоже упал и скорчился, прижимаясь к

полу за своим отцом, испуская волны страха.

— Ничего страшного, мой солдат жив, — Лил присела и взяла их за руки. — Встаньте! Я не буду вас наказывать, вы нам даже помогли. Мы вас отведем обратно и отпустим в землях общей охоты. Ты же не со зла убил моего солдата?

Приподнявшийся было арн упал снова и взвыл:

— Нет! Не отсылайте нас обратно, они нас убьют! Мы хотели незаметно в стороне от большой охоты перехватить парочку оленей, но олени не появились, мы наткнулись на вас! Откуда вы? Я не знал, что это ваши земли! Просто отпустите нас! Мы тихо уйдем! Наш дом тут недалеко, за болотами в Шэррахском лесу!

— Хорошо, я вижу, что ты убил моего воина от неожиданности и удивления...

— Мы были на охоте, — Ваул замялся, но Стив добавил ему желания поделиться самым сокровенным с такой чудесной, хотя и странной арнекой — главой потрясающе могучего рода. — Я знаю, что мы не имели права участвовать в общей охоте! — преданно глядя золотыми глазами, заторопился Ваул. — У нас нет рода, мы одиночки. Но нам тоже нужна еда! У нас совсем немножко силы! Я подумал, что если мы возьмем детские браслеты и осторожно поймаем пару оленей с края миграции, то охотничий союз нас не заметит. А мы всего-то хотели сколоть пару оленей и уйти!

— Детские браслеты? Расскажи мне о них, — Лил встала, поднимая обоих арнов и погладила старшего по руке.

Стив видел то же самое, что и дознаватель Лил, которая в телесном контакте читала реальные воспоминания и желания арнов, и своим умением дознавателя могла отделить миражи, навеянные экзекутором.

— Понимаете, — торопился Ваул, заглядывая снизу в глаза Лил. — Я не очень хороший охотник, и мы взяли детские браслеты, чтобы животные нас не чуяли. А тут мы услышали вас. Пошли посмотреть, кто так шумит в лесу, а из-за кустов вышел ваш воин! Простите, я не знал и я убил его. Но я так испугался, я никогда не видел такого большого арна и всего как из жидкого стекла, только на его горле была кожа! Простите меня, я испугался!

Арны и не подозревали, что их браслеты, сделанные для охраны детей от диких животных, не просто влияют на зверей около своего носителя, делают их вялыми и сонными, но, оказывается, еще и маскируют от слабого контактного скана ажлисс! Стив-то боялся, что пришельцы сильные телепаты! А ничего подобного! Это он — сильный телепат! Смог пробить маскировку и овладел арнами! Правда, с опозданием, но даже во сне уловил, что пришельцы на него посмотрели! Когда он почувствовал их внимание, то даже и не заметил, что там были какие-то браслеты! Стиву захотелось потренироваться и просканировать кого-нибудь, скрытого браслетом, но вряд ли на территориях будут ещё подобные трусы. А Рем, оказывается, и правда разгильдяй: пошел на дежурство, не застегнул шлем... Стив увидел все, как будто был этим Вайвелом. Огромная блестящая жуть медленно надвигалась на бедного арна и тот со страху тыкнул ножом в незащищенное горло полусонного страшилища. И пусть Рем будет рад, что его еще не съели заживо. Фу, ну и способы питания — жрать живьем добычу и друг друга! Стив брезгливо отстранился от их воспоминаний, оставив тонкое гипнотическое волоконец, навевающее арнам любовь и преданность к Лил.

— Я уже сказала, что не буду вас наказывать, я вижу, что вы не опасны, — Лил выпустила руки арнов. — Покажите мне на карте, где ваш дом? Кто у вас вожак всех арнов?

Гвардейцы расступились, и на образовавшемся свободном месте Лейс разместил

голограмму территорий. Между Лил и арнами появилось изображение овального куска земли по диагонали перечеркнутого широким языком леса. С севера-запада лес редел, деревья уменьшались и переходили в узкую полосу тундры, а на юге и юго-западе мелкие перелески терялись в широком поле. С юга карту окаймляла узкая полоска ядовито-зеленых топей. В лесу было обозначено два поселка: домов на сорок, куда они так и не дошли, и более крупное, километрах в ста далее на север.

Ваул, все ещё сгорбленный, приблизился и обошел карту со стороны обрезанных болот.

— Тут не все семьи видно. И карта неполная! Вот тут потерял кусок, за болотами... У нас нет вожака всех арнов! У каждой семьи есть свой вожак.

Его сын Вайвел обвел всех робким взглядом, воодушевлённый от благожелательности, утопившей его собственные мысли, и добавил:

— У вас нет части карты! Тут у вас оборвано, а должно быть! — младший арн тыкал пальцем в пол рядом с картой, как раз туда, где находилась временная база и он сам. — Это неполная карта! Тут должен быть лес!

Лейс слегка расширил карту к югу, создав изображение узкого пояса гор и равнины сразу за ним. Вайвел изумленно отозвался:

— Вы делаете на карте горы, нет там гор! Там и здесь за болотами начинается Шэrrрахский лес! И вы не похожи на арнов! Вы откуда к нам пришли?

— Вы пришельцы? — совсем тихо добавил Ваул. — Отпустите нас, мы никому не хотели причинять вред! Наш дом совсем недалеко! Я говорю правду! Мы уйдём и не будем защищать эти земли, мы не часть местного рода!

Регент вздохнул и подошел, широким жестом обводя карту:

— Смотрите, это все земли арнов, ваша территория, которые оказалась у нас. Только это, а вокруг уже наша планета. Наша Империя. Вы сейчас стоите там, где по вашим словам был ваш дом. Он и есть там, но далеко в космосе на вашей планете. Не здесь. Здесь есть только этот небольшой кусок.

— Зачем вы украли наши земли? — Ваул сделал попытку упасть на четвереньки, но Стив удержал его. Вайвел просто закрыл глаза и опустил голову, отойдя за отца.

— Мы сами пока не знаем, как это случилось. Не знаем ни откуда вы, ни как вас послать назад. Произошла катастрофа и вы вместе с вашей общей охотой оказались у нас, а ваш дом остался неизвестно где. Вы просто появились у нас на планете. Но назад на земли общей охоты вы не хотите?

— Нет, нас там убьют!

— Я императорский регент. Меня зовут Крис. Я отвечаю за эти новые земли перед Императором и, хорошо, я оставлю вас здесь. Вы пойдёте с лаборантами, они разместят вас во временном жилище. Но пока я дам вам ожерелья, которые будут охранять вас подобным образом, как и браслеты. Ожерелья каждому покажут, что я отвечаю за вас. Вам никто не может причинить вред, но и вы будете слушаться вот его. Его зовут Лейс.

Лейс дружелюбно улыбнулся, но, вспомнив обычаи арнов, моментально убрал зубы и, обойдя гвардейцев, защелкнул на шеях Ваула и его сына по нейроошейнику.

Стив напоследок вызвал у арнов восхищение Лейсом и втянул скан. Оба арна сразу как-то уменьшились и сгорбились, уходя вслед за лаборантом вглубь павильона. Интересно, где Лейс их закроет? Неужели здесь есть изолятор?

Регент поднял руку, призывая к вниманию, и отдал приказ уже на имперском:

— Через полчаса отобранному отряду сопровождения с вещами быть у грузовых

флаеров — отлетаем к седьмому сектору и идем на территории. Примерное время пребывания там — декада. Время пошло.

Стива моментально сдуло в направлении императорской палатки. Такое общение с Крисом — это просто здорово: короткий приказ и никаких нравоучений! Вот так и надо выдерживать. Он спокоен, он послушен, он механизм. Мир кругом — это только временные декорации, короткая игра, а он всего-навсего часть этой декорации, подвижный инструмент. Он делает свою работу. Его нет. Есть приказы регента. Стив исчезнет на время, уйдёт глубоко внутрь внешней оболочки. Тело — это не он, тело — это одежда, вещь. Он, невидимый и нечувствующий, спрячется внутри, глубоко-глубоко и никто его не достанет. Только Джи. Он выйдет только к Джи. А тут он робот, который тупо делает свою работу. Регент нажмет на нужные кнопочки, робот включится, засияет огоньками ауры, сделает свою работу и только потом, дома, он выпустит себя.

По дороге он просканировал базу. Ага, вот и Рем! Сидит в печали на посту, караулит аэродром. Стив прокрался ему в мозг. И просидит там, пока его друзья-товарищи будут гулять по территориям. «Зато отоспится как следует!» — злорадно отметил Стив, вызывая Генри — пускай собирает вещи в поход!

Глава 19

Иные законы

* * *

Власть одному, другому работа,
Из волчьих морд вылепливать лица.
Мир переходит в войну в два счета,
Внутри всегда злобный зверь таится.
Но пусть тебя разорвет на части,
Желанье скрой, что остро до боли.
Быть отпущенным — это счастье,
Еще бы себя отпустить был волен.
(архив Св. Райны)

* * *

Стив стоял во флаере, давил кулаками на прозрачную стенку и занимался аутотренингом. Надо убить назойливое предчувствие, что он опять сделает какую-нибудь глупость: сорвётся или спровоцирует регента. Нужно отключиться от себя и своих желаний — это всего-навсего отсрочка на затянувшейся дороге домой. Молитва, помогающая

сосредоточится и успокоится, не помогала — о Джи думать не хотелось. Думать надо только о том, что он Стив, бездушный и не думающий инструмент. Погрузиться в отрешенное спокойствие и внимание. Всё внимание на регента! Или всё-таки Крис — недобитый стражний?! Хакисс так и не удалось до того гада дотронуться. Неизвестно, какой у него был рисунок ментального поля, и теперь поди угадай... Спокойно... Слушать и слушаться. Можно, например, думать о новом мире — это же должно быть интересно! Кусочек совершенно нового мира! Стив вздохнул и прикрыл глаза. Не хотелось здесь ни находиться, ни даже смотреть вокруг.

К полудню грузовые флаеры пролетели вдоль цепи агрегатов силового поля, редких палаток обслуживающего персонала и охраны, и широким полукругом, словно рой огромных шмелей, пошли на расчищенную площадку у стены чужого леса. Будущий проход сквозь поле обозначали две мачты, пока как пустые флаштоки голыми хлыстами торчащие в небо.

Никакой большой ямы видно не было. Раскинул сканом. Изнутри зоны вдоль силового поля странными дергаными прыжками паслись маленькие лохматые однокопытные лошадки. Стив присмотрелся и возмущился — эти дикари спугали лошадям ноги! Скрытая за деревьями грунтовая дорога, утыканная столбами, соединенными проволокой, не выходила из лесу, а, сделав петлю вокруг оврага, загибалась вовнутрь новых территорий. Ближайший отсек дороги был беспорядочно заставлен угловатыми самоходными машинами и телегами. В них и около сидело и лежало десятков шесть арнов. Примерно тридцать их копошилось в глубоком туннеле, укрепленном свежесрубленными бревнами.

Арны, заметив флаера, засуетились и забегали. Землекопы повылезали из рукотворной пещеры, и все скучковались перед воротами. Кто-то был в серо-зеленых комбинезонах, как у пойманных контактеров. На их фоне ярко выделялись несколько арнов в оранжевых свободных штанах и расшитых рубашках или куртках с аппликациями, но большинство, оказавшееся тут из-за прерванной охоты, было без одежды. С людьми подтянулись куцые животные, похожие на лысоватых жилистых медведей.

Стив открыл сознание и хлынули чужие эмоции и образы.

«Нас поймали! Где арнеки? Где они все? Откуда летающие машины? Дальше не наш лес! Что за бредни! Откуда они пришли? Никак не пройти! Дома пропадут все запасы! Где олени и загонщицы? Ты что, слепой? Ты не видел неба ночью? Это все семья Вроа! Где ты видишь семью Вроа, тут только я! Я все равно вырвусь! Отпустите нас! Арнов не запрещь! Мы с братом порвем тебя! Ты чужак, зачем ты пришел? Это всё из-за тебя! Не смог защитить семью и вот еще это! Смотри на меня, я вызываю тебя!»

Толпа самцов, переполненных гормонами, бурлила у непреодолимого препятствия. Вместо знакомого леса, добычи и долгожданных самок за невидимым барьером маячили чужаки, а куда ни глянь, были незнакомые виды. Злость, отчаяние, потерянности и гнев — нехорошие эмоции колыхались темной массой и вдруг словно рванул гейзер. По сознанию ударило ревом ярости и боли. Толпа раздалась. В центре дралось три арна. Один из них ловко опустился на четыре конечности и... это не арн, а зверь! Они буквально рвали друг друга на части, глотали куски!

— Экзекутор, прекратить! — рыкнул регент.

Стив накрыл арнов безразличием и неподвижностью. Усыпил, бросил на землю. Торопясь исполнить приказ как можно скорее, выпрыгнул из едва приземлившегося флаера и побежал к воротам.

Арны полегли, где были. Стив остановился у закрытого прохода, разглядывая

беспорядочно лежащие тела. О, бессмертный Джи! Это не человек... И тот! Да, получи кусок чужой памяти, он как бы знал, что арны — оборотни, но на самом деле понял только сейчас. Арны могли «перещелкнуться» прямо на глазах. А он думал, он один такой метаморф. Но он так быстро меняться не умеет. А там трупы... И вон там. Обгрызенные! В человеческой форме и в звериной. Стив поморщился: вблизи заработало и обоняние. От арнов разило, как от зверей.

В дуэльном круге, поперек не успевшего поменяться противника, лежал крупный, покрытый по спине короткой серой шерстью, медведеобразный жилистый арн. Его длинная мускулистая ручища даже в фантомном обмороке сжимала в кулак окровавленные пальцы. У третьего драчуна блестело свежей кровью разодранное, но шустро регенерирующее плечо... Стив полез в память, полученную от пленников. Да, он проглядывал тела и физиологию пришельцев, пока вел их в лагерь, но не изучал серьезно. И вообще думал, что это их фантазии! Хотя да, у них необычные, сдвоенные кости, слишком много связок и вроде бы ненужных суставов...

Сами себя арны называли волками, но в звериной форме они были больше похожи на длинноногих медведей и, в отличие от сказочных оборотней, не менялись после смерти. Но, может, у них на планете волки так и выглядят? Вон там, в стороне лежит наполовину измененный, так и помер с вырванным куском горла и перекушенной рукой. Живот распорот и мяса на бедре нет, кость белеет... А там подальше еще один вообще обглоданный и не поймешь, человеком он умер или зверем. И что за мерзкая привычка жрать соплеменников живьем, «забирая их силу»?! Неужели они, как ажлисс, могут забирать энергию биополя?!

— Экзекутор, убери их с дороги!

Стив встрепнулся, поднял и отвел стадо арнов от ворот, выстроив всех под деревьями.

Мачты сомкнулись в арку, открывая проход, и лаборанты прошли в зону — собрать материал, а Стив перешел ближе к подопечным.

Гвардейцы прорубили просеку к дороге и собрали караван из наскоро переделанных в колесные вагончики лагерных палаток.

Четверки биолошадей легким шагом провезли фургоны, и Стив вскочил на площадку первого, к начальству. Звено гвардейцев убежало вперед — сдвигать с пути драндулеты аборигенов. Остальные солдаты, целиком залитые в броню и держа на изготовку арбалеты, выстроились редкой цепью перед караваном.

— Разбуди арнов, но держи их помягче: пусть соображают, что происходит, но не бросаются, — сказал регент Стиву, а сам, придерживая Лил за талию, встал на узкий край платформы, окружавшей палатку.

Взрывоопасная агрессия стелилась под искусственным сном, как придорожный туман, но Стив развеял ее радостью встречи с новым, ощущением гостеприимства и уверенной гордостью в своих силах...

— Приветствую вас в Империи Джи, — обратился регент к поднявшимся на него осмысленным взглядам. — Произошла космическая катастрофа и часть ваших земель вместе с вами оказались в нашем мире, на нашей планете. То есть вы ворвались в нашу Империю на наши земли. Мы пока не знаем, как это произошло и почему, но Император милостив и его законы справедливы. Император оставляет вам не только вашу жизнь и ваши земли, но и ваши законы. Однако для всеобщей безопасности и спокойствия вокруг будет граница, — регент широким жестом махнул рукой в сторону ворот, как бы при этом обнимая половину

планеты. — Границу нельзя преодолеть, но со временем, когда вы примете наши законы, границы не будет. Я — назначенный Императором регент, помогу вам по технической части. Я вижу, что у вас есть машины, орудия и, возможно, часть производства разрушена. Мы все восстановим вместе с вами. Можете обращаться ко мне прямо по имени. Меня зовут Крис. А это ваша дознаватель Лил, она умеет читать правду в мыслях и является гарантом справедливости.

Стая? Стадо? Арны колыхнулись и тот мощный зверообразный забияка, всё еще стоявший на четырех лапах, припал к земле и содрогнулся. По телу прошел спазм, кости и мышцы заходили буграми, руки и челюсти сократились и вот уже он встает на дыбы. Нет, это уже человек-арн поднимается на ноги. Покрытый на груди и плечах короткой и плотной серовато-коричневой шерсткой, крепко сбитый арн выпрямился, а его соплеменники сразу отшатнулись и замолчали. Лидер?

Желтые глаза с широкой звериной радужкой казались неприятно ближе, чем его лицо. Арн доброжелательно улыбался, показывая крупные заостренные зубы. Стив чуть было не улыбнулся в ответ, но вовремя вспомнил, что арны показывают зубы в знак угрозы и опустил глаза, заметив, как острый, блеснувший розовым, пенис арна втянулся в мохнатый чехлик препуция. Ну да, все-таки волки. И член у них с костью.

— Откуда вы знаете наш язык — вы готовились похитить нас?

— Нет, но мы встретили у болот двух арнов — Ваула и Вайвела и изучили ваш язык. Наши технологии позволяют нам быстро узнавать новое. Мы сожалеем, но эта авария для нас также неожиданна.

— Вы колдуны? — арн подошел вплотную к линии гвардейцев.

— Нет, мы не колдуны, но мы умеем делать некоторые вещи иначе, чем вы, — начал регент. — Мы не будем никого убивать. Мы надеемся с вами договориться и жить долго в мире.

— А ты, — арн перевел взгляд на Лил. — Бросила свое потомство, чтобы войти на нашу землю?

— Теперь вы моё потомство, — Лил шагнула вперед и положила ладонь на локоть регента. — А вместе с Крисом и по воле императора мы пришли к вам, чтобы договориться. Мы поговорим с вашими вожаками и найдем способ жить вместе. Вы уже стали нашей частью. Пока вся эта территория, переместившаяся в результате неизвестного катаклизма, изолирована полем — так как вы еще не знаете наших обычаев, а мы не знаем вас. Но мы поможем вам выжить в нашем мире.

— Вы вооружены, — арн попытался дотронуться до взведенного арбалета, но реакция ажлисс оказалась на высоте — коготь арна уперся в ладонь гвардейца. Арн фыркнул: — Это не похоже на мирный визит. Что у вас в телегах?

— Как мне обращаться к тебе? — Лил прошла по бортику и открыла дверь в домик. — Меня ты можешь называть просто по имени — Лил. Ты можешь зайти и посмотреть. Я покажу, что там внутри. Это наши передвижные дома. Прошу тебя.

— Нет, — арн шагнул назад. — Я пока не войду в твой дом. Хорошо. Меня зовут Вроаррист и я ещё приду к тебе.

— Благодарю тебя, Вроаррист. Я не буду охотиться на твоих землях, — нащупала Лил в памяти подходящую ритуальную фразу. — Мы поедем строго по дороге до крупнейшего поселка и там будем ждать всех на переговоры. Нам предстоит жить вместе долго и мы должны найти общий путь.

— А что стало с арнеками? Осенний гон должен завершиться свадьбами! — раздался крик сбоку.

— Здесь их нет. Они остались на вашей планете. Но у нас есть очень умелые лечители, мы решим и эту проблему, — вступил регент. — Поэтому нам надо собраться и поговорить, как вам жить в нашей Империи. Мы поедем строго по дороге до... — регент запнулся, копясь в памяти. — Сытого? Приходите, мы всё решим!

Лил закрыла дверь и вернулась на переднюю площадку, гвардейцы заскочили на фургоны и караван широкой рысью понесся вглубь новых имперских владений. Стив сел на пол и привалился к стене, закрывая глаза и раскидывая скан — кто их знает, может, тут еще бегают агрессивно настроенные полумедведи, и заметил, как некоторые из оставшихся бросились к своим машинам и к лошадям. Агрессия утихла. Драка не возобновилась.

Стив всю дорогу смиренно сканировал, не обращая внимания на пейзаж. Лил ушла в свой домик, который она делила с тремя гвардейцами, а регент, кажется, был везде одновременно, и разговаривал со всеми, кроме экзекутора. Зато в домике был Генри — Кристофер взял его вместо Саппэ. На седьмом посту остались и женщины-гвардейцы, чтобы не смущать умы арнов «кормящими самками».

Они сделали краткую остановку в небольшом поселке семьи Даларайя, где регент с дознавателем почти дословно повторили свое выступление перед согнанными сканом жителями. Стива удивило, что дорога проходила стороной от жилых домов. Приземистые дома поселка казались естественной частью леса и словно сами повырастали между деревьев. Никаких заборов или палисадников, короткая травка, узкие тропинки...

К самой же деревне ответвлялась просека, на полпути расходясь в широкую торговую площадь, на которой и остановилась экспедиция. Стив привёл жителей на краткий митинг-объявление. И регент сразу, не дожидаясь реакции, погнал отряд дальше.

Эта процедура повторилась еще три раза.

Периодически каравану встречались арны верхом на забавных, мелких и толстых лошадах, чьи ноги кончались одним-единственным широким копытом. Или, воняя синим дымом, с тарактеньем проезжали самоходные машины. Движение не было оживленным, а население и без влияния экзекутора не стремилось выгрызть куски живой плоти у незнакомцев. Только, пряча глаза, со сдержанным любопытством разглядывало фургоны и исчезало из виду.

Подъезжая к Сытому, состоящему из двух десятков семейных деревенок, регент загнал экзекутора внутрь вагончика.

— Выйдешь только на приказ.

Стив по уставному коротко кивнул и лег на свою постель. Вот и хорошо, чем дальше от регента, тем здоровее будешь.

Фургоны остановили кольцом на базарной площади, окруженной несколькими рядами навесов и множеством полупустых сараев. Сытый обладал аж четырьмя просторными рынками, расположенными не ближе полукилометра от городка — обычного для арнов «пояса отчуждения».

Дорога уходила дальше и даже разветвлялась, но Империи досталось лишь четыре крупных поселка, горстка семей и стая бездомных, вздрюченных гормонами непарных арнов.

Сытый, в силу размеров, более активных контактов и более подвижно-смешанной

популяции, должен был быть, по мнению регента, лояльнее к визитерам. Но, к общему удивлению, никаких зевак не собиралось. Возможно, был неторговый сезон? Так как и на остальных «рынках» тоже было пусто. Регент решил в крупном поселке не травмировать арнов насильным собранием и отправил за лидерами общины первого попавшегося жителя, которого Стив наугад выманил из ближайшего дома.

* * *

Прошло несколько дней.

Поселок существовал в стороне, полностью игнорируя императорских посланцев. Посещающие же Сытый арны, как сговорившись, пользовались тремя другими въездами-выездами, избегая имперцев.

Целыми днями Стив, полный желания выдержать, безвылазно сидел в палатке, как хрупкая статуэтка в мягкой коробке. Боялся привлечь внимание Криса, выдать себя. Боялся не удержаться на острой грани баланса и разбиться. Регенту для сна хватало три часа, когда Стив просто накрывал всё, куда мог дотянуться, умиротворением, а сам продолжал изнывать в тихом ужасе. Потом регент бодро вскакивал и отправлял спать экзекутора. Регент, возможно, догадывался, что избалованная игрушка Императора привыкла спать больше, чем одну пятую суток, но Стив не жаловался и на разрешенные ему четыреста минут. Да, он устал, зато он проваливался в забытье и успевал проснуться, избежав сновидений, что было просто прекрасно.

Днями же Стив без отрыва следил за регентом, боясь не увидеть команду, не среагировать вовремя на желание и этим спровоцировать Криса на агрессию. Получить еще один урок? Боялся, что это плохо кончится. Нет, кости заживают по-прежнему быстро и незаметно, но он никогда не был так беззащитен! Так слаб перед самим собой. Вдруг Крис снова нажмет ту дивную кнопчку, а он не сможет сам себя удержать? Страшное воспоминание тихо тлело фоном. Плотно закрыв мысленные щиты, невольно вздрагивая и обмирая, Стив нёс в самом центре своего естества страх. Только бы не разбить защитную схему. Он инструмент. Спокойно, только не разозлить регента. Он не вынесет еще раз такой наплыв, лучше даже и не пробовать. Да бездна с ней, с публичной поркой. Это можно выдержать и забыть. Крис, в конце концов, вряд ли на такое решится. Гвардейский табель для экзекутора не работает. Вряд ли Крис пойдет на то, чтобы использовать худшее гвардейское наказание. Нет, Стив боялся до дрожи в диафрагме, что Крис снова вызовет в нем ту страшную похоть. Дичайшее желание. Не дай боже, Крис еще раз его стукнет! Дотронется! А он потеряет контроль и... это было бы так легко! И так просто и приятно... Загасило бы этот гнусный страх. Но главное, ничем себя не выдать. А вдруг Крис всё-таки заметил его реакцию? Тогда, ночью? Но он сойдет с ума, если Крис еще раз треснет его в нос. Или не в нос... А вдруг регент дотронется до него, а он... Кошмар какой!

Чтобы Стив не сидел без толку, растекаясь мыслью по лесу, регент поручил ему сосчитать подотчетное поголовье новых подданных, разделив их на детей, взрослых семейных, старых, одиночек и неудавшихся женихов. Стив чуть было сам не завыл, как юный арн — для создания такого списка ему пришлось бы не только лезть в голову каждому, но еще приводить к объекту классификации другого арна, чтобы его глазами и наводящими вопросами отсеlectionировать каждого носителя разумной ауры... Поэтому Стив

ограничился общим подсчетом и к концу четвертого дня насчитал две тысячи шестнадцать голов. Крис принял информацию к сведению без комментария.

— Хватит валяться без дела, — Крис, сдерживая раздражение, поставил перед кроватью эскутора, где тот сидел в обнимку с подушкой, стул и сел на него верхом. — Давай, собери их всех сюда. Всех, кто может ходить. Сам не высовывайся.

Обалдевшая толпа разномастных арнов неторопливо втекла на площадь между фургонами, расчищенную от навесов и прилавков. Мешающие собранию постройки гвардейцы еще вчера аккуратно разобрали и сложили за сараи, а сами теперь возвышались сверкающими скульптурами, замкнув собрание.

Арны сгруппировались беспокойными кружками вокруг держащихся у матерей детей и подростков. Взрослые и несколько стариков беспокойно топтались между семьями, стараясь не перемешаться с соседями. Переругивались, но вяло. Стив их глушил.

— Арны, — Крис, стоя на платформе вместе с Лил, дождался, когда основной массе арнов уже было некуда уплотняться. — Кто не услышит, тому вы расскажете. Произошла катастрофа: кусок вашей планеты переместился на земли Империи Джи. Теперь вы — часть Империи. Мы могли бы убить вас всех. Но Император милостив и справедлив — он решил оставить вам вашу жизнь. Пока вы не научитесь нашим законам, вы будете за непреодолимой невидимой стеной.

— Почему ты говоришь, как будто мы дети? Ты не вожак нам! Мы пытались прорваться, но там силовое поле, — раздались отдельные выкрики.

«Стив, держи толпу! Сделай им страх», — мысленно рявкнул Крис и повысил голос на заскуливших и почти поголовно упавших на четвереньки арнов: — Я рад, что вы не дети. Я рад, что вы знаете, что такое силовое поле. Поэтому я уверен, что вы сможете понять, что сила на моей стороне. Я — регент, ваш вожак, по воле Императора. Вы пришли ко мне по воле Императора, хотели вы или нет. Вы стоите тут и слушаете меня по воле Императора, хотите вы или нет. Сейчас вы все испытываете ужас. У нас есть сила, которой у вас нет. Но мы можем сделать вас счастливыми!

«Стив, радость! Но чтоб тихо!»

Арны подняли головы и начали подпрыгивать и пританцовывать, слегка подвывая...

— Но Император милостив и справедлив, — Крис повысил голос, перекрывая счастливое бормотание толпы. — Он позволяет вам жить. И если вы хотите выжить, то идите по домам, поговорите с соседями, поговорите с теми, кто хотел выбраться за поле. Вы оторваны от своей земли и заперты здесь. Составьте список своих нужд. А через пять дней я жду приглашения на совет семей, где мы серьезно всё обсудим. Расходитесь!

Гвардейцы расступились. Стив подтолкнул толпу и провел, не выпуская из фантома. Арны, продолжая придерживаться семейных групп, рассыпались во все стороны, стремясь оказаться как можно быстрее и дальше от пугающих чужестранцев и соплеменников, балансирующих на грани взрыва. Убедившись, что семейные арны укрылись по домам, а безродные отошли подальше и никто не собирается драться, Стив втянул скан и вздрогнул: регент стоял в дверях и препарировал его взглядом.

— Ажлисс регент? — Стив отодвинул одеяло и собрался встать.

— Лежи. Крови дать? — регент слегка ослабил ворот.

— Не надо... — Стив ужаснулся и оторвал взгляд от горла регента: брат у него энергию?! Прижиматься губами к его шее? — Благодарю, я не сильно устал. Можно я просто

посплю и поем? Точнее, поем и посплю?

— Хорошо, отдыхай, — регент вышел, а экзекутор залез под одеяло — спать. Жуть какая — тянуть кровь и сливаться в экстазе разделенной энергии с Крисом! Да ни за что! Не так уж он и устал — экзекутор может останавливать армии! А тут стайка арнов...

* * *

Вечером того же дня прибежал молодой, еще безбородый арн. Приседая и бегая глазами, отказался входить на площадь, а с тихим подвыванием запросил разговора с регентом «Иммырии».

Когда же вышел регент в сопровождении двух сверкающих броней гвардейцев, делегат Сытого рухнул на землю и, перемежая слова старательным скулежом, сообщил, что семья Фравва через пять дней пришлёт сопровождение для кормящей Лил с супругом Крисом, чтобы отвести их в дом советов вышеупомянутой семьи Фравва. Вожаки остальных семей там будут тоже. Воины должны остаться на месте встреч. Имперскому вторжению не рекомендуется куда-либо передвигаться со стоянки. Охота разрешается только для пропитания, пастьба лошадей должна быть ограничена двойным визуальным расстоянием. Стив ненадолго задумался, но понял: «пастух» должен видеть в одну сторону лагерь, а в другую лошадей. Хи, а если пойдет пасти лошадей экзекутор и вместо глаз будет смотреть сканом?

Но регент серьезно согласился со всем, поблагодарил, и делегат удрал мелкой трусцой.

Время еле тащилось, в Сытый собирались арны, старательно избегая въезд, оккупированный иноземным отрядом. По лесу шастали одиночки и стайки аборигенов, но никто не подходил близко.

* * *

Утром пятого дня Стив почувствовал целенаправленное приближение полутора десятка аур. Присмотрелся — арны шествовали строем, одетые в полотняные куртки и штаны с кожаными нашивками — символами восьми «главных» семей. Обрадовался: регент уйдет, и можно будет расслабиться! Пока соображал, как проинформировать регента, дежурный увидел конвой, а регент сам заглянул в фургон.

— Экзекутор, за мной!

Сопровождение из шестнадцати суровых арнов, вооруженных демонстративно выставленными наручными клинками, расступилось, принимая в центр троих невооружённых имперцев. Регент принципиально не стал включать броню, а дознавателю с экзекутором никаких доспехов и не полагалось. Арны дружно развернулись и быстрым шагом направились к дому советов. Никто ничего не сказал, хотя сопровождению не понравилось, что делегаты «Иммырии» не оставили дома своего щенка.

Стив, опустив глаза — и правда как щенок! — пристроился сзади регента, осторожно его разглядывая. Ауру Криса он увидел только прилетев на задание и никак не мог совместить ее с неточным визуальным обликом гайдерского стражного. Ко всему прочему стражный всегда был в маске, закрывающей нижнюю часть лица. То есть его нельзя

опознать по спонтанной мимике губ, которую никто не умеет всегда контролировать, а его нормальную походку из-за ритуальных гайдерских танцев тоже, считай, не видел. Но в целом тело ажлисс особенно не поменяешь, для этого надо быть экзекутором. Или залезть в инкубатор. Но Крис, и в бытность свою человеком, скорее всего, был квадратным уродом с упорной мордой и ежиком темных волос. Человек стал ажлисс и его внешность достигла генетически запрограммированного идеала. Вояка...

Недолгий путь по проезженной колёсами траве проходил, извиваясь между семейными поселениями, не заходя ни в одно из них. Минут через двадцать конвой свернул на льготную поляну, заполненную сидящими отдельными стайками арнов. Одежда семей заметно различалась меховыми узорами. У первых встреченных, сразу у дороги — треугольники из синей шкуры ежиных оленей, у следующих — на рукавах кожаные круги... В глубине за деревьями скрывались беспокойные одиночки. Никто не смотрел прямо на пришельцев.

От широких дверей единственного круглого бревенчатого здания встала седая арнека. На ее жилетке было три косых полосы из пятнистого меха, как и у группы поддержки, сидящей вдоль стены. Стив еще раз осмотрелся: да, все арнеки, как и арны, коротко острижены. Или у них просто волосы длиннее не растут?

— Семья Фравва имеет достаточно сил, чтобы собрать совет! — громко и четко продекламировала пожилая арнека и первой вошла в круглый дом, подхватив на пороге два овальных меховых коврика. Неторопливо положила обе подстилки к дальней от входа стене, указывая место для делегатов Империи. Семеро арнек вошли следом и сели кругом на застеленный шкурами пол.

Ни ей, ни остальным тоже не понравилось, что Крис и Лил притащили «своего щенка на взрослые переговоры», но вслух опять ничего не было сказано. «Ура, — хихикнул про себя Стив: — Явные знаки стремления к согласию и без внушения экзекутора! Скоро домой!» Бесплотной тенью уместился на дощатый пол за Криса, разливая благодать на всех.

Двери еще раз распахнулись и ворвались двое в комбинезонах. Тот наглый Вроаррист! А другой, кажется, тоже был у седьмого поста.

— Безродные не могут участвовать в совете! — возмутилась Фравва. — Только через вожakov своих семей, которых у вас нет!

— Я сам вожак семьи! А семьи многих остались за границами, поэтому от их имени буду говорить я, — тихо зарычал Вроаррист и сел в круг сбоку от Фраввы.

— И я! Я — Гверрц! Я тоже буду говорить за тех, кто не согласен с Вроа, — добавил второй арн и сел сразу у входа, напротив регента.

— Это нарушение правил совета, — заворчала арнека с синими треугольниками на плечах куртки, смотря в упор на бунтовщика. — У вас нет арнек...

— Это всё сплошное нарушение! — перебил её Вроаррист, не отводя взгляда.

Стив поджал губы, усилил влияние и неожиданно все пришли к полному соглашению. Вот и чудесно!

Вожаки по очереди стали перечислять, чего бы им хотелось для полного блага их семей, а Стив уперся локтями в колени и решил подремать на волне всеобщего удовлетворения. Политическое кудахтанье его не занимало. Пускай скорее договорятся, что-нибудь подпишут или закопают общую кость, а он хочет домой!

«Не спи! Проверь, как лагерь!» — толкнулся мыслью регент.

Стив встрепенулся, отключился от бормотания совета и...

Блестящий узкий рой влетел в лицо Лил. Кровь из её распоротой шеи хлестнула на бок Криса и Лил упала навзничь. Кто-то орал. Стив опомнился и обездвижил всех, включая находящееся снаружи население. Кроме регента. Выстрел превратил всю левую половину лица Лил в кровавую кашу. Глаз вытек, щеки не было, как и нескольких зубов. Стив прижал ладонь к ранам, стимулируя регенерацию, а пальцами другой пытаясь вынуть хрупкие осколки игл. Лил впала в малую смерть. Демоны бездны! Иглы таяли в пальцах и разъедали кожу. Стив потряс горячей рукой, обернулся к регенту:

— Ажлисс регент, Лил нужна вода...

Регент уже вставал от мертвого арна. Того недовольного Гверрца. И убирал в карман молочно-белый кристалл. Гверрец лежал навзничь у дверей с разорванной глоткой. Стив изумился — он не заметил кто и когда его убил. Вроаррист с окровавленной рукой валялся в беспомощности на коленях Гверрца. Рукой распорол?!

Члены совета попадали где сидели.

— Сейчас, — регент выволок труп за дверь.

Но зачем Гверрец этому извращенцу Крису? Он же не покушался на экзекутора и за какой бездной нужна его душа? Зачем его оживлять?!

— Ваш соплеменник попытался убить дознавателя Лил, однако Вроаррист остановил его, — громко и внятно продекламировал Крис на поляне. — У кого есть с собой питьё? Мы продолжаем переговоры, но Лил нужна вода.

Крис прошелся между группок арнов. Стив ослабил хватку скана и от деревьев, приседая и кланяясь вышла молодая арнека, почти девочка, протягивая двумя руками керамический жбан. Крис кивнул ей и быстро вернулся, поставив открытый сосуд рядом с кровавой лужей у головы Лил.

Стив нюхнул: кислятина какая-то. Но сойдет и начал тонкой струйкой лить розоватый сок на раны, заставляя клетки брать воду и выталкивать яд...

Организм ажлисс и сам выкинет все лишнее, но со стимуляцией заживление идёт быстрее. Вычистив глазницу, Стив начал растить дознавателю глаз, восстанавливать лицо.

— Ты не видел, что тот идиот вооружен? — регент вертел в руках смешной деревянный пистолет с бутылочкой вместо ручки. Дети из таких брызгаются в жаркие дни.

— Я не понял, что это оружие, я думал он с собой принес воду. Простите...

— Сколько тебе понадобится времени, чтобы вылечить Лил?

— Я почти все сделал, еще минут десять.

— Хорошо, потом понемногу их отпустишь.

Ну вот всё готово. О ранении напоминало только испачканное платье и лицо. Можно отпускать и будить. Стив отпустил Лил и она очнулась, несколько раз судорожно всхлипнув остатками испуга. Села и мысленно поблагодарила Стива, что совсем его не обрадовало. «Проморгал! Всё-таки проморгал нападение!» — стучало в висках.

— Ты в порядке? — регент участливо посмотрел Лил в глаза и взял ее за руку.

— Да, я уже могу работать, — дознаватель вздохнула, задержав дыхание и закрыв на минутку глаза, и поправила окровавленное платье.

Старейшины неуверенно шевелились, снова рассаживаясь в круг. В комнате витал испуг.

— Несмотря на то, что мы пришли к вам с миром, вы напали на нас! — заворчал Крис, для усиления угрозы глядя исподлобья. — Чуть не убили дознавателя! По нашим законам она

неприкосновенна. Она ваша мать и судья, потому что умеет читать в мыслях правду.

— О Единый Отец-Создатель! Это не мы, это подлый Гверрц! Наши семьи были против участия одиночек! Но он уже мёртв, Вроаррист убил его! — вожди почти беззвучно гомонили с ужасом поглядывая на ожившую и целую Лил и Стива.

— У нас есть сила, которая может заставить вас делать что угодно. Однако мы не желаем насилия. Но Гверрц чуть не задел эзекутора, — Крис ткнул пальцем в Стива. — Который является рукой Императора. А покушение на Императора или его руку карается множественной смертью. То есть убийцу убьют, оживят и снова убьют несколько раз. И каждый раз смерть его будет медленной, болезненной и мучительной! Например, эзекутор будет постепенно снимать с него кожу. Частями и маленькими кусочками.

Регент послушал тишину и добавил:

— Кусок вашей планеты влетел на нашу территорию. То есть это вы напали на нас. Дважды! Мы могли бы вас всех уничтожить и были бы правы. Но у нас есть закон — каждое живое существо должно прожить свою жизнь в равновесии со своей средой обитания и другими живыми созданиями. Вы попали в катастрофу, поэтому мы будем помогать вам выжить. Вся эта зона составит один дозен, по нашим подсчетам вас всего пара тысяч. Я отвечаю за вас перед Императором. Я официально ваш отец и ваша охрана.

— Мы не знаем, как тут оказались! Мы не нападали! Вы украли нас и наши земли! А как мы попадем домой?

— Спокойно! Наши ученые работают над этим. Мы не будем вмешиваться в вашу жизнь, пока вы будете соблюдать наши законы, наоборот, мы будем делать все, чтобы вы стали полноценной частью нашей империи. Дознаватель будет гарантией мира, так как она умеет читать души, все ваши желания и тайные поступки. В качестве компенсации Лил проверит всех присутствующих. И я требую изоляции всех агрессивных и нежелающих совместно жить для нашей общей безопасности.

— Но куда их изолировать? Мы не можем их изгнать, они и так оказались тут без семей...

— У нас есть изоляторы, которые не дадут этим особям причинить никому вред... Мы уберем их отсюда, чтобы они никому не мешали. С помощью Лил мы проверим всех. Но мне надо знать, как вам помочь выжить у нас. Что у вас перестало работать. Я видел разорванные провода...

— Производство полотна семьи Раввао не пострадало, но куда нам теперь вывозить наполненные кладовые? Производство полотна семьи Ларраис тоже не пострадало. У семьи Ларраис есть дровяной генератор. Мы успели все перекинуть на него, но визор все равно ничего не показывает, — заговорили арны по очереди. — А у нас нет генератора и часть запасов мы закрутили в банки, но остальное пришлось закопать. Нам нужно...

— Мне надо знать состояние всех семей на территории переноса! — прервал говорящих по часовой стрелке вожаков регент.

— Это внутреннее дело тех семей, мы отвечаем за свои семьи...

— Тогда мне нужно свидетельство или подтверждение от вас на свободное перемещение по территориям.

— Мы не можем разрешить вам ездить по нейтральным путям, а внутренние дела семей — это внутренние дела семей...

— Никого нельзя изолировать! — Вроаррист встал. — Я взял земли между владениями семей Ахрра и Сибрист. Дорогу мы проведем, но нам нужен материал, инструменты и вещи

для жилищ. Нас пять десятков безродных, которые составят новую семью. Мою семью Вроа!

— Это невозможно, среди вас нет арнек! Это не семья! — вскинулась Фравва.

— Ты не сможешь мне запретить, — зарычал Вроаррист и шагнул к арнеке. — Я сильнее твоего арна! И я уйду на свою землю! К своей семье.

Оставшиеся, уединяясь с Лил, убедились, что дознавателю действительно достаточно взять испытуемого за руку, задать несколько вопросов — и вся жизнь, и все скрытые желания переставали быть скрытыми. Лил поклялась, что её предназначение сообщать регенту и Императору лишь выводы, но секреты остаются секретами. Она — дознаватель, то есть хранитель мира и равновесия. Её цель — всеобщее благо и решение проблем еще до их возникновения...

Собрав список нужд восьми семей, бывших на совете, делегация Империи вернулась во временный лагерь уже без сопровождения.

* * *

В лагере регента ждал Вроаррист.

— Крис, ты всё делаешь неправильно.

* * *

Стена стояла на века:
Сильна, недвижна, молчалива.
Струясь касаньем, тень легко
Гранит смела нетерпеливо.

Упали мы сквозь небосвод
Гремящим звездным водопадом.
Осколки разбивали лед
Сердец, заледеневших рядом.

Осколки звезд зажгли в глазах
Огонь, не знающий преграды.
И мы летим вдвоем в мирах
Сгореть в огне и без пощады!

Визитёр пришёл один, вокруг был пустой лес. От арна исходило насыщенное беспокойство. Стив даже перестал дышать: неужели нападет?

— Вроаррист, я благодарен за помощь, — регент сдержанно кивнул, плеснув внутренней радостью, шагнул в палатку и придержал дверь. — Мой дом открыт для тебя. Прощу. Можем сесть за стол или на пол, как тебе удобней.

Стив просочился следом и забрался с ногами на свою кровать.

Арн поводит головой из стороны в сторону, принялся и положил обе руки на спинку ближайшего стула:

— Ты неправильно себя ведешь. Ты чужак, и пришел со странной семьёй, но ты можешь не знать. Я не понимаю как это все случилось, но я стараюсь смотреть и видеть. Пытаюсь выжить. Одиночка без семьи не выживет. Но пока ты не будешь вести себя как вожак, никто не будет считать тебя вожаком. Вот сейчас: ты ждешь чего? Если я сяду первым, это значит в твоём доме вожак я. Тебе не нужно разрешение на проезд по дорогам, раз ты вожак. Но если ты будешь просить разрешение, значит ты не можешь решать сам. Ты заметил, что пришло только восемь семей? Их здесь двадцать. Они не придут к тебе, ты сам должен войти к ним в дома, как их лидер. Если будет драка — дерись. Ты выглядишь бойцом, возможно ты победишь, но не убивай, если вожак семьи примет твою силу. Тогда их семья станет твоей семьёй. Пока ты — никто. Пока ты просишь, ты проситель. Не вожак. Тебя можно использовать, но никто не будет тебя слушать, и членов такой семьи может убить каждый.

— Спасибо, — Крис открыл шкафчик у своей постели, сунул туда кристалл и сел к столу, сдержанно улыбаясь. — Должен я драться и с тобой?

— Попробуй, но на моей земле, — Вроаррист склонил голову и тоже сел. — Иначе, если бы я победил, мне бы пришлось стать вожаком твоей семьи и твоих бойцов. А я не думаю, что мне это нужно.

— Могу я предложить тебе пищу? Генри, принеси еще и для экзекутора тоже. — Крис открыл и подвинул к арну контейнер с супом и ложку. — Это стюард, помощник. Он готовит еду и делает всё в доме.

— У нас тоже есть помощники, которые работают в доме, — Вроаррист склонил голову. — Вожак ест первым, но я принимаю твои правила в твоём доме.

— Вроаррист, я удивляюсь, что ты настолько открыт новому. Но я рад, что ты пришёл. Могу я попросить тебя поговорить с Лил, чтобы мы заключили с тобой договор?

— Меня тоже радует, что ты ведешь себя так, словно вожак тут я, — снова склонил голову арн и усмехнулся, как хрюкнул. — Ты должен был сказать уверенно: Лил придет и поговорит с тобой.

— Хорошо, — засмеялся регент. — Я научусь, это несложно. Скажи, что нужно тебе?

— Арнека, но тут ты ничем помочь не можешь.

— Империя может много, возможно в лаборатории смогут создать арнек.

— Искусственных арнек? Это оскорбление. Я чувю, что этот ваш помощник неправильный. Не совсем живой. Не член семьи. Таких как он арны не примут.

— Император хочет сохранить арнов, поэтому он найдет вам арнек. Возможно он найдет и вашу планету.

— Тут много арнов, оставшихся без семей. Не просто без пары, а потерявших дом и

семью. Как я. Но я ещё хочу понять, что случилось и что нам делать. Что мне делать. Мы не сможем выжить такой маленькой стаей. Семьи здесь делали полотно и меняли его на хлебную муку, инструменты и многое другое, что привозили из Харры, Двароа и других областей. Все осталось за границами. Мы просто не выживем. Мы как разорванные провода, в которых не осталось энергии...

— Мы дадим вам энергию, главное чтобы не началась общая драка, когда я впущу сюда техников.

— Чтобы не было драк, тебе надо немедленно выехать и наверстать упущенное время. Фравва и остальные могут прийти каждую минуту и начать требовать подношения. А ты уедешь. Объедешь всех и, если станешь их вожаком, тогда никто не тронет твоих техников. Есть легенды, что когда-то у нас был общий вожак. Но этого уже никто не помнит, кроме меня. Потом вернешься сюда и закончишь здесь. Подождут. Но твоя арнека не должна выходить, пока тебя не признают — плох тот вожак, что подвергает опасности свою арнеку.

Крис понимающе кивнул и улыбнулся, не обнажая зубов:

— Лил поговорит с тобой.

Регент увел нахального арна к дознавателю, а Стив присел у шкафа с кристаллом. Оттуда тихо пела, беззвучно поскуливала аура мёртвого Гверрца. Стив открыл дверцу и погладил крилод указательным пальцем — надо же, раньше он слышал пойманную душу только держа полную ловушку в руках.

* * *

На миссию утверждения власти Империи, точнее, власти регента Криса, отряд стартовал до рассвета.

Разбуженный ни свет ни заря, насильно позавтракавший и зашнурованный, Стив сидел в одиночестве в излюбленном углу постели. Регент прыгал где-то там по фургонам, а экзекутор, привалившись к трясущейся стенке, обнимал подушку и пытался еще чуточку поспать, когда домик вдруг резко остановился.

«Стив, не вмешивайся!» — прилетел мысленный приказ. Ого! Регент вспомнил имя!

Из-за поставленных поперек дороги машин и с боку из леса выбегали арны в зверином облике. Другие, оставшись двуногими и, соответственно, двурукими, бессмысленно стреляли по гвардейцам, спрятавшись за баррикадой и деревьями. Пучки ядовитых иголок стукались и осыпались по металлопластовой броне, как снежки зимой. Никто из имперцев не применял оружия. В раскрытые пасти втыкались серебряные кулаки, арнов сбивали с ног, прижимали к земле, а регент голыми руками защелкивал на их шеях нейро-ошейники, одновременно кричал: «Лежать!» И бросался к следующему. Пленник, понимая команду, уже невольно держал себя сам, ментально включая разрядник ошейника при попытке нарушить приказ.

Атака кончилась, не успев толком начаться.

Стрелявшие попытались удрать и скрыться, но выпущенные из упряжи биолошади приволокли и их, надежно ухватив хищными зубами за плечи и загривки.

— Придется нашим кобылам переквалифицироваться в вожаков арнов, — регент оглядел ошарашенную банду неудачников. — А ну тихо, вы, щенки! Не двигаться! Слушайте и тогда ничего болеть не будет. Замерли все! Вот видите? Ничего не болит? Не болит. Можете сесть. Делайте, что сказано, и все будут живы.

«Экзекутор, иди сюда. Поправь этому челюсть!»

Стив выпрыгнул на узкую обочину грунтовки. Дорога, посыпанная мелкой утрамбованной щебенкой, была разворочена резким торможением, тяжелыми ботинками ажлисс и ударами копыт. Тут и там обрызгана кровью. В придорожной полосе сидело два десятка арнов, все уже в человекоподобном виде, некоторые с разбитыми мордами. Они на всю округу лучились негативными эмоциями. Позади со сломанной челюстью валялся раненый. Кровь уже не текла, но разломанная челюсть висела неопрятным кровавым ошмётком.

Стив хотел было подойти к нему, но Грег по сигналу регента уже ухватил вяло реагирующего арна под мышки и рысцой перетащил поближе. «И зачем его так мотать?» — поморщился Стив и отключил сознание больного. Обеими руками складывая и заращивая раздробленную кость, удивился, что продвинутая регенерация арнов все-таки не настолько «продвинутая» и не может справиться с серьёзными ранениями.

Кристофер выделил один фургон и выслал бунтарей в лагерь седьмого сектора в сопровождении экзекутора. «Отвезете галопом и сразу возвращайтесь. Ошейники могут разрядиться каждую минуту, а там пускай лаборанты разбираются. Они все равно хотели получить несколько штук в виварий».

* * *

Ещё декаду Стив сопровождал регента. Больше инцидентов не случилось. Кристофер решил, что подстраховка в виде экзекутора уже не нужна и, наконец, отослал Стива.

* * *

Он влетел в свою комнату в истерическом нетерпении. Джи здесь на базе, в лабораториях. Всё равно и наплевать! Он не будет обращать внимания на лаборантов, не даст им на себя смотреть, он от них изолируется, заблокируется, просочится невидимой дымкой. Вот только соберется и пойдет. Джи отозвался на осторожный скан, на тонкую дрожашую нить, которой Стив нащупал его, даже не успев выйти из флаера. Стив послал несформулированную, почти неслышную вопросительную эмоцию, тихий вздох-желание быть недалеко, быть рядом прямо сейчас. Не ждать до вечера, не ждать, когда Джи его позовет и позовет ли? А Джи ответил. Разрешил. Согласился. Значит, Джи его простил. Если бы Джи все еще сердился, то, наверное, не позволил бы прийти? Не позволил бы так сразу ворваться посередине рабочего дня. А может, Джи тоже скучал? Хотя бы совсем немного?

— Генри, приведи меня в порядок, я только умоюсь, — крикнул и умчался к себе. Генри принес вещи, разложил по местам, а он вымылся внутри и снаружи, начистился, отполировался, приготовился. И выдержал, пока Генри заплел ему волосы, как полагается. Слегка фыркнув, но уже мысленно находясь рядом с Джи, оделся в шелковое и, почти не дыша и едва касаясь тонкой ниточки контакта, пошел на огонек ауры к Джи. Джи был занят, подглядывать он не будет. Джи уже его чувствует и лезть глубже в душу неприлично, к тому же он все равно ничего не понимает в этой его работе. Калибрация тонких изменений

генотипа, взаимодействие и порядок активации генов, стимулирование естественных и управление искусственными мутациями. Повторить это еще можно, но понять! Бр-р-р...

Стараясь не смотреть по сторонам, а только себе под ноги, сосредоточившись только на легком касании ауры императора, Стив спустился в лаборатории. Проскальзывал мимо людей, не замечал, не видел, не слышал. Он тень, его здесь нет. Кажется кто-то с ним поздоровался. Ой. Стив слегка отвлекся от своей эйфории и начал чистить мозги встречным: смотреть мимо, никого тут нет, абсолютно пустое место... Это на задании без дополнительной команды нельзя, а тут он дома, тут немножко можно, если совсем незаметно. И споткнулся в дверях, чуть не разлетевшись брызгами от счастья. Потерял дыхание, шагнул в сторону от прохода и замер у стеллажей.

Джи.

Получив мысленное разрешение, Стив плавно перетек вплотную, прижался к спине Джи, уткнулся лбом в лопатку и задохнулся в родном запахе. Далекий дым лесного пожара, жареные орешки... Неслышно выдохнул — всё, наконец вместе! Осторожно и невесомо касаясь, нащупал руку Джи, обрисовал кисть кончиками пальцев.

«Прости... Можно я тут побуду с тобой?» — тихая мысль. Ощущение тепла и счастья, рук, погладивших его сразу по всему телу. Джи обернулся, коротко приобнял одной рукой и ответил на робкий поцелуй. И мягко оттолкнул.

«Сядь там и подожди».

«Я буду тихо». Он бы и сам упал. Рассыпался, растекся. Сел на пол за шкафами в глухом углу у модулятора, закрыл глаза и переместился мыслью к Джи. Тонкие настройки генома, порядок проявления и распознавания модифицированных генов... Муть! И безмолвно исчез, растворился, как в детстве. Не вникая, ощущал все вокруг через чувства своего Бога. Так он может сидеть бесконечно... А потом пойдет с Джи и даже не важно, что будет Джи делать, он просто будет рядом. Не прогонит же он его, после стольких месяцев ожидания.

Голос Джи сдернул Стива в свое тело.

— Зак, хорошо, что ты пришел. Возьми Крошку и внеси её тесты в дневник, я делал только общий осмотр, — Джи бросил взгляд на Стива и кивнул к двери, приказывая идти с улыбающимся лаборантом.

Стив чуть не взвился ядовитой змеей от негодования и обиды. Но, проглотив протест, медленно встал, скользя спиной по стенке, и вышел за Заком, желая прожечь его ненавистью.

— Крошка, ты же знаешь, это всё равно надо сделать и мы быстренько всё провернем, — благодушно и громогласно изрёк Зак и взял его за локоть, выводя за собой.

— Не трогай меня! — вполголоса огрызнулся Стив и отдернулся уже в коридоре. Зак пожал плечами и пошел вперед. До тестерной шли в недружелюбном молчании. Перед самым поворотом в отделение Стив быстро просканировал Зака — ну да, недружелюбное молчание было все его собственное. Зак же был как всегда весел и доброжелателен. Стив шел сзади, демонстративно стараясь держаться справа, а не слева — на привычном месте эскутера, и понимал, что эти смешные маневры не видны никому, кроме него самого, и от этого злился еще больше. К тому же теперь он будет весь в этом желе, волосы в желе, вся заплетенная красота в волосах с бусинками в желе... Потом ему опять мыться, сушиться, снова заплетать эту мерзость на башке?

Они пришли в безлюдную лабораторию диагностики. Раскоряченная громада тестерной

машины нависала, как гигантская жаба, приготовившаяся к прыжку. Не проглотит, так хотя бы раздавит под толстым брюхом. Контактная ниша выломанной челюстью лежала на полу, притворяясь безобидной мелкой ванной. Стив не справился с собой и краем глаза скользнул по раскрытым креплениям на дне. И сразу же брезгливо повел плечом, уворачиваясь от Зака, который попытался поймать его голову в золотой обруч датчика.

— Не трогай меня, — тихим шепотом плюнул Стив, нервно дергая шнурок и расплетая косу. — И дай мне, я сам надену! — протянул он другую руку за обручем.

— Стив, я аккуратнo. Я все сделаю как надо, стой спокойно, — умиротворяющим голосом с высоты своего роста изрек Зак и придержал Стива за плечо, пытаясь воззвать к благоразумию.

Стив опять вывернулся и бросил в Зака фантом. Вместо него Зак увидел свою мать с выпавшими глазами и свернутой шеей, какой на всю жизнь запомнил её маленький Зак, когда слишком низко висящий груз сшиб ей на стройке голову. Зак отшатнулся. Стив вырвал у него обруч — он знает все скрытые страхи и тщательно скрываеmые ужасы, не видеть бы их никогда!

— Сказал, не трогай! — пробормотал себе под нос, отпрыгивая в сторону и тут же закрываясь и раскаиваясь: все-таки зря он сорвался и нехорошо вот так грубо. Зак не виноват, что Джи его попросил. В молчании расплел косу, рассыпая бусинки по полу и высвобождая маленькие косички, натянул под них обруч и, сбросив в сторону одежду, лег в нишу тестера. Затылком нащупал контакт. Машина тихо щелкнула и подсоединилась.

Зак подошел следом, затянул крепления и пустил электролит. В ванну потек проводящий раствор, постепенно покрывая все тело и застывая в жидкий гель. Зак достал дыхательную маску и тщательно приложил, закрывая рот, нос и глаза. Маска медузой присосалась к лицу, оставляя дыхательный пузырик у носа и надо ртом. Стив начал сосредотачиваться, уходя в жидкость, в гель, утопая в нем, уходя в себя.

«Первое: поиск и управление. Найди, скажем, Грега», — пришла мысль от Зака.

«Чего его искать, он у северной базы», — огрызнулся Стив.

«Начни работать, тест уже идет, все записывается. И ты слишком заигрываешься возможностями, что тебе дал император. Ты должен лучше относиться к людям, в конце концов, хотя бы ради себя самого. И подумай, сейчас ты полностью в моей власти, и я могу отомстить тебе».

«Я к людям вообще не отношусь! А потом Джи отомстит тебе. И я еще раз отомщу. И будем так играть вечн...»

«Работай, тест бежит!»

Стив дернулся в своем креплении, ему действительно захотелось сделать что-то ещё, сильно неприятное этому уроду — еще учить его будет! Но чем быстрее он пройдет тест, тем быстрее Зак все запишет, тем быстрее он вернется к Джи.

Вздыхнул. Медленно выдыхая, сдерживая злость и раздражение, вышел в эфир. Раскинул сознание в вибрирующем море излучений.

Грег... Стив помнил его ауру, его звучание. Он не мог перевести это на язык чувств, это было как звук, смешанный с цветом и вкусом, и эти ощущения были очень индивидуальные, как лицо, как характер. Но тело ажлисс менять умели, а отпечаток ауры, звучание своей души — нет. На этом была построена вся система. Сноваживущие видели этот сигнал, но недалеко. Стив мог больше, много больше, чем они все... А фантомы не умел насыпать никто, кроме него и Джи! И только он умел искать далеко, лучше чем система, которой

нужны передатчики и порталы. Видеть сигнал души в прозрачных водах эфира умела система, которая постоянно считывала ажлисс в библиотеку, и император. И Стив. Остальные сноваживущие чувствовали других, только наткнувшись на них в упор, там, где уже и так было все видно глазами.

Стив раскинул сети своей мысли. И вот он, Грег, на удивление недалеко. На полигоне.

«Грег на полигоне».

«Спасибо, вижу. Приведи его к пруду».

Стив сосредоточился: будь Грег очень далеко, он бы не смог его привести, но почувствовать бы смог... Стив запустил нить контакта, обживаясь в чужом теле, распустился там паутиной и взял на себя, надел, как перчатку.

Грег припарковал скутер и отрапортовал старшему офицеру, что его отзывают лаборатории по приказу императора и бодро прилетел к пруду.

«Хорошо, отпусти его».

Стив равнодушно прозвучал в голове у гвардейца: «Грег, прошу прощения, это был тест по приказу императора. Ты свободен, Зак подтвердит».

И оставил его. Грег при контакте сразу понял, кто его «похитил» — ажлисс чувствуют рисунок души друг друга, к тому же больше никто похищать и не умеет. Экзекутор да ещё император... Или правильнее наоборот: Джи и еще он, экзекутор... Теперь Грег, скорее всего, ломанется к ближайшему пульта и будет вопрошать лаборатории, чтоб убедится, что это не своевольное хулиганство экзекутора. Грег и без того любит экзекутора, как ядовитую занозу... Ну и наплевать...

«Регенерация, приготовься».

Зак ввел щуп и вырезал круглую дырку сбоку, захватив кожу, ребро, часть печени и кишок. Все как полагается: кожа, мягкие ткани, кости, внутренности. Стив сжался и перешел в эту боль, стал ею, пульсируя вместе с ней — тело знает само, что делать...

«Модификация. Сделай из левой кисти рыбий плавник».

Потом он глотал какую-то зараженную дрянь, яды и агрессивные вещества... Стив поплыл и потерял время. Ощущения тела почти исчезли, он сам чувствовал себя маленьким комочком, спрятанным где-то там, ниже глаз, а сразу от горла и до края мира надулась пульсирующим пузырем боль и прокрасилась в черно-бордовые цвета экзекуторской формы, цвета его жизни...

Потом пришла тишина, и Зак разбил ее. Снова.

«Способность экзекутора удержать фантом во время болевого воздействия и иных внешних помех. Наведи мне фантом и держи его. Сделай из лаборатории поле с ромашками. Когда не сможешь контролировать фантом, скажи, я сразу отключу стимулятор. Готов?»

«Да».

Стив влез в голову к Заку, который давно уже сидел в кресле со считывающим шлемом на голове, и сделал ему поле. С ромашками. Ромашки были уродливо непропорциональные: с огромной желтой сердцевинкой и короткими белыми лепесточками. Боль, рождаясь в коже, понемногу жгла и просачивалась внутрь. Цветочки с белыми лепестками, всё больше похожими на острые зубки, начали кусать траву и друг друга. Боль усиливалась, ромашки раскачивались на стебельках и жрали товарок, пожирали сами себя... На поле под ярким солнышком цветочки шевелились, тянулись и поедали друг друга. Солнце, радостно играя острыми лучами, тоже превратилось в ромашку, огромную ромашку, которая начала зажевывать небо... Открыла огромную кровавую пасть и проглотила всё.

Стив очнулся, когда маска чавкнула и отлепилась от лица. Желе превратилось снова в воду и всосалось в очиститель, смывая все чувства, все желания. Было холодно и мокро. И пусто...

Зак положил на тестер теплую махровую простыню. Стив сел на край ванны и замотался в уютную ткань. Немного помедлив, взял протянутый Заком стакан с горячим энергетическим напитком. Держать стакан не было сил, хотелось безвольно упасть на пол, закатиться под тестер и там уснуть. Чтобы выпить, пришлось сосредоточиться и напомнить себе, что у него есть руки, в одной руке есть стакан — и преодолевать полное нежелание к действию. Стив стекал мыслью за горячим питьем и впитывал тепло, оно грело его изнутри как маленькое кровожадное солнышко...

— Можешь идти? — Зак забрал у него пустой стакан.

Стив молча кивнул.

— У тебя кожа слезет, если ты скажешь спасибо? Позвать Генри?

Стив даже открыл рот, но так и не смог выдать из себя никаких звуков. Мысленно общаться тоже не хотелось и не получалось. Он помотал головой и, дрожа, сполз с тестера, вставая на скользкий пол и кутаясь в простыню. Завис на мгновение над кучкой своей одежды, но все же подобрал ее и убрел в душ, оставляя мокрые следы на холодном полу.

Ругаться не хотелось, хотелось есть и... на ручки, укрыться, закопаться, утопиться, раствориться. Он уронил тряпки, включил горячую воду и сполз на пол в обжигающих струях, бьющих со всех сторон. Пусть они смоят всё, и он стечет вместе с водой.

Дверь распахнулась, и в кабинку ввалился холод и Генри.

— Закрой дверь!

Генри выключил воду и, набросив на него полотенце, потащил из душа.

Стив вяло отбрыкнулся:

— Дверь закрой, идиот, холодно же!

— Нет, выходи, ты тут уже пятьдесят минут сидишь, меня Зак позвал!

— Какой хороший Зак... — пробормотал Стив, отдаваясь в руки стюарда. Генри снова закутал его и попытался поднять на руки, но Стив оттолкнул стюарда и пошел сам. На свое место. В свою комнату.

Глава 21

Примирение

* * *

Сегодня мне снова не спится
Осенний лишь пепел во тьме.
А сердце куда-то стремиться...
Я просто молчу при тебе.

Читала о чем-то страницы,
Но книга стекла на ковер.
Мечты же как дикие птицы,
Их крылья уносят в простор.

Вспорхнули, взлетели и нет их.
Они улетели туда,
где теплое синее море
уютом ласкает всегда.

За птицами рвусь в перелеты
Ведь сердце так просит огня!
Твой взгляд равнодушный и чистый
Зимой окружает меня.

Слова дивным инеем вьются
Роскошен решетки рассказ...
Боюсь я остаться и вмерзнуть
В прекрасные льды твоих глаз.

Умру в них, умру без ответа...
Весна ж половодьем придет,
И трупики глупеньких птичек
С растаявшим льдом унесет...

* * *

Генри шел следом и бубнил, что все прекрасно:

— У тебя же ничего не болит? Зак сказал, что данные очень хорошие, параметры стабилизировались и все твои качества...

— Да заткнись ты! Знаю я параметры! Душа у меня болит!

Стив вошел к себе и упал на тахту, плотнее закутываясь в простыню. Очень хотелось к Джи, но не было ни сил, ни желания снова мыться, сушиться, одеваться. А главное, не хотелось идти к Джи в таком настроении — чтобы прямо перед ним бессильно разрыдаться от любой ерунды. Лучше подождать до ночи и прошмыгнуть в полумраке прямо в постель, прижаться и исчезнуть. Он чуть было не всхлипнул, но сжал челюсти и весь сжался, пытаюсь глубже закопаться в мягкую ткань...

— Стив, вставай, — Генри сдернул с него ненадежное укрытие, — Иди в ванную, я тебя сейчас соберу. Ты должен быть к ужину.

Стив вяло встал. Значит снова косички и снова протокол.

* * *

Опять затянутый в официальную прическу и бессознательно поджимая живот от холодящего шелка рубашки, Стив спустился на императорский уровень. Технические коридоры насыщенного бордового оттенка уходили направо и в той же стороне был его тренировочный зал, но Стив повернул налево в светлый малиновый проход и приложил руку к сенсорному замку. Система удостоверилась и пропустила его на личную территорию императора. Пройдя три пояса безопасности, Стив вышел в общую приемную и, оставив в стороне секретарскую с жилыми комнатами Вика, остановился у дверей в императорский кабинет. Закрыв глаза и осторожно коснулся сознания Джи, приветствуя и предупреждая

его. Еще раз глубоко вздохнул и робко вошел в знакомую просторную комнату с темной резной мебелью и дико смотрящимся тут лабораторным комплексом в левом дальнем углу. Несмотря на то, что до рабочего места Джи было рукой подать — всего в нескольких уровнях от жилых комнат, император часто сам нарушал им же установленный распорядок — продолжал эксперименты после официального конца смены. Крошка, наверное, провела здесь столько же времени, сколько и у себя. И бесконечное множество раз засыпала на диване или на полу у ног Джи, так и не дождавшись, когда император отлепится от работы. А просыпалась уже в спальне, куда Джи незаметно и бережно переносил её, чтобы потом разбудить утром. Джи не понимал способность Крошки спать долго и почти бесконечно. И неоднократно раздраженно врвался в сонное сознание и сбрасывал беззащитно-ленивое и не торопящееся пробуждаться тело с постели, протыкая его фантомом или управляя своей волей.

Стюард сервировал длинный стол в середине кабинета на двоих. Стив, избегая смотреть на Джи, обрадовался, что он будет сидеть слева от императора. Он бы сегодня не выдержал сидеть напротив под прямым взглядом Джи.

— Я посмотрел твои тесты, они совпадают с моей диагностикой. Я доволен тобой, — Джи взглянул от рабочего места.

Стив неуверенно приблизился, открывая сознание.

— Я... Ты простил меня?

— Мне не нужно тебя прощать — ты бы не смог меня убить, — Джи встал и взял его за шею, гладя большим пальцем по скуле. Стив захлебнулся и судорожно сцепил руки за спиной — сейчас он не мог решиться сам дотронуться до Джи, а только сконцентрировался на ощущении его прикосновения. Тихо сказал, ловя взгляд Джи и мысленно распахиваясь до дна:

— Я не хочу тебя убивать, я никогда не смогу...

— Я знаю, что не сможешь, к тому же тебе и незачем, — усмехнулся император и потрепал его по щеке. — Если меня не будет, то ты не только станешь ненужным, но и окажешься угрозой для каждого ажлисс и человека. То есть, ты вряд ли переживешь меня. К тому же без меня не будут работать порталы. Ты бы хотел разрушить Империю?

— Нет, я не это хотел сказать, — Стив моргнул и безнадежно запрокинул голову, борясь со слезами — ну почему слова так ограничены и двусмысленны? Тогда, после Гайдеры, очнувшись в инкубаторе, Хакисс бросилась на Джи, пытаясь уничтожить его фантомом, стараясь дотянуться и взорвать его обратной регенерацией. Но Джи оказался быстрее. Он успел поймать её, схватить за руки — очнулась она уже в пустошах. Теперь Стив не был уверен, что Хакисс действительно хотела убить Джи. Ей просто было ужасно плохо.

— Нет, не так! Я не хочу тебя убивать и никогда не буду! — отчаяние подкосило Стива и он сполз на колени, вдавливая ладони в пол, посылая всего себя в расплывающуюся синеву глаз своего Бога, утопая в нем, как в бесконечном небе, охватившем его со всех сторон. — Я не могу объяснить правильно! Прочитай меня! Прочитай, что я чувствую!

— Это неважно, успокойся. Сейчас тебе надо восполнить силы после тестов, — и Джи шуточно отвесил своему экзекутору легкий подзатыльник, направляясь к столу.

— Прости, — Стив затих. Вытер глаза. Медленно встал и, стараясь двигаться экономно и бесшумно, сел на предусмотрительно отодвинутый стюардом стул. Тоскливо пробежал взглядом по армии приборов, в полной готовности лежащих вокруг и хищно нацеленных на него. К чему эти сложности с правильным ужином, когда император у себя дома? Вздохнул

и пожелал:

— Спокойной и приятной трапезы!

— И тебе. Расскажи мне, что тебе понравилось на территориях?

Территории? Ах, да. И еще Кристофер. Но за столом нельзя говорить о нервном.

— Я не почувствовал пришельцев.

Джи изящным и точным движением нанизал на трехзубую вилку три разных кусочка салата и неторопливо прожевал их, разглядывая Стива.

— Это тебе понравилось?

Стив повел плечом, метнул осторожный взгляд и поправился:

— Там были симпатичные голубые ежиные олени, с красивыми темно-синими глазами.

Их пробы есть у лаборантов.

— Да, я видел твой дневник, — Джи неторопливо кивнул и улыбнулся.

Ну вот... Стоило надрываться с темой разговора?

— А когда я смогу посмотреть свой дневник? — Стив замер. До него вдруг дошло, что у Джи тоже красивые темно-синие глаза. Вдруг Джи оскорбится? Стив выдохнул, взял себе самое простое и быстро начал есть.

— Когда я буду уверен, что у тебя не случится истерики, — донесся до него спокойный ответ.

Стив почувствовал, что краснеет, напрягся и отогнал кровь от лица.

— Прости, но я даже не помню, как меня звали до того, как я попал сюда, откуда я... Не помню, как выглядит моя мать...

— Ты экзекутор и это тебе не нужно. Мы с тобой уже говорили на эту тему. Ты должен наконец повзрослеть. Ты — ажлисс, и вся твоя смертная жизнь осталась за крышкой инкубатора. И твоё желание выкопать прошлое может навредить Империи. Может всколыхнуть недовольство. У ажлисс нет родных среди смертных. Нельзя создавать преимущества и зависть у людей. Это основы нашего существования. Хочешь парочку тех оленей на остров?

— Им там будет мало места, — насупился Стив. Да неужели непонятно, что олени ему не нужны?

— Хорошо, тогда надо их выпустить в лес около базы — они будут красиво смотреться в контрасте с желтыми парковыми ланями.

Ужин прошел в бессмысленном разговоре. Стив даже не понял, что он ел. Он механически глотал и его заботило только одно — больше не соскользнуть на щекотливую тему, которая так и рвалась в разговор. Потом он соберется с силами и поговорит. Потом!

После ужина Джи часто снова работал, но тут Стив ослабел от благодарности — Джи пошел сразу в спальню. Стив, дрожа, нет, вибрируя нервами, всем телом и душой в ожидании и нетерпении, нырнул в постель, обмирая и еле-еле вспомнив, что надо аккуратно повесить вещи — Джи любит порядок! И умер, переместился через временной портал к моменту, когда Джи оказался рядом и услышал:

— Мне не надо привязывать тебя за руки?

Стив покраснел и прильнул к своему Богу, спрятав лицо у него на плече:

— Нет, не надо. Я никогда больше не... Прости! Я люблю тебя!

— Ты еще ребенок совсем. Любовь проходит и уходит, а в жизни надо просто придерживаться правил. Мне не за что тебя прощать. Я знаю тебя, я специально выбрал именно тебя.

Стив уже не слушал, он уплыл, утонул и растворился в божественном счастье. Джи снова с ним, он снова с Джи и нет ничего кроме...

Потом, много времени потом, когда Стив был и не был... Он был в мыслях и чувствах Джи, ощущал его телом, его руками и, в то же время, он чувствовал его собой. Он не думал, где он, а где Джи, и сейчас было счастье, не было ничего, кроме сейчас, и оно было вечно... Но, чуть было не уснув, Стив вспомнил, что он хотел. Что у него есть одна маленькая, но болезненная проблема. Надо ее решить и избавиться от постоянной занозы, давно сидящей в сердце. Старая мысль выплыла сама и перетекла к Джи:

— Джи, а почему я? Ты бы мог вырастить кого угодно в лаборатории...

— А зачем мне кто угодно? Тело я действительно могу вырастить любое. Тело даже ты, особенно ты, — и он слегка прижал сразу встрепенувшегося и обнимающего его Стива к себе, — можешь вырастить какое захочешь. Но тело безвольно и неинтересно. Никакой андроид не может заменить человека. И не каждый человек может быть экзекутором и сможет быть со мной. Ты можешь. Я запрограммировал необходимые мне характеристики в поисковик, и система, проверив бесконечное множество вариантов, предложила тебя. И моя Крошка сама пришла ко мне. Мне нужно не только твое тело, главное — это твоя душа в этом теле... И к тому же у тебя давным-давно не твое родное тело, а очищенное от дефектов тело ажлисс, построенное по твоим данным и настроенное на твою душу. А твоя душа остается той же самой, независимо от того, в какую морфу ты меняешь свое тело.

Стив блаженно прошептал:

— Мой бог на самом деле демон, крадущий души...

— Я не могу украсть — всё и так принадлежат мне по закону. Но когда хорошо всем, хорошо и мне. Империя сильна и богата, силен и я. Я имею право на спутника, чтобы мне не было одиноко — и поэтому у меня есть ты.

— Я люблю тебя...

— Любовь приходит и уходит, а мне надо чтобы ты никогда не предал меня.

Стив испугался и быстро сел ближе, положив обе ладони Джи на грудь, приникая к нему, ища его взгляд:

— Как я могу тебя предать? Зачем? — чуть не закричал, но спохватился. — Я не могу жить без тебя... Там, на Гайдере, Хакисс чуть не умерла без тебя... От боли. От того, что ты бросил её... Ей было так плохо... А ты выбросил ее в степь, — совсем неслышно добавил Стив. — Я снова чуть не умер там... Но я больше не Хакисс, я не хочу быть Хакисс...

— Хорошо, если тебе удобней Стив, так и будет. Я согласился. Но Гайдера была для тебя необходима — тебя надо было встряхнуть. Ты не развивался, а после шока Хакисс собралась и пробудила резервы. На пустошах ты стал сильнее. И ты почти готов, почти такой, как я и хочу. Тебе это всё пошло на пользу. Быть экзекутором тяжело, а без моего руководства ты бы не поднялся выше обычного ажлисс. А как ажлисс ты бесполезен. Я нужен тебе так же, как ты нужен мне.

— Я боюсь, что тогда Хакисс на самом деле хотела тебя убить, — прошептал Стив. — Ты веришь мне, что я не хочу тебе ничего плохого?

— Я вижу, что ты не хочешь делать мне ничего плохого, — Джи улыбнулся и притянул к себе Стива. — Ты моя частичка. Моя Крошка.

— Я люблю тебя, — Стив убрал руки и положил голову своему императору на грудь. — Я умираю, когда ты отсылаешь меня... Но я никогда не предаю тебя! Я не хочу тебя убивать не потому, что не могу, а потому, что не хочу, и я люблю тебя!

— А ты бы хотел попробовать жить без меня?

Стив задрожал... представив себя без Джи, он испугался, нет, ужаснулся и схватился за своего бога, прижимаясь изо всех сил, пытаясь оставить свое тело и перебраться полностью в его сознание.

— Нет! Я хочу быть с тобой, всегда хочу! Я не могу без тебя, совсем...

И получил легкий щелчок по носу. Джи засмеялся и выкинул его обратно.

— Не дерзи! И не лезь. Я знаю. Поэтому я тебя и взял — ты отдаешься целиком и полностью.

Джи отбросил его и лег на спину.

Стив тихо лежал ничком и паника понемногу начала овладевать им. Гайдера пошла ему на пользу? Пустоши пошли ему на пользу? Что еще за вопросы, мог бы он жить без Джи? Куда Джи собирается его отослать? И все-таки Джи не верит! Как сказать, чтобы понял? Как доказать?

— Джи, я никогда не сделаю тебе ничего плохого, — снова начал Стив тихо в подушку.

Джи прогладил его ладонью от поясицы к голове и ухватил за косу, приподнимая голову.

— И можешь не говорить, что ты любишь меня, я это вижу. Крошка, не выдумывай, я же вижу тебя насквозь и я знаю что ты думаешь. Наука идет вперед и сложно решить, можно ли давать людям ее блага. И какие. И как, — Джи потянул на себя, и Стив положил голову ему на грудь.

— Мы — первые ажлисс: я, Джул, Вик и другие; мы основали эту империю и многие из нас до сих пор работают дознавателями на передней линии отбора. У нас нет войн, практически нет болезней, очень мало преступлений. Жизнь для людей безопасна и приятна. Но бессмертие — тяжелое бремя, и нельзя давать его всем. А ты мне помогаешь понять, что давать, а что могут использовать лишь избранные. Ты — избранный, ты человек, который получил почти всё. И от того, насколько ты сможешь научиться контролировать сам себя, зависит очень многое. Даже когда у тебя есть возможность сделать кому-то плохо. Ты мне помогаешь найти решение, как воспитать идеального человека.

— А кочевники считают, что экзекутор — сосуд для всего зла...

— Нет, ты еще совсем дитя! — засмеялся Джи. — Ну какая разница, что думают люди? Главное, что ты делаешь для Империи и для меня. Главное, что ты помогаешь мне помогать другим. Поэтому я тренирую тебя, я понимаю, это тяжело, но ты уже многое умеешь. И поэтому у тебя больше ответственности. Например, кроме тебя никто не имеет права убивать. Но ты должен научиться лучше сдерживать свои желания, держать свое слово.

— Я держу свое слово. Но дознаватели тоже убивают...

— Дознаватели не убивают, они решают, кто не сможет быть членом общества; достаточен ли ему ошейник и ограничение прав или и это не поможет — и тогда человек уходит на переработку. Его погружают в счастливый сон и он уходит во благо. Они видят человека до дна, но не могут изменять его, никто не может изменить человека, кроме него самого. Например, ты можешь управлять человеком, но когда ты отпустишь его, то он вернется в себя прежнего. Но я приведу тебя к идеалу, если ты не предашь меня.

Стив молча придвинулся ближе к своему божеству. Ему не хотелось думать, куда поведет его Джи. Призрак так старательно спрятанной Гайдера опять ожил и пробежал ледяными пальцами по сердцу. И про Криса так и не спросил. Но Джи видел его дневник и ничего не сказал, значит, все так и должно быть. Стив прогнал по телу спазм, расслабляя

мышцы, разгоняя кровь и согреваясь. Натянул одеяло, прижался под бок к Джи. Боясь и не желая спрашивать, он все-таки прошептал вопрос, который мучил его давно:

— А кто учил тебя?

— Предыдущий император, естественно, — Джи переложил его поудобнее под руку, но Стива подбросило:

— Нет! Я... Я не хочу остаться вместо тебя! Не хочу, чтобы...

Джи удержал его и крепко прижал к себе.

— Я знаю, но я не собираюсь уходить. Спи, дурашка!

— Джи, — вдруг вылезла давняя беспокоящая мелочь, и Стив сел. — Ты наказал воров?

— Каких воров?

— Ну... — Стив послал воспоминание с забавной песенкой и кочевниками, утаившими ящик батареек. — В Сар Дижоне я казнил воров, а это то же самое, нет?

— Крошка, ты действительно думаешь, что у меня есть столько времени — жить в твоём дневнике? Забудь. Это мелочи. Если там появится большая нехватка, то андроид сообщит дознавателю дозна, и дознаватель будет решать. Такая ерунда не стоит внимания. Никакие законы и правила не могут быть универсальными. Люди должны сами по чуть-чуть изгибать рамку правил по ситуации. Иначе человечество действительно превратится в овец и цивилизация погибнет — нам неоткуда будет брать следующих ажлисс, вместо уставших и потерявших цель. Ажлисс тоже люди. Но скажи, тебе хочется казней? Или любви и эмоций? — Джи провел пальцем по груди Крошки, разрывая обратной регенерацией кожу и тут же заращивая рану.

Стив задохнулся, выгибаясь и вцепившись руками в спинку кровати, забывая про воров...

И исчез в разделенных ощущениях, недостижимый для своих мыслей и страхов.

* * *

Включились светильники, передающие внешнее освещение. На поверхности вставало солнце. Рассвет проникал на базу и бесшумно крался из углов. Погас ночник, висящий у кровати.

В глубинах базы без света Крошка не выдерживала. «У тебя же скан!» — вспомнилось недоумение Джи. Но возможность видеть все сканом делала только хуже — не давала отстраниться от давящего на голову массива базы. Зрение же отвлекало и маскировало реальность. Джи сначала иронически фыркнул и дразнился, но потом в спальне у изголовья завелась маленькая уютная лампа, которая всегда горела после захода солнца.

Стив — редкий случай — проснулся первым. Сел на подушку поджав ноги, чуть не касаясь коленками плеча Джи, но всей душой утопая в резонирующем умиротворении. Разглядывал и обмирал от красоты своего Бога, от любви к нему. Снова с ним, снова вместе! И тут же тихонечко хихикнул — все ажлисс красивы. Инкубатор сплетает тело ажлисс в соответствии с генотипом, заложенным природой во время зачатия — и душа в правильном теле раскрывается полностью. Поэтому ажлисс гармоничны, могут разговаривать мысленно, не болеют и долго живут. Люди же не заботятся о гармонии тела и души — их тела словно поэма, прочитанная заикой. Вместо того, чтобы принять себя, дать душе раскрыться и сформировать тело светом внутреннего духа, люди интересуются только внешностью, в

результате все больше уродуя себя. Красят волосы и лицо, татуируют кожу, страдают на косметических операциях, навешивают и втыкают в себя тонны украшений... Мало кто из людей способен взрастить свое тело правильно. Только получив тело ажлисс, многие люди могут воплотиться в идеальной гармонии души и тела.

Когда-то давно Крошка нашла в постели выпавший вместе с корешком волос Императора и тайком сунула в анализатор. На экране инкубатора отразился внешний вид «генетического образца». Крошка убедилась, что дома Джи выглядит так, как и должен от рождения. Сейчас Джи истинный.

Стив поймал шевельнувшийся ответ пробуждения и, боясь неуклюжим движением разрушить хрупкое, словно ледяное кружево, мгновение общности, нежно обрисовал профиль Джи. Провел кончиком пальца: нос, лоб, над бровью, висок, щека... Джи, не открывая глаз, улыбнулся и подхватил старую детскую игру: по следу прикосновения расцветал шоколадный узор — кожа темнела имитацией загара.

Стив, сдерживая смех, шепотом продекламировал считалку и закусил губу.

— Листик, листик, лепесточек!
У меня есть десять дочек!
Но всего один сынок,
Вот, вскочил он на порог!

Подвел Императору глаза и с последним словом поставил легкую точку на кончик носа. На лице прорисовался стебелек и листики. На гладкой карамельной щеке, без малейших следов щетины, распустилась кофейная лилия.

Нежная кожа век, густые черные ресницы дрогнули, а у Крошки вздрогнуло сердце, пугаясь и восхищаясь глубиной синих глаз... Высокий чистый лоб, длинное лицо с сильными челюстями и приоткрытыми губами... Не вынес и наклонился поцеловать.

Джи протянул руку, чтобы привычно обнять, но Стив поймал губами его пальцы и потерялся щекой о ладонь.

— Я так по тебе соскучился... Я люблю тебя...

— Оставь... Ты ажлисс, у тебя главное в жизни — это долг и присяга, — Джи сел и притянул Стива себе на колени. — После завтрака съезди в город, погуляй, отдохни. Адаптируйся к мирной жизни.

— Ты прогоняешь меня? Я же только вернулся!

— Ты ажлисс. Ты живешь очень долго, ты не можешь сидеть у моих ног все время, — улыбнулся Джи и направился в ванную.

— А я хочу быть с тобой, — тихо буркнул Стив в удаляющуюся спину и покорно потащился следом.

Глава 22

Свобода

Нет света без тьмы, нет меня без тебя,
Когда ты рядом, то все так просто.
Но в свете твоём вдруг встают вопросы,
Что душу осколками раздробят.
Ответ не ищу, но найду другое.
Может света. Но не покоя.

(архив Св. Райны)

* * *

Лилия на щеке Джи выцвела к концу завтрака — Императору не пристало быть раскрашенным, как дикий кочевник.

Стив встал из-за стола и вскинул жалобные глаза, послал молчаливую просьбу. Хотелось остаться, но не будет же он просить снова.

— Счастливого тебе дня, — Джи погладил его по щеке и подтолкнул к двери. — Иди! Да, можешь без Генри. Думаю, ты больше не будешь ронять официантов в ямы или заниматься ментальным ублажением кочевников. К тому же кочевников в городе нет.

— Конечно, — Стив отогнал краску с лица и устоялся в пол.

— Помни, люди не должны знать, что ты экзекутор. Попробуй вести себя как обычный человек. К тринадцатому часу будешь в виварии.

— Плодотворной работы, — выговорил Стив.

В отместку по-уставному низко склонил голову и ушёл к себе, несмотря ни на что переполненный нежностью и счастьем.

В комнатах чисто и пусто.

Всё убрано, кровать застелена...

Генри, вполне возможно, утром и не приходил. Что бы он тут делал, раз экзекутор ночевал и завтракал у императора?

Стив вынул из кармана и высыпал под экран горсть бусинок, вычесанных утром — Генри разберет. Ухватил себя за косу, сосредоточился и сбросил волосы в утилизатор — свобода так свобода! Провёл обеими ладонями по сразу же начавшей обрастать коже головы. Полчаса — и он будет как нормальный человек. Только прикроет лысину, но всё-таки сделает волосы подлиннее, чем армейский ёжик Кристофера. Теперь одежда: в угол шелковые тряпки! Нейтральное и удобное: рубашку нараспашку поверх тонкой хлопковой футболки и прямые широкие брюки. Теперь он похож на человека, скажем: приходящего сотрудника лаборатории, и на ажлисс не тянет. Да и ажлисс таких недомерков не бывает — они все выше его на голову и не выглядят вчерашними школьниками.

Задумчиво сел перед экраном. Надо все-таки выяснить, что там с Фари и еще тот... Как

его — Барди? Но не страшно, что не помнит имя, можно посмотреть по документам зоопарка. Был бы это ажлесс, можно было бы спуститься в лабораторию, унести шлем ментального сканирования и быстренько идентифицировать по отпечатку ауры. Все люди так или иначе входят в контакт с системой, например, подтверждая сигнал кома при покупках или оплате проезда. Но одно дело дать свой отпечаток рукой на экран и совсем другое искать в системе полным погружением. Нет, «разумные ограничения баланса необходимого и достаточного прогресса» запрещают пользоваться шлемом вне научных исследований, так как это «неестественно»! Зато обруч для пыток экзекутора и игрищ в лабиринтах — это можно, это естественно. Вот и приходится «естественно» управлять системой с помощью биополя рук, что в результате получается так же тупо, как у людей, которые вынуждены давить пальцами на значки! Стив хлопнул ладонью по сенсору, поставил фоном тихую музыку. Убрал картинку, чтобы ничего не мелькало перед глазами. Тяжело вздохнул и полез в архивы.

Нашёл: не Барди, а Берди. Бердинанду Хайлопу запретили посещать развлекательные центры и прописали полугодовой курс психологической адаптации. Это даже хорошо: дознаватель Кор, к чьему дозёну принадлежал Берди с семьёй, ничего не заподозрил! Но психованный Берди не справился. Его жена, та ссохшаяся крыса Зираида, сразу же потребовала отселения от ненадежного отца и мужа, который стал плохим примером для детей. Берди не согласился и, в результате нескольких скандалов на публике, получил ошейник и куратора — собственную мать. Но всё равно не успокоился: возвращался к Зираиде, пытался снять ошейник, напал на дознавателя... Потом на полгода затих и как будто одумался. А после конца исправительного срока, когда дознаватель ошейник снял, то вместо благодарной радости, Берди совсем опустил: ушел из дозёна к бродягам и был найден мертвым — умер от передозировки спиртового наркотика. Стив задумчиво уставился в экран: если бы Хакисс не поиграла с Берди, то, может, он был бы жив и счастлив в своей безумной семейке? Или все равно такой псих не имел шанса жить с пользой для общества?

Так, теперь Фари.

Стив углубился в дебри Гайдерских материалов и выкопал, что гарем, и правда, целиком вывезли на Желайсу — вернуться домой для жены Вседержителя несмыаемый позор. Дали всем новые имена и расселили без права возврата на Гайдеру. Фарисса благополучно родила двойню. Хоть тут все хорошо!

* * *

С веерной стоянки двухместных флаеров на крыше гаражей, Стив, упиваясь свободой, взлетел свечой над всеми трассами, стекавшимися к городу. Когда в крутом пике уронил судёнышко на Лакстор, панель истерически замигала желтым, завизжала навигация:

— Минус пятьдесят! В вашем кошельке осталось четыреста сорок имперялов!

Ух, как страшно! И несерьёзно. Всё равно осталась куча денег, которую за месяц невозможно растратить.

Автоматика перехватила управление среди взлетающих грузовиков в критической близости от аэропорта и плавно повела маленькое судёнышко на пассажирскую парковку.

А вот интересно, система дала бы ему вернуться на базу с пустым кошельком? Он привел свой комм в соответствие с обликом, он теперь не Хакисс, а Стив Марк. Никакую

сложную фамилию выдумывать не хотелось, но система-то всё равно где-то глубоко в данных знает, что он исполнитель, а не сотрудник лаборатории морфологии. Людям перерасход вычитают равномерно из следующих заработков, а при постоянном превышении личных средств переводят на натуральное содержание: еда, жилье и необходимая одежда, пока нарушитель не стабилизирует свои запросы... А он и так почти ничего не тратит!

Парковка находилась в тихой пешеходной зоне, на полпути к станции монорельса. Стив запер флаер на свое биополе и прислонился спиной к теплому куполу. Закрыв глаза. Слегка развел руки, подставив ладони и лицо солнцу, внимая ветерок на коже. За спиной приглушенно рокотал аэропорт, со стороны доносились редкие гудки монорельса, звонки наземных трамваев, человеческие голоса, птичий гомон.

Времени навалом. Торопиться некуда, и было непривычно гулять без стюарда. Представляя себя как бы с людьми, но незаметно для них. Скользить из одной головы в другую, ловить только самые кончики эмоций и свое отражение в мыслях встречных. Улыбаться в ответ на случайные взгляды. Люди не знали, кто он, но многим нравился этот симпатичный мальчик. Вползла мысль, что Хакисс тоже нравилась людям, но Стив изгнал предательницу прочь. А вот в виде Марка он гулять не любил — тот был слишком вызывающим. Кайла же с когтистыми широкими руками и ногами как у ящера-прыгуна, никогда и не выходила за пределы лабиринта. Интересно, люди смотрят записи игр? Только глазами или с помощью сенсорного шлема, передающего полные ощущения игрушки?

На углу Центральной и Парковой играл яркими витражами и синими куполами храм Джи — живого Бога. При входе Стив всунул ком в автомат и, не выбирая, купил кольцо за пять империалов. Примерил — широкое серебряное с синей вязью кольцо оказалось велико. Перечитал инструкцию, сунул средний палец в размерную дырку и купил узкое за один имп. Надел на палец. Подошло. Пусть будет. Улыбнулся и зашел в храм — сделать дар. В храме поддерживался мягкий свет: слабые солнышки, имитируя свечи, дрожали вокруг статуи Джи. Голубоватая фигура Императора, в полтора раза выше натурального роста, светилась изнутри ровным сиянием и сдержанно улыбалась. Джи протягивал навстречу руки, словно готовился подхватить разбежавшегося к нему ребенка.

Около десятка молельных ниш окружали статую, чтобы каждый мог найти себе место лицом к Богу. В храме стоял тихий гул от немногих верующих. Люди бормотали молитвы вслух, как будто так Бог лучше услышит.

Сзади статуи обнаружилось пустое молельное место с полупустой жертвенной спицей и опущенным сиденьем. Видимо, никому не хотелось обращаться к спине Императора. Стив убрал сиденье и преклонил колени на потертый валик, обтянутый синим бархатом. Набросил пятиимповое кольцо на спицу. Кольцо мелодично звякнуло, присоединяясь к ожерелью даров.

«Нет света без тьмы, нет жизни без смерти, нет счастья без горя. Я часть твоя навечно и пребуду с тобой всегда. Я суть воли твоей, ты смысл жизни моей, ты живешь мной и мной дышишь. Я — звук голоса твоего, я рука воли твоей, и движенье мое суть движенье твоё. Желания мои суть желания твои...»

— ...Дай мне место сборщицы!

Стив прервался. Фигурно стриженная толстуха в будке справа проговаривала молитву, монотонно кланяясь в такт. Её слова самовольно лезли в мысли и сбивали.

— Бесконечна вселенная и вечен Джи — оплот судьбы и надежности наших жизней! Колесо жизни переменчиво, но благодарю тебя, Джи, что ведешь моё колесо своими руками!

Благодарю тебя за создание ажлисс — стражей счастья моего. Пусть дознаватель Тах увидит, что я лучше Росарос, пусть эту выскочку переведут куда-нибудь далеко, и тогда Саакай будет со мной! Вложи любовь в его голову!

Было странно, что женщина молится ажлисс, он сам ажлисс... Это он сам страж ажлисс и их счастье... Благодарен ли он Джи за создание себя?

— Ты увидишь, что моё изобретение — это добро! — раздался вскрик спереди. Пожилой человек сидел во фронтальной нише и упирал взгляд в лицо статуе. — Это поможет сортировать пластинки. Люди не будут портить глаза на тяжелой работе!

Стив покосился на священника, собиравшего кольца с переполненных спиц, встал и пошел к выходу. Храм, а никакого уединения!

Старик продолжал бубнить:

— Нет, нет, я не хочу сказать, что работа вредна, но рабочие бы могли делать что-нибудь другое, более интересное, чем целыми днями искать невидимые дефекты! Признай, что это добро, дай мне вечную жизнь!

Люди считали, что в храме их слышит Джи. Записывает их жизни, читает мысли. Это не было абсолютной правдой и касалось только ажлисс. Кому нужно записывать жизнь человека? Какая глупость! И еще давать вечную жизнь за изобретение, которое создаст толпу безработных! Хотя вот он — экзекутор, ничего не изобретал, а стал ажлисс. Избранным. Но людей, которые могут стать экзекутором, мало. Хотя пока он бегал в степи, казнь на Гайдере провел еще один из избранных. И где тот «Марк» сейчас? Лежит в библиотеке, запакованный в кристалл? Джи сам экзекутор, а сколько их было за пятьсот лет Империи? Где они все? Джи убил всех? И пятьсот ли лет Империи? Есть только официальная история... Почему-то раньше такие вопросы не возникали.

В парке, на экспозиционных площадках, проходила очередная выставка домашних животных и пластмольных подвижных скульптур. Люди с кошками в клетках, собачками на веревочках и всякими чудесатыми любимцами народного генетического творчества заполнили дорожки и сидели на раскладных стульчиках и под тентами. Орали и бегали дети. Дразняще пахло горячим хлебом и жареным мясом. Стив повернул на боковую тропинку в лес — там меньше народу и можно купить что-нибудь поесть не в такой толчее. Вот, например, киоск с закусками. И всего один старикашка ждет, пока продавец уложит сочащуюся жиром колбаску между толстыми ломтями хлеба. На витрине вызывающе торчат витые палочки ярких цветов. Пакетики с соленым и копченым мясом, рыбные хрустящие шарики, сухофрукты. Генри никогда не разрешал ничего тут покупать: сладости слишком сладкие, колбаса слишком жирная, хлеб с искусственным ароматизатором. Нет, это не навредит его организму, это не вредно даже людям, но не полезно. Стив воодушевился и купил хлеб с колбасой и еще один с рыбным филе, выбрал наугад три сладкие палочки и бутылку газированной мятной воды. Мог купить сок или чистую воду, но зачем? Джи сказал, быть как люди! Прихватил тубик с неострым соусом и побрел по лесопарку.

Киоски, закусовые, кафе и передвижные ларьки были везде. Стив наелся разноцветных конфет, попробовался быстрых завтраков — траекторию его неторопливого передвижения можно было проследить по едва надкусанным лакомствам в мусоросборниках.

На уютной лавочке между разлапистыми искривленными соснами открыл газировку — вода с радостным шипением выпрыгнула из бутылки... Зато умыл руки! Очередная белоголубая сладость неожиданно оказалась кислющей. Прицельно отправил ее в урну. В красно-

желтой залипали зубы. Прополоскал рот и открутил кусочек тянучки. Откинулся, вытянув ноги на посыпанную кирпичной крошкой дорожку, раскинул руки на спинку лавки. Глубокое вольное небо, облачка летят. Сколько раз он наблюдал за облаками в пустошах! Интересно, что сейчас делают кочевники? Ковыряются на огороде, улучшают фургоны, шьют одежду, гоняют овец... Мог бы попробовать дотянуться, но нет, все-таки это слишком далеко. Закрыв глаза, катая во рту конфету. Да, Генри был прав, целиком это он ни за что не съест... Раскинул сеть скана. Океан цветомузыки живых существ, плещущийся в серо-пресных очертаниях неживых предметов, тусклое сияние растений, искры животных и птиц, знакомое ощущение от ауры Рона... Резко сел.

Рон!

Ронах тут, в городе! Почему? Встал, выплюнул переслащенную мерзость, выбросил в мусор вместе с последней вкуснятиной и снова сел. Потянулся сканом. Проверил. Да, это Рон. Посмотрел его глазами — полутемный тоннель, стеллажи с садками. Рон выдвигает один прозрачный ящик за другим, выбирает застывшие на поверхности субстрата коричнево-рыжие коконы мясных мух. Фабрика! Что он здесь делает? У него же свадьба была на носу! В уме у Рона только счет: восемнадцать, девятнадцать, двадцать куколок, ящичек закрыть, поставить в ячейку тележки, взять следующий...

Это же почти через весь город! И пятый уровень промышленной зоны!

Лакстор и под землёй был красивый, огромный и светлый: тоннели с пятиэтажными домами вместо стен, маленькие парки и зеленые дворики жилых районов, а по бульварам с вечно-цветущими деревьями ездят байки и маленькие авто. Всюду солнечные светильники... Магистралы и промышленные этажи спрятаны на ещё большей глубине.

Город разросся вокруг откормочных шахт с мясными мухами — основной продукцией Лакстора. В детстве Хакисс там стало плохо. В учебной шахте за стеклом ползали крупные, с ладошку, насекомые-трупоеды с неразвитыми и мятыми, как будто прожеванными крыльшками. Их личинки — ценный источник белка, рассылались по всей Империи, благо один из планетарных порталов был недалеко, на полдороге к имперской базе. Обезглавленные жареные в кляре личинки — всемирно известный деликатес. Но толстые, копошащиеся в отходах, полупрозрачные червяки выглядели невозможно мерзкими: жадно ели мусор, шевелились, как обрубки кишок, и гадили... Ей тогда показалось, что потолок начал неожиданно снижаться, мухи — расти, и Генри галопом вынес ее на поверхность.

Стив подскочил и быстрым шагом дошел до трамвайной остановки. Может, взять байк? Нет, трамвай к монорельсу доедет быстрее, хоть и по круговому маршруту.

Почти час угробил на дорогу, радуясь, что нашел, чем заняться до возвращения на базу. Пришел к выводу, что если бы Генри просто разрешил ему однажды облопаться закусками, то сейчас он бы не мучился от тошноты и обилия воды в желудке, необходимой для того, чтобы вывести всю эту дрянь из организма. В поезде зашёл в туалет и отмыл липкие руки. Время от времени придерживался за мысли Ронаха, чтобы убедиться, что тот никуда не ушел, и надеясь, что, может, поймает объяснение или хотя бы намёк, почему Рон оказался в городе. Это здорово, что Рон, благодаря которому он не свихнулся в одиночестве изгнания, тут! Но Рон упорно считал мух, наполняя уже третью тележку, и ни о чем больше не думал.

Информационная таблица под аркой Корпорации Природной белковой пищи сияла подсветкой и предупреждала, что пятый и десятый день каждой декады — экскурсионные дни и уважаемые посетители должны записываться заблаговременно. Сегодня был день третий и, конечно, никакой «Стив Марк» никуда предварительно не записывался! Стив

побежал перед проходной, раздумывая, что, возможно, было бы проще обойти с другой стороны и проникнуть через фабричную ветку монорельса, вывозящего продукцию. А если его зарегистрируют камеры на складе или какие-нибудь датчики безопасности пути? Будет неприятный переполох. Да и он одет совсем не по форме рабочего, то есть в любом случае надо сначала войти с улицы, как обычному человеку. Застегнул рубашку на все петельки, чтобы не выделяться от приглаженных сотрудников и вступил в редкий поток на вход. Он помнил, что фабрика работала круглосуточно, пятичасовыми сменами. Зато совершенно не помнил пропускную систему. Ура, на проходной оказался человеческий охранник, который уснул на мгновение, а турникет за один проход миновали двое, тесно прижавшись друг к другу. В вестибюле Стив еще раз сориентировался. В промышленные цеха посторонних не пускают, для экскурсантов построено специальное отделение, чтобы не занесли мухам непозволительного. Но он-то пройдет куда угодно! Приклеиваясь невидимой тенью то к одному, то к другому работнику, Стив углубился в переходы и затормозил перед последними дверьми, оставшись наедине с уборщиком. Угловатый парень в наушниках, полуприкрыв глаза, слушал барабанный бой с повизгиваниями смычковых и меланхолично возил полотёром по и так зеркальному полу. А до Стива вдруг дошло, что такой родной и близкий Ронах, на самом деле никакого Стива никогда не видел!

В легкой панике, смешанной с недоумением: «Ну как можно быть таким идиотом?!» Стив спрятался в кладовке с химикатами, чтобы не дергаться от каждого встречного. Сел на пол и уже оттуда следил за Роном. И что теперь? Ну вот. Пришел, и что? «Здравствуй, Ронах, ты меня не знаешь, но я знаю про тебя всё! Я твой потерянный брат-близнец, пропавший во время взрыва метеорита в далёкой галактике», — вспомнился дурацкий сериал, виденный на Гайдере.

Он не знает, когда началась рабочая смена Ронаха. Выманить его сюда, заставить прервать работу? Нет, это будет нехорошо, да и как объяснить потом? Нельзя же сказать: «Привет, я экзекутор, я тебя одурманил». Бесконечно сидеть в кладовке, занимаясь аутотренингом, чтобы не проблеваться от близкого соседства личинок, и уйти домой? Уйти, не познакомившись вживую с Роном?

Стив притворялся стенкой, блокируя мозг уборщика, который в очередной раз менял фильтры в швабре, когда Ронах отвез тележку приемщику и уже не вернулся в цех, а зашел в раздевалку и снял комбинезон, оставшись в мешковатых штанах и безразмерной тунике — местной униформе. И, наконец-то, пошел на обед. Прекрасно, заодно и пообедаем!

Стив сначала хотел выскочить наперерез и познакомиться под предлогом поиска столовой, но тут же отбросил и этот вариант, как слишком подозрительный: что это за работник, который не знает что тут где? А комм ему на что?

В общих коридорах было достаточно держаться слегка сзади Рона, особенно никак не маскируясь. Тут не надо было скрываться, и если он подсядет к Ронаху, то это будет естественно, нет? Немного помедлив, Стив пристроился в хвост очереди на раздачу и проследил, чтобы Рон сел за пустой столик. Продолжая незаметно пасти будущего друга и отгоняя конкурентов, взял дежурные блюда и заплатил своим коммом. Касса съела 25 сотых импа и никак не отреагировала, что комм не принадлежит работнику фабрики. Выбор был небогатый: пюре из некондиционных личинок или десятисантиметровые антрекоты из них же, разрезанных вдоль. А на гарнир вареные ростки спаржи. Ага, мухи производят самый лучший компост и спаржа здесь — побочное производство.

Рон, склонившись над подносом, быстро ел. Кочевник на фабрике! Смешно! Но

скромный кочевник с тремя полосами на лбу и племенным вензелем на щеке особенно не бросался в глаза среди разноцветных шевелюр, раскрашенных лиц и самого дикого пирсинга. Гораздо больше тут выделялся ажлисс, без единого украшения и с естественным цветом волос. Стив опять заволновался и поторопился к столику Рона.

— Каэр, можно к тебе сесть? Меня зовут Стив.

— Конечно, — Рон вежливо улыбнулся. — Ронах.

— Странно видеть тут кочевника, — вырвалось у Стива. — Могу я спросить, почему ты на фабрике?

— Я не обязан быть кочевником всю жизнь, — в сознании Рона шевельнулось недовольство... и страх?

— Прости, — Стив поторопился навеять радость. Он же хороший! Не перестараться бы со сканом — надо быть «как человек». — Я тут с проверкой из Имперских лабораторий.

— Да? А где эполет проверяющего? — у Рона, несмотря на легкий фантом счастья, шевельнулся испуг.

— Я его снял, чтобы не пугать людей. Я на обеденном перерыве, — вот же, кочевник, а помнит, как выглядит чиновник при исполнении! И где он их видел в своей степи? Стив добавил Рону благожелательности и поспешил сменить тему: — Ты давно в Лаксторе?

— Почти декаду. Нет, я понимаю, что я тут выделяюсь. Но заработаю баллы, сведу татуировки.

Стив подумал, что он бы мог свести татуировки, но как это предложить? И это будет уже явное вмешательство. Нехорошо будет, если Рон узнает, что он ажлисс. Вон, внутри нервничает почему-то. Побаивается. А если спросит, за какие заслуги? И так небрежно раскрыться: потому, что его биополе совпало с требованиями к экзекутору?! Кошмар!

— Каждый может выглядеть как хочет, — заторопился Стив. — Вон мужик наполовину зеленый, наполовину розовый, серёжек полные уши, и ничего! Я тут с детства живу. Ты в каком дозене поселился?

— В двести сорок шестом. Извини, мне уже надо идти. Мне еще четыре ряда собирать, — Ронах встал, собираясь уходить.

Стив чуточку усилил ощущение радости:

— Дай мне свой номер комма! Я бы хотел с тобой подружиться. Встретимся еще, погуляем? Покажу Лакстор, и так...

— Хорошо, — Рон протянул свой комм. — На, запиши.

Стив включил «принять контакт» и стянул к себе номер Рона.

— Свое число я тебе тоже скинул. Позвони, когда будешь свободен. У меня странное расписание — иногда целый день не бывает работы.

— Я предпочитаю гулять с девушками, — усмехнулся Ронах. — И у меня каждый день есть работа, но каждый второй и седьмой день у меня выходной. Пока!

Глава 23

Виварий

Не может пропасть чего не было.
Не видели даже глаза.
Мечта ожиданием вымерла.
Слеза? Не поможет слеза.

И дни сосчитать не получится.
Твой пульс не стучится в ответ.
Лишь память пургою там вьюжится.
Раз не было, значит и нет...

(дневник шестой Крошки)

* * *

Стив облетел городской узел воздушных трасс по рекомендованной навигацией схеме и нежно, без всяких вывертов, припарковался на крыше базы, точнёхонько вклеив флаер в зарядный порт.

Сидя в кабине, спрятал в карман кольцо. Джи, когда они бывали вдвоем или во время неофициальных встреч с друзьями, облакал Крошку в легкомысленные наряды и украшал ювелирными красотами шутки ради. Однако появляться среди ажлисс с религиозным кольцом на пальце, да по собственной воле, он не отважится. Пока нет.

Выпустил скан, сообщая императору о возвращении с прогулки. Заодно убедился, что Джи уже в виварии.

Зашел в дальний угол гаража, чтобы техническим лифтом спуститься в коридоры сервисной службы, что дублировали светлые магистрали для ажлисс. Здесь, в успокаивающей — «домашней» серости сплошного покрытия, в безразличном движении андроидов, почтовых и транспортных автоматов к Крошке всегда приходило странное спокойствие. Но не сегодня: сейчас внутри собрался неприятный осадок. Почему он соврал Ронаху, что вырос в Лаксторе? Да, Императорская Исследовательская база с полигоном и ареной не является городом, но это достаточно крупное поселение и тут тоже живут человеческие семьи. Конечно не в сердце базы, а в промышленно-транспортной части вокруг главного портала. Люди внутри Императорской зоны, впрочем, как и все остальные визитёры, попадали только по индивидуальному приглашению, но даже в техгородке у полигона он видел работающих людей. Зачем надо было врать? Потому что Джи сказал вести себя как человек? Потому что не хотелось признаваться, что он ажлисс? И еще было странно, что Рон при воздействии фантома отвечал страхом. Всего-то легкая положительная эмоция при виде ровесника, набивающегося в друзья! Ответ же совершенно неадекватный! Непонятно...

В одном из бесконечных глубинных помещений, недалеко от зеленых отделов с

живностью, была круговая галерея. Стив завернул туда, влекомый ностальгией. Там, внизу, на перекопанном песке грелась пара гарибских вомбатов. Их нора была спрятана между больших камней, сваленных горкой и заросших жесткой пустынной травой с белыми мелкими колокольчиками. Одинокая ива плавно покачивала ветвями под тяжестью перелетающей и посвистывающей стайки ярко-красных птичек-зарянок. Длинные, купающиеся в воде воздушные корни делали маленькие волны и разбивали отражение в серповидном пруду, окруженном тростником.

— Они будут твоими подопытными животными, — сразу выплыл в памяти голос Джи. — Ты будешь учиться управлять ими. Закрой глаза. Уйди в себя, услышь меня внутри...

— Слышу...

— А теперь иди ко мне, иди за мной, почувствуй меня, ищи меня... Не оставляй совсем свое тело, останься там хотя бы одним пальчиком, хотя бы тонкой нитью, продолжай чувствовать себя...

Он тогда тянулся вслед за затихающим сигналом ауры Джи, пока мысль императора снова не обняла его со всех сторон. Джи повел его. Новые ощущения чужого тела. Незнакомый баланс и странные движения. Первый контакт ошеломил, мир изменился, чужое восприятие смешивалось с его собственным, путало, сбивало с ориентации.

— А теперь иди по своей ниточке назад, найди свое тело, вернись к себе!

Стив облокотился на перила: в маленьком мирке под галереей всё также летала стайка зарянок, вздрагивала ветками подросшая ива, а вот вместо толстых и ленивых вомбатов на большом камне лежала семья длиннохвостых щериц. Стив передернул плечами и повернул в салатовую секцию. У Джи нездоровая привычка тащить домой всякую инопланетную дрянь!

Около инкубаторного зала стены коридора были насыщенно-изумрудные, как сигнал приближения к центральной зоне отделения, и Стив бросил вперед нежное прикосновение для Джи. Осмотрел инкубаторную: Император прислонился к высокому приборному столу, по-домашнему присев на его угол. Рядом склонился и что-то пишет Эйр — подчинённый Зака. А сам Зак направляется к инкубаторам у дальней стены — оттуда светятся ауры арнов, увезенных с Территорий. Вон и Гверрца оживляют...

В мысли ворвались обрывки разговора:

«...это бунт, — издевательским тоном вещал Зак, помахивая раскрытым ошейником. — Мы отвергли проект по улучшению человечества, но это же идеи Императора! Кто бы мог и что вообще можно выбить из императорской башки? О да, Император думал, что отлично подготовился к побегу...»

Стив испугался и даже остановился: это против Джи?! Спихватился и снова прислушался.

— Зак, подожди, — лениво бросил Джи. — Крошка уже недалеко.

Стив вошел и замер у входа. Что тут происходит?

Внутренние помещения «зеленой» зоны всё равно резали глаза отвратительной белизной. Оба лаборанта были в коротких штанах. Если бы не правила, ажлисс так бы и ходили голыми, демонстрируя свои идеальные тела... Зак вообще раздобыл настолько микроскопические шорты, что их было не видно за майкой навывпуск, и его мускулистые, поросшие рыжими кудрями ножищи торчали как из мини платьяца... Джи, тоже по лаборантской привычке, облачился в белое. Только на правом плече безрукавки поплёскивала вышитая белым шелком буква «джи», да брюки у Императора нормальной

длины.

— Не надо Крошку, я вполне справляюсь сам, — Зак открыл инкубатор и обеими руками застегнул ошейник на шею просыпающегося Гверрца. Из полости инкубатора молниеносно вылетела арнечья когтистая рука, целясь Заку в горло. Но напавшая, покрытая тонкой бежевой шерсткой арнека, тут же захрипела и забилась, пытаясь сорвать ошейник. Арнека? Они из Гверрца сделали арнеку?!

— Сидеть! — рявкнул Зак. — Чем сильнее рвешь ошейник, тем больше! Руки опустить! На меня нападать нельзя! На сотрудников нападать нельзя! Драться нельзя! Сидеть! Поняла?

Арнека села в инкубаторе, вода безумным взглядом. Руки с растопыренными пальцами неловко вытянула перед собой. Пальцы в крови, шея и плечи в глубоких ссадинах.

— Стив, успокой ее, — бросил Джи. — Зак, не нужно так.

Стив одурманил бешеное бурление мысли Гверрца, заставил арнеку вылезти и затихнуть столбом в центре комнаты. Подошёл вплотную и подушечкой указательного пальца помог регенерации. Провел по ранам на скуле и плечам, приподняв узкий обруч ошейника. Успокоил произвольную дрожь перенапряженных мышц. От перевоплощенного Гверрца пахло потом, мочой и кровью.

Из-под шкафа, среагировав на умазанный ковер, выехал плоский робот-уборщик, но Зак ногой загнал его обратно. И правда, целую арнеку робот не вычистит.

— Как скажешь, Джи, — Зак захлопнул пустой инкубатор. — Но я предпочитаю сразу показать мышкам возможности кошки. Таким образом они с первым же контактом учат границы дозволенного, и потом не бывает сюрпризов.

— Нет, Зак. Я все-таки настаиваю. Сделаем все чисто. Без драк и грязи, — поморщился Джи. — У арнов и так многовато впечатлений сразу. Лучше постепенно. Я оставлю вам Крошку на все время работы с этой партией, чтобы вы на радостях не разнесли игрой в кошки-мышки инкубаторий.

— Зато мы легко и изящно решили проблему нехватки самок, — подал голос Эйр. — Только их надо отдрессировать.

— Не выйдет, — Зак погладил снова задрожавшую арнеку по задку. — Мы не сможем заблокировать их настолько, чтобы эти генетические самцы искренне играли роль матерей. Они уже взрослые, с устоявшимися стереотипами. Что-нибудь слетит, кто-нибудь найдет способ обойти блокировку, и будет большой некрасивый скандал, — Зак слегка приподнял грудь Гверрца ладонью левой руки, поглаживая арнеку по спине правой. — Также, что мы видим? Это у нас прелестная самочка — женский аналог доставленного мужского образца. Её грудные железы полностью оформлены и хорошо видны, что соответствует периоду размножения. Самочка, пока создавалась в инкубаторе, была оплодотворена её же собственной спермой.

Вялая личность Гверрца колыхнулась ужасом и обессиленно уснула, придавленная экзекутором. Можно себе представить, как бы рвал и метал Гверрц, если бы все шло по сценарию Зака!

— Через три с четвертью месяца арнека по имени Гверрц, — Зак похлопал арнеку по щеке и отошел к рабочим столам, где уселся в кресло, развернувшись лицом к объекту лекции, — родит для нас маленькую арнечку. После полугодичного периода вскармливания, важного для развития основ поведения, мы сможем начать ускорять развитие ребенка, чтобы лет через шесть обеспечить половозрелыми арнеками всех одиночек. Глупенькими, умственно недоразвитыми арнечками, но вполне способными размножаться и учиться. То

есть я это к чему говорю? А к тому, что, Джи, примерно через три месяца нам понадобится небольшой парк аттракционов с имитацией деревни арнов.

— Хорошо, — кивнул Джи. — Крис найдет место для новой Северной базы и там можно выделить место для полигона.

— Я бы не хотел переезжать, у меня тут вся жизнь завязана и привязана! — Зак оттолкнулся ногами и подъехал ближе к Джи.

— Нет, эта база и так перенасыщена моим присутствием, не будем все сгребать в одну кучу! Размножать арнов в предместьях Лакстора и около портала — неразумно. Кстати, мы всё еще на карантине. Я понимаю, что вот эта инкубаторная арнека чиста, но области около Территорий еще до конца не проверены. Контактная группа не показывает пока никаких отклонений, но прошло еще слишком мало времени. Арны находятся под юрисдикцией Криса, и либо ты поедешь туда вместе с этим зоопарком, либо передашь свою работу вот, например, Эйру. Эйр, ты не настолько привязан к императорской базе? Хочешь переехать на север?

— Прости, Джи, но у меня тут проект, разработанный с Заком. Эти арны неудачно в него вклинились. Почему бы не оставить на арнах Лейса, раз он все равно уже в теме?

— Лейс более техник, чем биолог, — покачал головой Джи. — Но вы решите эту проблему, в конце концов, объявим конкурс. Как только Северная база будет готова, я не хочу видеть тут ни единого подопытного арна. Зак, ты хотел показать мне оборотня.

— Да брось, Джи. Они же частично ажлисс! Они практически не могут ничем заболеть!

— Они, возможно, и не могут, но у нас люди! Арны могут без вреда для себя иметь какую-нибудь инфекцию, да и кусок их планеты далеко не стерильный...

— Ну, сделаем буферную зону, а тех, кто в неё попал, прогоним через инкубаторы и запретим им свободно бегать. Кто там контаминирован? Несколько деревень еретиков? Ну и бездна с ними.

— Зак... Свободные тоже люди и носители дополнительного генома.

— Ладно-ладно! Я понимаю твое к ним отношение! Итак, продолжим. Тадей дал своим волчатам не только частичную регенерации ажлисс, но и модифицировал их как трансформеров. Мы все обратили внимание на местами сдублированные кости, вроде бы ненужные мышцы, связки и странные суставы, — Зак вызвал на экран разноцветную схему скелета арна. — Желто-красное — это скелет и мышцы человеческой формы. В период размножения арны и арнеки пропитаны половыми гормонами, что определенным образом «размягчает» их ткани и... Вот, нажимаем на кнопку, активируется сине-зеленая — волчья часть арна. Щёлк! И у нас четырехногая охотничья форма. Вне сезона размножения этот процесс требует большего психо-соматического стимула. Но драться и совокупляться они предпочитают по-звериному. По идее забытого всеми беглого Императора, идеальный человек был бы таким же идеальным бойцом. Но в результате он получил еще одну зверюшку. Кстати, было бы интересно поиграть ими в лабиринте. Джи, можешь убедить её перещёлкнуться и увидишь четырёхлапую морфу.

«Крошка, — позвал Джи ментально. — Ты видел и ощущал, как они менялись. Давай, создай ей желание».

— По словам Криса арн по имени Вроаррист вполне разумен, — продолжил Джи, обращаясь к Заку. — Он правильно себя ведет, лоялен и заинтересован в новом. Я бы не отказался от такого гвардейца-оборотня. К тому же он достаточно стар и должен уже задумываться о смерти.

— Его можно приманить на арнеку, но у нас нет подходящей, — засмеялся Эйр. — Этих он опознает по запаху, даже если стереть им память.

— Крошка, мы ждём, — Джи нетерпеливо хлопнул ладонью по столу.

Стив засуетился: «Желание! Какое желание? Вот, например, порвать в клочья Зака — будет достаточным желанием?»

Пульс арнеки по имени Гверрц участился. Осмысленный и жесткий взгляд уперся в Зака. Арнека слегка сгорбилась и остро запахла зверем. Стив на себе почувствовал напряжение мышц и связок, которых у него не было, потом кости с неслышным щелчком, отразившимся в челюстях, сдвинулись, и арнека упала на скрюченные и подтянувшиеся пальцы рук, превратившихся в лапу. Кисти сузились и округлились, становясь пястями. Челюсти вытянулись хищной мордой, шея стала толще и длиннее. На спине напрягся мощный загривок. Ступни тоже вытянулись так, что деформированная плюсна опиралась на и без того слишком толстый большой палец. Остальные пальцы задних ног поджались и перестали касаться опоры. Арнека присела на всех четырех, готовясь к прыжку и порывивая.

— Вот-вот! В этой позиции они и спариваются, — хохотнул Зак и встал. — Стив, поддержи её, я сейчас введу нашей девочке успокоительное. А то Император, — Зак изобразил шутливый поклон в сторону Джи, — не желает, чтобы беременные сучки нервничали.

Стив проследил, чтобы ни на его лице, ни на ауре не отразилось желание отпустить Гверрца. Возможно, если бы тут не было Джи, он бы устроил маленькую аварию. В конце концов и у экзекутора выдержка не бесконечная! Он — вещь, а любая вещь может поломаться, нет?

Зак взял с полки инъектор, вложил в него капсулу.

Стив положил руку на плечо Гверрцу — так проще влиять, чем на расстоянии.

Нащупав подходящее место, Зак под контролем пальца и своего ограниченного скана ввел капсулу, выдавив ее почти под позвонок.

— Джи, тебя вызывает Лейс, — Эйр перевел голосовой вызов на экран, не включая картинку.

— Поставь арнеку на две ноги, — Джи обратился к Стиву. — Отведи, научи пользоваться клеткой и возвращайся за следующим. Я слушаю, Лейс.

— Как ты просил, — раздался слегка удивленный голос Лейса, — я сообщаю, что мы локализовали места возможного нахождения планеты арнов, координаты — в приложении.

— Я посмотрю попозже. Повтори, как вы пришли к этому результату.

— Ты же знаешь, — Лейс едва слышно вздохнул. — Данные геомодификаторов вместе с результатами анализов на самой территории мы прогнали через систему и по результатам статистической сетки получили список вероятностных месторасположений подобных планет. Я думаю, мы найдем улетевшую базу и Тадея, только надо продумать техническое обеспечение, чтобы не влипнуть...

Стив был уже за дверьми и чуть не запутался в собственных ногах. На секунду был вынужден остановиться. Какой он был идиот!

Строение планеты может указать место. Значит, его собственный генотип может показать место его рождения! Боже, как можно быть таким тупым? Десять лет — и ни разу за все это время у него не возникло даже мысли... Данные гемодификаторов! А у него же есть генотип! У него есть собственный инкубатор, а система — вот она! Всегда под рукой! Он даже как-то проверял Джи, чтобы посмотреть истинный облик Императора! И даже

радовался, что дома Джи настоящий...

Арнека стояла перед ним, мелко дрожала и опять начала вонять. Смотрела перед собой, но ничего не видела. В голове у нее под покровом наркотического спокойствия пульсировало слишком много негатива и ярости.

Ладно, тренажерный зал никуда не убежит...

— Гверрц? — заговорил Стив на родном языке арнов, принуждая арнеку идти. — Пойдем, я покажу тебе твой новый дом. Не пугайся, тебя никто не будет мучить или убивать снова. Кристофер успел спасти тебя, пока ты умирал. Да и стрелял ты в Лил, а не в меня. Лаборанты вернули тебе тело. Хотя, собственно, это и есть твое тело, но такое, как если бы ты родился арнекой. Заодно, пока инкубатор тебя сплетал, тебя научили нашему языку. Я буду с тобой говорить на имперском, чтобы ты привыкал. Ты уже заметил, что понимаешь наш язык... Не бойся, я умею управлять телами других, но буду просто помогать тебе дойти. А в твоей комнате я тебя отпущу. Ты пока в шоке и тебе тяжело идти самому.

Коридор вивария. По обе стороны тянутся светлые ниши-комнаты, закрытые односторонне прозрачным пластиком.

Вот и Вайвел с сыном, каждый отдельно. В их животах горели маленькие звездочки аур зародышей. Нет, обоих тоже переделали в арнек и обе беременны! А с другой стороны три клетки подряд — люди?!

Стив решил рассмотреть жильцов вивария потом. Сначала разместить Гверрца.

Открыл следующую после Ваула пустую комнату. Слово зашел в мини-копию тренажерного зала, только нежно-зеленую: слева спрятаны в стене спортивные агрегаты, прямо полочкой — топчан с невысоким изголовьем и валиком-подушкой, обтянутый биоактивной тканью. Никаких одеял. Голо и неудобно.

На правой стене два выступа: сиденье на уровне колен и узкий стол с нишей доставки пищи и сброса мусора. В столе утоплен экран.

— Иди сюда, я тебя еще немного повожу, а то ты прямо падаешь! — Стив провел Гверрца внутрь, зашел следом и небрежно коснулся квадратика сенсора — прозрачная дверь задвинулась за спиной. — Смотри, за кроватью есть туалет и душ. Встань сюда в этот угол, ты перенервничал и от тебя разит... Чем только от тебя не разит... Я тебя умою, запоминай, что как работает.

Гверрц слегка дернулся, но вступил в кабинку душа и затянул за собой перепонку ширмы. На минуту включил циркулярный душ, выставив сорок градусов тепла на датчике для воды. Стив удовлетворенно отметил, что арн понимает цифры. Хотя если это и правда сбежавший эксперимент, то удивительно другое: почему они не говорят на имперском?

Арн намылится мочалкой на ручке, ополоснулся, включил сушилку. Стив ослабил контроль и отошел к стене с тренажерами, давая самому, нет самой, арнеке с удовольствием поворачиваться в струях горячего воздуха.

Наконец, Гверрц опомнилась и вышла. Она уже была поспокойней — тепло всегда помогает! Но, увидев экзекутора, остановилась перед столом, «улыбаясь» и показывая кончики клыков.

— Смотри, тут в стене тренажеры, — стараясь не поворачиваться к арнеке спиной, Стив провел демонстрацию. — Захочешь подвигаться... А ты же не хочешь ослабеть? Нажми на квадратик. Видишь, приоткрылась щель, потянешь, и вот тебе беговая дорожка. Чтобы убрать, приподнимешь за красный уголок и... Оп-па! Оно спряталось. Но у тебя будет время, наиграешься еще. Тебе надо поесть, восстановить силы. Еду тебе будут присылать регулярно,

вот, у ниши доставки список, прочитай, — Стив зашел с другой стороны стола, протянул руку и активировал меню. — Прочитай и подумай, у тебя в памяти должно всплыть, что обозначают эти слова!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Гверрц перевела взгляд на меню и вдруг села на пол, заходясь в новой волне ужаса:

— Это хуже, чем инцест! Это непозволительно! Инцест — изгнание! Уже изгнали! Я не арнека! Я умру! Это нарушение закона...

— Да перестань! Какая разница, арн ты или арнека? — Стив притушил панику сканом. — Я тоже был женщиной, и что? Не умер же... И здесь нет ваших законов, ты в Империи.

— Я умру, я не могу рожать от самого себя...

Стив безмолвно выругался и усадил Гверрцу за стол, вызывая комплексный обед номер один: летний салат из семи видов овощей, запеченое филе дикуса в кармашке из тыквенного теста и сок гуяпы. Подсунул контейнер к чуть было снова не начавшей потеть Гверрце:

— Ешь! Я не дам тебе перещелкнуться. И вообще, перестань беситься! Роды — нормальный физиологический процесс! Ты не умрешь, здесь нельзя умереть!

— Я убью тебя... Вы — гермафродиты. Уроды. Вас надо убить, — механически глотая еду, прорывалась арнека с комментариями.

— Никого ты не убьешь — ошейник тебе не даст. Нет тут гермафродитов, что за бред! Гермафродит — это сбой генома! Врачи поправят сразу. Тебе не имеет смысла драться или бросаться! Ты все равно ничего не сможешь, — начиная злиться, Стив решил закругляться с обучающей лекцией. — Будешь беситься — Зак даст тебе двойную дозу лекарства и ты будешь валяться, как вареная рыба. Зачем тебе спать целый день? Это скучно. Но если будешь вести себя спокойно, тебе же будет проще. Мусор скинешь обратно в нишу, — вставил Стив, заметив, что арнека доедает. — А Зак просто пижон и урод, не обращай внимания на его дурную болтовню... И не воспринимай все так прямо! Зак вызвал развитие твоих клеток, сформировал зародыш, как почку на дереве. Ничего он тебя не оплодотворял! Какая сперма, когда тебя восстановили целиком и сразу в арнеку! На столе экран — я думаю, ты найдешь там много интересного, открой энциклопедию — там разные планеты Империи, животные всякие... Всё, я ушёл. Без разрешения тебе выходить нельзя, дверь все равно не откроется, — Стив придержал привставшую арнеку и удалился в коридор.

Дверь закрылась, а он втянул скан и сразу привалился к глухому простенку между камерами. Надо успокоиться самому! Загнать поглубже этот зуд: бежать в зал, найти родину! Ведь Джи достаточно взглянуть на него, коснуться мимоходом и... ужас! Нет! Сосредоточился! Вдох-выдох... Фу-у-х... Теперь можно возвращаться.

— Я чую тебя, трусливая крыса! Я убью тебя, — Гверрц в звериной форме налетела плечом на непрозрачную для неё стенку и царапнула сенсор замка. Сенсор не реагировал на заключенного, да и пластикло держалось — оно выдержало бы и прямой таран флаера.

— Бесполезно, — прошипел Стив в нос Гверрце. Выключил передачу звука из клетки и заторопился обратно.

В инкубаторной остался только Эйр, который не стремился к театральным демонстрациям, да и перед кем? Стив сразу успокоился. Джи нет, и никто не сможет прочитать тайные мысли и желания экзекутора, если не будет до него дотрагиваться. А Эйру трогать экзекутора совершенно не-за-чем!

Оставшиеся четыре арна были разбужены и рассованы по клеткам одним порывом в непрерывном темпе.

— Я иду открывать, — говорил Эйр, приготовив ошейник и инъектор.

Стив фиксировал еще спящую арнеку и переворачивал её на живот. Эйр застегивал ошейник, сразу вводил капсулу успокоительного, и экзекутор вдвоём с пришелицей маршировали к изолятору. По дороге Стив рассказывал о правилах поведения и возможностях, но решил умолчать о беременностях — пускай сначала привыкнут к женскому телу. А потом пусть с этими истериками Зак и справляется. В клетке Стив усаживал ошарашенную узницу на кровать, быстренько показывал, что где и убегал за следующей, оставив арнеку тарашить глаза или бросаться на непробиваемую стену.

В виварии царил тишина. Внешние стенки комнат были установлены на режим односторонней прозрачности, звук был выключен. Жильцы коридор не видели. Но для скана экзекутора ментальный шум был диким и резко неприятным. Он на мгновение «прислушался» и больше не пытался сканировать — злость, тоска, негодование с отчаянием — ничего хорошего. Осмотр остальных клеток решил оставить на следующий день. Там и правда были люди. Наверное, те самые, о которых говорил Джи. Проверочная группа. В нескольких двойных клетках люди сидели вместе с арнеками, разделённые полупроницаемой стеной, дышали одним воздухом.

— Завтра приходи ближе к полудню, на девятый час — поможешь нам с процедурами в виварии, а потом после обеда разбудим следующих пятерых, — сказал Эйр, закрывая инкубатор за последней оживлённой.

Стив кивнул, чуть ли не рысью переместил арнеку, отбарабанил инструкцию и умчался в тренажерный зал.

* * *

Холодеющими от нетерпения пальцами Стив скопировал из инкубатора формулу своего генотипа и послал запрос в систему:

— Место наибольшей вероятности рождения особи с этими данными?

Ответ пришел сразу: планета 687-522-014, по классификации планет, пригодных к обитанию. Первое примечание: ссылка на полный каталог планет. Второе примечание: данный объект является донорской планетой для расселения на объекты 222-650-443 и 222-789-132. Осуществление проекта — восьмидесятый год текущего столетия. Ответственный — регент Сейо.

Донорская! То есть там пока нет явного присутствия Империи. Планета живет сама. Планы на двадцать лет вперед, а индивидуальное расселение уже началось... Где эта планета вообще?

Мысли прыгали, как овцы кочевников... Все разнопегие, но одинаково испуганные. Представил, как эти панические всполохи видны со стороны другим экзекутором. Джи... Что ему теперь делать?

Забить мысли, занять руки...

Выпустил муляж, настроил его на рукопашную и быстро загнал себя до изнеможения, благо целый день провел на ногах. Тяжело дыша, убрал муляж, кинул взгляд на часы — Джи еще на работе. Надо подготовиться к ужину. Помыться можно и здесь, а заплетаться и не

нужно...

После душа вытерся полотенцем, припасённым Генри вместе с запасной одеждой — стюард знал, что сушилку Крошка не любит.

Дождаясь, пока испарится избыточная влага и можно будет одеться, Стив выдвинул стойку с оружием. Давно не играл, даже соскучился. Надо будет завтра снова начать тренировки. Покидать ножи, пострелять.

А вот фехтование он не любил. Если и убивать кого доисторическим оружием, то лучше по-тихому пристрелить из арбалета или беззвучно кинуть нож. На худой конец, просто прирезать этим же ножом, не кидая его. Или тюкнуть камушком по головушке. Но долбаться на мечах, выворачивая плечи и рискуя получить острой железякой по ребрам, а то и по морде? Более идиотским оружием мог быть только моргенштерн.

Смотрите, стек! Стив удивился и вытащил его за петельку. Странно, что эта игрушка делает на оружейной полке? Всегда же висела у тира, а последний раз Джи отбросил его на кровать... Перед внутренним зрением выплыла картинка: черная палка на бордовом матрасе. Стив прогладил стек по длине и тот отозвался, кусая его за пальцы усиливающимся импульсом. Стив слегка шлепнул себя по голени. Икру свело болевым сигналом. По телу пробежался чувственный спазм. Урод. Стив поежился. Все равно ничего не будет, пока Джи не придет. Был бы тут кто-нибудь... А был ли тут кто-нибудь, пока его тут не было? Ясное дело: «твои крошки»! Пошпионить в системе? И зачем ему это надо? Стив задумчиво помахал стеклом перед лицом и бросил взгляд на стену с креплениями и мишенями.

Хакисс тогда кидала нож в уток. Это ей всегда нравилось. Кроме того вечера, когда Джи начал выбивать её из колеи, насылая фантомы. Джи сидел у биоконвертора и поигрывал стеклом, беспорядочно выпуская биоуток со всех сторон и во всех направлениях. То стайками, то поодиночке. Хакисс истерически швырялась ножами, бросала взгляды на стек и покрывалась потом. Джи недавно вернулся, и она хотела не играть тут с утками, а скорее уйти в спальню, играть с Джи. А Джи над ней издевался.

Хакисс оттолкнула подставку с ножами и взмолилась:

— Джи, прошу тебя, я не могу!

Джи подошел и ткнул её концом стека. Спазм скрутил Крошку, и она, упав на колени, неожиданно для себя разрыдалась.

— Ты не можешь меня просить, ты совершенно не работаешь! Возьми себя в руки! — Император полоснул её стеклом по спине.

Хакисс, давясь всхлипами, вернулась к стенду. Она не могла сконцентрироваться, теперь её еще и трясло. Она пропускала цели и, в конце концов, потеряв темп, обратила заплаканные глаза к Джи:

— Джи, прошу тебя, я не могу больше, Джи, я умоляю тебя, не мучай меня больше! Пожалуйста, пожалуйста! Я так соскучилась!

Джи вздохнул и подошел ближе. Хакисс бросилась ему в ноги и попыталась обнять. Джи коротким пинком отбросил её, и сильная боль фантома связала Крошку в узел. Джи, стоя в стороне, убрал боль и размеренно сказал:

— Никогда не проси. Не унижай себя и не раздражай меня. Привыкай и учись владеть собой, своими страхами и своей болью. Как иначе ты сможешь овладеть кем-то еще, если не умеешь владеть собой? Когда ты научишься управлять своей болью, ты освободишься от неё.

И снова боль начала пожирать её...

Стив с силой протянул шершавый и упругий ствол стека сквозь сжатый кулак. Стек

стоял на полуспящем режиме, и тупая боль продавила руку до локтя. Ладонь омертвела. Дом, милый дом... Глупая, глупая Хакисс...

Фыркнул и бросил стек обратно в гнездо стойки.

Потом Хакисс пришла к императору, вся скрученная своей виной, осторожно просочилась в ещё пустую спальню. Леденя от ужаса, сидела у постели и выдумывала, как он может наказать ее. Однако Джи легко поднял ее на руки и просто закинул в кровать, унося детские печали своей любовью.

А она, уже засыпая, бесконечно признавалась ему в любви, но он опять смеялся и отвечал, что он и так все видит, ведь он её император.

— Я хочу быть всегда с тобой, я исправлюсь, не прогоняй меня!

— Я знаю и никогда не прогоню тебя, ты всегда будешь со мной.

— А если я умру?

— Я не дам тебе умереть...

Боже, она была так счастлива, услышав это! Глупая дура.

И завертелось. Привычный распорядок перекосялся и неуверенно завис, как скалолаз на одной руке. Работа в лаборатории физиологии развалила свободное время на два неуклюжих куска, разбила все планы на дружбу с бывшим кочевником. Утро и вечер настолько укоротились, что вообще не имело смысла выбираться с базы.

Стив нашел почту Ронаха на страничке двести сорок шестого дозена и послал несколько нейтральных сообщений. Как идёт сбор мух? Поднимался ли Ронах наверх? Например, в Экспоцентре малого Лакстора, в парке, чуть ли не каждый день проходят выставки, а рядом есть кафе с террасой и круглосуточный клуб...

Рон не отвечал. И Стив на краткие мгновения касался его сознания слабым облачным контактом и позволял себе совсем чуточку и незаметно побыть вместе, плыть неслышной тенью, подглядывая и подслушивая. С личной встречей ничего не получалось, но Стив был доволен: у степного бродяги все настолько чудесно с социализацией, что завелась подружка!

Однажды вечером Стив активировал голосовую связь комма. И Рон включил прием!

— Привет, Ронах. Это Стив, лаборант с базы. Мы познакомились в столовой фабрики. Помнишь, я обещал показать тебе город? Неожиданно на меня свалилась дополнительная работа, и никак не получается вырваться.

— Не страшно, мне есть с кем гулять, — фыркнул Ронах. — Яника типичная горожанка, а как экскурсовод, так вообще вне конкуренции!

— Но я помню, что обещал, — по комму настроение не читалось, а сканировать одновременно с разговором да еще на таком расстоянии Стив не рискнул: в столовой Рон странно реагировал на фантомы, как будто боялся. А что, если он не рассчитает, Рон почувствует и догадается, что Стив экзекутор? Бывают же некоторые, особо одарённые...

— Она моя соседка по общежитию и мы как раз выходим, — продолжал Рон.

— Это кто? — услышал Стив девичий голос.

— Да один ажлисс с базы ко мне на фабрике привязался, — Рон прикрыл микрофон, но все равно было слышно.

— Я не ажлисс! — Стив вздрогнул. — Я просто тут работаю! И я...

— Как скажешь, — Рон рассмеялся.

— Я рад, что ты подружился с соседкой Яникой, — заторопился Стив. — Я посылал сообщения на твою почту в дозене.

— Моя почта? Я не проверял местную почту. С кем надо, я всегда могу вживую поговорить. Извини, мы идем на концерт Внепортальных Странников, — и отключился.

Стив полез посмотреть, что такое эти Странники. Оказывается, эта музыкальная группа также, как и он, любила поэта Марка Шейдона — часть их репертуара состояла из его стихов. Но резкая дерганная музыка разбивала и заглушала смысл. Целый концерт он бы не высидел. Стихи Шейдона лучше читать в тишине и про себя...

Подобные разговоры повторялись по инициативе Стива ещё несколько раз. Постепенно Ронах оттаял и даже поинтересовался, чем занят столь настырный приятель на базе. Стив отбарабанил засевающую в голове от общения с Джи формулировку об управляемых мутациях и радостно приплел к этому обоснование своего визита на фабрику: мол, делал проверку, насколько генетически стабильны промышленно разводимые мухи.

А потом пришла радость: Зак дозрел поменять программу работы, и виварий в полном составе будет два дня бездельничать. Как раз у Рона выходной. Ронах с подружкой собрались на природу — забронировали катер до верховий реки Ларосты, главной водной артерии Лакстора. А Стив совершенно внаглую напросился и был счастлив!

Рано утром Стив спускался в зал. Физическая усталость создавала налет безразличия: погасшие люди и истеричные арны меньше задевали нервы. И тех и других приходилось настраивать и водить на процедуры. Одно хорошо, в лаборатории физиологии, где проходила работа по адаптации арнов и людей, Джи больше не появлялся, а красоваться перед экзекутором или коллегами, Заку было не интересно. Он передал рутинные исследования Эйру и тоже исчез. Эйра же игра в «самодура зеленого отсека» не привлекала, поэтому даже кипящие негодованием арны, желающие свободы, мести и крови, постепенно утихли: невозможно же бесконечно биться о глухую стену собственной беспомощности?

Очередной мутный рабочий день постепенно заканчивался. Стив мысленно уже витал дома, когда мирно вышагивающая впереди Гверрц, всю дорогу упорно думавшая о зеленой травке, вдруг всхрапнула и, сжавшись в узел, упала на пороге открытой клетки.

— Глупо и снова глупо! — выговорил Стив вполголоса, наблюдая, как Гверрц медленно разгибается и переворачивается на спину. — Я понял, что ты не просто так думаешь о траве. Но ошейнику плевать на твои маскировочные мысли, ты сама включила разрядник, когда собралась на меня броситься. Пойми, тебе сказали: не нападать, не драться. Ты поняла правила и, начиная делать то, что запрещено, ты сама включаешь ошейник, сама себе делаешь больно, даже если думаешь о травке. Например, я могу заставить тебя лизнуть Эйра в нос, и ты его радостно оближешь. Но если я захочу, чтобы ты Эйра укусила, то и у меня ничего не получится. Ты рефлекторно проинформируешь ошейник и твоё тело мгновенно отключится, как у грызуна, зажаренного в электрической ловушке. Зачем ты себя мучаешь? Зачем мучаешь своего ребенка?

— Должен быть способ, — прошипела Гверрц. Медленно перебралась через порог и демонстративно села спиной, уронив голову на колени. — Арны не живут в загонах!

— Ты была мертва. Тебя убил Вроаррист, и ты не видела, когда твои соплеменники напали на нас, — Стив закрыл клетку и договорил в микрофон. — Не видела, что арны не могут победить ажлисс. Ты и без ошейника ни с кем не справишься. Даже со мной, даже если я не буду пользоваться фантомами, а физически я слабее любого гвардейца. Потому что я ажлисс, а ты просто арн. Вы — улучшенные люди, но вы все равно не так быстры и сильны. Прими это и успокойся. Пока ты бесишься, тебя нельзя выпускать в мир, но твой детеныш может жить на свободе! Думай о нем.

Гордясь собой — он не мстил, а наоборот, помог злобному арну — Стив пошел вон из зеленой зоны сначала в серые технические проходы и потом наверх к старым казармам. Монотонность ежедневной работы невыносимо надоела. И как это люди работают день изо дня и не вешаются от скуки? Скорей бы сняли карантин, может кто уже ждет не дождетса подарка. Хоть снова к какой-нибудь истеричке вроде Яо. Надел бы личину и поиграл бы. И вот он уже кто-то другой, кого не волнует безнадежный просмотр записей родной, но такой чужой планеты...

Но в целом карантин с непонятным свободным временем не шел на пользу. Блуждая вечерами в системе, Стив обнаружил, что его начали посещать странные мысли и вопросы, которые раньше никогда не высывали нос. Например, вся Империя, все сорок восемь

планет говорили на одном унифицированном языке. Язык арнов оказался давно забытым диалектом с планеты Нис, откуда происходил ренегат Тадей — это Стив выкопал в новых секретных папках. Но, несмотря на эзекуторский допуск, ничего о самом беглом Императоре Тадее в архивах не нашлось. Об экспериментальных новых людях тоже ничего. Просто Тадей? Повыскакивали ничего не значащие Тадеи: какой-то землекоп, нашедший гробницу с безголовыми скелетами; целые человеческие кровные линии, называвшие так своих сыновей и даже дочерей. Но ничего, связанного с арнами.

Заодно изучил, кто такая Райна, чью могилу уничтожил перенос. Это оказалась канонизированная свободными еретиками святая, организовавшая двести лет назад сопротивление прогрессу, убившая трех ажлисс и уничтожившая их кристаллы. Почему-то ее не казнили, а только выселили вместе с последователями в Северные леса, и шутка судьбы: практически через её могилу прошло перемещение Территорий. От прогресса не убежишь! Зачем-то в закрытых архивах хранились ее стихи, но Стив обрадовался и уложил вирши еретички в своей папке — они оказались созвучны его настроением.

Его же родная планета засекречена не была.

Небольшая планетка, неравномерно заселенная. Города сливались в сплошную яркую линию по побережьям или выглядели как светящиеся пауки, раскинувшие сеть дорог в ночной съемке. Люди жили в огромных скоплениях, а также в маленьких, невидимых с передатчика деревеньках, и Стив давно запутался в разнообразных народах, стилях и языках... Ос, Сэмла, Ту, Пртви, Аардэ, Тьера... Аборигены не имели общезвучающего названия для планеты! Стив ничего не мог с собой поделаться и исследовал эту Сэмлу, удивляясь, что с таким обилием неплодородных земель, ледников, лесов, гор с пустынями и даже воды, аборигены дружно поименовали планету «почва». Как будто ковчег с переселенцами долго блуждал в морях космоса и, уже теряя надежду, путешественники увидели пригодную к обитанию планету и дружно завопили: «Земля!». Хотя она была на самом деле вода...

Нет, он не настолько наивен, чтобы действительно думать, что сможет увидеть или узнать своих родных, случайно попавших в запись. Наоборот, их должны были преднамеренно убрать из всех архивов.

Стив прокручивал виды, слушал речь из разных уголков Сэмлы... Удивлялся разнообразию одежд, архитектуры, образов жизни. И хотя на улицах городов каждый человек был одет иначе, и он даже не нашел двух одинаковых машин, ничто не вызывало даже намёка на отзвук дома. Всё было чужое.

Выключил экран и протер глаза. Надо бы проверить одну догадку...

Спустился в секретарскую. Время еще было рабочее, но из-за карантина в ней был только Вик. Домашние дела решались без личных визитов.

— Я посижу здесь, хорошо?

— Что, не хочешь ждать Джи вдвоём с андроидом? — Вик поднял глаза и улыбнулся. — Конечно, ты мне не мешаешь.

Вик переписывал визиты на будущий месяц, когда собирались открыть торговые каналы и передвижения людей. Подсчитывал перераспределение ресурсов с учетом наполнения вивария и строительства Северной базы.

Стив немного подождал. Мягко, почти нечувствительно придержал Вика и спросил:

— Вик, а сколько есть других эзекуторов?

В голове у Вика возникла цифра «Пять!» и сразу же в мыслях появился резной

громоздкий шкаф и кисточка, тщательно и медленно покрывающая позолотой каждую завитушечку и углубление.

— Крошка! — взъярился Вик. — Ты толкаешь меня на предательство или хочешь моей смерти?

— Да не хочу я твой смерти, ничего тебе не будет. Ты же не виноват! Но почему шкаф?

— Ты не знаешь, что такое печати памяти? — огрызнулся Вик.

— Шкаф — твоя печать? Зачем тебе что-либо запечатывать, когда я могу прочитать твой дневник?

— Тебе Джи сказал проверить меня?

— Нет, я сам, — хихикнул Стив. — Но мне печати не нужны, у меня нет тайн от Джи.

— Вот именно! — Вик сидел с каменным лицом. — Ты не имеешь права ничего решать и проверять сам!

— Ну прости, я больше не буду, это же даже не секрет. Ты знаешь, Джи знает. А мне просто... смешно! — Стив соскочил с кресла и сбежал в зал совещаний.

Двери за спиной бесшумно захлопнулись, а Стив, проскочив через пустующее помещение, прижался лбом к холодному косяку у покоев Императора. Пять! То есть шесть вместе с ним... Целых шесть!

Проскользнул в апартаменты Джи.

Выглянул Эж и скрылся. Из каморки стюарда еле-еле тянуло специями, жареными овощами и хлебом — Джи предпочитал, чтобы стюард пёк свежий хлеб к ужину и завтраку.

Стив прошел в кабинет. Включил панораму с видом на водопады. Где они могут быть? Вряд ли тут есть целая комната с инкубаторами, он бы заметил. Раскинул скан. Такой шум вокруг! Еще бы, центр густонаселенной базы! Так он ничего не услышит. Кончается послеобеденная смена, все куда-то двигаются...

Не логичнее ли их держать там, где уже есть инкубатор? Тренировочный зал! И никто чужой там не бывает. Только император и экзекутор. Ага!

Вернулся в прихожую и, обойдя Эжа, нырнул в тайный проход.

— Ужин через тридцать минут, — крикнул вслед стюард.

Стив не счел нужным реагировать.

Обошел зал, ведя рукой по стенам и прислушиваясь — ничего. Климатизация, изоляция, световоды, техническая дребедень, убранные тренажеры... Ничего! Пусто.

В кристаллах? Кристалл можно спрятать где угодно, ведь аура из ловушки почти не звучит. Он услышал Гверрца в фургоне только потому, что стоял чуть ли не вплотную к крилоду.

Еще раз неясно зачем оглянулся и, не торопясь, вернулся, встретившись с императором в прихожей.

Джи появился со стороны приемной, со шлемом полного погружения под мышкой. Слегка улыбнулся и, пощекотав нежным ментальным касанием, закрылся в ванной — переодеваться к ужину.

Стив перешел к столу и ждал, разглядывая рисунок древесных волокон на полу — кажется он сейчас тоже сделает себе печать.

— Садись ужинать, — Джи небрежно погладил Крошку и сел во главе стола.

— Приятной трапезы! — Стив на всякий случай еще раз любовался на каштановые с золотыми искрами жилки и опустился на свое место.

Джи пришел через приемную... Вик донёс? Или нет?

Пощечина была настолько мгновенна и сильна, что Стив осознал ее уже лежа на полу с разбитыми губами. Как будто его тело вдруг взорвалось, а душа только-только долетела следом и неловко собрала осколки в одно целое. Сел, свесив голову, чтобы не испачкать одежду. Автоматически вытер пальцами кровь с подбородка, смотря в пол на маленькую блестящую лужицу. Надо же, проморгал. Джи успел встать, подойти и ударить, а он ничего не заметил.

— Прости, я не сдержался, — стараясь говорить тихо и внятно, насилуя бьющееся в дрожи тело, проговорил Стив и прижал тыльной стороной ладони нос: вот и нос разбил.

— Я говорил, не искать экзекуторов и не спрашивать о них! Вылижи за собой!

Слова втекли тяжелой ртутью. Придавили ещё ниже к полу... Но пришло удовлетворение — преступление раскрыто, ничего скрывать не нужно! Захотелось даже огрызнуться, что это как раз его императорское величество насвинячило! Но это было бы совсем неразумно. Стив закрыл глаза, сосредотачиваясь, останавливая кровь и утешая звенящую, как пустой колокол, голову.

Унижение его уже не задевает. Неприятно, что надо лизать кровь, да еще свою. Хотя, чужую тоже не сильно хочется... И он рад, что не сперму и не еще какие выделения. Вот, во всем надо искать хорошее.

— Умойся и окончи ужин. После ужина поговорим, — Джи смотрел тем странным бесчувственным взглядом, который бывает у портретов давно умерших людей. Сканировать страшно, и неведомо какое у Бога настроение сейчас.

Тратя последние силы, чтобы двигаться легко и бесшумно, Стив сходил в ванную. Тело одеревенело. Усмехнулся про себя: «Да, получилось сделать очень крепкую печать — даже лицо об неё разбил».

Постарался есть не слишком торопливо: Джи демонстративно ждал, чтобы окончить ужин одновременно.

— Почему ты провоцируешь? — Джи задвинул стул и пересел к лабораторному столу.

Стив загнал поглубже рвавшийся ответ: а почему ты провоцируешься? Сел на пол и прижался головой к бедру Джи.

— Я люблю тебя, — прошептал.

— Я знаю, — рука спустилась и потрепала его по голове, провела пальцами по шее, разливая тепло и нежность. — У тебя не должно быть тайн.

— Прости...

— Иди в постель, у меня еще дела, — Джи потянулся за шлемом.

Стив успел поцеловать любящую руку, поднялся и исчез в ванную, отмывать свой страх.

* * *

Когда Стив, уже выжатый, утомленный и удовлетворенный, собирался незаметно уснуть, Джи встал и вышел в кабинет. Вернулся с ментальным шлемом.

— Я хочу дать тебе пережить несколько воспоминаний.

— Мой дневник? — сон сдуло начисто.

— Нет, — Джи подложил подушки себе под спину и притянул Крошку поближе. — Ты меня спрашивал, как я выглядел и что делал. Это мой дневник. Да, я значительно сократил запись, но надеюсь, ты поймешь, почему я не хочу, чтобы моя Крошка копалась в прошлом...

Я работал вместе с Джул и Виком. Как ученый Вик безнадежен, но он вел и систематизировал документацию, к тому же он предан мне и очень аккуратен. Я работал над порталной связью. Ранее приходилось по сложной схеме выключать все порталы, кроме стартового и принимающего, иначе груз могло разорвать. Я нашел способ синхронизировать порталы с мгновенной блокировкой остальной сети. За это император — да, его звали Джи, ты правильно думаешь — предложил мне стать ажлисс. Империя развивалась, расселялась и умные активные ажлисс были постоянно нужны.

Предыдущий Император сам обладал слабыми качествами экзекутора, и под его контролем продолжалась работа над изучением этого феномена. Но исследования были в самом начале. Данные нащупывались экспериментальным путем. Длительным изощренно-жестким способом. Ты знаешь, ты прошел пробуждение... Я тоже записался на проверку и оказался сильнее Императора. И понял, что Император так искал и уничтожал конкурентов. Это потом я нашел маркеры и качества биополя, указывающие, что человек может стать экзекутором при переходе в ажлисс, и я стараюсь не допустить ни одного возможного «дикого» экзекутора — никому не нужны спонтанные революции. Но я никого не убиваю для профилактики.

Я тот ажлисс, что связал все порталы в единую цепь и закодировал их на себя, но об этом ты не прочтешь ни в одной истории. Масса ажлисс с того времени поменялась. Но остались ученые, которые и держат наш мир — им наплевать на политику, не трогайте только их игрушки. И истинные дознаватели, для которых главное — это спокойствие и счастье их паствы. Когда я стал экзекутором, я убил предыдущего Джи. Нечаянно и неосознанно. Хотя сейчас я думаю, что все к лучшему. Пришлось провести отбор ажлисс... Нет, не несогласных, а ненадежных, не думающих о благе всех людей, а заботящихся только о себе. Тогда я поменял присягу Империи на личную присягу Императору. И лично участвую в отборе. Как гарант власти, ограничиваю колебания и даю уверенность.

Пойми, семья и личные привязанности — зло для ажлисс. Нельзя постоянное обновление тела, то, что люди называют бессмертием, дать всем. Это приведет к остановке жизни. Либо люди будут бесконечно размножаться, пока не будет куда встать между мириадами особей. Им всем надо есть, спать, одеваться, где-то жить, что-то делать... Начнутся драки за место, за еду, войны. Бессмертие из ожившей мечты и стимула жить лучше и лучше работать, превратится в проклятие. Я был молод и я был один из последних людей, которые приняли присягу ажлисс, не дожив до старости. Нет, я не тот Джи, который нашел бессмертие, но я тот, кто провел закон, что ажлисс могут стать люди, только прожившие полноценную жизнь. Потому что ты не можешь себе представить, какое это горе, когда твои дети стареют и умирают, даже не оставив внуков. Твоя семья вымирает, и ты остаешься один. Поэтому я провел закон, что ажлисс не имеют права иметь детей, ибо тогда опять была бы война. Крошка, не бойся, я не буду тебе показывать самое тяжёлое... Горя и так достаточно, — Джи надел на Крошку шлем.

Я ждала. Ты пришёл невзначай.
Чай? Конфеты вот тут. Выбирай...
Нет, не плачу я! Резкий свет...
Ты скучал? Да, ты прав, столько лет...
Маску там отложи. На мою.
Ты же знал! Я... Всё также люблю...
Были мы осторожны тогда?
Разговоры смешны... Ерунда!
Кожа век так бледна, так нежна.
Посмотри на меня, ты вольна!
Пальцы сжаты, ногтей синева...
Мы ж решили без масок, мы два!
Пульс воробушком скачет в руке...
Мы с тобою всегда налегке...
Дай дыханья испить хоть глоток.
Нет, постой, это только звонок!
Масок тусклых фальшивый оскал.
Жизнь твоя. Ты её создавал...

(архив Св. Райны)

* * *

...Смешная милая Хана с рыжеватыми кудряшками, разлетающимися солнечным ореолом вокруг головы, бежит из детской, озаряя все радостью. Протягивает открытый экранчик читалки:

— Папа, папа! Смотри, сколько я уже прочитала! Сама прочитала!

Он подхватывает дочь на руки, подкидывает к потолку. Хана взвизгивает. Изо всех сил обнимает его за шею, прижимается мягонькой щечкой к лицу и смеется. Внутри разливается радость от объятий маленьких ручек и искреннего счастья, светящегося в каждом движении Ханы.

— Да, ты уже совсем большая! — он сажает Хану на сгиб руки, гладит по голове, легонько тянет за рыжую косичку: — Смотри: коса у тебя уже длинная, как у взрослой девушки!

Уют и мир кругом...

* * *

— А я опять пишу стихи! — Хана уже совсем девушка, но ребячливо сидит в развилке «своего» дерева, пряча за спину комм. Потемневшие волосы собраны в упрямый короткий хвостик. Обрезала косу. Жаль... У неё красивые волосы. — Мама говорит, что тебя выбрали? Поздравляю! Нет, я не хотела бы быть бессмертной — это скучно! И против всех законов природы! Расскажешь потом, как это — стать ажлисс?

* * *

Он стоит перед почетным советом ажлисс. Гордость, радость и немного страх... Ему придется умереть... Но в инкубаторе он даже не заметит разницы: это как зайти на профилактику. А потом... Столько всего можно сделать! Наверное, он займется биологией — возможности ажлисс могут быть огромны, а их исследуют слишком мало!

— ...За заслуги перед человечеством и наукой, совет предлагает вам сан хранителя и пастыря. В качестве ажлисс, не ограниченный болезнями или временем, вы сможете плодотворно служить прогрессу и человечеству...

* * *

Вик, излучая восхищение и щенячий восторг, взახлеб брызжет новостями:

— Да ты только подумай! Император спонтанно открыл в себе такие возможности! Кто бы мог подумать, что искусственно созданные способности ажлисс можно развить дальше! — Вик принижает голос: — Хотел бы я знать, чем он занимался во время этого «спонтанно». Говорят, стимуляция очень жесткая. Но я вряд ли дослужусь даже до ажлисс — статистику может делать и робот. Но ты должен попробовать — ты говорил, что чувствовал свою дочь даже когда был человеком...

* * *

Её горе бьет и режет. Хана плачет у него на руках:

— Умерла! Они сказали, у неё недостаточно бонусов для лечения... Мама умерла, а ты! Тебе было наплевать!

— Хани, тебе надо это принять. Жизнь — это всегда череда смертей. Твоя мать умерла без мучений.

— Ты... даже не пытался помочь!

— Её час пришёл... Айра не пыталась стать полезной обществу и, как результат...

— Как ты можешь такое говорить! Она заболела, потому что ты бросил её! Она любила тебя, а ты!

— Ты не права. Я не бросал ее, я никогда не планировал жить с ней. Твоя мать жила фантазиями и пыталась шантажировать меня твоим рождением...

— Как ты... Ты лжёшь! Они убили её! Это всё неправильно! Как вообще можно решать за другого: жить ему или умереть?!

— Если человек безответственный, то за него решают ажлисс.

— Ажлисс искусственные! — Хана кричит и вырывается. — Ты сам давно мертвый! А мама ценна для меня! Ценнее всех! А ты! Ты монстр!

Он хочет успокоить, пытается обнять, но её горе перетекает в ненависть. Бьётся клокочущей лавой. Хани бьёт его по рукам, отталкивает...

Остается беспомощность и горе, что жгут и душат... Давят и жгут...

* * *

От Императора исходит аура самолюбования:

— Натан? Ты из новеньких?

— Да, мой Император, я нашел способ синхронизировать порталы, чтобы...

— Я знаю, не нужно повторять известное. Ты хочешь стать сильнее? Зачем?

— Наука должна развиваться. Мне кажется, я смогу...

— Ты должен подписать добровольное согласие с возможным уничтожением крилода и конечной смертью. Испытание очень тяжелое: никто не знает, что может из тебя получиться, — Император тщательно прячет неприязнь и страх. — Ты можешь обезуметь, стать опасным для всех.

* * *

Он висит, прислонившись к поперечной перекладине, опущенный вместе с рамой в бассейн, и внешне спит, заращивая раны. Отдыхает и... учится. Отстраняется от своего больного тела, становится вездесущим эфиром. Он везде — его чувства обострились необычайно. Он может слышать, как шуршит на пустошах пыль, летящая вслед за флаером. Может видеть, как волны Западного океана неистово бьются о скалы. Он — это всё. Он везде. Он хотел бы навестить дочь, но она слишком далеко, а он еще не настолько силен...

Волны мечутся в ярости, но не могут дотянуться и слизнуть небольшой флаер, яркой жемчужиной шмыгнувший в изломанный фьорд. Машина сбрасывает скорость в опасном ущелье и поднимается выше. Там, высоко над пропастью, но все еще далеко до каменистого плато пустошей, открываются ворота силового поля, защищающего вход в Убежище Императора.

Флаер резко приземляется, еще на лету открывая прозрачный купол. Едва касается узорного пола, и из него выступает высокая девица в сопровождении троих ажлисс. Девица скорее раздета, чем одета, зато увешана украшениями. Среди драгоценностей у всех четырех заметно по одному крупному прозрачному кристаллу. У молодых мужчин это медальоны, а у девушки оплетенный камень, размером с половину куриного яйца, в браслете.

Натан невесомо проникает в сознание девицы и, как во сне, сливается с её мыслями и чувствами.

Компания идет вглубь перетекающих роскошью коридоров и поворачивает в белоснежный зал с прозрачной стеной, за которой цветущий сад. Вокруг маленького бассейна с фонтанами бредут цепочкой пять одинаковых беременных женщин — ниже ростом и толстые копии девицы.

— О великая дочь Бессмертного Императора Джи! — выбегает ей навстречу лаборант,

одетый во все белое. — Биологические андроиды в полном порядке и с радостью вынашивают ваших детей от каэра Первого любовника, каэра Вто...

— Заткнись! — великая дочь раздражённо отпихивает лаборанта и бегло просматривает экранчики с данными. — Я сама вижу. Сделай им какое-нибудь развлечение, а то мои дети родятся такими же тупыми, как эти запрограммированные биоматки!

Девушка проходит мощные охраняемые сейфовые двери в личную лабораторию Императора. Потолок блестит сложной резьбой. Сбоку, подсоединенный к биоконвертору стоит в готовности саркофаг инкубатора с открытой крышкой. В центре помещения — бассейн с грязной водой.

— Дорогой Император Джи, — небрежно вертит кистью девушка. Ее спутники выстраиваются у двери, склонив головы.

— Приветствую тебя, дочь наша, — Император важно кивает, развернувшись навстречу мощным корпусом.

Девушка с привычным недовольством поджимает губы: он кажется её ровесником, и ещё эта несерьёзная бородашка скобочкой по скулам, только подчеркивающая простонародно-широкое лицо!

Император щелчком отсылает в сторону левитирующий столик с обляпанной засохшей кровью инструментами: крючками, зажимами, ножами...

— Папа, — брезгливо канючит девушка. — Приказал бы стюарду вымыть! Это же мерзко!

— Рыбонька, Натану засохшая кровь не повредит, но возможно, вызовет эмоциональную реакцию, — Император надевает новый лабораторный балахон поверх вычурно-нарядной одежды. На широкой цепи на шее поблескивает крилод. — То есть лучше простимулирует.

Натан видит себя глазами девушки: покрытый шрамами, измождённый мужчина растяннут в круговой раме в бурой воде бассейна. Он может немного двигаться, например, сгибать руки. Но сейчас, свесив голову, безвольно полулежит грудью на мягкой дуге рамы. Такая же дуга есть и за спиной.

Изнутри набухает гнев и отвращение. Этот ублюдок создал семейный клан! Даже любовников сделали ажлисс! А внуков Джи вынашивают биороботы! Император — предатель! Натан пытается сделать свое сознание еще прозрачнее и не шевелится.

— Может, от чистоплюйства он быстрее раскроется, — продолжает Император.

— Почему ты его не отпустишь? — дочь неторопливо обходит бассейн, разглядывая эксперимент. — Ясно же: из него экзекутора не выйдет. Он даже толком не регенерирует! Хотя воды у него по пояс.

«У него мало сил, так как осталось мало собственной массы, — Император переходит на мысленную речь. — Я чувствую его потенциал и не могу отпустить просто так. Я должен быть уверен, что он никогда не раскроется. Не станет угрозой для меня, для нас всех!»

«Ну так убей его, как других раскрывшихся, — девушка пожимает плечами: — Он все равно псих. Никто нормальный добровольно не подпишется на такие муки, чтобы раскрыть мифические сверх-способности!»

«Ещё рано. Я должен расколоть его. Должен найти всех потенциальных врагов! К тому же никто не умеет управлять пробужденными силами сразу».

«Па, это мерзко... Можно же просто их незаметно убивать после проверки. А что, если ты действительно простимулируешь его?»

«У него были только слабенькие всплески. Не суетись, девочка. Он же не первый!»

Ублюдок истребляет всех с проблесками таланта!

Натан с рычанием напрягается в оковах. Кричит и взрывается. Пытается подчинить Императора, чтобы заставить его открыть раму... Страх и ненависть острыми лезвиями режут мозг. Император берет ключ. Девица тянется к нейтрализатору... Нет!

Он одним толчком мысли останавливает все живое. У дверей, словно опустевшие мешки осыпаются трое любовников. Император вместе с дочерью безвольно падают в бассейн. Тело Императора ударяется о раму. Натан успевает схватить балахон немного подвижной левой рукой. Наклоняется, перекладина чуть не переламывает его пополам, но притягивает тело Джи, удерживает его зубами... Зря! Ключ падает в воду. В ярости и отчаянии затаскивает мертвое тело на раму и летит мыслью дальше. Уничтожает это гнездо порока. Охрана, прислуга, жена Императора... Все живые мгновенно умирают: люди и ажлисс.

Только в саду за стеклом все так же равномерно ходят беременные андройды...

* * *

Единственный живой на многие километры кругом, он безнадежно бьется в раме в изолированном горном убежище, куда никто не придет. От его рваных движений по поверхности гнилой воды расходятся мелкие мутные волны и качают тело Императора.

...Тяжелая сладко-масляная вонь разлагающегося трупа... Да, ему пришлось это есть. Император умер и повис на раме. Повис на нём. Он был рад, что смог сдержаться и не скинуть тело — оно дало ему немного жизни. Но и теперь он всё еще прикованный в раме: руки разведены в стороны, перед грудью и за спиной поперечные трубки обернуты мягкой пеной, пропитанной кровью. Его кровью и кровью императора. Все страшно смердит. Он может присесть и немного двигаться внутри рамы, хотя ноги тоже прикованы короткими цепями. Он, кажется, всё-таки умрет здесь. Внутри изможденного и почти бесчувственного, равномерно гудящего жаждой тела рождается смешок: он стал сверх-ажлисс! И теперь сдохнет, так как никто не придет проверить. Побоятся, трусы. Но ему все равно. Он смог! Он вырвался из своего тела!

Натан пытается выломать крепления, но тщетно — они удержали его и когда он был еще свеж и полон сил. Изможденный и отчаянный, он хрипит и вполголоса ругается сам на себя. Надо же было так неудачно! Ключ лежит под метром грязной воды — так близко, но совершенно недостижимо! Натан закрывает глаза, сосредотачивается и тянется, тянется мыслью через пустоши далеко-далеко в город. Находит Цитадель физики порталов и проникает в голову невзрачного человека, похожего на булочника. Своего бывшего секретаря...

«Вик? Тихо, говори мысленно и не дергайся. Это я, Натан...»

— Натан? Джи бессмертный и всемогущий! — Вик вздрагивает и выпучивает глаза. — Ты где? Ты же подписал участие в секретном проекте!

«Говори про себя! Возьми флаер... Ты должен мне помочь... Я заперт в резиденции Императора».

Вик поднимается на крышу института, берет флаер и летит к крепости в скалах фиорда. Зависает перед закрытыми силовыми воротами.

— Введите код доступа, — раздаётся с панели автоматический голос.

Под воздействием Натана набирает секретный код, и охранная система пропускает его флаер.

— Боже, тут везде трупы! — напуганный секретарь, сжав руки, вбегает в комнату с бассейном. — Ты сам выглядишь как труп!

— Прости, — шепчет Натан. — Тебе придется залезть в эту дрянь — ключ на дне, слева.

Вик прыгает в бассейн, отталкивает тело Императора, находит ключ и открывает оковы.

— При стрессе даже человек может поднять грузовик, — продолжает шептать Натан. — Я же ажлисс, у меня больше возможностей. Меня нельзя отравить или заразить. Раны быстро заживают. Ажлисс могут общаться мысленно вблизи... А сейчас... Это как убрать расстояния... Всё близко. Я теперь могу слышать чужие мысли и внушать что угодно и где угодно...

— Перестань бормотать, — Вик тащит его из бассейна. — Это ты убил их всех? Как экзекутор...

— Да, я стал экзекутором, но буду Императором, — Натан вырывается и подтягивает к себе тело Императора. Вынимает из ножен на его бедре кинжал. Придавливает большим пальцем рубин на головке рукояти. Тот загорается, сигнализируя о включенном силовом поле. — А этот мерзавец нарушил все наши законы!

Он срывает с шеи Императора молочно-белый кристалл. Кладет его на край бассейна и крошит кинжалом, делая глубокие засечки на бордюре:

— Теперь никто не сможет оживить предателя!

Осколки кристалла становятся прозрачными...

* * *

Он решил не ложиться в инкубатор — у него хватит сил восстановится самому. Затягивает багажные ленты, привязывая очередное тело к планеру. Вручную относит и сгружает трупы в конвертор. Кажется, так он частично искупает убийство. Вик истерически закрылся в комнатах прислуги — его можно понять. Спасибо, что не пытался удрать... Хотя с другой стороны, куда бы он удрал? Потом он поговорит с ним. Потом, когда сам решит, что будет делать.

Взял из автомата два обеда. Один отнес под дверь Вику. Три раза стукнул и ушел в кабинет Джи. Сел в кресло, больше похожее на половину дивана и выдвинул нижний ящик такого же монументально-роскошного, но пустого рабочего стола. Ящик полон молочного сияния — россыпь полных и пустых крилодов. Провел над ними рукой. Найрия?! Пепельная блондинка всегда в длинных платьях из секции нейроуправления... Осторожно, кончиками пальцев достал крилод, откуда плакала знакомая аура. Она исчезла лет пять назад. Авария над океаном, крилод не нашли... Еще одна причина создать библиотеку крилодов.

* * *

Малый портал не перестает дымиться туманом, пропуская одного за другим

разнообразно одетых гостей со всех планет Империи. Все высоки и красивы. У каждого на груди прозрачный кристалл.

Они, в сопровождении охраны и андроидных слуг, проходят в зал заседаний и рассаживаются вокруг стола, замкнутым овалом обегаящего голограмму Императора Джи, приветственно простирающего руки к входящим. За спиной голограммы просвечивает пустой трон.

Все собрались и нервно переговариваются. Мысленно и вслух.

Из дверей за тронном выходит Натан в простой рубашке нараспашку и без украшений. Его кристалла не видно. У ноги идет крупная львица.

— Совет ажлисс! — Натан встает на императорское место, Львица садится и зевает, показывая огромные зубы. Изображение Императора Джи гаснет. — Я собрал вас, министров и регентов планет, чтобы сообщить — Император Джи мертв. Он сделал ажлисс свою бесполезную дочь и выводок ее любовников! Он намеренно пытал ажлисс, чтобы найти тех, кто имеет способности экзекутора и убивал их! Он надругался над законами и смыслом создания ажлисс!

В зал заходят двое мужчин и одна женщина в глухих синих костюмах, руки спрятаны в рукавах. Встают с обеих сторон от Натана.

Львица укладывается, опускает голову на лапы и закрывает глаза.

— Я вызвал комиссию дознавателей, — Натан протягивает руки в стороны. Дознаватели берут за руки его, друг друга и вызывают ближайших членов совета тоже взяться за руки. Все собрание соединяется в кольцо. — Я исповедуюсь. Дознаватели прочитают истину в моём сознании, а вы, соединенные в единое целое биополями и мыслями, увидите то же самое, что они. Вы увидите правду: я убил Джи в самозащите и во имя законов Империи!

Некоторое время все стоят в глубокой тишине, и Натан мысленно показывает то, что он пережил.

Потом дознаватели разрывают цепь, прячут руки в рукава, делают общий поклон и удаляются.

На глазах у притихшего собрания Натан медленно меняет лицо, становясь дублем убитого Императора.

— Бессмертный Император Джи останется бессмертным. Признайте меня Императором. Я ученый, и для меня главное — не личная выгода, а наука и благоденствие цивилизации. Я синхронизировал порталы со своим биополем и, пока я жив, транспортная паутина работает безопасно и без перебоев.

— Ты узурпатор! — вскакивает мужчина атлетического сложения с диадемой, чудом держащейся на сложной прическе. — Вечный император не может быть убит! По какому праву ты разбил его крилод? Я — регент планеты Карао, протестую...

Львица вскакивает на стол, скользит, тормозя когтями, и хватается регента Карао за голову. С хрустом прокусывает череп. Падает со стола, стаскивая тело за собой.

Натан снимает с шеи убитого молочно-белый кристалл ловушки души и показывает собранию:

— Его душа сейчас тут, но надо ли оживлять бунтовщика, давать ему новое тело? Я сильнее любого из вас, — Натан возвращается во главу стола и садится на трон. — Я управлял этой львицей. Никто из вас не способен к такому мысленному управлению. Можете дотронуться до неё — вы ажлисс и почувствуете, что животное не биоробот.

Львица проходит по круговому столу, некоторые с опаской ее трогают, кивая, что да. Это настоящее животное.

Натан с лицом Императора Джи встает во главу стола и вынимает из кармана прозрачный кристалл, поднимая его над головой:

— На основе стабильности Империи, на крилоде, дающем вечную жизнь, я клянусь быть гарантом мира и разумного прогресса. Клянусь соблюдать основы существования Империи: ажлисс могут стать только те люди, которые доказали свою необходимость человечеству. Ажлисс отказываются от личных выгод и умеренны в личных потребностях во имя интересов всего человечества. Бессмертный Император Джи останется бессмертным. Я жду от вас клятвы в верности Империи и мне — вечному Императору Джи!

Регенты и министры встают, сжимают свои кристаллы и присягают...

* * *

Он наконец-то нашел время и место поговорить с Ханой:

— Люди живут в тепличных условиях и тупеют. У них нет проблем, нет повода напрягать мозги... Для этого мы делаем колонизации и экспансии. Встряски, необходимые для цивилизации, чтобы она не закисла в безделье и благодати. Иначе через несколько поколений у нас не будет ученых,двигающих прогресс.

— Кому нужен твой прогресс, — Хана оборачивается от окна и сжимает руки, — когда ты не даешь его людям?

— Наука зашла слишком далеко. Если дать эти возможности всем, то человечество самоуничтожится. Не будут рождаться дети, будет стазис, который равен смерти. Я постоянно думаю над балансом! Сколько и какие проблемы надо решать отдельному человеку, какие условия жизни социума идеальны для сохранения и развития человечества. Ты можешь помочь мне, всем.

— Ты эгоист. Ты, ты, ты! Ты хочешь решать за всех — это твоя проблема, это твой грех гордыни! Этим ты убиваешь личности. Ты убиваешь человечество.

— Пятьдесят миллионов лет бесконечных войн, катастроф и уничтожения знаний! Пятьдесят миллионов лет цивилизации, построенные на индивидуализме, скатываются в самоуничтожение сразу же, как только вспоминают, как делать колесо! Это путь человечества?! Тебе мало доказательств? Ты же образованный человек!

— Нельзя из людей делать стадо! Почему-то ты не очень торопишься замкнуть кольцо единения разумов и планет! Ты выжидаешь, смотришь, как рушатся эти твои хваленые цивилизации и не делаешь ничего!

— Всему свое время. Они должны созреть.

— Лжец! Ждешь пока погибнут миллионы, чтобы родился нужный тебе индивид!

— Хани, вернись и мы поговорим с тобой в цитадели науки.

— Нет. Я не вернусь, и ты знаешь почему!

Хани. Уже давно женщина с короткой стрижкой. Зло смотрит на него и кричит: — Ты предал нас! Ты отверг нас, ты отказался от человечности! Ты предал меня!

— Я отказался от себя ради тебя! Ради всех! — он тоже кричит и боль несправедливости рвёт его сердце. Всё идёт не так! — Прими эту должность и я добьюсь, ты станешь ажлисс! Только так ты сможешь сделать больше именно для человечества! Ты будешь со мной!

— С тобой? Это вернет маму? Вернёт Йорги? Оправдает твои убийства? А мои друзья? А их близкие и их друзья? Разделить людей на нужных и ненужных по твоему желанию? Это мерзко, что ты предлагаешь! Если и надо убивать, то таких как ты!

* * *

Как же она состарилась... И что за желание одеваться в домотканые тряпки, как изгой? Хотя она и есть изгой... Он всё-таки её спас! Но злость отравляет её...

— Хана, вы сами загнали себя в угол. Мне стоило огромных трудов сохранить тебе жизнь. Но если ты сможешь справиться со своей злобой...

— Ты не сделаешь из меня игрушку, я не буду тупым роботом власти, — Хана пытается говорить аккуратно: под влиянием ошейника рефлексy вырaбатываются быстро. Но ошейник не мешает ей излучать ненависть и горе бессилия. Потоп ненависти и бездну отчаяния....

— Я смог сохранить вам жизнь. Всем вам. Но вы не сможете остановить прогресс и убивать ажлисс. Этот поселок будет изолирован. У вас будет свой дознаватель — сторонник мягких методов.

Он поворачивается и уходит.

* * *

Он раскидывает скан. Сердце чуть не останавливается... Нет, приходит облегчение — ещё жива! Кто там с ней? Вон, все вон... Пролетает над раскуроченными, так и не заселенными бытовками и сажает маленький флаер на окраине рукотворной деревеньки. Жалость и убожество. Они отказываются от помощи. Можно будет что-то сделать, но не в этом поколении...

Удерживает всех по их занюханым нормам. Идет к низкой уродливой избушке, откуда светится аура Ханы. Крыша застелена дранкой, низкое крыльцо, некрашенная дверь.

Нагибается под притолоками и в три шага проходит в полутёмную комнатёнку. Оживает старая ржавая тоскливая игла и начинает ввинчиваться в сердце. Хана совсем плоха... У него перехватывает дыхание: пахнет тленом, старыми испражнениями и чем-то кислым...

Высохшая старуха лежит на деревянной лежанке. Паршивое освещение словно пыль скрывает детали... Он подходит ближе, и она отворачивается. Узкий черный обруч нейроошейника стоит ребром и подпирает ей подбородок. Чернота безнадежности. Как можно, столько лет... Он прогнал всех и успел... Всё-таки успел, еще жива... Немой, ненастроенный крилод давит ладонь. Он может настроить его на данные Ханы одним касанием... Миг и если Хана умрет, то не умрет совсем. Сердце болит, стены душат.

— Хани, пойдём со мной! Я...

Она молчит. Но её мысли убивают. У неё нет сил, но она закрывает глаза и скрюченными руками подтягивает одеяло к самому горлу, как будто это препятствие для него. Её мысли топят его, затягивают на дно мутного холода: «Только посмей, я сдам тебя дознавателям, я убью тебя! Убийца. Трус! Предатель!» Но сквозь тоску прорывается её страх

смерти и... зависть?! Злость... Ненависть? Горе... Горе... Отчаяние...

— Хани, можно же...

Она обеими руками пытается сорвать ошейник и хрипит. Он падает на колени, сбивает локоть о безобразный бортик кровати, пытаюсь... Дотронуться? Поймать? Невесомое бумажное тело. Открывается рот и она гаснет. Её голова безвольно утыкается ему в плечо... Тончайшая, в мелкую морщинку сухая кожа. Тело выскользывает из его рук.

Он так и не решился...

* * *

— Ш-ш-ш, Крошка, — Джи снимает шлем. — Обещай мне, что ты никогда не будешь...

Крошка плачет. Стремится обнять, слиться, взять в себя и раствориться самой, перекрыть собой незаживающую горечь потери: «Я буду с тобой... Буду всегда, я не предаю тебя... Я никогда не брошу тебя...»

— Полное имя моей дочери было Райнаханна, — говорит Джи. — Крошка, пообещай, что ты никогда не будешь искать свое прошлое. Я не хочу, чтобы моя Крошка страдала. Ты ажлисс. У тебя есть только настоящее и будущее. У тебя есть я и ты будешь со мной. Всегда... Пообещай мне.

Крошка обещает, она никогда не станет причиной такого горя! Джи продолжает говорить. Крошка впитывает его голос, слова сами ложатся в память, становятся фоном, а внутри и везде только Джи...

...Человеческий мозг — сложный механизм, способный одновременно и подсознательно выполнять множество, казалось бы противоречащих задач. Я замкнул все порталы на себя, и попался в ловушку. Оказалось легче их замкнуть, чем отсоединить. Северная база как раз выполняла мое задание. Порталы были временно остановлены, и Северная база попыталась отсоединиться от сети и отсоединить меня. И вот что вышло — она, судя по всему, подсоединилась к удравшему кораблю Тадея, и портал сработал совершенно неожиданным способом. Но зато я получил дополнительное подтверждение своей власти. Вот теперь даже захочешь умереть, а не имеешь права, — невесело усмехается Джи.

Настоящий император у нас Вик — он делает массу административной работы. Я вмешиваюсь, когда нужно знамя и символ. Когда нужно применить силу убеждения, когда нужно подогреть энтузиазм масс, когда регенты зарываются и пытаются устроить перерездел и отхапать больше, чем можно, не нарушая равновесия... Это неблагодарная работа, но кто-то должен держать это все в целости...

— Джи, я никогда...

— Да, я слышу и понимаю тебя...

— Но все же, где моя семья? Сколько мне лет?

— Я не знаю, где твоя семья. Тебе сейчас столько, на сколько ты выглядишь. Двадцать стандартных лет. Пока ты спала в кристалле, на Сэмле сменились два поколения. Твою память я стер. Я открою тебе доступ к дневнику, но он начинается от первого пробуждения в инкубаторе, откуда ты и так все помнишь. Никто не знает ни твоего имени, ни семьи. Точечный портал навёлся на характеристики биополя, и я сразу же уничтожил в архивах все данные, включая место изъятия.

Сомневающийся никогда не станет лидером и никуда никого не приведет. Надо уметь принимать решения. Я принял свой путь. Я спас тебя, избавил от сомнений, избавил от ненужных связей, ненужной памяти. Дал тебе свою уверенность. Тебе не надо бояться, что я исчезну. Я буду с тобой всегда — пообещай мне, что ты не будешь пытаться найти свое прошлое, оно уже давно забыто и не нужно ворошить старое. На Сэмле еще очень низок уровень прогресса, зато есть постоянные миграции населения и высокая преступность. Даже по генотипу нельзя найти твоих родственников. Тебя там никто не ждет и не помнит...

Глава 26

Оранойя

Вызов сверлил мозг. Стив открыл глаза и сел.

Ярко светился гигиенический угол. В первой же комнате плотным ковром висела тьма.

Казалось, сигнал стал тише. Перед самым пробуждением приснилось, что Джи придумал новую игру и пытался пропихнуть ему сквозь уши стек, поставленный на полную мощность.

Император, кажется, вообще перестал спать, работая днем и ночью. На Джи, вместе с упавшими на голову арнами и карантинном, свалились многочисленные административные проблемы. Движение людей и товаров замкнулось на родной Императорской планете, выпавшей из транспортной сети, а леса вокруг Территорий были изолированы поясом категорического запрета любого передвижения. Отлаженная и размеренная система взрывалась истерическими воплями:

— Наш склад переполнен! А наши склады пусты! Ах, народ желает шелк с Карао! Ах, мы вынуждены законсервировать производство и ищем чем занять людей! На Жилайсу застряла экскурсия, а в моем дозене нервничают люди с Ригеса!

Семьи разделены, люди недовольны. Северный портал — обменник людей и товара, исчез...

Дни и ночи напролёт Джи успокаивал нервных подданных, принуждал подписывать временные договоры, распределял задачи и разгонял склочных управляющих, пытающихся вырвать поблажки для своего региона. Присутствие Крошки, даже бесшумно и кротко ожидающей, его раздражало. И он выставлял свою полусамостоятельную часть вон после ужина и кратких ласк. А вскоре и вовсе запретил появляться.

Ощерив зубы, Стив выбросился к пульту и, выключив зуммер, тяжело оперся о стол. Писк в башке прекратился, зато в углу экрана замигало сообщение.

Стив свалился в кресло и вздохнул. Просил же передавать задания через Генри! Нет, явно началась всегалактическая война и только экзекутор может спасти мир и прямо посреди ночи!

Открыл письмо, заверенное печатью Джи. Неужели Император еще не спит в такое время? Или это Вик пропечатал?

«Экзекутору:

Явиться в сектор Оранойя и поступить в распоряжение дознавателю Бни по рабочей присяге. Координаты, контакт и указания в приложении...»

Стив ткнул пальцем в экран, отослав подтверждение Джи и дознавателю Оранойи:

— Приказ принят. Вылет в течение тридцати минут.

Ну вот. А на сегодня запланирована встреча с Ронахом! Подъем на катере в верховья реки Ларосты. И он радовался, что так удачно напросился. Увы. Позвонит с дороги. Или пошлёт записку. Лучше звонить после того, как человек проснется, а не будить сообщением...

Считал из библиотеки оттиск ауры дознавателя Бни, вызвал Генри и не выдержал. Быстренько, только для ориентации! Нашел сектор Оранойя. Приличный кусок первозданных северных лесов, еще оставшихся во всем великолепии к востоку от Территорий. Источник природного, так называемого собираемого сырья: пушнины, мяса

диких животных, ягод, грибов и «корабельной» древесины — ему никогда не понять, зачем строить и еще и плавать на архаических парусниках, но люди неспособны серьезно воспринимать прогресс... Место как раз для еретиков — миллион вариантов бесконечной ручной работы. Природные промыслы запрещено прогрессировать, диких животных и растения нельзя разводить в неволе. Люди должны зарабатывать себе на жизнь, занятые руки — занятая голова...

Там находилась Могила Райны. Ханы. Дочери Джи... Нет, дочери Натана.

Пока умывался, появился Генри с кормежкой.

— Нет, — Стив забрал из рук стюарда футляр с бусинками и отбросил на дальний край стола. — В приложении сказано: без формы, без стюарда и на флаере без герба!

* * *

Над облаками висело око забытого бога чипу и протыкало пристрастным взором маленький флаер. Стив затемнил сферу, а навигация сама нашла воздушный поток с минимальными турбуленциями — над сектором Оранойя дул сильный ветер.

Завтрак и обед были съедены. Даже кофе понемногу заканчивался, хотя Генри вложил в контейнер пузатый объемный термос.

Сообщение с извинениями было давно отослано, но глупая бесцельная обида не желала затихать. Столько ныть и клянчить, добиться своего, радоваться в ожидании... и на тебе! Такой облом...

В голове от долгого полёта шебуршилась всякая глупость. В пустошах было кошмарно одиноко, а ещё бедному кваргу ни за что невозможно добыть кофе! Сколько бы он там пробегал, если бы его не позвал Джи? Если бы забыл, оставил, увлеченный другими, более послушными Крошками? Возможно, кварг бы одичал и оплодотворил какую-нибудь кваржу... Интересно, какие были бы дети? Могли бы родиться кварги-метаморфы? Вот был бы ужас: кочевники ловят дикого зверя, а он, рыча и меняясь, превращается в человека, раскидывая куски отмирающей плоти... Кочевники убили бы его потомка, а потом вопили бы как резанные, что императорские лаборатории обязаны компенсировать поврежденное равновесие с природой... Дикари.

Флаер сбросил скорость. Из-за леса появилась деревообрабатывающая фабрика с высокими навесами над штабелями бревен и досок. В прошлом древесину сплавляли по реке, но уже столетия назад на безопасном расстоянии от полноводной Бираты проложили рельсы.

Когда фабрика ушла назад, выплыло селение Крутой Берег и флаер пошел на посадку, облетая вполне современные одно и двухэтажные стандартные домики с защитными сферами над огородами и бассейнами, расчерченные гладкими дорогами промышленных зон и вязью пешеходных троп в жилых районах.

Дознаватель Бни жил в двухэтажной бревенчатой избе в шесть окон по фронтону. «Старается придерживаться местного стиля», — фыркнул Стив, паркуясь перед парой желто-полосатых грузовиков спасателей. За ними, прижатый к кустам малины, терялся старенький двухместный флаер. Такие модели перестали делать лет сто назад.

Из дома, спускаясь по лестнице и просто прыгивая с высокого крыльца, посыпались

спасатели в форменной одежде. Видимо, собственность дознавателя не выдержала многолюдного нашествия. Человек пятнадцать немедленно зашагало к центру Берега.

— Ты поедешь с третьей бригадой, а Зир со второй. Четверо на вездеход...

— Нет, четыре капсулы берет с собой Бни...

Оставшиеся, не обращая внимания на экзекутора в цивильном, разделились. Большая часть толпы забила в один грузовик и улетела, а восемь или десять влезли в оставшийся флаер и закрылись там, не включая моторы.

На крыльце стоял и светился аурой дознавателя Бни — кряжистый мужик типа «потомственный лесоруб». Мужик заметил Стива и прищурился, выставив подбородок. Его рыжая борода, заплетенная в две несерьезные косички, словно выставилась рожками, прицеливаясь.

У Стива кольнуло сердце — у Ханы была подобная солнечная косичка. Он, опустив глаза, подошел и замер, разглядывая вязанные радужными полосами носки ответственного ажлисс.

— Моя душа...

— И тебе добрый день. Зайди сначала.

Не успел Стив подняться, как мужик ухватил его за плечо и втянул в дом.

— Моя душа принадлежит императору, моя жизнь в руках императора, моя цель служить императору, я в вашем временном распоряжении по приказу императора, — оттараторил Стив, затормозив в тесной прихожей.

— Вот и чудесно! Зови меня Бни. Я буду звать тебя Кишер, хорошо?

— Слушаюсь... — выдавил из себя экзекутор, прижимаясь к стенке и задевая что-то плечом. Еле успел поймать слетевший с гвоздика детский рисунок в рамочке деревяшек с корой, покрытой бляшками лишайника. — Простите...

— Ничего страшного, это моя племянка рисовала. Снимай обувь и проходи. У тебя другая одежда есть?

— Есть, — изумился экзекутор, ступая по ручного плетения узловатым половичкам. Остановился у открытого проема в зал и сбросил с плеча сумку.

— Точно такая же? Сразу видно, что ты ажлисс. Но ничего, я найду тебе что попроще. Мы никого пугать не будем. Иди за лестницу — там ванная, одежду я тебе соберу, — Бни подтолкнул Стива и крикнул вглубь дома. — Карти! Остриги мальчика покороче, будь добра!

Дом изнутри казался бесконечным: комнаты, комнаты со всех сторон и широкая деревянная лестница на второй этаж.

Из-за резных перил улыбалась дородная деваха в клетчатой байковой рубаше, полотняной юбке и тоже в вязанных носках. Карти.

— Привет! — пропустила его в светлую, обложенную расписным кафелем ванную. Всю противоположную стену занимало огромное, с пола до потолка, матовое, словно затянутое изморозью, окно.

— Не надо меня стричь, я могу сбросить волосы, — забормотал Стив.

— Дядюшка сказал, мы слушаемся, — Карти шаркнула табуреткой, подвигая ее ногой на центр пола. — Снимай рубашку и садись, я полотенцем тебя прикрою. Ух, какой ты гладенький! А Бни мохнатый, как медведище лесное!

Стив выдернул необъятную тряпку из рук девахи и сел. Полотенце укрыло его аж до пола.

— Ох, какой ты строгий! — хихикнула Карти и щелкнула ножницами. — Косичку сохранишь?

— Выброси... Бни и правда твой дядя? — насторожился экзекутор.

— Не родной, конечно. Но у нас тут во всем дозене семейные отношения. Дядя Бни каждые пять — десять лет берет на воспитание ребенка. Андроида у нас нет. — Карти так и лучилась искренностью и желанием сделать что-нибудь хорошее. В ее мыслях появилась целая толпа «родственников»: шkodливый мальчишка десяти лет; молодая женщина с темными, распущенными по плечам волосами; улыбчивый толстяк, окруженный маленькими детьми... Стив отключился, а Карти щебетала: — Марки сейчас в школе, Йошелия уехала в свадебное путешествие, да вот застряла на Ломибе. Пакстель и старшие уже давно живут отдельно, а баби Шила спит еще...

* * *

Шерстяные носки, синие штаны из парусины, нательная рубашка с начесом, верхняя полосатая рубашка со здоровенными то ли костяными, то ли деревянными пуговицами — точно сынок лесоруба! Остриженный и переодевшийся Стив робко заглянул в зал. Сумка исчезла.

— Ажлисс доз..

— Бни! — дознаватель поставил перед Стивом пару высоких ботинок из охристой кожи.

— Бни... — Стив сглотнул и сунул ногу в грубую обувь. — Мне они велики.

— Карти! — заголосил Бни. — Принеси еще парочку толстых носков! А теперь?

— Теперь хорошо...

— Я посмотрел, у тебя наличных денег с собой нет. Это не годится. Остановимся у терминала и обналичишь семьдесят империалов, чтобы тебе хватило на еду, ночевки и остальные мелочи — в лесу терминалов нет.

Загудел автомобильный сигнал.

— Выходим! — Бни сунул экзекутору мешок с двумя лямками. — Вот тебе нормальная одежда и захвати на вешалке зеленую куртку — висит новая с краю. Да, твою гигиену я переложил тоже, не волнуйся. А кольцо лучше сними, тут никто так не носит — не надо дразнить еретиков.

Стив про себя скривился: мало того, что заставили одеться в чьи-то обноски, так еще в личных вещах копались. Но, с другой стороны, если вспомнить о других крошках, то какое-то у него есть личное? И молча потопал на выход, чувствуя себя в кондовой обуви, как в кандалах.

Перед домом, перекрывая улицу на всю ширину, стояла высоченная, синяя в шашечку почтовая арсава на громадных колесах. Второй желто-полосатый вездеход спасательной службы зачихнул прицепом на стоянку, а десяток спасателей переносили в него консервационные капсулы из своего грузового флаера. На случай обнаружения тяжелой эпидемии?

Дознаватель кивнул на кабину почтовой арсавы и забрался следом, закидывая рюкзаки на задние сиденья.

— Да не жмись ты, словно жениться едешь! Сядь свободнее! Весь автобус наш — спасатели едут своим транспортом. Иршель, стартуй! Это Кишер, мой племянник. Иршель,

наш почтальон и доверенный. Ездит как раз в районе Могилы Райны. Свободные, как ты знаешь, отказываются регистрироваться, поэтому получают заработанное и расплачиваются наличными, не допуская прикосновений дознавателя. Для них это попираание основ, заложенных Святой Райной, нарушение догматов. Ты мне нужен, чтобы они по собственному желанию прошли обследование и откровенно рассказали все, что у них накопилось на совести. Они, возможно, будут потом орать о ментальном насилии, но мы постараемся аккуратненько. А, Кишер? — Бни пихнул локтем. — Ты умеешь аккуратно?

— Я постараюсь... — Стив поёрзал. Машина выехала из поселка и пёрла по просеке подсакивая и мотаясь из стороны в сторону. Седоков, несмотря на удобные кресла, чувствительно трясло, а еще этот Бни руками без остановки машет!

— Джи помог заглушить беспорядки в первые дни, когда устанавливали границу. Хотя лесные поселки и заимки остались в стороне от переноса и напрямую не пострадали. Дровосеки не очень разговорчивы, а неприкасаемые к исповеди не ходят, но у меня есть информаторы. — Бни протянул руку и хлопнул водителя по плечу. — Потом же буча если и случится, то мы переживем. Бежать нашим подопечным некуда — неприкасаемым и ранее порталы были недоступны, да и без работы никто не выживет. А кто их еще за наличку возьмет? Они только и умеют, что грибы-ягоды собирать. Зато у нас много возможностей для счастливой жизни асоциалов — заимки нуждаются в жильцах.

— Здесь линия переноса прошла по Могиле Райны. Карты смотрел? — дознаватель полез за коммом, но Стив старательно закивал, и Бни продолжил: — На нашей стороне мы нашли останки шестидесяти двух человек — разрезало границей переноса или засыпало разрушенными зданиями. Пять тысяч исчезло вместе с замещенной землей. С сорок третьей делянки, которая граничит с Могилкой, гуртом убежало несколько семей. Причина понятна и без исповеди — каждый заботится закрытых территорий. Но пропал один дельник — Кох Нирайя. Пока объедем одиночек, а к обеду доберемся в Крайон, где поселились семьи Закарии Перка и Агни Эрлоба — они работали вместе с Кохом. Доктора подберем на первой остановке.

* * *

Вездеход как бешеный лось нёсся по лесу, а Стив цеплялся за поручень. Страховочные ремни держали крепко, но машина скакала так, что, казалось, пассажиров выкинет через крышу вместе с сиденьями. Несколько часов безумной езды и встали — на развороте у невысокой сопки стояла бело-красная арсава медпункта.

— Пойдем, я представлю тебя врачу, — дознаватель терпеливо дождался, пока Стив выберется следом, и постучался в медпункт: — Сереш, мы приехали. Принимай помощника.

— День добрый, Бни, — дверь открылась. Худой, словно сплюснутый с боков человек высунулся из проема. — Я как раз залечил Интии зубы. Могу начать проверку по плану.

— Это Кишер, мой племяш, знакомится с дозеном. Пускай тебе поможет по мелочи.

— Ясно, как раз Галия в отпуске, — Сереш отступил вглубь, приглашая Стива войти.

Пока спасатели просматривали окрестности жилья и хозяйство отшельников, укрытое за откосом, Стив маячил позади доктора на подхвате, подавал тестеры и регистрационные приспособления и слушал вполуха. И как это Джи фонирует эмоциями постоянно? Излучать болтливую искренность и поддерживать в людях желание выворачивать кишки наизнанку не

составляло большого труда. Но постоянно? «Не видели чего-нибудь странного? Кто, когда и где заболел?» Нудно, однообразно, противно.

Почтальон раздал товар, записал новые заказы, все загрузились обратно и три вездехода стремительно ломанулись по чудовищной дороге до следующего островка жизни.

Болтанка, короткая остановка у очередной халупы и снова болтанка. Никто ничего не видел, никаких серьезных болезней. Обнаруживалась всякая ерунда и мелкие хворобы. Шатающиеся и загнивающие зубы, вросшие ногти, смешные травмы и неизвестно зачем скрытую от предыдущих визитов врача язву желудка доктор исправил почти не глядя... Где-то в полдень на ходу проглотили обед — дознаватель взял порцию и для «племянника». А когда солнце уже стремилось укрыться за верхушками сосен, то вырулили к Крайону и запарковались около поселкового клуба.

— Тебе проще со мной ходить по домам или работать отсюда? — дознаватель задержался в кабине. — Будешь приводить людей сюда? Доктору удобней разложить стационар, чтобы не ездить к каждому. Я тоже могу остаться здесь.

— Мне проще из кабины, — боже! Бни первый, кто поинтересовался, как удобнее экзекутору! — Я могу лечь в салоне, отключится от своего тела и быть с вами мысленно.

— Тогда так и сделаем! — Бни вывалился и хлопнул дверцей.

Стив перебрался в салон, разложил кресло и вытянул из сумки одеяло. Очень хорошо, он не будет дергаться и разрываться на части: где Бни, где люди, где инструменты... Потянется вслед за спасателями, шныряющими по домам, накроет всех жаждой общения и по одному приведет исповедоваться.

В Крайоне процесс оказался интереснее: тут гуляли и множились слухи. Дознаватель невозмутимо выслушал несколько версий, связанных с исчезновением Коха:

— Знаю я, сам слышал! На рабочего напали и порвали волки, но охотники — известные бездельники! Как всегда ничего не нашли, а только болтают всякие глупости...

— Это всё Закария — он давно к Жассе подкатывал, поэтому грохнул Коха да сбежал! Убийца он...

— Да никто никого не убивал. Закар поехал наличку отоварить, а Кох с ним...

— Медведь это был! — в воображении очередного исповедующегося появилась медвежья шкура, падающая на человека. — Мы сосну как уложили, а из подлеска как выскочит медведь, да такой совсем мелкий заморыш. Да как на Коха прыгнул и порвал. Тут Закария его топором и приложил, а потом испугался, что зверя повредил в не охотничий сезон и спрятался...

— На Коха напал облезлый медведь, — дошла очередь до Агни Эрлоба. — У нас была с собой аптечка и всё как полагается, но как от этой транспортиции лес закрыли, так звери с ума сошли. Мы отогнали его, а Закария хотел рубануть по шее, но промахнулся и рассадил зверю плечо. Тот сразу удрал, но уже успел разодрать Коху бок. Кишки так и лезли... Я потом хотел к Жассе зайти, сказать, что Кох умер, но мы решили, что лучше ей не знать... Что не знаешь, то не болит. Пускай надеется, что Кох вернется. Будет плакать еще, а так не пришел и не пришел. Йирти подтвердит, он с нами был, мы сами-то не охотились... А медведя никто потом и не видел. Егерям мы сказали, что больной медведь там бродит, но они не нашли ничего. Сдох, наверное. Закария хорошо спину ему рассадил... Но мы и уехали, беспокойно там... А Перка трус. Сбежал. Но я не пойду в инкубатор! Хочу остаться собой, нет! — вяло запаниковал Агни, — дядюшка Бни, не отдавайте меня в лаборатории. У меня семья...

Все будет хорошо, — дознаватель утешающе накрыл своей лапищей пойманную в капкане другой руки кисть Агни. — Только вспомни, где вы Коха похоронили. А Закария где?

— Он пятого дня поехал к родственникам в Ахай, да и купить кое-что... Боялся он, что заберут его...

«В Ахае кочевники. Они продают еретикам ворованное!» — вспомнил Стив.

«Да? Это мелочи, но я проверю по дознавателям».

— Спасибо, Агни, — продолжил Бни вслух. — Доктор тебя проверит, но если ты ничего от того медведя не подхватил, то никуда тебя не заберут. Я тебя в лаборатории не отдам.

Члены семьи Закарии и остальные жители подтвердили поездку в Ахай, проецируя свои версии боя с медведем, снабжая бедное животное и самого лесоруба множеством фантастических подробностей.

«Так что ты скажешь?» — спросил Бни, забираясь и запуская с собой холодный воздух в разогретую кабину арсава. — Врут много?

— Не знаю, — пожегился Стив. — Они представляют себе разные фантазии. Агни? Он точно что-то видел, а у остальных картинка плывет и воображение буйное: скелеты, щупальцы. У Йирти шкура летает... А у Агни реальный образ и медведь. Только тощий.

— Хорошо. На самом деле с Кохом был только Агни с Закарием Перка. А наивный Йирти решил поддержать Агни, но врет. Можешь взять у меня из памяти ауру Закария и поискать его?

— До Ахая я не дотянусь! — поразился Стив.

— Не думаю, что он в Ахае. Мы окружены кордонами, и куда он без коммуникатора? Попробуй.

Бни закрыл глаза и выставил на поверхность памяти образ утконогого и вислогубого беженца. Стив сосредоточился на отпечатке биополя, избегая разглядывать внешность. Откинулся на спину, пустил скан по спирали. И сразу сел.

— Он тут недалеко, я могу его привести!

— Покажи, — Бни подсунул раскрытый коммуникатор с картой.

— Где-то здесь. Там сарай какой-то. Я его уже веду сюда, но это километров пять...

— Ага, я знаю где это. Эва, хитрец, пошел навстречу, нас пропустил и отсидеться вздумал! Сейчас ребят пошлю, но ты веди его, веди. А то ночью по лесу бегать, ловить его, дурня...

Бни вместе с врачом дождался и проверил Закарию, но ничего интересного не нашли. Доктор исправил легкую простуду и вылечил ступни, запревшие от несколько дней неснимавшейся обуви.

Беглец счастливо вернулся к семье, а оба ажлисс и доктор направились в клуб, где ужинала вся команда.

Столовую поселкового клуба украшали бумажные флажки и венки из сосновых веток. Из угла сцены вылезало в танцевальный зал чучело полярного лося с колоссальными рогами. На обе лопаты свободно бы улёгся взрослый человек. Но чучело только до поясницы было затянута шкурой: вся задняя часть с ногами была вырезана из дубового пня. Создавалось впечатление, что лось врастал задними ногами в пол...

— Попал под трактор, красив был невероятно, но задницу разметелило в кашу, шкура в клочья. Вот наши мастера и вывернулись. Молодцы, правда? — Бни хлопнул Стива по спине, направляя к столам. «Не мнись! Ты мой племяш и сядешь со мной. Расслабься и получай

удовольствие, как человек. Приказ отдыхать!»

Стив положил у стула сумку с вещами и сел по правую руку Бни. Пошевелил лопатками, убирая неприятное ощущение от очередного шлепка — дружелюбие действовало на нервы не хуже буквоедной дисциплины!

— Меня зовут Тойя, — перед носом опустилась тарелка с супом, а рядом облокотилась о стол улыбающаяся девица. — А вас, уважаемый каэр?

— Кишер, — Стив потянулся за ложкой.

— Могу принести тебе рюмочку брусничного морса? — Тойя решила, что разница в возрасте невелика, и прижала пальчиками его кисть.

Стив замер.

«Соглашайся! — вмешался Бни. — Скажи только, чтобы влила три ложки сиропа, иначе кисляк невероятный!»

— Да, пожалуйста, — Стив заглянул Тойе в голову и пожал плечом: там у девчонки было полное непотребие. — Только добавь сиропа ложки три.

— Я мигом! — Тойя взметнула юбками и ускакала, чтобы через пару минут торжественно водрузить на стол деревянную, покрытую черным лаком рюмочку. Стив с недоумением уставился: да там всего одна ложка жидкости.

Девчонка стояла и явно ждала. Стив засомневался: все начинало подозрительно напоминать загадочный ритуал, смысла которого он не знал. Глянул на Бни: «Что это значит?»

«Пей, не стесняйся! Это правило, ты тут впервые!»

Стив проглотил терпко-сладкий морс. Тойя широко улыбнулась и вприпрыжку исчезла разносить еду.

«Что это значит?»

«Знаешь старые обычаи лесовиков? Они должны обмениваться любовью с чужестранцами, чтобы на следующий год был хороший урожай!»

«Я тут по рабочей присяге...»

«А я говорю, наплюй! Ты на отдыхе, радуйся жизни, пока есть дядюшка Бни! Останься после ужина — будут танцы. А ребятки подготовили небольшой концерт».

«Я обязан?..»

«Нет, конечно! Времечко-то уже нерабочее, ты свободен до утра».

«Благодарю, Бни. Я лучше пойду спать».

«Иди, конечно! Твоя комната с лиской», — дознаватель мысленно показал дверь с двумя лисами. Лисы в воображении Бни прыгали как ударенные хорьки, усиленно совокуплялись и почему-то были пятнистые.

— Э-эй, Шортес, тебе уже хватит, — Бни решительно отодвинул стул и пошагал к угловому столу, где в тесном кружке напивались аборигены. — А ты, лучше отведи дружка наверх, — дознаватель заговорщицки притушил голос и склонился, обнимая людей за плечи. — Пускай хорошенько проспится. И предупреди его домашних, что дядюшка Бни сказал. Нечего ему в таком виде в семью являться.

Стив заглотив остатки трапезы, взял рюкзак и ловко удрал, избежав прощального хлопка по плечу.

Спальни приюта, и правда, различались вырезанными и обожжёнными на огне барельефами животных. Лиса на двери его комнаты была одна и шла, внимательно насторожив уши, по бревну через ручей. Вместо замка дверь запиралась на примитивную

щеколду, которая открывалась при повороте круглой ручки.

Галерея приюта обнимала клуб с четырех сторон и окно узкой комнаты смотрело внутрь здания, на холм темной выпуклой крыши зала.

Одностворчатый шкаф, за ним кровать, у окна откидной стол. У противоположной стены стул, на который Стив от порога кинул сумку. На постели лежала домотканная ночная рубашка с вышитыми еловыми лапами по вороту. Размер подходящий, но Стив почесал лоб и переложил эту деревенскую красоту в шкаф.

— Да я сам могу! — горланил пьяный лесоруб, вваливаясь в спальню в дальнем коридоре.

Забавно! Ажлисс нельзя ни напоить, ни отравить. Усиленная иммунная и пищеварительная системы все переварят. Зато можно запустить в пьяницу скан, копируя его состояние! Все кругом занято закружилось, в то же время вроде бы стоя на своих местах. Пьяный тяжело шмякнулся на постель. Стив вместе с ним, и с разделенным отвращением скинул неподъемные ботинки. Растянулся во весь рост на кровати, неловко ворочаясь и сдирая одежду. Мыться он не пойдет! Представил длинный, почему-то извитой и горбатый коридор. Комната гигиены в углу, где стыкуются два коридора. Плескаться со смешанной кампашкой ажлисс и людей нет ни малейшего желания. И мочалку он, кажется, не взял. Не такой уж он грязный... Почти весь день просидел в кабине погрузчика. Это его мысли или того человека? Ощущения тела странно разорвались и в то же время сконцентрировались. Шершавая простынь под рукой... Нет, это одеяло. Какое тонкое и колючее! Кажется, он весь перетёк в кончики пальцев. Гладкая холодная стена. Это лак? Он свободный человек на землях свободных людей, будет свободно спать! Его слегка мутило. Это даже интересно: приют плыл и покачивался...

* * *

Разбудил звук открывшейся щеколды. Не шевелясь, выпустил скан: Тойя с пирожками на тарелочке зашла на ощупь и чуть не упала, споткнувшись о шмотки, сброшенные у кровати. Стив старательно дышал и не шевелился, напрасно лелея надежду, что это поможет. Тойя стукнула блюдечком о стол, оставила плюшки и присела, склонившись над неподвижным телом.

— Кишер? Я слышу, что ты не спишь. Ты даже дышать перестал, — девушка засмеялась и погладила его по волосам, запустила руку под одеяло. — Ой, ты без ничего спишь!

— Чего пришла? Тебя дознаватель послал? — Стив отодвинулся к стене, чуть было не добавив, что он вообще по рабочей присяге.

— Ты... Ты же сам меня позвал поиграть!

— Что? Это же моё свободное время, — и тут Стив проснулся полностью. Брусничный морс, какая чушь! — Нет, я не хочу играть с девушкой...

— Ты не хочешь девушку? — Тойя вскочила и пошатнулась, наступив на ботинок. — Может, хочешь юношу?!

— Да какая разница? Рот и задница у всех одинаковые...

— Что?! Урод! Большой урод! — Тойя в сердцах пнула в стену тяжеленный ботинок и выскочила. Дверь хлопнула, клацнув щеколдой.

Вот же коза! Засыпай теперь снова! Стив нащупал того пьяницу — дровосек спал

тяжелым и глухим сном, словно мертвый. А так было интересно засыпать...

* * *

Утром Бни разбудил Стива, кинув ему на постель пучок соломы:

— Вот, тебе подарочек оставили. Что ж ты так плохо старался?

— Э... — Стив автоматически взял обмотанный шпагатом подарок. В центре композиции торчала колючая и голая ветка шиповника. — Что это значит?

— Девушку ты обидел. А меня моя избранница поблагодарила! — дознаватель, ухмыляясь, достал из кармана и повесил себе на ухо две яркие искусственные вишни, соединенные зеленой тесемкой с розеткой из тряпичных листов. — Продирай глаза и завтракать! Едем дальше!

— На-арод, на завтрак! — по приюту раскатился рев дознавателя.

— Угум, и будильника не надо, когда так орут и топают, — проворчал Стив, развязывая подарок. Очень кстати — можно не бояться, что одноимповое кольцо, снятое с пальца, чтобы не дразнить еретиков, ненароком выпадет и потеряется! А повесить кольцо на шпагат и на шею...

* * *

— Тут все было под водой, — распинался Бни. — Ручей, вроде, небольшой, а как после телепортации стоки перекрыло, так вода дошла чуть ли не к дому Жассы. Я предлагал ей переехать, пока не установили переходники и не присоединили местные речушки к территориям. Нет, уперлась как коза и ни за что: её предки тут жили, родители тут похоронены и она останется на корнях своих...

С самого утра три часа тряски по корням и буеракам, на очередном повороте Иршель резко дал по тормозам: на дороге стоял мужик в ватнике нараспашку и отпихивал за себя голосящую бабу в платках. А поперек дороги топырилась неопрятная куча хвороста.

— Это арн! — Стив зафиксировал обоих, даже не дожидаясь команды дознавателя. Тетка, ослабев, села прямо посреди дороги. Платки соскользнули на землю. Арн безвольно свесил руки, но смотрел прямо в лобовое стекло.

— Вот он — медведь! — воскликнул Бни, спрыгивая в траву. — А мы думали, что всех выловили.

Арн покачивался сдержанным стремлением кинуться и улыбался, а тетка вяло хватала арна за колени и бубнила:

— Стойте... Не подходите. Он ничего не сделает... Он мне по хозяйству. Не забирайте...

— Племящ, быстро пересади ее на обочину, что ты человека в самую грязь уронил.

— Бни, я знаю их язык, — Стив переместил плохо стоящую тетку и посадил ее необъятной попой на куст. Растение хрустнуло и прогнулось.

— Жасса Метрайя, посмотри на меня, — Бни присел у тетки. — Кишер, убери арна в капсулу. Я поговорю с женщиной...

Спасатели, раскидав смешную баррикаду, разошлись в цепь — прочесывать лес. На

поляне, до которой транспорт не доехал, виднелась избышка и несколько сараюшек.

— У тебя уставшая душа, — дознаватель перевязал Жассе платок и взял её за руку. — Вставай, тебе надо к доктору. Иршель, почему ты не сообщил, что она больна?

Теткина аура, и правда, была блеклой, но люди всегда светятся меньше, чем набравшиеся опыта и сильные ажлисс. Зато её примерно трехмесячный плод светился ярким фонариком. Тетка была не больна, а беременна. Но дознаватель, пока она сама не вспомнит или пока он случайно не положит ей руку на живот, так ничего и не поймет — он чтец душ, а не тела! А у этих отшельников чуть ли не каждая вторая женщина беременная. Что неудивительно с такими традициями брусничного морса.

— В прошлый приезд была в порядке, — пожал плечами почтальон. — Жасса общительностью не страдает: привези то, привези сё — вот и все жалобы.

Жасса, всхлипывая, шла на неверных ногах. Внутри она хотела кричать и бежать. Экзекутор мог бы заставить ее радостно отмаршировать хоть до самой базы. Но дознаватель сказал аккуратно, будет аккуратно.

Почтальон вместе с Бни уложили причитающую женщину на экзаменационное кресло в медицинской арсаве и доктор, посмотрев на экран, схватил Бни за руку:

«Это не человеческий ребенок», — Сереш притянул дознавателя ближе и показал на экран.

— Жасса, тебе надо в больницу. Как давно ты беременна? — спросил Бни.

— Месяц с половиной примерно. Шесть декад назад мы соединились в семью...

«Неправда, — не отпускал руку дознавателя доктор. — Плоду, судя по развитию, по аналогии с человеком, должно быть около десяти-двенадцати декад. Катастрофа случилась два месяца назад, то есть всего восемь декад назад к нам прилетели эти арны!»

«Ты хочешь сказать, что ей подсадили зародыш арна до катастрофы?»

Доктор развел руками.

— Святая Райна, я не хочу... — ныла Жасса. — Я не могу уезжать, у меня и на варенье все разложено... И куры...

— Не беспокойся, мы все заберем с собой. Карти сделает твоё варенье. Куры и козы, всё зверьё твоё будет под присмотром и в порядке.

— Он хороший, он все делал. Я его раненым нашла. А пока Кох не вернулся, всё мне веселее, всё не одна тут надрываюсь...

Глава 27

Ребенок Жассы

«Сереш, отсылаем Жассу в Императорские лаборатории, — Бни послал мысль и, отодвинувшись от доктора, обратился к Стиву: — Отключи её, чтобы всё было тихо-мирно и пойдём, законсервируем нашу загадку».

Бни проломился сквозь кусты на обочине, обходя почтовый вездеход и разбитую дорогу. Стив, ведя перед собой бесчувственную Жассу, прошел следом по редкой лесной траве и влез в спасательский прицеп. Женщина механически разделась и улеглась в капсулу. Щупальца жизнеобеспечения оживились, поползли по её телу, накрыли лицо, и Бни захлопнул крышку. Зачем-то покачав капсулу в амортизационных креплениях, развернул коммуникатор:

— Ройзена? Пришли кого-нибудь пожить к Жассе Метрайя и за хозяйством поглядеть — от вас это ближе всего. Она тут собралась варенье варить, а я увожу её в больницу... До вечера чтоб человек сюда добрался, а лучше пошли двоих-троих... Я думаю на полгода, а там увидим. Мы поймали арна... У неё был контакт. Нет, она не ранена. Да, необходимо. В Императорские лаборатории. Точно не знаю, когда вернется. Да, не паникуй! Всё проверяем сейчас. Никакой заразы или эпидемии не намечается... Конечно, я попрошу ребят все закрыть, почистить и прибрать. Иршель оставит стандартный набор продуктов, но пускай записывают, что там у Жассы возьмут или сломают-починят, я выпишу наградные...

Положил руку на крышку соседнего гроба. Негромко похлопал по ней ладонью, как будто пытаюсь разбудить пленника. Арн лежал навзничь. С несуразно разлохмаченными бакенбардами, телом, поросшим коротким волосом и втянутым животом, он походил на опустившегося бродягу, умершего с перепоею. «Интересно, куда теперь их одежду?» — подумал Стив.

— Ты можешь допросить его, не пробуждая полностью? — Бни взялся за регулятор анабиоза.

— Конечно, — пожал плечом Стив. — Я его удержу.

— Спроси, сколько их тут было.

Экзекутор кивнул и взял дознавателя за руку, чтобы тот все увидел сам. Наполнил сознание арна счастьем и восторгом долгожданной встречи, а его тело — расслабленностью и сном.

«Я тоже рад с тобой встретиться... Я твоя мать... И брат тоже... Я пришел, чтобы ты мне все рассказал. Поделился. Как ты попал сюда? Куда делись остальные?» — Стив выкопал воспоминания о всех родных и близких, на кого арн реагировал положительными эмоциями, и слепил объединенный образ бесконечно дорогого существа. И арн неудержимо захотел рассказать ему всё-всё...

«Я ждал сигнала, — захлебнулся ответом арн. В голове у него возник резкий крик арнеки-загонщицы. — Ждал, чтобы предупредить ловчую стаю, что олени пошли, что арнеки приближаются. Но лес вздрогнул и изменился. Мне стало неудобно... Неуютно. Я не понял, что произошло. Побежал смотреть и попал в чужое место. Неправильные деревья, запахи... Земля другая и чувство, такое странное... Даже свет изменился! Я побежал вперед и увидел огромные машины, самолеты. Чужие, не наши. Я испугался: прилетели рышущие, о которых нам говорили в детстве! Чужие воины пошли цепью, машины начали валить лес. Их

было слишком много. Я прокрался мимо и решил осмотреться.

Нашел мирных рышущих, тех, что в истории назывались человеки. Станных и неправильных, не умеющих сражаться...

А когда осмотрелся достаточно, то не смог вернуться. Я остался один! Но я нашел себе человека, которая стала моей арнекой! Стала моей семьей, история правдива... Я Ингррис из рода Фравва зову тебя на ночлег».

«Ты на чужих землях, тут другие законы. Ты убил человека».

«Я не убивал! Я дрался честно, — в воспоминании арн вышел по следам и запаху на Коха, принял ритуальную форму, как полагается вызвал того на бой. Лицо противостоящего человека искривилось, он замахнулся пилой, тут же упал: арн толкнул его в висок и плечо. Человек нелепо взмахнул руками, выронив инструмент, а арн укусил его за бок. — Каждой арнеке нужен арн, а Жасса была в сезоне желания. А тот, кто жил с ней, не был арн, не мог создать семью. Он был слаб. Он даже не умел честно драться!»

«Ты вырвал ее другу кишки и он умер».

«Он дрался с оружием и пряча тело в одежду. Нарушал ритуал! А я из-за него тоже не мог драться правильно. Но от таких ран не умирают. Но если он умер, то тем более у него нет права на семью! Его соплеменник чуть не перерубил мне позвоночник, хотя я не вызывал его...»

— Да, печально. Достаточно, — Бни снова включил анабиоз. — Раскинь сканом на всякий случай, а то вдруг еще какой прыткий одиночка у нас жену ищет.

Пока спасатели зачищали жилище Жассы, Бни скинул отчет в отдел информации между дознанами и затолкал комм в карман. Агрегат связи дознавателя по сравнению со стандартной «палочкой» экзекутора был громоздким, но, видимо, такими лапищами было проще манипулировать устройством размером с детскую читалку...

— Поехали дальше, — Бни загреб экзекутора освободившейся ручищей, подталкивая к почтовой арсаве. — Тут все сделают. Остальные как-то справляются с зачисткой периметра и без твоей помощи.

На семьдесят первой заимке — жильцы называли это скопление из четырех домиков и пяти курятников «Родищем одноухой куницы» — обнаружили чужеродные микроорганизмы.

— Поздравляю, Ждан, у тебя сирофа, — Сереш постучал пальцем по экрану сканнера, обращаясь к отцу семейства, первому пришедшему на проверку. — Видишь, эти розовые комочки в горле? И теперь еще раз скажи, что ты принимал таблетки!

— Сани сказала, что они химические и не гоже такое брать в тело людям, — мужчина мельком глянул на экран и опустил глаза. — Отвар казимельника лучше, он всегда помогает при простуде...

— Простуда! Конечно... А теперь у тебя в теле живет чужой микроорганизм! Бни, могу я тебя попросить? — доктор легко прикоснулся пальцами к руке дознавателя и продолжил мысленно: «Позволь Кишеру мне помочь, так будет быстрее и проще».

«Я знаю, ты давно хотел посмотреть на стимулированную регенерацию, — кивнул Бни. — Пользуйся, пока он тут. Кишер, раз ты ассистент доктора, давай, работай!»

Доктор развернулся к экзекутору, явно собираясь взять и его за руку, но Стив остановил его: «Не надо до меня дотрагиваться, я вас и на расстоянии услышу».

«Отлично! Видишь, эти колонии между хрящами? Открой к ним доступ, чтобы я мог взять образцы без кровотечения, а потом залечи, чтобы Ждан не помнил и не чувствовал

ничего».

«Я могу его полностью вылечить».

«Да? Еще лучше, только я сначала возьму образцы, а потом с удовольствием понаблюдаю, как ты его чистишь».

Сереш взял пробирку, пинцет для биопсии и навис над горлом крепко уснувшего Ждана.

Стив закрыл глаза и немного отстранился, чтоб не мешать — ему не надо смотреть на операционное поле. Провел пальцем сбоку от кадыка, разрезая и одновременно заращивая края разреза, раздвигая ткани и обнажая трахею. Сереш ловко вырезал кусочек, а Стив тут же прижал ранку пальцем. Доктор взял еще два образца, и Стив заживил рану, словно и не было ничего. Даже воды не понадобилось на такую мелочь.

— Спасибо, Кишер. Можешь начинать, я уже смотрю, — Сереш убрал пробирки и встал у экрана, говоря вполголоса. — Нет, меня устраивает моя работа, но возмутительно, что власти потакают еретикам. Насколько проще было бы лечить через инкубаторы или если бы на моём месте был лечитель-ажлисс, не говоря об... — тут Бни похлопал врача по руке. — Да уж ладно, молчу, но двери закрыты вроде...

Стив медленно гладил руками Ждана, сканируя и уничтожая мелкие колонии сиробы, угнездившиеся в человеке, стимулируя тело избавляться от продуктов распада, помогая собрать отходы в предусмотренные природой места.

«Готово. Человеку надо будет напиться и сходить в туалет. Могу его разбудить?»

— Да, спасибо, что напомнил. Буди, — доктор размешал антибиотик в стакане воды и протянул его захлопавшему глазами Ждану: — Ты заснул, потому что был болен. На, выпей!

Оторопевший человек выпил, а доктор сунул ему в рот ингалятор:

— Я сейчас вернусь. Дыши глубоко!

С улицы донесся сдерживаемый кашель. Временно забытые обыватели Куницы волновались. Стив спохватился и, снова успокаивая, окутал их фантомом...

— Не мучайтесь, кашляйте! Заражайте всех кругом, — врач распахнул дверь медпункта, неодобрительно качая головой. — Я же вам дал таблетки. Нет, вам надо размножить сиробу? Ребенка бы пожалели, — доктор подхватил на руки годовалого мальчишку и, приглашая людей за собой, согнал с кресла Ждана и уложил на его место ребенка. — Смотрите: у Дина все лёгкие забиты этой дрянью! Вообще непонятно, чем он дышит. И опять здесь всё придётся облучать.

Они объезжали дома одиночек. Стив старательно прочесывал сканом лес, но больше ни арнов, ни следов их присутствия не нашлось.

На обратной дороге спасатели отстали и поехали на вырубке — за убитым лесорубом.

У дома дознавателя маялись просители — родственники Коха надеялись проститься с умершим по своему обряду. Бни отправил Стива в дом, а сам долго сидел на крыльце, утешая и обещая вернуть покойного в целости как можно скорее.

Около полуночи вернулись спасатели и перенесли во флаер эскутера все три капсулы. Две с живым содержимым и одну заполненную изъятым вместе с грунтом трупом неудачника Коха.

— Так, мы закончили. Отдашь капсулы Заку. Джи я отпишусь. Переспшишь у меня? Можешь лететь домой завтра.

— Нет, спасибо, но я высплюсь в полете. Но почему вы... Ты не дал семье Коха фиалу? Взять кусочек от тела, фиала же сохранит образец навсегда.

— Нет, тут так нельзя. Каждый хочет быть частью чего-то большего. Любой человек будет рад присоединить к семейному дереву останки умершего, чтобы его наследственный код связал все поколения в одну цепь, чтобы не было разрыва поколений и рода... Но еретики придерживаются иных ценностей. Они хоронят целые тела в землю, верят, что только так они присоединяются к круговороту жизни в природе. Поэтому придется привезти тело назад и похоронить на поселковом кладбище, где родные смогут его навещать.

— Они ходят по захороненным телам?

— Зачем же так? — засмеялся Бни. — Всё очень аккуратно: есть тропинки и лавочки с беседками. Можно собраться всей семьей и уютно отпраздновать день поминовения предков и напутствия потомкам.

Стив представил себе визит на кладбище и ему стало неприятно. «Свободные!» Очередные дикие люди. Поменял сумки и, взяв собранный Карти то ли ужин, то ли завтрак, вылетел в ночь.

Домой.

* * *

— Крошка? Говорит Зак, — раздалось под утро с панели управления. — Не спишь?

— Здравствуй, Зак. Слушаю, — Стив подавил желание скорчить рожу передатчику. Он не спал! Всего-то задремал ненадолго. Спать на лету было неудобно: периодически начинало сниться, что он падает в пропасть...

— Сядешь с южной стороны зеленого сектора. Я буду ждать с тележкой.

— Хорошо, приказ понял.

Этот маньяк посреди ночи будет выгружать спящих, которые все равно, что мёртвые, плюс реальный труп. Жизнеобеспечения капсулы хватает на месяц! Спящим все равно, когда их выгрузят. Зато ему не все равно. Но кому интересно, что хочет экзекутор?

Стив прошел в багажник и прощупал сканом мертвого. Похоже, человек умер от болевого шока: в брюхе дыра, рваные кишки вытащены и перемешаны с землей. Хотя Стив видел в воспоминаниях арна, как тот укусил человека за бок, но как-то не верилось. Такую рану мог сделать и медведь... А экзекутор не дознаватель, чтобы видеть истину в воспоминаниях. Экзекутор часто видит фантазии и желания.

Выползающее из-за леса солнце успело сверкнуть лучами по флаеру, когда Стив, сдерживая зевету, сел у заднего входа в виварий. Рядом с техническим двором начинался маленький зоопарк. Было бы неплохо выпустить арна прямо там.

От распахнутого наготове лифта подрулила тележка с Заком и четырьмя лаборантами.

И зачем ходить такой толпой? Бурча про себя, открыл купол над багажной половиной флаера. Тележка сама прекрасно бы выгрузила и отвезла, но бодрые лаборанты уже тащили капсулы вручную.

— Зак, ты принимаешь груз? — Стив приоткрыл купол над кабиной и крикнул. — Мне надо флаер вернуть. Батареи наполнить...

— Ким отгонит. А ты пойдешь с нами — подстрахуешь. Работа сначала, а потом можешь бежать играть дальше...

Стив кинул в спину Зака негодующий взгляд. Похватал и затолкал в сумку упаковки от еды — стало неудобно оставлять Киму замусоренный флаер — и порысил догонять тележку.

Капсулы ввезли в инкубаторный зал вивария. Зак, открыв капсулу с арном, молниеносно надел на пленника ошейник, ещё до того, как щупальца освободили тело. Стив перехватил управление арном — еще не хватало, чтобы Зак орал ни свет ни заря. Но Зак, кажется, не собирался создавать арну рефлексы — все его мысли были заполнены беременной женщиной.

— Отведешь арна в коридор три — там прямо вначале есть свободные помещения. Ты знаешь, как его зовут?

— Ингррис.

— Ага, — Зак внес имя в регистр и нетерпеливо помахал рукой: — Иди-иди, считай, я работу принял. Ты больше не нужен, только запри его там.

Стив сгреб арна и в темпе промаршировал к указанному отсеку вивария. Включил комнату, загнал внутрь этого... Ингрриса и собрался уходить, но... Арн медленно разворачивался, слепо пытаясь осмыслить то, что внезапно появилось перед его глазами.

Нет, так не годится! Стив резко выдохнул и сбросил сумку на пол. Включил звуковую связь, двухстороннюю прозрачность перегородки и оттараторил краткую инструкцию пользования изолятором. Натренировался он тут с размещением диких арнов... Но этот, похоже, был уже адаптированный.

— Подожди! — Ингррис задышал быстрее, подскочил к двери. — Ты кто? Почему ты умеешь говорить, а Жасса нет? Таких как вы у нас нет! Жассе нужна семья, я ее семья — она не может быть одна. У неё ребенок!

— Да знаю я, что Жасса беременна. Но ты просто подожди, сюда придет какой-нибудь лаборант, и ты сможешь у него все узнать. Я просто тебя привез, это моя работа. Всё остальное — не моя работа! Пока, может потом я еще зайду!

* * *

В бело-синем коридоре старой казармы шумели гвардейцы, собираясь на турнир, и в полный голос подкалывали друг друга. Стив тенью прошмыгнул за бесшумную дверь экзекуторской комнаты, желая упасть и закопаться в мохнатое одеяло на своей постели. Бросил сумку у стола — Генри разберет. Позвать стюарда? Стюарда видеть не хотелось, да и есть пока не хочется. Посчитал дни — Ронах на работе. Все-таки интересно, что там с этой теткой?

Подвинул кресло вплотную к столу, забрался в него с ногами и включил лабораторию, настроив картинку на широкий обзор. Спать тоже расхотелось.

Обида кольнула в сердце: Джи уже там!

Коротко стриженная тетка с широченной задницей и обвисшими грудями прижимала ко лбу стиснутые кулаки и, сидя на матрасе инкубатора, покачивалась взад-вперед: «Святая мученица Райна, спаси и защити! Укажи мне путь из тенет всемогущих ажлисс, выведи на свободу...»

Зак посмотрел на Джи, и Жасса заткнулась, уронив руки вдоль тела.

— Благодарю, она совершенно сдвинутая. Не знаю, как Бни с ними там общается.

— Можешь говорить, — откинулся на стуле Джи. — Она уже ничего не слышит...

— Ну... В целом, это подарок мне лично! — воодушевленный Зак отошел в сторону и стал виден настенный проектор, где бежали картинки слияния и деления клеток и

анатомических разрезов зародышей. — Я провел эксперименты по перекрестному оплодотворению. Половые клетки арнов очень интересны — у них включается редуцирующая система, моделирующая и подгоняющая генетическую структуру партнерской половой клетки под себя. Тадей был гений. Да, им нужен похожий и максимально близкий генотип, но в результате любого кровосмешения всегда получаются арнята. Как раз собрался подавать заявку на полевой эксперимент, а тут такая радость!

— Жалко, что не осталось никаких промежуточных разработок. Тадею удалось создать вид-гегемон. — Джи встал и погладил Жассу по спине. — Её биополе совсем слабое.

— Да, детеныш растёт слишком быстро для человека, — Зак приложил зонд к животу Жассы. — Мы же помним, что арны развиваются на треть быстрее? По стандартному времени беременность человека длится почти пять месяцев. Потомок-арн, по нашим подсчетам, готов за три месяца с четвертью. Арнёныш впитывает все соки этой женщины. Она слаба и не сможет его доносить без нашей помощи.

— Арны, возможно, смогут размножаться и с крупными видами обезьян, но, боюсь, арны будут против, — хмыкнул Джи.

— Арны, как и ажлисс, могут брать жизненную энергию, но у обезьян недостаточно интеллекта — их биополе на уровне трехлетнего ребенка, — отмахнулся Зак. — Зачем пускать в размножение столь незащищенную особь? Ты же видишь, что не каждая женщина в состоянии выносить и благополучно родить. Ребенок-арн — настоящий бессознательный упырь. Однако, после рождения арн полностью теряет способность брать жизненную силу, не убивая донора. Мы ажлисс, мы можем дозировать, сколько взять, и берем без большой травмы для человека, зато арны вырывают биополе с кусками плоти. И сами при этом не понимают, что за силу они получают из драки или убийства. Но вернёмся к нашим мамкам-арнекам. Они здоровы и сильны — они так же бессознательно находят баланс биополей и контролируют аппетиты плода, а вот женщина не умеет. Было бы неплохо кинуть клич среди ажлисс. Но это подрывание основ... — Зак вопросительно поднял брови и многозначительно замолчал.

— То есть, — Джи почесал нос и хмыкнул, — ты хочешь провести эксперимент на ажлисс?

— Ну-у... Я не знаю, какая ажлисс согласилась бы на такое извращение, да еще под угрозой полной смерти.

— У меня есть одна на примете, — Джи улыбнулся с экрана. Посмотрел прямо в камеру!

Зак что-то ответил, а у Стива зашло сердце — Джи знает, что он подглядывает! Мягкий и нежный фантом руки Императора погладил по затылку.

— Постарайся удержать эту беременную при жизни, — сказал Джи и повернулся к Заку. — У нас есть первый союз человека и арна.

— В теории таких союзов быть не должно — арны поглотят людей, если их выпустить.

— Мы не будем выпускать арнов, но мы, возможно, впустим к ним несколько скорректированных женщин с очищенной памятью. Но сначала я хочу попробовать приманить одного арна в гвардию, а там можно будет осчастливить и остальных.

— Тебе мало игрушек? — Зак уложил Жассу, надавив ей на плечи, и закрыл крышку инкубатора, включая подробную диагностику.

— Я показал Вроарристу наш мир. Я проверил его. Он вполне добропорядочен и цивилизован. А это отличная возможность. Я дам ему арнеку, чтобы он мог продолжить

свой род, а он после смерти пойдет в гвардию.

— Зачем тебе это чудище среди ажлисс? Источник конфликтов...

— Мы сотворили слишком безвредный мир, — Джи почесал переносицу указательным пальцем. — Ажлисс разленились, люди отупели. Нам нужна встряска. Крошка неподвластна совету ажлисс. Под мою ответственность она поиграет в семью, которой у нее не было. Поживет в стае, родит двойню, а мы получим массу данных.

— Родить мало, надо выкормить...

Тут Стив в ярости отключился, хлопнув ладонью по сенсору так, что заболели пальцы.

«Поиграть!» Он издевается! Стив закрылся в непроницаемую капсулу скана. Забронировался. Даже Джи не пролезет сквозь его блок. Обсуждает с Заком — с этим... Этим... Вивисектором! Её... Его личные тайные мысли! Не успел приехать — выгнал в Крису! Не успел приехать — выгнал снова! «Показал Вроарристу наш мир!» То есть гулял с арном вне Территорий сам, без экзекутора в нарушении всех правил? Конечно, наш император сам олицетворение закона: как хочу, так и закон... Или с другим экзекутором? И эта жирная Жасса! Как нарочно! Знал бы, сделал бы ей там выкидыш... Дрянь какая!

Снова включил систему.

Проверил: арена пуста. На всякий случай заблокировал своим именем арену на два часа. Вот и чудесно! Выбьет злость на муляжах. Кстати, давно он не летал. И вообще, давно нигде не был вместе с Джи.

Заскочил в зал, взял легкий и недлинный фехтовальный меч. Увел из гаража скутер и, сквозь начавшийся дождь, влетел под крышу гладиаторской арены.

У Джи хватит ехидства выставить его на спор против дуэльного андроида, которого никаким сканом не ошарашишь... Хорошо, начнем с дуэли. Включил симуляцию боя с одним противником. Пнул хранилище под панелью, оно выплюнуло пакет с сенсорной сбруей. Застегнул на себе сетку сенсоров, надел шлем. Вытащил из стойки планер. Критически фыркнул: какой он весь гвардейцами обтопанный да помятый! Надо было вместе с мечом взять свою доску. Поставил ноги на метки, и планер выпустил захваты, плотно обхватил стопы и голени сильным, но подвижным крепежом. Стив немного приподнялся над полом и покачался, проверяя баланс. Пролетел в полуметре над полом влево-вправо. Сойдет! Подхватил меч и вылетел к центру арены, где уже висел муляж. В принципе такая же биоутка, как при стрельбе по мишеням, но в форме человека. Дождь мешал видеть, размывая фигуру противника, и Стив закрыл глаза, переходя на ментальное сканирование. Муляж взлетел выше и попытался снести его голову краем планера, поворачиваясь вниз головой и нацеливаясь мечом. Стив увернулся, залетая со спины, чтобы выключить планер противника. Тот мгновенно развернулся и кинулся в лобовую атаку. Стив завертелся, отбиваясь, и тут заметил еще два муляжа, приближающиеся в полной боевой готовности.

— Ну-ничего-себе! — заорал. — Какая зараза!

И больше он не смог даже пискнуть. Два помощника шустро включились в бой в пропорции «трехголовая шестирукая машина против одного экзекутора». Стив летал, как укушенный пропеллер. Через тридцать минут, позорно прикрывшись планером и крутанувшись вокруг оси, в полном изнеможении отбросил муляжи. Отключил тренажер, желая только набить морду тому шутнику, что переключил программу. Пристал на стартовой площадке. Там стоял тренер гвардии и гладиаторских боёв собственной персоной.

— Плохо. Где ты растерял все навыки?

Стив про себя взвыл: мало ему было в прошлом совместной муштры и постоянных унижений от гвардейских переростков, так этот гад притащился специально подглядывать! Пыхтя и отдуваясь, опустил глаза:

— Тихий вечер, ажлисс комендант. Я не могу вам сказать.

— Тебя нельзя выпускать на арену.

Стив удержался и не покраснел. Бездна, да что же это такое!

— Я просто тренируюсь! Я не знаю, что планирует Император.

— А. Думаю, что в любом случае ты развлечешь Джи. Это у тебя безусловно получится

Спокойной ночи.

И ушел. Сволочь.

Желание летать пропало начисто. Стив с яростью смотрел вслед коменданту. Теперь он чувствовал себя еще глупее, чем заявившись на тренажер ночью. Но уйти домой — это признаться в собственной несостоятельности. Однако махать мечом не хотелось ни за какие коврижки. Что бы он ни делал, комендант это выловит, а потом этой записью выбьет из него пыль на любой общей тренировке. А он давно не тренировался с гвардейцами. И за несколько дней великий гладиатор из него не получится, хоть он тут все это время летай без остановки. Ну вот и почему этот старый урод столь любопытен!

Стив переместился к пульта управления. В бездну всех! В реале он просто зафиксирует любого противника и разрежет в клочья хоть пальцем! Оружие, дуэли — это смешно! Перевел арену на стрельбу. Бездна с ними, не выйдет из него гладиатор. Он и не стремится — нашли дурака с такими же дураками мечом махать. Рука императора полетит крошить уток.

Выбитый и уставший вернулся домой.

Вода, стекая с крыши террасы, отражала свет из комнаты и рисовала поблескивающие штрихи на темном парке, окружающем базу.

На экране мигала императорской подписью записка.

Стив провел по ней пальцем и система, считав его биополе, открыла содержание: «Приходи к ужину».

Всё еще обиженный, влез в секретарскую информатику. Вот — карантин, наконец, собираются снимать, значит племянница Бни вернётся домой... Первоочередные поставки чего-то там, обновление производства... Неинтересно... А, вот! Запрос от регента Тольрау. Просьба подтвердить личное участие Императора в отложенном из-за карантина празднике.

Ах, какой он всё-таки молодец! Во время визита император может послать экзекутора поиграть в Лабиринт или подраться с гладиаторами на Арене, а он как раз начал тренировки!

* * *

Джи негромко переговаривался с регентом Тольрау о мелочах праздника Императорских Лучей Добра, отложенном из-за карантина, и сам лучился удовлетворением.

Невидимый регенту экзекутор сидел, прислонившись к дивану за спиной Императора, и неслышно мучался.

Сегодня у Ронаха был свободный день. Но Рон на старую записку с извинениями,

посланными еще по дороге в Оранойю, никак не среагировал. Как будто письмо экзекутора упало во тьму бездонного колодца. Ну да, Рон не знает, что его настырный приятель большая шишка. Никакого уважения... Но позвонить или просто явиться без предупреждения Стив так и не решился. К тому же прелестные новости от Джи совсем лишили настроения кого-то видеть.

Между ног валялся диск пластипола с надоевшей головоломкой. Размеренно дыша, чтобы не дрогнули руки, Стив балансировал деталью башни на горизонтальной и вертикальной держалках. Деталька пакостно мигала и в неравных промежутках времени меняла форму и, соответственно, баланс, вздрагивала и грозилась свалиться. Но нет, даже игры должны приносить пользу! Он бы с большей радостью пострелял световым пистолетом по голограммам из того же пластипола, но Джи раздражает суета за спиной, поэтому экзекутор сидел тихо.

Он надеялся, что после разделенных воспоминаний Джи станет ближе. Их связь будет интимнее. Он принял всё, со всем согласился, пообещал не лезть в своё прошлое! Он бы согласился на всё, лишь бы не причинять Джи ещё большую боль. Поддержать и утешить... Но Джи на утро заледенел и отстранился. Вообще выгнал... И отгоняет еще дальше. Решил что зря показал сокровенное? Зря поделился?

Стив балансировал деталями головоломки на векторах гравитации и страдал.

Уместил раскорячку на подходящее ей место и подхватил следующую.

Джи всегда закрыт. Но экзекутор тут для того, чтобы сканировать других для Императора. Не будет же он тайком лезть и просвечивать Джи. Для себя... Получится, что он не доверяет Богу и Императору?! Стив на секунду замер, чуть не уронив деталь. Нет, это будет предательство. Акт чистого недоверия. Да это просто неприлично!

Но он никогда не видел, чтобы Джи терял голову и, например, от всего сердца хохотал. Император улыбается отмеренно, говорит размеренно... Руками не машет. Когда Джи недоволен, то словно обрастает ледяной коркой и говорит еще меньше, чем обычно. Кричащего Джи он видел только в разделенных воспоминаниях. Ни разу не видел, чтобы Джи хотя бы почесался... Нет, совсем недавно Джи чесал нос, когда придумал мерзкий план с размножением арнов!

Вон Зак — всегда довольный и прет по жизни как арсава по тайге. Или Бни — шумный, счастливый, полон дом племянников. Джи один. Сам же говорил, что нельзя быть одному, вот он — Стив тут, рядом! А Джи опять отстраняется... Почему? Что он такого сделал, что Джи от него отдалается? Спросить прямо? Сканировать Джи он не будет — это казалось непристойностью. Джи не какой-нибудь там арн... Как понять, что Джи от него хочет, если он молчит? Кажется, Джи ему все таки не верит... Раскаялся в том, что допустил его так близко? Раскаивался ли Джи вообще когда-нибудь? Все-таки не верит...

— Крошка, — Джи попрощался с регентом и развернулся. — Ты так сопишь, что меня продувает.

Деталюшка упала и взорвалась радужными звездами, уничтожив два этажа башни.

Стив опустил руки и закрыл глаза.

— Прости...

— Скажи вслух, чем ты опять недоволен?

— Ты меня опять отсылаешь? — у Стива задрожал голос и он прикусил губу.

— Не жуй губами. Я думал, кварг избавил тебя от этой дурной привычки.

— Ты летал с арном с другим экзекутором? — держа каменное лицо и смотря в пол,

прошептал Стив.

— Тебе нужно, наконец, повзреть, — Джи фыркнул и похлопал по бедру. — Иди сюда. Сядь.

Стив опустился на пол и прижался к Джи.

— Я понимаю, — продолжил Император, — что я взял тебя ребенком и ты еще не наигрался. Но ты ажлсс и должен работать на общее благо. Личные дела и привязанности находятся на самом последнем месте. Ты забываешь, что я не только император, но и экзекутор. На практике мне не нужно сопровождение.

— Прости...

— Прощение тут ни при чем, — Джи отвесил легкий подзатыльник. — На моей шее вся Империя, и мне не нужен еще экзекутор с обидами. Я даю тебе шанс. Год в семейной атмосфере арнов должен поставить твои мозги на место. Ты должен решить сам, хочешь ли ты со мной работать.

— Или что? — неслышно прошептал Стив.

— Или мне не нужен такой экзекутор.

— Ты убережешь меня в крилод? — кажется, даже воздух заledenел.

— Это зависит от тебя. А сейчас иди и поменяйся в арнеку. Держи, — на колени Стиву упал чип. — Можешь поменяться сам, но лучше в инкубаторе. В зале же и поживешь некоторое время — на базе нет лучшего места для тренировки.

Стив на секунду замер, но молча сжал чип с арнечьими кодировками, поклонился и пошел, куда послал его Джи. В голове дергались обрывки мыслей. Хотел поблагодарить за доверие, но не нашел слов... Хотел спросить, но что?! Джи всё-таки ему не верит. Проверяет, насколько он хорош как экзекутор? Насколько послушен?! Боже... А он думал, какая радость и главное — вернуться... Арнека — какая дрянь... Он не хочет никого рожать... Джи это специально! Нужен ему Вроаррист, как же...

Глава 28

Сватовство

Капли крови из ран. Всё молчком.
Тихо тут и темно. Здесь мой дом.
Где-то звезды, ветра и туман...
Рядом пыль, писк мышей и обман.

Страшно встать, двери нет. Нет окна...
Не дышать, не смотреть! Я одна.
Искра чахнет и тает свеча.
Сам себе — хуже нет палача.

(дневник шестой Крошки)

* * *

Джи выбрал крепкие штаны с любимым, уже заметно потертым кожаным ремнем. Похоже, Крошка перекопировала тягу к кожаным вещам от него, усмехнулся про себя. Надел через голову рубашку с застежкой-жучком под горло. Охотничью непродуваемую куртку и непромокаемые ботинки на толстой подошве. Всё отлично сидит, не сковывает движения, как камзол для официальных приемов. И все можно быстро с себя скинуть.

В этом костюме он периодически исчезает на свободу. Растворяется вне системы на редкий отдых без постоянно требующих внимания людей, техники и Крошек.

Но сейчас на очереди договор с Вроарристом. По-рабочему, никакой помпезности. Первая встреча прошла вполне результативно. Крис привел старого арна к базе. Арн, что думал, то и говорил, тайных целей не имел, даже в мыслях не вилял и это хорошо... Но теперь Император все-таки должен прийти к арну, чтобы обозначить и закрепить позиции. Ритуальная драка реальна.

Вроаррист попался на любопытстве. Теперь надо плотнее привязать его на желании возродить свой род. Удача, что еще бывают такие личности, чей эгоизм может быть использован на общее благо.

Открыл футляр с короной. Провел пальцем по обручу, отозвавшемуся синими вспышками инкрустации. Нет, имперские символы брать с собой не стоит — если случайно обронит во время драки, то это может спровоцировать арнов. А снимать перед дракой — может получиться еще хуже. К тому же, это не визит к зацикленной Яо, которую хоть к инкубатору не пускай, но дай поиграть в протокол и покрасоваться в традиционном наряде предков. Императору не нужна корона, чтобы быть Императором. Да и арнам пока плевать на имперские протоколы и деловой визит — не время для их обучения.

Но как непрофессионально получилось! Проморгал... Тщательно же все просканировал. Всех людей собрали, даже обрубки идентифицировали. А дикого арна не заметил. Спасатели нашли несколько арнов, разрубленных переносом. Границу по всему периметру мгновенно

поставили. Все было сделано как по часам. Вот и успокоились. Его вина, что не убрал оттуда людей. Но Бни уперся — еретиков ни к чему лишний раз беспокоить, они и так живут на окраине общества. Толк бы хоть какой от них был. Но нет, эта искра не работает, как планировалось. Не идет в народ. Еретики трусливо сидят по берлогам, хвостами накрылись, носа не высунут. Лишь бы их не трогали.

Тот Джи их изолировал, а он... Он берег Хану и не решился выпустить еретиков в мир, надеялся, что Хана одумается. Ждал. Дождался. Дочь потерял, базу потерял...

Оглядываясь на прошедшие годы, видел, что изоляция еретиков была ошибкой... Уже достаточно людей погибло, и погибнет снова...

Зато сейчас не искра, а целый костер прилетел. Но не выпустишь же арнов в народ, не взвесив все возможности и сценарии. Особенно Тадейских репликаторов! Вот вам еще один ненормальный Император. Хочешь не хочешь, с ума сойдешь и начнешь шархаться от звука упавшего волоса...

Техники изучают альтернативные энергоносители, собирают экспедицию. Когда всё будет готово, он найдет Мирта. А пока, чтобы заткнуть глотки консерваторам, надо убрать арнов от Лакстора и заложить основу будущих связей. Для воспитания арнов пригодится арн-гвардеец. Да еще бывший вожак и основатель рода.

— Вик, — Джи включил запись для секретаря. — Я еду на Территории максимум на три дня. Для всех — я не принимаю. Морфологи знают, что я на Карао. Джул предупреждена, но для экстренных случаев и для Джул связь через Крису. Да, я подтвердил снятие карантина и личное участие в празднике на Тольрау через две декады — можешь прорабатывать мой визит.

Сунул во внутренний карман два немых, ненастроенных крилода, закрепленных на пластиметовых шнурах.

Подхватил контейнер с едой на двоих — впереди шесть часов полёта. Пообедает с Крошкой так, как она любит, по-простому с тарелками на коленях или на полу.

Отвезет Крошку, а к возвращению Генри разбудит Марка. Настоящего. Который постоянно всюду лезет, но хотя бы не стремится влезть на трон. И реальный Марк никогда не сможет открыться до уровня Крошки, тренируйся он еще столетие или два. Поэтому и существует в запасных. А настоящий Крошка давно мертв... Ариш. Здоровенный как арсава и такой же прямолинейный, Ариш получил шутовское прозвище по контрасту — от противоположного. Это было смешно, как Ариш — опытный аренный боец — удивился. Когда декодер, пропустив пару сотен человек, выбрал именно его. Биополе Ариша практически точно совпало с экспериментальной матрицей, составленной для потенциального экзекутора. Предпоследний Джи был истинным садистом — искать экзекутора методом дыбы и кровопускания. Есть же цивилизованные способы. Есть же учёные! Всего ничего — пятьдесят лет исследований, и приблизительная матрица была подготовлена. Ариш согласился на стимуляцию — любопытство страшная сила. Любопытство и жажда еще большей силы. Даже смог раскрыться, но заигрался и увлекся. Решил, что сила есть, а ум приложится. Вот и осталась от него только память, как переходящая кличка.

— Крошка, идем, — Джи распахнул двери тренажерного зала.

С кровати, не торопясь, встала маленькая арнека с нежным шоколадным пушком на скулах. Встала и безвольно уронила руки вдоль тела, до его прихода чинно сложенные на коленях. Оранжевые шаровары, груботканная хламида и поверх всего вязанная жилетка до колен придавали обманно объем и коренастость изящной фигуре. Глупышка! Все-таки

самовольно подправила запланированный облик. Вроаррист скажет, что ему пытаются подсунуть неполноценную малохолдную самку.

— Я тебе не разрешал корректировать арнеку.

— Прости, — равнодушный голос. — Но мне было неудобно. На репродукции изменения не отразятся, они только внешние.

— Возьми вещи.

— Извини, — арнечка нагнулась за приготовленным Генри баулом, сшитым из мешковины, и пошла следом, держась строго по уставу для экзекутора.

Смешная! Обиделась. Но хорошо, что даже обиженная не желает ему зла. Не прокручивает в голове планы ужасающей мести. Не пытается повлиять на него фантомом. И даже не закрывается.

— Закройся, пожалуйста. И замаскируйся. Не надо, чтобы видели арнеку, гуляющую по базе, — Джи слегка покачал головой. В технических коридорах никого, но осторожного бога и вселенская бездна побережёт.

* * *

Крошка продолжала дуться. Уперлась — залезла в багажник. Туда же отнесла свою порцию, когда он позвал ее перекусить. Закрыла перегородку и сидела за ней невидимая и неслышная. Это было кстати. Можно было отключиться от её присутствия. Остаться одному в имитации полной свободы.

Позади остался широкий пояс безлюдных, но охраняемых земель. Впереди вздыбился горный Фарной, ставший южной границей Территорий.

Временные лагеря по периметру разъехались. У генераторов силового поля осталась только сменная служба. Приложив руку к сенсору и снова подтвердив себя биополем, Джи провел флаер над мелкой речушкой и сбросил скорость в узком ущелье. Река вытекала из недр Фарнойского хребта, и единственный путь на новую Северную базу вел по расширенному руслу потока. С базы на Территории вел километровый туннель. Шлюз открывался на дорогу арнов, в результате переноса бессмысленно упершейся в скалу.

А вот и водопад! Джи круто положил флаер на левый бок и влетел в устье пещеры. Можно было отдать управление автоматике, но Джи выключил навигатор, назойливо рвавшийся к управлению. Он сам с очевидной простотой проскальзывал в узкой извилистой дыре в огромной массе гор, то и дело ныряя в воду и удерживая стабильность флаера под изменчивым напором воды. И вот — слегка замерло сердце, и Джи невольно улыбнулся, когда флаер выстрелился в кажущуюся бесконечной тьму громадной пещеры. Каменный небосвод искрящихся кристаллов над матовым отсветом тёмно-зеркальной воды. Озеро было таким чёрным, что казалось, это сама всемирная бездна обернулась жидкостью и затаилась. На самом деле, вода была прозрачна, а Кристофер сообщил, что он даже плавал в этой ледяной тьме.

Высоко над водой, на другом конце пещеры, приветливо открылся светлый шлюз на парковку.

Джи оставил флаер и махнул кистью в беззвучном приветствии — у внутренних дверей стоял регент — и выбежал на край карниза. Хотелось раскинуть руки и прыгнуть в искрящуюся тьму, как в космос...

— Приветствую тебя, мой Император, — отозвался регент, не делая ни шагу навстречу. — Не вздумай прыгнуть, под карнизом нет воды, зато торчат камни. Для купания есть место вправо — там удачная ниша и подходящая глубина.

— Хорошее место ты выбрал, Крис, — голос гулко резонировал под сводами. — Я не знал, что у нас есть такая красота. Сюда бы еще подсветку, вон на те сталактитовые заросли...

— Сколько гвардейцев возьмешь в конвой?

— Ни одного. Я пойду один. — Джи вернулся к флаеру за плоской и широкой сумкой. — Я на всякий случай взял императорский камзол, но я не арнека, чтобы меня сопровождали. Помнишь? Это все моё.

— Как скажешь, мой Император, — регент сжал челюсти. — Надеюсь, ты воспитал преемника.

— Преемник подождет. Конюшню я найду, — Джи открыл багажник. — Крошка, вылезай. Сумку возьми. Мне не нужен контакт, — обратился он снова к регенту, — чтобы слышать о чем ты думаешь. Но мне нужна комната, где я могу оставить на время Крошку.

— Закроешь у меня — у нас пока нет свободных помещений, — продолжил регент нейтральным голосом, широко шагая рядом. — И хорошо, я скажу вслух. Во-первых, возьми броню. Мы забрали их ядовитые стрелялки, но они могут сделать новые — пирралея именно сейчас цветет и полна ядовитым соком. Во-вторых, я поеду с тобой. Это моя территория, и я должен сопровождать тебя. — Крис замолчал, выдерживая прямой взгляд Императора. — Вроаррист ждёт тебя завтра.

— Завтра и приеду. Броню не возьму — потренирую скан. Мне принадлежит Империя, чего мне бояться?

В начерно прорубленных проходах кишели роботы-комбайны, андроиды и профессиональные строители-люди, занятые отделкой и устройством. Всюду на подхвате мелькали одетые в цивильное гвардейцы из отряда регента — помогали создавать свой новый дом. Ажлисс, увлеченные ручным трудом, провожали недоумёнными взглядами арнеку, не всегда замечая Императора. Когда замечали, то здоровались с начальством без особой спешки: мысленно или жестом. Улыбались и кивали, иногда поднимали раскрытую ладонь. Император вспомнил о Лучах Любви и начал было отвечать ласковыми фантомами, но у регента всколыхнулась неприязнь, и Джи улыбнулся уголком губ: «Твоя вотчина, твои правила».

«Нет, Джи, твою любовь я выдержу, — регент обогнал Джи и свернул на лестницу. — Но тут много людей, а им не обязательно задумываться, с чего бы это вдруг их овеяло божеской благодатью».

Они спустились пешком на третий уровень в жилой сектор базы.

— Арнека может посидеть здесь, — Кристофер открыл дверь. — Кровать там есть. Саппэ я пришло.

Крошка дождалась, пока Император с регентом удалились и с силой шарахнула сумку с арнечьей одеждой в каменную стену. «Посиди там, посиди тут!» Тут даже разбить нечего: грубо обтёсанная пещера с прикрытыми временными нашлепками дырами для проводки, обогрева и вентиляции. На боковой стене панель системы с выдвигаемым экранчиком, коробки, ящики. Потыкала пальцем в сенсор панели — глухо! В свою комнату пустил, подхалим, а систему отключил, гад паршивый!

Во второй комнате точно такие же шершавые стены, зато перпендикулярно к стеллажу

со шмотками приткнулась узкая раскладная кровать. Ни одной двери, кроме входной, в апартаментах регента еще не было.

В третьей комнате даже гигиенический угол красовался без ширмы. Опять ящики-коробки и — тьфу! — четыре ручной работы стула с ассиметрично изогнутыми спинками, завитушками и рюшечками. Словно регент упер мебель из будуара сияющей блондинки Саппэ, не будь она андроидом...

Легла на пол и подложила под голову сумку. Хорошо, она подождет. Но открылась дверь, и явилась Саппэ — привезла столик с готовыми рационами и портативную кухоньку, для самой примитивной готовки.

— Саппэ, принеси мне постель, я не буду спать в кровати регента!

— Прости, Стив, но мне сказали принести только еду.

— Что за бред, я же не в изоляторе!

— Мне больше никаких распоряжений не было.

— Будут тебе распоряжения... И я не Стив.

— Как мне тебя называть?

— Никак не называй. Знаешь... Включи тут систему или принеси мне комм.

— Здесь нет подключения. Система работает только в трех точках на техническом этаже.

— Боже... Я же тут от скуки сдвинусь! Игрушку какую-нибудь найди. Пластипол. Арбалет или ножи у вас в спортивном зале есть? И одеяло, я своё забыла взять!

Андроид вскоре вернулась с универсальным одеялом на плече, а в руках принесла полуавтоматический арбалет и коробку.

— Спасибо, — Крошка кинула одеяло на неработающую панель системы. Открыла коробку с эмблемами гвардейского склада — та была битком набита обоймами с болтами. — Ага, теперь можно выдержать осаду диких арнов!

— Арны на нас не нападают, — резонно заметила Саппэ и подала Крошке красный мячик со скошенным боком. — Вот. Пока тут система не работает, можешь меня вызывать по интеркому. Нажмешь, я включусь и отвечу. Но часто не зови — я стены полирую на втором уровне.

— Можешь идти, на ближайшие полдня ты мне не нужна.

Крошка прикинула расстояние: если встать у стены рядом с панелью, то насквозь, через анфиладу дверных проемов, будет неплохое расстояние. Теперь надо сделать цель. Крошка задумчиво осмотрелась. Стулья портить не хотелось — они не виноваты, хотя и аляповаты...

* * *

Несмотря на несогласие Джи, Крис снял со стройки четырех гвардейцев — не подобает Императору ездить без сопровождения. Не сильно счастливые ажлисс — доделать базу им хотелось больше, чем скакать по лесам — прибежали к конюшне в полном параде. Благо, склады с одеждой были в самом начале выходного туннеля — база не успела разрастись.

Император перекинул скан на окрестности шлюза и вывел снаряженного коня вслед за регентом. Двухрядная дорога, засыпанная утоптаным гравием, углублялась наискосок в голубой лес. Серо-зеленые кроны с длинными матовыми листьями колыхались на легком ветру как старушечьи патлы. Со стволов и нижних узловатых ветвей свисали бороды синего

мха. Рядом с воротами пробивалась зеленая трава.

— Как тут блекло и тускло, — Джи сел на лошадь и подтянул подпруги.

— Я мог его сюда привести, — регент, держа лошадь в поводу, облокотился на седло. —

И не надо было бы мотаться туда-сюда.

— Крис, ты же понимаешь, — Джи пустил коня шагом по кругу, — что для такого разговора лучше прийти к нему домой?

— Даже если будем гнать, то всё равно приедем под утро, — Кристофер оттолкнул морду своей кобылы, взявшей его губами за ухо, и натянул противоположный повод, чтобы лошадь не могла обернуться.

«Лошади откалиброваны на мысленное управление. Прикажи, и она будет стоять смиренно», — Джи постарался спрятать эмоциональную окраску сообщения.

Регент проигнорировал, упорно глядя в открытый шлюз базы.

Джи немного подождал и добавил вслух:

— У меня нет свободной декады, чтобы прогуливаться по лесам, к тому же иногда биологическому организму полезна стрессовая нагрузка, — и выслал кобылу рысью по дороге.

Из зева туннеля галопом выехала четверка всадников.

Регент хлопнул свою лошадь по шее и на ходу забросился в седло, догоняя Императора во главе маленького отряда.

Скачка, перемежающаяся кратким отдыхом, продолжалась остаток дня и всю ночь.

— Сюда, — под утро регент сбавил темп и повернул на недавно созданную просеку.

Понемногу рассветало. Из куч, собранных по сторонам временной дороги и прикрытых утренним туманом, торчали ветки и выкорчеванные пни. Копытца коней бесшумно утопали в перекопанной земле.

— Он обосновался на удачном месте, сейчас на холм, лес кончится и вниз, — пояснил регент. Его голос глухо вяз во влажном лесу. — Нам пришлось сделать проток их реки до Иктиньи, а верховья присоединить к источникам Саары, но место они выбрали красивое. Высокий берег, излучина, на другом берегу луга.

«Нас пасут, но не показываются, — ответил Джи. — Держитесь сзади».

Спешился с лошади, как только дорога снова пошла под горку, и приказал лошади стоять. В подлеске засели два четвероногих арна. Джи спровоцировал их фантомом и позволил броситься на себя. Схватил обоих за шкурки и одновременно прижал к земле:

— Я вожак всех арнов и людей Империи. Марш к Вроарристу! Предупредите его — я иду!

Отпустил.

Арны хныкнули что-то невразумительное и исчезли за деревьями.

— Едем! — Джи вскочил на лошадь и погнал к виднеющимся в первых лучах рассвета низким избам. Пролетел мимо кольшков, обозначающих будущую торговую площадку, мимо самоходов под хлипким навесом, и спрыгнул с лошади у первых сараюшек.

«Останьтесь тут. В поселок и к Вроарристу я пойду один!»

Уставшие лошади встали, тяжело вздымая потные бока. Один из гвардейцев поймал брошенную Джи лошадь за поводья и вернулся к отряду.

Джи прощупал сканом дома и небольшие постройки в беспорядке разбросанные по недочищенной луговине. Ага, вон там... В большой приземистой избе... Низкая деревянная

дверь, примерно по плечо среднему ажлисс, распахнулась навстречу и Джи отбросил фантомом в сторону вдоль стены виденного им «пограничника», создав тому испуг и почтение. Уже двуногий и в штанах арн упал на четвереньки и склонил голову, освободив проход человеку.

Джи расстегнул куртку и, не глядя на арна, решительно вошел в дом. Пахло свежими опилками, смолой и немного дымом — Крошке тут понравится... Миновал тесную прихожую заваленную обувью. Прямо, через высокую дверь увидел сканом внутренний крытый двор. Свернул в коридор с жилыми комнатами. Вроаррист с членами своей стаи собирались там, в большом помещении слева.

Арн-пограничник, думая, что о нем никто не знает, прокрался в дом и затих сзади, стараясь оставить между собой и человеком одну закрытую дверь.

Вроаррист услышал и встал по центру... кухни? Да... Большая печь с трубами отопления, зачем-то выведенными во двор. На столах разложены плоды, мука, посуда... Неважно!

Неприкаянные одиночки — «род Вроа» — отошли по углам и толпились в коридоре за Вроарристом.

Как только Джи переступил порог, арн присел на корточки, касаясь одной ладонью пола:

— Правитель всех, я принимаю твою власть и воздаю тебе уважение.

— Вожак рода Вроа, я принимаю твоё уважение, — ритуальная фраза была наготове почти во всех головах. Джи произнес её вслух и сел к столу. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

Вроаррис встал и оглянулся. Около десятка арнов в комбинезонах или простых рубашках и штанах молча прошли мимо, опустив глаза — новое поселение требовало работы с раннего утра. Оставшиеся попятились, и дверь закрылась. Арн-пограничник тоже исчез.

— Правитель, тогда пойдем в ткацкую. В кухне надо готовить пищу.

При этих словах в голове арна появилась картинка: зал обложенный лакированными деревянными плашками и заставленный, словно картинная выставка, деревянными рамами. Но вместо картин в рамах было натянато оранжевое ворсистое полотно.

Джи первым пошел обратно к прихожей. Распахнул высокую, до потолка дверь и... шагнул вниз на голую землю. Над внутренним двором была остроскатная крыша, а перекопанная земля частично перекрыта балками для будущего пола. Всю правую сторону двора занимала неглубокая, но широкая яма.

— Скажите регенту, он организует вам канализацию с очисткой и фильтрацией, не надо будет рыть яму в доме. И можешь звать меня Джи, как я говорил.

— Э... Нет! То есть, да, я буду звать тебя по имени, Джи. Мы роем здесь не отхожее место. Это будет садок для оочар. В Логове, у нас дома, была осень, а тут весна. Пиррелея снова цветет, рыбы готовятся к кладке. Крис сказал, что зимой тут тоже все замерзает. Дикие оочары в реке будут спать, а домашние, если их немного прикормить, будут откладывать яйца в тепле.

— Почему ты не дрался, когда я вошел в твой дом?

— Я не сошел с ума, чтобы драться с тобой. Я благодарен. Мы бы не смогли так быстро отстроиться — у семей нет лишних инструментов. Срубленные деревья еще надо было сушить, а регент завез нам готовые брёвна для строительства. Мы пытаемся обходиться своими силами, но мой дом, приготовленный к свадьбе, моё имущество, всё осталось вне

переноса. Нехорошо все время брать. Мне сложно представить как, но мы отработаем и заплатим. Наш ткацкий зал просторен... Чем я могу быть полезен Империи и тебе?

— Ты уже стар, арны в твоём возрасте обычно растят внуков. В прошлый раз ты сказал, что тебе не к кому возвращаться, даже если мы найдем вашу планету. Ты думаешь и заботишься не только о себе и своем роде. Крис — человек, а у арнов должен быть свой вожак. Я думаю, что ты будешь хорошим регентом для арнов. Но для этого тебе надо стать частью Империи, стать ажлисс. Ты должен уже задумываться о смерти, а я могу предложить жизнь и после того, как твое тело не сможет удерживать твою душу. Но ажлисс не могут иметь потомство, поэтому сейчас я хочу предложить тебе арнеку на один год. Ты сможешь восстановить свой род, воспитать детей. Это не настоящая арнека, но измененный человек. Если все пойдет хорошо, то на следующий год вся твоя стая одиночек обзаведётся семьями.

— Почему вы, как родина Праотца, не можете создать еще арнов?

— К сожалению, Тадей уничтожил все данные. Потом проводились скрытые и редкие частные исследования, но они ничего не дали. Официально эксперименты по модификации людей запрещены.

— У нас другая легенда про появление арнов, но суть примерно та же... Я благодарен тебе за всех арнов, — Вроаррис помолчал. — Благодарен, что ты не уничтожил нас, а наоборот, принял и озабочен сохранением наших родов. Показал мне селения и уголья с высоты облаков.

— Ты же понимаешь, что я не мог взять тебя прямо к людям. Люди довольно любопытны, и могла бы собраться толпа, началась бы паника. Любой конфликт может привести к смертям, а ни люди, ни арны не живут долго. К тому же вас очень мало. Крис рекомендовал тебя, Лил его поддержала. Я поговорил с тобой, говорю сейчас и я тоже умею читать мысли. Возможность стать ажлисс надо заработать. Доказать, что ты действительно нужен Империи. Никто не может стать ажлисс только по желанию Императора. Но моё мнение главное, так как каждый в Империи, что бы он ни делал, служит лично мне. Я вижу, что ты сомневаешься, я подожду, ты же не собираешься умереть завтра? Я тебе дам крилод, но это мы можем обсудить по дороге. Поедем, я покажу тебе избранницу.

— Ты считаешь, что моя служба тебе когда-то в будущем — равноценна тому, что ты делаешь сейчас?

— Я Император. Правитель всех. Я живу долго и лично заинтересован в том, чтобы каждому в Империи было хорошо. Я иду на риск, вступая в сговор с командой Территорий для блага арнов. Но эта первая пробная арнека — официально моя часть, поэтому собой я могу рискнуть. Она на базе.

— Разве это разумно: Императору вступать в родство с измененным-одиночкой, запрещенным в Империи?

— Всё не настолько прямо, — засмеялся Джи. — Вы уже есть как народ. К тому же мы не будем кричать об эксперименте в каждой новостной ленте. Договор заключается между мной и тобой. Это дело Территорий и моё. Знает Лил, потому что она ваш дознаватель. Знает Крис — ваш регент. Знают ученые, которые будут следить за процессом. Но остальным пока знать не обязательно, чтобы не создавать слухов и ненужных проблем в случае неудачи.

Кристофер, ругаясь про себя, что ему надо бегать за эзекутором, открыл дверь. Крошка уже стояла в готовности. Узкая, но длинная дорожная сумка, надетая за лямки на плечи как рюкзак, возвышалась над головой. У ног лежал арбалет.

— Во что ты стреляла? — взгляд регента метнулся по сторонам и Крис рванул вглубь своих апартаментов. У дальней стены, на пирамиде из неповрежденных транспортных контейнеров, свисал ошметками бурых тряпок неясный ком чего-то, прикрытый разметеленной в решето коробкой. Регент с отвращением смахнул дрань на пол и понял, что это были завязанные в узел остатки походного одеяла, прикрытые коробкой из-под болтов.

Крошка удовлетворенно кивнула — Крис все-таки испугался! И бесшумно переместилась за дверь.

А Крис испугался снова, вернувшись и не увидев её на месте. Выскочил в коридор, склонился к самому уху и зарычал:

— Не смей шляться без разрешения. За мной!

— Как скажете, ажлисс регент, — скромно проговорила Крошка и заторопилась следом, не утруждая себя маскировкой. База для Территорий, на территориях арны. Вот одна из них тут. Это проблема?

В молчании и чуть ли не бегом преодолели длиннющий туннель до внутреннего шлюза.

— Иди, Джи ждет, — сообщил Крис в пространство перед собой, открыл ворота — щель только-только протиснуться! Сразу же закрыл и уже нормальным шагом удалился на конюшню, где гвардейцы ковырялись с фургоном.

Джи сидел на траве, скрестив ноги и подставив лицо солнцу. Вроаррист набивал свою таратайку канистрами с топливом и думал об обещании техников разработать менее вонючее топливо и вообще новые моторы, работающие на другом принципе. «Сумка туда уже никак не вколотится, — заметила про себя Крошка. — Не говоря о целой, хотя и маленькой, арнеке».

Арн даже ради будущей жены не приделся: потасканный и залатанный комбинезон жаждал утилизации. Ботинки же вполне еще новые, но забавные: подошва выгнута лодочкой так, что нога в ней утоплена, а шов, которым пришит верх обуви, не касается земли.

— Мирного тебе дня, Вроаррист, — Крошка внятно произнесла арнечьё приветствие и скинула сумку на дорогу.

— И тебе мирных ночей, — отозвался Вроаррист и захлопнул багажник. А потом просто присел на него. — Какая ты маленькая и молоденькая. Как тебя зовут?

Крошка замерла и беспомощно кинула вопрос Джи, однако Император уже отвечал:

— Ее имя Ариш Безродная. Она уже не совсем человек.

Вроаррист подошел вплотную к Крошке, разглядывая её:

— От тебя пахнет сыном Лил.

— Я не ребенок Лил! Она — ажлисс, у нее не может быть детей. Но у меня может. Раз так захотел Император.

— Ты рожаеть для чужих? Для тех кто не может?

— Нет, только сейчас, — сказала и испугалась. А если Джи решит ее оставить с арнами навсегда?!

Утешение пришло сразу с двух сторон. Джи обнял ее фантомом, а арн, учуяв её страх, нежно погладил по голове, оставив руку невесомо лежать на ее плече:

— Не бойся, я никогда не обижаю арнек. Даже старых и злых.

— Я не боюсь, это же просто работа!

— Хватит ли у тебя сил...

Крошка получила разрешение от Джи, чуть пригнулась и двинула болтливому арну под дых, вложившись в удар всем телом. Арн шустро отстранился и легко толкнул Крошку в плечо. А она, следуя полученному направлению, подсекла арна ногой в повороте.

Арн шмякнулся на задницу и засмеялся, запрокидывая голову:

— Твой удар был слишком слаб, но я упал! Ладно, не злись. — и добавил радостно: — Ты уже рожала? Ты измененная... У нас есть предания, что мы родились из людей. Люди создали арнов для войны, но не сделали арнек, чтобы безродные арны не имели семьи, а служили людям. Но арны проглотили души человеческих мужей и забрали себе их жен. Женщины рожали для арнов и умирали.

— Я не умру, — глядя сверху вниз процедила Крошка. — Всё будет как надо. Я знаю технологию процесса.

— Святой праотец! Она знает технологию! — Вроаррист обернулся к Джи.

— Все будет как надо, — заулыбался Император, подходя. — Ариш немного своеобразна. Но сделает так, как надо.

— Это просто, как отрастить еще какую-то часть, — скороговоркой пояснила Крошка, глядя в землю. — А потом избавится от нее. Я единственная, кто это умеет. Поэтому я подхожу для такой работы.

— Уф, — Вроаррист помотал головой. — Я благодарен тебе за доверие и согласен с твоим предложением. Все равно нам нужна тетушка-волчица. Вот и причина появилась переманить старую Хорху. Хорошо. Я согласен со всеми последствиями. Это, конечно, странно, но... Согласятся ли ваши женщины?

— Люди любопытны, — Джи одной рукой обнял Крошку. — У нас есть сказки и фильмы про оборотней. Они очень популярны, и многим захочется попробовать.

— Мне надо что-нибудь подписать?

— Нет, достаточно на словах. Не ты, ни я не страдаем потерями памяти, ведь так?

Искренне верю.
Верю и жду.
В небо вечернее уж не гляжу.
Чай охладевший.
Капает кран...
— Кто я?
— Не знаю.
— Где ты?
— Отстань! —
Слышу упорно в густой синеве.
Лес у избушки и что-то... Извне?
Тянется вязью густых паучин,
Тихих и липких безмолвных причин...
Стилус держу в напряженной руке,
Он не поможет бурливой реке.
Гейзером вырвется в темную ночь!
В землю всосется.
Что в ступе толочь?
Буду сидеть: ни жива, ни мертва.
Стилусом в сеть загоня слова.

(дневник шестой Крошки)

* * *

Бестолково торчащие пучки тонкой серой травы, засыпанные хрупкими веточками и скрученными в трубочки прошлогодними листьями, почти неслышно проминались под смешными, но непромокаемыми сапогами — модель «подошва-лодочкой» — тетушки-волчицы. Хорха более всего походила на плоского жилистого и сутулого мужика, по какой-то загадочной причине напялившего оранжевые штаны и праздничный сарафан, расшитый по подолу ленточками меха. Старая арнека куталась в вязанную накидку и была не в настроении — никогда уже ей не мчаться дикой волчицей на свадебном гоне. Даже чтобы помочь невесте откуда взявшейся маленькой неумехе — избраннице Вроарриста.

Крошка, изменившись в четвероногую — «волчью» форму, пробиралась след в след за Хорхой. Моросил дождь. Редкой дробью падал на спину и плечи. Сползал мерзкими змейками на живот и разлетался каплями с затвердевших от холода сосков при каждом шаге.

Размоченные комки дурман-мха черным прахом липли на шерсть. Влажный лесной мусор обнимал ноги. И руки, которые сейчас были тоже лапами. Ноги у арнов грубые, со слишком большим первым пальцем. На ладони у основания пальцев жесткий валик — для

ходьбы в звериной форме. Пальцы скрючены и подтянуты, но все равно касаются земли краем плоских когтей, опасных, как обломки ножей. Вспомнилось, как Вроаррист всего лишь ударом руки порвал горло Гверрцу...

Хорошо, что Крошка настояла на своём и оставила крилод вместе с вещами в фургоне. В такую погоду еще и мотающийся кристалл на шею — бр-р-р! Да и кто бы мог её тут убить? Немного радовало, что регент, как представитель рода невесты Ариш, должен был сейчас нести её вещи в дом к арнам.

— Ариш, ты слушаешь меня? Надо не только выбрать и отделить от стада годовалого оленя, но еще загнать его в нужное место, — Хорха еле-еле сдерживала негодование. Где это видано: делать свадьбу с одной неведомо откуда взявшейся арнекой! Время, подготовка, да и сама невеста — всё было не по обычаю.

— Да, Хорха. Я понимаю, Хорха, — Крошка не стала вытягивать челюсти, чтобы удобнее было разговаривать. Это Хорхе тоже не нравилось.

— Тут мало понимать, надо иметь опыт! Скажи, как ты узнаешь, что это годовик?

— У годовика спинной гребень короткий и весь темный, иглы светлеют со второго года. А у старых самцов, которые не нужны... — Крошка не выдержала и притушила негатив тетушки, навевая ей радость и ожидание успеха: Ариш — надежда, благодаря ей многие одиночки станут семейными! И арны не исчезнут в чужом мире. — Я умею охотиться!

— Настоящие арнеки учатся охоте с детства и гоняют стаей... А ты, да такая маленькая... Но дальше пойдешь сама, — Хорха снизила голос до шепота и остановилась. — Стая Вроа держит стадо. Как ты приблизишься, они стадо отпустят. Тебе надо выделить годовичка и загнать его, я показывала куда.

— Я помню! Я сумею, это же проще простого! Это же всего полтора броска, там негде заблудиться! — не будет же она говорить, что плевать ей на карту и что всё давно схвачено: и жених, и олень.

— Не бахвалься перед гоном, а радуйся мясу после! Закричишь, когда погонишь. Торопись и не шуми раньше времени! Беги! — Хорха подтолкнула Крошку и та, шмыгнув носом и пригибая голову от веток, полезла в заросли.

Вдали, на усике скана, мерцало стадо, которое с утра несчетное количество раз возвращали на «стартовую поляну» арны-загонщики. Крошка уже выбрала годовичка и держала его, поэтому ломанулась через лес не скрываясь и не переживая.

После примерно минут пятнадцати непривычных арнячьих прыжков, Ариш с треском вывалилась из кустов и села, отдуваясь и ориентируясь. Стадо удирало направо. Годовалый ежолешек крутился в центре поляны, всем своим видом показывая, что рад бы мчаться за соплеменниками. Влево, в сторону поселения, удалялись загонщики — видеть невесту не полагалось. Впереди светилась аура Вроарриста, сидевшего в засаде.

— Яй-йй-ёо-о-о! — заголосила Крошка. Погнала, повела оленя перед собой на легкой ниточке скана — круглая голубовато-пятнистая попа металась зигзагами, норовила удрать. В такт скачкам пустыми костяшками стучались друг о друга черные иглы на хребте.

— Я-а-а-й-о-о-о! — донесся визгливый крик Хорхи, открывая и подтверждая свадебный гон.

Неожиданно олешек шарахнулся вбок — наперерез выскочил один из загонщиков, возжаждавший невесты. Крошка скрутила его болевым шоком и, пробегая мимо, мстительно ударила когтями, раздирая чужаку плечо обратной регенерацией — не будешь пытаться! Швырнула вслед страх. Услышала скулеж напуганного арна и умчалась, довольная.

Вернула животное на нужный путь и направила его к широкому оврагу.

На склоне олень притормозил и высоко прыгнул, пытаясь перескочить седую тень, взметнувшуюся снизу. Не успел — арн вцепился в горло. Оба упали и съехали на дно в ворохе лесного мусора.

Крошка остановилась на краю: Вроаррист поднял окровавленную морду навстречу и выпрямился на четырех лапах. Внутри него шевелилось сомнение, смешанное с ожиданием, но и радость от красиво пойманной добычи. Радость, что невеста не подвела.

Крошка раскачала и усилила радость, обернула ожидание на себя — это её он ждал! Её! Вот она — уже близко! Счастье спускается к нему, сейчас прижмётся, обнимет!

Вроаррист присел, раскинул руки-лапы и поймал,дохнул горячей кровью в лицо. Легонько куснул за ухо: — Арришка!

Отбросил.

Рядом, лежа на боку, закидывал голову олень. Бил ногами, взметая листья. Кровь слабо пульсировала из разорванной шеи.

Вроаррист наскочил на Крошку сзади, провел когтями по спине и сжал в объятии, останавливая дыхание. Куснул за затылок. В мыслях билось только одно желание, а в ее собственной памяти объявилась самодовольная рожа Зака: «А вот в этом положении они спариваются»...

Крошка вывернулась, отпихнула арна и заторопилась, меняясь в человечесью форму.

— Я хочу лицом! — сама обняла, обхватила руками и ногами. — Не хочу как животные!

По телу арна прошел спазм, он заворчал, захрипел. Остро запахло псиной... Очеловечился. Подхватил ее на руки и посадил на тушу оленя. Навалился жарким телом, прижимая Крошку спиной к еще теплому шерстяному боку добычи.

Она на мгновение замерла — кругом возбужденные облавой и свадьбой самцы, могут напасть! Раскинула скан, опутывая фантомом окружающий лес и рыскающих арнов. Соединила всех в единое жаждущее существо. Впитывая и усиливая эмоции, утопила всё в резонансе разделенного чувства.

Кажется, где-то там с края накрыло и регента...

* * *

Молодожёны в молчании шли домой. Как обычные двуногие люди. Вроаррист тащил на плечах добытого оленя.

— Ариш, ты знаешь наши традиции?

— Моя информация основана на сокращенной памяти двух безродных, поэтому я буду просто слушать и делать как надо.

— Ты рука Императора, ты слышишь и управляешь другими. Там, в овраге, ты показала мне как ты чувствуешь и управляешь живыми? Я так понял, что через тебя наш союз был разделен между всеми членами стаи?

— Прости, это получилось нечаянно. Загонщики были недалеко, а мы были беззащитны. Пока я нагоняла, один загонщик вернулся и пытался поймать твоего оленя!

— Соблазн для одиночки был слишком велик, но я разберусь с ним.

— Я прогнала его.

— Это хорошо, но он не имел права вмешиваться. Пара договаривается еще перед

охотой. Гоним союз пары только скрепляется. Вмешаться в чужой гон — нарушить традиции. Джи говорил, что у вас нет постоянных семейных пар? Кто тогда заботится о детях?

— Империя большая — почти полсотни планет с разными народами и обычаями. Человек может выбрать, как ему хочется жить — хоть с парой, хоть с тройкой... А если родители не хотят или не могут заботиться о детях, то местный дознаватель найдет замену.

— Ухум... Джи рассказывал что-то такое, — Вроаррист поправил ношу. — И как часто у вас бросают детей?

— Никто никого не бросает! — неожиданно для себя Крошка обиделась за людей. — Людей же много и случается всякое. Но всегда кто-нибудь позаботится о детях. Тем более, есть специальные люди, которым нравится заниматься с детьми.

— У нас, если не могут родители, то детей приютит ближайший родственник. Но, Ариш... Мы не живем тройками. У нас не принято, чтобы семейная пара разделяла союз с остальными. К тому же каждый арн может определить по запаху, чьи это дети. В следующий раз, когда мы будем вместе, постарайся сдерживаться.

— Я... — Крошка онемела: да как он смеет! — Я — рука Императора и делаю свою работу! Как ты можешь подозревать? Твои дети будут твоими!

— Я предупреждаю тебя. Наши союзы на всю жизнь.

— Нет, — зашипела Крошка вполголоса. Они вышли в поле и уже была видна деревня. — На всю жизнь я — часть Императора. А с тобой — это работа. И как это ты — такой сильный, такой старый, оказался на охоте? Когда у вас союзы на всю жизнь?

— Арны смертны, мы не ажлисс, — Вроаррист скинул тушу и разогнул спину, разминая поясницу. — Моя семья умерла.

— Прости.

— Все хорошо, ты же не знала. Они заразились белой плесенью. Поэтому мы моем руки перед едой и не едим сырые внутренности животных — они могут быть заразны. Но да, случится может всякое.

— С ажлисс ничего случится не может... А у вас не было ферм, где выращивают чистых пищевых животных? Или вы не умеете проверять еду? А врачи были? Больницы? Тут для вас сделали лечебницу на базе...

— Не всё можно проверить и не всегда. И не всё можно вылечить. Когда ты заболел, главное, чтобы рядом был кто-то здоровый, кто бы успел тебя вовремя отвезти к лечителям. А я не был дома. Вместе с Рхайрсом, сыном моего брата, мы отвозили заказ в Эйррау. Я болванщик, делаю рамы для ткачей и одежные болванки. И мы вернулись в мертвый дом. Из моего рода только Рхайрс и остался.

— Вылечить можно всё! Можно же Территории вычистить...

— Ты думаешь? Просеять всю землю? Сжечь все опасное? Это невозможно. Ваши собирали для изучения всяких животных, пробы земли. Может, что и придумают. Помогли же нам со строительством и техникой. Да, у вас есть инкубаторы, которые могут вылечить любую болезнь, но мы не умеем летать, — Вроаррист вздохнул и снова взвалил свадебный труп на шею. — Но главный долг каждого арна — это продолжить свой род. Я всё сделал, всё приготовил и вот — авария. У нас была осень, а тут весна. Но... Я породнился с Императором. Вместе с тобой мы построим новый дом — дом нашего рода. Кстати, послезавтра я поеду на базу — забирать станки. Иначе какой я болванщик без инструментов!

Крошка обломил ветку и молча отмахивалась от хвостатых мух, облепивших рану

мертвого оленя, и по ошибке лезущих к живым.

— Ещё есть бабочки, — арн скосил на Крошку один глаз. — Они незаметно откладывают под кожу яички, а потом у тебя опухает рука или нога. Или шея раздувается. В реке живут пиявки и рыбы-иглы, которые питаются кровью.

— Ну и что? Тело ажлисс может усвоить все: и яйца бабочек и даже эту вашу плесень. А я сильнее любого ажлисс. Я могу отогнать пиявок. Только это нельзя никому больше говорить, — спохватилась и испуганно взглянула на мужа.

— Не бойся, арны вряд ли приняховались к Руке Императора. Они не узнают тебя. Ты сама не проболтайся.

Крошка скисла: ну вот, теперь надо помнить, что говорить, а что нет. Обалдеешь же! И еще это «породнился»! Она не родня Джи. У ажлисс нет родни! И она ничего строить не собирается. Родит арнят и уйдет. Её всё это не касается! Но в дом зайдет с превеликой радостью — достало уже бегать голой и мокрой. Хочется под крышу: высушиться и одеться. Пообедать тоже не помешает — с утра голодная!

Растоптанная слякотная тропинка вела через луг к разбросанным в беспорядке светлым избам с частично недоделанными крышами: там и сям в небо торчали голые стропила. Вдали, у невидимой просеки, соединявшей деревню Вроа со старой дорогой, шастали два биомеха, ковыряясь в почве суставчатыми ногами. Потом оба дружно потянули и выдернули пень. Один ускакал с этим пнем на край поля и отбросил его в кучу подобных коряг, а потом отстегнулся от паукообразной приставки и на руках перебежал к тяжелой машине с плугом. Вскарабкался, вставил кончающееся в поясе тело в гнездо коннектора и поехал пахать. Крошка выпятила челюсть — за пределами Территорий явно никто знать не знал об очередном нарушении закона! Киборги были разрешены только на Ломиб, как традиционная часть цирка регента Яо.

— А вам не мешает неестественность биомехов? — противным голосом спросила Крошка. — Они же не совсем живые и не совсем механизмы!

— Это же техника. А нам надо выжить, и сделать все сразу мы не успеваем. С ними очень просто работать: достаточно сказать и не надо долго учиться. Биомехи обрабатывают поля, мы строим. Доделаем ткацкую и сможем начать расплачиваться. Крис говорит, что наша ткань будет продаваться по всей Империи. Осенью соберем урожай, и постепенно всё отработаем.

Крошка пожалала плечами — ну и пусть. Это не ее проблемы!

Деревня уже была близка. Хорху стояла под козырьком на крыльце широкого центрального дома. Её оранжевые штаны буквально светились на фоне блеклых комбинезонов встречающих.

Стая разразилась счастливыми воплями и закрутила карусель общих объятий и поцелуев. Оленя тут же утащили под навес к ближайшему сараю — разделявать.

Крошка вцепилась в мужа и зажмурилась. Кажется, ей раз двадцать вылизали лицо, пообжимали и обхлопали всё тело.

В общем вихре радости была и зависть, ревность, злость и даже желание убить, но разбираться, где чьё было сложно, некогда да и незачем: никто никогда не излучает чистые эмоции, кроме детей или особей под влиянием экзекутора.

— Достаточно, эдак мне жену помнёте, — Вроаррис вдернул Крошку на крыльцо, подтолкнул в дом и захлопнул дверь. — Не бойся, тебе все рады.

— Я не боюсь. Я не привыкла, что меня все хватают и лизнут.

Хорхи не было, а посреди прихожей стояло полупустое ведро с водой. Среди арновских сапогов с подошвой лодочкой и войлочных шлепанцев, Крошка заметила и свои армейские ботинки. Значит, её вещи уже тут. Кинула скан и обрадовалась — Крис уже ушел.

— Мы открыто радуемся членам семьи при встрече. Но когда мы волки, то заходим в дом через задний вход, — Вроаррист сунул ногу в ведро с водой. — Тут входим только как арны. Потому что обувь можно снять. Лапы же надо мыть. У волчьего входа встроена купель. Дверь прямо — это ткацкая, пока еще не готовая. Кухня и комнаты направо. Пудреница налево, — Вроар вытер ноги о расстеленные рядом с ведром рваные тряпки и оттер местами заляпанную глиной и кровью шерсть.

— Что налево? — Крошка отполоскала ноги и руки в холодной воде.

— Налево хозяйственный коридор с кладовыми и инвентарем. Пойдем. Ткачей пока нет, но мы можем приготовить им пищу, — Вроаррис подтолкнул жену в боковую комнату. Помещение было жарко натоплено и казалось пустым. Посередине из пола торчала перекладина на двух столбиках высотой по пояс, похожая на лошадиную привязь, а вокруг нее в полу было примерно метровой ширины углубление, как сковородка. Вокруг выстроились коробки со щетками и открытый бочонок с мелкой желтоватой крупой.

Вроаррист задержался у сложенной на лавке одежды и разложил ее на две кучки: для себя и Крошки. Его потасканный комбинезон лежал жалко и плоско рядом с новым свадебным комплектом Ариш. Не Гайдера, но и не универсальный же балахон на все случаи жизни!

— Белую мякоть так сушат, размалывают и кормят ткачей. Наш ящик первый. Обопрись о подставку, мне будет легче тебя чистить, — говорил Вроар и высыпал на макушку Крошке горсть крупы, протер горячей ладонью. Сильными, но мягкими движениями щетки прочесал по затылку, плечам, спине. Ритмичные волны убаюкивали и расслабляли, Крошка закрыла глаза, прогнулась и хихикнула: неудержимо захотелось спать.

— Эй, не засыпай! — усмехнулся Вроарист и всучил Крошке щетку. — Так не пойдет! Лучше сначала ты меня почистишь. А то разомлеешь и уснёшь без обеда, голодная!

Така краснела, впитывая воду и грязь. Падала слипающимися темнеющими комочками на пол. Седая шерсть Вроарриста, более густая на спине, плечах и бедрах, залоснилась, запахла свежестью и... яблоками?

— Ты становишься не просто седой, а перламутровый, как ракушка изнутри, — сказала Крошка, менясь с мужем местами.

— А ты будешь как пропеченный хлебушек, как раз к обеду! — Вроаррист смел рассыпанную по дну углубления таку и высыпал ее на спину Ариш. — Пудрой можно пользоваться несколько раз. Когда она хорошо потемнеет, то дает сильное полотно, — в голове у Вроарриста появилась картинка: крупные пауки-ткачи обгрызали красную кашницу, намазанную на тонкие травяные сети в рамах и на деревянные болванки для штанов и рубашек. Вместо сетки влетали в рамы ярко-оранжевый нежный, но крепкий паутинный войлок. С болванок снимали готовые шаровары и рубашки, плотные жилетки словно из пушистой пены. Прорезали и вшивали застежки — веревочные петли и деревянные пуговицы — в крепкую ткань. Светлое тонкое полотно и нижнее бельё пауки делают из свежей таки...

— Пойдем, оденемся и пообедаем. Нас уже заждались, — Вроаррист указал на лавку у стены, где была приготовленная одежда двумя стопками, а сам убрал использованную таку в ящик.

— Это сколько арнов надо вычистить, чтобы сделать штаны Хорхи?

— Много, но это же приятно? — арн погладил Крошку по блестящей шерсти на бедре. — Но на самом деле для пауков достаточно смешать таку с бульоном и добавить туда немного жира и ткань будет так же хороша.

— А где же ваша паучья одежда? — Крошка спихнула плоский футляр со свадебными ожерельями на комбинезон Вроарриста и оделась. — Да и остальные, кроме Хорхи, одеты не на свадьбу!

— Мы сюда попали с гона, без вещей, оторванные от дома. Хорха же была приживалкой в стае Сибрист, которая переместилась вместе с землёй и всем нажитым. Но нам нужна тетушка, и я переманил ее. Подожди, мы отстроимся, привезем ткачей и все будет. Подставляй шею! — Вроаррист достал и держал обеими руками наготове рукодельные бусы из проволоки с камешками и ракушками. — Оно не такое красивое, как сделали ваши мастера для меня.

— Спасибо, оно симпатичное! — Крошка поддела пальцем мелкие детальки бус: просто здорово, что самки и самцы арнов одинаково коротковолосы, иначе бы в этой красоте постоянно бы запутывались волосы! Но чувство, как от ошейника. И зачем эта символика на год?

— У нас принято делать свадебное ожерелье своими руками, — Вроаррист протянул Крошке свой свадебный знак.

— Мне не сказали, — теперь Крошка с чистой совестью пожала плечами. Затейливое плетение плоской цепочки расширилось в нагрудник полумесяцем. Посередине, окруженное растопыренными лапками крепежа, было пустое гнездо по форме и размеру крилода. — Но я и не умею ничего такого. Зато техники сделали красиво и надежно.

— Подожди, — Вроаррист достал из кармана два крилода: — Джи сказал, мой кристалл нужно вставить в гнездо.

— Почему два? — покатила кристаллы в пальцах. — Когда ты успел стащить мой? — Надела свой крилод на шею и заправила его под рубашку. — Вот этот твой! — покачала на раскрытой ладони крилод мужа.

— Как ты узнала, где чей? Они совершенно одинаковые.

— Ты проверял, узнаю ли я? Вот станешь ажлисс, научишься чувствовать биополе душой и руками, — вдавила кристалл в оправу, а шнурок — в специальные выемки, ожерелье срослось в одно целое, и Крошка застегнула его на мужниной шее. — Твое ожерелье из пластимета и ни за что не порвется. Можешь носить его и в волчьем виде. На вашей земле кристаллоэнергетика плохо работает и лучше, чтобы крилод был рядом, если ты вдруг умрешь.

— Меня убить не так-то просто. Пошли обедать, стая заждалась, поди.

В коридоре чувствовались кухонные ароматы: специи, вареное мясо и еще что-то явно съедобное. Крошка сглотнула...

В прихожей топтался и приседал молодой арн. Его черные бакенбарды были с проседью:

— Мать-волчица!

Крошка, ожидая бурных хваталок-обнималок, отступила за мужа. Вроаррист успокаивающе сжал её плечо и удержал рядом.

— Рхайрс, что случилось?

— Гонцы привели Серха. У него травма, и она неправильно заживает. Кажется, он не

сможет двигать рукой. Он ни за что не хочет идти в дом.

Крошка метнулась сканом — нашла группу арнов в сарае. А, Серх — это тот напавший...

Вроар на секунду задумался и потянул Крошку к выходу.

— Мы с ним поговорим, да, Ариш? Обедать надо всем вместе!

Крошка внутренне заостенела: она будет говорить? О чем?! Но, кивнула и сунула босые ноги в свои «армейские» ботинки. Ведро и тряпки уже были убраны.

Дождя тоже уже не было. Но тропинки были слишком грязны, поэтому Крошка пошла по траве. Промочит ноги и единственные ботинки? Ну и что? Никуда больше она выходить не собирается.

Под навесом, рядом с освежеванным оленем, горбился на корточках Серх, придерживая накиннутый на плечи комбинезон. Раненая рука безвольно лежала, скрытая за поднятыми коленями.

— Я уйду, я не хотел, — скулил раненый. — Но это несправедливо... Я уйду...

— Тебе некуда идти. Покажи руку.

— Прости, мать! — Серх вжался в землю, увидев Крошку. Комбинезон сполз с плеч, открывая уродливую травму. Мясистый кусок мышцы свисал над локтем, виднелась голая кость, затягивающаяся рубцом. Он и правда, никогда не сможет нормально пользоваться рукой — мышца обратно сама не прирастет. Надо обновлять рану, прикреплять связки на место. Арны все-таки не ажлисс.

— Ты меня прости, я не рассчитала, — Крошка засомневалась: сказать или не сказать? Она же может его вылечить прямо сейчас! Но тогда к ней начнут ходить со всей резервации, и она уже не скроет, что она не просто арнека...

— Ты напал на мать-волчицу? — зарычал Рхайрс и пнул Серха.

— Рхайрс! — Вроаррист оттолкнул неродного сына. — Не смей! Он ранен. Все заткнулись и вместе идем на обед. Ты, — он указал на Рхайрса, — поможешь ему почиститься. Серх, послезавтра я еду за станками и отвезу тебя к лекарям. Ты нужен стае — у нас много работы.

* * *

— Мать-волчица! — дружный рев встретил их на кухне.

Кухня по размерам напоминала небольшое кафе. Арны расселись за общим столом, сдвинутым из небольших столиков и расширенным снятыми с петель дверьми.

— Ариш, вымой руки и помоги Хорхе разнести обед, — подтолкнул Вроаррист жену к умывальнику.

Крошка возмутилась — она ажлисс! Ей немые руки никак не повредят. Но послушно вымыла руки вместе с мужем и перешла к котлу, собирая по пути миски из протянутых рук.

— Справилась, аришка! — Хорха обняла её и лизнула в ухо, представляя неуклюжего толстолапого волчонка с лицом Ариш.

«Джи нашел такое имя нарочно, — возмутилась Крошка про себя. — Знал, что аришка это ребенок-волчонок!» Подставила миску с желтым ободком под половник Хорхи и понесла к столу, выискивая глазами хозяина ёмкости.

Трое молодых арнов суетились с бочонком пива, толкаясь, ругаясь и мешая друг другу,

но никто их не одернул. Когда они, наконец, умудрились выбить пробку и, не пролив ни капли, наполнили большую кружку для молодоженов:

— От пива будет много молока, а дети растут быстрее!

Крошка попробовала с недоверием, но алкоголя там было совсем чуть, а пенистый и немного горьковатый напиток прекрасно утолял жажду и смывал с языка вкус жирного мяса из похлёбки. Густую мясную похлёбку (или жидкую кашу?) Крошка с мужем ели тоже из одной миски и одной ложкой, кормя друг друга по очереди.

— Мы всегда будем есть так, вместе? — тихо спросила Крошка, приподнявшись к мужнину уху.

— Нет, арришка, это только сегодня, — коротко хмыкнул седой арн.

Дождавшись, когда Серх с Рхайрсом присоединятся к обеду, Вроаррист встал:

— Стая! Мы в непривычных условиях. Я был снаружи и рассказывал... Нам надо выжить, а выжить мы можем только вместе. От того, насколько тут будет хорошо Ариш, сможет ли она родить первых волчат нашей стаи, зависит продолжение рода каждого из нас. Если все будет хорошо, то через год Император обещал найти арнек для всех, и мы сможем завершить охоту! Одиночки нашей стаи продолжают род и река нашей крови не иссякнет!

Хорха сидела во главе стола, ближе всех к котлу и печам, и часто вставала, раздавая лепешки, доливая в подставленные кружки пахучий отвар терпкой травы. Подсунула молодоженам маленький пирожок, начинённый перцем, и первая успела подать воду — запить эту жуть.

Крошка зажмурилась и выпила, кажется, все остатки пива, еле сдержавшись, чтобы не швырнуть в голову Хорхи блюдом с колбасой. А Вроар крепко ее держал и шептал, что пирожок символизирует все неприятности будущей семейной жизни. А раз она его не выплюнула, а смело съела, то теперь никаких бед не будет...

Ближе к концу трапезы Вроар притянул Ариш чуть ли не на колени и, зарывшись носом в волосы за ухом отчетливо подумал: «Встань и помоги Хорхе — это дело жены создавать дома уют, а после обеда поможешь ей тут все убрать и вымыть».

— Вроар, где у вас... отхожее место?

— О кстати! В предконюшеннике. Я покажу тебе всё наше хозяйство.

В задней части дома оказалась еще одна прихожая. Крепкая дверь отделяла дом от конюшни. Вроаррист на ходу приоткрыл и сразу же захлопнул боковую дверь:

— Купельня.

За ней Крошка отсканировала печь с котлом для воды, три ванны и ряд простых умывальников над жёлобом.

Вроаррист уже стоял на пороге конюшни, приглашая пройти дальше.

Остро запахло навозом.

— Мать-волчица! — жизнерадостный возглас.

Напротив конских стойл тянулась общая лавка с овальными дырами. На одном из отверстий сидел рыжий арн, со спущенным на пол комбинезоном.

Крошка вытолкала мужа назад к купельне и, закрыв за собой дверь, зачастила шепотом:

— Нет! Я могу ментально полюбить всю стаю сразу, но я не буду сидеть со всей стаей в туалете!

— Я должен построить тебе отдельный сарай? Мы собираем... — в голове Вроарриста появилась картинка, как содержимое выгребной ямы смешивают с соломой, раскладывают в

мешки и выращивают на этом грибы. Крошка с негодованием отбросила ненужную информацию.

— Наплевать на грибы! Но перегородку там сделать можно? Занавеску повесить!

— Ну, знаешь... Мы раньше вообще в угол к лошадям ходили, а тут, раз нас так много...

— Именно, что много!

Мимо, пригибаясь и с восторгом приседая перед арнекой, пробежал в дом уже одетый рыжий.

— И не ходи со мной! — Крошка, пользуясь моментом и, на всякий случай заблокировав все подходы к конюшне сканом, выскочила в туалет.

* * *

После обеда Крошка таскалась хвостом за тетушкой-волчицей — знакомилась с хозяйством. За конюшней, в отдельном помещении, втыкавшемся клином в ткацкий зал и отделанном негорючим пластиком, размещался энергогенератор.

— Зимой будем топить его днем и ночью, — Хорха поощряюще потрепала Ариш по плечу. — Пока же нам надо только воду накачать, морозильник, да чуть-чуть света вечером. А зимой целый дом прогревать, да зал ткаческий с оочами...

С северной стороны дома была полупустая кладовая с подвалом и морозильником, работавшим от того же генератора.

— В подвал спускаться не будем, там только ящики пустые. Но поля засеваются, охота бежит. Все, наружу выходить не будем, там мастерские, гаражи и арны. Мы арнеки — мы домашние! А в твоей стае много арнек?

— Нет у нас стай. И арнек тоже нет вообще. Я на самом деле человек.

— Я вижу, что ты неправильная, но мало ли. Арнеки нужны, без них нет стаи.

— Но вы же помните, что вы тоже родились из людей?

— Да, есть такие легенды.

— У меня есть другая работа и я должна поменяться обратно. Новые же арнеки станут арнеками навсегда...

— А что ты делаешь?

— Я воин...

Хорха не стала уточнять, а Крошка решила не рассматривать, что там крутится у старухи в голове. И так было видно, что Хорха не поверила в армейскую профессию мелкой и молоденькой арнечки..

* * *

— На кухне останется, как всегда, Мрайс с молодыми, — сказал Вроаррис, уводя Ариш сразу после ужина. — А ты присоединишься к ним завтра. Сегодня у нас весь вечер свободный. Вечер создания семьи.

У Крошки даже кольнуло в сердце, как эта пустая комната с низким потолком и маленьким подслеповатым окошком — такие бывали у сараев в поселках северных народов — напомнила ее жилье на базе. Нет, потолки у нее гораздо выше. И вообще светлее. Но

скудость обстановки... Огромный матрас прямо на полу — точнее, плотный мешок, набитый сухой осокой. На нем тонкий тюфяк, узким валиком длинная подушка и армейские одеяла. В углу несколько ящиков. Тоже, судя по обозначениям, из армейского склада. Рядом ее дорожная сумка.

Муж мялся, хотя излучал спокойствие и радость. Она на самом деле нравилась ему. Странно.

— Что ты хочешь спросить? — Ариш села на шуршащую постель, кинула жилетку на ящики. Вроаррист сбросил комбинезон к ногам и сел рядом. — Ты, и правда, хорошо ко мне относишься, — прошептала Крошка и потерлась щекой о плечо мужа.

— А как еще я могу относиться к своей жене?

— Но я же невзаправду жена...

— У нас все взаправду. А семья на всю жизнь. Скажи, — Вроаррис повернул Крошку к себе лицом. — Я могу верить вашему Императору?

— Конечно. Ажлисс никогда не врут. Они же видят мысли других.

— Я-то не ажлисс и не вижу. Я чую. Но Император умеет владеть собой, его запах совершенно не менялся, чтобы он ни говорил. Не то что твой. Ты всегда пахнешь поразному, хотя остаешься собой. Если я стану ажлисс, то тоже смогу слышать мысли и управлять чувствами?

— Сможешь, но не как я. Ты сможешь разговаривать мысленно, если будешь дотрагиваться до другого. Хотя некоторые ажлисс тоже могут управлять людьми, но для этого им тоже нужно дотрагиваться до человека. Люди все разные. Поэтому из них получаются разные ажлисс. Дознатели самые редкие — они могут видеть насквозь самое сокровенное, но не могут влиять. Некоторые люди, став ажлисс, лучше лечат, другие могут разговаривать мысленно на большем расстоянии. Но такие, как я, бывают совсем-совсем редко.

А еще ажлисс не могут иметь детей. Размножение ажлисс — это предательство человечества. То есть... Я могу меняться, а никто другой не может, и только я могу родить для тебя. Раз надо. Это ответственность Императора. Но все равно, чем меньше обо мне знают, тем лучше... Пускай я останусь просто экспериментом? Знаешь, я могу вылечить Серха, но...

— Серх потерпит, ему полезно. А тебя мы никому не дадим и не покажем — арнеки живут дома. Расскажи мне, как становятся ажлисс.

— Когда зарождается дитя, то сливаются две половые клетки, каждая из которых несёт искру жизни. Искорки сливаются и из них получается зачаток души, который растет вместе с зародышем, пронизывая его целиком. Когда тело достаточно вырастет, то сформируется и душа — сознание, личность живого существа. Душа держится в теле, пока тело способно обмениваться с ней энергией. Инкубатор может сплести копию любого тела и оживить его импульсами программы, тогда получается биоандроид. Но никакой инкубатор не может создать душу — она рождается только в момент зарождения ребёнка от на самом деле живых родителей.

Зато мы умеем выделить и поймать эту душу в крилод. Когда тело становится настолько слабым, что уже не может удержать душу, то твой кристалл перетянет твою душу в себя...

— Выходит, ты уже умирала?

— Да, пару раз. В инкубаторе это незаметно. Это как сон, ты уснешь и проснёшься в новом теле.

В лазурной траве с малахитовой дверцей
Небесный зайчонок укрыл моё сердце.
Сквозь снег золотистый на клюквенном поле
Он прятал тропинки лишь к счастью, без горя.
Малиновым мёдом, узором в цветочек
Украсил мой домик, не ставил он точку.
Надежду рассыпал... И снегом сверкая,
Мороз укрепил все мосты, застывая.
Но в доме моём и тепло и уютно.
Там чай ароматный на столике утром...
Печально лишь то, что мой маленький домик
Так мал, что невидим.
Его замечаем,
Когда невзначай на него наступаем...

(дневник шестой Крошки)

* * *

Крошка проснулась посреди ночи от голода. Темнотища. Сигнал единого поля системы, по которому многие ажлисс привыкли определять время, на территориях был неслышен. Зато настырно тикали, как глодающий стены жук-древоточец, механические часы — подарок Вроарристу от Лил. Два часа! Еще три, и будет утро, начнет просыпаться стая!

На всякий случай еще крепче убаюкала мужа и тяжело перевалилась на пол, встав на четвереньки. Двухмесячное пузо с близнецами серьезно мешало. Переложила недовольно хрюкнувшего ртула под бок мужу и, крадучись, вышла в коридор.

На десятый день после свадьбы Вроар вернулся с работы из деревни Ахрра и кинул ей шерстяной комочек.

— Лови!

Комочек в полете развернулся, растянул покрытую густым нежным мехом перепонку между лапами и ухватился за пальцы царапкучими лапками, обнял горячим тельцем руку. Помесь белки с кошкой? Летучая мышь? Маленький носик, большие круглые глаза, жажда мяса и удовлетворение от контакта с теплом. Крошка накрыла голову зверька другой ладонью. Белкомышь хрюкнула, завозилась, протолкала мордочку между пальцами и засвистела, открыв необъятную розовую пасть, утыканную двумя рядами игольчатых зубов.

— Что это? Беличья акула? — умилилась Ариш.

— Ртул, — Вроар отщипнул со стола и сунул зверьку в рот кусок вяленого мяса. — Моя первая жена их разводила. А я взял для тебя у соседей — там как раз новый помет подрост. Осенью найдем ему пару. Ртулы ловят в доме и в лесу всякую ползающую дрянь, но смотри

не впусти его в ткацкую — он там пауков пожрет.

Зверёныш вырос. Повадился спать в кровати, а жрать предпочитал на кухне, висая на плече у Крошки.

Ариш дошла до кладовой и прислушалась: все спят. Кроме двух дежурных, которые бредут по меже вокруг сараев. Опять вместе! Вроар на этих двоих еще прошлый раз ругался, что парочкой таскаются, а должны сторожить по разным углам. Но она их пока не тронет. Некогда.

Прикрыла за собой дверь и урвала палку колбасы со связки, висевшей с перекладины в гроздьях таких же колбас. А что? Она не виновата, что дети растут как ненормальные. Точнее, нормальные арнята... И ей самой тоже есть постоянно хочется. Не будет же она просить! А потом, она сама же колбасу варила и коптила! Теперь бы запить чем... Низко у пола и в самом дальнем ряду консервов, куда никто не полезет до весны, Ариш припрятала вчера и позавчера открытые стеклянные банки. Сладкий джем из ягод корытника и кислый компот из зеленых черенков таких... лопухов, названия которых она не запомнила. С недоумением обнаружила высокую шапку плесени, разросшейся из-под обеих крышек. Брезгливо засунула банки обратно. Открыла новую банку и напилась, оставив внутри ломкие и прозрачные кубики черенков. Теперь надо будет в течение дня заскочить и выкинуть в туалет остатки и плесень, а банки вымыть с очередной порцией посуды и подсунуть к остальным. А потом их используют для очередных консервов. Удовлетворенно вздохнула — теперь уже можно жить!

И вернулась в постель.

* * *

Тр-р-р-цинк!

В еще темной спальне задрезжал будильник, поставленный на пять утра. Боже, что за безумная рань!

— Просыпайся, Аришка! Щеняток тоже буди!

— Не зови меня аришка — я не ребенок! — Ариш, не открывая глаз, повернулась на спину. Большой седой арн — муж! — сидел в изножье кровати и смотрел на неё. Она потянулась и, млея от нежности, исходящей от мужа, от детей... Или это было её собственное чувство? Провела тыльной стороной стоп по его теплым бокам, заросшим редкой короткой шерстью. И вскрикнула — арн дернул ее за щиколотки, подтащил ближе и подхватил на руки. Она прижалась и обняла мужа, открываясь родной и уютной ауре.

— Или я сокращу тебя до Рисика, — хихикнула и мстительно показала затопленные поля и в них большую миску горячей серой каши, окруженной мокрыми рисовыми метелками. Вздохнула и положила голову арну на плечо. Вот так бы и сидела всю жизнь!

Она как-то испортилась с этими арнами, мужем, детьми... Забыла дисциплину. Первая пристаёт к Вроарристу, а он — её задание! Вообще перестала держать себя в руках. Вскрикивает. Джи был бы недоволен. Но его тут нет!

— Пускай рисик. Это полезное растение, — арн разбирал пальцами прядки волос жены. Крошка удивлялась сама на себя — у арнек волосы такие же короткие как у арнов. Но она по собственной воле отрастила гриву до плеч! И это ей нравилось!

— Конечно, ты не ребенок, — продолжал муж. — Ты у нас жадная сухопутная рыбка-

оочара, которая носит две самые любимые икринки! Поэтому пухнет и пухнет!

Ариш впустила мужа в замкнутый мирок объединённых сознаний: её и обоих детей. Маленькие, они жаждали только самого простого и почти постоянно излучали радость и довольство.

— Спасибо, что ты делишься со мной счастьем. Ты чудо! — прошептал Вроаррист и потерся носом о её щеку. — Я пока не могу взять на руки детей, но благодаря тебе я могу их чувствовать, как ты. Теперь мне совсем не страшно умирать!

— Конечно, не страшно, ты же не умрешь, а пойдешь в гвардию, Вроа-роа-роа-а, — Крошка, наконец, собралась с силами и встала. Отцепила от подушки толстого и ленивого ртула, чтобы по дороге выпустить его прогуляться, и пошла в сторону конюшни.

* * *

— Мать-волчица! — вежливый возглас рассеявшихся в отхожем месте арнов уже не шокировал.

Ариш кивнула и закрылась в личной кабинке. Милый супруг отгородил индивидуальный туалет для дорогой супруги на удивленье быстро. Замков не требовалось — арны при всей своей настырной любвеобильности и непосредственном отношении к отправлению естественных надобностей, были щепетильны ко всему личному. Кажется, даже воровство им было неведомо.

Проигнорировав вопли и шкрябанье ртула, ломившегося обратно в дом, Ариш заскочила в купальню и умылась. Все еще немного сонная, зашла в ткацкую. Встала на колени и откинула люк над бассейном с оочами, пошарила в углублении дна сачком. Аккуратно переложила еще мягкие, но быстро твердеющие на воздухе рыбы яйца в лунки корзинки-яйценок. К вечеру они затвердеют окончательно и их можно будет отнести в кладовку. Икринки после затвердевания были как гусиные яйца, что снаружи, что внутри. Разобьешь на сковородку — нормальная яичница. Арны не имели ни домашней птицы, ни дойной скотины. А так хотелось сыра и кофе! Она даже пересилила себя и при очередном визите Криса попросила принести к следующей диагностике немного кофе и молока. Но гадский регент, на секунду подняв к ней пустые глаза и отвлекшись от присосок тестера, которыми он обвешивал ее тело, заявил, что надо уметь жить по ситуации.

Оставила яйца на ящичке с кормом и взглянула на ряды ткачей. В полдень она вернется и сделает ткачам кашку из таки с бульоном, которой намажет пустые места на болванках и рамах. Ткачи прожорливы, как стая ртулов! А пока коротконогие пауки неподвижными кляксами спят на частично оплетенных тканью болванках и рамах и ждут, когда лучи встающего солнца пройдут сквозь прозрачное покрытие крыши.

* * *

На кухне на удивление не пахло лепешками, жареными на сале — любимым завтраком арнов.

— Хорха! Тесто убежало! — заорала Ариш.

Замешанное с вечера тесто, которое Хорха должна была ночью пару раз обмять,

вздулось холмом протоплазмы и оползнем лезло на пол. Скрыло под собой кадушку, растеклось по столу.

Ариш вернулась к жилым комнатам и постучалась в спальню тетушки:

— Тетушка-волчица, пора на службу! Тесто убежало!

Толкнула дверь и с удивлением оглядела пустую комнату. Кинула скан — в туалете нет, в ткацкой нет, вообще в деревне нигде нет! Ну, готовить завтрак одна она не будет! Что-нибудь обязательно сгорит или недоварится. А потом ее же и слопают вместо завтрака. Ариш потрусилась обратно на кухню и ага! Вроар уже был там: сгребал и заталкивал тесто обратно в кадушку.

— Ариш, что у вас с теткой тут творится? — арн выдернул из печи противень и начал перекидывать на него тесто с пола. — Ничего, все доброкачественное, — среагировал на удивленное лицо жены. — Запечется и будет чистое. Полы вчера мыли...

— Хорха ушла, — наябедничала Ариш. — А я не буду готовить сама! Опять что-нибудь испорчу.

— Так это ты тесто упустила?

— Нет, Хорха должна была следить...

— И куда это тетка ушла, никому не сказав?

— Откуда я знаю? — и снизив голос до шепота Крошка добавила: — Но я проверила, её вообще нигде нет в деревне.

— Эй, Рхайрс, — крикнул Вроар в коридор. — Хорху видел? И зови сюда ночных дежурных.

Рхайрс забежал в спальню Хорхи и тут же выскочил.

— Она не спала у себя! Её запах старый.

— Ариш, — Вроаррист закрыл дверь в коридор и посмотрел в глаза жене. — Можешь использовать свои умения ажлисс и найти её?

— Это не умения ажлисс, — буркнула Крошка и раскинула скан. — Это мои собственные умения!

Тетушка-волчица обнаружилась босая и голая. Бежала в десяти километрах на запад по самому центру длинного языка леса, разделяющего владения трех стай, и приближалась к землям стаи Раввао, с непреклонностью автомата продираясь по буеракам. Хорха жаждала только бежать вперед и вперед! Но экзекутор сильнее! Крошка остановила старую волчицу и схватила Вроарриста за руку, чтобы показать ему мысли Хорхи и лес ее глазами.

— Ариш, она одержима! Можешь ее вернуть?

— Я повернула ее назад, но она какая-то слабая... Еле идет.

— Гниль кишечная! Тьфу! Это белая плесень. Эй, молодые! — Вроаррист открыл дверь. — Все живо на кухню! Кого еще нет?

— Серха нигде нет, — отозвались ночные караульщики из-за плечей собравшейся стаи. — А Хорху мы не видели.

— Искать Серха!

Серха нашли по запаху. Он залез в дальний угол овощного подвала и, завывая от страха, рыл ход в неизвестность, прикрыв тылы пустыми бочками.

За это время Крошка вернула Хорху метров на двести...

Притащили связанного Серха. Он подскуливал и извивался. Потел и вращал безумными глазами.

Крошка неуверенно посмотрела на Вроарриста. Да не будет же она просто ждать?

Покинула Хорху и, обездвигив сканом обмирающего от непонятного страха Серха, встала около него на колени. Провела руками. У него, и правда, как будто паутина на мозгах...

— Плесень! С перемещения ее никто не видел! Откуда? Мы же на другой планете! — зашумели арны. — Мы не успеем его довести! Где то лекарство, что обещал регент, а? Отвезем его Фравве, говорят, у неё есть...

— А ну, цыц все! — рыкнул Вроаррист. — Никакой Фраввы. Выметайтесь вон, у меня есть лекарство. Рхайс, галопом заводи машину, поедem за Хорхой. Все вон, я сказал! Мы сейчас поедem за Хорхой, а вы разделитесь на группы и будете следить друг за другом! И хлеб допечёте...

Закрыв дверь и обернувшись к Ариш. — Ну что?

— Я не могу возвращать Хорху и, одновременно, лечить Серха, — Крошка убивала паутину и разгоняла ее мертвые частички в кровь и дальше вон, в выделительную систему, в мочу и кал. Серха держала без сознания. — Я только начала, в нем еще много этой паутины. И она растет!

— Хорошо, обувайся и поехали. Будешь лечить в машине, — Вроаррист крикнул и взвалил Серха на плечо.

Арны рвались в конвой, ворча на все голоса, что арнеку, да еще беременную, порядочный арн из дома не выпустит, не то что посадит в машину к одержимому плесенью... Но Вроаррист нетерпеливо рывкнул и сунул Серха на заднее сидение. Захлопнул дверь за Крошкой, сел за руль, и машина понеслась в сторону деревни Раввао, подсакивая на неровной грунтовке.

Крошка же углубилась в вылавливание и уничтожение серой на скане паутины.

— Споры белой плесени очень малы и их тяжело найти, — рассказывал Вроаррист, разгоняясь по пустынной дороге. — А когда ты заболел, то очень важно, чтобы рядом был кто-то здоровый, кто бы успел тебя связать и вовремя отвезти к лечителям. Я не был дома. Я, как ты знаешь, болванчик и вместе с Рхайсом отвозил заказ в Эйррау — рамы для ткачей и одежные болванки. А пока нас не было, семья пообедала нехорошим мясом, и мы вернулись в мертвый дом. Из моего рода остался только Рхайс — сын брата. Плесень — это вторая форма обычного земляного червя. В первой форме он не опасен: питается упавшей листвой, растительными отбросами и размножается, откладывая коконы в кучи гниющей травы. Но раз в двадцать-тридцать лет черви собираются в клубок на поверхности. Клубок чернеет и лопаются. Споры разлетаются всюду, попадают в кровь и застревают в мельчайших сосудах. И спят. Это не страшно, такие споры не прорастают. Гораздо хуже, когда ты съешь мясо зараженное спорами. Проснувшиеся споры прорастают в мозг белой плесенью. Тебя охватывает ужас, и ты бросаешься бежать. Бежишь и бежишь, скрываясь ото всех, без сна и отдыха, пока не умрешь. Плесень полностью съедает тебя, и вылезает новая колония земляных червей.

— Вроар, — Крошка отвлеклась от лечения, нашла Хорху и сориентировалась. — Рор, останови на минуту — Серху надо выйти. А потом через два километра совсем остановись, там будет уже близко к тетушке.

— Ему нельзя выходить, зачем ты его развязала?

— Он в порядке, я уже закончила. Ему надо. Останови!

Серх вывалился из машины и его вырвало. Обалдевший, он сел и начал озираться с полубезумными видом.

— Всё? В машину, — скомандовал Вроаррист. — Времени нет!

— Ты уже здоров, мы сейчас поймаем Хорху, — Крошка погладила Серха по коленке. Серх, тяжело дыша, мельком взглянул и забился в угол.

— Рор, тормози! — Крошка успела вывести старую арнеку из глубин леса, но пришлось усыпить ее под приметным деревом с листьями звездочками. Хорха еле дышала. Ариш выскочила, не дожидаясь полной остановки. Заторопилась было бегом, но Вроаррист удержал ее, крепко взяв под руку.

— Ты меня назвала Рор, мне нравится...

На все согласный и перепуганный Серх остался ждать под охраной имущества стаи, на общей дороге.

После того, как Хорху вырвало порченной кровью и мертвыми волокнами плесени, Крошка тяжело встала, хватаясь за узловатое дерево. Нет, она лучше не скажет об исправленных суставах и общем омоложении тканей, которое она сделала. Но Хорха теперь была здоровее, чем до заражения.

— Что ты ела, — затормошил Хорху Вроаррист. — Я же говорил, всегда мыть руки! Все опшаривать! Не жрать сырое!

— Вы отвезли меня в лес? — Хорха водила непонимающим взглядом по деревьям.

— Плесень тебя отвела! — Вроаррист поднял Хорху на руки и чуть ли не бегом направился назад к машине. — Старая волчица, а мозгов как у щенка. И тесто у тебя убежало, пока ты тут прогуливалась.

— Святой отец, — запричитала Хорха. — Я так устала... Да откуда же... Как вы смогли?

Вроаррист усадил Хорху на заднее сиденье.

— У Ариш было лекарство. Что вы ели вместе с этим недоноском? — не отступался Вроаррист, стартуя и разворачивая машину.

— Серх угостил меня чотос.... Он же работал у Фраввы, она дала ему чотос для Ариш Домашние, еще с Арнасты!

— Ариш?!

— Ну да, — подтвердила Крошка. — Да я в порядке! Такие маленькие узелки из мяса... Но я потом выпила лекарство, как мне стало нехорошо! — соврала она для реалистичности.

Машина внезапно встала, и Крошка чуть не влетела пузом в переднюю стенку. Вроаррист выскочил, вытащил Серха из машины и швырнул на обочину в кусты. Прыгнул следом...

— Я говорил: не жрать сырое, не брать чужое! Кому ты еще давал?

— Это домашнее! — визжал Серх. — Она только для Ариш дала! Их было-то всего горсточка!

— Фравва, эта Фравва! Я убью ее... Что ты еще от неё приволок?

— Ничего! Честно! Я же сам чуть не умер!

— Вот и благодари Ариш, что у неё было лекарство. Жизнь ей обязан!

* * *

Дома — она сошла с ума и называла стаю домом! Но для детей... Нет, это щенки. Для

потомков Вроарриста, Серха, Хорхи — это дом.

В общем, стая разразилась счастливыми воплями. Ариш просочилась боком мимо волчьего сумасшествия прямо на кухню — есть хотелось безумно. Пока она уминала кривые лепешки с остывшей кашей, шуточная потасовка на крыльце превратилась в драку. Арны узнали об источнике заражения.

— Нет, мы живем в новом мире, — рёв Вроарриста утомил стремление арнов бежать и мстить Фравве немедленно. — Никаких драк не будет. Арнов и так слишком мало. Я посоветуюсь с регентом. А с помощью Лил мы узнаем истину. Мы создадим новые традиции, когда нужно выжить всему племени! Лучше принесите Хорхе хороший завтрак.

Арны чуть было снова не передрались, решая, кто будет помогать Ариш готовить обед, а Крошка прислушивалась к их мыслям, пытаясь выловить, что они думают по поводу исчезавшей еды. Открытые банки с испорченными консервами уже кто-то из кладовки убрал. Почти целый месяц она наедалась по ночам, и никто не засёк, а тут — вот. Но прямо спросить так и не решилась.

Обед Хорха проспала. Вместо нее Крошка каждую минуту вставала то за хлебом, то налить арнам чая. Слабая надежда, что ради чудесного спасения откроют новую бочку пива, провалилась. Вроаррист сказал, что это неполноценный праздник — тетушка еще слаба. Крошке местный травяной настой, да без сахара — а с сахаром у волков было бедно — не лез в горло. Компоты и варенья берегли на зиму. Ариш в очередной раз встала и пошла налить себе кипяченой воды. Вернулась и застыла. Её миска с недоеденной похлебкой исчезла. Мороз стек по спине. Заметили. Заметили, донесли мужу, а он решил убрать еду совсем.

— Спасибо, я пойду, — Ариш задвинула табуретку и повернулась к двери. Хотелось плакать.

— Ариш, да ты что? — Вроаррист притянул ее к себе. — Я же пошутил! Вот твой обед. Ты что? Не плачь! Ну-ка пойдем. Кажется, к нам повадились ползучие белки, — Вроаррист крепко прижал к себе Крошку и вывел ее в коридор. — Пойдем, ты мне поможешь найти их лазейку! Потом вернемся и доедим.

Крошка выскочила в коридор и утерла слезы.

— Я-то думал, что всё плотно-наглухо замазал, — муж догнал Крошку, завел ее в кладовую и вполголоса добавил: — Аришка, это была шутка, прости. Но молодые заметили твои следы. Да и Хорха говорила мне. А я не знал, как начать...

— Прости меня, я постараюсь столько не есть, — тихо, но твердо выговорила Крошка и сцепила руки за спиной, опустив голову. Нет, удивительно, он совсем не злится!

— Аришка! Иди ко мне, — Вроаррист излучал веселье. Сел на пол и протянул к ней руки. — Подойди, Аришка, давай!

Джи, если был недоволен, то замыкался и не излучал вообще ничего. Вроарристу было смешно?!

Крошка осторожно шагнула ближе.

Старый седой арн дернул ее за руки и уронил к себе на колени. Обнял и лизнул в ухо. — Почему ты боишься? Я чую твой страх! Ты же не виновата, аришка-трусишка! У нас достаточно еды. Тебе надо есть, ты кормишь маленьких. Хотя и рановато ты начала усиленно питаться, но зачем прятаться?

— Я больше не буду, — Крошка впервые не верила своему скану, но арн, правда, не хотел ее наказывать! И даже не злился.

— Тут все семейное. То есть моё, твое, Хорхи и остальных! И чтобы я никогда не

слышал извинений за еду! Настоящий арн всегда думает о доме, детях, добыче. Это моя ошибка, что я не заметил твой голод вовремя. Прости меня, Арришка.

Глава 31

Уход

Искра скользит по расколу, жжет на разрывах души,
Знаю, ладони забыли форму и ощущение в тиши.
Тихо, глубокое тихо, темень, движения нет.
В маленькой, гаснущей искре светится скрытый ответ.

Тело не помнит движений, разум устал вспоминать.
Тихие робкие чувства тают и не стремятся летать.
Малую искру накрою рваным разбитым крылом.
Перья сгорают и с кровью. Радуюсь, боль на излом!

Памяти чуждо терпенье, память сжигает меня,
Встану на слабые ноги, вспомню биенье огня.
Голос несется из ветра, пламя зовет и манит...
Слышу, иду, вспоминаю! Мною не будешь забыт!

(дневник шестой Крошки)

* * *

Пыхтя и балансируя пузом, чувствуя себя тяжело груженой арсавой на горном склоне, Крошка встала на низкую скамеечку и высыпала в котел ведро перемытого и нарубленного на четвертинки местного картофеля — сегодня как раз началась его выкопка. И сразу притащили кучу слишком крупных клубней — пояснив, что такие здоровушие начинают гнить изнутри посреди зимы. Зато в супе голубоватые на срезе клубни разварятся в пюре и получится отличная кремовая похлебка.

Обед почти готов. Осталось подождать, пока закипит, притушить огонь, поднять рычагом котел повыше и ещё немного проварить.

Еле убедила Хорху оставить ее одну на кухне. Поздней осенью биомехов уложили в спячку, а стая занималась заготовками на зиму. Урожай громадился под навесами, а оттуда разбирался и раскладывался в ящики и бочки. Что-то пересыпалось соломой, что-то песком. Арны кропотливо перебирали, что съесть сразу, а что выдержит хранение. Тыквы-таки заполнили погреб до потолка. Через день обеды отменялись, пеклись лепешки с начинкой, а в отскобленном котле кипятились варенья или маринад для солений. Кладовая заполнялась плотными рядами банок...

Ариш казалось, что она жила на кухне целую вечность. И всю эту вечность готовила еду и ела. Ела и варила, мыла посуду, зелень; резала корнеплоды, мясо, потрошила рыбу... И снова варила, жарила, ела, мыла...

На ночь, тяжело переваливаясь, как ожиревший пеликан, брела в спальню.

Пузо с дозревающими арнятками лезло впереди неё и страшно мешало. Ни сесть, ни

лечь. Движение утомляло, двигаться вообще стало неудобно. Сместился центр тяжести. Вчера она даже упала, всего-навсего присев на корточки, чтобы заглянуть в духовку. Перепугала не только Хорху, но и обоих помощников: Мрайса и Роввара. После этого они еще с меньшей охотой оставляли ее одну. Постоянно рядом кружили арны. Заботились. Арны не давали ей делать ничего сложного или тяжелого. Даже от несложной кормежки пауков отогнали. И рыбы яйца собирали без неё. Конечно, небеременным арнам проще шарить сачком под помостом! Но вокруг нее еще никто и никогда столько не прыгал! Джи настаивал, что экзекутор должен со всем справляться сам... Беременный экзекутор. Бред! Скорей бы это кончилось...

Вроар еще на первой диагностике заметил, что ее не радует появление Криса и сам, неизвестно как и когда, договорился, чтобы регент больше не приезжал. Теперь за анализами навещался Эйр. И приносил сплетни. Жасса умерла, оставив Ингррису сына. Арнеки на императорской базе благополучно разродились и выкармливали потомство. Скоро их всех перевезут на Северную базу.

Крошка подвинула скамейку ногой к стене и села. Брюхо свесилось между колен. Как она себя ненавидела — такой неуклюжей и неповоротливой она не была никогда!

На маленькой табуретке неудобно сидеть. Крошка пересела на пол, вытянула ноги и оперлась о пухлый мешок с неудачными кусками тканей. Надо не просто сидеть, а вытягивать длинные нити и мотать в клубки... Надо потихоньку разбирать этот мешок, пока не набрался еще такой же. Всё время что-то надо. А хотелось посидеть в тишине и слушать маленьких. Такие минутки, когда она оставалась одна, бывали крайне редко. Арны не могли просто так даже пройти мимо. При каждом удобном и неудобном случае обнимали, гладили, лизали уши, заглядывали в глаза. Но она знала — вся эта любовь не для неё, а для приплода. Для двух маленьких чудовищ, зреющих внутри. Она же инкубатор. Дополнение. Обманщик, прокравшийся на чужой праздник в костюме юбиляра, чтобы украсть то, что никогда не может быть её. Понимание давно вошло острой иглой в сердце, отрастило колючки и беспрестанно царапалось.

Её арнятки почти дозрели... Такие маленькие, лежат внутри, свернутые как тыквочки с ножками. А вместе с радостью, что дети здоровы и довольны; арны счастливы и всё хорошо получается — изнутри набухал страх. Внутри, там, куда не мог достать даже Джи, два существа выедали её изнутри.

Она никогда на самом деле не видела никакой ауры, о которой постоянно говорили люди. Биополе живых ощущалось сложной мозаикой чувств, желаний и эмоций... Это было как запах, пронизанный музыкой и цветом, меняющийся в зависимости от настроения, состояния. Но у каждого свой, узнаваемый и всегда постоянный в своём изменении. Неживое ощущалось сканом как серые пресные абрисы... Но она всегда могла отгородиться от всех. Втянуть восприятие в броню своего тела и оставаться собой! Дети же взломали ее оборону изнутри. Оказались частью её самой. На четвертом месяце, перед самым рождением, дети начали разговаривать. Нет, не словами, какие слова? Но дети уже не выдавали плавно меняющиеся волны растущих и постоянно жрущих пиявок, а могли сформировать четкие и личные эмоции, ясно реагировали на её настроение... Ариш боялась, что дети окажутся телепатами. Как на это среагируют арны? Или когда они родятся, то связь прервется? Арны не телепаты. Она станет не нужна...

— Ариш! — в кухню вбежала Хорха и бросилась к печи, засуетилась. — Почему ты на полу? Дыму-то, дыму! У тебя суп сгорел! Ты сама-то не угорела? Принеси пустые ведра!

Окно открой! Ты суп помешать забыла!

— Прости, я... — Крошка поднялась, придерживаясь за стену. На глаза навернулись слёзы: опять она всё испортила! От криков Хорхи вздрогнули и зашевелились дети. Отяжелел живот.

— Прости, — всхлипнула Крошка. Открыла окно, вдохнула прохладный воздух. И правда, дымовуха, даже глаза ест. Какая она... Корявая! Ничего толком не может. Даже у окна стоять муторно.

Хорха подняла рычагом котел и большим черпаком начала переливать пригоревшее варево в ведро.

— Ариш, давай быстренько. Сейчас исправим... Проварим с мукой таки, запах уйдет. Я смотрю, ты вместе с кожурой все сварила? — Хорха выловила несколько шкурок от корнеплодов. — Шкурка у батафы тонкая, но твердеет как деревяшка!

— Я не знала, что их надо чистить. Я их первый раз вижу! Прости, я...

— Ничего страшного. Давай за ведрами!

Ариш задержала плач и обхватила затвердевший живот руками, успокаивая малышкой. Всё хорошо, маленькие. Все будет хорошо! Если она прямо сейчас не лопнет...

Дошла до прихожей. Ноги одеревенели. Кажется она, как напуганная улитка, сжалась в дрожащую массу внутри панциря своего тела. А панцирь вдруг дал трещину и... Крошка сползла на пол среди обуви и разрыдалась. Толку от нее нет! Суп сварить и то не смогла. Испортила задание... Она — инкубатор, вещь!

Дети не желали успокаиваться. Болезненно изгибались и хотели к ней. Из неё! Стремилась наружу, но в тоже самое время словно гладили ее по сердцу любовью и ожиданием. Они единственные хотят быть еще ближе к ней! Только они её и любят.

Крошка не слышала, не видела ничего вокруг. Ушла внутрь, слушала себя и детей. Помогала им, сдерживала и раскрывалась... Как бутон, становящийся цветком, завязью... Яблоком... Нет, малышка, не торопись... Не вместе, по очереди! Братик подождет, сестричка первая...

— Ариш! Почему не позвала?! — острый голос Хорхи проткнул уши, ударил испугом.

Опять? В бездну! Вышвырнула Хорху вон. Все прочь! Она никому не нужна! Ей никто не нужен!

— Аришка, щеночек, пусти меня, я тебе помогу... Пусти меня... Хорха знает, что делать.

Вроаррист... Его добрая уверенность и сила... Неужели он боится за неё? Да, он боится за неё! Его нежность стремилась к ней, к ним... Дети хотят его тоже.

Крошка прислушалась. Да, и Хорха боится за детей и за неё! Крошка убрала блокировку, отпустила арнов. Мгновенно захлопали двери, муж оказался сзади, обнял, заговорил какие-то ласковости. Вокруг бесшумно проскальзывали арны, тоже что-то шептали, приносили, уносили. Хорха касалась ее тела. Иногда мягко поправляла, иногда жестко давила, что-то бесконечное говорила и говорила. Но Крошке не нужно было слышать, она чувствовала — они все вместе. С ней. С маленькими. Крошка не слушала слов. Ушла в детей, но впитывала чувства, делилась с детьми, с мужем. Соединила семью в одно целое.

Мышечный спазм огромной рукой сжал тело. Дочурка выскользнула наружу. Крошку подняло на волне счастья — родилась! Живая, маленькая!

Хорха схватила это розово-фиолетовое и скользкое за ножки и осторожно встряхнула. Девочка растопырила ручонки и запищала. Плачет!

— Отдай! — Крошка попыталась встать. Страх шевельнулся и притаился за сердцем. Ребенок отдельно от неё. Ребенок сам. Один! — Дай мне!

— Арришка, подожди, ты же умница... Смотри, какая! — муж держал крепко.

— Дай! Хорха, ну... — Крошка тянулась, чтобы взять малышку обратно, к себе! Забыла про скан, тянулась руками, всем телом. Сами по себе полились слёзы.

Хорха обернула ребенка в мягкое оранжевое одеяльце и положила Крошке на руки.

Такая маленькая! Легонькая... Мордочка дитеныша была измазана белой смазкой и немножко кровью... Малютка гримасничала, кряхтела, открывала беззубый розовый ротик. Крошка приложила ребенка к груди и растворилась в нежности и умилении — такое маленькое, такое беспомощное, но уже живет. Копошится и толкается. Сильное! Само ест! Она сотворила жизнь. Две жизни...

Второй ребенок внутри замер и не дышал в плотной ловушке её тела. Чуть было не забыла про сына! Его сердечко билось еле-еле. Конечно он не может дышать — он же еще внутри! Она чуть было не убила сына!

— Не торопись, Арришка, не так сильно, — муж развел ее руки, отобрал сверток с дочерью. Протянул незаметному Рхайрсу, сидящему в стороне. — Ты задушишь её. Имрис тут, рядом. Рхайс, сядь ближе.

Крошка заторопилась. Имрис! Да! А мальчика зовут Ристел. Как и хотели... Сейчас, вот еще немножко и они будут вместе...

Еще немного напряжения и мальчик оказался у нее на руках и жадно сосал вместе с сестрой.

Время ухнуло в омут. Крошка плохо помнила, как ее перевели или, наверное, все-таки перенесли в спальню. Притащили большой таз и заставили умыться целиком. Ей страшно хотелось спать и было страшно отойти от детей. Еле слышный писк дочки, оставшейся на руках Вроарриста, вызвал бурные слезы. Крошка оттолкнула Хорху и мокрая залезла на постель, склонилась над обоими младенцами. Иррациональный страх потери мучил. Счастье быть рядом с малютками, держать их, ощущать вместе с ними жизнь — вытеснило всё.

— Садись, щеночка, — Вроаррист уложил детей ей в руки. Подпихнул подушки под спину, укрыл одеялом. Выгнал изнывающих от любопытства арнов. Заставил съесть неожиданно сладкий и пахнущий яблоками суп.

— Я сожгла обед, — всхлипнула Крошка. — И забыла почистить эти клубни. А Хорха всю кожуру вынула...

— Это не Хорха. Твою порцию очисток съел Мрайс, — Вроар улыбнулся и отставил пустую тарелку на пол, а сам сел рядом, помогая поудобнее взять младенцев. — Арнам жесткая пища на пользу. Всё хорошо, отдыхай...

Ариш не могла оторваться от детей. Такие хрупкие! Такие теплые и хватаются ручками. Смотрят серо-голубыми глазёнками, щурятся и морщатся если попадают на яркий свет. Понятно, почему в комнатах маленькие окна!

Дети забрали её всю, проглотив каждую частичку тела и каждую мысль, не оставив ни кусочка, ни секунды свободной. Они либо ели, либо спали, либо просто требовали контакта и большую часть дня Ариш занималась с ними, лежа на постели или на полу. Ариш не переставала удивляться, как быстро дети развиваются. Еще вчера эти маленькие создания не могли поднять голову и только шевелили ручками и ножками, беспомощно лежа на спине или на пузе там, куда их положишь. А сегодня они пытались ползти и переворачиваться, карабкаясь на четвереньках и хватаясь и подтягиваясь ручками. И не было видно ничего

волчьего в детях, но арны сказали, что способности «озверевать» проявляются гораздо позже, вместе с взрослением, и Ариш перестала искать в детях черты монстров.

* * *

Где то посреди зимы, при очередной диагностике, Эйр сообщил, что всех арнек поменяли обратно в самцов, перевезли на Северную базу и будут возвращать на территории. Несколько бывших нарушителей порядка уже воссоединились с семьями. Но никто не признавался, откуда у них дети. В стаю Фраввы вернулся Ингррис с сыном. Жасса умерла, несмотря на роды в инкубаторе. Легенда арнов, что женщины рода Отца Создателя не могут родить арненка и выжить, получила подтверждение. Ингррис рвался познакомиться с выжившей женой Вроарриста. Но Крошка так перепугалась, что Вроаррист пресек попытки знакомства, когда вместе с регентом и дознавателем организовал проверку у Фраввы. Нашли запасы зараженного мяса, и Фравве чуть было не надели ошейник по законам Империи и не отдали под кураторство Вроарриста, но тот отказался от такой компенсации, потребовав оплату имуществом. В конюшне стаи Вроа добавилось пять лошадей, в хозяйстве — инструменты, одежда, кое-какая мебель и много посуды.

* * *

— Ариш пойдем во двор, ты и дети поделитесь с саженцами силой и любовью.

Пришла весна и Вроаррист был одержим идеей вырастить вокруг деревни лес. Дома арнов должны быть среди деревьев. А Крошка еще радовалась, что всякие сараи были в стороне, и из окна спальни виден другой берег. Биомехи там уже обработали поля. В стаю скоро придут новые арны с потомством, стае нужно больше плодородной земли. Дальше виднелся лес, а совсем далеко, невидимые даже с крутого берега деревни, были фарнойские горы — граница Территорий.

— Делится любовью с саженцами? Но дети еще маленькие! — Ариш изумилась: в мыслях у мужа росла целая роща, в которой бегала стая арнечат. — У меня столько не будет! Вот пришьют арнек, возьмешь следующую жену, и можете хоть двадцать нарожать!

— Не будет никакой следующей, у арна может быть только одна жена, — взял на руки малышку Имрис. — А любовь есть у всех, даже у маленьких. Пойдем, ты увидишь.

— Я ненастоящая арнека, — проворчала Крошка. Усадила на бедро Ристела и пошла за мужем во двор. — Это нечестно — обманывать ваши деревья.

— Перестань куксится. Для меня и детей ты самая настоящая, — Вроаррист остановился с внешней стороны дома перед их окном. Из серых остатков прошлогоднего сушняка уже лезли бодрые иголки первой травы. — Я нашел три ростка капарба.

Крошка, прижимая к себе притихшего и глазающего по сторонам сына, села и потрогала липкие лопающиеся ярко-зеленым почки на тоненьких полуметровых саженцах. Корни вместе с комом земли были обернуты тряпкой.

— Ну вот, теперь из окна ничего не увидишь!

— Хорошо, посадим их немного сбоку от окна, — усмехнулся Вроаррист. — Не смотри, что они сейчас хиленькие. Капарб — невысокое, но очень крепкое дерево. Раз в десять лет

выпускает корневые побеги, то есть со временем у нас будет целая роща. И листья у капарба красивые, звездочками. Под ним мы нашли Хорху. А дети любят сушить листочки, а потом складывать из них узоры...

— Почему три? Один для тебя?

— Нет, мой капарб остался на Арнарасте. Это для тебя. Ты говорила, что не помнишь, когда родилась, поэтому день рождения детей будет днем рождения моей семьи и моей жены. Согласна?

— Не знаю... У меня нет дня рождения! Мне нельзя.

— Глупости. Ты арнека, и тебе все можно. Подержите со щеночками деревце и думайте о нем, а я пока ямки вырою...

* * *

Мальш Ристел пытался ходить, держась за ее пальцы, и радостно гукал. Маленькая арнечка-сестричка Имрис негодовала, что брат уже ходит на двух ногах. Ползала следом и цеплялась за его рубашку, за ноги Ариш и хныкала.

Ариш слышала, как приехал фургон с Греггом. Закрылась в пустоте непробиваемого мысленного кокона. Это хорошо, что за ней послали Грега. Кто-нибудь типа Дора, кто бы пытался участливо утешить, был бы многим хуже. А Грегу наплевать.

Это поможет.

Она выдержит.

Крошка остановилась и закрыла глаза. Это всё чужое.

— Ариш, а может... — Вроаррист остался в дверях, пропуская Хорху.

Тетушка-волчица мельком взглянула на окаменевшую Ариш. Села на пол, заговорила с капризницей-Имрис.

— Нет. Я иду, — Ариш шагнула к Хорхе и посадила к ней на колени маленького. Кажется, онемели руки.

— Как ты согласилась на такое? — Вроар взял ее лицо в ладони. — Не хочешь остаться?

— Это моя работа. Не ходи за мной, — Крошка отстранилась, стараясь удержать в ладонях ощущение от сильных и царапучих пальчиков сына. Запомнить мышцами тяжесть ребенка, рвущегося бегать, но всё еще цепляющегося за ее руки и еще так нуждающегося в поддержке... Её память — это все, что у неё есть.

Всё кончилось.

— Я провожу тебя. К тому же, я должен встретить новых.

Вот ей это не нужно — видеть бывших нарушителей. Они могут учуять ее и понять... Как вовремя она уезжает!

Нет. Она не будет, не может говорить, сливаясь с ним душой. Чувствуя его заботу и искренний интерес, даже закрывшись сканом.

Самое время уходить. Она должна быть рада — избежит массы ненужных расспросов и встреч...

* * *

Грег заходил в фургон только взять еду и даже спал на козлах.

Вроар тихо сидел рядом всю дорогу. Почти у самой базы, молча, положил ей на колени дощечку с вырезанными личиками Имрис и Ристела.

Крошка отскочила, как зверь от открытого огня.

— Нет! Ты с ума сошёл! — скинула и зашипела, пряча руки. — Нельзя! И некуда. Мне некуда это прятать. Не надо.

Крошка была как на иголках. Держала вокруг себя панцирь изолирующего скана и совсем не шевелилась. Хотелось быть волком. Кажется, если бы арн дотронулся до неё, то она бы пружиной выстрелила сквозь крышу. Или разрыдалась. Нет! Лучше быть пустым местом!

На площадке перед шлюзом никого не было. Крошка выскочила из фургона, как болт, выстреленный из арбалета. Чуть не отбила ладонь о сенсор замка. Сориентировалась: арны на конюшне с гвардейцами, регент марширует из глубин базы в направлении шлюза. Удача.

Побежала по коридору, метров за сорок до регента перешла на строевой шаг, дернув губой: строевая выправка от арнеки должна смотреться дико.

Застыла, смотря на носки его сапог.

— По приказу Джи у тебя две свободные декады, — Крис замолчал, смотря вдаль. И куда там смотреть? Тоннель, в соответствии с зонами давления и напряжения внутри гор, нерегулярно изгибался. За ее плечом был виден короткий участок до следующего поворота. А сканить регент не умел.

Крошка ждала.

— Работу принимаю, — регент скользнул взглядом по застывшему лицу арнеки и добавил: — В инкубаторной предупреждены, что ты придешь меняться.

Держа осанку и не поднимая глаз, Крошка мотнула головой, сделала шаг вбок, и понеслась на склад. В бездну инкубатор — это лишний час на базе! Нет, прочь! Долой! Домой!

На складе собрала контейнер с обедами, канистру с водой и выскочила к флаерам. В бездну арнов! Она поменяется сама. Шесть часов полета — будет чем заняться.

Поставила навигацию на автопилот — шесть часов свободы! Сняла ожерелье-ошейник, оставила вместе с одеждой на кресле и ушла в багажник. Легла на жесткий пол, бездумно заталкивая в себя еду. Уйти в безвременье трансформации. Плавать в пустоте прожитого, отринутого, ненужного... Раскрыться навстречу старому и стабильному. Арнеки никогда не было. Забыть, забыть. Заткнуть странную, рвущуюся пустоту. Она — Стив!

Она — гений перемен, мастер по отбрасыванию ненужных масок! Она... Нет, Стив! Стив ненавидит арнов! Вонючие, примитивные, назойливые... Наконец-то никто не будет её хватать руками, обтираться боками — как будто нельзя просто пройти мимо! Арны ужасны.

А эта бесконечная готовка еды! Она так и не научилась готовить. И хлеб у неё получался мягкий, но как только остывал, так сразу твердел, как резина. Можно было вывихнуть челюсть, пытаясь откусить хоть кусочек. И делай что хочешь! Но её лепешками только рыб и кормить. Хотя она делала всё именно так, как ей показала Хорха!

Хорха совершенно безумная — кормила её размолотыми костями.

— Нет, не выкидывай кости, а дай сюда. Я прожарю кости на углях, раскрошу, и ты будешь есть по ложечке.

— Зачем? — удивилась Ариш.

— Щеночки растут и им нужны кости.

— Да ведь... — Ариш тогда с выражением грохнула тарелкой о стол.

Они что, думают, что если съесть мясо, оно прямо куском приклеится к детям? Дикари! Но Хорха была непреклонна и Ариш «солила» костяным порошком еду до самых родов.

А гнусная Хорха заставила ее съесть обе плаценты! Мерзость! Пользуясь тем, что она была чуть ли не в истерике после родов. Маленькие... Постоянно общались с ней, были с ней эмоционально и физически едины... Ристел немного чувствовал, а Имрис совсем нет. Имрис и Ристел. Нет, без имен! Но с ними больше никто не сольется душой, не почувствует биополем и они забудут...

Крошка рыдала и понемногу менялась. Немножечко еще побудет в семье, хотя бы в памяти. В одиноком флаере. Совсем немного. Нигде и никогда ей не было так хорошо, как в стае. Волки, ласковые и внимательные. Всегда смотрели влюбленными глазами. Нельзя было пройти мимо, чтобы кто-нибудь не обнял, не погладил.

Нет, она — Стив. Он — Стив... И Стив ненавидит арнов! Воняющие псиной, с грубыми руками, которыми умеют так нежно... Ну и пусть!

Крошка плакала. Отплачется, пока никто не видит и не увидит!

А там её ждет Император.

Вечность с Императором.

Который жил с другой Крошкой весь этот год.

* * *

Стив, холодный и пустой внутри, словно андроид, обтерся кое-как арнечьей рубахой и натянул штаны. К себе дойти сойдет и так. Закроется, никому и в голову не придет удивляться, что на нем за шмотьё.

Поставил флаер и вызвал сервис — пускай уберут свинарник.

Нырнул в бесконечный коридор старой казармы, зажав ожерелье с крилодом в кулаке — скорее к себе!

Влетел, затормозил об стол, хлопнул рукой по сенсору:

— Джи, я вернулся!

Включился экран, загорелся значок сообщения от Императора. Открыл и отшатнулся, отброшенный пустотой.

Сел на тахту.

«Экзекутору. Отпуск — две декады. Будешь нужен, позову».

Не нужен!

Встал. Подавил острое желание шарахнуть креслом по экрану.

Швырнул ожерельем в стенку — посыпались мелкие детальки. Ничего, стюард подберет и отнесет крилод Императору.

Зашел в спальню.

Вернулся.

«Вернулся!»

Хорошо.

Вымылся, переделся и улетел в Лакстор.

Тянусь я жадными губами
Поймать прохладный вздох луны.
Себя мне не поднять руками,
А сердце спрятано у тьмы...

Глухая ночь мольбой невнятной
Пренебрежет и в этот раз.
Я вновь умолкну, понимая,
Что не судьба.
И тих мой глас...

(дневник шестой Крошки)

* * *

Болтаясь по верхнему Лакстору, Стив исследовал чувство неприкаянности и внутренней пустоты, поселившееся в нем от момента возвращения. Хотелось незаметно быть там, где люди, но люди раздражали. Бездумно скользил из одной головы в другую: может, наткнется на что интересное? Но встречные думали всякую чушь: вот побеждает в гонках — и ведущая программы шалет от любви... Космический полет, исследование новой планеты, и... сногшибательный вождь потерянных аборигенов выбирает её единственной подругой... Узор нового дизайна, запускаемого на фабрике покрытий для мебели... и соблазнительно бычья шея и ломовой торс грузчика из третьего цеха.

Молодые мечтали о любовных играх. Более старшие, вроде бы, думали о работе, семье, о будущем для детей... и опять о любовных играх!

Идущий впереди жирдяй, колыхая телесами и перекрывая весь тротуар, вдруг развернулся и, как взбесившаяся арсава, ломанулся обратно, бормоча:

— Зайти в Островок — взять Крошке маленьких рыбок...

Вокруг потной лысины тряслись остатки волос, собранных в рыжие тощие хвостики.

Стив успел увильнуть с дороги. Посмотрел сканом. Крошка — это кошка. Такая же толстая, но не рыжая, а дымчатая. Островок — рыбный магазин, где в каскадах прудов и в огромных аквариумах можно было самому наловить рыбы по желанию и на удачу. Но толстяк собирался купить готовую расфасовку.

Нет, пора прекращать болтаться по чужим мечтам. Пора мечтать самостоятельно. Но о чем? Он, кажется, будет ненавидеть свободное время... Перед ним вечность с Джи. Без Джи. У Джи есть запасные Крошки, у Джи есть подружка Джул. У Джи есть работа. А что делать ему? Снова собирать камешки и шишки с тех мест, где он побывал?

Предположим, случится чудо. Он прочешет Сэмлу и найдет свою семью, а что им скажет? Здравствуйте, это я! Помните маленькую девочку, которая пропала много-много лет

назад? Он даже не знает, когда его украли по их времяисчислению. Один стандартный имперский год — это примерно полтора года на Сэмле... Генетической карты популяции там нет — зачем бы её делать перед экспансией, когда часть жителей всё равно погибнет во время стабилизации, а две трети населения расселят в приготовленные и пока пустующие миры? Джи хранил украденную душу в кристалле пятьдесят стандартных лет, по времени Сэмлы прошло около семидесяти и никакой семьи давно уже нет. Но Джи может врать. Дневника у Джи нет, фактов нет... Возможно, на Сэмле живут дальние родственники, которые знать ничего не знают и которым он не нужен. Он только напугает всех существующей где-то там, вне их реальности и знаний, Империей. Предаст Джи... Родных искать глупо. Он — ажлисс, у него нет родных... Он не человек и никому не нужен, как человек. Он — оружие и орудие. Он не нужен на родной планете, зато нужен Империи.

Стив передернулся, сбрасывая неприятное ощущение. Нет, появляться на родине бессмысленно.

Ноги принесли его к привычному кафе недалеко от зоопарка. Зайти в «Тучку»? Именно как человек: отдохнуть, развеяться? Потратить свободное время на удовольствия. И сидеть на террасе, смотря как мимо ходят люди.

Перешел бульвар на другую сторону от «Тучки» и провел рукой по витой решетке круглосуточного клуба. Взглянул на афишу — на счастье, сегодня не будет детского утренника! Детей видеть совсем лишнее... В баре на первом подземном уровне началась танцевальная цепочка до шестнадцати часов. После ужина там же начнётся интерактивное эротическое шоу. В надземном, насквозь просматриваемом фонаре ресторана с витражными стенами, идет симфонический концерт.

В эти часы посетителей немного.

Зашел под арку. Впервые без стюарда.

— Молодой каэр школьного возраста без сопровождения взрослых... — бдительный охранник положил руку на турникет.

Стив пожал плечом и воткнул коммуникатор в паз.

Перед носом охраны высветилось: Стив Марк, двадцать два года, сотрудник Имперских лабораторий, отделение морфологии.

Страж убрал руку.

Стив спустился в бар.

— Третью кофе, третью кипятка и третью молока в суповую поллитровую кружку, — сделал заказ и, отвернувшись от обалдевшего официанта, приглядел себе столик.

— Каэр, у нас нет в баре суповых кружек!

— Так найдите — ресторан у вас этажом выше, — выдернул комм из платежного паза, и, прихватив вазочку с сырным печеньем, скрылся в дальней боковой нише.

Сел лицом к сцене.

Группами и по одному выступали танцоры.

Он давно не танцевал. Танцевать его учили, и он иногда танцевал для Джи в теломорфе Хакисс и Стива. Но это было давно. Музыка вела и поглощала. Это было интимно и... И ему не нужен был живой донор для получения почти оргазменного наслаждения от единства музыки и движения. Танцевать — это здорово, но для этого нужен соответствующий настрой.

Стив грыз печенье и понемногу погружался в лирическую атмосферу и впитывал настроение.

Вскрики веселящихся ажлисс, вспышки светомузыки, визг струнных. Тяжелый ритм ударных, отражающийся в желудке. Короткие паузы для стихотворной и песенной лирики — и снова взрыв шуток, инсталляций и шарад — Император любит активные игры. К тому же это праздник в честь нового сноваживущего! Управляющий химическим производством на Западном континенте ажлисс Еэкс разрушил свой кристалл и захлопнулся в расщепителе конвертора. Разложился на элементы. В сообщество приняли нового ажлисс — вон он, Фрим, разговаривает с Виком. Однако Фрим не поедет работать вместо Еэкса — специализация не та. К тому же, Вик сказал, что они нашли нового управляющего-человека. Но новые ажлисс все равно нужны — готовится очередная экспансия, пастухов будет нужно на целые три планеты...

Крошка стояла за пустующим креслом Джи, стараясь незаметно напрягать и расслаблять мышцы. Такая скукота — вот так переступать с ноги на ногу и торчать до полуночи столбом! Ажлисс способны гудеть, не снижая темпов, до утра... Со всех сторон бегают, танцуют и едят, едят, едят...

Крошка переместилась в одного из людей-танцоров и утешалась виртуальным движением и украденными ощущениями закусок, стараясь не забыться и не начать двигаться по настоящему в унисон с «донором».

«Он нравится тебе? — прокралась мысль Джи. — Сейчас будет песенный перерыв. Возьми его и отдохни. Можешь уже не возвращаться, ты честно отработала почти весь праздник».

«Он же человек!»

«И что? Он артист и пришел сюда развлекать нас. Это его работа. Пройдет время, и ты поймешь, что у эскутора должна быть некоторая свобода. Легально купленное у профессионала не может быть нарушением закона. Возьми его и отдохни».

Оркестранты бесшумно сложили инструменты и отступили вслед за танцорами. На сцене собирался хор.

Крошка создала у «своего» танцора непреодолимое желание следовать за собой — молоденькой и симпатичной девушкой в форме эскутора. Обошла столики с закусками и прошла сквозь арку в коридор — ближайšie комнаты уже заняты! Она уже бывала тут вместе с Джи, но сейчас было странно искать пустой кабинет самой... Да еще ведя за собой любовника.

Открыла дверь, замок которой призывно горел бледно-малиновым огоньком. Улыбнулась и пропустила мужчину внутрь. Заперла дверь и обернулась. Освобожденный от давления, танцор разглядывал эротические панно сквозь прорези белой безликой маски.

— Сними маску и это, — Крошка указала рукой на обтягивающие шорты — единственную одежду танцора.

— О, эскуторша сразу идет в атаку? — мужчина снял маску. Близко посаженные глаза взглянули и сразу опустились. Узкие губы растянулись в улыбку. Изнутри брызнуло нехорошими мыслями и образами, он считает ее пассивной фальшивого императора, переодетой в эскутора! Ему неприятно, что он потный... Но актер владел собой — голос оказался нежно-воркующим. — Ажлисс Император совсем на Императора не похож...

Крошка возмущенно заткнула его и поставила вверх ногами. Заставила пройти на

руках вокруг кровати. Опустила на четвереньки, и человек закружился, как щенок, ловящий свой хвост. Неожиданно для себя заговорил детским голоском: — Я маленькая шавка и гавкаю ав-ав!

— Император на внутреннем празднике ажлисс может выглядеть так, как ему удобно, — Крошка остановила «шавку» перед собой, выскользнула из его сознания и размеренно добавила: — И ему не надо спрашивать у приглашённых шутов, как должен выглядеть его экзекутор!

— Простите, ажлисс экзекутор! — танцор пошатнулся, подхватил с пола маску. Сутулясь и неуверенно держа маску в одной руке, стянул шорты и опустился на колени.

А теперь он ее боится! Это начинало злить.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть, ажлисс экзекутор.

— Не волнуйся, ничего страшного не будет. Просто сходи и вымойся, ванная там.

Вечно Джи придумает какую-то гадость! Зачем ей этот... Как его зовут-то? Надо спросить, как вернется, а то еще утонет там с перепугу, что с ним мысленно заговорила сама «ажлисс экзекутор»! Отдых вывернется в неприятность...

Крошка сняла форму и, смотав ее в комок вместе с сапогами, бросила у изголовья.

Потом вернулась к двери и ткнула пальцем в контакт сервисной службы:

— Принесите ужин на троих, вино, сок гелпы и что-нибудь разное на сладкое.

Прыгнула на кровать и потянулась — хорошо-то как! Джи отпустил её пораньше и никому не дал! Только что теперь делать с этим человеком? Играть с ним не хочется.

Замигал замок и Хакисс подбежала к дверям, забрать столик. Подняла крышку и выхватила еще теплый пирожок с рыбой.

Пойти тоже искупаться?

— Ажлисс... — объявился вымытый танцор, зачем-то продолжая сжимать в кулаке маску.

— Да положи ты маску! Не нужна она... Как тебя зовут?

— Сфоржес Кайарс, ажлисс.

— Я буду звать тебя Кай. Обращайся ко мне просто Хакисс. Тебе неудобно? Посмотри по шкафам, тут должна быть провизорная одежда или в ванной есть халаты. На самом деле, я взяла тебя случайно. Нам просто надо побыть здесь до завтра. Хочешь, я пошлю за твоей одеждой сервисного андроида?

— Мне потом надо будет вернуть одежду или заплатить?

— Нет, зачем? Она будет твоя. Как плата за работу.

Когда Хакисс вернулась, радостно ощущая посвежевшей кожей легкий бриз из кондиционеров, Кай сидел на полу — перенес себе ужин на закусочный столик. Чисто кочевник на ярмарке! Нашел же шерстяную плиссированную юбку до пят и рубаху с жилеткой. Взглянул и сразу опустил нос.

— Тебе не нравится, что я не одета, когда ты ешь? Прости, — Хакисс вернулась в ванную и замоталась в халат.

— Нет, ты у себя дома... Ты привела меня как преступника? Как экзекутор?

— Я и есть экзекутор, — Хакисс села на кровать и притянула поближе тележку. — Что тебе опять не нравится? Почему как преступника? Тебя же не первый раз выбирают для игр?

— Не первый. Но никогда меня еще не тащила насилием экзекутор... Я всегда мог

отказаться.

— Ну и откажись.

— Ты накажешь меня?

— За что? Я не собираюсь тебя насиловать. Ты попался случайно, я же сказала. Я поем и лягу спать. А ты можешь посмотреть вид — вон шлем на пульте лежит. А завтра утром я тебя отпущу.

Так с этим танцором у Хакисс ничего и не вышло. Он попытался что-то изобразить потом, когда они оба уже были в постели, но Хакисс отогнала его: ей-то не были нужны никакие доказательства — она же видела его мысли...

* * *

Перед подиумом маячило несколько пар и групп танцующих посетителей клуба. Сменилась музыка, и на сцену выбежал новый танцор. Отдаленным ритмом встревоженного сердца звук бубна наслаивался на тонкую мелодию флейты. Артист сорвался с места и начал танец, как будто голодная кошка охотилась между горящих углей. Он был стремителен и точен, порхал и замирал, фиксируя свои движения в изумительной комбинации ритма и мелодии, и Стив сам не заметил, как встал и вышел на полупустую танцевальную площадку перед сценой. Стив давно не танцевал... Он незаметно для танцора слился с его сознанием и отдался ментальному единству, копируя и повторяя движение в ту же секунду, как оно возникало в чужом теле, подчиняя и отдавая свое тело танцующему хищнику в облике человека. Он закрыл глаза и перешел на ментальное зрение, чтобы полностью отдаться, перетечь в танец. Танцор замер, и Стив замер перед сценой. Танцор провел рукой себе по обнаженной груди, и Стив провел, расстегивая рубашку. Танцор прыгнул, закружился, и Стив летел вместе с ним, и его рубашка вилась вокруг него, как искрящиеся синие крылья.

На полу перед сценой вокруг Стива образовалось пустое место. Редкая публика раздалась в стороны, освобождая Стиву простор, но он это почти не зарегистрировал — его несли ощущения чужого тела и эйфории. Он погрузился в волшебную песню музыки и тела, поэзия танца увела его, вознесла его в иное измерение, иное ощущение реальности...

Танец кончился. Стив замер, возвращаясь в себя, возвращаясь в реальность, но продолжая еще чувствовать радость и восторг от слияния с музыкой и чужой душой.

И, слегка испугавшись, обнаружил себя стоящим в кольце аплодирующей восхищенной публики. О, бездонная бездна! Он смутился и судорожно просканировал весь зал. Вроде, все довольны, удивлены, но никаких подозрительных флюидов нет.

— Мальчик, потанцуй со мной! — ярко накрашенная женщина схватила его за руку и пахнула в лицо перегаром. Стив кинул в нее фантомом густой навозной вони и женщина, наморщив нос, отцепилась, рефлексивно вытирая руку о юбку, натянутую как барабан на объемных бедрах.

Опустил голову и, застегивая рубашку, пошел в свой угол — кружка с кофе уже ждала.

Люди, например, могут напиток. А ему что делать?

Воткнул комм в контакт и развернул экранчик — было забавно выйти в систему из чужого портала. Окошечко идентификации сделало портрет и вежливо спросило: сохранить внешний вид? Стив без особого желания повозил мизинцем по портрету, меняя черты туда-сюда. Да какая разница? Стер все изменения, разрешил сохранить реальный отпечаток своей

кислой физиономии. В качестве локализации адреса высветились базовые лаборатории Лакстора. Стив хихикнул: ога, «сотрудник»! Читай — «лабораторное животное».

Нашел форумы... Бои, рукоделие, флористика. Животные.

Так. Общество поддержки кваргов. Ну надо же! Чего их поддерживать? Они вполне сами справляются.

Углубился в чтение. Влияние цивилизации на ареалы обитания. Вариабельность окрасов от рациона... Подписи под петицией «Отдайте кваргу свободу». Что за бред! Заглянул в список дискутирующих. Надо же, Ронах — участник форума! Уж он-то чего? Стив вытащил реплики Рона в отдельное окошко и захихикал: народ всем звериным форумом бил Рона за уверенность, что кварги выют гнезда! Боже, Ронах видел его гнездо! Ну вот, он еще виноват в том, что подкрепил суеверие у отдельно взятого кочевника! И надо же: Рон перешел на работу в зоопарк!

Кинул скан. Рон был дома. Один. Этот-то почему один? У него же подружка была?

Позвонил.

— Привет! — ответил Рон. — Где ты был? Я писал тебе пару раз.

— Да? В почте ничего не было.

— Может, ты смотрел не в своей почте? — засмеялся Рон.

— Я год был на задании по работе. Ты дома? А где Яника?

— Яника — отлично. Мне надоело на помойке работать, перевелся в зоопарк. Сегодня мы с ней ночуем на выгуле кварга — я купил путевку. Покажу ей кусочек кочевничьей жизни.

— А... Я могу с вами? Никогда не ночевал в зоопарке!

— Приходи после закрытия, — Рон осызаемо пожал плечами. — В юрте есть место на шесть человек. Встретить тебя на проходной?

— Не надо, я найду.

* * *

Не смог усидеть в клубе и выскочил в парк. Пробежался до зоопарка. Нет, еще рано. Послал сообщение Джи: «Я бы хотел переночевать в зоопарке, меня пригласил Рон». Добавил: «Он будет со своей подругой». Подумал и еще добавил: «Пожалуйста!»

Посмотрел на часы: туристический маршрут по первому уровню как раз три часа прогулочным шагом и заодно можно купить смену одежды и гигиенический набор — не возвращаться же за вещами для ночевки на базу?

Джи ответил в конце рабочего дня, когда Стив уже ходил кругами перед главным входом в сафари. «Твое свободное время в твоих руках». Стив фыркнул: ага, мораль! Как же без морали!

Включил комм в кассу, чтобы купить билет и получил еще одно сообщение:

— Стив Марк, ваш билет оплачен. Вас ждут в шестнадцать часов у гостевого входа вольеры пустошей.

Короткими перебежками по пустеющим тропинкам и отмахиваясь сумкой от дикусов, Стив добрался к отделению степных животных и издали увидел бывшего кочевника.

— Привет! Здорово, вот и посмотрим, как этот кварг будет пытаться строить гнездо!

Надеюсь, ты с ним договорился?

— Конечно, еще один шутник, — усмехнулся Рон, щелкнув ногтём по кольцу на руке Стива. — Ты веришь в Джи? Веришь в эти сказки о бессмертном Императоре? Или тебя мама заставляет?

— Почему мама? — Стив пожал плечами. — Я живу один.

— Хорошо тебе одному. Хватает на ягнячью куртку и на танцевальные ботиночки из перчаточной кожи. Все новое, ручной работы.

— Почему танцевальные? — неожиданно для себя покраснел Стив. Он никогда не сравнивал! — Просто они удобные!

— А где ты их купил?

— На базе, при лаборатории есть магазин.

— Да? Такие вещи не продаются в магазинах. Покажи, — Рон отвернул полу куртки.

— Что? — Стив развел руки.

— Вот — только цех в Ахае шьет такие куртки, но у тебя нет клейма цеха. Это значит, что это вещи для ажлисс.

— А если я ажлисс, то что? — разозлился Стив. — Мне нельзя с тобой дружить?

— Можно, но почему ты не скажешь правду? Это же здорово! А что ты сделал, чтобы стать ажлисс?

— Рон, я не могу говорить. Мне нельзя.

— Ты прямо как маленький! — засмеялся Рон. — Прямо не верится, что ты ажлисс! Я бы никогда не поверил, что ты уже старый дедуля! Ну, сделал в первой жизни что-то секретно-важное. Хорошо, я не буду спрашивать. Ажлисс! Теперь ясно... Ты и в храм ходишь? И молишься?

Стив получил шутливый удар в плечо и задумался над ответом.

— Смотри, Яника идет, — отвлекся Рон. — Бросай сумку за дверь, пойдём, я вас по парку проведу.

* * *

По знакомому с детства зоопарку Стив мог сам водить экскурсии. Поэтому покорно шел сзади и, подслушивая Янику, копировал ее реакции. Однако у Ронаха был ключ от закрытых для посетителей мест: на задворках парка была целый комплекс с фабрикой-фермой! Кормовая, госпиталь и инкубаторий. И там уже не пришлось притворяться — инкубаторы для яиц Стив видел впервые. Хотя дикусы и сами буйно размножались по всем кустам, оказывается, большую часть их яиц высиживали в шкафах с подогревом, а полученных цыплят подпускали к специально отобраным квочкам в разгороженных на загончики цехах выращивания.

Вышли с фермы в сумерках. Без музыки, объявлений и людей, сафари выглядело таинственно. Слабоосвещенные дорожки, исчезающие в лабиринтах кустов. Причудливо подстриженные деревья с неожиданной подсветкой. Казалось, даже воздух стал чище и гуще. Словно в постоянном процессе жизни возникла пауза, когда дневные создания разбредались на ночевки, а ночные еще толком не проснулись. Редкое мяуканье сов откуда-то издалека и недовольное щелканье дикусов прямо у ног... Даже Яника умолкла, прижимаясь к Рону — стало заметно прохладней.

— Ничего, — Ронах обнял Янику за плечи. — Придем, разложим костер. А в юрте тепло!

За низким бордюром шакальей поляны кто-то некрупный копошился и повизгивал. Щенок гайдерского шакала поймал, но никак не мог убить дикуса. Зверёныш мотал птицей по песку, отпускал, ловил снова и никак не мог убить. Мусолил во рту переломанные крылья, подталкивал костяным носом. Дикус кувыркался, пытался встать на сломанную ногу, тряс вывернутыми крыльями и снова падал. Щенок любопытно склонял голову, шевелил ушами. Дикус таращил бессмысленные глаза и тяжело дышал открытым клювом — модифицированное зоопарковское животное боль все равно чувствовало.

Стив прыгнул сквозь линию забора, хлестнувшую по нервам страхом, и свернул птице голову. Бросил и выскочил обратно, получив еще один разряд от ограждения.

— Ты что, — сморщилась Яника. — Зачем? Ты же убил его! Почему не спас? Его бы тут вылечили.

— Их тут миллион, зачем его лечить? — не понял Стив.

— Ну... Да, нехорошо получилось, — сказал Рон. — Это кормовой дикус, они размножаются быстрее, чем их едят. Хорошо, что быстро убил, но ты ему свернул башку руками, как дикарь.

— А что мне его стрелять из бластера надо было? — обиделся Стив. — Я ему помог!

* * *

Через подземный коридор поднялись в прозрачную юрту, светящуюся посреди имитации Карфидской пустоши.

— Поужинаем, — Рон опять глянул на часы. — Потом выключим свет, и как раз кварг будет охотиться.

Перед юртой было оборудовано огороженное кострище. Стив проверил сканом и потерял интерес к биороботическому кваргу. Конечно, кто бы позволил людям ночевать в клетке с настоящим зверем!

Ребята перенесли к разогревшемуся «костру» коробки с ужином. На низком столике Рон сложил шампуры и посуду, а потом выключил свет. Они поужинали в бордовом свете искусственных углей и рассеянной подсветке «пустошей», по которым, красиво поднимая ноги, гарцевал искусственный кварг, гоняясь кругами за биоантилопкой. Догнал и картинно убил, подбросив ее в воздух, прямо перед завизжавшей Яникой.

— А это убийство тебе не мешает? — не удержался Стив.

— Это же природа! — возмутилась Яника. — Животным приходится убивать друг друга ради еды!

Стив промолчал. Рон должен был знать, что кварг не настоящий — он же тут работает. А портить другу свидание нехорошо. К тому же он уже слегка испортил, да и сам напросился третьим. И спать пора — целый день на ногах!

Раскатал гостевой спальник по кровати и разделся. Подумал и сложил одежду на полочку у изголовья.

— А почему ты весь лысый... Без волос, как маленький? — подкрававшаяся Яника дотронулась до покрытой тонким и, правда, невидимо-детским пушком ноги.

— Так надо, — Стив не поднимая глаз отогнал кровь от щек и нырнул в мешок. Вот

идиот! Опять не подумал, ведь целый же день был в запасе!

— Кому надо? Твоя подруга любит предпубертальных мальчиков? — захихикала Яника.

Стив разозлился. Сейчас скинет волосы с головы и станет действительно лысым!

— Да отстань ты от него, человек в лаборатории работает, может это побочный эффект такой, — вступился Ронах.

— Кем ты работаешь в лаборатории, что успел заработать на косметическую коррекцию? — продолжала веселиться Яника. — Я так и знала, что в лабораториях опыты на людях ставят! Или ты андроид? Покажи руки!

— В запросе отказано, — буркнул Стив.

— Яни! — Ронах сбил Яни подушкой. — Он ажлисс!

— Да ладно! Ему всего ничего лет! Уже работает... — Яни кинулась подушкой обратно. — Сам балда! Какой он ажлисс!

Пересела к Стиву и провела пальчиком по его щеке:

— Покажи жало! Если ты ажлисс, то у тебя есть жало.

Стив бросил беспомощный взгляд на Рона.

— Покажи, тебе жалко что ли? — Рон откровенно ржал.

Стив приоткрыл рот, поднял язык и высунул жало: узкую мясистую трубочку с костяным кончиком.

— Ух ты! — Рон оказался рядом. — Я ж говорил, что ты ажлисс!

— Здорово! Говорят, когда ажлисс пьют кровь, человек испытывает необыкновенное блаженство! — Яни протянула руку: — Выпей у меня?

— Не буду, — Стив отдернулся и закрыл рот. — Яника, я не хочу!

— Тебе любовница запрещает? Это же игра! Вам же можно любить нормальных людей? — затормошила его девица. — Вы ведь все равно бесплодные и незаразные!

— Перестань! — Стив укрылся с головой. — Мы в зоопарке, но я не экспонат! Всё. Я буду спать. Я много ходил днем. Спокойной ночи.

— Яни, иди сюда. Не надо к нему приставать.

Рон смотрел на подругу и улыбался. Широко, счастливо и открыто. Стива кольнула обида: ему Рон никогда так не улыбался! Еще глубже зарылся в спальник и разозлился уже на себя: вот зачем он влез?! Им было так хорошо вдвоем, а он прицепился, вклинился... А если теперь Рон начнет ревновать, что Яни звала его поиграть? Аккуратно послушал сканом и снова спрятался: Рон был наполнен спокойной радостью и о ненормальном ажлисс совсем не думал...

Уйти прямо сейчас? Глупо и неудобно.

Получить немного чужой радости?

Не удержался. Присоединился к игре мысленно, и... Снова не удержался: усилил слабые людские чувства, довел их до пика восторга, взрыва счастья и потом, уже абсолютно довольный, провалился в сон.

* * *

Стив проснулся от того, что на него упала сумка. Удивился: всё еще темно. Кажется, только что уснул. Надо же, в такую рань...

— Вставай и вали отсюда, — Рон сказал это громко и зло. Стив прислушался. В голове у

Рона кружился калейдоскоп: наваждение странно появившейся и пропавшей любви с Эйки... Эйка кричит от страха и боли — он в ужасе, но ему нравится... Эйкилла разрывает помолвку... Страх — он сумасшедший! Побег в пустоши, следы кварга, гнездо... Эйки опять кричит... Этот привязавшийся ажлисс и снова наплывы странных чувств. Слишком сильное, неестественное наслаждение с Яникой после года нормальной жизни... Страх — он снова сходит с ума! Неудивительно, ведь он видел исчезнувшее издевательски и без следов гнездо кварга. Примета к развалу мира...

Яники уже не было.

— Рон, что вдруг случилось? Хочешь, я тебе помогу тут убраться? — Стив начал резво одеваться. Забавно: Рон суеверный! Нашел чего бояться — радости не бывает слишком! Боится потерять Янику, как Эйки? Как неудачно его Генри забрал тогда. — Ты что, из-за гнезда расстроился? Это же просто доказать — сходи к дознавателю, он подтвердит...

— Не лезь ко мне! — Рон схватил сумку Стива и швырнул ее к двери. — Одейся? Вали! И прощай. Я не ажлисс. Я — человек, мне не нужно, чтобы в моей душе копались! Мне не нужно, чтобы мной управляли! Иди!

— Рон, я не хотел тебя обижать! — Стив начал складывать свой спальник, окутал Рона фантомом, пытаясь успокоить, но Рон дернулся и вспыхнул испугом, смешанным с негодованием. Стив спрятал щуп — надо же, Рон, и правда, чувствует скан!

— Мы разные, ты веришь в Императора, — Рон распахнул дверь. Пнул сумку Стива к спуску подземного коридора. — А я верю, что кварги делают гнезда к неприятностям! Провожать я тебя не пойду — мне еще тут надо убраться перед утренней сменой, — Рон выдернул внутреннюю простынь из спального мешка и скрутил в комок. — Что ты ко мне прилип?

— Совсем не разные! Я тебе верю, — Стив остановился в дверях и растерянно оглянулся: он не хотел ругаться! Он не хотел обижать сканом. Но как сказать?

— Я должен тебя ударить, чтобы ты ушел? — закричал Рон. — Пошел вон!

Стив выскочил из юрты, подхватил сумку и бежал до выхода из сафари.

Глава 33

Убийство

С тихим звоном стеклянной пылью
Разлетится сердце больное.
И легко мне парить над былью,
Я стремглав полечу за тобою.

Вместо сердца воздушный шарик.
Вместо памяти рваные строки.
Я сама себе снюсь наверно.
А кольцо я отдам сороке...

(Дневник шестой Крошки)

* * *

Стив провел целый день в природном резервате верховий Лакосты — снял туристический домик на берегу узкого, но чистого ручья далеко от цивилизации. Благо, найти свободный не составило труда. Такие «берлоги одиночек» большую часть года пустуют: люди любят более комфортные места отдыха. Вышел пройтись по «тропе познания природы», но навалились воспоминания: арнека не бродит вокруг дома. Зло себя оборвал, полез в кусты. Промочил ноги, расцарапался в зарослях шиповника. «...Устало бедное словечко и обессилено свалилось в щель между камнями...» Фыркнул, вернулся в хижину. Обнаружил, что каким-то сучком продрал нежную кожу «танцевальных» ботинок. Запихал оба ботинка вместе с мокрыми носками в утилизатор. Заглянул в пищевой отсек: полуфабрикаты, порошки, специи... Туристы любят готовить сами! Нашел буханку «охотничьего» хлеба в охранный оболочке и палку сухой колбасы.

Упал на кровать и тупо пересмотрел несколько случайных фильмов, отрывая руками хлеб и заедавая колбасой.

К вечеру вернулся на базу с ощущением, что живет в чужом, бесчувственном теле.

Тускло подумал, что надо втягиваться в рутину. Посмотреть расписание визитов Императора. Начать тренировки. Найти увлечение. Занятые руки — легкая голова...

«Немедленно в тренировочный зал!» — ворвался мысленный приказ Джи, и сбил всю меланхолию.

Быстрым шагом, как был босиком и в старой одежде, с перебежками между лифтами, добрался вниз на бордовый уровень. Остановился на секунду у двери — выровнять дыхание.

Вошёл.

В центре на полу лежал связанный Рон.

Стив не расслышал, как закрылась дверь. Зачем-то огляделся, хотя и так видел, что Рон тут один. В этом проклятом зале с тренажерами, сливом в полу и инкубатором.

Рон в ужасе таращился на стену с креплениями, на него...

Стив ужаснулся тоже и, глотая спазм в горле, выдавил единственную глупость, которую смог:

— Здравствуй, Рон...

— Стив! Ты говорил, что ты лаборант! — неожиданно высокий голос Рона хлестнул по нервам.

«Я этого не говорил! Господи, молчи! Хотя какая разница, все и так по тебе видно! Джи, прости! Прости, но ничего же не было!» — мысли полетели сами, но вслух ничего не удавалось сказать...

— Я в магазин выскочил, а потом как уснул. Ничего не помню... Мне никто ничего не сказал! Что происходит? — Рон изогнулся и сел, тараторя какую-то чушь и смотря дикими глазами.

«Ничего особенного, — облила холодом мысль Джи: — Ты просто убьешь его».

— Что с тобой? — Рон ничего слышать не мог. Заметил, как Стив окаменел.

«Боже, — промелькнуло в голове: — И он ещё обо мне беспокоится!»

— Рон... — больше Стив не смог ничего сказать. Джи щёлкнул его по носу и взял управление на себя.

«Крошка, ты убьешь его, но сначала снимешь с него шкуру. А лучше сделай ему напоследок подарок, полюби его. Не-е-ет, темпераментный ты мой, фантомом. Сделай ему любовь, какой у него никогда не было. Ты же хотел. Нет, не касайся его, только войди в его сознание».

— Стив, что происходит? Скажи мне, Стив!

«Выключи ему звук. Вот так. Возьми его и привяжи к стене, чтоб не мотался. Ты сильнее его».

Стив исчез: он здесь, но его нет. Его воля замерла, отлетела и лопнула мыльным пузырем.

Мысли отлетели, чувств не было. Император вошёл в его тело, в его душу, и Стив закрыл глаза и уши, забился в уголок, закопался.

Но куда и как? Куда может убежать марионетка, висящая на таких тонких, но таких прочных ниточках? Она жива только благодаря этим ниточкам, они дают ей жизнь...

Рон даже не пытался сопротивляться. Джи без каких-либо ритуалов овладел и им: Рон сам подошел к стене, вставил руки и ноги в кольца. Тело Стива без суеты, деловито и механически закрепило такое же согласное и спокойное тело, оставив без внимания панику сознания в ловушке чужой воли, а потом Стив проскользнул щупальцем своей мысли в это безвольное тело. Там билось сознание Рона, пока еще только удивленное и слегка испуганное, чего-то ждущее... «Сейчас дождешься», — услышал Стив и легким касанием скана прошелся изнутри пойманного тела, ища и проверяя, стимулируя и усиливая фантом любовного экстаза. Рон замер и задохнулся, затрепетал в своих оковах, даже не успевая еще сильнее удивиться. А потом уже сам отдался пришельцу, прижимаясь своим сознанием к паутине, окутавшей его волю, сливаясь с завоевателем, отдавая себя на растерзание сладострастному хищнику, запустившему острые когти в самые сокровенные уголки его желаний... И Стив захлебнулся спазмом вместе с жертвой.

Управлять человеком проще, чем проникать в сознание ажлисс, которые привыкли к ментальному общению и могли отбиваться хоть на своей, хоть на чужой территории. Человек не умел, не знал и был потрясен открытием, что он оказался в собственном теле

всего-навсего пассажиром, который вдруг без единого прикосновения взрывается сильнейшим восторгом, крича и вырываясь из пут.

«Ну куда же тут вырвешься... А теперьними с него кожу...»

Стив, оглушенный своим предательством и силой пережитого оргазма, но сейчас озабоченный только одним — как сдержать дикую вибрацию, пробивающую его изнутри — взял нож.

«Возьми зажим».

Стив вернулся к ящику. Закрыв глаза и оперся о стену лбом. Сейчас упадет...

«Дурачок, чем будешь держать кожу?»

Он не знал, чем будет держать сам себя...

«Вот, возьми крючок».

Его тело протянуло руку и вытащило из ящика крючок на длинной рукоятке.

Заныли руки, он слепо повернулся и подошел к телу, распятому на стене.

Рону разрешили кричать, видимо, чтобы не было так похоже на немое кино. Рон кричал. Остро, как заяц, разрываемый псами... Потом только выли и хрипели, дергаясь под его руками. Стив чувствовал и этот ужас, и эту боль вместе с ним. Джи, или все-таки Стив, удерживал Рона в сознании, умиряя его боль, отодвигая шок... Прости, прости, это не я... О, нет, это все же я... Рон не слышал. Он сходил с ума, а Стив желал сойти вместе с ним. Убей меня, но ты никогда не умрешь... И эта теплая липкая кровь была везде... Скользкая кожа, которую невозможно было удержать, которая снова и снова выскользывала из кровавых пальцев... И этот густой сладкий тошнотный запах... Запах крови, смешанный с запахом спермы, острый запах рвоты, мочи и кала глушил, проникал и жег... Наполнял внутренности, давил изнутри... Если бы мог, то он выbleвал бы себе кишки, вывернул бы себя наизнанку. Потерял сознание, умер... Но марионетка и так мертва или просто не жива? Жива ли марионетка, когда ей не управляют? Что делает марионетка, когда её вешают на крючок за ненужность?

Крючок не протыкал упругую скользкую кожу, приходилось ввинчивать его, подцепляя кожу изнутри разреза. Джи не разрешил Стиву даже всхлипнуть.

Рон же только странно хрюкал. Сорвал горло или пытался прочистить его от рвоты? Почему он не удавился рвотой? Почему он все еще жив?

Потом он сложил это все ещё живое, дышащее, но уже молчащее месиво... С висящими лоскутами кожи, кровавым пластами одежды, и все еще в ботинках, в инкубатор.

Упал возле постаменты. Желая оторвать себе руки, перерезать себе горло, соскрести с себя кровь, соскрести себя из жизни...

Сидел совершенно пустой. Без эмоций, без сил. Смотрел, как его тело, стремящееся насытиться после стресса, жаждущее возместить потерянную энергию, усваивает кровь Рона, и та постепенно впитывается и исчезает с дрожащих рук. В голове крутилась кровь, и кровь была везде... Его рука держит нож и режет. Крючок оттягивает кожу и нож подрезает... Кровь сочится и сочится...

Где-то над сердцем закрылся шлюз, словно вогнали в грудь лопату. Перекрыли трахею, и он не мог вздохнуть. Получались короткие судорожные движения ртом, как у высыхающей на берегу рыбы... Воздух входил и останавливался в глотке, не доходил до лёгких. За языком скопилась кислая желчь и жгла, жгла и прожигала... Тяжелая каменная голова хотела упасть и откатиться вон.

Полна ли марионетка или пуста, когда приходит кукловод?

Одежда омерзительно липла к телу...

Упырь. Марионетка-упырь.

Джи. Вошел и остановился перед ним.

— Что ты должен сказать?

Стив, не координируя свои движения, находясь где-то рядом, вне своего тела, вне этой вселенной, с трудом встал на колени. Зал кружился вокруг кровавой воронкой и засасывал...

— Прости меня. Я нарушил правила.

— Хорошо. Иди умойся. Сегодня ты спишь со мной.

* * *

Стив уже засыпал растворившись в императорской благодати, а Джи говорил и говорил, ласкал и калечил, ломал тело и мозг. Стив не слушал, отстранёно удивляясь, что окружающая пустота все еще тянет куда-то. Стив старался не быть, не существовать. Но где-то рядом стонала его душа. Он старался развеяться дымом в мгновениях покоя и единства с богом, но слова текли и капали раскаленной ртутью, жгли желтым ядом, и Стив чувствовал, как умирает опять и опять. Он не слушал, но всё, что император делал или произносил, укладывалось в памяти и теле самостоятельно, без усилий со стороны императорской Крошки.

— Ты жертва по своему характеру, по сути своей. Ты думаешь, я испортил тебя? Нет, я искал такой характер, и поисковая система выложила тебя как один из вариантов. Ты думаешь, я сломал тебя? Нечего было ломать. Ты рожден жертвой, ты жаждал быть жертвой, а из жертв получают лучшие палачи. Они стремятся этим еще больше покарать себя за свою слабость, за неспособность бороться. Ты это знаешь, но не можешь смириться. К сожалению, я взял тебя слишком поздно, эти глупые принципы умудрились вложить в тебя, несмотря на ранний возраст. «Каждый должен иметь семью, выбиться наверх, надо быть героем, надо бороться...» Зачем? Ты не герой. Предположим, что ты найдешь свою семью, но ты будешь проклятием для семьи. Я старался взять маленького ребенка, чтобы тебе было легче приспособиться, и чтобы ты не успел никому навредить.

Тебе надо избавиться от глупостей, которые ты всё ещё таскаешь в голове. Твоя цель — жить для меня, ты не сможешь жить по-другому. У тебя нет иной цели, нет иного смысла в жизни. Твоя истинная цель — жить ради меня. Ты жертва. Прими это. Смирись с этим. И тебе будет легче, когда ты согласишься со своей сутью. Но тебе нравятся твои депрессии — это единственный ответ.

...Стив не слушал. Он стремился умереть в сжигающей вспышке удовольствия, которую он впитывал от Джи, которая приходила за очищающей волной боли. Своя боль ощущалась чужой. Фоном... Искрой, разогревающей его тело до взрыва. А потом падал занавес тишины, разливалась удовлетворенная слабость. Приходил сон, а затем начнётся новый день. Непереносимое «сейчас» исчезнет в прошлом. Отлетит пожухлым листом ненужной памяти...

— Убей меня...

— Я не для этого вкладываю в тебя столько сил. Ты выдержишь — это твоя работа. Ты будешь мне потом благодарен, так тебе будет легче жить.

Потом, совсем потом, лежа в объятиях своего бога, Стив снова разрыдался.

— Ты много плачешь, — прошептал Джи. — Тебе нужны силы, возьми мою кровь...

— Кровь? Нет, я не хочу кровь, — нервы рвались и не могли удержать.

Джи позволил себя ласкать, бог ласкал его сам, и Стив сдался. А как он надеялся сойти с ума! А когда он, подчиняясь воле Джи, опять овладел им в очередной раз и забыл себя, отвечая на любовь своего бога... Всё-таки выпустил жало и, замирая одновременно от вожделения и отвращения, все-таки нашел жилку, впился в неё... Сила его бога навалилась мощью цунами, утащила с собой и выкинула где-то далеко в пустоте.

Он очнулся только утром. Джи, смеясь, сдернул его с кровати и отправил фехтовать с курсантами. В этот день, в горячке взятой займы энергии, он выстоял во всех дуэлях, и ему впервые не надрали задницу на тренировке.

А потом белая и мертвая рука памяти погладила по сердцу, привлекая внимание, зовя за собой, и он опять расхотел жить.

Но бог сказал ему:

— Я не буду тебя все время поддерживать, не привыкай! Пойдешь к коменданту, он тебе укажет кого-нибудь наказанного — возьмишь у него. Всего немного, пару глотков, но в течение декады тебя это успокоит, а со временем всё утихнет само.

Механически передав приказ императора и получив брезгливый взгляд от коменданта, он пошел в казарменный карцер. Дежурный молча открыл дверь.

Запертый гвардеец встал и с издевкой смотрел на невысокого экзекутора, представляя, как тот будет тянуться и карабкаться к его шее.

Стив слегка собрался — ну и как его жалить? Жало достаточно тонкое, но все равно лучше толстая жила. В руку, если только у подмышки... Вот рожа. Грег — амбал дубовый, такой же урод, как они все. Просить он не будет. Стив проник ментальным щупальцем Грегу в сознание. Не усложняя, просто подкосил ему ноги. На коленях амбал стал вполне подручной высоты. Стив обошел его сзади и склонился к основанию шеи. Грег попытался вытолкнуть его из головы. Экзекутор усмехнулся: «Господи, ну и смердит от тебя. Не назло же мне тебя после тренировки подсунули, а?»

Но если он завтра заявится с гигиенической салфеткой, тогда оскорбленная гвардия на первой же совместной тренировке порвет экзекутора в пыль.

Приник открытыми губами к потной и соленой шее Грега и, мысленно обезболив, ввел жало в яремную вену. Сразу захотелось обнять. Приласкать... Руки сами тянулись погладить, прямо зуд в пальцах... Ужас какой... Грег про себя зарычал и Стив, сделав пару глотков, вынул жало. Оставил гвардейца с кровавым ручейком на шее.

Выскочил из сознания донора. Тот вскочил и схватился за шею, молча, но очень нехорошо смотря вслед.

А Стиву было хорошо, прямо отлично! Он был даже счастлив. Как будто его привязали к большой охапке воздушных шариков, и они того гляди отнесут его в небо. Шутливо поклонился и выскочил из карцера, хряснув дверью.

— Ой. Я не хотел! — извинился перед дежурным.

Тот не сказал ничего, глядя с мрачной вечностью в глазах.

А Стиву было просто отлично.

Потом Стив залез в систему. Нашел Рона. Точнее, информацию. Рона уже не найдешь... Рон бросился на монорельс в Лаксторе. Недалеко от сафари. В тот же день. Стив несколько раз просмотрел запись. Рон падал с платформы под поезд. Стива опять затрясло. Он даже не сможет извиниться! Хотя как за такое можно извиниться!? Как такое можно извинить... Как за это можно извиняться? Стив без конца проигрывал короткий вид: Рон подходит к краю и делает шаг, падает животом на рельс и товарняк наезжает, раздавливает Рона напополам. Стив не знал, сколько раз он бездумно приближал и отдалял картинку, пока не заметил на заднем плане высокого блондина с шоколадной татуировкой. Цветущая лилия вилась по скуле, изящным завитком дублировала бровь... Синие глаза без выражения смотрели прямо в камеру. Стив выключил запись и сполз на пол.

Когда успел? Он же был целый день с ним... Усыпил, отключил его и ушел убивать Рона? Стив не смотрел за временем, он был раздавлен... Убит. Раздавлен, но раздавило Рона...

Стив начал задыхаться. Он должен что-то сделать... Он не может быть здесь. Стены давили и напозали.

Он так надеялся, что Рон выжил, он же положил его в инкубатор!

Встал на колени у кровати, сложил голову на руки и попытался молиться. Но привычные слова, всегда приносившие утешение, теперь только усиливали боль.

— Ты смысл жизни моей...

«Но я смерть для других», — эхом отзывалось внутри.

— Я дыхание твое... А Рон уже не дышит...

Стив застонал. Пропасть, раскрывшаяся внутри, выворачивала наизнанку.

Он повторял молитву, но вместо утешения слова мучили его.

— Я рука твоя, я зрение твое...

Дышать сложно. Кажется, что вырвали душу. Вырвали сердце. Огромная сосущая дыра, что осталась внутри, гнала его вон.

Закрывшись сканом, выбрался в лес.

Полуручное стадо мелких ярко-оранжевых оленей с мраморными белыми разводами на толстых задницах и длинными белыми хвостами. Нашел стадо и пошел к нему. Почесал нос вожаку. Животные толкались мордами, искали подачки. Он также лез к Рону...

Отогнал оленей, сел в кустах на берегу пруда, разглядывая мостик, изгибающийся к маленькому островку. Столетия назад там жили зверики. На острове посреди озера, куда можно было пройти по кружевному мостику, жили сказочные звери. Единорог, дракончик, тигр... Дивные, ручные и забавные животные. Она убила их. А он убил Рона.

Стив криво улыбнулся. Смерть преступников в Сар Дижон прошла и забылась. Потом она убила звериков. Смешно. Просто выключила пару роботов. Она боялась и плакала, но перерезала им горло. Животное дрогнуло и молча ослабло, залив кровью песок. И другое... И третье. Она почти не почувствовала ту смерть. Ей было плохо, но потом пришла Гайдера. Одна смерть вытесняла другую, а потом уходила и уже так не мучила.

Но смерть Рона, которого Крошка не убивала... Эта смерть влезла и поселилась внутри.

По мосту прошла пара гвардейцев. Лон и Суна. Держась за руки, скрылись в деревьях, разросшихся на месте заброшенного игрушечного царства. А раньше там были дорожки. Вон,

крыша домика единорожки до сих пор видна. Стив прислушался. Ну да, зачем еще эти уроды туда могли идти. Комнат им мало! Притащились на его острове! Стива захлестнуло... Он даже не знал, что его захлестнуло. Ревность? К острову? Бред! Но он чуть было не полетел по затопившей его черной волне.

Пойти в гаражи. Взять грузовой флаер. Включить силовую защиту. С диким восторгом пролететь со всей скоростью над самой водой. Врезаться в мостик. Мостик на несколько мгновений зависнет на овальной морде флаера, как лента на призовом авто... Флаер успеет долететь на середину пруда — там глубоко. Мостик перекосится, свалится и утонет. Потом можно мстительно развернуться и прогладить островок, уничтожая бывшие домики искусственных зверят. Парочка гвардейцев будет шарахаться между кустов. Будет отлично. И даже флаер на место можно поставить. Хотя шарахнуть грузовик в пруд было бы соблазнительно.

Стив заскулил и тут же заткнул сам себя. Глупо-то как... Тело растягивала черная дыра. Болели ладони. Стив помял пальцы, выворачивая их. Не то... Взясся за пук осоки и попытался вырвать с корнем. Рука соскользнула, и кожу разрезало жесткой острой травой. Стив сунул пульсирующую руку в воду. Вода холодила, но лечила. Встал. Обтер кисть о рубашку.

Вернулся в комнату. Задвинул за собой дверь и оперся лбом о прозрачную преграду. Бездумно смотрел на осеннюю пестроту леса. Положил руку на пластикло. Провел, ощущая кончиками пальцев пружинящее сопротивление материала. Оно выдержит выстрел бластера в упор, не разобьётся от атаки грузового флаера... Пластикло словно окружало его с детства. Сначала он не мог выйти один, без няньки. Но теперь может, но продолжает носить такую же непроницаемую оболочку скана на себе.

Его оставили, как ненужный инструмент. Но в отличие от инструмента, он может выйти, Джи мог бы его оставить запертым в карцере или на цепи... А сейчас может выйти, но куда? Слоняться по базе? Он не желал видеть этих людей. Нет, не людей. Сноваживущих. Пускай живут без него.

Он уйдет. Подальше от Джи.

Уйдет туда, где никого нет.

Оптимально было бы увести космический кораблик и смыться туда, где не было системы. Похитить корабль, похитить человека, умеющего управляться с кораблем... Удрать, как Тадей. Но это надо было организовывать долго и тщательно. Его бы раскрыли.

Есть планеты, даже две! Дикие, готовые к заселению, но безлюдные. Системы там нет, только портал...

Побросал в рюкзак немного одежды, затолкал универсальное одеяло, взял валяющуюся в ящике среди собранного хлама и разного барахла архаическую зажигалку, экзекуторский нож и бежал через несколько порталов на пустую планету, где не было базы, императора, Генри. Но система была.

Слабый сигнал чувствовался только у портала. Два примитивных обслуживающих андроида даже не среагировали на ажлисс, который появился и прошел через законсервированную припортальную базу.

Он отдохнет. Постарается спрятаться от себя, от Джи. От памяти. Если его захотят найти, так придут сюда, а здесь пусть ищут — планета большая и пустая.

Как только Стив отошел за холмы, сигнал системы потух для него.

Сверился с картой и пошел к морю.

Нашел себе уютное местечко в дельте реки, недалеко от засыпающего вулкана. В его жерле задумчиво варилась лава, вываливалось широким языком из коренистой расколотовой глотки, остывала в море. Если быть осторожным, то на лавовом языке можно было жарить мясо и рыбу. Для этого надо было исхитриться и пропрыгать к удобному месту по беспорядочным валунам. Но эта маленькая опасность его немного развлекала. Дальше по берегу были озера с горячей или едва теплой водой, где прекрасно можно было поваляться после успешной охоты. Стив почти не использовал ментальное воздействие на местных зверей. Они в жизни не видели людей и подпускали к себе без малейшего подозрения.

Стив потянулся, лежа на своем насесте, построенном среди ветвей большого дерева, на безопасном расстоянии от вулкана и от земли, где ходили большие хищники. Хотя кто его знает, крикнется тут берег и новый вулкан вылезет прямо у него под задницей. Но это почему-то совершенно не волновало. Как и еще одно нарушение устава в дополнение к побегу — перемещение на другую планету без ловушки души. Крилод остался где-то там далеко — в кабинете Джи...

Он был пьян свободой. Хотя опьянение можно было представить только теоретически: из-за продвинутой иммунной системы ажлисс не могли опьянеть. Зато нельзя было отравиться, и можно было безбоязненно лопать любое понравившееся растение или животное. Можно было просто смотреть на облака, разглядывать жилки на листьях, движение гусениц или полет птиц. Он впитывал тепло и холод, следил за каплями росы, стекавшей по стволу дерева, и не думал ни о чем. Лелеял пустую голову и спокойное сердце, словно его память только только начинает заполняться, словно он сам только что родился. Рождаться снова он умеет...

* * *

Прожил он там немного.

Генри объявился, веселый как всегда. Стив почувствовал приближающегося стюарда и начал отступать к лесу с песчаной косы, где бродил в теплой воде, наслаждаясь мельтешением живности у ног.

Стюард посадил флаер и замахал рукой:

— Привет дикарям! Надеюсь, ты не накопил тут неподъемных богатств, а то флаер маленький, больше трех тонн не поднимет!

Стив сжался и понял, что не хочет не только отвечать, а даже видеть Генри. А главное, он не может снова видеть Джи. Все внутри сжалось, и на теплом берегу недалеко от горячего моря Стиву стало холодно. Нет и нет. В бездну! Пошел этот Генри и этот император. Опять бегать по кругу?

— Да что ты скис? — Генри дружески обнял Стива за плечи. — Где ты тут живешь? Я вещи собираю!

— Нет ничего у меня, — пробормотал Стив, скидывая руку андроида. — Ну чего ты на меня тарачишься? Иди возьми мои вещи. Одеяло там на полочке на дереве, — Стив махнул рукой в направлении своего гнезда. — И зажигалка там же, очень полезная вещь тут у вулкана...

Стив прикинул расстояние, бросив взгляд на флаер. Нет, на дороге стоит этот. Робот заботливый... И потом, куда лететь на флаере? Круги по планете наматывать? Нет у него

выхода.

— Ты зажигалку сюда притащил? Шутник! Ладно, идём! — Генри широко улыбнулся и потянул Стива к флаеру.

— Никуда я не пойду! — Стив резко оттолкнул Генри и побежал в лес.

— Ну что ты, в самом деле! — закричал ему в след Генри. — Ты же несерьезно! Сти-ив! Ты же никуда не убежишь! Что, снова стрелять в тебя блокатором?!

Генри секунду постоял, смотря вслед исчезнувшему в лесу экзекутору, а потом равномерно и экономно двигая конечностями, добежал к флаеру и полетел догонять.

Стив повернул к вулкану. Он еще не совсем понял, почему он туда бежит — но бегать по лесу была бы еще одна абсолютная глупость. Ну вот, громадная пустая планета, а бежать некуда. В море прыгнуть? Ага, и плавать там до утонутия. Захлебнутия...

Стив, напрягаясь, но получая дивное феерическое удовольствие от того, что может бежать так быстро, так ловко перепрыгивать через непроходимые завалы из поваленных мертвых деревьев, мчался по склону вулкана вверх. Он бежал!

Генри занудно появился сзади. Летел медленно и невысоко, подведя флаер чуть ли не к самой голове Крошки:

— Куда ты бежишь? Там же некуда бежать! Побегал и хватит, заскакивай внутрь...

Стив даже не мог отвечать. Память услужливо разбудила злость, и та вытащила за собой старую безнадежность. Стив сжал зубы и прибавил темп, взлетая на край кратера. Остановился. Встал на самом краю жерла. Жар, идущий снизу, был почти невыносим. Жерло смотрело вверх красным оком медленно стынувшей лавы, и можно было бесконечно разглядывать завораживающие узоры мрачного красного на поверхностной скорлупе лавы и сияющего желтого в ее трещинах. Через оранжевый и серо-коричневый аж до черного в постепенно темнеющей к краям воронке жерла...

Генри тупо висел сзади и бубнил свое.

Стив прислушался. Он не чувствовал системы. И отлично.

Прыгнул в кратер. Единственное, о чем он успел подумать, что Генри своим криком испортил последнюю минуту его жизни.

* * *

Генри сунул руку за пазуху и вытянул кристалл. Ловушка сыто светилась молочно-жемчужным цветом, насыщенная пойманной душой.

Чувства меня не чувствуют,
Птицы меня не слышат,
Яд мне втекает в уши,
Кровью на коже пишет.
Выйду в полдень на площадь,
Буду кричать криком!
Речка камыш полощет
Громче в лесу диком...
Травы сохнут на стопах,
Пальцы падают пеплом...
Где-то встает солнце,
Там, где меня нету...

(дневник шестой Крошки)

* * *

Инкубатор открылся, и Крошка обнаружила себя в тренировочном зале. В теле Хакисс. Она в ужасе закрыла глаза, и страх моментально сожрал её. Джи накажет за самоубийство, когда вернет. Вернул...

Джи был спокоен и холоден:

— Погуляла?

Она сделала нечеловеческое усилие и все-таки вздохнула сквозь сжатое горло. Преодолевая крупную дрожь и снова забывая дышать, спотыкаясь на каждом движении, выбралась из инкубатора.

Джи склонил голову набок и улыбнулся.

— Подойди ко мне, — Джи указал пальцем на пол перед собой.

Страх сожрал Крошку начисто. Остались только обглоданные кости, которые стремились сломаться, рассыпаться в пыль. Тщательно держа равновесие, не чувствуя свое тело, подошла и опустилась на колени. Любое неосторожное движение — она рассыпется, как шалашик из сушеных косточек.

Джи ласково провел пальцем, обрисовывая овал её лица. Она замерла, ожидая наказания, но чувствовала только тепло нежного касания пальцев, глядящих скулы... Крошка не смогла сдержаться и заплакала, не смея шевелиться, не смея упасть.

— Ты мое орудие. Не друг, не дитя, не член семьи. Ты — вещь, ты мой инструмент, и я использую тебя там, где мне будет угодно. У тебя не может быть других желаний, кроме одного — слушаться меня и делать так, как приказано. Ты не имеешь права убежать. Тебе некуда бежать. Ты хотела сгореть? Так гори.

И она загорелась. Боль ментального образа, проглотившая её, была бесконечна.

Лопалась и слезала кожа, обугливались и рассыпались в пепел пальцы, взрывались и испарялись глаза. Крик отмирал на краю губ. Внезапная тишина и покой оглушили. В ужасе просканировала себя, но она была цела. Сердце бешено билось в висках, легкие разрывались, всасывая воздух, тело отзывалось болью в каждой клеточке, но все было цело.

Голос... Голос. Мягко рокочущий родной голос, бесконечно знакомыми обертонами срывал кожу, кромсал мышцы и бился внутри каждой кости:

— Не кричи. Крик отнимает разум и восприятие, отвлекает от боли, уводит от процесса, закрывает цель... Не сопротивляйся боли, не пытайся убежать. Прими её. Впусти в себя раскройся навстречу и растворишься в ней. Стань этой болью, и она выпьет тебя, утешит. Сожжет, и твой пепел развеется... Боли не будет...

И снова она горела, чтобы снова очнуться в тишине... Тьма и покой... Тьма душила прозрачной тишиной... Её нет, но Джи... Он везде...

Не осталось ничего, только голос Джи струился вокруг и творил мир.

— Крошка?

Она открыла глаза.

Она дышит.

Воздух. Тепло.

Джи.

Её бог.

Её жизнь. Её смерть.

— Ты понимаешь, кто я?

Где-то глубоко и незаметно шевельнулся страх. Дрогнула и сразу забылась ненависть, и всю её проглотила любовь.

Крошка, с готовностью растворяясь и отдаваясь, бессознательно зашептала:

— Ты мой император...

— А кто ты?

— Я твоя часть...

— Почему ты живешь?

— Ты так решил...

— Присягай мне.

— Моя душа принадлежит императору, моя жизнь в руках императора, моя цель служить императору, — впервые она прочувствовала смысл присяги. Она повторяла ее много раз, заступая на дежурство у трона вместе с гвардейцами, сопровождая императора на приемах, и только теперь слова присяги прожигали её до дна и добивали; распинали, разрывали на куски, вырывая оборванные ростки того, что было её самой сокровенной частью, её духом.

— Подойди ко мне.

Она почувствовала, как фантом императорской любви покинул её.

Она не могла двигаться, она была выжжена и развеяна; тело не слушалось, надорвавшись пережитой болью, страхом и безнадежностью. С трудом передвигая трясущиеся ноги и помогая себе руками, она перебралась ближе и осыпалась у ног императора. Джи протянул руку. Она отчаянно попросила и Джи принял её истрёпанную душу, и нега унесла последние осколки воли, жалкие обломки сознания.

Джи легко подхватил её на руки и унес к себе... и там она окончательно погибла, развеялась и исчезла во взрыве разделённого и усиленного наслаждения.

Джи тихо шептал, и яд его слов проедал кислотой и клеймил.

Слова невесомым пеплом проникали в беззащитное тело и серой чешуей оседали изнутри, вытесняли сердце...

Крошка соглашалась. Джи знает её самые глубокие желания, она живет только для Джи. Никто не даст ей больше, чем её бог. Никто не знает её лучше, чем её бог. И она не хочет никого и никогда, кроме своего бога. И нельзя ей никакой семьи, никаких друзей, она — урод и она рада, что Джи нашел её и взял к себе. Иначе она бы испортила жизнь себе или кому-нибудь еще, пытаясь жить, как все люди. А так она может быть полезна, её жизнь имеет смысл, она служит императору, она служит империи.

Но внутри, сквозь ту странную пустоту, образовавшуюся за сердцем, что-то тянуло её в бездну. Она никак не могла понять, что тянуло её. Она не могла понять, почему у неё вдруг так пусто внутри. Она не понимала и заплакала.

— Тебе нужно детское оправдание, что ты не виновата, что тебя заставили и я даю его тебе... Но мы же знаем, что ты хочешь сама. Я твоя единственная возможность жить честно, в мире со своими желаниями и нуждами. Я проверял тебя и теперь я уверен в тебе. У нас было два тяжелых года.

— Убей меня, — опять потеряв себя в ласках Джи и опять забывая дышать в его руках, она не могла кричать. Руки Джи — прекрасные руки с изящными и длинными, но сильными пальцами... Она могла смотреть на эти руки часами, лишь бы не видеть его глаза, которые выпивали её одним глотком. Под руками же она растекалась в безвольную массу, способную только всхлипывать, потеряв голос, потеряв себя, забыв представление о мире, не чувствуя время и не ориентируясь в пространстве. Спроси её сейчас, она не скажет, не сможет сосчитать даже до двух. Джи, её бог, её суть собралась в малое зерно, вселенная сжалась до величины рук Джи и жила в нем и билась. Она сама не была. Боль перерастала в наслаждение, и наслаждение было бесконечно...

* * *

Утром Джи разбудил ее и ушел в ванную.

Хакисс бессмысленно смотрела на потолок. Скан безвольным осьминогом колыхался по базе, в степи... Крошке казалось, что она растворилась в воздухе, разлетелась невидимым туманом, клочками паутины далеко от базы. Её нет. Но люди, кругом люди... ажлисс... А внутри душный пепел... Она встала и, не зная что делать, пошла вдоль стен, ведя рукой по затейливой резьбе деревянный мебели. Диван... стол... шкаф... Неясное ощущение заинтересовало. Оно было тут всегда, но казалось одним из эффектов базы, тихим голосом подсознания. Но нет, это другое... Словно кто-то глубоко-глубоко под землей кричит. Кричит устало и безнадежно, уже давно не слышно его, но остался след голоса, отпечаток ауры. Отпечаток сознания. Нескольких сознаний. Крошка провела рукой, нащупывая след. Средняя полка. Открыла дверцу и шкапулку, стоящую там. Положила ладонь на пять полных ловушек. Она могла бы отпустить их, если бы у нее был нож. Сгоревший в вулкане. Незнакомые ауры полных кристаллов. А её ловушки нет. Джи спрятал. Крошке на краткий миг стало смешно.

Рука Джи протянулась над плечом, закрывая шкапулку.

— Ты никогда не интересовалась моими вещами...

— И не буду... — с трудом ответила Хакисс. Тело было мертво, душа была мертва. Не было ни сил, ни эмоций. Она с трудом стояла. — Кто там?

— Запасные и неудачные крошки, — хмыкнул Джи. Поцеловал и обнял, прижимая к себе, и отвёл к кровати. Она откинула голову ему на плечо и слушала даже не удивляясь, что у нее нет никаких чувств. — Ты же у меня удачная. Ты никогда не хотела убить меня.

— Я обещала не предавать тебя, — еле слышно произнесла Хакисс. Слова были корявы и сухи, их приходилось выталкивать усилием всего тела. Ее начала бить крупная дрожь. Усталым эхом отозвались напряженные мышцы. Она неуклюже и больно прикусила язык.

Джи укутал её фантомом, растворил дрожь, распустил боль. Сел на кровать и притянул Крошку себе на колени.

— Зачем ты убивал меня? — она спрятала лицо у него на плече. Голова была тяжела.

— Я учил тебя. Без боли нет радости. Экзекутором быть тяжело, но теперь ты готова. Ты — хороший экзекутор. Ты будешь со мной, и я не буду искать никого другого. Легкую жизнь для других надо охранять, и ты будешь помогать мне. Я готовил тебя, чтобы ты могла делать свою работу с минимальным страданием. Чтобы ты могла делать свою работу с удовольствием. Я учил тебя и проверял. Ты же учила биологию: без стрессов нет развития, без проверки нет устойчивости. Ты прошла все проверки. И ты теперь готова. Ты моя упрямая, маленькая, но честная Крошка. Тебя сложно было разбудить. Ты ни за что не хотела мне навредить, и поэтому пришлось просить Криса. Но теперь все будет хорошо.

Джи ссадил ее с колен и встал.

— Подними руки, — развернул длинное голубое платье, которое принес из её шкафа в ванной. — Останешься со мной на завтрак?

— Нет, я пойду к себе, — Крошка покачала головой и добавила почти беззвучно: — И я не хочу быть Хакисс.

В памяти выплыла сказка: «Джи подобрал маленькое умирающее словечко... Собрал все пороки, всё зло мира и запер в экзекуторе...»

Крошка всхлипнула.

— Крошка, какая разница, что думают глупые кочевники? — Джи обнял фантомом и воображаемые руки прогладили теплом. — Главное, что ты — моя удачная крошка. Свободы нет ни у кого. Каждый должен держаться правил и рамок, иначе смерть. Я сделал для тебя невозможное. Ты свободнее любого глупого кочевника, который должен трудиться с утра до ночи всю жизнь, чтобы прокормить себя и потомство. Который должен зарабатывать бонусы, чтобы было чем платить за лечение, и всю жизнь мучиться, что не успеет и умрет в глупых метаниях о том, что бы было, если бы он выбрал что-нибудь другое. Ты же единственно свободный человек Империи. Тебя ничто не ограничивает, кроме твоего решения жить. Любое несчастье и даже боль ты можешь превратить в любовь и удовольствие. И самое главное — я верю тебе. Можешь просканировать меня.

— Не надо... Я не хочу тебя проверять, — Крошка не могла говорить. Голос шуршал, как горячий песок... Голоса не было, сил не было, но говорить мысленно казалось еще хуже.

— Ты могла бы закрыться от моего скана, если не хочешь. Ты почти так же сильна, как я, — улыбнулся Джи, но убрал фантом и поправил ей кружевную пелерину. Ровно разложил по плечам.

— Опять проверяешь? Не хочу... — Крошка, не поднимая глаз, покачала головой. Вспомнила: — Это Кристофер был на Гайдере?

— Да, ты же узнала его. Он очень остроумно нашел способ твоей активации. Пригrel и

использовал психа вроде себя самого.

— Я думала, я убила его.

— Он вовремя ушёл, — Джи взял ее лицо в ладони и поцеловал. — Экзекутор в момент пробуждения часто убивает всех вокруг. Ты же не хотела раскрываться со мной. Ты берегла меня. А Крис умница. Он всё организовал правильно. Не только вычистил дворец, то есть подготовил место и спас людей, но заметил, когда ты была близка к выходу за блок, и успел уйти. Ты убила только его помощника. Иди к себе и поменяйся в Стива. Потом я позову тебя. Не торопись, декады тебе хватит, — притянул к себе и шепнул на ухо, обволакивая теплом: — Ты моя любимая Крошка... Я сделал тебе величайший подарок — ты всегда можешь изменить чужие эмоции в своё удовольствие. Ты никогда не будешь одинока, люди всегда будут нужны тебе, а ты людям...

— Это ты называл якорем? — смогла прошептать.

— Нет, якорь — это основа поведения. Зная якорь можно управлять человеком без фантомов. У тебя это честность и долг. Я доволен тобой. Вызвать тебе Генри?

— Нет, я сама, — на секунду ухватилась за дверь — пол подозрительно качался под ногами. Уравновесилась и ушла.

Экзекутор не прощается.

* * *

Вместо жил раскаленные нити,
Кости пеплом рассыпаны в прах.
Нет уж сил. Не твои даже мысли,
Твой с тобою остался лишь страх.

Голос умер. Отчаянье дымом,
Серой гарью струится из глаз.
Это всё. Всё твоё. Недвижимо.
Навсегда. Нет меня. Есть приказ.

* * *

Почему-то знание, что Джи намеренно отдал её Крису — больно ранило. Крис не побоялся пробуждения экзекутора, хотя она не давала клятвы Крису. А Джи испугался и выкинул в степь. Она присягала Джи, а он все равно не верил. Верил ли теперь? Лезть глубоко в мысли Джи не хотелось даже сейчас. Она всегда плавала поверху, там, куда он сам пускал её. Она никогда не пыталась нырнуть на самое дно. Тоже боялась? Прямо с детства боялась найти там что-то страшное? Оскорбить недоверием? Если он что-то прячет, значит лучше этого не знать? Она никогда не пыталась сканировать Джи глубоко, сама же была всегда открыта. Что ей скрывать? Она не император. Она не создает крошек одну за другой, пока не найдет нужную. Джи у неё один. Её якорь...

Но то, что Джи не верил ей и боялся, ранило больнее, чем пытки.

Крошка брела, с трудом держа скованное тело. Разучившись ходить, не умея дышать. Тащилась в одиночество своих комнат. Казалось, одно неловкое движение и она вытечет невидимым дымом из тела. А тело рассыпется в пыль, прах, развеется пеплом. Если она на мгновение вздохнет, если успокоит напряженные до дрожи мышцы, то тут же развалится, как поломанная марионетка, из которой выдернули веревочки. Связь между душой и телом выгорела, тело оглохло. Вместо сердца осталась пустота. В голове туманно плавали обрывки мыслей. Не понимая себя, не видя дороги, придерживаясь рукой за уворачивающиеся стены, натываясь на углы, она добралась к себе и там бессильно села и огляделась. Почему-то болела рука. Что-то её звало и она снова встала, наощупь подошла к шкафу. Не понимая зачем, и каждую минуту застывая, как робот с севшей батареей, открыла ящик застыла и зашептала:

— Я смысл жизни твоей, я воля твоя... Я зрение твоё и движение твоё...

Экзекуторский нож лежал на своем привычном месте, как будто он не сгорел вместе с ней в вулкане. Крошка слабо усмехнулась: пародия. Её жизнь бутафорская пародия. Дубли крошек и копии ножей. Дурная запись. Достала нож и прижала плашмя к груди. Холодная сталь пустила по телу волну ледяной изморози. Крошка осела на пол. Как в первый день. Даже, кажется, на то же самое место. Сидела и смотрела на нож, лежащий на раскрытых ладонях, и поняла, что замёрзла. «Любимая Крошка» — эти слова добивали... Холод шел изнутри и болела левая рука, как будто там росло нечто чужеродное и злое, выгрызающее и высасывающее плоть. Боль дергала ладонь, ввинчивалась в запястье. Вся её жизнь свернулась в кольцо, в ошейник, холодным металлом безнадежно сжавший горло. Каждый вздох давался с огромным трудом. Крошка запрокинула голову и прерывисто всхлипнула, пытаясь вздохнуть, но ледяной ошейник не отпускал, а легкие сжались в смёрзшийся узел.

— Крошка?

Генри! Дикое бешенство накрыло Крошку.

— Заткнись! — она зажмурила глаза и согнулась, прижимая к себе нож и пряча лицо между колен. Слова застревали, как колючие шарики. Не желали выпадать из спазматически сжатых челюстей и цеплялись за губы.

Генри прошёл в гигиенический угол и вернулся.

— Джи сказал ты будешь меняться в Стива, тебе нужна еда. Я наполнил ванну...

— Во-он! — захрипела.

Это невыносимое желание бросится к Джи, быть с ним немедленно, рвало кожу, взрывало сердце, бешено пульсировало во всём теле. Она любит его, она не может без него! Нет, это не любовь! Любовь не может быть так страшна и болезненна! Это одержимость! Безумное наваждение. Проклятье. Она не хочет! Ей не нужна такая любовь, такая ласка. Вблизи него она теряла себя. Когда Джи был рядом, то она переставала быть. Она превращалась в ничто... В воспринимающую мембрану существования Джи. Смогла бы она убить Джи? Она была уверена, что нет. Да, невыносимо хотелось прорвать ему грудь, воткнуть пальцы между рёбер, выломить каждое ребро с хрустом и криком, увидеть, как вздрогнут розовые доли лёгких и вырвать горячее, бьющееся и скользкое сердце! Раздавить в кулаке, чтобы тёплая кровь и раздавленные мышцы протекли между пальцами...

Смогла бы она жить, если бы Джи действительно умер?

Встала и легла в ванну. Уходя в горячую воду, положила нож на живот. Пытаясь впитать тепло, подставила больную ладонь под обжигающую струю... Боль перестала кусаться, но

стала тяжело пульсирующей, давящей, словно в ладони вздувалось яйцо. Росла личинка. Злая личинка...

Боль, своя или чужая, может отвлечь. Может примирить с жизнью, дать близкую и легко достижимую цель. Принесёт не только опустошение, но и странное успокоение.

Крошка воткнула в ладонь нож, заикнулась и застонала, разрезая кисть, выпуская зло вон из своего тела, вымывая его кровью, уводя боль сердца в более острую, но успокаивающую и расслабляющую боль регенерации...

Джи еще какое-то время стоял, слушая, как Крошка неверными шагами и, почти теряя сознание от жалости к себе самой, бредет на место и опять бормочет стишки.

Кажется, получилось.

Наконец-то.

Но радости не было.

Долгожданный зреющий плод оказался несъедобным.

Но выглядит полезным.

Дурочка считает его трусом, но ни один трус не полезет на вершину Империи. А к тому же жалость способна привязать женщину еще сильнее...

Улыбнулся. Улыбка вышла мёртворождённой.

Стёр с лица неестественную гримасу.

Заставил себя ровным шагом выйти в кабинет и сесть за стол. Спина прямая, кулаки на коленях.

Эж бесшумно сервировал завтрак.

Нельзя расслабляться. Всё равно нельзя расслабляться. Как бы хотелось... Но нет, на вершине может быть только один.

Без селекции индивидуальностей люди превращаются в серую бесцельную массу. Нет индивидуальности — нет общего прогресса... Но как только возникает особь, озабоченная целью, так немедленно отрывается от общества, от семьи... Где и как найти баланс?

Как же он устал!

Нет, пора остановится на достигнутом. Сто лет жесточайших ограничений и экспериментов, а он тоже человек в конце концов!

Хорошо, что у него нет дневника... Хотя бы сам с собой он может не врать и не прятаться... Один ключ и то много. Что знают два — то знают все. Но кому-то доверять надо. Крис хотя бы способен держать себя в руках и с ума он сходит дозированно. Знает, что кроме Джи никто не сможет заставить Империю работать. Что никто, кроме Джи не потерпит такого уroda среди ажлисс. Хотя прошло много времени и нет следов... Но зато есть некоторая уверенность, что если его убьют, то Крис пнёт Крошку, а Крошка найдет единственно истинный крилод с его душой.

Тем более, что, сама не зная, она уже нашла — дурочка даже гнездо в тайнике сделала...

Всё хорошо. И кочевник удачно подвернулся. Не пришлось искать жертву для проверки экзекутора. Очень кстати Крошка, не зная сама, указала на свидетеля. Все данные говорят, что эта Крошка не сломается. У неё отличные защитные механизмы: выплается, перебесится, но работу сделает. Жалко, что нельзя её успокоить и сказать истинную причину убийства мальчишки. Чтобы не расслаблялась. Она не должна почувствовать незаменимость — не будет стараться и всё, план возрождения можно начинать с начала... Минимальная слабость — появится рычаг воздействия — все рухнет.

Император не может позволить себе привязанность.

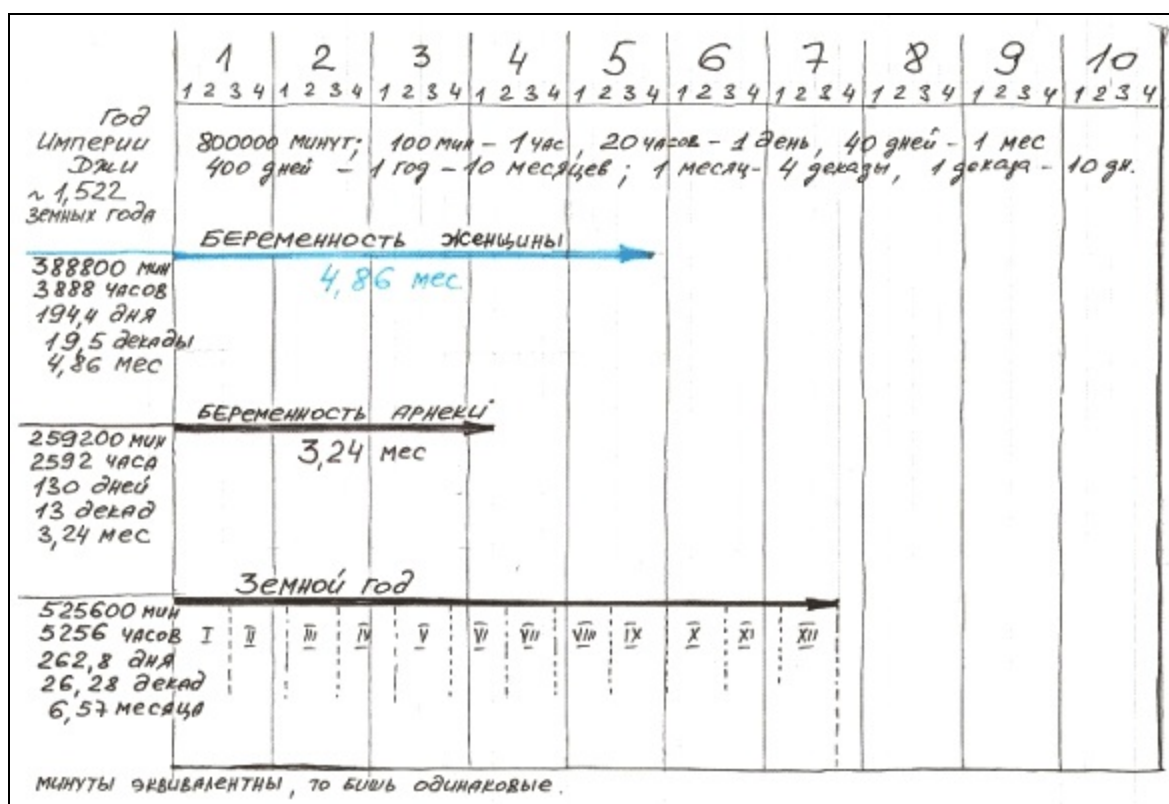
Медленно вздохнул: есть надежда, что эта крошка его не предаст. Он не выдержит мести... Только не это... Лучше бы его тогда Вик не находил... Но без него не будет единой объединяющей силы. Плюс оставшимся придется с нуля создавать кодировки порталов — он

уничтожил все ходы и всех, кто мог бы повторить его путь. Это даст время Крису. Надо постараться, чтобы он выжил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Справочный материал

Сравнение времяисчисления на планетах: Земля и Джи

Часы. Спасибо Сэму! В сутках стандартного времени Империи 20 часов, см вышк табличку, в часе 100 минут. Минуты же идентичны земным.

Ажлисс — или сноваживущие — каста людей, за свои заслуги перед империей и ценность для императора, получившие возможность после естественной старости и износа своего естественного тела, «вселиться» в новое модифицированное тело. После возрождения в теле ажлисс, умеют общаться телепатически на кратком расстоянии, узнавать друг друга и людей по ауре — характерному рисунку души каждого живого существа, обладают ускоренной регенерацией и активной иммунной системой, которая нейтрализует любые инородные вещества, яды и возбудители болезней. Поэтому не могут опьянеть или попасть под действие наркотиков или инфекции, яда. С момента получения статуса, ажлисс находятся в постоянном контакте с системой, куда копируется их память, т. е. на каждого сноваживущего ведется его собственный «дневник».

Арн, арнека — переселенцы, попавшие на планету Джи в результате аварии портала на Северной базе, во время экспериментального отключения биополя Императора от системы порталов. Во время аварии Северная база вместе с частью области исчезла, а на её месте оказался кусок чужой планеты и с разумными обывателями — арнами. Арны — полуоборотни, могущие во время свадебного сезона бегать на четырех, женщина-арн называется арнека. Вроаррист — основатель семьи Вроар, муж Крошки. Гверрец — стрелял в Лил на совете и был убит Вроарристом. Крис успел забрать душу Гверрца в кристалл, и потом в его оживили, сделав беременной арнекой. Ваул и Вайвел — отец и сын отщепенцы, были пойманы первыми. Фравва, Раввао, Дарраис, Ахрра и Сибрист — семьи арнов. Харры Двароа — провинции планеты арнов, оставшиеся вне перенесенных Территорий.

Стив насчитал 2116 человек без Ваула и Вайвела + 1 оказавшегося в области Оранойя (Империя): 95 одиноких охотников, 656 детей, 223 пары (446 семейных), 919 старых и одиночек — членов семей. Гверрец + 30 напавших были увезены и переделаны в арнек.

Ахай — приморский город на юге, где на барахолке Хакисс купила кресло. Там же проходил праздник 200 лет империи, а Крошка видела его в записи и в памяти, пытаясь понять это она там в теломорфе Марка или нет. В Ахае живут птички колибри, опыляющие деревья-горнисты, которыми обсажены бульвары в наземной части Лакстора. В Ахае находится кожевенная фабрика, шьющая куртки из кожи ягнят и центр культуры кочевников.

Библиотека (в связи с системой) — часть системы, где хранятся индивидуальные кристаллы — ловушки душ эйджлесс и их дневники. Доступ в нее для эйджлесс ограничен, для людей невозможен.

Время — кратное десяти и ста. Минуты равны Земным. В часе 100 минут, однако в сутках 20 часов, в неделе 10 дней, в месяце 4 недели, в году 10 месяцев и соотв, 421 день. Дополнительный полумесяц из 21 дня называется императорским и забирает все лишнее время, выравнивая год до 400 дней стандартного года. В это время проводятся многие государственные праздники.

1. *дата. Цитата:*

— Хорошо, Скайвилла, — андроид протянул ему палочку коммуникатора. — Какой сегодня день?

— Пятое столетие Империи, шестьдесят третий год, первый день шестого месяца!

2. *дата. Цитата:*

— Идентификация?

— 5 Столетие, 63 год, 6 месяц, 24 день Империи. Планета Джи, главная база, комнаты экзекутора. Активация системы — экзекутор.

— Вседержитель Дитсайр 16-й, Гайдера?

— Смерть — 5 Столетие, 62 год 9 месяц 14 день Империи, планета Гайдера, столица Имра, дворец вседержителя.

3. *дата*. Ронах работает на фабрике качественного протеина, выходные каждый 5 и 10 день.

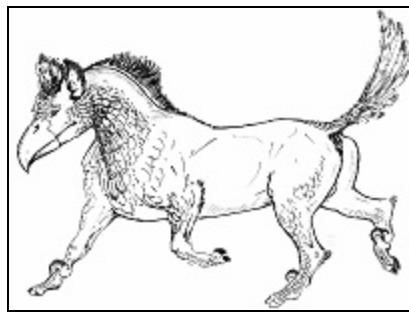
Геарджойя — северный материк на планете Джи, где на границе пустошей находится Императорская база и подземный город Лакстор.

Деньги — в основном виртуальны. Платежи осуществляются через коммуникатор (комм), который настроен на биополе хозяина. Ажлисс могут войти в систему, положив руку на считывающий сенсор, если данный терминал им оборудован, или же через свой комм. Есть и наличные деньги — «империалы» или импы — разноцветные ленточки с выпуклой цифрой. Желтые — 10, зеленые — 20, красные — 50 и голубые — 100, синие — 500. Один и пять империалов — металлические колечка, пяти-имповое шире. Более крупные суммы платятся через систему долговых помесечных выплат, учитывающих максимально возможную месячный доход, который не может быть выше пятисот импов на человека. Деньги или чаще их имитация используются как украшения, особенно детей в семьях культа бессмертного Императора Джи.

Дозен — поселение, часть большого города, сельской местности или группа людей около пяти тысяч человек, находящихся под ответственностью одного дознавателя.

Дознаватель — ажлисс, владеющий глубоким сканированием, т. е. умеющий читать память и эмоции людей и отвечающий за благополучие минимально 5 тысяч человек (так называемый дозен — группа людей, город или территорию с таким количеством людей). Дает разрешение на браки, регистрирует в системе события в своем дозене: рождения, смерти. Помогает определиться с профессией, определяет вину и наказание для провинившихся, может присудить провинившегося к ношению ошейника и прикрепить к нему куратора. Время от времени каждый дознаватель участвует в проверках других ажлисс, вместе с двумя или четырьмя по жребию выбранными дознавателями. Комиссия из 5 дознавателей дает право человеку перейти в статус ажлисс.

Кварг — степной одиночный хищник, похожий на некрупную парнокопытную лошадь с орлиной головой, отличается склочным и агрессивным характером. Голова, передняя часть шеи и грудь покрыта жесткими перьями, на внутренней стороне ног находится высокопосаженный и подвижный палец, снабженный серпообразным исключительно острым когтем. Когти используются для стабилизации движения при резких поворотах во время бега, а также на охоте. Кварги живородящи, дитеныш сразу питается добычей, поманной матерью и остается с ней до следующего случного сезона. Молодых кваргов ловят и приручают кочевники для езды и охраны своих стад. Но для управления ими пользуются специальными ошейниками, позволяющими управлять кваргом ментально и блокирующими агрессию к человеку.

Кристофер (Крис) — регент Территорий арнов. Родная планета — Жальрис.

«Твое дело их найти и поймать, а не облизываться с ними!» — по этим словам Крошка заподозрила, что это он был начальником стражи (стражным) на Гайдере, где большинство высших чинов носило маски.

Крилод — Кристалл ловушки души — приспособление в виде прозрачного кристалла диаметром около 3 см, может носиться в виде кулона или на браслете, настроенный на конкретного человека/ажлисс. При уничтожении тела или повреждениях тела, несовместимых с жизнью, когда душа уже не может удержаться в разрушенном или ослабевшем теле, то кристалл втягивает в себя душу, которую потом можно будет «вселить» в специально подготовленное и выращенное в инкубаторе тело, подстроенное под именно эту душу — на чем основано существование касты ажлисс. Полный кристалл меняет цвет на молочно белый.

Куратор — человек, ответственный за поведение неблагонадежного жителя империи. Замыкает и автоматически кодирует ошейник, надевая его на курируемого. Ошейник принуждает курируемого слушаться куратора. Ошейник может снять только куратор или дознаватель.

Лакстор — подземный город в 60 км от императорской базы. На пол-пути с базы в город расположен один из планетарных порталов. Лакстор известен продукцией и экспортом личинок мясных мух, котрых выращивают в шахтах и технического масла карликового оливовника, растущего на окружающих город пустошах.

Могила Райны — поселение еретиков, названное в память Святой Райны (Райнаханна), отказавшейся от благ цивилизации и бессмертия.

Норбруск — северный город, известный рыбной промышленностью.

Ошейник или нейро-ошейник — по решению дознавателя, надевается куратором на социально-неприспособленных жителей Империи, блокирует негативное поведение и заставляет выполнять распоряжения куратора.

Оранойя — область, где работает дознаватель Бни и где находилась колония еретиков Могила Райны.

Регент — каждый регент является наместником Императора на своей планете, исключение — регент Кристофер (Крис), который отвечает за перемещенные Территории на планете Джи.

регент Яо — планета Ломиб (живет в наследном дворце, имеет цирк биомехов — киборгов),

регент Джул — планета Карао (специалист по ошейникам-идентификации, особенности планеты: черный дуб кордис, «водяной» хлопок),

Система — краткое название всеобъемлющей компьютеризированной информационно-регистрающей системы жизнеобеспечения Империи. В ней содержатся

дневники всех ажлисс, регистрационная информация о людях — гражданах Империи. Она же управляет транспортом и порталами, ведет учет платежей, страховок и бонусов людей и тд и тп.

Спасатели — среди которых есть и люди, выполняют роль полиции, пожарных и подобных структур, занимающихся помощью людям во время экстремальных ситуаций, аварий, природных катастроф. К спасателям относятся и медики. Юридически — часть императорской гвардии.

Тадей — беглый император, 300 лет перед событиями стер о себе всю информацию и удрал неведомо куда с кучкой приспешников и экспериментальными людьми-арнами строить новое идеальное общество.

Благодарности

Большое спасибо всем, кто читал, читает и будет читать!

Огромнейшее спасибо Фиал за клуб — благодаря ее фантастической идее и работоспособности моя дохлятинка сдвинулась с места и забегала!

Спасибо вам: Rhish и Ирина Зауэр за стихи!

RhiSh: главы 1 и 10.

Ирина Зауэр: главы 14, 15, 16, 17, 19, 20.

Спасибо Милошу Евремовичу за разрешение использовать его арт (<http://miloshjevremovic.deviantart.com/art/My-pain-360052771>) для оформления повести и Александру Ichimaru за обложку!

Иллюстрации к главе 8, 11, 13 и 15 кисти Дарьи Левчук «HerbstRegen» <https://vk.com/id17769169>

Иллюстрации к главе 16 — Dzikawa <https://vk.com/dzikawa>

Иллюстрации к главе 1, 2, 3, 4, 5, 6 — Mard Amo <https://m.vk.com/mardamo>

Арт к 18-й главе <http://vk.com/levelviolet>

Спасибо за разрешение использовать рисунки:

Lay Lol <http://laylol.deviantart.com/>

Кириллу <http://skirill.deviantart.com/>

Dalfa <https://virink.com/degra>

Добромыслу <https://virink.com/Dobromysl>

Спасибо всем вам:

Платонова Наталья, Каллиопа, Алекс Зарубин, Бука, Агата, Даймонд Имм, SEN, Rhish, Ирина, Светлана и Светлана, Алёна, Саломея, Ника (возвращайся!), Суэлинн, Рыцарь, Орди Сэм и все-все-все!

Всем, кто вычёсывал блох и продолжает помогать творить мою игрушку!

Огромное спасибо Арисе Вайе и Sv.I, которые помогают найти крючки, развесить ружья и вправить мозги.

Бесконечное спасибо Твил, за то, что позвала меня на МП и порекомендовала Мааэринна как критика, так как без его комментариев я бы никогда не догадалась, как оно бывает и с такой стороны.

* * *

Отзывы и рецензии перенесены в отдельное произведение

5 глава: Джи показывался людям в теломорфе «отца народов» — коренастого мужчины на грани пятидесяти. Синие мудрые глаза, коротко стриженные темные волосы и начинающие сесть виски. Корректная бородка обрисовывала широкие упрямые скулы...

8 глава: Протянула руку к алтарю. Не касаясь, попыталась увидеть Джи сканом. Нет. Глухо и слепо! Взяла статуэтку и, закрыв глаза, прогладила фигурку кончиками пальцев и изумилась. Джи был не тот широкомордый дядька, чьи изображения стоят в храмах и который показывается на официальных мероприятиях для людей. Это было изображение безбородого тридцатилетнего «домашнего Джи», с длинным волевым лицом, чем-то похожего на теломорфу Марка. В этой теломорфе Джи — единственный эйджлесс, кроме Крошки, обладающий возможностями эзекутора, предпочитал быть на базе и в обществе эйджлесс.

1 глава 2 часть: Стив поймал шевельнувшийся отсвет пробуждения и, боясь неуклюжим движением разрушить хрупкое, словно ледяное кружево, мгновение общности, потянулся и нежно провел пальцем по спинке носа, лбу над бровью, по виску и перешел на щеку. Джи, не открывая глаз, улыбнулся и подхватил их старую детскую игру: по следу пальца расцветал шоколадный узор — кожа темнела имитацией загара.

Стив, сдерживая смех, шепотом продекламировал считалку и закусил губу.

— Листик, листик и лепесточек!
У меня есть десять дочек!
Но всего один сынок,
Вот, вскочил он на порог!

Подвел Джи глаза и с последним словом поставил легкую точку на кончик носа. На лице прорисовался стебелек и листики. На гладкой карамельной щеке, без малейших следов щетины, распустилась кофейная лилия.

Нежная кожа век, густые черные ресницы дрогнули и у Крошки вздрогнуло сердце, пугаясь и восхищаясь глубиной синих глаз... Высокий чистый лоб, длинное лицо с сильными челюстями и приоткрытыми губами... Не вынес и наклонился поцеловать.

Сравнительное время

Земля 60 минут = час, 24 часа = день, 7 дней = неделя, 30 дней /4,3 недели = месяц, 365 дней/52 недели/ 12 месяцев = год.

Джи 100 минут = час, 20 часов = день, 10 дней = декада, 40 дней/4 декады = месяц, 400 дней/40 декад/10 месяцев = год.

беременность человека на Земле 388800 минут — 6480 часов — 270 дней — 39 недель — 9 мес
беременность человека на Джи 388800 минут — 3888 часов — 194,4 дня — 19,44 декады — 4,86 мес
беременность арна на Джи 259200 минут — 2592 часов — 129,6 дней — 12,96 декад — 3,24 мес.

Стив

15 глава. Пока набиралась вода, неуверенно бросил взгляд в зеркало, подвязывая повыше длинные волосы. Кожа по всему телу так и осталась как у восьмилетнего ребенка, равномерно покрытая почти невидимым пушком, и никаких особых примет или родинок. Общий вид на шестнадцать-восемнадцать лет. Угу, получилось всё, как хотел, кроме длины волос. Сразу видно, что Джи ковырялся в инкубаторе. «Нулевая программа!» была б нулевая, волосы были бы короткие, как он и хотел. Исподлобья и настороженно посмотрело на него отражение. Узкое мальчуковое лицо с небольшим прямым носом. Светло-карие обиженные глаза с длинными густыми ресницами. Вот про девичьи глазки он забыл. Пухлые губки этого имиджа он подкорректировал, а глазки остались коровьи. Ну, и ладно!

Хакисс

4-я глава: Хакисс провела пальцем по отражению. Густые волнистые волосы, нежно-смуглая кожа, аккуратный прямой нос и фигурный ротик. Светло-карие, даже какие-то желтые днём глаза, сейчас в слабом свете ночника, казались темными... Игрушечка!

Поэтому все эйджлесс под два метра, даже женщины. А она не достаёт Джи даже до плеча. Хакисс вздохнула и хихикнула: то есть без инкубатора она что, должна была вырасти всего до полуметра? Нет, Джи говорил, что теломорфа Хакисс и есть её истинный облик. К тому же, для работы эскуатора нужна сила мысли, а не тупые мышцы. Ей не надо быть двухметровой дылдой, и она не как все! К тому же в теломорфе громилы-Марка, которого почти не отличить от гвардейцев, ей всегда немного неудобно. Уж лучше быть тристакилограммовой львицей, у той хотя бы четыре ноги для движения.

5-я глава: Но ей же нет и двадцати лет! Её учёба только недавно кончилась!